

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ

ВЫПУСК 4

**Новосибирск
2001**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА**

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 4

**Ответственный редактор
доктор философских наук
*Ю.В.Попков***

**НОВОСИБИРСК
2001**

ББК 60.55

Э 91

*Работа выполнена в рамках проектов Российского гуманитарного научного фонда
№ 00-03-14028; 00-03-00290, издается по решению ученого совета
Института философии и права СО РАН*

Редакционная коллегия

канд. филос. наук *А.М.Аблажей*, *В.С.Золототрубов*, канд. филос. наук *В.Г.Костюк*,
д-р филос. наук *Ю.В.Попков* (отв. редактор), канд. филос. наук *Д.В.Ушаков* (отв. секретарь)

Рецензенты

доктор философских наук *Т.О.Бажутина*
кандидат философских наук *С.Н.Еремин*

**Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / Под ред. Ю.В.Попкова. –
Э 91 Новосибирск, Новосиб. гос. ун-т, 2001. – Вып. 4. – 250 с.
ISBN 5-94356-030-0**

В сборнике представлены материалы ежегодного международного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири», организуемого Институтом философии и права СО РАН. В пяти разделах книги рассматриваются три основные группы проблем: вопросы теории, методологии, методики и организации этносоциальных исследований; проблемы миграции, экологии, социального, экономического, демографического и духовного развития народов Сибири и межэтнических отношений; вопросы политико-правового регулирования этносоциальных процессов.

Сборник адресован специалистам в области этносоциологии, социальной философии, этнологии, этнографии, демографии, истории, работникам управления.

**Ethno-social processes in Siberia: Subject anthology / Ed. by Yu.V.Popkov. – Novosibirsk:
NSU, 2001. – Issue 4. – 250 p.**

In the anthology are represented the materials of the annual international seminar «Ethno-social processes in Siberia». The seminar is organised by the Institute of Philosophy and Law SD RAS. Three main problematic groups are considered in five parts of the book: theory, methodology, techniques and organisation of ethno-social investigations; problems of migration, ecology, social, economical, demographical, and spiritual development of peoples in Siberia and their interrelations; problems of political and legal regulation of ethno-social processes.

The anthology is addressed to ethnosociologists, social philosophers, ethnologists, ethnographers, demographers, historians, supervisors of administrative departments.

ISBN 5-94356-030-0

© Институт философии и
и права СО РАН, 2001

© НГУ, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск тематического сборника содержит материалы очередной сессии ежегодного международного семинара “Этносоциальные процессы в Сибири”, проходившего в мае 2000 г. в г. Красноярске. Кроме Института философии и права СО РАН, являющегося инициатором семинара, его соорганизаторами в этот раз выступили Администрация Красноярского края, Восточно-Сибирский межрегиональный территориальный орган Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации, Красноярский отдел Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Красноярский государственный педагогический университет, Красноярская краевая организация общества “Знание”.

В современном общественном сознании, особенно зарубежном, одной из наиболее популярных и обсуждаемых стала проблема глобализации. Во многих теоретических моделях этого процесса этносоциальной проблематике не остается места. Между тем все чаще обнаруживается влияние глобализации на этническую (национальную) локализацию. Отражением данной тенденции стало появление термина “глокализация”. И это не случайно. Проблемы существования разных этносов и этнических групп, а также их взаимодействия между собой имеют место практически во всех полиэтнических государствах. Как показал опыт, развитие демократии, научно-технического прогресса и модернизации не снимает вопросов этносоциального развития, напротив, часто порождает или обостряет их. Поэтому управление соответствующими процессами является важнейшей составляющей внутренней политики большинства современных государств. При этом наблюдается заметное изменение принципов, лежащих в его основе. Даже США, традиционно считающие себя единой нацией, отказались от политики “плавильного котла” (ибо его не получилось) и ныне придерживаются идеологии “винегрета”, фиксируя ценности сохранения этнокультурного многообразия.

Можно констатировать возрастание значимости этносоциальной проблематики для современной мировой и отечественной общественной науки. Ежегодно проходит множество конференций, конгрессов, симпозиумов, семинаров, непосредственно посвященных этой теме. Организуется также немало научных мероприятий, где она затрагивается при обсуждении других, более общих вопросов. Например, в рамках Первого Всероссийского социологического конгресса, проходившего в сентябре 2000 г. в Санкт-Петербурге, работала секция “Этнический фактор в социальных отношениях” и еще на одной секции – “Индивид и общество: проблемы социальной и культурной идентичности” – вопросы этнической (национальной) идентичности были среди центральных.

Особенность упомянутых мероприятий состоит в том, что они бывают, как правило, разовыми, поэтому представляемая на них информация имеет в известном смысле фрагментарный характер. В отличие от этого настоящий сборник содержит результаты работы постоянно действующего семинара. И хотя состав авторов и тематика статей сборника от выпуска к выпуску (первый из них вышел в 1997 г.) расширяются, в целом его материал отражает динамику как самой этносоциальной ситуации в Сибири, так и ее научного осмысления. Другой отличительной чертой каждого из выпусков сборника является наличие в них, кроме статей теоретико-методологического плана, также обширной, касающейся различных сторон жизни народов Сибири конкретной информации в качестве необходимой базы для обобщений и концептуальной проработки. Помимо чисто научной значимости все это, хочется надеяться, может представлять определенную ценность для органов управления при реализации концепции государственной национальной политики в регионе.

Хотелось бы поблагодарить губернатора Красноярского края А.И.Лебеда за помощь при подготовке семинара 2000 г., а также выразить признательность начальнику отдела по взаимодействию с политическими партиями и общественными объединениями краевой администрации Ю.Г.Грудину, председателю комитета по науке и образованию А.М.Лемешеву, руководителю Восточно-Сибирского межрегионального органа (ныне территориального органа в Красноярском крае) Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ В.А.Крюкову, ректору Красноярского государственного педагогического университета Н.И.Дроздову, заведующему сектором Красноярского отдела Института экономики и организации промышленного производства СО РАН Ю.Г.Бендерскому за большую организационную работу и непосредственное участие в работе семинара. Общие усилия сделали его проведение успешным.

Мы благодарны также Российскому гуманитарному научному фонду, при финансовой поддержке которого проходили подготовка отдельных научных статей, организация семинара, а также настоящая публикация его материалов.

Ю.В.Попков,
руководитель семинара
“Этносоциальные процессы в Сибири”

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

В.И. Затеев

(г. Улан-Удэ)

К ДИСКУССИЯМ О КАТЕГОРИЯХ “НАЦИЯ” И “ЭТНОС”

По поводу понятий “нация” и “этнос” с самого начала их конституирования как научных категорий ведутся, то обостряясь, то затухая, постоянные дискуссии. Это объясняется тем, что данные понятия являются не только научно-академическими, — одновременно они находятся в поле взаимодействия различных идеологических концепций и политических доктрин. Не касаясь вопроса о причинах большой политико-идеологической значимости этих научных концептов, попытаемся кратко охарактеризовать современное состояние исследований в той междисциплинарной области науки, которую в последнее время удачно стали именовать “нациеведение”.

В отечественной литературе существует три взгляда на природу наций. Первый воплощен в концепции, которую часто называют этнической, или “культурной”, второй — в этатистской, или “гражданской” концепции. Сторонники третьего взгляда, часто переплетающегося со вторым, предлагают либо вообще элиминировать категорию нации как “социальный конструкт”, “воображаемый коллектив”, некую “метафору” сознания, либо ограничиться одной только категорией “этнос”.

В центре различий этих концепций (и соответственно в фокусе дискуссий), как ни странно, оказался не вопрос о специфической природе наций и этносов, а вопрос о том, являются ли они *объективной* социально-исторической *реальностью*, обладают ли объективными характеристиками (признаками) или же, напротив, являются *мысленными* конструкциями, продуктом *субъективной* воли или волеизъявления.

Известно, что господствовавшая в советской науке марксистская концепция наций базировалась, в частности, на представлении об объективном характере национальных общностей исходя из историко-материалистического объяснения их природы и детерминистского толкования причин их возникновения. Начиная с известной дискуссии по марксистской теории наций, проходившей в 60-е и последующие годы, справедливой критике подвергалось сталинское определение нации, страдавшее целым рядом упрощений и эклектизмом. К сожалению, дискуссия закончилась малосущественными, главным образом терминологическими, коррективами данного определения (если не считать обоснованного включения в число признаков нации национального самосознания). Так или иначе, положение об объективном характере и социально-этнической природе нации осталось при этом неизменным. Следует подчеркнуть, что данное положение, развивавшееся в те годы в основном философами, было поддержано теоретиками-этнографами, абсолютное большинство которых разделяли точку зрения о стадийном характере развития этнических общностей в связи со сменой общественно-экономических формаций, а также представление о том, что нация является высшей формой социально-этнической общности людей.

Понимание сущности *нации* теснейшим образом связано с истолкованием природы *этноса*, так как это не рядоположенные, а взаимосвязанные, сопрягающиеся общности, которые, вместе с тем, не абсолютны тождественны, имеют свои особенности.

Предполагая продолжить затем анализ вопроса о нации, рассмотрим подробнее *проблему этноса*, поскольку она имеет самостоятельное научное содержание и более общее значение. Известно, что термин “этнос”, вошедший в научный обиход в начале XX в. прежде всего в этнографии (этнологии), а затем приобретший общенаучное значение, происходит от древнегреческого слова *ethnos* (“народ”). Первоначальная разработка теории этноса с биологических позиций была осуществлена в начале 20-х годов С.М.Широговым¹, русским ученым, эмигрировавшим во время гражданской войны в Шанхай. Благодаря переизданию его работ в Англии с конца 30-х годов понятие “этнос” стало употребляться и в западно-европейской, вообще мировой научной литературе. В отечественной этнографической литературе советского времени понятие “этнос” и в целом этническая терминология стали использоваться с конца 40-х — начала 50-х годов (см. работы П.И.Кушнера²). Утверждению терминов “этнос”, “этническая общность”, “этнические процессы” в этнографических исследованиях существенно способствовали подготовка и издание в 50–60-х годах многотомной серии “Народы мира”³ и труды видных этнографов — В.И.Козлова, Л.П.Лашук, С.А.Токарева, Н.Н.Чебоксарова, К.В.Чистова, Г.В.Шелепова и др.⁴.

Большой толчок разработке теории этноса дала посвященная этой проблеме дискуссия, развернувшаяся в начале 70-х годов на страницах журнала "Природа". Главными оппонентами в этой дискуссии были ленинградский историко-географ профессор Л.Н.Гумилев и директор Института этнографии АН СССР академик Ю.В.Бромлей⁵. Оба они в тот период интенсивно работали над своими концепциями этноса и в течение 70–80-х годов опубликовали капитальные исследования по данной проблеме, принесшие им мировую известность⁶. Оба ученых твердо признавали объективную реальность этноса, а расходились они в основном в понимании его природы и специфической сущности. Если Л.Н.Гумилев рассматривал этнос как явление природное, космогеографическое, а не социальное, отмечая лишь определенное влияние на него социальных факторов, то Ю.В.Бромлей, напротив, последовательно отстаивал тезис о социально-исторической сущности этноса, хотя и не отрицал влияния на него природных факторов, особенно на ранних стадиях общественного развития⁷.

Понимание этноса Л.Н.Гумилевым хорошо видно из следующего определения (а он их давал в своих работах много и разные): «...Это тот или иной коллектив людей (динамическая система), противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам ("мы" и "не мы"), имеющий свою особую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения»⁸. Подчеркивая, что язык, происхождение, обычаи, культура, идеология не являются реальными признаками нации, так как не отвечают требованию всеобщности, Л.Н.Гумилев считал, что именно «противопоставление "своих" и "чужих" ("мы" – "они"), данное членам этноса в рефлексии, служит индикатором для определения этнической принадлежности, а тем самым и особым типом системообразующей связи в этносе»⁹.

Доминирующее внимание в своей концепции Л.Н.Гумилев уделял проблеме возникновения и развития этносов, т. е. тому, что в этнологии получило название этногенеза. Последний рассматривался ученым как процесс, детерминированный в основном географическими и геокосмическими факторами, а формирование этноса – как результат совокупного действия космических энергий и особенностей ландшафта. При этом, объясняя механизм воздействия геобиохимической энергии живого вещества биосферы на так называемую этносферу (совокупность этносов Земли), решающую роль Л.Н.Гумилев отводил явлению пассионарности и "пассионарным толчкам", вызываемым мутациями и выражающимся в изменении поведенческого инстинкта. Придавая пассионарности большое значение в возникновении и смене этносов в историческом развитии, ученый сам называл развиваемую им концепцию этногенеза пассионарной. Однако не положение об определяющей роли природной среды в детерминации природы этноса, не тезис о его несоциальном характере, а именно теория пассионарности явилась наиболее слабым, фактически и эмпирически необоснованным звеном его концепции, за что последняя до сих пор подвергается критике. В то же время теория пассионарности Л.Н.Гумилева имеет немало приверженцев, особенно среди ненаучной интеллигенции, поскольку ее сегодня невозможно ни доказать, ни опровергнуть методами верификации.

Намного большее число сторонников и более широкое распространение в отечественной и мировой литературе получила концепция этноса, разработанная академиком Ю.В.Бромлеем и его школой. В рамках этой концепции этнос рассматривается как "исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)"¹⁰. Из этого определения следует, что этносы как определенные социальные общности характеризуются несколькими собственно этническими свойствами-признаками, из которых главными являются два: своеобразная культура и этническое самосознание. Причем эти свойства формируются только в соответствующих условиях – территориальных, природных, социально-экономических, государственно-правовых¹¹.

Следует особо подчеркнуть, что, согласно представлениям Ю.В.Бромлея, этнос являет собой не простую сумму признаков, а определенное целостное образование, в котором основную системообразующую роль могут выполнять различные его объективные компоненты – в зависимости от конкретных исторических условий. Рассматривая в целом этнос как специфическое социальное явление (общность), Ю.В.Бромлей исходил из теснейшей связи собственно этнических явлений с социально-экономическими, которыми первые в конечном счете и обусловлены. Учитывая разные связи этнического и социально-экономического (от детерминации до корреляции), он выделил две основные формы существования этноса: "этносоциальный организм" как синтез этнического и социально-экономического при определяющей роли последнего (этнос в широком смысле, примером которого является нация как социально-этническая общность) и "этникос" как воплощение в некоторых общностях только собственно этнического, независимого от социально-экономических факторов, но не существующего в действительности вне рамок определенных социальных институтов (общины, семьи, государства), т. е. этнос в его узком значении.

Опираясь на общее положение об исторически изменяющемся характере этноса, Ю.В.Бромлей не только последовательно придерживался общепринятой среди советских этнографов историко-стадиальной типологии этносоциальных общностей (племя, народность, нация) но и выделял “нестандартные” формы этнических образований, характерные для ряда регионов земли (например, для Меланезии, Южной Азии, и в частности Индии, Индонезии). Одновременно Ю.В.Бромлей предложил две классификации этносов: ареальную (конкретно-диффузную) и этнолингвистическую (генетическую). Наконец, он пытался рассматривать процесс развития этносов не только в стадиальном (формационном) аспекте, но и в связи с развитием цивилизаций, т.е. в пространственно-культурном аспекте. К сожалению, из-за неразработанности в 70–80-е годы цивилизационного подхода в изучении социума и его отдельных форм ученый не смог более обстоятельно исследовать проблему “этнос и цивилизация”.

В наши дни большинство российских этнологов и других обществоведов продолжают рассматривать этнос как объективно-реальную общность, сложившуюся в ходе исторического развития общества. Вместе с тем в литературе отмечаются и некоторые недостатки концепции Ю.В.Бромлея. Один из них – это жесткая привязанность данной концепции к культуре, недостаточный учет влияния природно-климатических факторов на этногенез и в целом этнические процессы. Другой недостаток – рассмотрение процесса развития этнических общностей преимущественно с позиций формационной парадигмы истории, недооценка цивилизационного подхода при анализе конкретно-специфических форм этнических образований, которые значительно многообразнее, чем это зафиксировано в соответствующих классификациях, предложенных ученым.

Итак, в 60–80-е годы отечественной школой этнологии (этнографии) была разработана оригинальная научно обоснованная интегральная теория этноса, включавшая в себя концепции Ю.В.Бромлея, Л.Н.Гумилева, Н.Н.Чебоксарова, С.А.Арутюнова, В.И.Козлова. Главными из этих концепций были две первых, которые при определенном методологическом несходстве составили оригинальное ядро теории, не имеющее аналогов в мировой науке. Отмечая, что отечественная школа этнографии внесла самый весомый вклад в разработку теории этноса, Е.А.Веселкин подчеркнул, что «советская этнография со своей концепцией этноса-объекта оказалась более методологически подготовлена к “этническому взрыву”, нежели западная»¹². Это обстоятельство отчасти объясняется тем, что в зарубежной, в частности англо-американской, литературе даже основной термин “этнос” в этнологических и культурно-антропологических исследованиях традиционно и в течение долгого времени использовался главным образом применительно к сравнительно небольшим и в территориальном плане локальным группам людей. Лишь в последние годы этот термин стал употребляться в более широком смысле – для обозначения любых, в том числе современных, народов. Но понятие “этнос” в зарубежной этнологии так и не приобрело категориального статуса, а это стало одной из причин того, почему она не создала общую теорию этноса¹³.

Зато в недрах западной, преимущественно американской, этнологии и культурной антропологии начиная с 70-х годов стала активно разрабатываться концепция этничности, что было связано с необходимостью объяснения массовых этнических и расовых волнений, происходивших в США в эти годы. Хотя понятие “этничность” было производным от термина “этнос”, оно привлекло внимание представителей многих гуманитарных наук, так как имело значительный объяснительный потенциал и практическую направленность. В конечном счете обозначилось три разных подхода к этническим феноменам: примордиалистский (объективистский), инструменталистский и конструктивистский. Хотя это и не вполне корректно (поскольку этничность и этнос – неодинаковые явления), признано, что примордиалистское представление об этносе (эволюционно-исторического толка) до 60–70-х годов XX в. практически доминировало в мировой науке, а в отечественной – было единственным до начала 90-х годов. После 70-х годов на Западе получили развитие инструменталистское (гедонистическое) направление в понимании этничности (Н.Глезер, Д.Мойнихан и др.), а также конструктивистское (Б.Андерсон, Р.Бурдье, Э.Геллнер, Э.Хобсбаум)¹⁴.

Последнее направление приобрело наибольшую известность и получило некоторое распространение в российской этнологии в постперестроечный период, т.е. в течение 90-х годов. Главным представителем конструктивизма здесь выступает В.А.Тишков, который с методологических позиций постмодернизма настойчиво проводит в своих работах идею о том, что этносы якобы бытуют исключительно в головах этнографов и что вместо этой “умственной конструкции” реально существует лишь некоторое “культурное многообразие, мозаичный, не стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры”¹⁵. В другой работе этот же автор призывает “отказаться от определения этноса как некоей эпохальной социальной формы”. По его мнению, “этнос как естественный феномен, скорее, есть интегративная социальная функция для определения категории людей в глобальной политико-экономической системе и культурном космосе”¹⁶.

По существу, подобные взгляды на этнос высказывались еще в 60-х годах некоторыми зарубежными авторами. Так, В.Мюнниман определял этнос как совокупность людей, объединяемую субъективным осознанием своей общности, как "единство, создаваемое людьми"¹⁷, а Э.Геллнер, считающийся на Западе крупным специалистом по национально-этническим проблемам, предложил рассматривать этнос в качестве "продукта человеческих убеждений, пристрастий", как "результат взаимного признания определенных прав и обязанностей по отношению друг к другу"¹⁸.

Примечательно, что в последнее время в зарубежной, и в частности в англо-американской, обществоведческой науке, которая в недалеком прошлом отводила изучению этносов место только в этнологии, стали выступать ученые, рассматривающие этнические явления с более широких социальных позиций. Так, упоминавшиеся Н.Глезер и Д.Мойнихан справедливо указывают: "Если раньше этнические группы рассматривались как пережитки более ранних эпох... то теперь мы все в большей мере склонны считать, что они могут быть феноменами социальной жизни, которые способны обновляться и модифицироваться"¹⁹.

Вернемся теперь к рассмотрению проблемы нации, которая, на наш взгляд, должна решаться в тесной связи с проблемой этноса, но при этом имеет самостоятельное содержание и значение. Как известно, начиная с XIX в. было создано немало разных теорий о сущности нации: этатистская (Э.Ренан), психологическая (О.Бауэр, Р.Шпрингер), марксистская (К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин), историко-экономическая (К.Каутский), этнографическая (С.А.Токарев, Ю.В.Бромлей, В.И.Козлов) и др. Не останавливаясь на характеристике каждой из этих известных теорий, отметим, что в настоящее время понятие "нация" употребляется в двух значениях: в значении *этноса* (точнее, этнонации) как формы социально-этнической общности и в значении *согражданства*, т.е. политического объединения граждан данного государства. В таком двояком употреблении термина "нация" нет ничего необычного и предвзятого, — это связано в основном с традициями (первое значение термина издавна бытует в России, второе — во многих западных странах). Но в том и другом случае нация рассматривается как объективно-реальное явление, а не как продукт сознания.

Важно отметить, что объективный характер нации признавали многие выдающиеся западные и русские социологи и философы конца XIX — начала XX в., такие как М.Вебер, Э.Дюркгейм, П.Л.Лавров, П.А.Сорокин, Н.А.Бердяев и др. Все они, в противовес различным вариантам психологической (субъективистской) теории нации, считали национальную общность объективной как по условиям возникновения, так и по своей сущности. Толкование природы нации как объективной реальности было в целом характерно для марксистской научной мысли советского времени, но осталось доминирующим и в современной российской учебной, справочной и научной литературе "нового поколения" по этнологии, социологии, философии и др.²⁰

Вместе с тем в постсоветской России среди части ученых (но больше среди политиков и публицистов) довольно широкое распространение получила этатистская (гражданская) концепция нации, отождествляющая нацию с государством и направленная против этнокультурного толкования национальной общности (в целом этноса). Активным пропагандистом этатистской концепции в сегодняшней России выступает упоминавшийся выше В.А.Тишков. Как ни странно, являясь директором Института этнологии и антропологии РАН, он, вместо того чтобы отстаивать и развивать этническую концепцию нации, настойчиво подвергает ее сокрушительной, малодоказательной критике, при этом часто сближая эту теорию с марксистской, которую вообще не считает хоть сколько-нибудь заслуживающей внимания. В своем стремлении доказать, что "нация" — это категория семантико-метафорическая, которая обрела в истории большую эмоциональную и политическую легитимность и которая не стала и не может быть категорией анализа, т.е. стать научной дефиницией²¹, В.А.Тишков призывает вообще отказаться от понятия нации как объективной этнической общности, ибо, по его мнению, "нация" — это якобы слово-метафора, "академически пустое слово", и оно "должно быть исключено из языка науки"²². Обстоятельная критика взглядов В.А.Тишкова неоднократно давалась в отечественной научной литературе²³.

Если В.А.Тишков полагает, что этнос и нация являются категориями лишь политического сознания, не имеют объективного характера, то А.Г.Здравомыслов, развивающий релятивистскую теорию наций, считает, что его теория "преодолевает крайности объективистской и субъективистской трактовки самого понятия нации и рассматривает нации не изолированно друг от друга, а в контексте взаимных отношений и взаимного восприятия"²⁴. Поясняя свою теорию, он утверждает, что, согласно релятивистской концепции, "само существование данной нации... становится возможным благодаря существованию других наций", что нации — это "не абсолютно заданные величины, константы, с которыми необходимо считаться", а "меняющиеся общности"²⁵. Как видно, А.Г.Здравомыслов, пытаясь найти компромисс между объективистским и субъективистским толкованием понятия нации, предлагает лишь смягченную и не вполне последовательную его трактовку. Критический анализ релятивистской концепции А.Г.Здравомыслова дан в ряде недавно опубликованных работ²⁶.

Итак, констатируя весьма сложную природу нации, следует подчеркнуть, что наука XIX – начала XX в. имела дело в основном с европейскими нациями, которые, по общему признанию, явились продуктом буржуазно-индустриальной эпохи общественного развития. Что касается наций других континентов и регионов, то, как показали исследования второй половины XX столетия, история их возникновения характеризуется большим своеобразием и неоднозначностью. Но и в Азии, Африке, Австралии, Северной и Южной Америке, на крупных архипелагах островов нации, как правило, возникали на базе прежде всего объективных социально-экономических условий при огромном влиянии политических, идеологических, социально-психологических факторов. Вместе с тем в образовании всех наций, а в особенности наций упомянутых регионов большую роль играли национально-освободительные движения, в ходе которых выдвигалась идея создания национальных отечеств. Нации как раз и становились общественной силой в борьбе за становление таких отечеств. Необходимо согласиться с Ю.И.Семеновым, который в одной из недавних работ связывает образование наций главным образом с борьбой за отечество. “Нация, – пишет он, – есть совокупность людей, имеющих одно отечество”²⁷.

В 1999 г. вниманию российских ученых, занимающихся этносоциальной проблематикой, была представлена еще одна концепция нации, претендующая на интегративный характер. Ее автор, М.О.Мнацаканян, поставил задачей с позиции этносоциологии проанализировать основные концепции нации, этноса, национального характера и, выявив их позитивные и негативные моменты, сформулировать новое, свободное от недостатков прежних теории “синтетическое” понимание нации, которое он называет “интегральной теорией”²⁸. Опираясь на известную идею интегрализма П.А.Сорокина как главный принцип его философской методологии, М.О.Мнацаканян рассматривает нацию как специфическую социокультурную систему, имеющую не только объективный характер, но и свою субстанцию, которую образуют особые связи – проводники символического взаимодействия и взаимовлияния людей, обеспечивающие их единство и составляющие первооснову национальной жизни. В итоге ученый дает следующее определение нации: “Нация – социокультурная общность людей, сложившаяся исторически и характеризующаяся территориально-хозяйственным и историко-культурным единством, осознаваемым индивидами и составляющим ядро духовной жизни, традиций, психологии”²⁹. Не подвергая эту новую теорию нации подробному анализу, отметим лишь, что, на наш взгляд, она мало чем отличается от господствующей в российском обществознании объективистской концепции нации, в основе которой лежат творчески переработанная историко-материалистическая и культурно-этнографическая теории.

В заключение можно сказать, что проводившиеся в последние годы эмпирические и теоретические исследования в области этнологии позволяют считать, что нация, как и этнос, формой которого она является, имеет объективный характер. Вместе с тем в ее возникновении огромную роль играют субъективные факторы, а именно, воля, стремления самих людей (конечно, далеко не всех, а обычно связанных экономическими интересами, единой территорией проживания, общим языком, самосознанием, культурой, борьбой за отечество).

Сегодня совершенно очевидно, что теория нации нуждается в существенном обновлении, и прежде всего в модернизации ее методологических основ. При этом возможно сочетание двух подходов – объективного и субъективного. С одной стороны, имеет право на существование сложившийся в отечественном обществознании подход к нации как объективной общности людей, характеризующейся совокупностью определенных признаков. С другой стороны, столь же правомерен доминирующий в западной науке взгляд на нацию как продукт человеческих убеждений и стремлений, как результат действия субъективных факторов. В итоге нельзя не согласиться с резонным мнением о том, что создание обновленной концепции нации должно предполагать “опору на все позитивные достижения отечественной и мировой науки, потребность в синтезе разных подходов и методологических позиций, что может способствовать более всестороннему и глубокому исследованию”³⁰.

Примечания

¹ См., например: *Широкогоров С.М.* Этнос: Исследование основных принципов изменения этнической и этнодемографических явлений. – Шанхай, 1923.

² См.: *Кушнер П.И.* Национальное самосознание как этнический определитель // КСИЭ. – 1949. – Вып.8; *Он же.* Этнические территории и этнические границы // Тр. Ин-та этнографии. – Нов. сер. – М., 1961. – Т. 15.

³ См.: *Народы мира: Этнографические очерки.* – М., 1954–1966.

⁴ См.: *Козлов В.И.* О понятии этнической общности // Сов. этнография. – 1967. – № 2; *Лашук Л.П.* О формах донациональных этнических связей // Сов. этнография. – 1967. – № 4; *Токарев С.А.* Проблема типов этнических общностей // Вопр. философии. – 1964. – № 11; *Чебоксаров Н.Н.* Проблема типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Сов. этнография. – 1967. – № 4; *Чистов К.В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // Сов. этнография. – 1972. – № 3; *Шелепов Г.В.* Общность происхождения – признак этнической общности // Сов. этнография. – 1968. – № 4; и др.

- ⁵ См., например: Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. – 1970. – № 1–2; Он же. Этногенез – природный процесс // Природа. – 1971. – № 2; Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // Природа. – 1970. – № 2; Он же. Несколько замечаний о соотношениях и природных факторах этногенеза // Природа. – 1971. – № 2; и др.
- ⁶ См., например: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М., 1973; Он же. Современные проблемы этнографии. – М., 1981; Он же. Очерки теории этноса. – М., 1983; Он же. Этнонациональные процессы: теория, история и современность. – М., 1987; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1979; Л., 1989. – Вып. 1–3; Он же. География этноса в исторический период. – Л., 1990; Он же. Этносфера: История людей и история природы. – М., 1993.
- ⁷ См.: Бромлей Ю.В. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза // Природа. – 1971. – № 2. – С.83, 84.
- ⁸ Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – С.285.
- ⁹ Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Социс. – 1992. – № 1. – С.52.
- ¹⁰ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – С.27.
- ¹¹ См.: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – С.30–32.
- ¹² Веселкин Е.А. Культурная антропология в США: теория и действительность (взгляд со стороны) // Этнографические науки за рубежом: проблемы, поиски, решения. – М., 1991. – С.21.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. – М., 1999. – С.32–35.
- ¹⁵ Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этногр. обозр. – 1992. – № 1. – С.8.
- ¹⁶ Тишков В.А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопр. философии. – 1990. – № 12. – С.15.
- ¹⁷ Munitzmann W. Rassen, Ethnien, Kulturen. – Berlin, 1964. – S.57.
- ¹⁸ Геллнер Э. Нации и национализм // Вопр. философии. – 1989. – № 7. – С.184.
- ¹⁹ Этническая проблематика в современной американской науке. – М., 1985. – С.12.
- ²⁰ См., например: Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.В. Социология: парадигмы и темы. – М., 1997; Крапивенский С.Э. Социальная философия. – 4-е изд. – Волгоград; Москва, 1999; Национальные отношения: Словарь / Под ред. В.Л.Калашникова. – М., 1997; Спиркин А.Г. Философия: Учебник для вузов. – М., 1998; Учебный социологический словарь / Под ред. С.А.Кравченко. – 2-е изд. – М., 1997; Этнологический словарь: Вып.1. Этнос. Нация. Общество. – М., 1966; Этнология / Под ред. Г.В.Маркова и В.В.Пименова: Учебник для вузов. – М., 1994; и др.
- ²¹ См.: Тишков В.А. Забыть о нации: Постнационалистическое понимание национализма // Вопр. философии. – 1998. – № 2. – С.8, 18 и др.
- ²² См.: Тишков В.А. О нации и национализме // Свобод. мысль. – 1996. – № 3. – С.35 и др.
- ²³ См., например: Зытеев В.И. К определению понятия "этносоциальная структура" // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Сер.5. – Вып. 2; Козлов В.И. Национализм и этнический нигилизм // Свобод. мысль. – 1996. – № 6; Краснянский Д.В. К категориям "нация" и "этнос" // Философия и общество. – 1998. – № 6; Руткевич М.Н. Теория нации: философские вопросы. – 1999. – № 5; Он же. О двух концепциях нации // Свобод. мысль. – 1999. – № 11; Тадевосян Э.В. Этнонация: миф или реальность? // Социс. – 1998. – № 6.
- ²⁴ Здравомыслов А.Г. Релятивистская теория нации и рефлексивная политика // Обществ. науки и современность. – 1997. – № 4. – С.118, 119.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См., например: Тадевосян Э.В. Этнонация: миф или реальность?; Мнацаканян М.О. Нации: психология, самосознание, национализм: Интегральная теория. – 2-е изд. – М., 1999.
- ²⁷ Семенов Ю.И. Социально-исторические организмы: этносы, нации // Этногр. обозр. – 1996. – № 3. – С.4.
- ²⁸ См.: Мнацаканян М.О. Нации: психология, самосознание, национализм...; Он же. Об интегральной теории национально-этнической общности // Социс. – 1999. – № 9; Он же. Нации, "нациостроительство" и национально-этнические процессы в современном мире // Социс. – 1999. – № 5.
- ²⁹ Мнацаканян М.О. Нации: психология, самосознание, национализм... – С.113, 114.
- ³⁰ Серебрякова Ю.А. Национальное самосознание и национальная культура: сущность, специфика, взаимодействие: Социально-философский аспект. – Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Иркутск, 1997. – С.14.

Л.С.Рубан
(г. Москва)

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

В настоящей статье будет подробно рассмотрен российский и зарубежный, в частности североамериканский, опыт освещения методологических подходов в этносоциологии. Если мы обратимся к характеристике крупнейших современных социологических теорий этничности, то в первую очередь следует рассмотреть две из них – *ассимиляционизм* и *ситуационизм* во всем многообразии трактовок соответствующих терминов.

Перед второй мировой войной доминирующей теорией в этносоциологии был ассимиляционизм, который берет свое начало в работах Р.Парка и представителей чикагской школы. Ассимиляционисты доказывали, что этнические группы со временем утрачивают свои культуры и связи. Сегодня такая перспектива часто трактуется как этноцентрическая, но в свое время Р.Парк и его коллеги находились на переднем крае борьбы против расистских элементов. Р.Парк считал, что этничность не была постоянной, неподвижной биологической чертой.

Итак, *ассимиляция* – это процесс приспособления индивидов к жизни в новой этнической среде, который предполагает полное исчезновение группы этнического меньшинства или иммигрантской группы как насильственным путем (посредством сегрегации), вплоть до изгнания и уничтожения, так и мирным – посредством постепенного усвоения такими группами чуждой для них культуры, чаще всего культуры большинства; изменение первоначальных социальных моделей через взаимопроникновение культур; усвоение этнической группой или иммигрантом привычек, обычаев, стиля жизни и культурных черт группы большинства. Такой процесс называется культурной ассимиляцией, или *аккультурацией*. В западной традиции считается, что для истории американской ассимиляции характерно взаимопроникновение культур. На наш взгляд, процесс формирования американской гражданской (в противоположность этническим) нации, получивший наименование “*плавильного котла*”, является разновидностью процесса ассимиляции.

Термин “плавильный котел” часто используется для описания американской этнической модели, в рамках которой группы утрачивают свою этническую культуру и идентичность в процессе усвоения новой американской культуры и идентичности. Так как в российских научных, политических и околонуточных кругах данная этническая модель часто идеализируется и предлагается как образец, стоит подробно остановиться на ее характеристике – критической, а иногда и скептической, сделанной самими американцами (причем ряд американских ученых считают, что модель “плавильного котла” себя не оправдала и исчерпала к настоящему моменту).

В концепции “плавильного котла”¹ подчеркивается “единение в различии”, присущее американской нации – “нации иммигрантов”. Термин “плавильный котел” давал объяснение тому, как иммигранты, прибывая в США, “сбрасывают” свои национальные и этнические особенности и американизируются, принимая доминирующий язык и общую социальную и политическую культуру. Это явление американские ученые-политологи называли процессом национальной интеграции.

Сегодня уже не все американцы очарованы идеей “плавильного котла”, как когда-то. Они уже понимают, что многие люди, находящиеся в этнической мозаике США, не совсем “вплавившись” в общую культуру. В настоящее время в Соединенных Штатах существует большой интерес к истории и корням многих этнических и национальных групп. При этом некоторые американские политологи считают, что результатом упомянутого процесса “вплавливания” явилось то, что разъединение распространилось больше, чем единение. Популярность термина “афроамериканец” в современной Америке свидетельствует о том, что одна из больших групп населения так и не “вплавилась”. Д.Мойнихан и Н.Глейзер были первыми, кто отметил этот феномен в своей книге “За плавильным котлом”² (1963 г.).

В академических американских кругах сейчас принято говорить о “культурном плюрализме”, “политическом плюрализме”, “политической правильности”. Эти концепции отражают озабоченность тем, насколько хорошо достигнуто в Америке “единение в различии”, при этом они ориентированы на выяснение того, какого типа единения пытается достигнуть американское общество, если учитывать все разнообразие американской культуры.

Например, Т.Лоуи утверждает, что США страдают от избытка разнообразия, от “гиперплюрализма”. Некоторые же американские политологи полагают, что фрагментация достигла такой стадии, что уже угрожает всей политической системе США. В частности, историк А.Шлезингер, написавший в 1992 г. книгу “Разъединение Америки: взгляд на многокультурное общество”, выразил эту тревогу следующим образом: “Этническая ярость... не только отвлекает внимание от реальных проблем, но и ухудшает эти проблемы. Недавний апофеоз этничества, черных, коричневых, красных, желтых, белых оживил невеселую перспективу того, что в счастливые дни плавильного котла американцы считали, что республика преодолевала эти проблемы, т.е. общество, разделенное на отдельные этнические группы, двигалось вперед. Культ этничества преувеличивает различия, интенсифицирует антагонизмы и проводит еще глубже черту между нациями и расами”³. В общем, концепция “единения в различии” порождает не прекращающиеся напряженные дебаты в американской политике. И все же, если принять во внимание все американские конфликты, США удалось избежать дезинтеграции, за исключением короткого четырехлетнего периода Гражданской войны, и удастся сохранять интеграцию вот уже в течение 200 лет.

На наш взгляд, для описания североамериканской модели этнических отношений более подходит термин не “плавильный котел”, а “этническая мозаика”, часто использующийся для описания канадской этнической модели, в рамках которой этнические группы стремятся сохранить свою этническую культуру и идентичность, а также термин “культурный плюрализм”, используемый для характеристики политики канадского правительства, способствующего сохранению ценностей, унаследованных различными этническими группами, и предоставляющего равные возможности всем этническим группам, составляющим канадское общество.

Итак, подходы к пониманию этничности весьма разнообразны, но если следовать типологии, предложенной Я.Кроуфордом, то их можно свести к следующим трем: *примордиалистскому, инструменталистскому и конструктивистскому*.

В рамках примордиалистского подхода этничность рассматривается в качестве естественного, врожденного и неискоренимого начала.

Сторонники инструменталистского подхода характеризуют этничность прежде всего как средство, используемое различными элитами в конкурентной борьбе за достижение материальной и политической выгоды. Они заявляют, что в основе притязаний некоей общности считаться отдельным этносом всегда лежит политический миф, который сознательно создается, распространяется и зачастую используется для манипуляции общественным сознанием со стороны элит, стремящихся к власти.

В противоположность примордиалистам, инструменталисты и конструктивисты склонны рассматривать этнические границы как элементы, находящиеся в процессе постоянного изменения, постоянных утрат и приобретений, т.е. этнические границы рассматриваются ими как проницаемые и относительно подвижные.

Сторонники конструктивистского подхода трактуют этническое сознание как обусловленное социально, а изучение феномена этничности, по мнению конструктивистов, должно быть сфокусировано на процессах формирования, развития и распада этнического самосознания. Конструктивисты подчеркивают, в частности, что самосознание отдельной личности может быть множественным (например, родитель, русский, ученый), а иногда гнездовым (например, москвич, русский, европеец)⁴.

Обратимся к характеристике, данной профессором В.А.Тишковым, директором Института этнологии и антропологии РАН. Он указывает, что понятием “народ” в смысле этнической общности в современной науке чаще всего обозначается группа людей, члены которой имеют общее название и элементы культуры, разделяют миф об общем происхождении, ассоциируют себя с особой территорией и обладают общей исторической памятью и чувством солидарности. Все эти признаки – результат особых усилий, и особенно процесса нациестроительства. Самый важный из указанных признаков – солидарность, а национальная принадлежность – это своего рода “постоянный внутренний референдум” относительно принадлежности и лояльности к той или иной коллективной общности, результат воспитания и социализации человека⁵.

Итак, само понятие “этничность” (“ethnicity”) происходит от греческого слова “этнос”, означающего народ или нацию. Многие социологи используют термин “ethnic” (“этнический”) для удобства обозначения групп, выделяющихся по расовым, национальным, религиозным, языковым и культурным критериям. В североамериканской традиции этническая группа может быть описана как коллектив людей, которые, во-первых, произошли от общих предков; во-вторых, имеют некоторые общие культурные черты; в-третьих, в значительной степени социально влияют друг на друга; в-четвертых, обычно осознают групповые связи, хотя могут их и не принимать, или игнорировать. При этом этническая группа должна признаваться в качестве таковой многими народами или нациями вне ее.

В российской научной среде чаще употребляют понятие “нация”. Если мы обратимся к отечественному дооктябрьскому опыту осмысления национального вопроса, то следует остановиться на высказываниях одного из крупнейших русских ученых рубежа XIX–XX вв. – социолога М.М.Ковалевского. Выясняя, что такое национальность и каковы ее общие черты, М.М.Ковалевский отмечал, что существует “одна общая черта – осознание взаимной зависимости и общности исторического прошлого, языка, других культурных особенностей, в их числе – веры, наконец – сознание общности интересов в настоящем”. Национальность, таким образом, проявляется прежде всего “в чувстве взаимного тяготения, т.е. в области не экономической и не политической в строгом смысле слова, а в области народных чувствований и желаний, т.е. явлений психологического порядка”⁶.

Говоря о решении национального вопроса в многонациональных государствах, М.М.Ковалевский утверждал, что “в государствах, обнимающих собой несколько национальностей, осознание взаимной принадлежности друг к другу лиц, связанных общностью языка, исторического прошлого, единства интересов в настоящем, могло бы сделаться, и действительно делалось, разлагающим фактором всякий раз, когда численно преобладающая национальная группа считала себя призванной навязать свои культурные особенности другим, менее численным”. В России же “первые проявления политического сепаратизма вызваны были нежеланием признать за единоплеменными с великороссами народностями права самостоятельного развития их культурных особенностей”⁷.

Итак, в зависимости от национальной политики государства, заключает М.М.Ковалевский, “национальный принцип может сделаться в равной мере и центробежной, и центростремительной силой”⁸.

Современники М.М.Ковалевского также не обошли своим вниманием национальный вопрос. В частности, П.Л.Лавров утверждал следующее: “Требование поддержать свою национальность как самостоятельную и обособленную единицу вполне законно, так как соответствует стремлению к тому,

что идеи, в которые человек верует, язык, на котором он говорит, желанные цели, которые он ставит, вошли живым элементом в будущее, переродились бы согласно требованиям прогресса, но отнюдь не вымерли”⁹.

Однако более интересна, на наш взгляд, история развития понятия “нация” уже в советский период. В учебнике по марксизму-ленинизму давалось такое определение нации: “Под нацией марксизм-ленинизм понимает исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на основе общности языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющуюся в общности культуры” (И.В.Сталин)¹⁰. История возникновения сталинского определения нации проста, несколько скандальна и связана с тем, что Сталин был талантливым популяризатором и компилятором. В разных научных теориях он выискивал интересные моменты, переформулировал (а иногда лишь перемещал местами) понятия и излагал их четко и доступно.

Где же надо искать источник знаменитой сталинской концепции нации? Фрагментарно части этой четырехчленной конструкции встречаются у ряда зарубежных и русских авторов. Однако в силу объективных обстоятельств (длительные заключения, ссылки, побеги) и субъективных моментов (незнание иностранных языков) вряд ли Сталин мог с ними ознакомиться. Источник, который был ему доступен, – ленинские работы. В небольшой и малоизвестной широкому кругу читателей работе В.И.Ленина, даже скорее рабочем наброске, а именно, в “Тезисах реферата по национальному вопросу” мы найдем прообраз сталинской концепции нации:

“6) – Национальный вопрос должен быть поставлен исторически и экономически. Национальный вопрос явление мировое.

8) экономические основы... язык.

9) Сплочение национальных областей (воссоздание национального языка, создание национального государства. Экономическая необходимость его...)

14) О.Бауэр. Нация – Kulturgemeinschaft* “Лозунг “национальной культуры” ((красной нитью)). Национальный характер – главное...”¹¹.

Следует отметить, что в западной научной мысли концепция нации также активно разрабатывалась. Существовало марксистское направление, представители которого, в частности французский социалист Э.М.Вальян, трактовали понятие “нация” следующим образом: “Нация, как она определилась в своей истории, представляет собой необходимый элемент человеческого прогресса. Желательно, чтобы нации благодаря своей внешней независимости и своей внутренней свободе развивали свои способности и энергию не с целью уменьшения или подчинения других наций посредством войн и боевых пошлин, а для того, чтобы урегулировать свои экономические и политические отношения с ними к общей выгоде их производства и развития”¹².

Имеются также два других подхода. Представители первого признают реальное существование нации как общности, объективный характер ее признаков. Так, профессор Бирмингемского университета Л.Тайви пишет: “Нация – это естественная единица общества: она реально существует, а не является навязанным действительности искусственным образованием. Нация не есть нечто предпочтительное или желаемое. Основы этой общности – в разделяемых всеми ее членами интересах и жизненном опыте, накопленном в ходе истории и воплощенном в литературе, музыке, спорте, кухне, привычках и морали. Даже религия может принимать различные национальные формы”¹³.

Другой представитель этого направления, американский политолог К.Дойч, сформулировал “функционально-коммуникативную” концепцию нации, подчеркнув значимость экономических факторов. По его мнению, современное индустриальное общество, складываясь и развиваясь под воздействием производства и обмена, ведет к возникновению стабильных коммуникативных систем в пределах стран. Однако экономические факторы – всего лишь сопутствующие явления в сущности нации. Основа нации – в социальной коммуникации, смысл которой состоит в национализме, обуславливающем способность людей более эффективно общаться между собой внутри национальной общности, чем с людьми находящимися вне ее¹⁴.

К.Дойч считает, что нацией может быть лишь народ, имеющий свое национальное государство. “Нация, – пишет он, – это результат трансформации людей или нескольких этнических элементов в процессе социальной мобилизации. Нацией становится народ, который приобрел контроль над некоторыми институтами социального принуждения, что ведет в конечном счете к образованию вполне развитого национального государства”¹⁵. При этом, полагает К.Дойч, в силу национальных интересов народы обязательно находятся в противоборстве, все больше изолируются друг от друга, а идеологической основой этой изоляции выступает национализм¹⁶.

Сторонниками этого направления в формулировании концепции нации являются также С.Липсет, выделяющий в нации психический аспект, который отражает исторический опыт людей, и К.Боулдинг, характеризующий нацию как воплощение национального сознания, которое он считает наиболее активной

движущей силой общества в XX в. Представитель другого направления, П. Лэслетт, напротив, полагает, что нация есть метафора и “ничего более”, что это идеальная проекция от субъективных ощущений к абстрактной материализации. Причем он отмечает, что нация обусловлена феноменом идентификации собственной личности с определенным коллективом.

Американский политолог и этнолог У. Коннор основной национальных связей считает чувство, утверждая, что “именно обретение чувства групповой принадлежности превращает этническую группу в нацию”, а само чувство, по мнению этого исследователя, проявляется прежде всего в форме этнонационализма¹⁷.

Раскрывая сущность нации, другой представитель данного направления американский философ Г. Кон определяющую роль в соотношении общность – индивидуум отводит последнему. “Надо помнить, – пишет он, – что хотя мы и говорим о нациях, все же главным в процессе самоотождествления (а именно это определяет, сознает ли человек свою принадлежность к этнической группе и поэтому действует ли он, как правило, активно или нет) является индивидуум”¹⁸.

В западной традиции понятия “нация” и “этническая группа” не разведены. Так, У. Коннор трактует этническую группу как основную культурную группу, применяя категорию “этническая группа” не только к меньшинствам и “исчезающим группам”, но и к господствующим нациям больших государств. Такую же позицию относительно данного понятия занимают Н. Глейзер и Д. Мойнихан из Гарвардского университета. Эта позиция изложена в их книге “Этничность: теория и опыт”. Термин “этнос”, по мнению этих исследователей, отражает новую действительность, а новое его употребление будет сопряжено с постоянным расширением термина “этническая группа”, который будет обозначать как малые и окраинные, пограничные подгруппы, находящиеся на грани исчезновения, так и главные элементы общества¹⁹.

Большое значение в западной этносоциологии придается роли этнических факторов. Это нашло отражение в крупной научной дискуссии, в которой приняли участие ведущие представители американской науки – Т. Парсонс, Д. Белл, Д. Мойнихан, Н. Глейзер, Р. Пайпс и др. В ходе этой дискуссии Т. Парсонс так определил значимость этноса: “Этносом мы называем главное средоточие групповой принадлежности, т.е. организацию многих людей в отличительные группы и... установление солидарности и лояльности отдельных людей по отношению к своей группе”²⁰. Д. Белл отметил, что в последнее время “структурные изменения в обществе имели тенденцию уменьшать роль собственности, и класс, кажется, давно уже не несет в себе какой-либо сильной эмоциональной привязанности; то, что некогда было идеологией, теперь стало почти исключительно интересом. Поэтому этнос стал играть большую роль, так как он способен соединить интерес с эмоциональной привязанностью. Этнос дает человеку осязаемый набор общих особенностей – в языке, пище, музыке, названиях, когда другие социальные роли становятся абстрактными и безразличными”²¹.

Обобщая опыт как западной, так и отечественной традиции в определении понятия “нация”, хотелось бы вернуться к терминологическому разграничению и трактовке понятий сакрального характера, таких как “патриотизм”, “Родина”, “Отечество”. Важность этих понятий заключается в том, что они входят в блок политических символов и выполняют не только прагматическую функцию, но также имеют эмоционально-оценочную окраску и являются инструментом идеологического манипулирования. Созданные политической элитой, эти символы служат формированию определенной политической психологии в целях оправдания и обеспечения поддержки конкретной политики.

Рассмотрим смысловую эволюцию понятий “патриотизм”, “национализм”, “интернационализм”.

В международной политологической терминологии понятие “национализм” означает просто патриотизм по отношению к своей стране и не имеет негативной окраски. “Патриотизм” – также категория историческая, и подлинное рождение патриотической идеи в современном смысле следует отождествлять с рождением французской нации. Российский патриотизм – явление достаточно недавнее. В России патриотический всплеск начался в 1812 г.

Эволюция патриотической идеи была четко охарактеризована в работе Г. В. Плеханова “Патриотизм и социализм”: “Отечество есть категория историческая, то есть преходящая по своему существу. Как идея племени сменилась идеей отечества, сначала ограниченного пределами городской общины, а потом расширившегося до нынешних национальных пределов, так идея отечества должна отступить перед несравненно более широкой идеей человечества”²².

После 1917 г. В. И. Ленин так разъяснял патриотический смысл “защиты отечества”: “За социализм как отечество, за Советскую республику как отряд всемирной армии социализма”²³. В этом высказывании патриотизм трактуется не как преданность некоей территориальной общности (хотя В. И. Ленин и признавал, что “патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств”²⁴), а как преданность социализму, социалистическому обществу.

До середины 20-х годов в советской идеологии господствовал интернационализм, не принято было активно употреблять такие понятия, как “патриотизм”, “Родина”, “Отечество”, “Россия”. Однако после прихода к власти Сталина идеологический курс начал кардинально меняться в связи с задачей консолидации

народа для построения социализма в одной отдельно взятой стране. Отказавшись от идеи мировой революции, Сталин стал в преддверии войны с фашистской Германией возрождать патриотическую идею. Для этого создавались новые мифы, активно переписывалась история и соответственно формировалось общественное мнение. Законодательно патриотическая идеология Советской России была закреплена в Конституции 1936 г., а в 1944 г. в стране был введен новый гимн вместо “Интернационала”. Так произошел переход от “интернационализма Ленина”, выражавшегося в готовности нации идти на жертвы ради общего дела социализма, к “интернационализму Сталина”, когда нации приносятся в жертву “социалистическому” народу.

“Национализм”, как и “патриотизм”, – понятие историческое. В западной традиции национализм понимается как “разновидность патриотизма, хотя имеющая несколько очень важных отличительных особенностей”. “Национализм – это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политические и национальные границы должны совпадать. При этом дело вовсе не в том, что национализм насаждает культурную однородность из какого-то упрямства *Machtbedürfnis* (стремление к власти. – Л.Р.); национализм является выражением объективной потребности в такой однородности... так как жизнеспособное, поддерживающее высокий уровень культуры современное государство не может быть меньше определенного размера (если оно фактически не паразитирует на своих соседях), а на земле есть место только для ограниченного числа таких государств”²⁵.

Наряду с позитивной трактовкой понятия “национализм” за рубежом, в частности у представителей японской политической мысли, существует и негативная его трактовка. “Национализм, – отмечал Я.Накасонэ, – это такое явление, когда большинство населения какого-либо государства считает, что данная страна принадлежит им и никому больше, и всячески поддерживает это чувство... Подъем национализма изменил облик войны, так как по мере исчезновения чувства принадлежности к единой цивилизации проявлялась тенденция к беспощадному подавлению противника и сама война постепенно приобретала все более жестокие формы”²⁶.

Однако Я.Накасонэ и его “команда” (Я.Мураками, С.Сато, С.Нисибэ) постоянно подчеркивали неразрывную связь и неразделимость национального и интернационального: «...Национальный характер, по ассоциации со старым национализмом, нельзя рассматривать, как нечто закрытое. История любой нации – это не только история ее противостояния другим нациям, но и история солидарности с ними. Это не только история отчуждения от других наций, но и история контактов с ними. В истории любой нации имели место не только предубеждения в отношении других наций, но и понимание их, не только столкновение, но и сотрудничество с ними. В национальном характере, таким образом, заключена двояственная черта международных отношений, вернее, заключен разум истории, объясняющий, как добиться равновесия между этими чертами. Чувство равновесия между “закрытостью” и “открытостью”, содержащееся в национальном характере, и умение поддерживать это чувство, будучи распространены на индивида, проявляются в двусторонних отношениях с другими индивидами, заключающих в себе стремление и к отстраненности, и к контактированию»²⁷.

В российской традиции трактовка национализма исторически была негативной. Историк В.С.Соловьев характеризовал национализм как превращение живого народного самосознания в отвлеченный принцип, фиксирующий “национальное” как безусловную противоположность “универсальному”, а “свое родное” – как безусловную противоположность “чужеземному”, как исключительное утверждение одного из них в ущерб другим, обособление каждого народа, его отчуждение от всех других и замкнутость в себе, что при современном В.С.Соловьеву прогрессе внешней культуры представлялось даже физически невозможным.

В.С.Соловьев трактует национализм как дело совершенно безнравственное по существу (как отрицание альтруизма и человеческой солидарности). При этом, по Соловьеву, общий принцип национализма основан на ложном разделении того, что в действительности неразрывно соединено. Философ отмечает, что первоначально понятие “национализм” не имело этого смысла. В русской литературе в негативном значении оно начало употребляться преимущественно с начала 80-х годов XIX столетия. Основание некоторой популярности понятия “национализм”, по Соловьеву, заключалось в ошибочном смешении национализма с патриотизмом.

В свою очередь, патриотизм В.С.Соловьев трактует как любовь к Родине, родной земле, как привязанность к своей культурной среде. С этими естественными основаниями патриотизма как природного чувства соединяется его нравственное значение как обязанности и добродетели: “Ясное сознание своих обязанностей по отношению к отечеству и верное их исполнение образуют добродетель патриотизма, а отечество признается чем-то абсолютным, становится единственным и самым высшим предметом поклонения и служения”. Патриотическая идея выводится из сущности самого христианского начала “в силу естественной любви и нравственных обязанностей к своему отечеству”²⁸.

В работах Н.А.Бердяева, так же как и в работах В.С.Соловьева, указывается на несовместимость национализма с христианством, губительность национализма для самой нации. При этом Н.А.Бердяев обращает внимание на переход общества к наднациональным, международным культурным и историческим образованиям: «Еще до первой мировой войны империализм выводил государства и народы из их замкнутого национального существования и ввергал их в мировую ширь. Ему свойственен своеобразный интернационализм... Мир стремится к “универсальному” единству»²⁹.

Продолжая терминологический анализ, следует отметить, что разведение в общественном сознании понятий “космополитизм” и “интернационализм” произошло исторически “недавно”. Так, Ф.Энгельс употреблял понятие “космополитический” исключительно в смысле “свободный от национальной ограниченности и национальных предрассудков”³⁰, а К.Маркс указывал, что по мере становления мирового рынка развивается космополитизм товаровладельцев “как вера практического разума, в противоположность традиционным религиозным, национальным и прочим предрассудкам, которые затрагивают обмен веществ среди человечества”³¹. В этом смысле пролетарий как владелец товара рабочая сила является таким же космополитом, как и буржуа.

Однако в сталинский период космополитизм стал противопоставляться интернационализму и трактоваться как разновидность национализма. Эта традиция сохранялась и в позднесоветский период. В частности, в обстоятельной работе А.П.Трояновского “Современный национализм на службе антикоммунизма” (1981 г.) национализм характеризуется следующим образом: «Национализм представляет мировоззрение, идеологию, психологию, политику буржуазии. Исходным положением национализма является тезис о нации как надисторической категории, утверждение об особых судьбах разных народов и абсолютном превосходстве “моей” нации, а также различные концепции о непреодолимости и вечном существовании национальных распрей, о том, что “общенациональные” выгоды неизмеримо выше классовых интересов пролетариата. Высшей целью национализма является разъединение трудящихся по расовому или национальному признаку во имя духовного, экономического и политического закабаления трудящихся в интересах эксплуататоров»³². При этом А.П.Трояновский выделяет четыре разновидности проявления национализма: великодержавный шовинизм, космополитизм, расизм и фашизм³³, характеризуя космополитизм как «отрицание права наций на самостоятельное существование, стремление заставить народы отказаться от суверенитета, национальных особенностей, культуры, традиций, во имя абстрактно понимаемого “единства человеческого рода”, “единства государства”, отрицающее патриотизм под лозунгом “человек – гражданин мира”»³⁴.

Наиболее яркое отражение эта тенденция нашла в работах “старейшего” исследователя национализма М.С.Джунусова, который выделяет следующие характерные черты и компоненты национализма: “это выход за пределы нормальной, разумной любви к нации, когда возвышенное чувство перерождается в низменное; это принцип отношения к инациональному, лишенный гуманизма и справедливости; это нарушение общечеловеческих элементарных норм нравственности во взаимоотношениях с другими нациями; один из факторов формирования внутренних (по предубеждению) и внешних (давление группового мнения) стимулов деятельности социального субъекта в межнациональном общении; поток информации, официальной и неофициальной, различных слухов, адресованных срабатыванию ложно понятых национальной гордости и национального достоинства”³⁵.

Приведенные в этой статье размышления на тему межнациональных отношений имеют не только теоретическую, но и практическую направленность: в связи со сменой политических ценностей, отказом от старых идеологем и поиском новых возникла потребность в формировании национальной идеи, которая смогла бы объединить российское общество, раздираемое противоречиями. И здесь возникают вопросы: какие политические, национальные ценности будут заложены в эту национальную идею? чему будет отдаваться приоритет – национальному или общемировому, патриотизму или национализму, патриотизму или интернационализму? возможна ли новая национальная идея на принципах патриотизма, державности, социальной справедливости и интернационализации (взаимодействия в различных формах интеграции)?

Примечания

¹ См.: Джексон Дж.С., Эслер М. Единение в различии: Курс лекций по политической системе в США. – Карбондейл, 1995.

² Там же.

³ Schlesinger A. M. Tr. 1992 The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society. – N.Y.: W.W. Norton and Company, 1992. – P.134.

⁴ См.: Кроуфорд Я. Дialeктика культурного плюрализма: концепция и действительность // Баланс и разделение политической власти в политических обществах: Резюме конференции. National Academy Press, Washington. 1993. – С.1, 2.

⁵ См.: Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации: Доклад на заседании Президиума Российской Академии наук. – М.: РАН, 1993. – С.7, 8.

⁶ Ковалевский М. Национальный вопрос // Новый Вавилон. М., 1994 № 1. – С.37.

⁷ Там же. – С.38.

- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Ковалевский М. Национальный вопрос. – С.39.
- ¹⁰ Основы марксизма-ленинизма. – М., 1960. – С.289.
- ¹¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. – Т. 24. – С.385–386.
- ¹² См.: Ковалевский М. Национальный вопрос. – С.38.
- ¹³ *The Nation-State. The Formation of Modern Politics.* – Oxford, 1981. – P. 5, 6.
- ¹⁴ Deutsch K. Nationalism and Social Communication. – Cambridge (Mass.), 1966. Nationbildung-Nationstaat-Integration. – Dusseldorf, 1972. – P. 29, 30.
- ¹⁵ Deutsch K. Tides among Nations. – N.Y.; L., 1979. – P.14, 15.
- ¹⁶ Id.; P.14, 15.
- ¹⁷ Connor W. The Politics of Ethnonationalism // *Journal of International Affairs*, – N.Y., 1973, № 1. – P. 3.
- ¹⁸ *Journal of International Affairs*, – N.Y., 1973, № 1. – P.XI.
- ¹⁹ *Ethnicity: Theory and Experience.* – Cambridge (Mass.), 1975. – P.15.
- ²⁰ Id.; – P.53.
- ²¹ Id.; – P.167, 169.
- ²² Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. – М., 1957. – Т.3. – С.93.
- ²³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. – Т.36. – С.82.
- ²⁴ Там же. – Т. 17. – С.190.
- ²⁵ Геллер Э. Нация и национализм. – М., 1991.
- ²⁶ Накасонэ Я., Мураками Я., Сато С., Нисибэ С. После “холодной” войны. – М., 1993. – С.108, 109.
- ²⁷ Там же. – С.71.
- ²⁸ Соловьев В. Национализм и Патриотизм // *Новый Вавилон.* – М., 1994, № 1. – С.35, 36.
- ²⁹ Бердяев Н. Новое средневековье. – Берлин, 1924. – С.34.
- ³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.10. – С. 490.
- ³¹ Там же. Соч. – Т.42. – С.134.
- ³² Трояновский А.П. Современный национализм на службе антикоммунизма. – Л., 1981. – С.5.
- ³³ Там же. – С.30.
- ³⁴ Там же. – С.33.
- ³⁵ Джунусов М. Национализм в различных измерениях. – Алма-Ата. 1990. – С.34.

Ю.В.Попков
(г. Новосибирск)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ С ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ, ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЕЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ФРАГМЕНТАЦИЕЙ*

Для того чтобы адекватно понять содержание и характер этносоциального развития современной Сибири, важно четко представлять себе общий контекст происходящих процессов, причем не только общероссийских, но и общемировых. Анализ актуальных теоретических и методологических проблем исследования этносоциальных процессов в этом общем контексте и посвящена статья.

В развитии мирового сообщества ныне отчетливо наблюдаются две внешне противоположные тенденции: с одной стороны, разворачивается процесс глобализации, углубления экономической интеграции и усиления взаимозависимости стран и народов, с другой – усиливаются национальная идентификация, национальная фрагментация и национальное обособление. Сосуществование этих тенденций одни исследователи воспринимают как парадокс, как трудноразрешимую теоретическую проблему. Другие интерпретируют данную проблемную ситуацию с точки зрения дуалистической объяснительной модели, рассматривая указанные тенденции как самостоятельные и независимые друг от друга. Например, в рамках экономической теории и теоретической социологии превалирует анализ тенденции глобализации, в рамках политологии и этносоциологии – тенденции фрагментации.

На самом деле действительность раскрывается через взаимозависимость и взаимообусловленность двух отмеченных тенденций. Так, существование Европейского союза, представляющего собой наиболее интегрированную региональную систему, вовсе не означает ликвидацию отдельных государств и не предполагает отрицание национальных различий. Рост единства не разрушает многообразия, а напротив, зачастую его порождает. Экономическая и политическая интеграция, развитие международного права, фиксирующего, в частности, коллективные права коренных народов, стимулируют традиционалистские настроения, рост этничности и усиление движений за национальное самоопределение.

В отечественной литературе противоречивость современного национального развития на эмпирическом уровне четко зафиксировал Ю.В.Арутюнян. Обобщив результаты конкретно-социологических этносоциальных исследований, он сделал важный вывод: “Вопреки принятому у нас стереотипу, растущее сход-

* Работа выполнена в рамках исследования, осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-03-00290).

ство социальных черт наций отнюдь не приводит, как это прогнозировалось, к их “слиянию”. Скорее наоборот, такое “сходство” усиливает автономию, взаимную социальную независимость народов и стремление к свободному самовыражению¹.

В теоретической социологии осознана необходимость понимания глобализации и национальной фрагментации как взаимообусловленных процессов. На это обращает внимание, в частности, основатель теории мировой системы И. Валлерстайн. В то же время остается теоретически не до конца проясненным механизм взаимной обусловленности глобализации и фрагментации. На мой взгляд, важная роль в нем принадлежит процессу интернационализации. Глобализация и относительная национальная фрагментация выступают в качестве разнородных продуктов интернационализации. В литературе многими исследователями признается непосредственная связь глобализации с интернационализацией. Что же касается интернационализации и национального обособления, то они обычно трактуются как взаимоисключающие явления. Это особенно характерно для отечественных работ, в которых наиболее обсуждаемыми являются ныне проблемы национального сознания, национальной самоидентификации, национального самоопределения, а проблема интернационализации, по существу, предана забвению.

Во многом эта ситуация объяснима. В условиях разразившихся в СССР, а затем и в России национальных конфликтов и войн, роста национализма и сепаратизма упоминание об интернационализации стало как бы неуместным. Как следствие, из понятийного аппарата науки практически выброшены и сам термин “интернационализация”, и теоретические конструкции, так или иначе характеризующие взаимообусловленное развитие национальных общностей. Такую позицию нельзя признать оправданной, поскольку без учета процесса интернационализации невозможно объяснить многие проблемы этносоциального развития, в том числе нельзя адекватно понять сущность национального вопроса и наметить практические пути его решения.

Почему возникло резко негативное отношение к интернационализации? Дело в том, что интернационализация трактовалась по преимуществу в редукционистском смысле – как процесс, ведущий к ликвидации всяких национальных различий и формированию унифицированного единства. Общей концептуальной основой указанной позиции выступал так называемый прогрессистский (универсалистский) подход, предполагавший постепенное ослабление значимости национального фактора в процессе общественного развития (отмечу в скобках, что такая позиция характерна далеко не только для отечественного обществознания). В соответствии с этим определялись теоретические ориентиры в разработке рассматриваемой темы, а вместе с ними и соответствующие идейные и методологические ограничения. Постепенно утратилась целостность теоретического осмысления национальных отношений, сформировались стереотипы централизации и унификации, обедняющие теоретические представления о реальном процессе интернационализации.

В действительности же с точки зрения диалектического подхода уже исходя из собственно теоретических оснований следует говорить о формировании в процессе интернационализации не унифицированного и однородного, а внутренне различного единства, в котором национальные общности, являясь субъектами взаимодействия, сохраняют себя в качестве обогащенных в ходе взаимного влияния, но относительно самостоятельных образований. Новая системная целостность должна быть понята как развивающееся единство многообразия². Будучи внутренне противоречивым явлением, интернационализация характеризует не только тождество, но и различия национальных общностей, не только их сближение, но и обособление, не только их взаимозависимость, но и самостоятельность. Нарушение этого противоречивого единства чревато серьезными негативными последствиями. Так, потеря самостоятельности национальной общности ведет к ее ассимиляции, а излишняя обособленность – к стагнации и деградации. Но тогда интернационализация трансформируется в другие процессы – национальную деградацию либо ассимиляцию.

Теперь остановимся на том, как связан с интернационализацией столь актуальный ныне национальный вопрос. В понимании сущности национального вопроса имеются две противоположные позиции. Согласно первой, этот вопрос ограничен рамками внутринациональных отношений, и крайней формой выражения этой позиции является принцип национализма, предполагающий государственное самоопределение отдельных народов. Данная позиция преобладала в XIX в. и активно присутствует в настоящее время, входя в программные документы многих национальных движений. Она стала, в частности, одной из идейных предпосылок сначала образования, а потом распада СССР. Вторая позиция заключается в том, что национальный вопрос рассматривается, по сути, в русле интернационализма и его решение связывается с устранением национального гнета и неравенства и установлением благоприятных экономических, политико-правовых и культурных отношений между народами.

Каждая из приведенных точек зрения, на мой взгляд, абсолютизирует лишь одну из исторически взаимообусловленных закономерных тенденций: одна из них фиксирует внимание на моментах внутринационального развития, другая – на моментах межнациональных отношений. На самом деле национальный

вопрос следует трактовать как проблему не только экономического или политического устройства той или иной национальной общности, но и более широко – как вопрос о всей совокупности ее внутренних и внешних взаимодействий.

Говоря в целом, национальный вопрос – это вопрос о способах реализации национального интереса. Но сущность национального интереса состоит не в обособлении или абсолютной независимости национальной общности и не просто в ее самоопределении, а в воспроизводстве объективных условий, обеспечивающих ее развитие и сохранение как целостности. Такое возможно только в процессе интернационализации, понимаемой диалектически, поскольку воспроизводить свое существование, а тем более развиваться в условиях взаимосвязанного мира национальная общность может только через отношения с другими общностями. Интернационализация должна быть рассмотрена в данном случае как составная часть практического решения национального вопроса.

В этой связи нельзя оправдать позицию представителей радикального национализма, проповедующих политику изоляционизма и ограничения межнациональных контактов. По сути, никогда в истории, в том числе древней, отдельные локальные сообщества не были изолированными друг от друга. Такая изоляция – исключительное явление, аномалия, неизбежно вызывающая стагнацию. Напротив, в истории всегда имели место контакты и взаимодействия. Так, академик А. П. Окладников на основе обобщения многочисленных археологических данных делает вывод о существовании уже на заключительном этапе палеолита интеграции культур на обширной территории Азии – от Восточной Монголии до Приморья и Камчатки. Он говорит также об интеграции культур Северной Азии с культурами, с одной стороны, Аляски, с другой – Центральной Азии, о живых связях между населением Старого и Нового Света через островную часть Алеутских островов, о древних культурных связях между арктическими племенами Азии и Европы, о длительных и многосторонних связях племен Дальнего Востока с племенами Кореи и Японии, Индонезии и Полинезии, Вьетнама и Австралии³.

Возвращаясь к современности, обратим внимание на другую сторону проблемы. Не всякая открытость национальной общности контактам с другими народами является благоприятной для нее самой. Взаимозависимость стран и народов как характерная черта глобализации может быть разной. Она может проявляться в партнерских отношениях, а может – и в отношениях господства и подчинения. Победа Запада в “холодной войне” дала ему новый стимул для активизации усилий в направлении модернизации мира в ее вестернизаторском варианте. «Никогда еще посягательство на Восток как на феномен мировой истории и культуры не принимало столь масштабный и откровенный характер. Во всех странах мира усердствуют западные миссионеры-модернизаторы, дающие местным властным и интеллектуальным элитам указания, как побыстрее покончить с традиционной восточной ментальностью и осовременить народы и континенты. Все это совершается под лозунгом “открытого общества”. Последнее означает мир без границ, без специфической культурной и национальной идентичности, лишенный таких “архаичных” добродетелей, как чувство Родины, патриотизм, национализм»⁴.

Одним из активных защитников “открытого общества” является Ж. Аттали, бывший директор Европейского банка реконструкции и развития. Вот его идеал: единый мир без границ открывается после того, как полную победу одерживает экономический либерализм; тогда «мир теряет свою архаическую многокачественность и становится тотально однородным; и лишь в таком гомогенном пространстве может восторжествовать “эра денег” – всеобщего эквивалента, не знающего различий высшего и низшего, морального и аморального»⁵.

Является ли такая модель приемлемой для всех стран и народов независимо от их этнокультурных и национальных особенностей? Конечно же, нет! С этой моделью нельзя согласиться уже потому, что сам Запад оказался несостоятельным в решении актуальных социально-психологических и духовных проблем современности. Еще Э. Фромм писал об этом следующее: “Мы создали чудесные вещи, но не смогли сделать из себя существ, которые были бы достойны глубоких усилий, затраченных на эти вещи. В нашей жизни нет братства, счастья, удовлетворенности; это – духовный хаос и мешанина, близкие к безумию...”⁶.

Кроме того, многие западные исследователи, опираясь на серьезные научные разработки, пришли к выводу об уникальности феномена Запада, который порожден сочетанием редко встречающихся условий. Поэтому его опыт никак не может быть универсальным. Не случайно весь незападный мир активно сопротивляется вестернизации.

Ныне отчетливо проявляется общемировая тенденция, отражающая возрастание роли этничности и ценностей традиционного образа жизни в условиях современной модернизации. Эта тенденция стала важным фактором, определяющим как глобальные, так и локальные процессы во всех регионах планеты. Не нашли практического подтверждения многочисленные прогнозы о том, что по мере формирования в ходе технико-экономического прогресса все более крупных экономических и политических единиц исторического процесса будет происходить угасание значимости национальных структур и традиционной культуры.

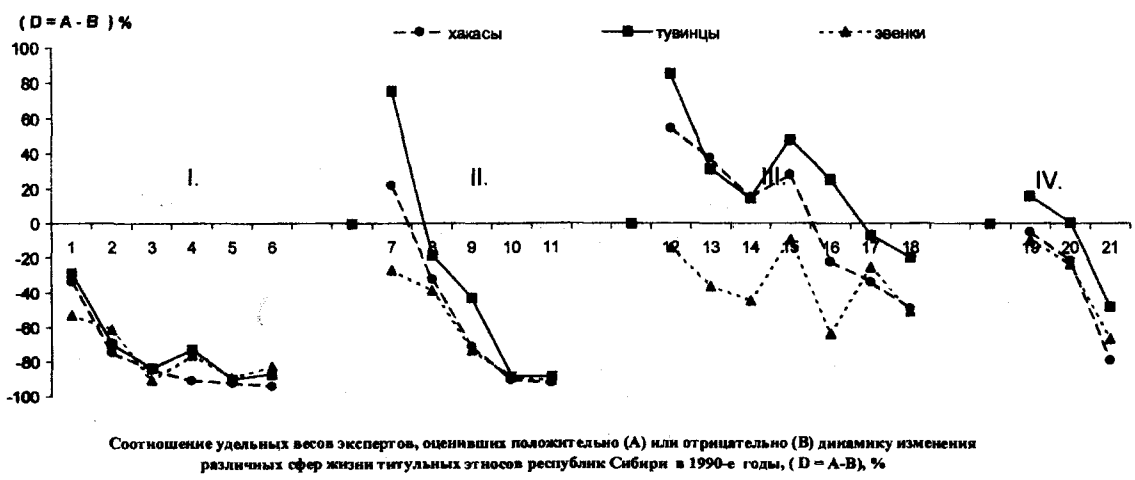
Несмотря на широкое распространение современных технических и экономических достижений, многие традиции доиндустриальных обществ сохраняют свою значимость в нынешних условиях. Экспансия новых индустриальных технологий и модернизационных процессов не привела к размыванию национальных культур, проявивших удивительную жизненность и способность к самосохранению. Актуальным стал конструктивный компромисс между традиционным и индустриальным обществом. Это, в свою очередь, определило трансформацию самой теории модернизации – от понимания последней как радикальной вестернизации к синтетической модели модернизации, основанной на учете социокультурных особенностей развития отдельных национальных общностей, на признании необходимости опираться на собственные силы в процессе перехода незападных обществ к современным формам жизнедеятельности. Модернизация мыслится теперь как процесс формирования новых социальных институтов, социальных норм и форм коммуникации на базе ценностей традиционного общества с использованием современных достижений.

В каждом конкретном случае, однако, существуют свои варианты отмеченного компромисса. То, что мы наблюдаем в России и Сибири в области этносоциальных процессов, отражает драматизм современных изменений. Здесь отчетливо проявляются, с одной стороны, идущее от федеральных властей стремление взрастить на нашей евразийской почве западную модель социального порядка, а с другой стороны, оживление этничности и элементов традиционных культур, активно сопротивляющихся новомодной модернизации. Результаты борьбы двух тенденций противоречивы и весьма печальны.

Чтобы не быть голословным, приведу некоторые общие данные экспертного этносоциологического исследования “Этносы Сибири в условиях российских реформ 1990-х годов”. Исследование проведено летом и осенью 1999 г. сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН совместно с сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Тувинского государственного университета. Моими соруководителями при проведении исследования были: по Хакасии – профессор В.Н.Тугужекова, по Туве – профессор З.Ю.Доржу. Данный проект является составной частью программы сравнительных комплексных этносоциальных исследований в Сибири, разработанной в рамках ежегодного семинара “Этносоциальные процессы в Сибири” и одобренной на его заседании в г. Кызыле в 1998 г.

Исследование было проведено в Хакасии, Туве и Эвенкии и касалось титульных этносов данных регионов. Его цель – социологическая экспертиза основных тенденций социальных изменений в наиболее значимых для жизни этносов сферах жизнедеятельности в условиях современных реформ. Всего было опрошено 430 человек, из них 339 (это почти 80%) – представители титульных этносов.

В целом как представители титульных этносов, так и русские респонденты отрицательно оценивают итоги российских реформ 90-х годов, их ответы существенно не отличаются друг от друга практически по всем сформулированным вопросам. Подавляющее большинство из них отметили ухудшение объективных показателей экономической, демографической и политической сфер жизни у всех исследуемых этносов (см. рисунок). Особенно единодушны эксперты в резко отрицательной оценке динамики таких показателей,

Соотношение удельных весов экспертов, оценивших положительно (А) или отрицательно (В) динамику изменения различных сфер жизни титульных этносов республик Сибири в 1990-е годы, (D = A - B), %

I. Социально-демографические показатели:
1 – уверенность в будущем;
2 – правонарушения и преступления;
3 – здоровье детей до 18 лет;
4 – психологическое здоровье нации;
5 – здоровье населения;
6 – пьянство, наркотизация; | II. Социально-экономические показатели:
7 – предпринимат. активность;
8 – квалификация работающих;
9 – жилищные условия;
10 – денежные доходы;
11 – занятость; | III. Социально-культурные показатели:
12 – тяга к традиц. верованиям;
13 – развитие духовной культуры;
14 – преподавание нац. яз. в школе;
15 – нац. самосознание;
16 – знание нац. языка;
17 – уровень профобразования;
18 – уровень общего образования; | IV. Политические показатели:
19 – межнациональн. отношения;
20 – участие в управлении государством;
21 – отношение к федеральным властям |
|---|--|---|--|

как состояние денежных доходов, занятость, жилищные условия, физическое, психологическое и социальное здоровье этносов, уровень алкоголизации населения, степень доверия населения к государственной власти. Отрицательны также оценки динамики изменений в уровне профессионального образования и квалификации работающего населения. Таким образом, по большинству существенно значимых показателей этносоциальные процессы у всех исследуемых народов в 1990-е годы следует оценить как имеющие ярко выраженную регрессивную динамику.

У хакасов и тувинцев позитивные ответы экспертов преобладают при оценке изменений в степени предприимчивости представителей этих этносов, развитии национального самосознания, духовной культуры, приобщении к традиционным верованиям, т.е. в определенных элементах духовной жизни. Впрочем, сам этот факт вряд ли следует рассматривать как однозначно положительное явление, поскольку в большинстве случаев он характеризует неприятие свалившихся на головы людей "благ цивилизации", стремление найти от них защиту в наиболее архаических элементах социального бытия.

В самом кризисном положении оказались эвенки. Количество экспертов, негативно оценивших динамику их духовного развития, меньше, чем число давших отрицательную оценку состоянию социально-демографических и социально-экономических показателей. Но даже в отношении показателей духовной культуры эвенков негативные оценки преобладают над позитивными.

Следует обратить внимание на то, что отрицательные оценки динамики экономического и демографического состояния титульных этносов, коррелирующие с отрицательными оценками отношения к властям всех уровней, не переносятся экспертами на сферу межнациональных отношений. Последние оцениваются респондентами как наиболее стабильные в рассматриваемый период. И это можно трактовать как весьма важное обстоятельство, поскольку властями, пожалуй, было сделано все возможное, чтобы своей социально-экономической политикой обострить межнациональные отношения.

Примечания

¹ Арутюнян Ю.В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Соц. исслед. – 1990. – №7. – С.48.

² См.: Полков Ю.В. Процесс интернационализации у народностей Севера: Теоретико-методологический анализ. – Новосибирск, 1990. – С.37–55; Он же. Интернационализация как социальный феномен: общее и особенное: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Новосибирск, 1999.

³ См., например: Окладников А.П. Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии // Этногенез народов Северной Азии: Мат. конф. – Новосибирск, 1969; Он же. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. всесоюз. конф. – Новосибирск, 1973; Окладников А.П., Васильевский Р.С. Северная Азия на заре истории. – Новосибирск, 1980.

⁴ Философия истории. – М., 1999. – С.24.

⁵ Цит. по: Философия истории. – С.37.

⁶ Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М., 1990. – С.144.

Е.А. Тюгашев
(г. Новосибирск)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: ДИСКУРС ТРАНСФИГУРАЦИИ

Дискурс власти. Национальный вопрос всегда был вопросом о власти, которая рассматривалась как цель и средство национально-освободительного движения, завершающегося становлением нации в национальное государство. До эпохи национальных государств взаимоотношения национальных общностей также базировались на властной основе. Даже генезис родоплеменных общностей был тесно связан с развитием институтов потестарности, возникновением вождей, оформлявших конгломераты этнотерриториальных общностей в унитарные демосоциальные организмы.

Первичная гетерогенность демосоциальных организмов, состоявших из старших и младших племен и родов, включенных в эти организмы посредством адопции и других форм искусственного родства, получала административную реализацию в особом национальном устройстве, в распределении властных позиций. Административные структуры начали контролироваться определенными национальными общинами, что стало, с одной стороны, предпосылкой воспроизводства национальных общин, а с другой – фактором, упраздняющим существующее административно-национальное устройство.

Следует отметить, во-первых, развертывание стихийного процесса этносоциальной мобильности – добровольной смены этносоциальной принадлежности и индивидуального перехода путем породнения в этносоциальную общность, контролирующую административные ресурсы. Приобретение административного ресурса завершается, как правило, через поколение потомками, органично инкорпорированными в доминирующую этносоциальную общность.

Во-вторых, перехват административного ресурса позволял мобилизовать другие ресурсы и обеспечить по каналам семейно-родственной взаимопомощи ускоренное расширенное воспроизводство маргинальной этносоциальной общности. Использование демографического оружия изменяет баланс сил в рамках межэтнического сообщества и ведет к этнокультурной революции.

Таким образом, реальная этносоциальная принадлежность, точный состав которой из-за смешанных браков и других форм породнения определить не всегда возможно, выражается в номинальной этносоциальной принадлежности. Национальная идентичность устанавливается формальными, административными средствами. Следовательно, национальный вопрос по отношению к каждому отдельному индивиду разрешается на языке власти. Политическая целесообразность не исключает неоднократной смены национальной принадлежности индивида.

Эффект трансфигурации. Ситуативная смена внешней и внутренней определенности описана Ф.Ницше на примере философских учений, каждое из которых он связывал с определенным типом здоровья (или болезни). “Философ, прошедший и все еще проходящий сквозь множество здоровий, прошел сквозь столько же философий: он и не *может* поступать иначе, как всякий раз перелагая свое состояние в духовнейшую форму и даль, – это искусство трансфигурации и есть собственно философия”¹, – утверждал Ф.Ницше.

Суть эффекта трансфигурации состоит в том, что способ проявления некоторого феномена определяется конкретным внешним воздействием. Идентификация некоторого философского учения как позитивистского, рационалистического или эмпирического будет зависеть от точки зрения, от того прибора, посредством которого снимается информация с рассматриваемого феномена. В соответствии с принципом дополнительности феномен не только наблюдается таким образом, но и ведет себя таким образом. Тип внешнего взаимодействия определяет внутреннюю направленность процессов.

На примере философии можно видеть, что эффект трансфигурации возникает при попытках ее демаркации. Дискуссия о том, является ли философия мировоззрением или наукой, плавно переходит в дискуссию о том, к чему философия ближе: к науке или религии. Эриугена полагал, что подлинная религия есть подлинная философия и, наоборот, подлинная философия есть подлинная религия. Для Сократа “высочайшее из искусств – это философия”². Гегель говорил о том, что пора стать “мифологией философской, а философии мифологической, дабы философы проникли в сферу чувственности”³. По убеждению Х.Ортеги-и-Гассета, “философия доныне была утопической”⁴.

Сложность реальной философии В.С.Соловьев описывает посредством выделения нескольких уровней философствования: “мистицизм ищет опоры в данных религии”, “эмпиризм – в данных положительной науки”, “а рационализму принадлежит собственно философский, отвлеченный характер, поскольку он ограничивается чистым философским мышлением”⁵.

Наблюдения, касающиеся промежуточного положения философии между различными формами общественного сознания, фиксируют содержательное единство философии со смежными областями. Принято говорить о религиозной философии, философской науке (или о научной философии), выделяют эзотерическую философию и т.п. Пограничные области во многом определяют внутреннюю структуру философии.

Таким образом, каждая философия существует не только как сумма предшествующего историко-философского процесса, но и как сумма, содержащая научное, религиозное, художественное и другие виды сознания. Поскольку философия имеет статус духовной квинтэссенции, постольку при определенном типе внешнего воздействия возможно выделение в ее составе отдельных эссенций – утопического или, скажем, мифологического измерения. И тогда не совсем ясно, является ли “Государство” Платона художественным или философским произведением.

В подобной ситуации трансфигурации находится не только философия, но и остальные формы общественного сознания. Каждая из них есть форма общественного сознания в целом, содержание которого облекается в конкретную внешнюю форму в условиях конкретных взаимодействий. Поэтому эффект трансфигурации можно назвать и эффектом трансформации (или трансмутации). Главное, что философия есть сумма философии, искусства, религии... Религия есть сумма религии, философии, искусства... Искусство есть сумма искусства, философии, религии... Простой элемент распадается на сумму простых элементов.

Проблема демаркации. Любопытные трудности демаркации понятия нации были подмечены еще К.Н.Леонтьевым. В открытом письме к В.С.Соловьеву он рассуждал:

“Современные русские, современные чехи, болгары, поляки – все принадлежат к одному славянскому племени. Но стремления и задачи у них всех вовсе разные. Они теперь еще не составляют одной нации. Но ведь с другой стороны, вспомним о баварцах, пруссаках, австрийских немцах прошлого века. У них у всех задачи и стремления были разные, но все-таки они, взятые во всецелости, составляли нацию, *государственно* лишь разделенную на особые группы. А голландцы и датчане, принадлежа тоже к *племени* германскому, к нации немецкой не относились и не относятся никем.

И еще вопрос о том же: швейцарцев все привыкли называть тоже нацией; а у них три языка, три крови и две религии. Национальность их только *общегосударственная*, с теми оттенками в понятиях и привычках, которые должны были развиться под долгим давлением республиканских учреждений.

Вообще нацию определить в точности очень трудно.

Племя легче. Язык и кровь (*признаки более физиологические*). Культуру тоже легче. Совокупность признаков более идеальных, чем кровь и язык (*уже сформированный*), т.е. религия, род государственных учреждений, вкусы (обычаи, моды, нравы домашние и общественные), характер экономической жизни.

Нация же выходит, мне кажется, из совокупности обеих этих совокупностей *идеальных и физиологических*. Признаки особой нации сливаются из признаков племенных и культурных”⁶.

К.Н.Леонтьев понятие нации непосредственно сопоставляет с понятием племени. Данная семья концептов включает также понятия народа, расы, этноса, языковой общности. Эти понятия фиксируют взаимовключающие объекты. Нация определяется и как фракция племени, и как конгломерат племен; нация определяется как конгломерат народов, а народ – как интернациональная общность (советский народ); нация определяется и как расовая фракция, и как межрасовая общность. Племена, народы, нации либо разбрасываются по разным стадиям исторического процесса, либо рассматриваются как разные способы актуализации – экзистенциалы – эмпирически данного объекта.

Возникновение нации Х.Ортега-и-Гассет в “Этюдах об Испании” трактует как объединение разных наций: “Живым и созидательным началом, направляющим весь ход сплочения, выступает национальная догма, *проект совместной жизни*”⁷. Нация, таким образом, рассматривается как интернациональная общность: “Объединение наций всегда связано с каким-то важным предприятием, с замыслом, требующим всестороннего участия и способным воодушевить людей”⁸. Итак, сумма множества наций составляет одну нацию. Реализация (или провал) интернационального проекта ведет к распаду объединенной нации: “К 1900 году в Испании впервые зазвучал набатный гул разного рода сепаратизмов и национализмов”⁹.

Х.Ортега-и-Гассет отрицательно относился к применению генетического подхода при определении нации. Он рассматривал этот подход как фундаментальное препятствие на пути к научной теории: “Есть мнение, что развитие наций – результат роста некой исходной клетки. Это в корне неправильно. Любопытно, что в основе столь ошибочного и весьма распространенного подхода лежит еще одно, столь же ложное и еще более элементарное заблуждение. Имею в виду обычай усматривать происхождение политического сообщества в связи с развитием семьи. Сама идея, что семья – ячейка общества, непоправимо препятствует выработке подлинно научной социологической и исторической теории”¹⁰. Призывая реализовать при описании отдельной нации не просто динамический, но и системный подход, Х.Ортега-и-Гассет на примере Римской империи показывает, что реальный рост происходил путем комбинирования, редупликации социальных организмов.

Таким образом, формирование нации связывается не с прогрессирующей дифференциацией и индивидуацией, а с реинтеграцией общения на новом социальном основании. Специфика исторических общностей неявно определяется через то социальное основание, которое объединяет людей на конкретном отрезке исторической жизни. Это основание определяется в общесоциальных категориях и собственно конкретно-исторической специфики не выражает. Поэтому нацию необходимо определять не в предмете философии истории – как историческую общность, а в предмете философской антропологии – как общность антропологическую.

Многомерность национального вопроса. В системе социально-философской антропологии основанием дифференциации исторических общностей является форма общественного сознания, определяющая духовное единство общности. Народ есть общность людей с единым религиозно-нравственным кодексом, нацию интегрирует мечта, миф конституирует племя и т.п. Поскольку в основе исторической общности лежит определенная форма общественного сознания, постольку эффект трансфигурации должен наблюдаться и по отношению к историческим общностям.

Эффект трансфигурации национальных общностей фиксировался Д.Дж.Андерсоном на материале анализа самосознания таймырских эвенков и долган. Д.Дж.Андерсон подчеркивает зыбкость и условность тех категоризаций национальностей, которые определились в советском культурном реакторе. “До появления здесь представителей государства, этнографов, – пишет ученый, – существовало множество пересекающихся самосознаний, которые использовались для различения людей, но не было

ни одного, которое человек в течение жизни не мог бы сменить. Он мог перейти из одной группы в другую или даже принадлежать к нескольким одновременно”¹¹. Таким образом, вопрос национальной идентичности разрешался в процессе транснациональных миграций.

Эффект трансфигурации этносоциальных общностей породил, на взгляд Д.Дж.Андерсона, серию аномалий в советской этнографической литературе. Вместе с тем этнографы по отношению к этнической первобытности сумели выработать выходящую за пределы абстрактных моделей точку зрения, согласно которой население на обширных территориях составляло единый этнокультурный массив, обладающий характеристиками дискретности и непрерывности. Так, например, В.В.Карлов пишет об эвенках, что «традиционные территориальные образования эвенков были не замкнутыми, а “открытыми” группами, допускавшими перемещения и взаимные включения отдельных частей»¹².

Размеры первобытных территориальных групп были ограничены емкостью кормовых территорий, и такие группы не могли самостоятельно обеспечить воспроизводство населения. Ограниченная самостоятельность стимулировала процессы распада и слияния территориальных общностей, обмен людьми, упрочение институтов искусственного родства. Когда сегодня при описании национальных процессов в США используют метафору “плавильного котла”, следует вспомнить, что любое племя было подобным культурным реактором, смешивающим в себе индивидов, происходящих из генетически не связанных между собой родов.

Эффект трансфигурации, наблюдающийся в описании племени как суммы племен или нации как суммы наций, имеет еще одну форму проявления. Напомним, что философия есть философия с добавлением религии, утопии и т.п. Так, например, русская религиозная философия XIX–XX вв. в западноевропейской философии сегодня воспринимается не как философия, а как форма религиозного сознания, интерес к которой проявляют только католическая церковь и протестантские конфессии. В рамках данной конструкции нация есть нация с добавлением характеристик языковой, родоплеменной и тому подобных общностей.

Точнее говоря, в определенных этносоциальных взаимодействиях нация трансформируется в этносоциальную общность иного типа. Модальность этносоциальной общности определяется типом модальности этносоциального взаимодействия. Соотношение племени, народа и нации является не вертикальным генетическим рядом, каждая ступень которого снимает предыдущую, а соотношением элементарных этносоциальных общностей, не разложимых далее на более простые этносоциальные составляющие.

Методологические параллели с теорией элементарных частиц позволяют выдвинуть ряд онтологических допущений в теории этносоциальных общностей.

Во-первых, в основе духовной жизни каждой этносоциальной общности лежит комплекс форм общественного сознания. Сегодня, например, правомерно говорить не только об ионийской философии, но и о философии банту или эвенков.

Во-вторых, многомерность духовной жизни определяет размерность этносоциальной жизни конкретной общности. Последняя исторически возможна и как племя, и как нация.

В-третьих, в рамках конкретной этносоциальной общности протекают процессы разного уровня: расообразования, языкового развития, родоплеменной дифференциации и интеграции и т.п.

В-четвертых, и первобытность, и современность могут быть адекватно описаны в категориях расы, племени, народа. Поэтому допустимы суждения об античных и средневековых нациях.

В-пятых, актуализируется та модальность этносоциальной идентичности, которая способна мобилизовать глобальные ресурсы.

Эти онтологические допущения позволяют более точно, объемно и многогранно отобразить национальный облик реально существующих этносоциальных общностей. Приведем один пример. Как известно, практически у каждого современного национального государства есть так называемые отцы-основатели (Дж.Вашингтон и др.). Отцы нации находятся в отношении духовного, символического родительства с гражданами национального государства, особенно в критических точках этносоциализации (“внучата Ильича”). Многообразная символика, ритуализация общественно-политической жизни, генерирование исторического предания и политических мифов – все это напоминает метаплеменные общности. Оказывается, что государство-нация есть организованная в вождество метаплеменная общность и вне родоплеменной идеологии немыслимо. Неязыческая метаморфоза облегчается тем, что племенные общности были связаны преимущественно не кровно-родственными отношениями, а узлами символического родства и происхождения от мифического предка.

Думается, что движение от абстрактного к конкретному в этносоциальных исследованиях позволит расширить наши представления о формах и методах национально-государственного строительства, применявшихся в XX в.

Примечания

- ¹ Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. – М., 1997. – Т. 1. – С.493.
- ² Платон. Федон // Платон. Соч.: В 3 т. – М., 1970. – Т. 2. – 61а.
- ³ Гегель Г. Первая программа системы немецкого идеализма // Гегель Г. Работы разных лет: В 2 т. – М., 1972. – Т.1. – С.213.
- ⁴ Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М., 1991. – С.48.
- ⁵ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. – М., 1990. – Т.2. – С.193.
- ⁶ Леонтьев К.Н. Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Леонтьев К.Н. Избранное. – М., 1993. – С.365.
- ⁷ Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. – Киев, 1994. – С.31.
- ⁸ Там же. – С.48.
- ⁹ Там же. – С.42.
- ¹⁰ Там же. – С.26, 27.
- ¹¹ Андерсон Д. Дж. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. – Новосибирск, 1998. – С.46.
- ¹² Карлов В.В. Эвенки в XVII – начале XX в.: хозяйство и социальная структура. – М., 1982. – С.78.

Д.В. Ушаков
(г. Новосибирск)

СИСТЕМНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НОВОСИБИРСКОЙ ШКОЛЫ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

В 1970–1980-х годах развитие отечественной отраслевой социологии сопровождалось формированием целых научных направлений. Это было обусловлено как логикой развития самих социологических исследований, необходимостью комплексного анализа общественных процессов на разных уровнях социальной организации, так и потребностями практики социального управления.

Работы по определению стратегии и тактики управления процессами общественного развития народов, населяющих регионы Сибири и Дальнего Востока, по соответствующему научному обеспечению этой задачи потребовали создания специальной структуры, и в 1968 г. в Институте истории филологии и философии СО АН СССР был образован сектор комплексных исследований проблем развития народов Сибири, руководителем которого стал В.И.Бойко. Это явилось предпосылкой становления новосибирской школы этносоциологии. В течение 30 лет на регулярной основе научный коллектив проводил этносоциальные исследования проблем развития народов Сибири и Дальнего Востока¹.

Как исследуемый объект народы Сибири были представлены в качестве единого сложного полиэтнического образования, саморазвивающегося в органическом взаимодействии своих элементов. Предметом исследований явились развитие сибирских народов в процессе их взаимодействия с природой, между собой и с мировым сообществом в целом, а также процессы, протекающие в основных сферах их жизнедеятельности.

Специфика предмета исследования требовала разработки методологии, которая позволила бы представить объект в его саморазвитии, при этом анализ демографических, экономических, культурных, политических проблем развития народов должен был осуществляться комплексно. Обосновывая необходимость комплексного подхода, В.И.Бойко отмечает: "...Человеческое общество представляет собой сложное социальное образование, сферы деятельности которого весьма многообразны. Оно изучается многими науками в разных аспектах и на различных уровнях абстракции... Зачастую перед исследователем возникает необходимость изучить какую-либо локальную общность... Эта группа (коллектив, нация) обладает определенными традициями, только ей присущим стилем, характеризующимся в конечном итоге совокупностью экономических, социально-политических, идеологических, семейно-бытовых процессов и явлений. Чтобы понять, оценить и определить динамические сдвиги в такой общности, необходимо комплексно исследовать все сферы ее деятельности. Наиболее распространен так называемый отраслевой анализ. Отдельно исследуя экономику, управление, духовную жизнь и т.д., можно затем свести полученные результаты воедино. И хотя пространственно-временной континуум будет одним для всех направлений исследования, целое будет представлять сумму достаточно изолированных составных, между которыми, в лучшем случае, прослеживается причинно-следственная связь. А между тем взаимодействие частей органического целого, какое представляет из себя человеческое общество, основано на сложной опосредованной детерминации, в которой взаимообусловленность частей настолько велика, что значительное изменение одной влечет к изменению во всех частях системы..."².

Достигнуть такой комплексности исследований возможно, только если будут едиными общие теоретические модели и методологические принципы. Поскольку объект фиксируется как сложное системное образование, требующее комплексных исследований, постольку он рассматривается на разных уровнях теоретической абстракции: общетеоретическом, конкретно-теоретическом и конкретно-эмпирическом. При этом разработки социально-философского уровня, составляя основу комплексных исследований, транслируясь в более частные теории, не должны подменять собой конкретно-научные методы.

В качестве общей теоретико-методологической базы исследований новосибирской школы этносоциологии выступает материалистическая диалектика, конкретизируемая в принципы системно-генетического подхода, которые получили четкую формулировку в социально-философской концепции социальной деятельности, разработанной В.П.Фофановым³. В рамках этого подхода познаваемый объект понимается как развивающаяся система – внутренне противоречивое образование или процесс, где покой есть лишь подчиненный момент движения. Развитие системы осуществляется благодаря противоречивому характеру взаимодействия составляющих ее компонентов.

Система в данном случае представляется в виде внутренне расчлененного целого, взаимная обусловленность сторон которого делает ее самодостаточным саморазвивающимся образованием. Ключевое значение при определении системы обретает понятие “взаимодействие”. “Понятийно задать систему, – пишет В.П.Фофанов, – значит задать качественно специфический способ взаимодействия составляющих, которые благодаря включенности в данное взаимодействие выступают как элементы системы”⁴. Поскольку периодически воспроизводящийся тип взаимодействия есть не что иное, как отношение, постольку система всегда есть система отношений. Системами в полном смысле этого слова признаются прежде всего органические целостности, рассматриваемые как саморазвивающиеся через взаимодействие своих элементов. В свою очередь, элементы, вступающие в данное взаимодействие, сами должны быть поняты как развивающиеся благодаря процессу взаимодействия. Объекты, относящиеся к органическим системам, отличаются от неорганических степенью взаимообусловленности и взаимозависимости элементов. Целостность такого рода систем – целостность генетического типа. Органическая система – это прежде всего развивающаяся целостность, единство которой состоит в ее генезисе.

Такое понимание системы принципиально отличается от ее структурно-функциональной интерпретации и связано с иным пониманием роли процесса взаимодействия в развитии системы. В рамках системно-функционального (структурно-функционального) подхода понимание системы как целостного множества взаимосвязанных элементов основано, по существу, на отвлечении от развития рассматриваемых объектов. Изучаемый объект фиксируется в его налично-данном состоянии, поскольку элементы его структуры рассматриваются не как развивающиеся во взаимодействиях друг с другом, а лишь как функционирующие в рамках системы. “Хотя при таком подходе признается, что для фиксации системы необходимо задать присущий ей тип отношений, – отмечает В.П.Фофанов, – тем не менее неявно допускается, что элементы существуют якобы до и независимо от соответствующего отношения”⁵. Согласно же системно-генетическому подходу, главным в системе признаются не элементы как таковые, а наоборот, специфическое отношение, порождающее в процессе своего формирования и развития соответствующие качественные и количественные характеристики элементов, а уже элементы, в свою очередь, образуют структурные компоненты подсистем.

Следовательно, системно-генетический анализ не только учитывает развитие рассматриваемых объектов, но и позволяет рассматривать структуру объектов в динамике, через становление функций элементов в целостной системе. Тем самым “системный подход включает в себя единство двух аспектов: генетического и функционального. Генетический призван раскрывать механизмы перехода системы от одного этапа к другому в процессе ее становления, развития и происхождения. Функциональный аспект – это описание механизмов воспроизводства (функционирования) системы на том или ином отдельно взятом этапе ее жизни. Два аспекта неразрывно связаны: воспроизводство есть способ развития системы. Вместе с тем в каждый данный момент оно относительно обособлено от целостного процесса развития”⁶.

Таким образом, в рамках системно-генетического подхода признается соотносительность понятий объекта и процесса. Объект рассматривается как движущееся образование, т.е. процессуально. Поскольку его структура задается отношением, или взаимодействиями, элементов, которые изменяются в процессе этих взаимодействий, постольку данная структура есть не что иное, как снятый генезис системы. Фактически структура реально существует лишь в качестве воспроизводства взаимодействий. Стабильность осуществляется за счет воспроизводства определенного типа взаимодействий, а изменчивость – за счет взаимодействия качественно различных элементов, т.е. за счет их разнообразия. Поэтому для исследования не только налично-данного состояния, но и развития объектов вполне обоснованным является использование системно-генетического подхода как включающего в себя структурно-функциональный в качестве своего внутреннего аспекта. Тем более, что социальные системы представляют собой крайне динамичные структуры.

В теоретическом отображении общества как системы ведущую методологическую роль на самых разных уровнях абстракции играют представления о социальном взаимодействии. Однако применение системно-генетического подхода для анализа социальных систем требует такой репрезентации концепта социального взаимодействия, которая в силу своей абстрактности позволяла бы, во-первых, обогащать теоретическую конструкцию различным содержанием и, во-вторых, обладала бы достаточным объяснительным потенциалом при исследовании самых различных явлений социальной действительности в их развитии. Теоретическая модель социального взаимодействия, разработанная с позиций системно-генетического подхода, может быть сформулирована следующим образом⁷.

В качестве основных условий, детерминирующих процесс социального взаимодействия, предполагаются носители живой деятельности – субъекты и ставшая уже опредмеченной деятельность предшествующих поколений. В качестве социальных субъектов выступают люди в составе различного рода общностей (групп). «Деятельность субъекта как сложного целого (группы) соотносительна с деятельностью его контрсубъекта, она существует лишь как взаимная деятельность, – пишет В.П. Фофанов. – Реально существует именно взаимодействие субъектов, так что деятельность каждого из них есть составляющая, которая не может быть понята вне данного целого. Взаимодействие это имеет исторический характер, оно зависит от своей истории, воплощенной в снятом виде в опредмеченной деятельности. Таким образом, простейшая система социальной деятельности есть самовоспроизводящийся цикл. Условия в виде опредмеченной деятельности детерминируют деятельность каждого из субъектов; разнонаправленная деятельность каждого из субъектов снимается их взаимодействием; взаимодействие опредмечивается, модифицируя условия; новые условия полагают новый акт взаимодействия субъектов и т. д. Через воспроизводство таких циклов воспроизводится и развивается всякая социальная система»⁸.

Воспроизводство циклов социального взаимодействия в общественном развитии позволяет определять их как общественное отношение. Основное содержание социального взаимодействия составляет обмен деятельностью между субъектами, который постоянно изменяет субъектов, а тем самым и систему в целом. При этом действия субъектов по отношению друг к другу становятся взаимообусловленными, а взаимодействие – необходимым, и тем самым образуется самовоспроизводящаяся система общественных отношений. Общественное отношение в этом смысле есть осуществляемый в определенных конкретно-исторических условиях конкретный вид взаимодействия социальных субъектов.

Сформулированные в рамках системной трактовки социальной деятельности принципиальные положения системно-генетического подхода, а также теоретические и методологические представления о социальном взаимодействии позволили новосибирским этносоциологам разработать концептуальную схему всемирно-исторического процесса с учетом той роли, которую играют в нем такие социальные субъекты, как национальные общности, социальные организмы и культуры. В свою очередь, сама эта концепция выполняет определенную методологическую функцию по отношению к исследованиям этносоциальных процессов на других, более конкретных уровнях теоретизирования.

Применение системно-генетического подхода для концептуального отображения всемирно-исторического процесса требовало представления об общественном развитии как становящемся пространственно-временном единстве, формируемом в ходе взаимодействия различных общественных образований. Такое представление было реализовано, в частности, в философско-социологических исследованиях межкультурных взаимодействий⁹, определении роли социального взаимодействия на трех уровнях теоретического отображения целостности общества: на уровне общественно-экономической формации, где общество определяется во взаимодействии с природой как объектом своей целеполагающей активности, вызванной необходимостью производства материальных благ; на уровне отдельных социальных организмов как сторон собственно социального взаимодействия; на уровне культуры как конкретно-исторического бытия отдельного социального организма, становящегося уникальным в системе межкультурных взаимодействий¹⁰.

На абстрактном уровне «общество вообще» (социум) определяется в качестве органической системы, которая, согласно теории органического развития, зафиксированной в работах Г. Гегеля и К. Маркса, «во-первых, превращает внешние предпосылки своего существования во внутренние условия своего развития; во-вторых, в своем развитии присваивает, беря извне, недостающие ей органы либо воспроизводит их из себя; в-третьих, элементы этой системы воспроизводят свое существование через воспроизводство других ее элементов»¹¹. Представленное таким образом «общество вообще» раскрывается в последующих теоретических положениях путем развертывания анализа логики этапов становления его системной организации (социогенеза): выделения общества из природы (воспроизводство живых человеческих индивидов), формирования сферы производства «материальных благ» и системы социальных отношений, а также воспроизводства самой формы общения¹².

Дальнейшее развертывание теоретических положений осуществляется через введение в теорию представлений об “обществе вообще” и всемирно-историческом процессе как развивающемся единстве многообразия отдельных социальных организмов. Это становится возможным на основе конкретизации положений о пространстве внутренних социальных взаимодействий, в качестве сторон которых рассматриваются отдельные социальные организмы. Тем самым вводится представление о социальном организме как элементарной единице всемирно-исторического процесса.

Под отдельным социальным организмом понимается конкретное, единичное общество, содержательные границы которого заданы его формационной принадлежностью, что определяет тип отношений внутри общества, детерминируемый существующей сферой материального производства. Иначе говоря, отдельный социальный организм есть определенным образом ограниченная система общественных отношений, существующая рядом с другими такими же ограниченными системами. Различные по содержанию предмета социального взаимодействия политические, экономические, идеологические и другие общественные отношения выступают структурообразующими элементами социальной системы как отдельного социального организма. В свою очередь, “многообразие отдельно существующих социальных организмов, формирующихся как в развитии собственных взаимодействий с природой, так и через снятие взаимодействий с другими, существующими отдельно, но не изолированно друг от друга социальными организмами, и составляет целостность всемирно-исторического процесса”¹³. Будучи представленным в качестве внутренне дифференцированного, но вместе с тем интегрированного в становящееся органическое целое, всемирно-исторический процесс рассматривается как взаимодействие отдельных социальных организмов.

Если понятие отдельного социального организма лишь типологически определяет множество существующих во времени и пространстве обществ и не фиксирует отдельные общества как конкретно-исторические типы в их уникальности, то понятие культуры, вводимое на следующем, более конкретном уровне теоретизирования, восполняет указанный пробел. Понятие “культура” вносит в теорию представление об уникальности множества конкретно-исторических обществ, развивающихся благодаря многообразию их взаимодействий друг с другом, и определяется как конкретно-историческое бытие отдельного социального организма. В дальнейшем теоретическом движении предметное определение истории формулируется как процесс становления субъектности органической системы человечества.

Применение системно-генетического подхода для отображения всемирно-исторического процесса реализуется благодаря раскрытию динамики межкультурного взаимодействия социальных организмов. На начальном этапе данного процесса каждая из сторон взаимодействия открывает другую как некую иную предметность и относится к ней как к объекту своей деятельности, т.е. внешнему, чисто природному условию своего существования. Однако уже на этом этапе сама фиксация наличия иного потенциально содержит в себе установление с ним активного контакта как условие собственного развития каждой из сторон.

Последующий этап взаимодействия развивается уже как процесс культурного обмена, в ходе которого взаимодействующие стороны открываются не только в своей объектности, но и в субъектности. Каждое из взаимодействующих обществ определенно принимает и снимает своей деятельностью другую сторону взаимодействия как активную причину собственного развития, и, напротив, эта иная сторона устанавливает аналогичное отношение к своему контрсубъекту как субъекту собственного развития.

В процессе культурного обмена происходит взаимное присвоение “мира социальных вещей” взаимодействующими обществами, однако присвоение вещей неразрывно связано с усвоением социальных норм производства и потребления. Каждая из взаимодействующих сторон в процессе взаимодействия соотносится не только с другой стороной, но и с самой собой. Данный процесс определяется как рефлексия, при которой происходит снятие внешних предпосылок существования общества-субъекта во внутренние условия его развития, а это, в свою очередь, требует и внутренних системных изменений каждой из взаимодействующих сторон.

Переход от субъект-объектных к субъект-субъектным, взаимно рефлексивным взаимодействиям как новый этап в нарастании системности становится возможным через формирование общего для взаимодействующих культур объекта деятельности. Результатом этой деятельности выступает формирование нового системного единства, возникновение нового социального организма, в котором предшествовавшие стороны взаимодействия могут быть лишь относительно обособленными элементами. Межкультурные взаимодействия, обусловившие становление этого единства, не исчезают в нем, но в снятом виде присутствуют в новой культуре как субстрат тех, уже внутрикультурных, взаимодействий, которые обеспечивают подвижную целостность элементов новой органической системы¹⁴. Тем самым применение системно-генетического подхода позволяет объяснить не только динамику развития отдельных культур в процессе их взаимодействий, но и становление новых поликультурных образований.

В качестве одного из наиболее интересных результатов, полученных новосибирскими этносоциологами путем применения принципов системно-генетического подхода, следует отметить синтезирование линейных (формационных, стадийных) и нелинейных (цивилизационных и культурологических) трактовок в сетевой модели всемирно-исторического процесса. Так, анализ исходных методологических позиций формационных и цивилизационных концепций обнаруживает не только их собственные взаимоограничения, но и потенциальные возможности взаимного снятия противоречий, возникающих в процессе теоретического отображения пространственно-временных аспектов социальной реальности. Поскольку линейная трактовка всемирно-исторического процесса в большей степени акцентирует внимание исследователей на его временных аспектах, а нелинейная – на пространственных, постольку они должны не взаимоисключать, а взаимодополнять друг друга при теоретическом отображении единства пространственно-временного континуума социального бытия.

В рамках сетевой трактовки всемирно-исторического процесса последний характеризуется некоторой целостностью, снимающей в себе развитие локальных цивилизаций, отдельных социальных организмов и национальных общностей¹⁵. Как отмечает Ю.В. Попков, он предстает в качестве диахронного процесса последовательной смены определенных стадий социальной эволюции, одним из необходимых условий которой являются синхронные взаимодействия различных социальных образований. Объяснить смену стадий развития тех или иных народов исходя лишь из внутренних условий их жизни невозможно, – она всегда обусловлена взаимодействием внутреннего и внешнего, определяется не только конкретно-историческими, но и общеисторическими условиями. Поэтому реальный процесс развития человеческого общества можно адекватно понять, только если рассматривать его с позиций и генетического (диахронного), и структурно-функционального (синхронного) аспектов системно-генетического подхода. Абсолютизация одного из аспектов неизбежно ведет к искажению действительной картины социальной эволюции¹⁶.

Кроме того, две отчетливо наблюдаемые в мировом развитии тенденции: развертывание процессов глобализации, углубление экономической интеграции, взаимозависимости стран и народов, с одной стороны, и усиление национальной идентификации, национальной фрагментации, локального обособления – с другой, – в существующей научной литературе рассматриваются, как правило, независимо друг от друга либо одна из них абсолютизируется. Между тем благодаря применению системно-генетического подхода при анализе современного общественного развития исследователи-этносоциологи обосновывают развертывание указанных тенденций именно как взаимообусловленных¹⁷.

Следует подчеркнуть, что теоретико-методологические разработки этносоциологов, касающиеся всемирно-исторического процесса, опираются на результаты конкретных и теоретических исследований, проводимых сибирскими археологами, историками, этнографами и самими этносоциологами. Методологические основы новосибирской школы этносоциологии заложил академик А.П. Окладников, поскольку именно его фундаментальные идеи об интеграции культур начиная с эпохи палеолита и об устойчивости этнического субстрата на протяжении тысячелетий, а также реализуемые им комплексный и междисциплинарный подходы были активно использованы этносоциологами.

Еще в 1970-е годы на основе обобщения археологических исследований А.П. Окладников пришел к выводу о том, что этносы и культуры находятся в постоянном движении, развиваются во времени и пространстве. Формулируя цели своих исследований, он отмечал: "...Я стремился выявить общие закономерности исторического процесса, последовательность его этапов, а вместе с тем и локальные черты этого процесса, отраженные в своеобразии конкретных культурных комплексов, в их взаимодействии"¹⁸. Осуществив подробный анализ конкретных форм взаимодействия населения различных регионов – обмена и заимствований орудий труда, сырья, технического опыта, эстетических вкусов, элементов фольклора и даже мифов, А.П. Окладников сделал следующее заключение: "Мир издревле был тесен. С самого начала истории племена и народы соприкасались друг с другом, взаимодействовали, обмениваясь культурными ценностями, внося при этом нечто собственное, самобытное в единый культурно-исторический процесс, в экономическую и политическую жизнь человечества"¹⁹. В дальнейшем анализ результатов конкретных исторических, археологических, этнографических исследований, проведенный этносоциологами, подтвердил этот вывод. Этому способствовало применение принципов системно-генетического подхода при анализе взаимодействий национальных общностей, благодаря чему получила свое дальнейшее развитие концепция интернационализации²⁰.

Обобщая опыт теоретических исследований новосибирской школы этносоциологии, можно сказать, что именно использование системно-генетического подхода для развития концепций общественных отношений, анализа генезиса и внутренней структуры социального организма, исследования межкультурных и национальных отношений открыло новые возможности в конструировании моделей развития и функционирования конкретных социальных образований (социальных организмов, культур и национальных общностей) в контексте всемирно-исторического процесса. Это, в свою очередь, позволило представителям

данной школы разработать принципиальную схему всемирно-исторического процесса, снимающую в себе линейные и нелинейные представления о развитии общества, и тем самым заложить основы принципиальной схемы общей социологической теории, а также ряда концепций уровня отраслевой социологической теории.

По своему методологическому статусу рассмотренные теоретико-методологические положения имеют характер общесоциологической теории, в которой заложены возможности дальнейшего развития с помощью процедур интерпретации и операционализации этих моделей до уровня репрезентации в своем содержании конкретных процессов общественного развития. Что же касается того, как положения общих теоретических разработок транслируются и преломляются в конкретных этносоциологических исследованиях, — это уже предмет отдельного, не менее обстоятельного разговора.

Примечания

¹ Наиболее крупными работами данной школы являются: *БАМ и народы Севера*. — Новосибирск, 1977; *Бойко В.И.* Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. — Новосибирск, 1973; *Бойко В.И.* Социальное развитие народов Нижнего Амура. — Новосибирск, 1977; *Бойко В.И.* Социально-экономическое развитие народностей Севера: программа координации исследований. — Новосибирск, 1988; *Бойко В.И., Васильев Н.В.* Социально-профессиональная мобильность эвенов и эвенков Якутии. — Новосибирск, 1981; *Бойко В.И., Попков Ю.В.* Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме. — Новосибирск, 1987; *Городское население Тувинской АССР: опыт социологического исследования*. — Новосибирск, 1981; *Жизненный потенциал этнокультурного развития современной Сибири*. — Барнаул; Новосибирск; Москва, 1999; *Исакова Н.В.* Культура народов Севера: философско-социологический анализ. — Новосибирск, 1989; *Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 года*. — Новосибирск, 1989; *Костюк В.Г., Траскунова М.М., Константиновский Д.Л.* Молодежь Сибири: образование и выбор профессии. — Новосибирск, 1980; *Культура народностей Севера: традиции и современность*. — Новосибирск, 1986; *Ларченко С.Г.* Социальные детерминации этнокультурного развития. — Новосибирск, 1999; *Ларченко С.Г., Еремин С.Н.* Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. — Новосибирск, 1991; *Мархинин В.В.* Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни. — Новосибирск 1989; *Мархинин В.В., Удалова И.В.* Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. — Новосибирск, 1996; *Мархинин В.В., Удалова И.В.* Этнос в ситуации выбора будущего. — Новосибирск, 1993; *Молодежь Тувы: социальный портрет*. — Новосибирск, 1988; *Народы Сибири на современном этапе: национальные и региональные особенности развития*. — Новосибирск, 1989; *Нивхи Сахалина: современное социально-экономическое развитие*. — Новосибирск, 1988; *Очерки социального развития Тувинской АССР*. — Новосибирск, 1983; *Попков Ю.В.* Процесс интернационализации у народностей Севера: теоретико-методологический анализ. — Новосибирск, 1990; *Проблемы современного социального развития народностей Севера*. — Новосибирск, 1987; *Социальные проблемы труда у народностей Севера*. — Новосибирск, 1986; *Эвенки бассейна Енисея*. — Новосибирск, 1992; *Этнос в системе межнациональных отношений: регионы Сибири*. — Новосибирск, 1990; *Этносоциальные процессы в Сибири*. — Новосибирск, 1997. — Вып. 1; Новосибирск, 1998. — Вып. 2; Новосибирск, 2000. — Вып. 3.

² *Бойко В.И.* Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. — С. 37, 38.

³ См.: *Фофанов В.П.* Социальная деятельность как система. — Новосибирск, 1981.

⁴ Там же. — С. 30.

⁵ Там же. — С. 31.

⁶ *Фофанов В.П.* Социальная деятельность и теоретическое отражение. — Новосибирск, 1986. — С. 27, 28.

⁷ Излагаемая далее модель социального взаимодействия реконструирована на основе концепции системы социальной деятельности, разработанной В.П. Фофановым.

⁸ *Фофанов В.П.* Социальная деятельность и теоретическое отражение. — С. 25.

⁹ См.: *Ларченко С.Г., Еремин С.Н.* Межкультурные взаимодействия в историческом процессе; *Ларченко С.Г.* Социальные детерминации этнокультурного развития.

¹⁰ См.: *Ларченко С.Г., Еремин С.Н.* Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. — С. 30–47.

¹¹ *Ларченко С.Г.* Социальные детерминации этнокультурного развития. — С. 10.

¹² См.: *Ларченко С.Г., Еремин С.Н.* Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. — С. 30.

¹³ *Жизненный потенциал этнокультурного развития современной Сибири*. — С. 10.

¹⁴ См.: *Ларченко С.Г., Еремин С.Н.* Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. — С. 50–58, 162, 163.

¹⁵ См.: *Мархинин В.В.* Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни; *Ларченко С.Г., Еремин С.Н.* Межкультурные взаимодействия в историческом процессе; *Ларченко С.Г.* Социальные детерминации этнокультурного развития; *Попков Ю.В.* Интернационализация как социальный феномен: общее и особенное: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Новосибирск, 1999; *Фофанов В.П.* Всемирная история как рефлексия цивилизаций // *Гум. науки в Сибири*. — 1999. — №1.

¹⁶ *Попков Ю.В.* Интернационализация как социальный феномен... — С. 28.

¹⁷ Там же. — С. 3.

¹⁸ *Окладников А.П.* Этногенез и культурогенез // *Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Всесоюз. конф.* — Новосибирск, 1973. — С. 7.

¹⁹ *Окладников А.П., Васильевский Р.С.* Северная Азия на заре истории. — Новосибирск, 1980. — С. 5.

²⁰ См.: *Мархинин В.В.* Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни; *Попков Ю.В.* Процесс интернационализации у народностей Севера; *Он же.* К методологии исследования процесса интернационализации. — Новосибирск, 1991; *Он же.* Интернационализация как социальный феномен...

В.В.Бобров
(г. Новосибирск)

МЕСТО И РОЛЬ НАСИЛИЯ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

В последние годы идет масштабное внедрение в общественное сознание населения России таких понятий, как “терроризм” и “экстремизм”. Часто эти слова употребляются в сочетании с прилагательными “религиозный”, “исламский”, “национальный” и т.п. “Идейным” обоснованием для принятия в Москве одного из печально известных нормативных актов стал рост числа случаев “террора” и “экстремизма”. Ограничением присутствия в российской столице людей по этническому признаку московский градоначальник “ввел” в этнологию новое понятие – “лица кавказской национальности”.

Исходный смысл терминов “терроризм” и “экстремизм” заложен в соответствующих латинских словах: первое буквально означает “ужас”, а второе – “крайность”. В Толковом словаре русского языка, изданном в 1940 г., оба эти понятия представлены в максимальном приближении к действительности¹. В Словаре русского языка 1988 г. они получили несколько иной смысл², но в целом оба отражали и отражают практику чрезмерного применения насилия в политической борьбе. Поскольку при разрешении противоречий в социальной форме движения материи используются четыре формы насилия (физическое, экономическое, социальное и духовное), что наиболее рельефно представлено в политической деятельности, правомерно возникает вопрос о приложении к ним понятий “терроризм” и “экстремизм”.

В статье 205 УК РФ терроризм трактуется как “совершение взрыва, поджога и иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти”³. Комментарий к данной статье резко ограничивает сферу возможной интерпретации “иных действий” обвалами, затоплениями, камнепадами и авариями на объектах жизнеобеспечения. За всем этим хорошо просматривается желание законодателя связать понятие “терроризм” только с физической формой насилия. Другие формы насилия, по его мнению, не создают невыносимых условий жизни, не вызывают у людей ужас и не приводят их к гибели.

Оставим эту сторону вопроса пока без ответа и рассмотрим практику применения понятия “экстремизм”. В Уголовный кодекс Российской Федерации это слово пока не вошло, но в лексиконе политических деятелей и представителей средств массовой информации оно получило постоянную прописку. Наиболее часто повторяемые выражения, в которых присутствует понятие “экстремизм”, связаны с оценкой “непарламентских” форм протеста народных масс против деятельности органов государственной власти, направленной на дальнейшее ухудшение их социально-экономического положения. Нетрудно заметить, что любой подобный акт протеста, не вписывающийся в процедурную демократию, можно назвать экстремизмом, а если это сопротивление приобретает форму физического противостояния, то его легко объявить терроризмом.

Поскольку под законодательным прицелом оказались формы организации такого протеста по этническому признаку, полезно познакомиться с весьма любопытным комментарием к ст. 282 УК РФ “Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды”. В этом комментарии особо подчеркивается, что для квалификации преступления по данной статье “не имеет значения, соответствуют или нет действительности приписываемые той или иной нации или расе особенности, черты”⁴.

Какой смысл вложил в него комментатор? Если он имел в виду склонность той или иной этнической группы к определенному образу жизнедеятельности, то обвинения по этой статье можно предъявить значительному числу научных работников, писателей и представителей других профессий, которые, занимаясь этносоциальными проблемами, постоянно выделяют присущие той или иной этнической группе *особенности и черты*. Не могут остаться в стороне и политические деятели: в своих выступлениях по этим вопросам они в обязательном порядке подчеркивают право народов на самобытность.

Если же комментатор умышленно создал уголовно-процессуальный “защитный пожс” для какой-либо группы людей, организованной по этническому признаку и использующей в общественном разделении труда свое преимущественное положение по отношению к остальным членам общества, то его самого целесообразно привлечь к ответственности по этой же статье за соучастие в разжигании межнациональной вражды. Самоорганизация людей в интересах создания для себя благоприятных условий в отношении доступа к совокупному общественному продукту – явление постоянное. Этнический признак при этом, после семейного, занимает важнейшее место⁵. Игнорировать или абсолютизировать данный факт с точки зрения общегосударственных интересов нельзя, ибо этим самым вносится раскол между представителями различных народов.

Необходимость более четкого определения содержания понятий “терроризм” и “экстремизм” обусловлена необходимостью продолжения жизни через поколения на конкретной территории и производством совокупного общественного продукта в условиях общественного разделения труда. Общность занимаемой территории и общественное разделение труда предопределили в общественном сознании людей признание необходимости управления их жизнедеятельностью как общего интереса, который во многом не совпадает с индивидуальными и социально-групповыми потребностями. Поэтому во имя обеспечения территориальной целостности страны, ее политической, экономической и духовной независимости органы государственного управления обязаны подавлять частный интерес. Точно так же во внутренней политике требуется решать задачи по эффективному созданию совокупного общественного продукта, т.е. заставлять людей заниматься общественно-полезной деятельностью. Но при этом в целях обеспечения устойчивости социального развития следует относительно справедливо распределять создаваемый совокупный общественный продукт между членами общества, чтобы удовлетворять притязания его наиболее активной части и обеспечивать нормальные условия жизни всем остальным его членам. Следовательно, любое управление основано на насилии, ибо оно предполагает навязывание воли одного субъекта социального процесса другому или другим. Формы этого насилия разнообразны. Из них наиболее осязаемым для чувственного восприятия людей является физическое насилие. Именно по этой причине террор и экстремизм связываются в общественном сознании в первую очередь с ним. Если же рассматривать проблему управления всесторонне, то необходимо учитывать и такие формы насилия, как экономическое, социальное (нравственно-правовое) и духовное. Значит, понятия “терроризм” и “экстремизм”, подчеркивающие чрезмерность насилия, применимы и к указанным формам. Проблема состоит в выяснении критериев, позволяющих определить эту чрезмерность, и вполне естественно возникает вопрос о правомерности и границах использования в политической борьбе насилия.

Основные вопросы, связанные с необходимостью принятия органами государственного управления определенных решений в интересах обеспечения устойчивости социального развития российского общества, рассматривались нами в ряде предыдущих публикаций⁶. Задача, поставленная в данной статье, заключается в выяснении функциональных границ и оправданности использования понятий “терроризм” и “экстремизм” при анализе проблем управления процессами социального развития применительно к этническому уровню. Цели и средства управленческого процесса общегосударственного уровня интересов можно представить в виде таблицы.

Цели и средства управления

Общегосударственный интерес	Физическое насилие	Экономическое насилие	Социальное насилие	Духовное насилие
Территориальная целостность страны	+	+	+	+
Политическая независимость страны	+	+	+	+
Социально-экономическая независимость страны	+	+	+	+
Духовная независимость страны	+	+	+	+
Эффективное создание СОП	+	+	+	+
Справедливое распределение СОП	+	+	+	+

Для исследования этой темы будет полезной историческая справка. Считается, что современная западная политическая наука берет свое начало в классической греческой философии. Второе дыхание она получила в эпоху Возрождения. В промежутке между античностью и XV в. политическая мысль определялась теориями стоиков и идеологией патристики. Первым мыслителем в этой области, идеи которого актуальны и в настоящее время, стал Никколо Макиавелли (1469–1527). Именно в его произведениях получили развернутое описание цели политической деятельности и основные формы насилия, которые рекомендовались государю для обеспечения целостности государства. В частности, рассматривая вопрос о том, “какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть”⁷, Макиавелли выделил в качестве основных средств воздействия следующие:

используя наследственную власть, “не преступать обычая предков и впоследствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам. ...Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми”⁸;

при завоевании страны “следует принять лишь две меры предосторожности: во-первых, проследить за тем, чтобы род прежнего государя был искоренен, во-вторых, сохранить прежние законы и подати. ...С врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой”⁹;

“если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам”, то “одно из самых верных и прямых средств для этого – переселиться туда на жительство. ...Людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое – не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитывать так, чтобы не бояться мести. ...Нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворить притязания знати, но можно – требования народа. ...С враждебным народом ничего нельзя поделать, ибо он многочислен, а со знатью – можно, ибо она малочисленна. Народ, на худой конец, отвернется от государя, тогда как от враждебной знати можно ждать не только того, что она отвернется от государя, но даже пойдет против него. ...Государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать”¹⁰.

Таким образом, Макиавелли достаточно четко выразил необходимость активного применения таких форм насилия, как физическое и социальное. И это характерно для феодального устройства общества, в котором экономическое и духовное насилие имело второстепенное значение. Макиавелли призывает государя быть в меру щедрым и предпринимать такие действия, чтобы подданные о нем думали хорошо. Однако эти пожелания всего лишь вытекают из способов решения актуальных проблем с помощью преимущественно физического и социального насилия.

Анализируя воззрения Макиавелли, нельзя не учитывать двух обстоятельств, во власти которых он находился в то время. Во-первых, в странах Западной Европы после реформ папы Григория VII в системе общественных отношений утвердился культ духа двух мечей: духовного и мирского. Острое соперничество церковной и светской юрисдикций постепенно утверждало “не только правление законом (rule by law), но и господство права (rule of law)”¹¹. Иначе говоря, то, что феодализм в эпоху своего становления вывел на одно из первых мест социальную форму насилия, выражающуюся в стремлении утвердить в представлении народов иерархическую структуру общественного устройства, стабильность существующих нравов и обычаев, божественное происхождение власти и тем самым обеспечить ее наследственную передачу, в эпоху Возрождения стало оборачиваться против самих феодалов. Поэтому Макиавелли придавал такое большое значение борьбе за власть с помощью законов. Во-вторых, с ростом товарооборота стали заметно ощущаться все издержки феодальной раздробленности Европы. Главной движущей силой перемен, направленных на объединение, становилось расширяющееся влияние городов. Однако экономическое насилие еще не получило того значения, которое оно приобрело после буржуазных революций. Одну из важнейших задач власти на данном этапе социального развития Макиавелли видел в создании централизованного национального государства. “Обдумывая все сказанное, – писал он, – и размышляя наедине с собой, настало ли для Италии время чествовать нового государя и есть ли в ней материал, которым мог бы воспользоваться мудрый и доблестный человек, чтобы придать ему форму – во славу себе и на благо отечества, – я заключаю, что столь многое благоприятствует появлению нового государя, что едва ли какое-либо другое время подошло бы для этого больше, чем наше”¹². Вопрос о терроризме и экстремизме по этническому признаку во времена Макиавелли в силу преобладания физической и социальных форм насилия не возникал.

Утверждение в процессах социального развития приоритета экономической формы насилия перед остальными активно происходило в XVII–XVIII вв. Действуя в рамках существующих норм и правил, буржуазия добивалась устранения правовых препятствий на пути предпринимательской инициативы, т.е. отмены налоговых льгот для дворянства и духовенства, упразднения всех сословных делений, привилегий и повинностей и т.д. Идейным обоснованием этих требований стало учение о естественном законе и естественных правах людей. Первую попытку его систематического изложения осуществил Гуго Гроций (1583–1645) в работах “Свободное море” (1609) и “О праве войны и мира” (1625). Гроций заслуженно считается отцом политической науки в области международного права, так как поставил целый ряд актуальных для своего времени вопросов, касающихся разрешения проблем собственности, порядка ведения войн и т.д. Если учесть варварскую практику современной ему Тридцатилетней войны, то его требования о гуманном отношении к военнопленным и правилах обращения с женщинами и детьми следует признать предтечей будущих международных соглашений.

Наиболее полно взгляды о естественном праве были изложены Томасом Гоббсом (1588–1679) в его сочинении “Левиафан”. Подобно Гуго Гроцию, Гоббс пытался исследовать абстрактно взятую природу человека и вывести из нее то, что представляет собой государство. В результате он сформулировал первый естественный закон: нужно искать мира и тем самым положить конец “войне всех против всех”. Для этого надо было заключить общественный договор, который впоследствии стал основанием для новой формы взаимного общения людей – государства. Второй естественный закон гласит: договоры следует выполнять. Из этих двух законов Гоббс вывел ряд других законов и придал им статус законов морали. В их число он включил обязанности проявлять благодарность и уважение к другим, прощать прошлые обиды, признавать равенство людей по природе и т.д. Именно эти гуманистические идеи смогли породить в общественном мнении представление о чрезмерности использования в политической деятельности физического насилия и создали основу для появления соответствующего им вербального оформления.

Более живописно идею общественного договора сформулировал Ж.Ж.Руссо (1712–1778). Ключевыми положениями его теории стали единый, неделимый и неотчуждаемый народный суверенитет, общая воля большинства и гражданская религия, “которая заставила бы ...любить свои обязанности”. Хотя Великая французская революция была наполнена фразеологией из “Общественного договора” Руссо, определяющую роль в ней сыграли все же идеи Ш.Л.Монтескье (1689–1755) о разделении и формах организации власти, представленные им в работе “О духе законов” и идущие еще от Дж.Локка. Видный деятель Учредительного собрания аббат Э.Ж.Снейес (1748–1836) в своих речах основывался на теоретических положениях того и другого мыслителя, но в практических решениях предпочтение отдавал идеям Монтескье. Смысл его требований заключался в конституционном ограничении единовластия монарха и обеспечении населению страны равного доступа во властные структуры по имущественному признаку. Он заявлял, что только граждане, платящие налоги, как “акционеры великого социального предприятия” должны пользоваться избирательными правами. Иначе говоря, выдвижение на первое место экономической формы насилия осуществлялось посредством широкого использования духовных или идейно-политических средств, вплоть до морального уничтожения политических противников сатирой. Так в феодальных государствах обеспечивалась возможность влияния на политические процессы тех, кто обладал реальным богатством.

Как видно из сказанного выше, приоритет экономической формы насилия устанавливался и утверждался достаточно сложным путем. Притязания сформировавшейся буржуазии идейно обосновывались на уровне индивидуальных интересов людей и своим острием были направлены против системы феодальных отношений, т. е. против сословной иерархии, привилегий по рождению, наследственности власти и т.д.

Когда в результате буржуазных революций система общественных отношений, основанная на приоритете экономической формы насилия, утвердилась, возникли новые узлы противоречий. В первую очередь это противоречия между общественным характером трудовой деятельности и частнособственным присвоением результатов труда, противопоставившие друг другу владельцев средств производства и наемных работников. Феодал из хозяина и благодетеля превратился просто в хозяина. Следовательно, влияние наследственности власти и соответствующих ей нравственно-правовых норм существенно снизилось. На второе место по своей значимости вышли противоречия, обусловленные конкурентными отношениями между товаропроизводителями. На эти социальные процессы наложились обстоятельства, связанные со взаимной борьбой между капиталистическими странами за колонии и рынки сбыта. Поэтому экономическое насилие с необходимостью сопрягалось с физическим. При решении международных проблем определяющее значение приобрела война. Для этого потребовались соответствующие идеологические обоснования.

XIX столетие представило миру разнообразные концепции, в которых отразилось стремление юридически закрепить приоритет общего над единичным. Например, Жозеф де Местр (1754–1821) активно критиковал естественно-правовую теорию и особенно воззрения Ж.Ж.Руссо. Он утверждал, что в природе одни существа неизбежно живут за счет других и питаются ими; основным условием всякой жизни является употребление одних существ другими. Состояние войны есть вечный порядок и закон мироздания. Ему вторили Л.Бональд (1753–1840), Г.Гуго (1764–1844), Ж.Гобино (1816–1882) и др. В этот же ряд можно поставить политические теории Г.Ф.Пухты, И.Канта, И.Г.Фихте, Г.Гегеля, И.Бентама, Дж.Ст.Милля, О.Конта и Л.Штейна, в которых, несмотря на существенные их внешние различия, также утверждался примат общего над единичным и особым. Предлагаемые ими системы общественных отношений на первые места фактически вывели экономическую и физическую формы насилия. Идеи гражданского общества и правового государства замаскировали социальную сущность буржуазного общественного устройства и создали условия для массированного идеологического обеспечения устойчивого функционирования буржуазного государства. Достаточно ярким примером использования разнообразных форм насилия является деятельность англичан по завоеванию Североамериканского континента. Наряду с откровенным физическим насилием и подкупом (экономическим воздействием) в отношении индейских вождей широко использовалось договорное право как составной элемент социального насилия. Оно давало правительству США выигрыш во времени для концентрации необходимых ресурсов на стратегически важных направлениях. С вождями индейских племен было заключено более 800 договоров. Ни один из них колонизаторами не был выполнен.

С появлением в XX в. на международной арене транснациональных корпораций все формы насилия приобрели совершенно новое содержание. В интересах обеспечения деятельности этих могущественных экономических монстров возникло множество надгосударственных структур, центральное место в которых заняла Организация Объединенных Наций. Однако все это не изменило соотношения форм насилия. На первом месте по-прежнему остается экономическое насилие, сопровождаемое физическим. Социаль-

ное насилие международного права и духовное насилие средств массовой информации полностью подчинены необходимости обеспечения деятельности транснациональных корпораций индустриально развитых стран мира.

Для проникновения в национальные экономики с целью установления над ними глобального контроля в настоящее время используются самые разнообразные средства. Под влиянием надгосударственных структур в систему права национальных государств внедряются нормы, определяющие, в частности, приоритетное положение норм международного права перед национальными, прав человека перед правами народов и т.д.

Концепция прав человека во второй половине XX в. вновь получила широкое распространение. Почему США в 1974 г. взяли ее себе на вооружение в качестве идеологического обеспечения своей внешнеполитической деятельности?

Во-первых, идея прав человека, отражающая индивидуальный уровень его интересов, чрезвычайно привлекательна, так как оправдывает любые притязания индивидов к обществу, не налагая на них никакой ответственности за положение дел в нем. В этом отношении идея прав человека создает возможности для атомизации социальной среды в стране применения.

Во-вторых, идея прав человека, направляющая человеческое сознание на поиск возможностей индивидуального самоутверждения в рамках существующей системы нормативных требований, не посягает на сущностную природу самого законодательства. В этом отношении она не представляет опасности для социальных групп, обладающих финансово-экономическим господством в стране, диктующих в своих интересах “правила игры” и осуществляющих на их основе экономическое насилие.

В-третьих, идея прав человека предоставляет возможность мировым державам через различные правозащитные международные организации осуществлять вмешательство в дела любой страны, руководство которой пытается вести самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

В-четвертых, идея прав человека позволяет людям с двойным гражданством беспрепятственно удовлетворять свои индивидуальные или социально-групповые интересы в стране пребывания, не неся ответственности за последствия своей деятельности в ней.

В-пятых, идея прав человека, реализуемая в ныне существующем варианте отмены смертной казни, дает возможность правящей верхушке безнаказанно совершать любые противоправные действия и при этом уходить от адекватной ответственности за содеянное. Для основной массы населения страны юридическая отмена смертной казни не означает ее фактической отмены.

В-шестых, идея прав человека, концентрируя внимание обывателя на частных случаях, уводит его сознание от “математики больших чисел” и возводит единичное в статус всеобщего.

Все это достаточно красноречиво доказывает социальную опасность абсолютизации в общественном сознании идеи прав человека. Что касается международных отношений, то здесь идею прав человека целесообразнее использовать в комплексе с идеями, отражающими необходимость уважения территориальной целостности стран, их политической, экономической и духовной независимости от внешнего влияния.¹³

Таким образом, в экономически слабых странах создаются законодательные условия для беспрепятственного проникновения в их экономику транснациональных корпораций индустриально развитых стран. В то же время все эти процессы регулируются физической формой насилия. В избранных для этого странах специально создаются узлы напряженности, как правило на почве межэтнических противоречий. При этом используются самые различные идейные обоснования, – от “защиты прав человека” до “борьбы против терроризма”. В результате подобных мер, предпринимаемых “международным” сообществом в интересах конкретной страны (группы стран), устанавливается контроль над зонами интересов. Наглядным примером служат события последних лет на территории бывшего СССР, Югославии, Ирака и т.д. Процессы приобретают достаточно сложный характер. С одной стороны, осуществляется глобальное, преимущественно экономическое и духовное, насилие. С другой стороны, навязываются локальные межэтнические конфликты, в которых преобладают физическая и социальная формы насилия.

При оценке чрезмерности насилия выдвижение на первое место этнического фактора объяснимо. Народы, подвергшиеся массированному экономическому насилию и неспособные противопоставить аналогичную силу, вынуждены сопротивляться преимущественно физически осязаемыми средствами. Это обстоятельство дает возможность сильной стороне интенсивно использовать против них также и средства духовного и социального насилия, в которых понятия “терроризм” и “экстремизм” занимают доминирующее положение. С их помощью создается благоприятное для агрессора общественное мнение, оправдывающее применение против той или иной этнической группы не только экономического давления, но и военной силы.

Таковы общие тенденции развития глобальных социальных процессов. Основной и естественной причиной тотального применения в них всех форм насилия является усиливающаяся в условиях роста численности населения Земли борьба за ресурсы жизнедеятельности. Индустриально развитые страны никогда не

шли и не пойдут на снижение имеющихся у них жизненных стандартов. Они будут продолжать увеличивать антропогенное давление на биосферу и решать возникающие проблемы за счет остальных народов Земли. В их арсенале имеется обширный набор средств воздействия, в том числе меры духовного насилия, направленные на формирование у населения стран, богатых ресурсами, соответствующих моделей социального поведения. В интересах атомизации в этих странах социальной среды широко используются понятия "терроризм" и "экстремизм", хотя нетрудно заметить, что эти понятия правомерно использовать лишь в тех случаях, когда насилие направлено против общегосударственного интереса. Между тем в лексиконе современных российских политиков терминология, отражающая государственные интересы нашей страны, практически отсутствует. Это говорит о том, что социальный слой, который реально принимает решения в России, фактически находится под внешним контролем. Рассчитывать в таких условиях на некую самоорганизующуюся силу, способную противопоставить себя массированному экономическому и физическому насилию транснациональных корпораций ведущих стран мира, обеспеченному всесторонним социальным и духовным насилием, пока не приходится. Следовательно, требуется найти возможности для сохранения и развития имеющегося в России морально-политического и научно-технического потенциала, а энергию внешнего экономического и физического насилия максимально использовать для решения собственных социально-экономических проблем.

В решении всех этих задач существенное место принадлежит науке, в том числе и политической, которая должна преодолеть навязанную извне традицию действий в рамках инструментальной демократии и научиться вырабатывать предложения в интересах России. В сфере правотворческой и правоприменительной деятельности необходимо вести активную идейно-теоретическую и практическую борьбу против господствующих в настоящее время представлений о приоритете формального права и добиваться создания такой законодательной системы, которая бы в динамическом режиме отражала баланс социально-групповых интересов в обществе. Решению данной задачи будет способствовать массовое участие российских ученых-обществоведов в борьбе за умы и сердца людей, в частности в дискуссиях по терминологическим вопросам. Представляется актуальным в выступлениях ученых перед населением страны всесторонне показывать все формы политического насилия. Следует также разъяснять, с одной стороны, правомерность применения понятий "терроризм" и "экстремизм" ко всем формам насилия и, с другой стороны, обусловленность любого насилия индивидуальными и социально-групповыми интересами. Далее, необходимо показать, что использование в политической борьбе той или иной формы насилия обосновано и оправдано только тогда, когда надо отстоять общегосударственные интересы, а именно, сохранить территориальную целостность страны, ее социально-политическую, экономическую и духовную независимость, а также когда это диктуется потребностями эффективного создания совокупного общественного продукта и его справедливого распределения между членами общества. Только в этом случае в России могут сложиться условия для того, чтобы на первое место вышла социальная форма насилия, а насилие экономическое отошло на второй план.

Примечания

¹ "Террор. 1) Физическое насилие по отношению к политическим врагам. 2) Период активной расправы с политическими противниками" (*Толковый словарь русского языка*: В 4 т. – М., 1940. – Т.4. – С. 693). "Экстремизм. Склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущественно в политике" (Там же. – С.1411).

² "Террор – политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами" (*Словарь русского языка*: В 4 т. – М., 1988. – Т.4. – С.359, 360). "Экстремизм – приверженность к крайним взглядам и мерам..." (Там же. – С.754).

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 1996. – С.467.

⁴ Там же. – С. 656.

⁵ См.: Бобров В.В. К проблеме устойчивости этносоциального развития // *Этносоциальные процессы в Сибири*: Тематический сборник. – Новосибирск, 1997. – Вып. 1. – С.12–21.

⁶ См.: Бобров В.В. Устойчивое развитие в свете теории потребностей // *Гум. науки в Сибири*. – 1996. – №1. – С.14–19; *Он же*. К постановке проблемы "устойчивое развитие общества" // *Гум. науки в Сибири*. – 1997. – №1. – С.20–25; *Он же*. К проблеме устойчивости этносоциального развития; *Он же*. Устойчивое социальное развитие: аксиологический аспект // *Гум. науки в Сибири*. – 1998. – №1. – С.49–53; *Он же*. Этнокультурный аспект в социальном развитии // *Этносоциальные процессы в Сибири*: Тематический сборник. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С.49–59; *Он же*. Устойчивое социальное развитие: экономический аспект // *Гум. науки в Сибири*. – 1999. – №1. – С.49–53; *Он же*. Устойчивое социальное развитие: правовой аспект // *Гум. науки в Сибири*. – 2000. – №1. – С.59–64; *Он же*. Всеобщее, единичное и особенное в этносоциальном развитии // *Этносоциальные процессы в Сибири*: Тематический сборник. – Новосибирск, 2000. – Вып. 3. – С.5–10; и др.

⁷ Макиавелли Н. Избранные сочинения. – М., 1982. – С.303.

⁸ Там же. – С.303, 304, 316, 317.

⁹ Там же. – С.305, 351.

¹⁰ Там же. – С.306, 329.

¹¹ Берман Г.Д. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998. – С.10.

¹² Макиавелли Н. Избранные сочинения. – М., 1982. – С.375, 376.

¹³ См.: Бобров В.В. К цели правового обеспечения устойчивости социального развития // *Выпускник НГУ и научно-технический прогресс*: Мат. междунар. конф. Новосибирск, 22–24 сентября 1999 г. – Новосибирск, 1999. – Ч.2. – С.104–109.

Е. В. Захарова
(г. Новосибирск)

К ОБОСНОВАНИЮ АКТУАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА “ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ”

К настоящему времени появилось большое количество отечественных и зарубежных исследований, посвященных проблематике “этничности” и “этнической идентичности”. У представителей различных гуманитарных дисциплин наглядно прослеживается стремление разобраться в “сущности”, функциях и механизмах формирования и развития этнической идентичности, что свидетельствует о возрастающем интересе к данной проблематике. Чем же это вызвано? Чтобы разобраться в причинах такого интереса, важно отметить, что попытки “осознать” существование различных аспектов указанного феномена стали предприниматься именно в XX в. Во многом это связано с наличием глобальных изменений в политических, экономических, социальных и культурных структурах мирового сообщества. Однако осознание этих изменений не отражается в настоящее время в какой-либо универсальной понятийной, ценностной или идеологической системе. Даже представители философии, претендующие на свою “предназначенность” в осмыслении и формировании глобальной картины мира и места человека в нем, осуществляют сегодня свои исследования не в “монологичном” поле единой теории, а в рамках многообразных направлений и учений, в том числе и путем переосмысления традиционных мировоззрений и установок. Таковы предпосылки создавшейся ситуации. При этом важно иметь в виду, что, с одной стороны, современные динамичные изменения в обществе, культуре, праве, этических и эстетических нормах сопряжены с геополитическими изменениями в постколониальном мире, активизацией политической активности этнических меньшинств как в индустриально развитых странах, так и в странах “третьего мира”. С другой стороны, налицо стремление к интеграции и в политико-экономическом, и в социально-культурном плане.

Специалисты отмечают, что наиболее наглядно отмеченная “дуальность” проявляется в существующих политических тенденциях. Так, например, во всем мире наблюдаются стремление к образованию собственного правового этнического субъекта (государства, республики, автономии), рост националистических движений и оживление этноцентристских идеологий. По мнению голландского социолога Ф. М. Бадера, занимающегося проблемами межэтнических конфликтов и региональных неравенств, именно “обращение к этнической культуре составляет ядро всех национальных движений, не имеющих национального государства. Альтернативой им служит образование политических или цивилизованных культур, требующих большей культурной ассимиляции. Но пока они остаются все-таки утопией будущего”¹. Вместе с тем в условиях экономического и политического интеграционного процесса, открытости связей, распространения и специфического воздействия массовой культуры, превращения современного мира в единое информационное поле существование замкнутого моноэтнического сообщества проблематично. “Мы являемся свидетелями фундаментальных структурных изменений современного общества. Это общество характеризуется наличием функциональных, организационных, корпоративных сетей и соотнобразуется с системами соглашений и чисто прагматическими процессами программирования и решений, конечные цели которых зависят от конкретных обстоятельств”².

Итак, на другом полюсе провозглашаемого современным обществом универсализма находится стремление к сепаратизму и установлению границ как в культурном (“культурный фундаментализм”), так и, в крайней своей форме, в политическом плане. Но интеграция современным государством нескольких культур предполагает достижение общественного согласия, что возможно не только на основе унификации, но и путем развития мультикультурности, обеспечивающей свободу волеизъявления каждого индивида, различных социально-культурных групп и одновременно осуществление ими взаимных обязательств.

Признание права на свободное волеизъявление индивида тесно связано с допущением права на существование множества как коллективных, так и индивидуальных *ценностных* систем, существующих в различных социально-культурных образованиях и имеющих различные исторические корни. В эпоху Просвещения велись поиски критериев “всеобщности”, которые оказались региональными, плюралистичными, основанными не на однородности, а на разнородности, не притязающими на универсальность и тотальность. В связи с этим возникает проблема анализа взаимодополнительности и “синтеза” различных подходов, поиска новых оснований существования человека как в плане онтологии и гносеологии, так и в плане аксиологии.

Актуальность проблематики этнической идентичности во многом обусловлена контрастностью названных тенденций. Так, например, многие специалисты справедливо указывают на взаимообусловленность понятий “этническая идентичность” и “нация”. Этим, с одной стороны, объясняется политико-правовое звучание проблематики этнической идентичности. С другой стороны, активность разработки данных

вопросов в этнографических и культурологических исследованиях, одной из задач которых является изучение конкретных проявлений этничности в любой социальной форме, указывает на “родовую” связь понятий “этническая идентичность” и “этничность”. В исследованиях, проводимых представителями различных гуманитарных дисциплин, прослеживаются отличающиеся друг от друга акценты и обоснования проблем этнической идентичности, способы их изучения, интерпретации и разрешения. Результатом развития различных исходных установок и подходов стало формирование на первый взгляд взаимоисключающих и разнородных позиций, т. е. непроницаемых друг для друга теоретических систем. Однако их противоположность является лишь видимостью, поскольку каждая из дисциплин описывает ту или иную сторону рассматриваемого феномена.

В целом можно подчеркнуть, что обоснование концепции этнической идентичности связано с многообразием представлений об этом явлении, отражающих те или иные его специфические стороны, с отсутствием единого методологического подхода (отсюда и необходимость обсуждения возможности существования такого подхода), с многозначностью содержания понятия “этническая идентичность”. Реальная гносеологическая ситуация с проблематикой этнической идентичности определяется как дисциплинарными рамками и методологическими программами, так и различными мировоззренческими и ценностными установками. Одни исследователи выбирают в качестве основания данные психологической, социологической, биологической и иных наук, другие абсолютизируют тот или иной методологический подход, обуславливающий определенный конечный результат. Происходит “универсализация” данных, полученных в рамках отдельной мононауки, представители которой начинают приписывать ей обобщающую и интегративную функцию. Однако подобные претензии необоснованны и в силу проблематичности существования абсолюта, тождественно отражающего реальность как целостность, и из-за придания статуса тотальности полученному частному результату. В качестве примера можно привести социобиологию, представители которой пытаются создать теорию расширенного фенотипа³, трактуящую эволюцию культуры как групповую селекцию в человеческом поведении по аналогии с биологической.

В рамках каждой из частных наук на основе принятой в ней методологии изучаются конкретные социологические, культурные, психологические, исторические формы и проявления этнического, этнической идентичности, вскрываются механизмы их функционирования. Полученные результаты имеют несомненную значимость. Но каждая из дисциплин имеет имманентные ей границы, определенные самим предметом познания. Такая ограниченность осмысливается в настоящее время с позиции потребности выхода за рамки “эпистемы” в стремлении к междисциплинарному синтезу добываемого знания. Это требует общего методологического основания, что относится к задачам социально-философского анализа. Эвристические возможности познания, претендующего на интегративную функцию, наиболее наглядно будут проявляться при поиске ответов на следующие вопросы: что представляет собой этничность? каково наиболее общее содержание понятия “этническая идентичность”? почему возник такой способ существования? какова его роль? каковы устройство и механизмы функционирования? какие исторические механизмы соотносятся с развитием этнической идентичности? связана ли она, и если да, то каким именно образом с изменениями общества, отношений в нем, с метаморфозами человеческого сознания? Содержание и универсальность поставленных вопросов выводят их за пределы компетенции частных наук. Однако без знания этого общего осложняется переход на новый уровень осмысления конкретного, поскольку оно является модификацией и вариативностью общего.

Для обсуждения сформулированного подхода важное значение имеет анализ более общих тенденций в гносеологической ситуации, сложившейся в середине XX в. Речь идет о принципиальном сдвиге в осмыслении картины мира в этом столетии, когда произошел поворот от классического рационализма в сторону многообразия “жизненных” парадигм, полицентричности, поиска новых оснований философствования. «... Неустойчивость традиций и отказ от прежних авторитетов, дух критицизма и всеобъемлющая переоценка ценностей, поиски принципиально новых форм эмоционального и теоретического отношения к действительности и преобладание личностных критериев в ее оценке, претензии на новый стиль и культуру мышления, способного воспроизвести подсознательное, интимный мир субъекта и общая ориентация на решение “собственно человеческих” или “гуманитарных” проблем являются характерными признаками переломной эпохи»⁴. Становление неклассической парадигмы обусловило интерес к гетерогенности социума, так называемым маргинальным социальным группам (молодежь, женщины, аутсайдеры и др.), языковой и дискурсивной практике, дискурсу власти и идеологии и т.д. Попытка найти новые основания философии привела к всплеску интереса к областям, находившимся ранее “за границами” философской рефлексии, – лингвистике, литературе, мифологии и др. Круг проблем, ранее входивших в компетенцию специальных наук, таких как этнография, литературоведение, культурология, психология, фольклористика, в настоящее время превратился в проблемное поле поиска человеческой субъективности.

Обращение представителей специальных наук в исследованиях, претендующих на междисциплинарное значение, к результатам социально-философского анализа позволяет избежать чисто эмпирической, поверхностной описательности, совместить способы исследования и более фундаментально обосновать используемые методы и полученные результаты, организовать и скоординировать и межпредметное взаимодействие. Именно социальная философия, ориентированная на рассмотрение общества как целого, исследующая общие тенденции его функционирования и развития во времени и пространстве, взаимосвязь и взаимообусловленность социального и индивидуального бытия, имеет возможность разработать методологическое обоснование подходов к исследованию, провести их проверку и осуществить интеграцию получаемой в рамках монопредметных наук информации. *“Социальная философия есть дисциплина, постигающая всеобщее через исследование социальности, социума, общества. Она осмысляет всеобщее в диалектике единого и многого, через понимание того, как единое (социум) образуется из многого (из индивидов), как эти многие (индивиды) действуют в обществе (причем действуют иначе, чем если бы они существовали по отдельности), какие между ними возникают отношения перед лицом единого”*⁵.

Из сказанного вытекает, что самостоятельной задачей становятся выявление и обоснование структуры проблемного поля исследований этнической идентичности, элементы которого мы далее и рассмотрим.

Операциональным средством обоснования концепции анализа могут быть понятия, которые способны выступать в качестве методологического инструментария. *“Понятия суть инструменты анализа, позволяющие рассматривать социальный мир сквозь некоторое количество концептуальных сетей и организовывать его в терминах какой-то проблематики или множества допущений”*⁶. Следует подчеркнуть, что не всякие понятия можно сопоставить друг с другом, а лишь рядоположенные. Это означает, что самостоятельной исследовательской задачей является как соотнесение различных понятий, так и установление их иерархии и субординации. Лишь при условии, что эти проблемы будут решены, станет возможным говорить об эвристических функциях понятия, его методологическом значении и на теоретическом уровне (предмет исследования, программа исследования), и на практическом (для интерпретации полученных результатов, эмпирических исследований, их понимания и осмысления и обоснования прогнозных сценариев развития исследуемой реальности).

Проблему разработки понятийного терминологического аппарата целесообразно рассмотреть на примере ставшего в последнее время весьма частым среди специалистов гуманитарных дисциплин соотнесения терминов “этническая идентичность” и “этническое самосознание”. Если в зарубежной литературе наибольшее внимание уделяется разработке понятия “этническая идентичность”, то в отечественной длительное время преимущественно употребляли термин “этническое самосознание”. Лишь в последние годы наблюдаются не только ограничения в его использовании, но и полная замена термином “этническая идентичность”. Эта ситуация вызывает ряд вопросов методологического и понятийно-терминологического характера. В чем причина привлекательности и актуальности термина “этническая идентичность” по сравнению с “этническим самосознанием”? Является ли оправданной замена последнего и если да, то какие эвристические преимущества дает использование термина “этническая идентичность”? Иначе интересующий нас вопрос можно поставить следующим образом: идет ли речь лишь о внешней привлекательности “иностранного” словосочетания для авторов, взявших его из языка тех обществ, развитие которых представляется им передовым? Или его употребление имеет определенную смысловую и понятийную традицию, разрабатывающуюся в рамках разных предметных подходов, и его содержание отражает нечто, что отсутствовало ранее в научной терминологии?

В некоторых работах “этническая идентичность” рассматривается их авторами как привнесенный извне термин, значение которого синонимично термину “этническое самосознание”⁷. Другими исследователями признаются самостоятельный статус термина “этническая идентичность” и отличие его содержания от содержания термина “этническое самосознание”. Но остается проблема их содержательного и методологического соотнесения, решаемая часто с диаметрально противоположными результатами. Так, некоторые исследователи приписывают понятию “этническое сознание” более широкое содержание, включающее в себя как рациональный, так и иррациональный компонент. В этом случае этническая идентичность рассматривается как составляющая более общего целого. Устанавливается следующая иерархия: этническая идентичность определяется, «во-первых, как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания и, во-вторых, как его “изнанка” – этническое бессознательное»⁸.

При ином подходе этническое самосознание определяется как относительно устойчивая система осознанных представлений и оценок реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков жизнедеятельности этноса, который целокупно представляет в сознании человека элементы этнической реальности. В результате формирования данной системы человек осознает себя представителем определенной этнической общности⁹. “Этническое самосознание есть понятие более широкого плана, представленное более широкой идентификацией, включающей в себя кроме собственно этнической и другие

формы идентификации, соответствующие актуально существующим объектам полиморфной этнической реальности: территориальной, культурной, языковой, религиозной, обрядовой, расовой, антропологической, психологической и др.”¹⁰

Закономерно возникает вопрос: как возможно сравнивать приведенные выше определения, если в первом случае основанием различенности выступает противопоставление “сознательное – бессознательное”, а во втором фактор бессознательного не озвучивается совсем? Помимо этого, в определении В.Ю.Хотинца сравниваются, на мой взгляд, нерядоположенные понятия: “самосознание” (состояние) и “идентификация” (процесс), раса (биологический критерий) и территория (критерий географический) и т.д. Это практически делает невозможным соотнесение с определениями, не претендующими на подобную “всеохватность”.

Иной подход к определению этнической идентичности прослеживается, например, в работе Н.Г.Скворцова, где этот феномен представлен как символическая конструкция, механизмы осуществления которой имеют психологическую основу. «В отличие от иных форм и видов идентификации, опирающихся на реальные и “измеримые” формы деятельности, роли, статусы, иерархии, – пишет Н.Г.Скворцов, – этническая идентичность есть комплекс символов, совокупность которых порождает особого рода солидарности с общностью, члены которой могут различаться по самым разным параметрам, но при этом чувствовать свое единство лишь по той причине, что все они – “одной национальности”»¹¹. Такой методологический подход, базирующийся на символизме, позволяет ухватить немаловажную характеристику этнической идентичности – обращение к символу, связывающему знаки, всюду окружающие человека, и смысл, что “подразумевает необходимость совершения акта сознания”.

В цитированных выше определениях в той или иной форме присутствует понятие “сознание”. Поэтому при анализе различных подходов в методологии исследования и осмыслении рассматриваемой проблематики представляется важным остановиться на изменении содержательного наполнения понятий “сознание” и “самосознание”. При этом, учитывая традиции истории классической философии, необходимо сделать акцент на их связи с понятием “субъект”. В классической новоевропейской философии именно субъект, а не группа или социальная общность выступает носителем сознания и самосознания, именно он является некоей “мыслящей вещью”, которой присущи восприятие, представление, способность выносить суждения и т.д. Субъект – это непосредственная данность, представляющая путем “о-предмечивания” бытие (всего мира и человека). Сложность решения проблемы поиска сущности сознания субъекта наиболее наглядно проявляется в дискуссиях о месте позиции Декарта в проблемном поле истории философии.

Так, М.Хайдеггер не согласен с мнением ученых, начинающих историю новоевропейской философии с Декарта, считая, что его интерпретация бытия субъекта базируется на категориях, заимствованных у Суареса, Д.Скотта и Фомы Аквинского. Декарт, полагает Хайдеггер, “только способствовал перерождению античной метафизики в догматизм и методологическому закреплению бытия на две самостоятельные сферы: вещь мыслящая и вещь протяженная”¹². В концепции самого Хайдеггера происходит “снятие” субъект-объектных отношений, поскольку мир и человек образуют единство (*das Eines*). М.Мамардашвили в “Картезианских размышлениях” рассматривает личностное самосознание прежде всего как редукцию, срезание всего, что вошло в тебя помимо тебя на правах непонятого. “...Это означает, – пишет философ, – что он (Декарт. – Е.З.) не только редуцирует тем самым или отличает мысль от тела (а это принципиальный шаг декартовской философии), но и пытается построить здание физики и философии на универсальном (внечеловеческом) основании. Полагая, что если с нами случается феномен осознания, то он таков, что не требует... никакой специальной гипотезы или конкретного биологического и психического устройства”¹³. Однако надо отметить, что некоторые исследователи придерживаются иной точки зрения. Они считают, что декартовская формула предполагает нечто противоположное тем основным принципам, на которых строится рационалистическая традиция новоевропейской философии, и что сам Декарт утверждает “бытийственное отношение к мысли” – как бы непосредственное усмотрение истины¹⁴. Позиция, столь отличающаяся от принятого видения воззрений Декарта, на мой взгляд, в большей степени характеризует современное состояние переосмысления проблемного поля философии и возможности такого переосмысления, его право на существование, нежели соответствует принятым установкам классической философии.

Однако в Новое время помимо подчеркивания сознательного характера человеческой деятельности и акцентирования внимания на индивидуальных порывах и достижениях была поставлена и проблема выявления того необъективируемого, что есть в человеческой субъективности. Посткантовское философствование можно интерпретировать как попытку доказать полную автономность человеческого сознания исходя из его действий в поле конкретных условий. Представляя себя в наиболее абстрактном виде, сознание выявляет конкретные, постоянно меняющиеся условия своего описания, которые как бы обосновывают собственные априорные основания¹⁵. “Чистое сознание”, редуцируя мир, не тематизирует его привычные рамки, существование здравого смысла и идеологии, социального и политического субъекта. Все это не

есть предмет философствования. Лишь с изменением содержания структурного поля философии, становлением иного понимания субъекта – понимания, основывающегося на представлении о невычленимости сознания из “потока” жизни (экзистенциализм), поиске бессознательных структур (психоанализ), убежденности в детерминированности сознания языковыми структурами (герменевтика) и т.д., понимания, связанного со стремлением к поиску новых оснований субъективности, становится возможным включение ранее “пограничных” вопросов в проблематику философии.

Иными словами, помимо сознательного компонента, поддающегося рефлексии, в поле современного философствования признается важным стремление к вычлениению сферы человеческой субъективности, которая в принципе необъективируема и проблематична как предмет познания в его классическом рациональном понимании. Изменение представления о сознании не исключает весьма значительной “традиционной” смысловой нагрузки соответствующего понятия, корни которой находятся в традиционном понятийном аппарате классической рациональной философии. Так, наряду с принятыми терминами, характеризующими основные направления философской мысли, такими как, например, “философия жизни”, столь же употребительным является и термин “философия сознания”¹⁶.

Использование же термина “идентичность” дает возможность избежать ассоциаций с классическим пониманием категории “сознания” и одновременно зафиксировать проблематику тождества себя с самим собой¹⁷. Такое терминологическое “введение” позволяет тематизировать нерелексивные содержания, ускользающие от контроля “самосознания”, в то же время не привлекая столь укоренившиеся в психоанализе понятия, как “подсознание” и “бессознательное”¹⁸. Методологическое разграничение между “зарезервированными” понятиями, имеющими достаточно четкое смысловое наполнение, и новыми дает возможность избежать проблемы переноса их из одного проблемного поля в другое, в связи с чем становится актуальной задача переопределения имеющихся терминов, понятий и категориальных рядов.

Исходя из многообразия традиций в разработке понятия “самосознание” при формировании структурного поля исследований этничности более предпочтительным представляется использование термина “идентичность”, в понятийном поле которого фиксируется представление о реальности не как об “объективно” внешней по отношению к познающему субъекту, но как о конструируемой языковой и дискурсивной практикой. Такое понимание термина “идентичность” включает в себя попытку по-новому осмыслить реальность, стремление отразить опыт этический, эстетический, политический, моральный, религиозный, научный, повседневный и т.д.

Появление иного подхода к вопросам идентичности было осуществлено благодаря исследованиям проблематики субъекта, самосознания, проводимым в рамках “философии жизни”, структурализма, постструктурализма и др. (т.е. собственно философии), а также других гуманитарных дисциплин – психологии и психоанализа, этнографии, культурологии и др. Таким образом, речь должна идти о взаимодополнительности социально-философского и конкретного гуманитарного дискурсов, при этом каждый из них должен отказаться от претензий на тотальное превосходство. Поставленные в начале статьи вопросы и ответы, которые могут быть на них даны, предполагают соединение объективного познания реальности, ее ценностного осмысления и проектирования сценарных моделей развития ситуации. Подобная трехсторонняя задача не является предметом рассмотрения частных наук. Конкретные науки, как правило, вообще не рассматривают такую задачу, либо включают ее как частное при решении узкопредметных задач. Соединение познания, ценностного истолкования и перспективного прогноза специфически присуще именно философскому осмыслению. Ответ на вопрос, что есть этничность, с позиции социально-философского подхода содержит в себе смысловую интерпретацию понятия “этническая идентичность”, осмысление ценностного аспекта обозначенного им феномена и анализ с точки зрения перспективных тенденций его изменения в социуме.

Примечания

¹ Bader V.M. Rassismus, Ethnizität, Bourgeoischaft: Soziologische und philosophische Überlegungen. – Münster: Westfäl. Dampfboot, 1995. – S. 85.

² Суси П.И. Нация, культура и кризис идентичности: эссе о мультикультурных обществах // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. – СПб., 1995. – С.64.

³ См.: Dawkins R. The extended phenotype. – Oxford, 1982; Preez P., du. Genocide: The psychology of mass murder. – L., 1994. Указанные работы упоминает В.А.Тишков в статье “О феномене этничности” (Этногр. обозр. – 1997. – №3. – С.4).

⁴ Колесников А.С. Декарт и постмодернистское “возрождение” субъекта // Мысль. – СПб., 1998. – №2. – С.116.

⁵ Очерки социальной философии / Под ред. К.С. Пигрова. – СПб., 1998. – С.51.

⁶ Anthias Fl. Rethinking social divisions: Some notes towards theoretical framework // Soc. Rev. – Keele, 1998. – V.46. – P.510.

⁷ См.: Александренков Э.Г. “Этническое самосознание” или “этническая идентичность”? // Этногр. обозр. – 1996. – №3. – С.13–22.

-
- ⁸ Салдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – Минск, 1998. – С.34.
- ⁹ См.: Хотинцев В.Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // Социс. – 1999. – №9. – С. 69.
- ¹⁰ Там же. – С.70.
- ¹¹ Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. – СПб., 1996. – С.60.
- ¹² Цит. по: Колесников А.С. Декарт и постмодернистское “возрождение” субъекта. – С.110.
- ¹³ Мамардашвили М. Картезианские размышления. – М., 1999. – С.118.
- ¹⁴ См.: Гаджикурбанов А. Полемика 3 // Встреча с Декартом. Ad marginem. – М., 1996. – С.335, 336.
- ¹⁵ См.: Колесников А.С. Декарт и постмодернистское “возрождение” субъекта. – С.112.
- ¹⁶ См.: Патнэм Х. Философия сознания: Избранные философские произведения. – М., 1999.
- ¹⁷ См.: Мамардашвили М. Картезианские размышления. – С.110.
- ¹⁸ См.: Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопр. философии. – №8. – 1998. – С.48.

НАСЕЛЕНИЕ. МИГРАЦИЯ. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Н.А.Томилов
(г. Омск)

**НАРОДЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 60 – 90-е ГОДЫ XX в.
И РЕШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**

Исследование динамики численности этнических и этнографических общностей, этнорасового, этноконфессионального, этнокультурного и прочего состава населения, выявление роли этнографических факторов в развитии этнодемографических, этносоциальных и других процессов, происходящих в России, сохраняют свое значение и в настоящее время в связи с напряженностью в межнациональных отношениях и наличием очагов межнациональной розни в ряде регионов страны. При этом важно изучать динамику указанных процессов как в целом по стране, так и в отдельных регионах.

В Сибири современная этническая ситуация сложилась не сразу, и сегодня по-прежнему наблюдаются динамические явления, определяемые процессами внутреннего и внешнего порядка. Исследование изменений в этническом составе населения, в расселении и численности народов и национальных групп, в их этническом самосознании, языке, культуре, в межнациональных отношениях и т.д. в настоящее время актуально вследствие сопряженности этих проблем с происходящими в стране политическими и социально-экономическими процессами. Одной из особенностей этнического состава населения Сибирского региона является то, что наряду с почти 30 аборигенными народами (они составляют около 10% всего населения), значительным массивом русских (немногим более 80% населения) здесь проживают группы выходцев из Восточной Европы, Казахстана, а сегодня также с Кавказа и из Средней Азии (около 10% населения).

Эти так называемые национальные группы долгое время не были объектом серьезного этнографического (в том числе этнодемографического, этносоциального и т.д.) исследования. В конце 1960-х годов к изучению этнических процессов у татар и чувлымских тюрок приступили этнографы Томского государственного университета. С образованием в 1974 г. Омского государственного университета эти работы были перенесены в Омск, где стала складываться группа этнографов и этносоциологов, которая благодаря созданию в апреле 1991 г. Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН и в феврале 1993 г. Сибирского филиала Российского института культурологии Министерства культуры РФ сегодня насчитывает уже более 30 специалистов. Одной из ее исследовательских задач стало изучение этнографии и антропологии не только аборигенных народов, но и многочисленных национальных групп Западной Сибири и частично Средней Сибири¹. На основе полученных материалов написано несколько монографий².

Объектом исследований, проводимых омскими этнографами и этносоциологами, стали белорусы (около 140 тыс. чел.), евреи (свыше 30 тыс. чел.), казахи (около 150 тыс. чел.), латыши (более 10 тыс. чел.), манси (около 8 тыс. чел.), немцы (466 тыс. чел.), селькупы (менее 4 тыс. чел.), татары сибирские (около 190 тыс. чел.) и поволжско-приуральские (более 120 тыс. чел. в Западной Сибири), телеуты бачатские (3 тыс. чел.), украинцы (около 570 тыс. чел. в Западной Сибири), финны (около 2 тыс. чел.), хакасы (более 70 тыс. чел.), ханты (22 тыс. чел.), чувашаи (около 50 тыс. чел.), чувлымские тюрки (около 600 тыс. чел.), шорцы (16 тыс. чел.) и эстонцы (более 10 тыс. чел.). Основной научной проблематикой на 1986–1995 гг. было определено изучение этнических процессов и национальных проблем России в XIX–XX вв.

Как известно, со второй половины 80-х годов XX столетия напряженность в межнациональных отношениях охватила и Сибирский регион. Вместе с тем в настоящее время национальные конфликты прямо не грозят многочисленным республикам, краям и областям Сибири. Ученые отмечают, что сложный этнический состав, преобладание чересполосного расселения людей разных национальностей, высокий процент национально-смешанных браков обусловили формирование здесь многоконтурной системы межнациональных установок. Сказывается длительность совместного проживания представителей разных национальностей, достаточно позитивные установки на межнациональное общение, менее кризисная по сравнению с другими регионами России экономическая ситуация. Все это, кстати сказать, явилось причиной того, что Сибирь стала регионом, принимающим беженцев с других территорий бывшего СССР. Тем не менее и здесь существует ряд глобальных противоречий, на основе которых возможно возникновение межнациональных конфликтов³. Этнодемографические процессы также отражают отдельные стороны этих противоречий⁴.

Данные последних переписей, касающиеся русского населения Западной Сибири, свидетельствуют о его стабильном росте (на 13% в 1989 г. по сравнению с 1979 г.), но и о сохранении его удельного веса по отношению к другим группам народов и национальным группам. Так, в Алтайском крае доля русских сохранялась в 70 – 80-х годах на уровне 87–88%, в Новосибирской области – на уровне 91–92%, в Омской – на уровне 80% и т.д. Увеличились как численность, так и удельный вес украинцев (на 46% в период между двумя последними переписями населения), белорусов (на 53%), башкир (на 21%), что связано в основном с возросшей в те годы на Севере потребностью в профессиональных кадрах нефтяников и газовиков. Продолжается интенсивный отток немецкого населения практически из всех регионов Западной Сибири за счет отъезда немцев в Германию, при том что между переписями 1979 г. и 1989 г. численность немцев возросла на 18%. И хотя сегодня на место выбывающих приезжают немцы из Казахстана, Киргизии и других государств Средней Азии и наблюдается слабый поток реэмиграции немцев из Германии, все же окончательной ясности относительно результатов этих миграций пока нет. Почти повсеместно выросли численность (в Западной Сибири на 19%) и удельный вес казахского населения – как из-за высокого процента естественного прироста, так и частично вследствие миграций из Казахстана, где уровень жизни сегодня ниже, чем в Сибири. Возросла также численность чувашей (на 15%), но уменьшилась численность евреев (на 22%), эстонцев (на 14%), мордвы (на 9%), не изменилось число удмуртов и т.д. В 90-х годах наблюдался значительный приток вынужденных переселенцев из Средней Азии, Казахстана, с Кавказа. Ожидается, что их удельный вес в общей доле населения Новосибирской, Омской областей и Алтайского края может составить 6–10%⁵.

Что касается так называемых коренных народов Западной Сибири, то после некоторого понижения численности ряда малочисленных народов в 70-е годы (манси – на 2%, селькупов – на 17, хантов – на 1%) при небольшом росте числа ненцев (за 10 лет всего на 2,4%) в 80-е годы наблюдались некоторый рост численности ненцев (почти на 19%), хантов (на 1%), манси (на 6,5%), прекращение уменьшения численности селькупов. Численность всех народов Севера России с 1979 г. по 1989 г. возросла на 17%. В южных районах Западной Сибири несколько сократилось число шорцев, что мы связываем отчасти и с нерешенностью вопроса о создании автономно-территориального образования у этого народа. По данным В.П.Кривоногова, быстро сокращается численность чулымских тюрков. Может быть, ситуацию как-то подправит то обстоятельство, что эти два народа получили статус, а значит, и льготы народов Севера. В южной части Западной Сибири значительно увеличивается численность алтайцев (на 18%) и сибирских татар (на 9%). Опыт все же показывает, что там, где в какой-то мере произошла суверенизация национальных округов, областей, республик, где укрепилось положение коренных народов как титульных, где возникли новые национально-территориальные образования (в Западной Сибири – у немцев Алтайского края и Омской области), создается основа для стабилизации этнодемографических процессов.

Все эти данные необходимо учитывать при разработке путей решения национальных проблем, существующих в Сибири. С начала 90-х годов группа омских этнографов, социологов, юристов несколько раз привлекалась для составления документов по управлению национальными процессами. В 1990 г. нами был подготовлен проект “Программа действий Омской областной партийной организации в современных условиях”⁶, в 1993 г. – раздел “Программа национально-культурной политики в Омском регионе” проекта концепции развития культуры в Омской области, а также “Программа профилактики межнациональных конфликтов в Омской области”, в 1994 г. – научно-исследовательский проект “Решение национально-культурных проблем Омской области”⁷. Кроме того, в 1992 г. сотрудник нашей группы В.В.Реммлер руководил работой над проектом “Программа стабилизации межнациональных отношений в Краснодарском крае”⁸, принятым затем к реализации. Накопленный опыт такой работы позволил нам сформировать определенное видение национальных проблем и наметить некоторые пути их решения в отдельных краях и областях России.

В числе противоречий, которые сегодня могут стать основой межнациональных конфликтов, – противоречие между стремлением к национально-политической самостоятельности и отсутствием автономных прав и форм управления у большинства малочисленных народов и национальных групп; противоречие между необходимостью возрождения и развития традиционных видов хозяйства и национальных культур и ограниченными материальными возможностями; противоречие между наличием национальных особенностей и этническими стереотипами восприятия этих особенностей другими народами; противоречие между необходимостью межнациональных отношений и отсутствием нужного для этого инструментария; противоречие между необходимостью знания населением истории и культуры своего народа, соседних народов и национальных групп и всеобщей этнографической необразованностью россиян и т.д.

В то же время мы теряем объективность, если не увидим положительных сдвигов в решении национальных проблем и регулировании межнациональных отношений. Самое главное – это осознание необходимости решения этих проблем как самими этническими общностями, так и органами управления и пере-

ход от поддержки на словах к правовым, политическим и финансовым способам и формам их решения. Это также регионализм в национально-политическом мышлении, стремление в рамках одной федерации решать национальные проблемы своего региона по-своему, идея децентрализации управления национальными процессами. А отсюда общественная потребность в новых теориях суверенного и автономного развития территорий, народов и национальных групп, в региональных программах и прогнозах национального развития, отбрасывающих шаблоны и единые для всех этнических общностей рецепты. Отметим также факт определенного отрезвления людей, их освобождения от шовинистических идей. Кое-где это приводит к антиэтнизму в мышлении, что особенно заметно у экономически инициативных людей, стремящихся к преодолению национальных, в том числе и национально-государственных, препятствий в делах предпринимательства, торговли и бизнеса. Все больше россиян начинают осознавать вред национальной отчужденности, ограниченности и изоляции, признавать полиэтничность в совокупности с представлениями о российской идее как основе Российского государства, стремиться лучше узнать народы и их культуры.

Для национальных меньшинств (малочисленных народов и национальных групп) в России большое значение имеет национальная автономия. Там, где есть необходимость и имеются соответствующие возможности, на наш взгляд, следует прорабатывать и решать вопросы образования новых автономных областей, округов, национальных районов и национальных поселений. Там, где этнодисперсное расселение, этнодемографическая обстановка не позволяют этого сделать, может быть успешно использована форма национально-культурной автономии⁹. Поскольку при национально-территориальной автономии значительная часть представителей ее титульной национальности все же нередко остается за пределами данной автономии, наилучшим обустройством, по нашему мнению, было бы ее сочетание с национально-культурной автономией.

Решение национальных проблем должно быть сопряжено с обеспечением экономического благополучия населения. Отсюда важность развития у людей экономической инициативы (на уровне частной ли, кооперативной или государственной формы собственности, – это все равно) для создания финансовой и в целом экономической базы решения национально-социальных и национально-культурных задач.

Одним из условий возрождения и развития народов, особенно национальных меньшинств, является использование в практике воспитания и образования самобытных народных систем, в том числе систем обучения народным промыслам, ремеслам и т.д. Важный фактор – наличие национальной интеллигенции, обеспечивающей тот уровень культуры, к которому нужно подтягивать культуру всего народа или национальных групп.

Конечно же, особая роль отводится законам, в целом государственной политике сохранения и развития национальных меньшинств, их культурных ресурсов, поддержания природной среды их жизнедеятельности. При этом следует признать необходимость проведения многовариантной национальной политики, учитывающей самобытность и специфику хозяйства, культуры, быта, социальных отношений у всех народов и национальных групп, населяющих ту или иную республику, автономию, край или область. Последнее особенно важно для прекращения межнациональной конфронтации и должно быть основным принципом государственной национальной политики.

При формировании региональной национальной политики основные усилия, как считают ученые и практики, необходимо сосредоточить на создании оптимальных условий для саморазвития народов, национальных групп и их культур. Для многих регионов России при отсутствии острых межнациональных конфликтов ядром программ решения национальных проблем и профилактики межнациональных конфликтов становится социально-культурная проблематика. При этом особого внимания, по мнению ученых, требуют следующие основные задачи: сохранение и развитие имеющегося культурного потенциала; формирование нового механизма культурной преемственности; использование коммерческого потенциала национальных культур; решение проблем преподавания национальных языков; разработка комплексной программы непрерывного эстетического воспитания подрастающего поколения на традиционной национальной основе; создание общественно-государственных структур в форме национально-культурной автономии. На фоне общего кризиса страны особенно четко видно, что сегодня необходимо сформулировать новые идеи национальной политики, выработать новые ее формы, в частности создать механизм социально-экономического воздействия на национальную среду.

Прежде всего следует сформировать условия для раскрытия творческого потенциала национальных групп “изнутри”, – речь идет о моральном, организационном и материальном поощрении культурных инициатив национальных групп, развитии национального предпринимательства и направлении части средств предпринимателей в сферу национальной культуры. Образно говоря, государственные органы должны сменить роль архитектора, диктующего строителям план постройки здания, на роль садовника, помогающего вырасти многочисленным побегам¹⁰.

Для решения национально-культурных проблем необходимы определенные условия, определенная национально-государственная политика. Это большая и серьезная научная тема, требующая специальной разработки. Среди условий, обеспечивающих решение национально-культурных проблем, помимо различных форм национальной автономии важным является наличие прав собственности или долгосрочного пользования землей, угодьями и т.д. Для малочисленных народов и национальных групп могут быть рекомендованы формы заповедных зон, этнографических экомузеев и т.д. Важно, чтобы проблемы использования земель и природных ресурсов, защиты чистоты природной среды, развития народных промыслов решались с прямым участием этих народов и групп.

При разработке программы сохранения народов и национальных групп, их национально-культурного возрождения и развития следует учитывать конкретную ситуацию. Для этого желательно с помощью ученых и краеведов изучить их традиционную культуру. При этом важно, чтобы вопросы о том, что и как возрождать (а все утраченные культурные традиции быть восстановлены не могут), решало местное население – носитель традиционной культуры. Не менее важно и понимание того, что без наличия хотя бы тончайшего слоя профессиональной культуры, включающего искусство, науку, образование и просвещение, не удастся создать прочную базу для функционирования национальных культур. Кроме того, одним из необходимых условий является стимулирование и поощрение процессов этнокультурного взаимодействия народов, национальных и этнических групп, проживающих в регионе.

Что касается финансирования региональных программ национально-культурного развития, то здесь необходимо использовать разные источники, исходя опять-таки из конкретных возможностей. Это могут быть средства международных и региональных фондов, целевые государственные бюджетные и внебюджетные средства, кредиты, займы, отчисления от коммерческой и предпринимательской деятельности, добровольные взносы и др. Самым же главным остается вопрос о создании механизма реализации региональных программ, в частности механизма решения национально-культурных проблем.

Россия и Сибирь в том числе – это не просто политическое, экономическое и культурное пространство, но и пространство, на котором существуют многочисленные, многообразные и самобытные этнические общности, и забота об их сохранении, возрождении и развитии, о поддержании их естественной среды обитания, о возрождении и развитии их культуры – важная задача всех россиян.

Примечания

¹ См.: Томилов Н.А. Культура и этнокультурное развитие России (в связи с завершением работ по программе “Народы России”) // Вестн. Омск. отд. Акад. гум. наук. – 1998. – №3. – С.97–105; Он же. Современные этнические процессы в трудах омских ученых // Немцы Сибири: история и культура. – Омск, 1999. – С.6–7; Томилов Н.А., Ахметова Ш.К., Коровушкин Д.Г., Реммлер В.В. Изучение динамики этнических процессов как необходимое условие прогнозирования и программирования устойчивого развития. – Новосибирск, 1994. – С.1–11; Томилов Н.А., Коровушкин Д.Г., Реммлер В.В. Изучение динамики этнических процессов у народов и национальных групп России (по материалам Западной Сибири) // Межнациональные отношения и национальная политика в СССР. – Омск, 1990. – С.6–13; и др.

² См.: Коровушкин Д.Г. Чуваши Западной Сибири: этнодисперсная группа на современном этапе. – Новосибирск, 1997; Лоткин И.В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. – М., 1996; Патрушева Г.М. Шорцы сегодня: современные этнические процессы. – Новосибирск, 1996; Рублевская С.А., Смирнова Т.Б. Традиционная обрядность немцев Сибири. – Омск, 1998; Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья: этническая история, быт и духовная культура. – Томск, 1983; Он же. Современные этнические процессы среди сибирских татар. – Томск, 1978; Он же. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья: хозяйство и материальная культура. – Томск, 1980; Шаргородский Л.Т. Современные этнические процессы у селкупов. – М., 1994.

³ См.: Томилов Н.А. Региональная национальная политика в России и усиление ее научной базы (на примере Омской области) // Регион России. – Омск, 1999. – №1. – С.112–117.

⁴ См.: Томилов Н.А., Лоткин И.В. Этнодемографические процессы в Западной Сибири в 1960-е – середине 1990-х годов и региональная национальная политика // Исторический ежегодник. – Омск, 1998. – С.139–152.

⁵ См.: Лоткин И.В. Беженцы и вынужденные переселенцы в Западной Сибири и региональная миграционная политика // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск, 1998. – С.21–26.

⁶ См.: Программа действий Омской областной партийной организации по реализации Платформы КПСС “Национальная политика партии в современных условиях” // Омск. правда. – 1990. – 7 апр.

⁷ См.: Решение национально-культурных проблем Омской области: Научно-исследовательский проект / Томилов Н.А., Ахметова Ш.К., Бережнова М.Л. и др. – Омск, 1994.

⁸ См.: Программа стабилизации межнациональных отношений в Краснодарском крае // Кубанск. новости. – 1992. – 28 мая.

⁹ См.: Лоткин И.В., Томилов Н.А. Национально-культурная автономия как форма национального самоопределения // Система ценностей российской национальной политики. – Казань, 1998. – С.55, 56.

¹⁰ См.: Томилов Н.А., Реммлер В.В. Региональные программы и традиционные культуры // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. – Томск, 1993. – С.183–185.

С.В.Соболева
(г. Новосибирск)

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

Как показывают многочисленные исследования, этническая дифференциация характерна для всех демографических процессов, при этом она значительно превосходит их дифференциацию по другим признакам. Группировка населения территории по национальному составу дает более надежные основания для анализа и имеет более высокую прогностическую значимость, чем, например, традиционно используемая группировка по административно-территориальному делению.

В связи с этим очень важно знание этнодемографических показателей воспроизводства и формирования населения и семьи в настоящем и прошлом. В данной работе рассматриваются важнейшие из этих составляющих, а именно, возрастной и семейный состав населения, продолжительность брака (его устойчивость) и дата вступления в брак, рождаемость, смертность и продолжительность жизни у малочисленных национальных групп населения (немцев, чувашей, удмуртов, мордвы) Крапивинского района Кемеровской области¹.

Половозрастная структура населения. Знание данных о половозрастной структуре позволяет определить такие важнейшие характеристики, как соотношение мужского и женского населения во всем населении этнического образования (поколении), средний возраст населения (поколения), прогрессивность возрастной структуры и демографическую нагрузку на экономически активное население по национальному признаку. Эти данные, в свою очередь, характеризуют сформированный тип воспроизводства национального образования (прогрессивный, стационарный или регрессивный), а также потенциальные возможности демографического воспроизводства и устойчивость национального образования на данной территории.

Основную долю населения рассматриваемых национальностей составляет население трудоспособного возраста после 30 лет (табл. 1)². Оценивая соотношение половой структуры населения, следует отметить, что основная численность мужчин всех национальных групп представлена возрастной группой 31–60 лет, а также значительна доля мужчин рассматриваемых национальностей в возрасте старше 60 лет. Женщины же этих национальностей представлены преимущественно возрастом старше 60 лет.

Т а б л и ц а 1

Возрастной состав населения национальных групп
Крапивинского района Кемеровской области, %

Возрастная группа, лет	Немцы		Чуваши		Удмурты		Мордва	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
До 15	14,3	14,5	11,0	9,6	4,8	13,6	–	–
16–30	15,0	16,3	22,0	16,0	19,0	13,7	–	–
31–54 (59)	47,4	30,1	38,1	33,4	57,2	31,8	63,2	25,0
55 (60) и старше	23,3	39,1	28,8	41,0	19,0	40,9	36,8	75,0

Неблагоприятно соотношение мужчин и женщин в молодых возрастах репродуктивного контингента населения. При этом если доля мужчин у удмуртов и чувашей на 5–6 п.п. выше доли женского населения этих возрастных групп, то у мордвы вообще отсутствует население этого возраста, так же как дети и подростки (см. табл. 1). Такое положение с молодым населением говорит о неблагоприятной ситуации в формировании молодых семей и о снижении вследствие этого этнического потенциала.

Характеризуя возрастной состав населения рассматриваемых национальных групп в сравнении с русским населением, следует отметить более низкую долю детей, подростков и молодого населения до 30 лет, а также высокую долю населения пенсионного возраста. Так, если у русских доля детей и подростков составляет соответственно 23,7 и 18,9% для мальчиков и девочек, то доля этой возрастной группы у немцев немногим более 14%, у чувашей – соответственно 11 и 9,6%, у удмуртов – 4,8 и 13,6%.

Таким образом, при сложившейся возрастной структуре обследуемые малые национальные группы, если не претерпят каких-либо изменений извне, не имеют в настоящем и будущем шансов для простого воспроизводства. И если у мордвы сегодня идет процесс депопуляции, то в недалеком будущем депопуляция грозит и таким народам, живущим на территории Крапивинского района, как немцы, чуваше и удмурты.

Семейная структура. Эта структура характеризует соотношение между группами семей, различающихся определенными демографическими признаками: по числу членов семьи, числу детей в семье, наличию или отсутствию полной семейной пары, наличию или отсутствию других родственников и т.д. Семейная структура, так же как и половозрастная, может рассматриваться на текущий момент и в историческом развитии семьи (в любой момент прошлого) с учетом всех событий смерти, миграции и выделения отдельных членов семьи в самостоятельные семьи³.

Характеризуя процесс этнического смешения в браках, необходимо учитывать показатель ассимиляции, т.е. долю однородных браков в общем количестве возможных комбинаций для рассматриваемой национальности. Как показывают данные обследования, доля однородных браков в общей структуре браков всех немцев, проживающих в Крапивинском районе, составила 25%, тогда как для других малочисленных национальных групп этот показатель равен 18%. Кроме того, родители детей (обследуемых брачных пар), состоящих в этнически смешанных браках, имели в подавляющем большинстве этнически однородные браки. То есть немцы более этнически устойчивы к ассимиляционным процессам, чем другие национальные группы. Это явление объясняется не только тем, что в течение длительного периода немцы находились в положении репрессированного, в определенном смысле национально-замкнутого населения. Важную роль здесь играет и меньшая схожесть ряда их семейно-брачных традиций и обычаев с традициями и обычаями, сложившимися под влиянием православия у русского населения и населения других национальных групп.

Интересно отметить тот факт, что родители супругов в этнически смешанных семьях не являются уроженцами данной территории, а приехали на эту территорию в 40–50-е годы. Так, среди немцев прибывшие на данную территорию в эти годы (в частности, во время Великой Отечественной войны) извне составляют 86%, среди чувашей – 83, среди мордвы – 20, а среди удмуртов – 100%. Среди русских в смешанных семьях доля прибывших (не уроженцев данной территории) также достаточно высока и составляет 67%.

Возрастная структура населения, принадлежащего к гомогенным и гетерогенным семьям, свидетельствует о том, что ассимиляционные процессы – это достаточно молодое явление, которое получило распространение в среднем поколении людей и почти не затронуло старшее поколение. Тенденция к этнически смешанным бракам проявилась в основном из-за дисперсного проживания представителей рассматриваемых национальностей на данной территории.

Очень важным моментом в явлении ассимиляции является наследственная передача национальности в этнически смешанных семьях от родителей к детям. Здесь сложно говорить о какой-то зависимости, потому что национальность ребенка, указанная в документах, как правило, не отражает действительной его национальности. Тем не менее можно выявить некоторые тенденции, относящиеся к склонности родителей давать ту или иную национальность своим детям.

На основе данных о национальном составе всего населения Крапивинского района (данные похозяйственного учета населения) можно сделать следующие выводы:

1) в русско-немецких семьях 66% детей имеют национальность “русский”, 14% – “немец”, а у 20% национальность еще не определена;

2) в этнически смешанных семьях, где один из родителей русский, а другой принадлежит к одному из рассматриваемых национальных меньшинств (чуваш, удмурт, мордва, шорец и др.), 75% детей с национальностью “русский”, 10 – с национальностью данного меньшинства и 15% – с еще не определенной национальностью;

3) в этнически смешанных семьях, где один из родителей немец, а другой не принадлежит к русским, 45% детей относятся к национальностям этнических меньшинств, 21 – к немцам, 17 – к русским и 17% – с не определенной национальностью.

Преобладающий тип семьи – нуклеарная семья, что наряду с низкой долей одиночек в общей структуре семьи свидетельствует о благополучной семейной структуре рассматриваемых этнических групп.

Дата вступления в брак. Этот показатель является точкой отсчета для определения возраста вступления в брак для каждого члена семьи и точкой отсчета для определения продолжительности брака. Соответствующие данные, собранные по всем семьям, позволят выявить средний возраст вступления в брак для мужчин и женщин определенных поколений различных этнических групп, установить среднюю продолжительность брака и таким образом дать оценку средней продолжительности репродуктивного периода в браке.

Возраст вступления в брак зависит от многих причин, в том числе и от социально-экономических. В прошлом у мордвы и удмуртов частыми были браки, когда невеста была на 10–15 лет моложе жениха. Замужества в очень молодом возрасте характерны для народов с патриархальными порядками: такими браками гарантируется невинность невесты. В современном же индустриальном обществе, напротив, браки часто откладываются до достижения будущими супругами экономической самостоятельности.

Возраст вступления в брак довольно сильно влияет на показатели рождаемости. Народам, у которых распространены ранние браки, свойственна более высокая рождаемость, особенно когда оба супруга молоды. В ранних браках детность увеличивается как за счет увеличения продолжительности репродуктивного периода, так и за счет более высокого уровня плодовитости в молодом возрасте. Впрочем, говоря о влиянии брачного возраста на уровень рождаемости, надо отметить, что это влияние существенно у народов, мало практикующих внутрисемейное планирование числа детей.

Средний возраст вступления в брак принадлежащих к различным этническим группам мужчин и женщин, состоящих в этнически однородных и этнически смешанных браках, представлен в табл. 2. При сравнении данных, имеющих малую статистическую ошибку (в частности, у женщин – чувашей и русских и у мужчин – удмуртов и мордвы), можно сделать вывод, что возраст вступления в брак у мужчин и женщин в этнически смешанных браках выше, чем в этнически однородных. Может быть, у тех, кто вступает в этнически однородные браки, еще сохраняется патриархальность в семейных отношениях.

Т а б л и ц а 2

Средний возраст вступления в брак мужчин и женщин, принадлежащих к различным этническим группам, состоящих в этнически однородных и этнически смешанных браках, лет

Пол	Русские	Немцы	Чуваши	Удмурты	Мордва	Шорцы
<i>Этнически однородные семьи</i>						
Мужчины	21,0	22,4	23,9	22,0	22,0	–
Женщины	20,0	21,8	21,2	20,8	23,7	–
<i>Этнически смешанные семьи</i>						
Мужчины	25,1	25,5	29,6	26,0	28,3	28,7
Женщины	21,9	22,6	23,5	25,0	27,0	21,0

Если в этнически однородных семьях средний возраст вступления в брак у мужчин и женщин различается незначительно, то в этнически смешанных семьях эти различия более существенны. Так, для немцев эта разница составляет 3 года, для чувашей – 6 лет, для шорцев – более 7 лет.

Устойчивость брака. Говоря об устойчивости брака, мы будем иметь в виду его демографическую и этническую составляющие. Известно, что брак может распасться в результате трех демографических событий: смерти мужа, смерти жены и развода. В данном случае нас интересует такая составляющая развода, как причина распада брака.

Анализ данных ЗАГСа по Крапивинскому району за 1994 г. показывает, что около одной трети всех разводов приходится на браки, в которых супруги принадлежат к одной национальности, а остальные две трети – на межэтнические браки.

По сравнению с мононациональными браками межэтнические браки менее устойчивы. Если на 100 мононациональных семей приходится 1,6 развода, то на такое же количество межнациональных семей – 2,4. Существенна дифференциация разводов и по разным национальным группам. Так, если на 100 семей русских в мононациональных браках приходится 2,3 развода, то на это же число немецких семей – 0,8, семей чувашей – 1,2, семей удмуртов – 1,5 развода.

Более высокую вероятность распада межэтнических браков сами респонденты объясняют отсутствием в этнически смешанных семьях “сильных семейных национальных традиций”, позволяющих супругам “устоять” в сложных ситуациях, а также отсутствием социального контроля со стороны родственников. Даже в условиях дисперсного расселения рассматриваемых нами национальных групп такие родственные связи часто многочисленны.

Изучение динамики возрастной структуры разведенных национальных супружеских пар по Крапивинскому району Кемеровской области позволяет заключить, что наибольшее число разводов приходится на возрастные группы 25–29 и 30–39 лет. Сравнение возраста разведенных супругов показывает, что в 88% пар мужа были старше жен, при этом наибольшая доля разводов (45%) приходится на группу семей, в которых разница в возрасте супругов составляет один-два года, а наименьшая (8,7%) – на группу семей с разницей в возрасте супругов пять и более лет.

Из данных о разводе, полученных в самом обследовании, можно сделать вывод, что если для старшего поколения (поколения родителей респондентов) всех национальных групп развод был очень редким, почти исключительным событием, то для среднего и младшего поколений развод – явление довольно частое. Что касается типа брака, то как в этнически однородных, так и в этнически смешанных семьях преобладают зарегистрированные браки.

Анализ продолжительности брака показал, что наибольшую долю составляют разводы на пятом-девятом году брака. Каждый третий распавшийся брак – это брак, который просуществовал только пять-девять лет. Несколько меньше трети браков распадается в интервале 10–19 лет. При этом если в первом случае разводы наблюдаются в молодых семьях современников, то во втором – в семьях, в которых супруги принадлежат к среднему поколению, т.е. родились после войны.

Отмеченное явление – результат действия не только социально-экономических факторов и этнических особенностей традиций и национальной культуры воспроизводства и формирования семьи, но и структурных этнических и демографических особенностей населения территории.

Рождаемость. Этот индикатор позволяет описать одну из важнейших составляющих воспроизводства национального образования, процесс замены одного поколения другим. Характеризуя процесс изменения населения за счет рождений, отнесенных к численности женщин детородного (фертильного) возраста, данный индикатор показывает, какой вклад в процесс воспроизводства, возобновления поколения вносят отдельные возрастные группы фертильного контингента женщин.

На показатели рождаемости влияют многие факторы: тип семьи (в больших семьях рождаемость выше, так как родители могут надеяться на помощь родственников, но в таких семьях могут строже соблюдаться половые ограничения), религиозная принадлежность (цель брака, согласно большинству религий, – рождение детей), а также такие социально-экономические факторы, как образовательный и общекультурный уровень, благосостояние, степень урбанизации, вид занятий. Только во взаимосвязи с этими факторами этническая принадлежность оказывает влияние на уровень рождаемости.

Как показали наши исследования, в этнически однородных семьях изучаемых национальных групп супруги имеют репродуктивные установки, нацеленные на большее число детей в семье, чем в этнически смешанных. Так, в этнически однородных немецких и чувашских семьях среднее число детей равно трем, а в этнически смешанных семьях представителей этих же национальностей с русскими – двум. Ассимилируясь со славянскими национальностями, этнические меньшинства перенимают и их репродуктивные установки, и их демографическое поведение. Таким образом, в рамках гомогенных семей идет расширенный процесс воспроизводства, а в рамках семей гетерогенных – суженный. То есть рассматриваемые этнические группы самовоспроизводятся на данной территории в основном на уровне гомогенной семьи.

Средний возраст мужчин при рождении первого ребенка составляет у немцев 24,9, у чувашей – 25,5 года. У женщин средний возраст рождения первого ребенка у немцев равен 23,6, у чувашек – 22,8 года. Средний репродуктивно-активный период у мужчин немецкой национальности составляет 6 лет, у женщин – 6,4 года, у чувашей-мужчин – 4 года, а у женщин – 6 лет. Это очень низкий показатель. Учитывая средний возраст вступления в брак и средний возраст супругов при рождении первых детей в этих национальных группах, можно сделать вывод, что и мужчины, и женщины заканчивают рожать детей до 30 лет. При сохранении в будущем таких показателей репродуктивной функции численность популяции и немцев, и чувашей будет сокращаться.

У русских в то же самое время репродуктивно-активный период составлял 10–12 лет. Общий коэффициент рождаемости для русского населения Кемеровской области, по данным за 1995 г., был равен 12,8 чел. на тысячу населения, специальный коэффициент рождаемости – 66,1 ‰. Коэффициент рождаемости для всех рассматриваемых национальных групп, по данным обследования, составил лишь 6,7 ‰.

Смертность. Показатели смертности характеризуют процесс вымирания населения в отдельных половозрастных группах. Как отмечалось выше, смертность также является демографической характеристикой устойчивости брака, а кроме того, косвенной характеристикой состояния здоровья населения. В связи с этим особенно важным становится знание причин смерти в разные отрезки времени у населения разных национальностей.

На стадии подготовки анкеты среди причин смерти могут выбираться различные группы причин, – выбор их зависит от целей исследования. В нашем исследовании кроме смертности от старости (для умерших в том числе и от болезней после 75 лет) и болезни были выделены причины, которые, по статистике, занимают в Сибири в последние годы лидирующие позиции среди всех прочих причин смертности. Это – несчастные случаи, в частности связанные с принятием алкоголя, а также алкоголизм.

Этнические различия в уровне смертности проявляются не столь ярко, как, например, в уровне рождаемости, но тем не менее они существуют. Этот факт отмечается всеми специалистами по проблемам этнической демографии. Особенно значительны этнические различия в уровне смертности у новорожденных, а также у детей до 5 лет. Недаром показатели смертности младенцев и детей до 5 лет, по международным стандартам (методика ПРООН), принято считать важнейшими индикаторами устойчивости и социального благополучия общества, в том числе отдельных национальных групп.

Другим не менее важным индикатором устойчивости и социально-экономического благополучия является такой показатель, как средняя продолжительность жизни. Этот показатель представляет собой результирующую влияния всех факторов, действующих на уровень смертности отдельных когорт населения.

В ходе нашего обследования были получены данные о смертности по семьям старшего поколения изучаемых брачных пар (родителей респондентов), родившихся до 20-х годов XX столетия. Необходимо отметить, что для этого поколения характерны, как правило, этнически однородные браки, поэтому провести сравнительный анализ продолжительности жизни супругов в гомогенных и гетерогенных семьях представляется затруднительным. Мы рассмотрим продолжительность жизни мужчин и женщин в различных этнических группах независимо от типа семьи, преобладающие в этих группах причины смерти, а также различия в продолжительности жизни и причинах смерти по полу. При этом нами выделены относительно многочисленные национальные группы немцев и чувашей.

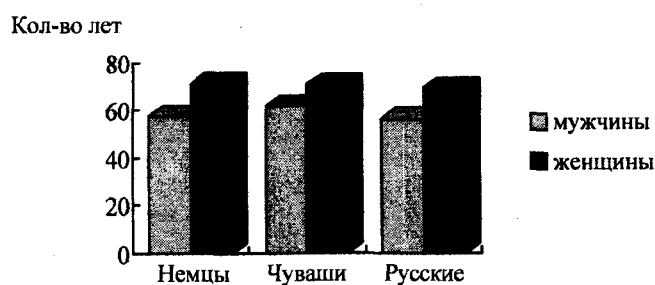

Рис. 1. Средняя продолжительность жизни представителей разных национальных групп, рожденных в начале XX в.

Рис. 2. Распределение случаев смерти по различным причинам среди мужчин и женщин у немцев (а) и чувашей (б).

Как позволяют судить полученные данные¹, средняя продолжительность жизни у немцев этого поколения составляет у мужчин и женщин соответственно 57,3 и 71,3 года, у чувашей – 61,4 и 70,8 года (рис. 1). Средняя продолжительность жизни русских мужчин и женщин этого же поколения (сельское население Кемеровской области) составляет 56,1 и 69,1 года соответственно у мужчин и женщин, т.е. находится на более низком уровне, чем у представителей национальных групп.

И у немцев, и у чувашей средняя продолжительность жизни мужчин более чем на 10 лет меньше продолжительности жизни женщин. У мужчин-чувашей средняя продолжительность жизни на четыре года больше, чем у мужчин-немцев. Это связано с тем, что немцы подвергались политическим репрессиям, гонениям, многие умерли в результате продолжительной болезни. Все это можно проследить на основе данных распределения случаев смерти среди мужчин и женщин в данных национальных группах по различным причинам (рис. 2). По этим данным видно, что мужчины обеих национальных групп умирали в большинстве случаев в результате болезни, а женщины – от старости. Доля смертных случаев от болезни составила у мужчин-немцев и мужчин-чувашей 44 и 38% соответственно, а у женщин немецкой и чувашской национальности доля смертности от старости в общей структуре смертности национальной группы равна соответственно 59 и 47%.

Достаточно высока доля мужчин, умерших во время Великой Отечественной войны: 24% у немцев и 17% у чувашей. И если мужчины-чувашки умирали во время войны на поле боя или от полученных ран, то немцы – в тылу от лишений, голода и репрессий. Значительную долю всех умерших в этом поколении составляют погибшие от несчастных случаев, отравлений и травм. Особенно высока она у чувашей: 13% у мужчин и 11% у женщин.

Имея в качестве объекта исследования малые национальные образования, мы не можем пройти мимо факта более низкой, чем в малых национальных группах (немцев и чувашей), средней продолжительности жизни русского населения. Если различия в средней продолжительности жизни у русских женщин и у немок и чувашек незначительны (1,7–2,2 года), то у русских мужчин средняя продолжительность жизни на 5,3 года меньше, чем, например, у чувашей. Это объясняется тем, что среди русских мужчин этого поколения были более высоки потери во время Великой Отечественной войны.

* * *

Итак, рассмотренные выше индикаторы² описывают демографические характеристики, оказывающие влияние на формирование устойчивого (неустойчивого) типа национального образования. Показатели, операционализирующие эти индикаторы, позволяют выйти на определение и такой важнейшей характеристики, как *демографический потенциал этнического образования*, проживающего на данной территории. Под *демографическим потенциалом этнического образования* мы понимаем потенциальные возможности данного этноса (проживающего на определенной территории) к воспроизводству самого себя при сложившихся тенденциях изменения естественного и механического движения, а также тенденциях ассимиляционных процессов, происходящих в данной территориально-этнической общности.

Примечания

¹ Данные этносоциологического обследования 1995 г. репрезентируют все население малочисленных этнических групп Крапивинского района Кемеровской области по основным демографическим характеристикам.

² Расчеты к таблицам и схемам выполнены совместно с О.В.Ганжур.

³ В качестве инструмента обследования использовалась анкета “Вы и ваша семья”. Кроме анкетного представления индикаторов “половозрастная и семейная структура” информационной основой такой работы являются статистические данные, полученные из книг хозяйственного учета (домовых книг) на стадии предварительной подготовки обследования, в частности на стадии формирования выборки.

⁴ Средняя продолжительность жизни у мужчин и женщин немецкой и чувашской национальных групп рассчитывалась по специально построенным кратким таблицам смертности поколения родившихся в начале XX в.

⁵ Подробнее см.: *Факторы устойчивости малых национальных групп: теоретико-методологические и прикладные вопросы исследования* / Под ред. С.В.Соболевой. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000.

Г.С. Гончарова
(Новосибирск)

БРАКИ, РАЗВОДЫ И НЕПОЛНЫЕ СЕМЬИ В РЕГИОНАХ СИБИРИ*

Анализ демографических и социально-демографических аспектов причин изменений в семейно-брачных отношениях показывает, что эти причины имеют сложную природу. Они, в частности, связаны с изменением социальных норм, экономической независимостью женщин, распространением контрацептивов и др. Все эти факторы ведут к ослаблению патриархальных устоев и существенно изменяют семейно-брачные отношения. Наблюдения показывают, что в процессах заключения и прекращения браков, появления детей произошли изменения, свидетельствующие о возрастающем многообразии форм семейной жизни, об увеличивающейся матримониальной и “жизнеустроительной” мобильности людей¹. В России, как и в европейских странах, идет процесс модернизации семейной сферы, утверждения ценности женщины – матери – личности².

В последнее десятилетие наиболее характерными особенностями процесса формирования семьи в России являются снижение рождаемости и официально регистрируемой брачности, рост внебрачной рождаемости, высокий уровень разводимости. В этих особенностях, как отмечают авторы доклада “Население России. 1998: Шестой ежегодный демографический доклад”³, можно видеть следствия общего экономического и демографического кризиса и закономерный результат эволюционного развития института семьи. Такой результат можно было предвидеть, изучая опыт развитых западных стран. Уменьшение числа заключаемых браков и увеличение возраста вступления в первый брак в России напоминают тенденции, характерные для США в 1960–1970 гг., когда там наблюдался переход от всеобщей брачности, наиболее интенсивной в молодых возрастах, к ее более низкому уровню при увеличении возраста вступления в зарегистрированный брак.

Преобразования системы всех социальных отношений, происходящие в последнее десятилетие в России, изменили не только условия жизни, но и систему взглядов и отношений. Это привело к усилению негативных тенденций в демографическом развитии населения. Население России отреагировало на преобразования аналогично населению развитых стран, где преобразования происходили в других экономических условиях. В развитых западных странах уменьшение числа заключаемых браков и увеличение возраста вступления в первый брак происходили вместе с ростом экономического прогресса, а в России – вместе с преобразованиями и переустройством системы всех отношений, которые должны привести к экономическому прогрессу. Похожие тенденции при различных условиях создают критическую ситуацию, анализ которой актуален не только из-за изменений, происходящих в демографическом развитии страны, но и из-за изменений в установках и взглядах на семейно-брачные отношения. Переживаемый нашей страной социально-экономический кризис привел к тому, что брачные пары все чаще не спешат обзавестись первым ребенком. Откладывание рождения детей на более поздний период нередко дестабилизирует семейные отношения. Снижение рождаемости происходит на фоне роста абсолютной и относительной внебрачной рождаемости, имеет место снижение рождаемости у брачных пар и увеличение – у лиц, не состоящих в браке. Является ли последнее следствием отложенного вступления в брак или это реализация женщинами их естественной функции материнства без особых гарантий на будущее? Для ответа на поставленный вопрос и на другие, связанные с изменениями в семейно-брачных отношениях, необходимы специальные исследования.

Браки и разводы. Анализ динамики брачности в России⁴ (рис.1.) показывает, что наряду с сокращением числа браков на 1000 чел. произошло увеличение темпов этого сокращения. Если в 1978 г. число браков составляло 11,1 на 1000 чел., а в 1988 г. – 9,5 (т.е. произошло сокращение на 1,6), то в следующем десятилетии, к 1998 г., этот показатель снизился уже до 5,8 (сокращение на 3,7). Темпы сокращения брачности в последнем десятилетии увеличились в 2,3 раза.

Следует отметить резкое снижение брачности, произошедшее в 1992 г. и свидетельствующее о росте негативных явлений, дестабилизирующих семейно-брачные отношения. Поскольку статистика может зафиксировать только зарегистрированные браки, снижение брачности показывает уменьшение количества юридически оформленных брачных союзов, но не фактических. Для оценки динамики численности фактических браков нужны специальные исследования.

Происходит сокращение доли зарегистрированных браков, откладываются сроки юридического оформления фактических браков, образуются разного рода свободные союзы. Изменения, наблюдаемые в семей-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-03-00136).

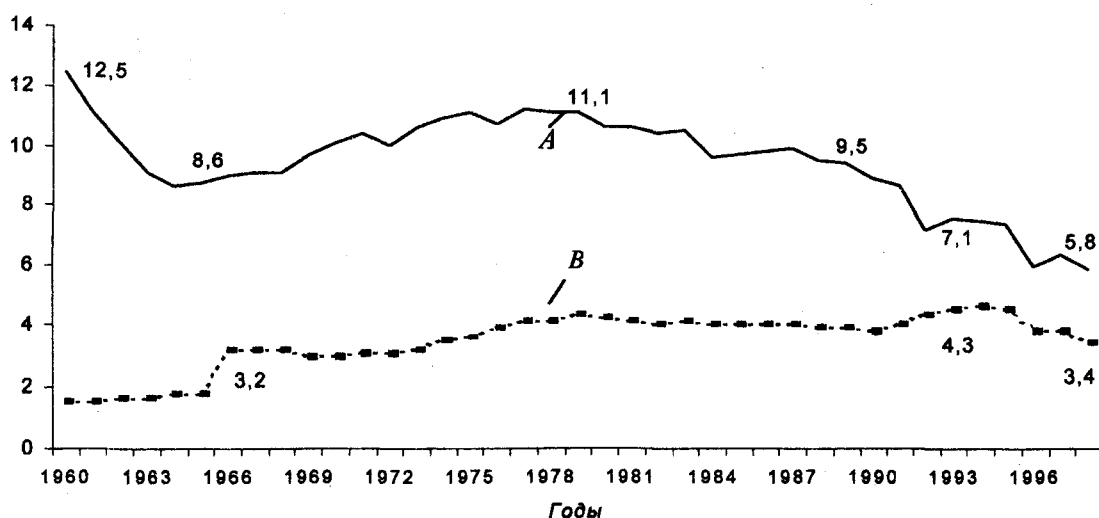

Рис. 1. Число браков (A) и разводов (B) на 1000 чел. в Российской Федерации

но-брачных отношениях, связаны не только с произошедшей в последнее время эволюцией сексуальных отношений, но и с изменениями в социально-экономической жизни. К ним относится, в частности, практическое прекращение предоставления семьям бесплатного жилья. Отсутствие совместного жилья и низкий уровень доходов не способствуют вступлению в зарегистрированный брак и рождению детей, особенно первенцев.

Поведение коэффициента разводимости (количество разводов на 1000 чел.) (см. рис. 1) позволяет разбить рассматриваемый отрезок времени (1960–1998 гг.) на шесть периодов. Это разбиение связано с поведением рассматриваемого коэффициента, его относительным повышением или снижением внутри каждого из интервалов. Для каждого из рассматриваемых периодов вычислены средние значения на основе данных, приведенных на рис. 1:

Период	Среднее число разводов на 1000 чел.
1960–1965	1,63
1966–1973	3,13
1974–1979	3,92
1980–1990	4,00
1991–1994	4,35
1995–1998	3,88

Как видим, среднее число разводов с 1966–1973 гг. увеличилось сравнительно с 1960–1965 гг. примерно в 2 раза. В 1974–1979 гг. оно увеличилось еще почти на 1 промилле. Максимум приходится на 1991–1994 гг. – годы, связанные с наиболее трудным периодом перестройки. В 1995–1998 гг. наблюдается возвращение к уровню 1974–1979 гг. Характерно, что самая высокая разводимость приходится на период перестройки – период радикальных экономических преобразований, сопряженных со значительным ухудшением жизненного уровня населения.

Сокращение брачности и увеличение разводимости приводят к тому, что действие процессов, разрушающих брак, несколько опережает действие процессов, способствующих его возникновению. Это влечет за собой постепенный рост числа разводов на 1000 зарегистрированных браков (рис. 2). Начиная с 1970 г. число разводов на 1000 зарегистрированных браков неуклонно растет, а в 1992 г. наблюдается их резкий скачок. Неблагоприятная ситуация, существовавшая и ранее, усугубилась проводимыми в стране социально-экономическими реформами. Только в 1997 г. наметился рост брачности и в 1998 г. – снижение разводимости.

Незарегистрированные браки. В России существующие незарегистрированные браки впервые были учтены в материалах выборочной микропереписи, проведенной Госкомстатом РФ в 1994 г. Отсутствие официальной регистрации затрудняет учет и анализ таких браков. В среднем по России в незарегистрирован-

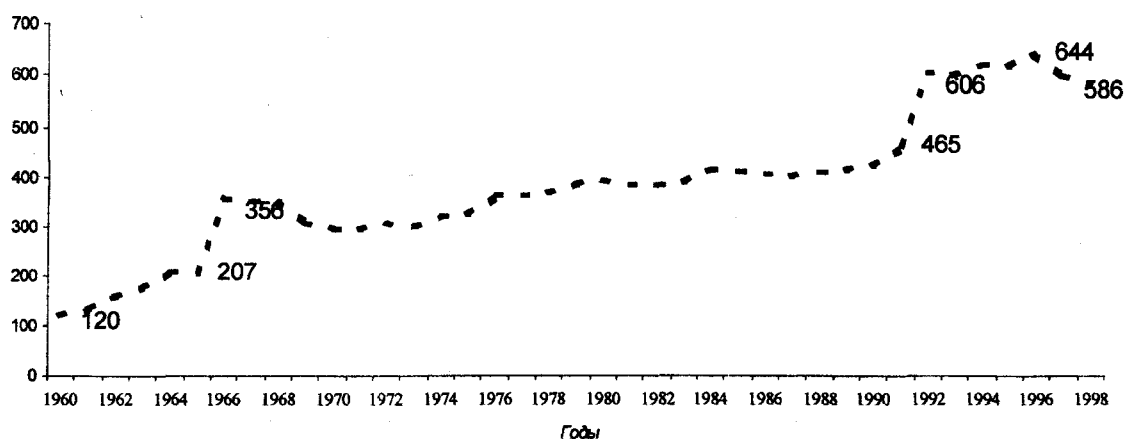

Рис. 2. Число разводов на 1000 зарегистрированных браков в Российской Федерации.

ном браке состояли 6,5 % мужчин и 6,6% женщин. Среди городского населения доля незарегистрированных браков была меньше чем среди сельского (табл. 1). Превышение доли незарегистрированных браков в сельской местности объясняется существенными различиями в образе жизни сельских и городских жителей. Можно предположить, что сельские жители оказались менее скованными юридическими нормами из-за слабого использования льгот и преимуществ, обеспечиваемых юридическим оформлением брака. Эта проблема нуждается в отдельном исследовании.

Т а б л и ц а 1

Незарегистрированные браки среди всех браков в России в 1994 г., %

Категория населения	Город и село		Город		Село	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Все население	6,5	6,6	5,7	5,8	8,8	8,8
В том числе в возрасте:						
16–17 лет	36,4	30,1	34,7	26,0	40,7	37,5
18–19 лет	15,1	11,5	14,2	11,1	18,1	12,5

И с т о ч н и к: *Состояние в браке и рождаемость в России: по данным микропереписи 1994 г.* – М., 1995. – С. 8–13.

Особенно велик процент незарегистрированных браков у молодежи в возрасте до 20 лет (см. табл. 2). Вступая в брачный союз, молодые люди часто откладывают его юридическое оформление на более позднее время.

Доля незарегистрированных браков у молодежи 16–19 лет превышает средние значения данного показателя по России в несколько раз. Эта доля особенно велика в группе молодежи 16–17 лет. В следующей возрастной группе – 18–19 лет – она уменьшается в 2–3 раза. Распространение юридически не оформленных брачных союзов, особенно в самой младшей группе населения, ведет либо к тому, что рождение детей откладывается, либо к рождению внебрачных детей. Сам факт наличия незарегистрированных брачных союзов в младших возрастах, по-видимому, свидетельствует о распространении новых форм семейной жизни.

Доля незарегистрированных брачных союзов у женщин и мужчин в возрасте 45–54 года, проживающих в сельской местности, несколько превышает средние значения этого показателя по России в целом⁵. Среди сельских жителей в возрасте 45–49 лет не состоят в юридически оформленном браке 10,1% мужчин и 10,9% женщин, в возрасте 50–54 года – 11,4% мужчин и 10,2% женщин. По-видимому, в этих возрастных группах, вступая преимущественно в повторные браки, люди не стремятся юридически оформлять новый брак.

Велика также дифференциация доли незарегистрированных браков по регионам России. Так, в четырех автономных округах Сибири (Таймырском, Эвенкийском, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком) значения этого показателя, по официальным данным, колеблются от 5,4 до 21,9%⁶. По нашим подсчетам, основанным на первичных данных микропереписи 1994 г., в этих автономных округах Сибири доля незарегистрированных браков колеблется от 6,5 до 21,4%⁷. Эта доля меняется в зависимости от типа поселения (сельская или городская местность), очередности брака (первый или повторный брак), этнических факторов (этнически однородный или смешанный брак), а также от экономического положения региона. Видимо, среди причин, влияющих на долю незарегистрированных браков, следует назвать миграционную подвижность, которая в рассматриваемых регионах велика.

Внебрачная рождаемость. Для анализа причин распространения незарегистрированных браков, так же как и увеличения внебрачной рождаемости, нужны не только статистические данные, но и разного рода выборочные обследования. В этих обследованиях необходимо выяснить, каковы ценностные установки населения и его взгляды на семейно-брачные отношения. Необходим также анализ экономического положения семей, их жилищных условий.

Иллюстрацией того, что взгляды российского населения на семейно-брачные отношения и соответствующие ценностные установки изменились, является увеличение за 1970–1998 гг. доли детей, родившихся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке⁸. За указанный период эта доля увеличилась с 10,6 до 27% от общего числа родившихся, причем шел неуклонный рост данного показателя. Но темпы этого роста были различны. Так, в 1986–1989 гг. они составляли 0,4%, в 1990–1994 гг. – 1,22, а в 1995–1998 гг. – 1,85%. Таким образом, происходило увеличение не только доли родившихся вне юридически оформленного брака, но и темпов роста этой доли. В связи со снижением рождаемости в целом и увеличением доли детей, рожденных вне брака, возникает вопрос о границе, после которой можно было бы ожидать стабилизации этого показателя, а затем и его уменьшения. Важно также определить критический уровень внебрачной рождаемости, превышение которого имело бы резко отрицательные последствия для общества. В послевоенное время (1945–1949 гг.) по всей территории бывшего СССР доля внебрачных рождений составляла 17,9%⁹. На территории Российской Федерации в 1998 г. доля детей, рожденных вне брака, в общем числе рожденных была выше, чем в послевоенные годы на 10–11%. Экономическое положение страны в настоящее время и в послевоенные годы несравнимо, и объяснять такой скачок только экономическими причинами было бы неверно. Для выяснения истинных его причин необходим анализ не только экономических показателей, но и ценностных установок, касающихся семьи, брака, детей.

Следует отметить, что в 1995 г. 43% родившихся вне юридически оформленного брака (42% в городских поселениях и 46% в сельской местности) были зарегистрированы по совместному заявлению обоих родителей¹⁰. Это может означать либо существование фактического брака, либо то, что отец признает ребенка своим, что позволяет матери рассчитывать на экономическую поддержку со стороны отца при его воспитании.

Существует региональная дифференциация доли детей, рожденных вне юридически оформленного брака в общем числе родившихся живыми¹¹ (рис.3). Так, в Хакасии и Тыве в 1990 г. значение данного показателя по сравнению со средними его значениями по России было выше на 6,5 и 21,9% соответственно. К 1998 г. это различие увеличилось и достигло соответственно 7,3 и 28%.

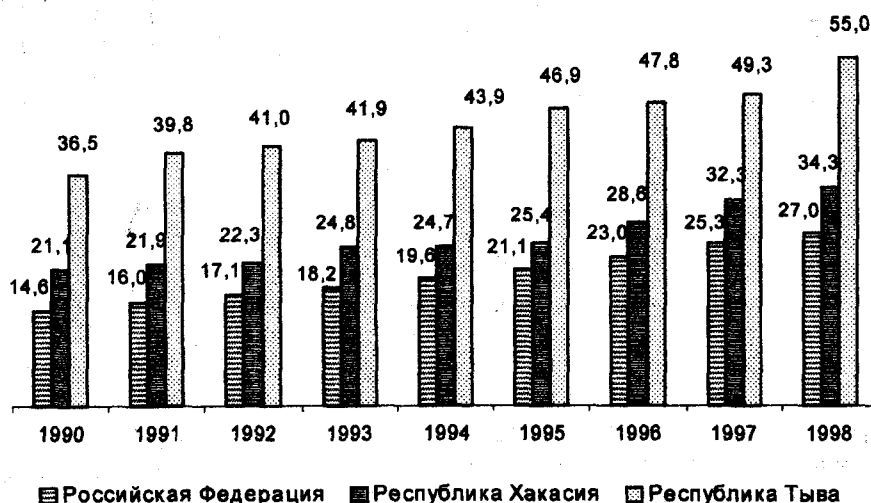

Рис. 3. Доля детей, родившихся вне юридически оформленного брака, % от общего числа родившихся

Региональные различия и их рост свидетельствуют о существовании факторов, нуждающихся в отдельных исследованиях. Особенно большое влияние оказывают экономическое состояние региона, существование и укрепление местных обычаев и традиций, различия в образе жизни, различия в установках на семейно-брачные отношения, национальные традиции, связанные со вступлением в брак и рождением детей. Этот список факторов, влияющих на внебрачную рождаемость, далеко не полон. Составление полного списка и его анализ позволили бы показать одну из важных сторон развития семейно-брачных отношений на современном этапе.

Вдовство и повторные браки. Рост смертности, зафиксированный статистикой в последнем десятилетии, неизбежно приводит не только к убыли населения, но и к росту числа овдовевших, которые являются потенциальными объектами для повторных браков. В четырех автономных округах Сибири (Таймырском, Эвенкийском, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком), по подсчетам, сделанным на основе первичных данных выборочной микропереписи 1994 г., из всех овдовевших мужчин вступают в зарегистрированные браки 24,6%, в незарегистрированные – 9,4 и остаются вдовыми 65,1%. Среди вдовых женщин эти показатели составляют соответственно 14,5; 5,9 и 78,5%. Отсюда видно, что после смерти одного из супругов примерно каждый третий мужчина в этих регионах вступал в повторный брак, а среди женщин – только каждая пятая.

Рассмотрим демографическое поведение овдовевших и типы семей, которые они пополняют. Из таблицы 2 видно, что среди овдовевших мужчин, не вступивших в брак на момент проведения выборочной микропереписи 1994 г., живут с детьми, не состоящими в браке, и образуют неполную семью 24,6%, а среди женщин – 34,7%. Одинокими (без мужа, жены) остаются 42,6% мужчин и 45,8% женщин. Овдовевшие мужчины, вступившие в повторные браки и образующие брачную пару с детьми или без них, составляют 32,8 %, а среди женщины таких 19,5%. Овдовевшие женщины, не имеющие детей, не состоящих в браке, чаще, чем мужчины, живут со своими родственниками (26,1% против 19,1%). Одиноких овдовевших мужчин оказалось больше, чем одиноких овдовевших женщин (23,5% против 19,7%). Таким образом, после смерти одного из супругов мужчины чаще вступают в повторные браки, а женщины чаще живут или с детьми, не состоящими в браке, образуя неполную семью, или с родственниками (среди которых могут быть дети, состоящие в браке), входя в состав сложной семьи.

Т а б л и ц а 2

Распределение овдовевших лиц по типам семьи
(Таймырский, Эвенкийский, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий
автономные округа, 1994 г.), %

Тип семьи	Овдовевшие			
	Кол-во, чел.		% овдовевших	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Брачная пара – один из супругов овдовевший	142	70	5,4	13,1
Брачная пара с детьми – один из супругов овдовевший	301	90	11,5	16,9
Родитель-овдовевший с детьми, не состоящими в браке	731	102	28,0	19,1
Одиночка-овдовевший	515	125	19,7	23,5
Брачная пара – один из супругов овдовевший и др. родственники (сложная семья)	25	8	1,0	1,5
Брачная пара с детьми – один из супругов овдовевший и др. родственники (сложная семья)	42	7	1,6	1,3
Родитель-овдовевший с детьми, не состоящими в браке и др. родственники (сложная семья)	173	29	6,6	5,4
Одиночка-овдовевший и др. родственники (сложная семья)	680	102	26,1	19,1
И т о г о	2609	533	100,0	100,0

Разводы и повторные браки. Рост числа разводов и числа смертей одного из супругов неизбежно приводит к изменениям в структуре семьи и увеличению числа лиц, являющихся потенциальными объектами для повторных браков. В четырех автономных округах Сибири (Таймырском, Эвенкийском, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком), по подсчетам, сделанным на основе первичных данных выборочной микропереписи 1994 г., из всех разведенных мужчин вступают в зарегистрированные повторные браки 56,2%, в незарегистрированные – 16,1 и остаются разведенными 27,3%. Среди разведенных женщин эти показатели составляют соответственно 39,3; 12,3 и 46,5 %. То есть после развода среди мужчин в этих регионах

примерно три четверти вступали в повторный брак, а среди женщин – только половина. После развода брачные возможности женщин и мужчин существенно различаются. Рассмотрим демографическое поведение разведенных и типы семей, которые они пополняют.

Из таблицы 3 видно, что среди разведенных мужчин, не вступивших в брак на момент проведения выборочной микропереписи 1994 г., живут с детьми, не состоящими в браке, и образуют неполную семью 3,4%, а среди женщин – 37%. Разница больше, чем в 10 раз, объясняется тем, что после развода дети, как правило, остаются с матерью, значительно уменьшая ее шансы выйти замуж повторно. Одинокими (без мужа, жены) остаются 20,1% мужчин и 8,4% женщин. Разведенные мужчины, вступившие в повторные браки и образующие брачную пару с детьми или без них, составляют 70,3%, а женщины – 49,4%. Одиноким разведенных мужчин оказалось больше, чем одиноким разведенных женщин (20,1% против 8,4%). У лиц живущих в сложных семьях соотношение примерно одинаковое: 6,1 и 5,1%. После развода мужчины чаще вступают в повторные браки, а женщины чаще живут с детьми, не состоящими в браке, и образуют неполную семью.

Таблица 3

Распределение разведенных лиц по типам семьи
(Таймырский, Эвенкийский, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий
автономные округа, 1994 г.), %

Тип семьи	Разведенные			
	Кол-во, чел		% разведенных	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Брачная пара – один из супругов разведенный	430	529	7,4	14,5
Брачная пара с детьми – один из супругов разведенный	2065	1722	35,5	47,2
Родитель-разведенный с детьми, не состоящими в браке	1640	98	28,2	2,7
Одиночка-разведенный	489	734	8,4	20,1
Брачная пара – один из супругов разведенный и др. родственники (сложная семья)	115	99	2,0	2,7
Брачная пара с детьми – один из супругов разведенный и др. родственники (сложная семья)	261	216	4,5	5,9
Родитель-разведенный с детьми, не состоящими в браке и др. родственники (сложная семья)	514	27	8,8	0,7
Одиночка-разведенный и др. родственники (сложная семья)	299	224	5,1	6,1
Итого	5813	3649	100,0	100,0

Разводимость, вдовство и повторные браки. Объединим данные по разведенным и вдовым мужчинам и женщинам. Разводы и смерть одного из супругов приводят к изменениям в семейно-брачном статусе участников этих демографических событий. Дальнейшее поведение разведенных и овдовевших в большой степени зависит от их пола, возраста и наличия несовершеннолетних детей.

Сравним влияние разводов и вдовства на формирование типа семьи, которую образуют бывшие супруги или в которой они живут после некоторого периода времени (в данном случае к 1994 г.). Из-за недостаточности статистического материала длительность интервала времени после наступления рассматриваемых демографических событий и возраст супругов не учитывались. Но даже такое огрубление показывает, что брачные возможности у мужчин и женщин существенно различаются как после развода, так и после смерти одного из супругов. Сказываются различия в уровнях смертности мужчин и женщин и более широкие возможности мужчин на брачном рынке по сравнению с женщинами.

Рассмотрим овдовевших и разведенных, входящих в состав простых семей. Примерно 15% разведенных или овдовевших мужчин, вступая в повторные браки, образуют новую семью, состоящую из брачной пары без детей. Разведенным женщинам это сделать удастся в 2 раза реже, а овдовевшим – в 3 раза. Приблизительно каждый второй разведенный мужчина и каждая третья женщина образуют брачную пару с детьми. Это самый распространенный тип семьи для разведенных лиц: детям нужна полная семья.

Примерно каждой третьей разведенной или овдовевшей женщине с детьми не удастся снова выйти замуж. Процент оставшихся с детьми разведенных мужчин незначителен, в отличие от мужчин овдовевших. Это естественно: маленьким детям нужна мать, а старикам нужна поддержка взрослых детей. Разведенные женщины избегают одиночества: одинокими остаются меньше, чем одна из десяти.

Рассмотрим овдовевших и разведенных, входящих в состав сложных семей. В сложные семьи входят главным образом овдовевшие женщины и мужчины без детей. Как правило, это пожилые люди, нуждающиеся в поддержке. Значителен также процент разведенных или овдовевших женщин с детьми, влившихся в сложные семьи. Меньшую, но также заметную долю среди лиц, вошедших в сложные семьи, составили разведенные мужчины и женщины, образовавшие брачную пару с детьми (при этом новая семья часто объединяется с родителями одного из супругов).

После смерти одного из супругов или после развода меняется тип его прежней семьи. Рассматривалась структура семьи, в которой живут овдовевшие и разведенные на момент проведения выборочной микропереписи, а смерть одного из супругов или развод произошли в другое время. Следовало бы также рассмотреть структуру семьи с учетом числа лет, прошедших после смерти одного из супругов или после развода. Это дало бы возможность оценить вероятность перехода из одного типа семьи в другой и позволило бы в дальнейшем прогнозировать тип семьи после смерти одного из супругов или после развода и уточнять информацию о семейной структуре населения.

Неполные семьи. Увеличение числа разводов, внебрачной рождаемости и появление свободных брачных союзов повлекли за собой дестабилизацию семейно-брачных отношений и оказали влияние на структуру семьи. Рассмотрим неполные семьи, состоящие из одного родителя с детьми. Такие семьи либо живут самостоятельно, либо являются частью более сложной по составу семьи. Они возникают в результате разводов, смерти одного из супругов, распавшегося сожительства, рождения детей вне брака.

Анализ неполных семей по возрасту родителей и их семейному состоянию на основе первичных материалов выборочной микропереписи 1994 г. дает возможность оценить значимость различных причин возникновения неполных семей. Определить вес каждой из причин довольно сложно из-за недостаточности информации. Выделяются три группы причин неполноты семей, состоящих из одного родителя (мать или отец) с детьми: вдовство, развод, разрыв без развода.

Таблица 4

Распределение родителей в неполных семьях по возрасту и семейному состоянию*
(Таймырский, Эвенкийский, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, 1994 г.), %

Возраст, лет	Распределение семейного состояния родителей по возрасту			Распределение возраста родителей по семейному состоянию			Всего
	Вдовы	Разведен	Не состоявшие в зарегистр. браке	Вдовы	Разведен	Не состоявшие в зарегистр. браке	
До 20	3,0	50,5	46,5	0,3	1,9	7,4	2,3
21-25	4,4	70,8	24,8	1,7	10,1	15,1	8,9
26-30	8,9	65,9	25,2	4,4	12,4	20,2	11,7
31-35	14,9	67,0	18,1	12,0	20,2	23,3	18,8
36-40	15,7	72,2	12,1	12,4	21,4	15,3	18,4
41-45	26,6	65,1	8,3	19,2	17,6	9,6	16,8
46-50	33,4	59,8	6,8	10,7	7,1	3,5	7,4
51-55	46,1	49,8	4,1	12,1	4,9	1,7	6,1
56-60	51,2	43,5	5,3	8,6	2,7	1,4	3,9
61-65	70,2	21,1	8,8	7,9	0,9	1,6	2,6
66 и старше	81,2	14,3	4,5	10,7	0,8	0,9	3,1
Итого	23,3	62,2	14,6	100	100	100	100

* Так как процент остающихся с детьми мужчин, незначителен, деление родителей по полу не производилось.

Из таблицы 4 видно, что среди причин неполноты семей на первом месте стоит развод (62,2%), на втором – вдовство (23,3%) и последнее место занимают никогда не состоявшие в браке (14,6%). Распределение родителей по возрасту без указания причин неполноты семей показывает, что три четверти родителей в неполных семьях находятся в возрасте до 45 лет. Если предположить, что процесс отделения детей не зависит от состава семьи, то это соответствует возрасту родителей, после которого идет интенсивное отделение детей.

Анализ каждой из причин неполноты семей существенно зависит от возраста родителей. Среди никогда не состоявших в браке максимальное количество родителей приходится на возрастную группу 31–35 лет. По-видимому, этот возраст для большинства женщин является критическим, когда они решают иметь детей независимо от вступления в брак. Среди разведенных родителей максимальное количество приходится на возрастную группу 36–40 лет, а среди овдовевших – на группу 41–45 лет.

Распределение семейного состояния родителей в неполных семьях в различных возрастных группах можно охарактеризовать так: доля овдовевших увеличивается с возрастом, что естественно и соответствует также уменьшению возможности повторного вступления в брак; повышение доли разведенных в возрастных группах 21–25 лет и 36–40 лет соответствует максимальному числу разведенных при продолжительности брака до 5 лет и 10–19 лет. Доля лиц, никогда не состоявших в браке, уменьшается с увеличением возраста. Ее максимальное значение приходится на возрастную группу родителей до 20 лет. Затем происходит резкое сокращение (почти в 2 раза) в возрасте 21–30 лет.

Анализ причин возникновения неполных семей, связанных с демографическими событиями (брак – рождение детей – развод; брак – рождение детей – смерть одного из супругов; рождение детей без вступления в брак), показывает, каким образом общие негативные тенденции в процессах брачности и разводимости влияют на формирование наиболее тревожного в социальном плане типа семьи. В цепочки демографических событий вставлено рождение детей, так как здесь исследуются семьи с детьми и не рассматриваются другие типы семей, получившиеся после развода и овдовения.

Статистические данные свидетельствуют о том, что число разводов растет, а число регистрируемых браков уменьшается. Растет абсолютная и относительная внебрачная рождаемость. Все это неизбежно приводит к возникновению и увеличению числа неполных семей со всеми вытекающими отсюда последствиями: неполноценному воспитанию детей, серьезным демографическим и социальным проблемам. Можно надеяться, что анализ материалов предстоящей всеобщей переписи населения позволит количественно оценить наметившиеся негативные тенденции, степень их распространения и влияния на семейную структуру населения. Анализ демографических процессов, способствующих формированию семьи, основанный на общих статистических данных, выявляет основные направления происходящих изменений и дает общую картину связи рассматриваемых процессов. Но такой анализ не раскрывает механизма влияния этих процессов и не позволяет детально исследовать причины возникновения негативных тенденций. Чтобы получить материал для более глубокого анализа, необходимы подробные выборочные социологические обследования. Такие обследования должны быть направлены на изучение поведения различных семей, на исследование их адаптационных возможностей в изменившихся условиях жизни.

Примечания

¹ См.: *Народонаселение: Демографический словарь*. – М., 1994. – С.403.

² См.: *Михеева А.Р. Трансформация социальных институтов брака и семьи // Семья и женщина: реальность и тенденции*. – Новосибирск, 1998. – С.92.

³ См.: *Население России. 1998: Шестой ежегодный демографический доклад* – М., 1999. – С.27–29.

⁴ См.: *Демографический ежегодник России: Стат. сб.* / Госкомстат России. – М., 1999. – С.115.

⁵ См.: *Состояние в браке и рождаемость в России: по данным микропереписи населения 1994 г.* – М., 1995. – С.13.

⁶ Там же. – С.45, 47.

⁷ См.: *Гончарова Г.С. Этнически смешанные семьи и межнациональные браки в некоторых автономиях Сибири // Этносциальные процессы в Сибири*. – Новосибирск, 2000. – С.144.

⁸ См.: *Демографический ежегодник России*. – С.166.

⁹ См.: *Население СССР. 1988*. – М., 1989. – С.344.

¹⁰ См.: *Семья в России: Стат.сб.* / Госкомстат России. – М., 1996. – С.54.

¹¹ Там же. – С.55, 57. См. также: *Демографический ежегодник России*. – М., 1999. – С.167, 174.

Н.Н.Аблажей
(г. Новосибирск)

ЭМИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.*

Современные тенденции эмиграции, и в первую очередь ее безвозвратный характер, диктуют необходимость анализа всего спектра межгосударственных миграционных потоков, в которые оказалась включенной Россия, в том числе ее восточные регионы. Следует отметить, что интенсивный миграционный обмен характерен не только для современного периода: на протяжении XX столетия страна имела миграционный оборот с другими странами, в том числе происходило достаточно интенсивное миграционное движение русскоязычного населения на приграничные территории. Осуществить историческую реконструкцию миграционных потоков русскоязычного населения и населения национальных территорий в приграничные районы и государства в первой трети XX в. невозможно без классификации и анализа типов перемещений (сезонная и маятниковая миграция, эвакуация, беженство, эмиграция, реэмиграция и репатриация), без выявления комплекса факторов, влияющих на структуру миграционных потоков (политических, социально-экономических, этнических, конфессиональных и др.), без определения основных структурных характеристик, временных и территориальных показателей интенсивности миграционных процессов, а также без характеристики основных регионов, включенных в интенсивный миграционный процесс.

Расширение России и Китая, завершившееся ко второй половине XIX в., географически сблизило государства. Несмотря на демаркацию границ, сформировались урянхайская, синьцзянская, монгольская буферные зоны, которые были эпицентром активности обеих стран. С конца XIX – начала XX в. Россия приступила к хозяйственному освоению периферийных территорий, расширяя зоны своего колониального и экономического проникновения в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Восточные регионы России оказались включенными в активные миграционные процессы.

В приграничных районах Сибири доминировала сезонная и маятниковая миграция населения, при этом для начала века были характерны экономические мотивы миграции. Постепенно стали складываться русскоязычные анклавы в крупных городах Монголии, Синьцзяна, Маньчжурии, формировались компактные поселения колонистов в приграничных районах. Китай с начала столетия также активизирует колониционную политику на северо-востоке, последовательно проводя в жизнь принципы закрепления границ и доминирования в Маньчжурии.

Помимо движения русскоязычного населения имела место значительная миграция бурят, тунгусов, эвенков, тувинцев (мончаков) в Китай и Монголию, явившаяся следствием российской колониционной политики на окраинах и носившая экономический характер. Анализ численности и миграционной динамики национального населения осложнен тем обстоятельством, что вопросы этнической истории ряда народов Дальнего Востока до сих пор не решены в культурной антропологии и этнологии. Следует заметить, что, согласно современным этнографическим данным, многие из этих народов своей исторической родиной называют восточные территории России. Отдельные данные позволяют утверждать, что изменение их численности вследствие миграций – явление относительно недавнего времени.

Несмотря на значительный отток населения, пришедшийся на начало века и направленный преимущественно на северо-восток Китая, в Маньчжурию, сальдо миграций на сибирских территориях было положительным благодаря мощной переселенческой волне из Европейской России, усилившейся в связи с гражданской войной. Впервые массовая эмиграция из восточных регионов России обозначилась в конце 1919 – начале 1920 г. вследствие неблагоприятного для белого движения развития военных действий на Южном Урале, в Туркестане, Западной и Восточной Сибири. Изменяются характер и интенсивность миграционных потоков: доминируют эвакуация, беженство и эмиграция.

Современная Монголия (Халха, Внешняя Монголия) до 1911 г. была китайской провинцией, однако после падения Циньской династии провозгласила свою независимость. В 1915 г. было подписано русско-китайское соглашение об автономии Внешней Монголии под формальным сюзеренитетом Пекина. Однако в 1919 г., после введения китайских войск, Монголия вновь фактически становится провинцией Китая. С 1921 г. на Монголию распространяется советское влияние, и в июле того же года здесь устанавливается революционная власть. Окончательно государственный статус Монголии был определен в ноябре 1924 г. с провозглашением Монгольской Народной Республики.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РАН (Проект № 367, конкурс-экспертиза № 6 научных проектов молодых ученых РАН по фундаментальным и прикладным исследованиям).

Процесс переселения российского населения в Монголию активизировался после 1912 г., достигнув своей кульминации в начале 20-х годов. В 1919 г. численность постоянного русскоязычного населения здесь составляла более 5 тыс. чел., из них 4 тыс. проживали в городах, преимущественно в Урге, и более тысячи – в сельской местности, осев о основном в мелких поселениях¹. Доминировала промысловая миграция, среди занятий оседлых переселенцев преобладали торговля, золотодобыча, частично – сельскохозяйственное производство. Китайская колонизация Внешней Монголии в этот период имела волнообразный характер, находясь в зависимости от китайского влияния в регионе, но в целом превышала российскую примерно в 20 раз. Китайцы, как правило торговцы, выходцы из Мукденской провинции, направлялись прежде всего в города.

В начале века высокая миграционная активность на территории современной Монголии была характерна для бурят Иркутской губернии и Забайкалья. Она была связана с колонизацией Забайкалья крестьянами из центральных губерний России. У кочевников-бурят отрезали лучшие земли, что принуждало их либо бросать кочевое хозяйство и переходить на оседлый образ жизни, либо уходить в Монголию. Резкое усиление миграции забайкальских бурят было вызвано мировой и гражданской войнами, – надо было спасать стада скота от реквизиций. Пик миграции пришелся на 1919–1920 гг. и был обусловлен как гражданской войной, так и политикой национальной элиты, выступавшей за “бурято-монгольское объединение”. В результате к середине 20-х годов на пограничных с СССР территориях образовался ряд бурятских хошунов. В Прикосогольском районе осели тункинские буряты, в районе Иро образовался Ирогольский бурятский хошун, в восточной части МНР – Ононгольский и Ульдзыгольский хошуны и, наконец, в юго-восточной части, примыкавшей к Китаю (району Барги), – Халхингольский хошун. По данным российско-монгольской комиссии, в Монголии в 1924 г. было зарегистрировано 4360 бурятских “дворов”, или 16093 чел.² После 1926 г. начался отток бурят-переселенцев обратно в СССР. Другой поток был направлен в Китай, во Внутреннюю Монголию и Баргу. Часть переселенцев-бурят закрепились на территории МНР, приняв монгольское подданство.

Позиции России в китайской провинции Синьцзян, граничившей на северо-западе с Монголией и Россией, в том числе с Восточным Туркестаном, определялись во второй половине XIX в. и вплоть до революции 1917 г. господствующим положением России в регионе и ее приоритетом во внешней торговле, который постепенно сменялся китайским коммерческим влиянием. Вплоть до 1943 г. провинция Синьцзян, руководимая генерал-губернаторами и фактически независимая от Пекина, поддерживала более тесные связи с Россией, а затем с Советским Союзом, чем с центральным правительством.

В период гражданской войны и установления советской власти в Средней Азии граница с Китаем была прозрачной. В 1920–1921 гг. на территории Синьцзяна в беженских лагерях на реках Эмили и Бартал, близ городов и населенных пунктов Чубагач, Чугучак, Тубульджи, Кульджа, Мазари, Урумчи, Гучен дислоцировались после интернирования остатки воинских формирований под командованием Бакича, Дутова, Анненкова, Токарева и др. Вокруг компактных поселений интернированных происходила концентрация групп гражданских беженцев. Общая численность беженцев в лагерях достигала в 1920 г. 25–30 тыс. чел. Особенностью миграции в Синьцзян был ее недолговременный характер. Реэмиграция, в числе причин которой следует выделить военно-политическую и экономическую нестабильность в регионе, наблюдалась практически с момента появления беженцев на данных территориях, а ее пик пришелся на 1921 г. Точно оценить масштабы репатриационного движения пока не представляется возможным, но с определенной долей уверенности можно утверждать, что интенсивность репатриационного движения была выше, чем интенсивность миграции из Европы: на него приходилась приблизительно пятая часть перемещенного населения. К 1926 г. в Синьцзяне проживало около 6 тыс. русских³. Их положение осложнилось во время мусульманского восстания 1932 г. и советского военного присутствия, усилившегося с 1933 г., что способствовало оттоку населения на северо-восток Китая.

Традиционно в провинции Синьцзян имелись поселения тувинцев, точнее, мончаков. Их переселение на китайскую территорию происходило с конца XIX в., усилившись в начале XX в. в связи с урянхайской проблемой. Переселения отмечались в 20–30-е годы. В этот период мигрировали в основном те, кто не принял народную революцию, произошедшую в Туве в 1921 г., и в середине 30-х годов внутренними органами ТНР собиралась информация о добровольно переселившихся в Китай тувинцах⁴. Первоначально эти люди бежали в соседнюю Монголию, где часть из них и осели, а другие перекочевали в Синьцзян. В 1944 г. в связи с вхождением Тувы в состав СССР из республики откочевал в Монголию один из влиятельнейших родов. Современная численность тувинцев в КНР составляет 3–4 тыс. чел.

Основной поток миграции из России в Китай направлялся в Маньчжурию (провинция Хейлунцзян), граничащую на протяжении 600 км с российской территорией. Широкое освоение Маньчжурии началось со строительства Россией в 1897–1903 гг. Китайско-Восточной железной дороги, положившего начало русской колонизации региона и его заселению, а с начала XX в. русский капитал уже

господствовал в Маньчжурии. По данным китайских источников, в 1918 г. русских в Маньчжурии проживало около 60 тыс., в 1919 г. – уже около 148 тыс. Наибольший приток эмигрантов в Маньчжурию наблюдался в 1920–1922 гг.: в 1920 г. сюда прибыло из России 150 тыс. чел., в 1922 г. – 176 тыс.⁵ Сложность с определением количества русских эмигрантов в 1924–1935 гг. вызвана тем обстоятельством, что часть русского населения составляли подданные СССР. Поскольку в этот период соотношение количества эмигрантов и советских граждан было примерно одинаковым, то в 1930 г., с учетом того, что общее число русских колебалось в пределах 110–130 тыс. чел., численность эмигрантов составляла приблизительно 60–80 тыс. чел.⁶

На протяжении 20–30-х годов полоса отчуждения КВЖД оставалась территорией, заселенной преимущественно русскими; Харбин до конца 40-х годов оставался одним из крупнейших центров русской диаспоры. Такие районы Харбина, как Пристань и Новый Город, были заселены в основном русскими. Расцвет “русского Харбина” пришелся на 20-е годы. В конце 1922 г. в городе проживало более 155 тыс. россиян, но к 1936 г. их численность уменьшилась до 69 тыс. В конце 20-х годов в Харбине функционировало более 100 русских учебных заведений (как эмигрантских, так и советских), в том числе пять вузов, существовало несколько десятков научных, общественных, политических и профессиональных организаций и землячеств, действовало 23 православных храма, издавались сотни русскоязычных изданий, в том числе десятки эмигрантских. С 1924 по 1931 г. доминировали советские хозяйственные и финансовые учреждения. Эмигрантские капиталы и ресурсы направлялись преимущественно на развитие социально-бытовой инфраструктуры, на создание кустарно-ремесленных предприятий.

Крупнейшим предприятием в регионе оставалась КВЖД, которая обеспечивала работой около 12 тыс. русских (к 1925 г. все они оформили советское либо китайское гражданство). Имеются отрывочные данные о численности русских по отдельным станциям КВЖД на 1927 г.: Шитоухецзы – 1060 чел., Имяньпо – более 1500, Яблоня – 300, Ханьдаохэцзы – 4535, Мулин – 700, Пограничная – 3150 чел.⁷ Русские селились преимущественно по линии железной дороги – на станциях и в небольших пристанционных поселках, отдельно от китайского населения, которое проживало в городах или в китайских поселках.

Экономическое освоение полосы КВЖД определило миграционное движение приграничного населения на другие сопредельные территории, в частности новую волну заселения кочевыми и оседлыми племенами северо-западной Маньчжурии, или Барги (ныне западная часть Хэйлунцзянской провинции – Хулунбуирский округ): Мергело-Хайларской долины, Приаргунья, Трехречья и пристанционной полосы КВЖД – и формирование там компактных земледельческих поселений. В начале XX в. территория Барги подвергалась массовой китайской колонизации, вызвавшей рост этнической напряженности и приведшей к провозглашению автономии этой территории от Китая и ее присоединению к Монголии. В 1915 г. ситуация была урегулирована, Барга вновь перешла в подданство Китая, получив при этом широкую автономию. Россия, выступив посредником в урегулировании конфликта, получила возможности экономического и политического доминирования на данной территории. В 1920 г. китайским правительством был аннулирован автономный статус Барги, однако арендные и концессионные соглашения на землю для русских, в том числе и для советских граждан, неоднократно продлевались.

Большая часть Барги, граничившая с Россией и Монголией, была заселена преимущественно кочевыми племенами. С начала XX в. именно через Баргу шли многочисленные кочевые буряты-переселенцы. Для кочевников – переселенцев из Забайкалья на рубеже 10–20-х годов были отведены земли малозаселенного Олетского хошуна. Частично, как было сказано выше, они обосновались в Монголии и приняли монгольское подданство. Рассредоточение кочевников привело к заселению Барги – Трехречья, Мергело-Хайларской долины и г. Хайлара.

Многочисленные бурятские и тунгусские поселения располагались в Чэнхэне – части территории Олетского хошуна Барги, занимавшего долину р. Чинхэ, правового притока р. Имингол. Это название объединяло три монгольских урочища – Чэнхэн (Чэнхэн, в свою очередь, подразделялся на четыре пади – Шокутуй, Шабартуй, Харганан и Ибо-Кундуй), Бурдун и Уитэн. В 1920 г., после заселения забайкальскими бурятами и тунгусами северных районов Олетского хошуна, был образован Чэнхэнский хошун в следующих границах: на севере – от пристанционной полосы КВЖД, на востоке – по западным склонам Большого Хингана и на западе – по р. Имингол. В первой партии поселенцев общей численностью более 2200 чел. было около 350 юрт бурятов и тунгусов и 20 семей русских. К концу 1926 г. население Чэнхэнского хошуна пополнилось новыми переселенцами из района Трехречья и составляло уже 3100 чел. В 1929 г. в Чэнхэне насчитывалось 600 юрт-семей, а поскольку в среднем на одну юрту приходилось около семи человек, получается, что всего на конец 20-х годов здесь проживало около 4,5 тыс. чел.⁸ Численность населения Чэнхэнского хошуна изменилась в период советско-китайского конфликта 1929 г.: 100 юрт откочевали во Внутреннюю Монголию⁹.

Заселение стимулировало развитие торговли в регионе: Чэнхэнский хошун ежегодно поставлял на рынок продукции на сумму более чем 200 тыс. иен. Хозяйства переселенцев в сопоставлении с другими кочевыми монгольскими племенами в целом можно охарактеризовать как зажиточные.

Что касается тунгусов (современные эвенки, или ороконы), то география их расселения в Азии – одна из самых широких. Традиционные районы их проживания на территории Китая – это Внутренняя Монголия и провинция Хейлунцзян. Ороконы, традиционно заселявшие юг Приморья, в конце XIX в. вытеснялись на территорию Хейлунцзяна с целью уменьшения в Уссурийском крае доли населения, которое российское правительство рассматривало как китайское. Движение в приграничные районы происходило в период боксерского восстания 1900 г., когда тунгусское население Зейского района Иркутской губернии подверглось репрессиям со стороны казаков.

Гражданская война в России усилила отток тунгусов в Маньчжурию. Частично они осели на севере Барги, частично – в Олетском хошуне, ведя преимущественно кочевой образ жизни. На конец 20-х годов численность забайкальских тунгусов на территории Барги составляла 1,5 тыс. чел.¹⁰ Относительно небольшой по численности этнической группой в северной Барге были оленные ороконы (себя они именовали якутами, выходцами из Якутской области), мигрировавшие через Амур в XIX в. Новая миграционная волна пришлась на период гражданской войны, 1919–1920 гг., когда отступавшие по таежным местам отдельные отряды колчаковской армии заставляли ороконов перевозить грузы на оленях. К концу 20-х годов численность ороконов и якутов в Барге составляла 1,1 тыс. чел.¹¹ Согласно данным Лейпцигского антропологического музея, после второй мировой войны имела место частичная репатриация эвенков из Китая, однако этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении. На сегодня численность этой этнической группы в Китае значительна: эвенков во Внутренней Монголии – 23 тыс., в провинции Хейлунцзян – 2,5 тыс., ороchon во Внутренней Монголии – более 3 тыс., в провинции Хейлунцзян – 3,5 тыс., что превышает численность эвенков, проживающих в России¹².

Правобережье р. Аргунь (Приаргунье, или Приаргунская долина) – традиционный район миграции населения с левобережья, из приаргунского района Забайкалья. Демаркация границы привела к переселению русскоязычного населения на левобережье и попыткам китайской стороны сдерживать русскую колонизацию приграничного района за счет организации китайских военных поселений. С 1909 г. Китай начал регламентировать пользование сенокосными угодьями и пастбищами и добычу золота на китайской стороне Аргуни¹³. Новая волна миграции пришлась на 1918–1920 гг. Определить численность поселков, большинство из которых располагались в пограничной полосе, и количество переселенцев пока не представляется возможным. Сопоставление данных по обработке земли переселенцами в южных районах Приаргунья, жители которых занимались земледелием, за 1928 и 1933 гг. (в 1928 г. обрабатывалось 4620 га, а в 1933 г. – 2500 га) позволяет говорить о повышенной миграционной активности населения Приаргунской долины в период советско-китайского конфликта 1929 г., о его перемещении из приграничного района вглубь, в Трехречье. Это касалось как переселенцев, так и значительного числа китайских хозяйств.

Среди районов Барги наиболее густозаселенным русскими было Трехречье – долины рек Ган, Дербул и Хаул. Первые поселения-заимки охотников-промысловиков и забайкальских казаков стали появляться на этой территории в конце XIX – начале XX в., а массовое заселение относится к 1918–1922 гг. Миграционные потоки направлялись из приграничных казачьих районов Забайкальской области, с западной части линии КВЖД и из Монголии. Зимой 1920 – весной 1921 г. имел место массовый исход аргунских и ононских казаков, при этом эмигрировало до 15% населения приграничных районов. Более 5 тыс. эмигрировало из Забайкалья в ходе широкомасштабной переброски остатков колчаковских частей по КВЖД в Приморье с декабря 1920 по январь 1921 г.; значительный поток беженцев направлялся в Трехречье через Хайлар. Большое количество беженцев и переселенцев прибыли в район Барги в ходе эвакуации белых частей из Приморья осенью 1922 г. Подсчет численности российских беженцев начала 20-х годов осложняется одновременным течением в этот период целого ряда мощных межгосударственных миграционных процессов – перемещением частей белых армий, репатриацией, миграционной активностью беженцев. Что касается китайской колонизации этих территорий, то она проходила на протяжении всей первой четверти XX в. и имела значительные масштабы.

В 1924 г. в Трехречье существовало 25 русских поселений, в том числе в долине р. Ган – 10 поселков с населением 943 чел., в долине р. Дербул – 11 поселков (819 чел.), в долине р. Хаул – четыре поселка (137 чел.). В районе Трехречья проживало около 100 забайкальских бурят и тунгусов, прибывших сюда во время гражданской войны и поселившихся в пос. Нармакчи. По данным на 1928 г., в Трехречье было 20 поселений, из них в долине р. Ган – девять (1228 чел.), в долине р. Дербул – семь (939 чел.), в долине р. Хаул – четыре (135 чел.). Согласно обследованию, проведенному в 1933 г. японцами, в долине р. Ган на момент обследования существовало 10 поселений (2762 чел.), в долине р.

Дербул – 10 (2651 чел.), в долине р. Хаул – три (106 чел.)¹⁴. Значительную миграционную активность можно объяснить приспособлением поселенцев к новым местам обитания, сменой хозяйственной ориентации, изменением политической обстановки в регионе. Появление поселений способствовало становлению самостоятельной хозяйственной инфраструктуры района: строительству дорог, развитию молочного животноводства и земледелия, созданию перерабатывающих предприятий. К 1933 г. на территории Трехречья существовало 23 маслодельных завода, 22 мельницы, пять кирпичных заводов, четыре – кожевенных, 14 кузниц; размер посевной площади составлял 10 тыс. га. В лучшие годы Трехречье поставляло на рынок продукции животноводства, земледелия, охоты на сумму около 500 тыс. китайских долларов.

Согласно данным обследования населения, проведенного в 1932 г. по результатам административно-территориальной реформы приграничной Хинганской провинции (Синань) Китая, охватившей территорию прежней Барги, численность оседлого населения в Северном губернаторстве провинции на момент обследования составила 31200 чел., в том числе граждан СССР было 9000 чел. (28,8%), русских эмигрантов – 8300 (26,6%). Численность кочевников составила 29700 чел., среди них забайкальских бурят и тунгусов было 2500 чел (8,7% от кочевого населения)¹⁵.

В Северном Китае количество русских эмигрантов во второй половине 20-х годов не превышало 6 тыс. чел. и распределялось по крупным городам так: Тяньцзинь – 2500 чел., Пекин – 500, Ханькоу – 500, Циндао – 300, Чифу – 200, Цзинань (Цинанфу) – 400 чел.¹⁶. Самой крупной была русская колония в Тяньцзине. Дальнейший рост ее численности наблюдался в начале 30-х годов и происходил за счет переезда определенной части русских из Харбина, что было связано с японской оккупацией Маньчжурии. Тяньцзинь можно охарактеризовать скорее как эмигрантскую провинцию, хотя культурная и политическая активность эмиграции в этом городе была заметной.

С начала 20-х годов резко увеличивается количество русских эмигрантов во всех портовых городах восточного Китая, в первую очередь в Шанхае. Численность русской колонии в этом городе, не превышавшая в 1917–1918 гг. 700–800 чел., к середине 30-х годов достигла 15 тыс.¹⁷ Основная масса русских проживала на территории Французской концессии, образуя самую крупную иностранную колонию города. Главная особенность иностранной части Шанхая состояла в том, что до 1940 г. эта часть города считалась международной территорией, поэтому ее не затронули ни гражданская война в Китае, ни японская агрессия. Здесь существовало более 70 общественных эмигрантских организаций, 11 русских церквей, восемь библиотек, 14 средних учебных заведений, три вуза (со второй половины 30-х годов), издавалось более 40 русских газет и журналов.

В 20-е годы сохранялась легальная и нелегальная эмиграция приграничного населения в Китай и Монголию. Была распространена связанная с промысловой деятельностью сезонная и маятниковая миграция в приграничную Маньчжурию из Забайкалья, хотя основной поток промысловиков шел из Приморья.

К середине 20-х годов миграционные процессы замедляются и завершается первый этап расселения эмигрантов. Эмиграционные потоки начинают сдерживаться и регламентироваться государством. В дальнейшем направления эмиграции во многом определялись национальным и конфессиональным составом переселенцев. Численность российских эмигрантов в странах зарубежного Дальнего Востока в 1922 г. составляла около 145 тыс. чел., в 1930 г. – 127 тыс., в 1937 г. – 94 тыс. чел.¹⁸ На динамику численности русского эмигрантского населения влияли главным образом такие факторы, как миграционная активность и реэмиграция, определявшиеся конкретной экономической и политической ситуацией в странах расселения, а также темпы и масштабы натурализации эмигрантов.

Примечания

¹ См.: Майский И. Современная Монголия. – Иркутск, 1921. – С.16, 88.

² См.: Ломакина И.И. [Комментарии] // Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. – Самара, 1999. – С.226.

³ См.: Серебренников И.И. Великий отход: Расселение по Азии белых русских армий. 1919–1923. – Харбин, 1936. – С.258.

⁴ См.: Монгуш М. Тувинцы в Китае: Историко-этнографический очерк. – Кызыл, 1997. – С.8, 14.

⁵ См.: Hoover Institution, Moravskii, b.7, f.22, p. 5.; Мелихов Г.В. Маньчжурия дальняя и близкая. – М., 1991. – С.299; Дубинина Н.И., Ципкин Ю.А. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции: на материалах ХКПРБ // Отечеств. история. – 1996. – №1. – С.72.

⁶ Hoover Institution, Moravskii, b. 7, f. 22, p. 5. (К вопросу о численности русской эмиграции).

⁷ См.: Станции и поселки Восточной линии // Вестн. Маньчжурии. – Харбин, 1926. – №11–12; 1927. – № 1, 2.

⁸ См.: Кармазов В.А. Чэнхэн: По районам Барги // Вестн. Маньчжурии. – Харбин, 1933. – № 13. – С.53.

⁹ Там же. – С.55, 56.

¹⁰ См.: Кармазов В.А. Кочевая Барга // Вестн. Маньчжурии. – Харбин, 1928. – № 8. – С.51, 54.

¹¹ Там же. – С.51.¹² <http://www.spri.cam.ac.uk/people/jeoh2/2evenki.htm>¹³ См.: Давидов Д.А. Колонизация Маньчжурии и С.-В. Монголии (области Тао-нань-фу). – Владивосток, 1911. – С.69–75.¹⁴ См.: Кармазов В.А. Трехречье (За период 1924–1933 гг.) // Вестник Маньчжурии. – Харбин, 1934. – № 5. – С.62.¹⁵ См.: Кармазов В.А. Хинганская провинция // Вестн. Маньчжурии. – Харбин, 1934. – № 1. – С.37, 38.¹⁶ Hoover Institution, Serebrennikov, Мои воспоминания в эмиграции. 1925–1936. С.220; Там же, б.4, книга XIX, р.62–67.¹⁷ См.: Жиганов В.Д. Русские в Шанхае после революции 1917 г. // Русские в Шанхае. – Шанхай, 1936. – С.34.¹⁸ См.: Simpson J.H. The Refugee Problem: Report of a Survey. – London, New York, Toronto: Oxford Univ. Press, 1939. – P.

202.

Т.Б.Смирнова
(г. Омск)

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У НЕМЦЕВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

История российских немцев долгое время была запретной темой в отечественной науке, и этнографические исследования среди сибирских немцев не проводились. Народ, подвергшийся массовой депортации и репрессиям по этническому признаку, был “закрыт” для исследователей. Но начиная с 1989 г., омскими этнографами ведется целенаправленная работа по изучению этнографии и истории немцев Западной Сибири. В Омском государственном университете усилиями сотрудников кафедры этнографии и музееведения в 1996 г. была создана научно-исследовательская лаборатория этнографии и истории немцев Сибири. Основными направлениями научной деятельности лаборатории являются исследование традиционной культуры немцев Сибири, изучение современного состояния их языка, культуры, этнического самосознания и межнациональных отношений, формирование историко-этнографических музейных коллекций. С 1989 по 1999 г. было проведено 11 историко-этнографических экспедиций в места компактного проживания немецкого населения в Омской, Новосибирской, Кемеровской областях и Алтайском крае. Исследования в немецких населенных пунктах Алтайского края в 1996 и 1997 гг. были осуществлены при поддержке Геттингенского института германских и восточно-европейских исследований в лице его исполнительного директора доктора А.Айсфельда и Международного союза немецкой культуры в лице его председателя Г.Мартенса.

В ходе экспедиции 1996 г. сбор этнографического материала производился в населенных пунктах Суетского района (Боронск, Михайловка), Благовещенского района (Глядень, Николаевка, Тельманово), Табунского района (Табуны, Алтайское, Граничное, Камышенка, Самбор, Ямбор, Елизаветград, Сереброполье, Хорошее, Удалное, Канни), Немецкого национального района (Кусак, Гальштадт, Гришювка, Николаевка, Протасово, Полевое, Дегтярка, Редкая Дубрава, Камыши, Подсосново, Красноармейка, Орлово, Шумановка). В 1997 г. было осуществлено повторное этнографическое обследование населенных пунктов Немецкого национального и Кулундинского районов (Ананьевка, Екатериновка). Для выяснения современной этнической ситуации у немцев Алтайского края был проведен этносоциологический опрос с использованием метода стандартизированного интервью при помощи опросного листа, включавшего 30 вопросов. Вопросы касались этнической и конфессиональной принадлежности респондентов, демографических индикаторов (пола, возраста, семейного положения), языка, национального образования, культуры, условий жизни, проблем миграции, межнациональных отношений, установок и этнических стереотипов.

Для получения репрезентативных данных при обследовании немецкого населения была применена районированная выборка, респонденты отбирались по месту расселения, полу и возрасту. Структура населения по этим признакам была определена на основе данных хозяйственных книг сельских администраций. Всего было опрошено 574 человека. Отклонение выборочной совокупности респондентов от генеральной совокупности не превысило 3% (допустимый предел – 5%). Изучаемый территориальный массив немецкого населения является неоднородным по своему этническому составу. Основная масса современного немецкого населения Алтайского края – это потомки переселенцев конца XIX – начала XX в. с Украины и Поволжья. В результате миграционных процессов середины – второй половины XX в. на данной территории появились переселенцы и из других регионов России.

Необходимо заметить, что все опрошенные немцы осознают себя прежде всего немцами вообще, все осознают свою общность с российскими немцами. Но историческая реальность сложилась таким образом, что в результате многочисленных миграций образовалось несколько крупных территориальных массивов российских немцев (в Казахстане, Поволжье, на Украине), из которых крупнейшим является западно-сибирский массив. На протяжении XX в. у немцев Алтая активно протекают процессы этнической консолидации, результатом которых явилась современная структура немцев Алтая: сибирские немцы составляют 49,3% опрошенных, алтайские – 37,7, меннониты – 5,5, поволжские – 4,1, российские – 1,4%. Затрудни-

лись ответить на вопрос об этнической принадлежности 2% респондентов. Конфессиональный состав немцев Алтайского края также является сложным. Несмотря на то что численно меннониты преобладают, большой удельный вес имеют баптисты (в основном потомки выходцев с Украины) и лютеране (потомки поволжских немцев). Необходимо отметить, что значительная часть меннонитов сменили свою конфессиональную принадлежность (т.е., перешли в баптизм) еще на Украине. Процесс смены конфессиональной принадлежности продолжался и в Сибири: наблюдался активный переход в баптизм, в настоящее время – в адвентизм, имеются среди немцев и православные. На наш взгляд, смену конфессиональной принадлежности можно объяснить, во-первых, схожестью конфессий, во-вторых, активностью той или иной религиозной общины в каждом конкретном населенном пункте и, в-третьих, психологическими факторами (ожиданием перемен, исполнения надежд в новом качестве).

Подобная этническая и конфессиональная структура характерна только для обследованных населенных пунктов. В частности, опрос 1996 г., который проходил в Благовещенском, Верхнесуетском, Табунском и Немецком национальном районах Алтайского края показал преобладание переселенцев из Поволжья. В 1997 г. кроме Немецкого национального района обследовалось население Кулундинского района Алтайского края, где проживают практически исключительно потомки переселенцев с Украины.

Одно из направлений исследования, осуществляемого омскими этнографами, – изучение фактора ассимиляции немцев со стороны окружающего русского населения. Известно, что в основе механизма естественной ассимиляции лежат национально-смешанные браки. Эндогамия препятствует ассимиляции, и, напротив, заключение национально-смешанных браков ей способствует, так как дети из смешанных семей, как правило, выбирают ту национальность, те культурные и этнические стереотипы, носителями которых на данной территории являются представители этнического большинства. На протяжении второй половины XX в. доля национально-смешанных браков у немцев неуклонно росла: в городах она составляет больше 90%, в сельских населенных пунктах со смешанным русско-немецким населением превышает 50%. Несмотря на то что немцы, проживающие в сельской местности (особенно в моноэтнических поселениях), по-прежнему ориентированы на заключение однонациональных браков, отмечается тенденция увеличения числа национально-смешанных браков. В связи со значительными миграциями немцев из Сибири в Германию и из Средней Азии и Казахстана немцев, русских, украинцев и др. – в Сибирь моноэтнические в прошлом немецкие населенные пункты стали полиэтническими, что неизбежно ведет к росту количества национально-смешанных браков.

Одной из главных задач проводимого исследования стало изучение современной этноязыковой ситуации у немцев Алтая. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 51,7% немцев, проживающих в Алтайском крае, назвали родным языком немецкий. Это средний показатель по городскому и сельскому населению. В сельской местности, где процессы межэтнической интеграции и ассимиляции идут медленнее, где этнические признаки “консервируются”, этот показатель выше: назвали родным языком немецкий 86,7% опрошенных. Расхождение с данными переписи 1989 г. свидетельствует об относительности данных переписей населения и конкретных социологических опросов. Переписи населения дают средние результаты и по сельской местности, и по крупным городам. В нашем случае, когда опрос проводился в основном в моноэтнических населенных пунктах, в местах компактного проживания немцев, были получены результаты, которые свидетельствуют о достаточной степени сохранения немецкого языка в качестве родного. Репрезентативность этих данных подтверждается результатами опросов в Омской, Новосибирской и Кемеровской областях (84,6 %).

Категория “родной язык” является психологической категорией, она отражает не столько языковую практику, сколько национальную ориентацию. Поэтому степень владения немецким языком, особенно в условиях, когда образование большинство респондентов получали на русском языке, оказалась гораздо ниже, чем уровень осознания немецкого языка родным: свободно владеют немецким языком только 37,7% опрошенных. Необходимо учесть, что степень владения немецким литературным языком еще ниже, так как немцы Алтайского края употребляют в основном диалекты. Степень же владения русским языком существенно выше. Свободно владеют им, т.е. говорят, читают и пишут, почти все опрошенные, за исключением нескольких женщин преклонного возраста. Многие пожилые люди отмечают, что до войны они практически не знали русского языка, говорили на диалекте, а русский выучили только в трудармии. При этом в последние годы улучшилась ситуация с преподаванием немецкого языка в школах, особенно в Немецком национальном районе.

В связи с тем, что состав жителей немецких населенных пунктов вследствие миграций значительно изменился, необходимо изучить их психологические установки на язык школьного обучения. С этой целью респондентам были заданы вопросы проективного типа: “В какой школе (русской, национальной или русской с углубленным изучением немецкого языка) вы хотели бы учить своих детей?”, “Что необходимо изменить в преподавании немецкого языка в школе?” и “Необходимы ли в вашем населенном пункте курсы

немецкого языка?”. Очевидно, что выбор проективной ситуации обусловлен конкретными личными причинами (отвечают ли на вопрос местные уроженцы или приезжие, планирует ли семья эмигрировать или нет, дать детям высшее образование или нет и т.д.). В идеале необходимы изучение таких установок в каждом населенном пункте и организация обучения в каждом конкретном случае на родном или русском языке с учетом интересов большинства населения, необходима языковая дифференциация обучения в школе. Только такой путь является наиболее приемлемым в плане удовлетворения потребностей населения в обучении родному языку.

На практике этот путь маловероятен, поскольку требует больших денежных затрат, создания мобильной системы образования, решения кадрового вопроса и т.д. Самое главное – выбор этого пути возможен только в условиях экономической и политической стабильности, при решении проблемы эмиграции, что, конечно, на сегодняшний день не является реальным. В условиях же, когда радикальное изменение системы образования невозможно, необходимо больше внимания уделить посильным вариантам.

По сравнению с предыдущими годами необходимо отметить тенденцию к уменьшению числа желающих изучать немецкий диалектный язык как родной и к увеличению количества тех, кто хочет изучать литературный немецкий как иностранный. Это связано с тем, что сфера употребления диалектов ограничивается в основном семейным общением, а для продолжения образования, чтения литературы, выезда в Германию и т.д., необходимо знание немецкого литературного языка. Поэтому понятно, по какой причине большинство опрошенных указали на необходимость организации в их населенном пункте курсов немецкого языка.

В целом при изучении современной этноязыковой ситуации у немцев Алтайского края необходимо констатировать преобладание негативных тенденций в функционировании немецкого языка: существуют неудовлетворенные потребности населения в изучении немецкого языка, отмечаются более низкая языковая компетентность по сравнению с владением русским языком, падение престижа родного языка (диалектов). За пределами немецких национальных районов сфера применения немецкого языка весьма ограничена. Языковая ситуация в целом в регионе может быть охарактеризована как нестабильная, что, с одной стороны, является следствием русификаторской политики прошлых лет, а с другой – связано с отсутствием продуманной и последовательной концепции национального возрождения в настоящем.

Другим направлением данного этносоциологического исследования было изучение этнокультурных процессов. На вопрос: “Довольны ли вы условиями для культурного отдыха в вашем населенном пункте?” – около половины респондентов ответили отрицательно. Большинство опрошенных не участвуют в работе имеющихся общественных организаций и культурных учреждений. Немецкое население испытывает острый недостаток в организациях, способных вести повседневную работу по воссозданию народной культуры, главным образом в небольших населенных пунктах. Культурный вакуум заполняет религия. Клубов и домов культуры, особенно работающих на идею национального возрождения очень мало, а вот молитвенный дом или церковь имеются в каждом селе (а в некоторых селах действуют две-три религиозные общины).

Сегодня явным стало кризисное состояние немецкой национальной культуры, которое является отражением общего кризиса в России. Он порождает безразличие к культурным ценностям своего народа (для многих на первом месте стоит проблема элементарного выживания), недостаточное финансирование сферы культуры, ограниченность сферы культуры и ее деформации, размывание слоя национальной интеллигенции, неспособность к четкому культурному самоопределению и т.д. Если добавить сюда проблему эмиграции, то станет понятно, что немцы (впрочем, как и многие другие национальные меньшинства в России) попали в ситуацию “этнического кризиса”.

В этом плане было интересно изучить взаимоотношения немцев с представителями других национальностей, проживающих в регионе. Основное внимание уделялось выяснению установок немцев на межнациональные контакты, так как именно межнациональные установки позволяют определить способность этнической группы в целом к внешнему контакту. Изучалась прежде всего проблема межэтнических контактов на личностном уровне, включая семейное, производственное и соседско-дружеское общение. В связи с этим респондентам были заданы следующие вопросы: “Как вы относитесь к межнациональным бракам?”, “Как вы считаете, влияет ли национальный состав коллектива на отношение людей к работе?”, “Кого вы предпочитаете иметь друзьями – людей своей или другой национальности?”.

В целом для немцев Алтайского края характерны положительные установки на межнациональное общение. При этом ориентация на межнациональные браки не совпадает с их фактическим уровнем: многие немцы, настроенные на эмиграцию, стараются не заключать национально-смешанных браков, так как процедура выезда в этом случае усложняется. Что касается национального состава коллектива, то большинство опрошенных считают, что он не имеет значения. Но на вопрос: “Кого вы хотели бы иметь руководителем – немца или человека другой национальности?” – большинство ответили, что предпочитают немцев, так как

они "более практичны и склонны к порядку". Национальные предпочтения в выборе друзей дают самый высокий процент положительных установок на межнациональное общение: 84,3% респондентов считают, что национальность друга не имеет значения. На наш взгляд, расхождения в ответах, касающихся различных сфер межнационального общения, обусловлены психологическими факторами, а именно, степенью свободы выбора. Если люди свободны в выборе друзей, то при выборе супруга существуют давление со стороны семьи, стереотипные представления о браке, поэтому доля положительных установок снижается до 81,1%.

Основным этническим партнером немцев являются русские. При ответе на вопрос: "Как вы считаете, люди какой национальности ближе всего к немцам по культуре и быту?" – 44,9 % респондентов также назвали русских, что является результатом длительного проживания на одной территории.

Несмотря на преобладание положительных установок на межнациональное общение, нельзя не отметить наблюдающийся в последние годы рост этноцентризма. С целью исследования этой проблемы было проведено изучение этнических стереотипов и автостереотипов у немцев Алтайского края. Респондентам предложили назвать основные характерные черты представителей своей и других национальностей, проживающих в регионе. Были получены следующие характеристики (перечислены в порядке убывания процентов ответов). Сами о себе немцы говорят, что они трудолюбивые, чистоплотные, бережливые, добросовестные, сварливые. Русские, по их мнению, – пьяницы, гостеприимные, воры, недружные; украинцы – жадные, недоверчивые, гостеприимные, веселые; казахи – хитрые, жадные, не держат своего слова, грязные.

Таким образом, налицо преобладание положительных автостереотипов и отрицательных этнических стереотипов по отношению к другим национальностям. Сам по себе этноцентризм является закономерным явлением, особенно для группы, находящейся в иноэтничном окружении. Это своего рода способ выживания, самосохранения. Но в последнее время он стал сочетаться с пренебрежительным отношением к другим народам, с нетерпимостью к их образу и укладу жизни.

Особенно острой в настоящее время является проблема взаимоотношений между немцами Алтая и Сибири, с одной стороны, и немецким населением Казахстана – с другой. Изучение проблем миграций из Казахстана в Сибирь, психологической адаптации мигрантов, отношения местного населения к мигрантам из Казахстана насущно необходимо для профилактики конфликтных ситуаций в регионе.

Следующий вопрос был направлен на выяснение того, как респонденты оценивают отношение к ним со стороны других национальностей.

По мнению тех респондентов, которые заявили, что отношение к немцам в последние годы улучшилось, это связано с тем, что сейчас стало больше известно об истории российских немцев, немцы были реабилитированы. Ухудшение же отношения к немцам, по мнению респондентов, связано с эмиграцией в Германию, которая усугубляет положение в России, разваливает процветавшие раньше немецкие села.

Безусловно, миграционные процессы оказывают решающее влияние на жизнедеятельность этнических групп немцев в России. Этой проблеме был посвящен следующий блок вопросов. Первый вопрос был связан с выяснением доли местных уроженцев и приезжих в изучаемой группе. Как правило, высокая доля приезжих (41%) вызывает нестабильность этнической группы и служит толчком к последующим миграциям. Среди приезжих большинство составляют немцы из Казахстана и государств Средней Азии. На вопрос: "Хотели бы вы сменить место жительства?" – положительно ответили 39,2%. Таким образом, поводов для оптимизма недостаточно: эмиграция продолжается, доля потенциальных мигрантов еще очень высока, естественный прирост немецкого населения низкий (в последние годы резко упала рождаемость) и абсолютная численность немцев в регионе сократилась.

В качестве основных причин эмиграции респонденты указали следующие: желание улучшить условия жизни – 54,5%, переезд к родственникам, воссоединение семей – 30,0, нестабильная политическая ситуация в России – 4,7, беспокойство за будущее детей – 4,7, необходимость лечения в Германии – 3,1, сложная криминальная обстановка в России – 1,5, нежелание служить в армии – 1,5%. Примечательно и то обстоятельство, что одной из основных причин выезда стало воссоединение семей. Это придает эмиграции характер цепной реакции. Многие респонденты отмечают, что решение об эмиграции дается им с большим трудом, что если бы они хотели уехать, то сделали бы это раньше, в годы острого кризиса. Но сейчас в Германии живут родители (или дети), поэтому нужно уезжать. Одна респондентка 1954 года рождения заявила, что уже уезжала в Германию, чтобы сыновей не забрали в армию, но вернулась "из-за тоски по Родине". Сейчас она думает, что придется все-таки ехать, так как дети остались в Германии. Очень часто доводилось слышать высказывание о том, что если бы поездка в гости к родственникам в Германию не стоила так дорого, то многие не уезжали бы совсем, а ездили туда хотя бы раз в год. Пока можно наблюдать обратную картину: в немецких селах очень много гостей из Германии.

Респондентам было предложено ответить на вопрос: “Какие меры нужно предпринять, чтобы сократить эмиграцию?”. Многие указывали на целый комплекс необходимых мер.

В ходе экспедиционных поездок, когда в течение небольшого отрезка времени проезжаешь больше десятка немецких деревень, становится очевидной разница в уровне жизни между селами Немецкого национального района и селами, находящимися за его пределами. Претворение в жизнь идеи немецких национальных районов, безусловно, имеет политическое значение. Экономический прогресс здесь, по сравнению с остальной территорией региона, очевиден. Районы стали не только центрами культуры, но и центрами немецкой диаспоры в России. Но у медали есть и другая сторона: немецкое население территорий, не входящих в национальные районы, считает распределение благ несправедливым, а свои интересы ущемленными. Есть недовольные политикой руководства и внутри национальных районов.

Таким образом, проведенное в 1996 и 1997 гг. этносоциологическое исследование немцев Алтайского края позволяет сделать ряд общих выводов. До начала 90-х годов немцы Алтайского края представляли собой значительную по численности, достаточно консолидированную группу, существенно влиявшую на ход этнических процессов в регионе. Процессы этнической ассимиляции, хотя и носили ускоренный характер, но протекали естественным путем, главным образом в национально-смешанных населенных пунктах. В моноэтнических населенных пунктах, которых было достаточно много, сохранялись все условия для стабильного воспроизводства национальной культуры. На протяжении длительного времени, вплоть до начала 90-х годов, у немцев Алтайского края преобладали консолидационные процессы, в результате которых из различных групп переселенцев образовалась этнотерриториальная группа немцев Алтая. Этнический и конфессиональный состав данной группы достаточно разнообразен, но локальные группы являются близкими по языку и культуре. Разрушение эндогамных барьеров в перспективе должно было привести к формированию единого самосознания, усилению консолидационных процессов и формированию единой этнической группы немцев Алтая.

Однако экономический кризис, нестабильная ситуация в России и вал эмиграции привели данную группу в состояние “этнического стресса”. Тяжелое материальное положение, страх перед будущим, неудовлетворенность языковых и культурных потребностей и другие негативные тенденции определяют современную этническую ситуацию в регионе. Наплыв мигрантов из Казахстана порождает множество психологических проблем: моноэтничность немецких сел нарушена и в настоящий момент они представляют собой явление совершенно иного порядка, нежели раньше. Ведущими в настоящее время необходимо признать этноэволюционные процессы межэтнического характера, и прежде всего этническую ассимиляцию. Факторы, определяющие течение указанных процессов, – это развитие немецко-русского двуязычия, которое превратилось в массовое стойкое явление и может считаться этническим признаком российских немцев; влияние русской культуры на немецкую традиционную культуру; глобальный процесс урбанизации, при котором традиционная национальная культура уходит в прошлое, а ее воспроизводство, восполнение, “подпитка” происходят в силу национального культурного вакуума за счет общероссийских эквивалентов.

Подобное стремительное изменение этнической ситуации требует разработки и реализации образовательных, языковых и культурных программ, направленных на развитие языка и культуры российских немцев в местах их компактного проживания.

Б.Р.Каримов
(г. Ташкент)

ПРИНЦИП ТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ориентация государственной политической и правовой системы независимой Республики Узбекистан на решение проблем обеспечения общепризнанных в мировом сообществе прав и свобод человека, объявление в республике 1997 г. годом защиты интересов личности актуализируют, делают необходимым анализ роли и места принципа толерантности в обеспечении прав и интересов человека и социальных групп, к которым человек принадлежит. Конец XX и начало XXI вв. во многом связаны с борьбой за укрепление в рамках человечества идей толерантности, терпимости к людям и социальным группам, имеющим другую расовую, национальную, этническую, культурную, языковую, религиозную и мировоззренческую принадлежность. Эти идеи толерантности к инакомыслящим, инакочувствующим, инаковоспринимающим, ина-

кооценивающим и инакопонимающим мир субъектам истории должны превратиться в универсальный общечеловеческий принцип, в конкретное выражение кантовского категорического императива в этом аспекте межличностных и межгрупповых отношений. Иначе недостижима подлинная творческая свобода саморазвития человека и социальных групп. Иначе человечество может погибнуть в катастрофических столкновениях колоссальных многомиллионных и миллиардных социальных групп, отличающихся друг от друга по своим интересам, правам и свободам.

Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов, поздравляя народ Узбекистана с наступлением 1997 г., подчеркнул: “Мы еще глубже осознали, что только стабильность и мир в нашем общем доме – близком и родном для всех нас Узбекистане, взаимная терпимость, согласие и неустанный труд могут обеспечить наше благополучие, достойную жизнь нашим детям и внукам”, – и в качестве одной из главных задач в 1997 г., году защиты интересов личности, указал на необходимость “вместе с гарантированием прав и свобод человека создать условия для самовыражения каждой личности, раскрытия возможностей и таланта каждого гражданина”.

У каждого человека есть место, где он родился, его родной край, родина, и у него формируются патриотизм, привязанность и любовь к этой своей родине. Никто не имеет права лишать человека его родины, сам же он вправе добровольно покинуть свой родной край. Только социум, основанный на принципе толерантности, может быть размещен на единой территории и может обеспечивать одновременно право каждого человека на обладание родиной и его право на свободное саморазвитие.

Право человека на свободу саморазвития и самовыражения неосуществимо без взаимной терпимости, без реализации в практике социальной жизни принципа толерантности. Конституция Республики Узбекистан закрепляет одинаковые права и свободы всех граждан, которые рассматриваются как равноправные перед законом вне зависимости от различия пола, расы, места рождения, национальности, родного языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и общественного положения.

Реализация суверенитетов человека, нации и государства, обеспечение их интересов, прав и свобод также невозможны без осуществления принципа толерантности в аспекте совместного участия различных конфессиональных и атеистических групп в социальной жизни. Религия в социальной жизни человечества в целом, жителей Центральной Азии, и в том числе Узбекистана, играет существенную роль. Ныне эта роль имеет тенденцию к усилению. Отсюда проблема сочетания демократии, прав человека на свободу плюралистического саморазвития с существенной ролью религиозного мировоззрения в духовной и социальной жизни. Эта проблема является фундаментальной научно-теоретической проблемой человечества и одновременно практической проблемой для многих регионов планеты, и в частности для Центральной Азии.

Принцип толерантности возможен в коммуникации, общении между такими различающимися по определенным признакам группами населения социума, толерантность в общении которых не препятствует реализации основных прав и свобод человека в данном социуме в целом и глобально в рамках человечества. Различающиеся по своему языку внутреннего группового официального общения, делопроизводства и коммуникации социальные группы будут стремиться создать свои территориально отдельные социумы. Они будут стремиться к созданию национальных государств с языком данной нации в качестве государственного языка. Толерантность в общении национальных и языковых групп целесообразно обеспечить через их глобальное равенство. Большинство развитых наций мира (американская, японская, немецкая, английская, французская, итальянская, испанская и др.) избрали путь создания суверенного, независимого национального государства в качестве основной формы реализации своего права на самоопределение. Каждая из этих наций ввела свой национальный язык в качестве государственного и обеспечила в государстве все условия для всестороннего развития своих национальных культуры и языка. Исходя из принципа равноправия наций все остальные нации мира также стремятся создать такие национальные государства, реализовать свой государственный суверенитет.

Проблема соотношения прав человека и прав наций ныне является предметом большой дискуссии. Чаще всего эти права как бы противопоставляются. Однако имеется иное решение данной проблемы, основанное на внутренней взаимосвязи этих прав, обусловленной сущностью человека и нации. Сущность человека состоит в совокупности всех общественных отношений, следовательно, она включает в себя также и совокупность межнациональных отношений и совокупность отношений языковых групп. Поэтому для обеспечения прав человека необходимо обеспечить его национальные и языковые права. Если в каждой социальной общности будут обеспечены национальные и языковые права каждого ее члена, в частности глобальное равноправие наций и языков, то тем самым будут обеспечены и права всех наций и языковых групп. Сущность нации определяется совокупностью межнациональных отношений в рамках ойкумены данной нации, т. е. в рамках совокупности наций, с которыми она вза-

имодествует. Фундаментальным правом нации является право на равноправное положение с другими нациями, на самоопределение вплоть до отделения и образования независимого суверенного национального государства.

Достижение равенства языков является очень сложной задачей, неразрывно связанной с достижением равенства наций. Принятие законов и других нормативных актов, регламентирующих статус языков, в большинстве государств мира свидетельствует об актуальности и значимости обеспечения языковых прав человека.

Нам представляется, что равенство языков в глобальном масштабе возможно через их локальное неравенство. Надо различать несколько уровней равенства языков и наций исходя из того, что большинство наций в мире расселены следующим образом: имеется место наиболее компактного расселения нации, как бы ее “ядро”, часто совпадающее с национально-государственным образованием данной нации, имеются крупные части нации, довольно компактно проживающие в рамках национальных государств других наций, и имеется диаспора нации, рассредоточенная среди компактных групп инонационального населения. Нужно обеспечить равноправие наций и языков на каждом из этих уровней. Равенство наций и их языков на уровне “ядра” обеспечивается созданием для каждой из наций национального государства с национальным языком в качестве государственного. Равенство на уровне компактных частей наций, проживающих в инонациональном государстве, обеспечивается предоставлением им национально-территориальной автономии. В рамках этого национально-территориального образования граждане обязательно должны знать государственный язык и желательно — язык компактного большинства национально-территориальной автономии. Равенство статусов языков членов диаспор обеспечивается предоставлением национально-культурной автономии.

Вариант достижения равенства языков через знание всеми людьми всех языков мира на всех территориях земли и обеспечение на всех территориях возможности пользоваться любым из языков мы исключаем как нереалистичный и неоптимальный с точки зрения экономии человеческих сил. Вариант, когда все представители всех наций жили бы каждый в своем национальном государстве с собственным языком в качестве государственного является нереальным, так как он недостижим демократическим путем.

Таким образом, глобальное в общечеловеческом масштабе равенство наций и языков достигается посредством локального неравенства наций и их языков. Это локальное неравенство проявляется в том, что в рамках национального государства данной нации ее язык становится государственным языком, а все другие национальные языки уступают ему по полноте и всесторонности развертывания своих общественных функций на этой территории.

Толерантность, взаимная терпимость личностей и социальных групп в вопросе об обеспечении национальных и языковых прав и интересов человека должна базироваться на признании социальной необходимости и справедливости локального неравноправия языковых и национальных групп для достижения их равенства и равноправия в системе мировой цивилизации. Принцип толерантности во внутригосударственном общении является необходимым основным принципом, обеспечивающим механизм мирного сосуществования и сотрудничества в территориально едином государстве при многообразии социальных, национальных, расовых и других групп. Принцип толерантности в межгосударственном, международном общении является фундаментальным принципом, обеспечивающим механизм мирного сосуществования и сотрудничества на территориально единой планете Земля в системе мировой цивилизации при многообразии социальных, национальных, этнических, языковых, религиозных, расовых и других групп.

Межнациональное, межконфессиональное, межкультурное, межрасовое согласие, компромисс, отказ от нетерпимого отношения к инакомыслящим являются необходимыми компонентами осуществления принципа толерантности. Свобода инакомыслия, плюрализм и толерантность должны рассматриваться как общечеловеческие ценности, обеспечивающие как фундаментальное право каждого человека на творческое самовыражение, так и возможности прогрессивного развития каждой страны.

Конституция Республики Узбекистан, обеспечивая принцип построения светского, демократического, правового, плюралистического государства и справедливого гражданского общества, в котором будут гарантированы все признанные мировой цивилизацией интересы, права и свободы человека, предполагает реальное соблюдение принципа толерантности, свободы инакомыслия и плюрализма во всем многообразии социальных, межличностных, внутригосударственных и межгосударственных отношений.

Л.Э.Табиханова, Л.П.Осипова
(г. Новосибирск),
Л.А.Тарская (г. Якутск),
О.И.Кравчук, В.А.Спицын (г. Москва)

К ЭТНОГЕНЕЗУ НАРОДНОСТИ САХА (ЯКУТОВ): ОПЫТ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Одной из важных областей современного естествознания является изучение генетического полиморфизма в популяциях человека, что позволяет оценить роль факторов микроэволюции на различных этапах этнической истории. *Gm*-система – совокупность аллотипических маркеров константных частей тяжелых цепей иммуноглобулинов класса *G* – является уникальным инструментом, дающим возможность распознавать человеческие расы на основе набора *Gm*-гаплотипов, присущего каждой из них, диагностировать степень расовой примеси, миграции, уточнять происхождение каждой конкретной народности¹.

Рис. 1. Места расселения некоторых народностей Северной Сибири и Центральной Азии и расположение исследуемых субпопуляций якутов

В настоящей работе представлена выборка из популяции народа саха (якутов). Якуты – тюркоязычный народ, проживающий на северо-востоке России (рис. 1). Антропологически якуты относятся к представителям центрально-азиатской расы с компонентами байкальской расы и европеоидной примесью². Большинство ученых придерживаются теории южного происхождения якутов, но нет единого мнения о прародине их южных предков. Ряд авторов подчеркивают гетерогенность современной популяции якутов, выделяя три крупные этнические группы: северных якутов-оленьеводов, вилейских скотоводов и собственно якутов (народ саха) Амгино-Ленского плоскогорья. До настоящего времени этот один из самых многочисленных народов Сибири (около 380 тыс. чел.) изучен недостаточно. Цель данной работы – исследовать полимор-

физм *Gm*-гаплотипов в некоторых субпопуляциях якутов, провести анализ внутривидового распределения частот *Gm*-гаплотипов в сравнении с их распределением у некоторых народностей Сибирского Севера и Центральной Азии.

В процессе экспедиционных исследований 1996–1998 гг. было собрано 272 образца сывороток венозной крови лиц якутской национальности, преимущественно не связанных родством, в семи сельских субпопуляциях на территории Республики Саха, представляющих два из трех подразделений якутского этноса: население Вилуйского региона (поселки Кулятцы, Егольжа и Мукучи) и Заречного центрального региона (поселки Дыгдал, Чериктей, Дэбдиргэ и Орто-Сурт) (см. рис.1). Образцы сывороток были протестированы стандартным методом торможения гемагглютинации на наличие аллотипов *G1m* (z, a, x, f); *G2m* (n); *G3m* (b⁰, b¹, b³, s, t, g) с использованием антисывороток “Netherland Red Cross” (Голландия) в Институте цитологии и генетики СО РАН. Для обозначения *Gm*-гаплотипов применяется как цифровая, так и буквенная номенклатура (табл. 1). В данной работе использована буквенная номенклатура, общепринятая в нашей стране.

Т а б л и ц а 1

Буквенная и цифровая номенклатуры для обозначения *Gm*-гаплотипов

Буквенная номенклатура*	Цифровая номенклатура		
	<i>G1m</i>	<i>G2m</i>	<i>G3m</i>
f;...;b ⁰ b ¹ b ³ b ⁵	3	..	5,10,11,13,14
f;n;b ⁰ b ¹ b ³ b ⁵	3	23	5,10,11,13,14
af;...;b ⁰ b ¹ b ³ b ⁵	1,3	..	5,10,11,13,14
af;n;b ⁰ b ¹ b ³ b ⁵	1,3	23	5,10,11,13,14
za;...;g	1,17	..	21,28
zax;...;g	1,2,17	..	21,28
zax;n;g	1,2,17	23	21,28
za;...;b ⁰ b ¹ b ³ st	1,17	..	10,11,13,15,16

* Указываются аллотипы каждого подкласса в следующем условно принятом порядке: *G1m*, *G2m*, *G3m*, где *G1m* – аллотипы подкласса *IgG1* и т.д. Точка с запятой используется для разделения подклассов. Две точки рядом (...) означают отсутствие единственного аллотипа подкласса *IgG2 – G2m(n)* в том случае, если образец сыворотки крови протипирован на наличие этого маркера.

Для определения частот гаплотипов был применен стандартный метод максимума правдоподобия (ММП). Для построения карты генетических дистанций между исследуемыми популяциями, а также для выявления вклада гаплотипов в процессы дифференциации популяций использовался метод, предложенный Х.Харпендингом и Т.Дженкинсом³. Вычисления производились с помощью программ, разработанных аспирантом Института цитологии и генетики СО РАН А.В.Кириченко.

Данные, полученные при *Gm*-типировании, представлены в табл. 2, частоты гаплотипов – в табл. 3.

Разнообразие *Gm*-гаплотипов в субпопуляциях якутов было проанализировано в сравнении с двумя популяциями бурят и четырьмя популяциями монголов, описанными в литературе⁴, а также с ранее изученными популяциями нганасан Таймыра, эвенов и юкагиров Якутии, эскимосов побережья Чукотского полуострова и чукчей – обитателей континентальной Чукотки⁵. Результаты представлены на карте генетических дистанций, где показано взаимное расположение популяций в пространстве двух главных компонент (с использованием двух первых собственных векторов, соответствующих двум самым большим значениям), извлекающих 75,9% изменчивости между всеми популяциями (рис.2).

Из таблиц 2 и 3 видно, что в субпопуляциях якутов встречено 15 различных *Gm*-фенотипов, позволяющих постулировать существование по крайней мере восьми гаплотипов: “европеоидных” *Gm*(f;...;b) и *Gm*(f;n;b) с суммарной частотой 0,136, “южно-монголоидных” *Gm*(af;...;b) и *Gm*(af;n;b) с суммарной частотой 0,072, “северно-монголоидного” *Gm*(za;...;b*st) с частотой 0,255, а также “древних” гаплотипов *Gm*(za;...;g) и *Gm*(zax;...;g) с суммарной частотой 0,534, присущих как европеоидным, так и монголоидным популяциям. Обнаружен единственный индивидум с фенотипом *Gm*(zax;n;g), имеющий редкий гаплотип *Gm*(zax;n;g) (или *Gm*(za;n;g)). Это хорошо согласуется с ранее полученными данными о

Т а б л и ц а 2

Встречаемость *Gm*-фенотипов в субпопуляциях якутов

Фенотип Gm1;Gm2;Gm3	Субпопуляция							Всего
	Вилуйский регион			Заречный центральный регион				
	Кулятцы	Егольжа	Мукучи	Дыгдал	Чериктей	Дэбдиргэ	Орто-Сурт	
f;n;b	1	0	0	0	0	0	0	1
f,...;b	0	2	0	0	0	0	0	2
af;n;b	0	2	1	0	1	0	1	5
za,...;g	10	11	4	1	4	3	4	37
zaf,...;gb	7	5	1	0	4	3	5	25
zaf;n;gb	3	3	6	0	0	8	7	27
zax,...;g	0	4	7	3	2	6	0	22
zaxf,...;gb	0	7	1	1	2	0	1	12
zaxf;n;gb	2	1	2	0	1	3	0	9
zax;n;g	0	0	0	0	0	1	0	1
za,...;gb*st	8	9	11	3	12	7	24	74
zaf,...;bst	3	3	5	1	1	2	2	17
zaf;n;bst	0	2	1	0	2	2	0	7
zax,...;gb*st	4	0	5	3	5	6	2	25
za,...;b*st	0	2	2	0	1	0	3	8
Итого	38	51	46	12	35	41	49	272

Примечание: $b = b^0 b^1 b^2 b^3$, $b^* = b^0 b^1 b^2$.

Т а б л и ц а 3

Частоты *Gm*-гаплотипов в субпопуляциях якутов

Гаплотип	Субпопуляция							Всего
	Вилуйский регион			Заречный центральный регион				
	Кулятыцы	Егольжа	Мукучи	Дыгдал	Чериктей	Дэбдиргэ	Орто-Сурт	
f;...;b	0,142	0,202	0,000	0,005	0,000	0,000	0,000	0,115
f;n;b	0,082	0,000	0,010	0,000	0,006	0,048	0,007	0,021
af;...;b	0,000	0,000	0,083	0,078	0,111	0,062	0,089	0,000
af;n;b	0,000	0,082	0,103	0,000	0,054	0,109	0,078	0,072
za;...;g	0,500	0,416	0,343	0,287	0,367	0,358	0,448	0,404
zax;...;g	0,079	0,123	0,179	0,338	0,148	0,199	0,031	0,130
zax;n;g	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,016	0,000	0,003
za;...;b*st	0,197	0,177	0,283	0,292	0,314	0,207	0,347	0,255

Примечание: $b = b^0 b^1 b^2 b^3$, $b^* = b^0 b^1 b^2$.

тесном взаимодействии южных предков якутов с северным аборигенным населением⁶. Зафиксированные “европеоидные” гаплотипы в несмешанной части якутской популяции свидетельствуют о наличии в генофонде ее представителей европеоидной компоненты с достаточно высокой частотой.

Однако при сравнении частот *Gm*-гаплотипов в разных якутских субпопуляциях обнаруживаются существенные различия. Так, суммарная частота “европеоидных” гаплотипов *Gm(f;...;b)* и *Gm(f;n;b)* в поселках Кулятыцы и Егольжа Вилуйского региона равна 0,224 и 0,202 соответственно, что существенно больше таковой для остальных поселков (0,005–0,048). Частота “северно-монголоидного” гаплотипа *Gm(za;...;b*st)*, напротив, минимальна в двух указанных выше группах (0,197 и 0,177 соответственно), а также в поселке Дэбдиргэ – 0,207, в остальных же поселках варьирует от 0,283 до 0,347. Суммарная частота гаплотипов *Gm(za;...;g)* и *Gm(zax;...;g)* также варьирует в довольно широких пределах – от 0,479 в Орто-Сурте до 0,625 в Дыгдале. Такую гетерогенность популяции якутов можно объяснить, помимо каких-то случайных факторов, различным вкладом этнических групп, взаимодействовавших с южными предками якутов во время формирования трех современных подразделений якутского этноса. Так, например, известно, что население Центральной Якутии в большей степени взаимодействовало с

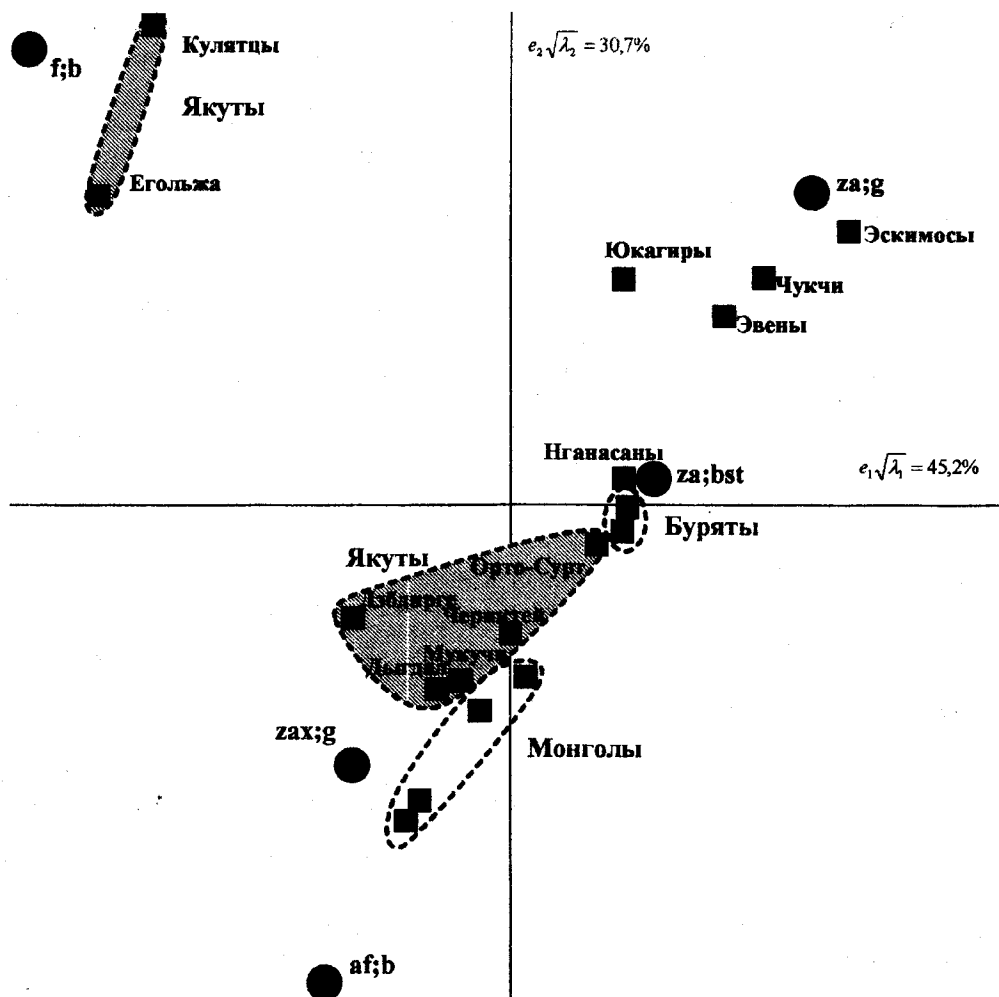

Рис. 2. Взаимное расположение популяций якутов, монголов, бурят, нганасан, юкагиров, эвенов, чукчей и эскимосов относительно *Gm*-гаплотипов в пространстве двух главных компонент

арктической предковой группой, в то время как вилюйские скотоводы в большей степени ассимилировали группы, принадлежавшие к байкальскому расовому типу, а также, возможно, содержат в себе самодийский компонент⁷.

Поскольку ввиду методических сложностей *Gm*-аллотипирования не всегда имеются данные для *G2m*(n), при построении генетической карты, чтобы стало возможным сравнение полученных нами данных с литературными, были взяты суммарные частоты двух “европеоидных” *Gm*-гаплотипов – *Gm*(f;...;b) и *Gm*(f;n;b), а также двух “южно-монголоидных” – *Gm*(af;...;b) и *Gm*(af;n;b) (см. рис. 2). Видно, что максимальный вклад в дифференциацию данной совокупности популяций вносят гаплотипы, располагающиеся по периферии пространства двух главных компонент – совокупные “европеоидный” *Gm*(f;b) и “южно-монголоидный” *Gm*(af;b), а также “древний” *Gm*(za;g).

На генетической карте субпопуляции якутов оказались четко разделенными на два кластера. В первый вошли две группы якутов Вилюйского региона, в которых зарегистрирована самая высокая частота европеоидных маркеров, – жители поселков Кулятцы и Егольжа. Во второй кластер вошли остальные якутские группы, имеющие отличное от субпопуляций первого кластера распределение частот *Gm*-гаплотипов. К этому кластеру примыкают четыре популяции монголов, обладающие несколько большей частотой “южно-монголоидного” *Gm*-гаплотипа, и две популяции бурят, имеющие, напротив, несколько большие частоты “северо-монголоидного” и “древнего” *Gm*(za;g) гаплотипов⁸. Рядом с бурятами на генетической карте оказалась, как ни странно, популяция нганасан, обладающая экстремально высокой частотой “северо-монголоидного” гаплотипа⁹. Популяции чукчей и эскимосов, характеризующиеся максимальными частотами

древнего гаплотипа $Gm(za;g)^{10}$, равноудалены от обоих кластеров якутов. К ним относительно близки популяции эвенов и юкагиров Якутии, имеющие типичное для северных монголоидов распределение генных частот¹¹.

Как следует из генетической карты, к якутам генетически ближе не те народности, которые на протяжении последних веков жили рядом с ними, — эвены, юкагиры, а народы, живущие гораздо южнее территории современного расселения якутов, — буряты и монголы (см. рис. 1). Этот факт может служить генетическим подтверждением гипотезы о южном происхождении якутов.

Таким образом, в результате изучения полиморфизма аллотипов иммуноглобулинов системы Gm в семи якутских субпопуляциях обнаружена высокая степень генетического разнообразия. Генофонд якутов показывает наличие как наиболее древних гаплотипов — $Gm(za;...;g)$ и $Gm(za;...;g)$, так и маркерных “европеоидных” — $Gm(f;...;b)$ и $Gm(f;n;b)$, “южно-монголоидных” — $Gm(af;n;b)$ и $Gm(af;...;b)$ и “северно-монголоидного” — $Gm(za;...;bst)$. Это подтверждает сложность этногенеза якутов. Тем не менее остается до конца не ясной доля европеоидного и южно-монголоидного компонентов в формировании якутского этноса, поскольку без анализа родословных не всегда возможно однозначно установить соответствие “генотип — фенотип”. Необходимы дальнейшие исследования с привлечением генеалогических данных.

Примечания

¹ См.: Steinberg A.C., Cook C.E. The distribution of the human immunoglobulin allotypes. — Oxford: Univ. Press, 1981.

² См.: Гохман И.И. Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. — 1980. — Т.36. — С.5–34.

³ См.: Harpending H.C., Jenkins T. Genetic distances among Southern African populations // Methods and theories of anthropological genetics. — Albuquerque: Univ. Mexico Press. — 1973. — P.177–199.

⁴ См.: Matsumoto H Characteristics of Mongoloid populations and immunogenetics of various diseases based on the genetic markers of human immunoglobulins // Immunogenetics. — 1989. — V.6, No.1. — P. 68–87.

⁵ См.: Osipova L.P., Sukernik R.I. Immunoglobulin allotypes in aboriginal populations of the Taimir peninsula // Journal of Immunogenetics. — 1983. — V.10. — P. 11–16; Сукерник Р.И., Осипова Л.П., Карафет Т.М. и др. Генетическое и экологическое изучение коренных жителей Северо-Востока Сибири. Сообщение I: Gm -гаплотипы и их частоты в десяти чукотских популяциях. Генетическая структура оленных чукчей // Генетика. — 1986. — Т. 22, № 9. — С. 2361–2368; Сукерник Р.И., Виле В.П., Карафет Т.М. и др. Генетическое и экологическое изучение коренных жителей Северо-Востока Сибири. Сообщение II: Полиморфные системы крови, аллотипы иммуноглобулинов и другие генетические маркеры у азиатских эскимосов. Генетическая структура эскимосов Берингова моря // Генетика. — 1986. — Т.22, № 9. — С. 2369–2380; Посух О.Л. Генетико-демографическое изучение популяций эвенов и юкагиров Якутии: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. — Новосибирск, 1991.

⁶ См.: Боева С.Б. Антропогенетическое обследование коренного населения Якутской АССР в связи с вопросами этногенеза якутов: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. — М., 1988; Рычков Ю.Г., Спицын В.А., Шнейдер Ю.В. и др. Генетика популяций тасжых охотников-оленьеводов Средней Сибири: Биохимические маркеры генов Hb, Tf, Gc, Glo, PGM₁, AcP, EsD // Генетика. — 1984. — Т.20, № 10. — С. 1701–1707; Спицын В.А. Биохимический полиморфизм человека. — М., 1985; Фелелова В.В. Генетические маркеры системы HLA у коренных народностей Сибири и Дальнего Востока как основа для анализа этногенеза популяций: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. — Новосибирск, 1991.

⁷ См.: Боева С.Б. Антропогенетическое обследование коренного населения Якутской АССР...

⁸ См.: Matsumoto H Characteristics of Mongoloid populations...

⁹ См.: Osipova L.P., Sukernik R.I. Immunoglobulin allotypes in aboriginal populations of the Taimir peninsula.

¹⁰ См.: Сукерник Р.И., Осипова Л.П., Карафет Т.М. и др. Генетическое и экологическое изучение коренных жителей Северо-Востока Сибири...; Сукерник Р.И., Виле В.П., Карафет Т.М. и др. Генетическое и экологическое изучение коренных жителей Северо-Востока Сибири...

¹¹ См.: Посух О.Л. Генетико-демографическое изучение популяций эвенов и юкагиров Якутии...

В.Г.Дацышен
(г. Красноярск)

КИТАЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ТУНГУСО-МАНЧЖУРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В 50-е годы XIX в. в состав Российской Империи вошла территория Приамурья, населенная тунгусо-манчжурскими народами, находившимися в политической и экономической зависимости от Китая. Однако большинство населения левого берега Амура, правого берега Уссури и побережья Японского моря к тому времени еще не было существенно затронуто ассимиляционными процессами со стороны китайской культуры. Во второй половине XIX в. начинается активная русско-китайская встречная колонизация приамурских земель. Распространение русского и китайского влияния на местное население обуславливалось объективными процессами мирового развития, но также осуществлялось и сознательно — для достижения определенных экономических и политических целей.

Проблема распространения китайской культуры на местное население Дальнего Востока вызывала большой интерес у российских ученых и политиков конца XIX – начала XX в.¹ Она не утратила своего значения и в советский период. В 1922 г. в журнале “Жизнь национальностей” отмечалось: “Известного согласования требует работа среди туземцев... Дело в том, что среди них начинают работать соседние государства с явной целью связать их с собой. Например, китайцы уже успели окитаить часть орочен, принимаются за ольчей и др.”². Однако с 30-х годов, после закрытия границы с Китаем и выселения китайцев из Приморья, данная проблема теряет свою актуальность и исследователи уже не уделяют ей достаточного внимания, хотя иногда она рассматривается в работах отечественных историков³. Интерес к русско-китайскому влиянию на тунгусо-маньчжурские народы Приамурья проявляли и зарубежные ученые. Например, китайское влияние на территории Дальнего Востока Российской Империи анализируется в работе британского историка В. Коларза “Народы советского Дальнего Востока”⁴. В работе Дж. Форсайта “История народов Сибири. Российская колония в Северной Азии в 1581–1990 гг.” в главе 10 “Дальний Восток в XIX в.” выделяется специальный пункт – “Последствия русской и китайской колонизации местного населения”⁵.

Китайская колонизация тунгусо-маньчжурского населения российского Приамурья во второй половине XIX в. обуславливалась целым комплексом причин и факторов. На протяжении всего этого периода китайцы вели торгово-экономическое и хозяйственное освоение региона, и на значительной территории оно было более эффективным, чем русское освоение. Более того, обширные районы совершенно не затрагивались русской колонизацией и осваивались исключительно китайцами. Русский чиновник писал: “Стыдно признаться, когда мне надо было отправиться на исследование мест к востоку от Уссури в 1882 и 1883 годах, я нашел во всем крае от нынешнего Хабаровска до Владивостока и Посыета всего четырех человек, далее 15 верст ходивших к востоку от р. Уссури. Это были три уссурийских казака, ходивших в качестве работников с китайскими купцами для перевозки зимою на собаках товаров с Уссури к морскому побережью”⁶. Русское хозяйственное освоение не создавало достаточных условий для разрыва приамурским населением экономических связей не только с местными китайцами, но и с самим Китаем. Современники отмечали, что на вопрос, зачем гиляки продолжают возить дань в Саньсин, «они дали очень грустный ответ: “Надо запастись провизией – будой, табаком и пр. В Хабаровске все это дорого. А в Сань-Сиинске, хотя надо соболя, все же выходит дешевле”»⁷.

Экономическая зависимость местного населения от китайцев имела своим следствием его политическую и культурную зависимость от соседнего народа. Власти Цинской империи и китайское население Дальнего Востока во второй половине XIX в. надеялись на возвращение всего Приамурья под юрисдикцию Китая, а кроме того, Пекин опасался расширения российской экспансии на Дальнем Востоке. Для укрепления своих позиций в регионе цинские власти активно вовлекали тунгусо-маньчжурское население, проживающее по обе стороны российско-китайской границы, в административно-политическую систему империи и не препятствовали распространению китайской (хань) культуры на северо-восток.

Тунгусо-маньчжурское население китайской приграничной полосы, хинганские орочен (эвенки) и сунгарийские гольды (нанайцы) во второй половине XIX в. были приписаны к военно-служилому сословию империи со всеми вытекающими отсюда последствиями. На левом берегу Амура продолжал существовать и развиваться Зазейский район с населением около 13 тыс. чел., находящийся в полном ведении администрации провинции Хэйлунцзян. На значительных территориях Приморской области властвовали цинские чиновники или китайские негосударственные структуры, осуществлявшие административные и судебные функции по отношению к китайскому и находящемуся под его влиянием тунгусо-маньчжурскому населению. В.К. Арсеньев отмечал: “Еще в 1895 году китайский чиновник из гор. Нингуты поднимался вверх по р. Уссури и р. Улахэ до Ното. Здесь на столбе он в последний раз вывесил объявление о том, что все китайское и инородческое население Уссурийского края подвластно Императору Великой Поднебесной империи”⁸.

С 1880 по 1908 г. в районе севернее залива св. Владимира существовала охотничья дружина “Пао-тоу”, объединявшая китайских охотников и окитаенное местное население для защиты от хунхузов, а отчасти и от притеснения со стороны русских. Тунгусо-маньчжурские народы страдали как от русской, так и от китайской колонизации. Некоторые представители коренного населения из политических соображений склонялись на сторону той или иной культуры. Ярким примером тому была судьба нанайца Сэкэну (Иннокентия Духовского)⁹. Однако большинство местных жителей сознательно не желали поправлять с традиционной культурой и активно воспринимать культуру своих соседей.

Степень китаизации или русификации тунгусо-маньчжурского населения зависела от интенсивности контактов, глубины экономических и политических связей, а также от опыта и энергии колонизаторов. Картина распространения русской и китайской культуры на территории Амурской и Приморской

областей к началу XX в. говорит о примерном общем балансе при значительных колебаниях пропорций в регионах. Показателями культурного влияния являются осознание своего подданства, принадлежность к определенной конфессии, степень распространения языка, других элементов материальной и духовной культуры соседей в жизни аборигенного населения.

На территории России к концу XIX в. проживало несколько тысяч маньчжур, но это было не аборигенное население края, и степень окитаенности этого народа была такой, что и в части восприятия маньчжурами русской культуры их нельзя отелить от китайцев (хань). По переписи 1897 г., в Амурской области зафиксировано лишь восемь маньчжур (из них трое женского пола), принявших православие. Все они проживали в русских деревнях, а пятеро из них перешли в крестьянское сословие¹⁰. В целом же маньчжурское население Приамурского генерал-губернаторства, за исключением нескольких человек, было сосредоточено в Зазейском районе и практически ничем не отличалось от китайцев.

Эвенки левого берега Амура к концу XIX в. сохраняли свой язык и традиционную культуру. Орочены (оленные тунгусы) и манягры (конные тунгусы), жившие по верхнему Амуру до устья р. Кумары, испытывали значительное влияние китайско-маньчжурской культуры, большинство из них носили косы. "Необходимо заметить, – писал современник, – что манягры... относительно своего подданства имеют самое смутное представление, считая себя русскими, когда они находятся ближе к русской водке на левом берегу Амура, и так же искренне называют себя китайскими подданными, когда перешли на правый берег, чтобы раздобыть сунгарийского табаку"¹¹. Тунгусы, населявшие левый берег Амура от Кумары до Усури, испытывали гораздо большее влияние китайской культуры. Следует отметить, что русские часто не делали различий в отношении к китайцам и маняграм. Например, в 1900 г. многие манягры бассейна Зеи подверглись насилию как представители нации, начавшей войну против России.

На территории Приморской области степень влияния китайской культуры на местное тунгусо-маньчжурское население прямо зависела от соотношения его численности с численностью проживавших там китайцев и соответственно увеличивалась с севера на юг. Надо иметь в виду, что при переписи национальность фиксировалась по языку и соответственно полностью окитаенное местное население попадало в число китайцев.

Ниже устья Усури, в Нижне-Тамбовской и Троицкой волостях Хабаровского округа, на левом берегу Амура жили гольды (нанайцы). В их селениях постоянно проживали несколько китайцев. По правому же берегу в этих волостях и в Вятской волости в 1897 г. вместе с нанайцами жили китайцы и орочи. В бассейне р. Тунгуски китайцы составляли 12,7%, в Троицкой волости – до 9% населения. В Больше-Михайловской и Мариинско-Успенской волостях Удской округи среди ольчен жили китайцы, составлявшие несколько процентов населения.

В Уссурийском и Казаксвическом станичном округах и низовьях р. Хор нанайцы жили вместе с китайцами, но нанайское население преобладало. Например, в Невельском стойбище было зарегистрировано 79 гольдов и 59 китайцев. На берегах Бикина и Имана нанайцы по численности уступали китайцам, совместно с ними проживавшим¹². В верховьях Усури проживало уже небольшое число нанайцев в китайских селениях, которые, возможно, еще недавно были нанайскими стойбищами.

По побережью Японского моря и на юге Приморской области аборигенным населением были орочи и удэгейцы. Орочи южнее р. Самарги и до бухты Терней жили в смешанных с китайцами селениях. Если на р. Кушун на 41 ороча было три китайца, то по Амгу – на шесть орочей 12 китайцев. По морскому побережью южнее бухты Терней до р. Тазуши поселений орочей уже не было – только китайские. По Бикину, Иману и Улахэ орочи встречались также лишь в китайско-нанайских селениях. В Пуссунском в 1897 г. было зарегистрировано 328 чел., в том числе 55 орочей, остальные – китайцы. По р. Тадушу (Лефулэ), по р. Аввакумовке и др. везде орочи жили совместно с китайцами.

На юге Приморской области в районах интенсивной русской и китайской земледельческой колонизации переписью 1897 г. орочи и тазы, составлявшие аборигенное население, уже не фиксировались. Если в 1878 г. в Сучанском и Суйфунском полицейских округах было зарегистрировано 643 таза, то в 1897 г. представителей этого народа там не оказалось. Дело в том, что основным критерием определения национальности, использовавшимся при переписи, был родной язык, учитывались также конфессиональная принадлежность и подданство. Кроме того, на протяжении второй половины XIX в. со стороны России не только не было создано эффективной системы защиты аборигенного населения от китайской ассимиляции, но и подвергаемое окитаиванию население Южно-Уссурийского края не всегда отделялось от китайцев. Например, в 1895 г. из Сучана были выселены вместе с китайцами и орочи. Надо иметь в виду, что китайцы при любой возможности назывались не китайцами, а представителями национальных меньшинств, для того чтобы иметь право на землю, на огнестрельное оружие и прочие права, которых были лишены китайские подданные.

Российские власти не имели специалистов, умевших работать с китайцами и хорошо ориентировавшихся в местной этнокультурной ситуации. Ученые и чиновники фиксировали процессы китайской ассимиляции и критиковали действия или бездействие местных властей. Например в «Отчете о командировке на Сучан летом 1896 г.»¹³ С.Н.Браиловского, который был направлен для изучения тазов, говорилось, что пристав Марков не разбирался, выселяя тазов вместе с манзами с Сучана в 1895 г., что тазы, живущие на р. Сяо Судухэ, закабалены манзами, что в бывших тазовских фанзах живут китайцы. Но далее фиксирования подобных фактов российские власти не шли, не было предпринято действенных мер для защиты местного населения от полной китайской ассимиляции.

Очевидно, у тунгусо-маньчжурского населения Приморской области, особенно ее южной части, не было четкого осознания своего подданства. Современники отмечали, что нанайцы и орочи крайне редко, как и китайцы, обращались за защитой к русским властям, но выполняли все решения китайского суда и административных лиц не только на территории России, а даже ездили для суда в Китай. Показательно, что переписью 1897 г. все южно-уссурийские гольды и орочи были зафиксированы как буддисты, гольды и нанайцы бассейна Уссури – как язычники-шаманисты с примесью буддизма, севернее, в районе Хабаровска и местах с незначительным китайским населением, тунгусо-маньчжурское население было православным. По данным переписи, часть аборигенного населения – тазы, 155 душ обоего пола, которых все исследователи относили к окитаенным орочам, знали лишь китайский язык. Остальные аборигены указывали в качестве родного языка какой-либо из тунгусо-маньчжурских языков, но большинство были двуязычными, в средней полосе владели китайским языком, а на севере – русским.

Итак, на протяжении второй половины XIX в. на территории российского Дальнего Востока происходили процессы распространения китайской культуры среди местного тунгусо-маньчжурского населения. Процессы эти были обусловлены экономическими, а также политическими и культурно-историческими факторами. В результате данных процессов к концу XIX в. большая часть местного населения Южно-Уссурийского края подверглась ассимиляции со стороны китайцев. В бассейне р. Уссури, на верхнем и среднем Амуре преобладало китайское влияние, и лишь по Амуру ниже Хабаровска русское влияние было сильнее китайского. В целом в Приамурье не было создано сколько-нибудь серьезных преград для ассимилирующего воздействия китайской культуры на тунгусо-маньчжурское население региона.

Примечания

¹ См.: Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. – СПб., 1912; Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. – СПб., 1894; Пржевальский Н.М. Путешествие в Южно-Уссурийский край 1867–1869 гг. – СПб., 1870; Унтенбергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898. – СПб., 1900; Шрейк Л.И. Об инородцах Амурского края. – СПб., 1883–1903. – Т. 1–3; и др.

² См.: Жизнь национальностей. – 1922. – № 1 (7).

³ См.: Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма. – М., 1989. – С.91–93.

⁴ Kolarz W. The peoples of the Soviet Far East. – L., 1954.

⁵ Forsight J. A history of the peoples of Siberia: Russia's North Asian colony 1581–1990. – Cambridge, 1992.

⁶ Надаров Ив. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край // Зап. Приамурск. отд. ИРГО. – Хабаровск, 1898. – Т. IV, вып. IV. – С. 41.

⁷ Левин Н. Географические и экономические данные о Маньчжурии // Сибирский сборник, 1898. – С. 117.

⁸ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. – Хабаровск, 1914. – С. 54.

⁹ См.: Зуев В.Ф. Сэкэну (Иннокентий Духовской) – первый нанайский предприниматель // Съезд сведущих людей Дальнего Востока. – Хабаровск, 1994. – С. 41.

¹⁰ См.: Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. III: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. – СПб., 1912. – С. 16, 17.

¹¹ Военный сборник. Т. 234. – С. 395.

¹² См.: Патканов С. Статистические данные... – С. 45, 46.

¹³ См.: Отчет о командировке на Сучан летом 1896 г. С.Н.Браиловского // Зап. о-ва изучения Амурск. края. – Владивосток, 1900. – Т. VII, вып. II.

И.И.Васильева
(г. Улан-Удэ)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ БУРЯТИИ)

Социальная жизнь в дезорганизованном обществе в значительной мере отличается от жизни в обществе, в котором уровень дезорганизации привычно сдерживается в определенных нормативных рамках, а очаги повышенной дезорганизации блокируются. Сущность дезорганизации состоит в том, что через нее общество интерпретируется с точки зрения деструктивных процессов, постоянно разрушающих все его параметры: формы отношений, элементы ранее сложившейся социальной структуры, жизненно важные функции социального организма. Дезорганизация проявляется и на микроуровне: в виде нравственной деградации, разрушения целостности личности (маргинализации индивида)¹.

Сегодня в российском обществе массовая дезорганизация стала очевидной, нестабильность в условиях кризиса приобретает всеобщий характер. Этот процесс сопровождается распространением девиантного поведения, являющегося отклонением от общепринятых норм. Девиантное поведение может иметь и позитивную, и негативную направленность. В позитивном плане это социальное, экономическое, политическое творчество, которое выступает средством прогрессивного развития системы. В негативном плане это максимально неодобряемые отклонения, включающие отрицательные девиации (алкоголизм, суицид, социально обусловленные инфекционные и психические заболевания) и делинквентное поведение, т.е. нарушения закона, влекущие за собой уголовное наказание (наркомания, преступность). Негативные девиации, так же как и норма, всегда относительно тому обществу, в котором действуют и отражаются происходящие в нем трансформации, а делинквентное поведение в любом обществе абсолютно. Положительные и отрицательные девиации наблюдаются у 20–30% населения; остальные 70–80% занимают срединное положение между двумя этими полюсами, считаются в целом социальными конформистами, т.е. относительно законопослушными и действующими в соответствии с общепринятой моралью гражданами².

Крайней формой всеобщей дезорганизации и маргинализации индивидов считается социальная патология, а более конкретно – значительные негативные девиации и делинквентное поведение в целом. Социальная патология – индикатор кризисного состояния общества, когда старые нормы уже не действуют, игнорируются, а новые еще не установились (состояние аномии, т.е. безнормности) или когда одновременно сосуществуют две системы норм (маргинализация). В условиях общественной нестабильности уровень социальной патологии, являющейся прямым результатом кризиса, возрастает. Основные причины патологии в обществе следующие: 1) массовая дезорганизация; 2) всеобщая маргинализация индивидов; 3) усиление социального неравенства, вызванное противоречиями между потребностями, ценностями, устремлениями и возможностью их удовлетворения; 4) экологический кризис; 5) низкий уровень жизни населения, его люмпенизация, безработица; 6) либеральное отношение государства к лицам с негативным отклоняющимся поведением, несовершенство законодательства; 7) утрата социального иммунитета к негативным девиациям; 8) разрушение привычных стереотипов сознания, норм морали и поведения (идеологический скепсис, дезориентация), деградация института семьи; 9) урбанизация и связанные с ней перегрузки психики; 10) генетическая предрасположенность к некоторым видам патологичных в социальном плане психических и инфекционных заболеваний или их врожденность.

Сегодня для России в целом характерно нарастание всех видов социальной патологии, это же имеет место и в Бурятии. Уровень негативных социальных отклонений в республике весьма высок. В настоящей статье речь пойдет о характерных и наиболее выраженных патологических формах отрицательных девиаций и делинквентного поведения, а именно, о преступности, наркомании, алкоголизме, суициде, социально обусловленных инфекционных заболеваниях (венерических и туберкулезе).

В последнее десятилетие в Бурятии наблюдается рост преступности: в 1998 г. здесь зарегистрировано 29377 преступлений, что составляет 167% к уровню 1990 г., причем в 1998 г. в городских поселениях уровень преступности был в 1,7 раза выше, чем в сельской местности. В целом по Бурятии за этот год привлечено к уголовной ответственности 14062 человека, из них 36 % – в возрасте 30–49 лет. По количеству преступлений на 100 тыс. жителей в 1996–1998 гг. республика занимала четвертое место среди регионов РФ и третье место – по подростковой преступности. Наблюдается тенденция увеличения числа экономических преступлений, развит незаконный оборот алкогольной продукции, действует теневой рынок цветных металлов. Отмечается растущая динамика тяжких преступлений. Так, по сравнению с 1997 г. в 1998 г. количество убийств и покушений на убийство возросло на 3,8%, изнасилова-

ний – на 18,2, разбойных нападений и грабежей – на 9,2 и 2,6% соответственно. Среди менее тяжких преступлений преобладает взяточничество (в 1998 г. число этих преступлений увеличилось на 52,9% по сравнению с 1997 г.). Растет также число краж государственного и личного имущества³.

Рост преступности, сложная криминогенная обстановка существенно влияют на социальное самочувствие населения, усиливают у людей ощущение незащищенности, опасности существования. По данным социологов, сегодня жители республики встревожены ростом организованной преступности (это отмечают 40,8% опрошенных), преступностью в целом (3,8%), угрозой личной безопасности и собственности (29,6%)⁴.

Из года в год в Бурятии увеличивается число наркоманов. Но далеко не все случаи употребления наркотиков, их хранения, транспортировки и торговли ими могут быть выявлены. По официальным данным, только в столице республики, в г. Улан-Удэ, в 1998 г. было зафиксировано 46 точек реализации наркотиков. При этом реальное число наркоманов всегда выше официального, так как сегодня кроме того, что используется местное сырье, в республику ввозятся наркотики из Афганистана, Таджикистана, Узбекистана, Китая, в меньшей степени из Латинской Америки и других регионов. Наиболее употребляемым является курительное “зелье” из дикорастущей конопли (гашиш, марихуана), затем следуют внутривенно принимаемые наркотики (героин, кокаин, морфин и др.). Особое место занимают барбитураты, которые вызывают не поддающуюся лечению форму привыкания. Синтетические наркотики группы галлюциногенов (ЛСД, МДМА и др.), производимые в Европе, в Бурятии распространены мало из-за дороговизны.

Тревожен рост подростковой наркомании. В республике не решена проблема детского наркологического отделения. Бюджетное финансирование наркодиспансера (г. Улан-Удэ) в 1998 г. составило десятую часть от необходимого. Численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебных учреждениях республики, в 1998 г. составляла 414 чел. (в 2 раза больше, чем в 1990 г.), а по данным на июнь 1999 г. – 420 чел. (выявленные наркоманы).

Тем временем неуклонно растет и количество преступлений, связанных с наркотиками: в 1998 г. было зарегистрировано 2181 такое преступление – это в 3,1 раза больше по сравнению с 1990 г.. Из этого количества 2113 преступлений связано с незаконным изготовлением, приобретением, хранением, перевозкой и сбытом наркотических веществ. За преступления, связанные с наркотиками, в 1998 г. осужден 1351 чел., из которых 974 чел. – это молодежь в возрасте до 30 лет.

Быстрый социальный сдвиг, независимо от его направления, всегда влечет за собой рост отрицательных девиаций, среди которых одно из первых мест занимает алкоголизация. Злоупотребление алкоголем ведет к антиобщественному поведению, экономическим потерям, нравственной деградации, ухудшению здоровья. Следует отметить, что внедрение в российскую культуру европейских стереотипов поведения (сказанное относится как к русским, так и к бурятам) привело к определенным модификациям в алкогольном поведении. Абсолютное большинство обрядов, ритуалов, традиций забыто и утрачено. Однако сейчас в Бурятии отмечаются бурный рост национального самосознания, возрождение многих традиционных ценностей: в русской среде – старообрядческих и в целом православных, а у бурятов наблюдается ренессанс буддизма и шаманизма.

В состоянии алкогольного опьянения в 1998 г. совершили преступления 6475 чел. – это 38% от общего числа преступлений за данный период; из них осуждено 5957 чел., что в 2 раза больше по сравнению с 1990 г. Численность больных алкоголизмом и алкогольными психозами, состоящих на учете в лечебных учреждениях, в 1998 г. составила 13438 чел., а умерло в этом же году от причин, связанных с употреблением алкоголя (хронический алкоголизм, случайные отравления алкоголем, алкогольный цирроз печени), 182 чел., что почти в 3 раза больше, чем в 1990 г.⁵. В 90-е годы, не только медицинской, но и огромной социальной проблемой стали заболевания, передаваемые половым путем. Так, заболеваемость сифилисом в Бурятии за 1991–1998 гг. увеличилась в 5,8 раза. Особенно высок процент зараженных этой венерической инфекцией среди подростков и молодежи до 30 лет, а также среди жителей сельских районов. И если в период с января по сентябрь 1997 г. было зарегистрировано 3362 заболевших, то только в январе 1998 г. – уже 378, а за весь 1998 г. отмечено 4059 случаев впервые выявленного сифилиса⁶. Санитарно-эпидемиологическая ситуация в республике остается напряженной и по другим видам венерических заболеваний. Быстрое распространение инфекции обусловлено безработицей (64,8% заболевших составляют неработающие⁷), высокой миграцией населения, ослаблением моральных устоев, коммерциализацией интимных отношений. В 1996 г. правительством Бурятии принята республиканская целевая программа “Неотложные меры по борьбе с венерическими болезнями на 1997–2000 гг.”. К сожалению, она профинансирована лишь на треть и не позволяет решить всех проблем. Ведь во многом они обусловлены общей социально-экономической нестабильностью.

Все теми же причинами, а также кризисом в духовно-нравственной сфере обусловлен рост числа суицидов. Динамика здесь неутешительна: в 1990 г. покончили с собой 408 чел., в 1994 г. – 754, в 1995 г. – 765, в 1997 г. – 783, в 1998 г. 708 чел.⁸

Серьезной проблемой в республике на протяжении последних нескольких лет является распространение туберкулеза. Впервые вспышка этого заболевания была зарегистрирована в 1991 г. За последние годы заболеваемость туберкулезом увеличилась в 4,3 раза. Этот показатель превышает среднероссийский в 2,9 раза. Сейчас больны пятеро из каждой тысячи человек. Наиболее уязвимыми считаются социально незащищенные, которых в республике, по последним данным, около 80%. Если 10 лет назад от туберкулеза умирали люди пожилые, то сегодня 74% всех умерших от этого заболевания – люди трудоспособного возраста. Показатель заболеваемости среди детей за 1997 г. превысил среднероссийский в 4 раза. Ежегодно заболевает один из ста подростков. В последние годы запущенная форма туберкулеза встречается у 90% всех заболевших. Контингент больных ежегодно пополняется прибывшими из мест заключения. Вполне очевидно, что ситуация с заболеваемостью туберкулезом в Бурятии резко обострилась. Абсолютное большинство случаев – это туберкулез легких. В 1998 г. выявлено 1630 случаев туберкулеза легких, что на 31% больше, чем в 1997 г.⁹

Подобный рост заболеваемости является следствием прежде всего снижения уровня жизни у значительной части населения республики. Недостаток лекарств, отсутствие флюорографической пленки, неисправность рентгеновских аппаратов делают работу медиков малоэффективной. По данным социологов, если сохранится нынешний уровень финансирования здравоохранения (14,5% от необходимого)¹⁰, если останется неблагоприятной социально-экономическая и санитарно-эпидемиологическая обстановка, туберкулез со временем может приобрести угрожающие масштабы.

Резкий рост социальной патологии требует проведения комплекса мероприятий не по устранению, а по максимально возможному сокращению ее причин и последствий. Российский теоретик-девиантолог Я.И.Гилинский справедливо отмечает, что “девиация не есть объективная характеристика определенных видов поведения, а лишь следствие соответствующей общественной оценки”. Несомненно важным для социального контроля является тот факт, что принципиально невозможно “ликвидировать” или “преодолеть” негативное девиантное поведение¹¹, в том числе социальную патологию и каждый из ее видов. Речь может идти лишь об адекватных способах и методах регулирования этих процессов и управления ими. Именно в этом заключаются возможные теоретические и практические пути решения проблемы.

В России после пережитых катастроф XX в. возникает потребность в социологии, ставящей проблему преодоления дезорганизующих явлений кризиса, ведущих к патологии. Наиболее перспективными здесь представляются следующие направления научно-исследовательской деятельности: анализ девиантного поведения как протестной реакции в условиях социального конфликта; сравнительные исследования актуальных проблем социальной патологии в разных странах, осуществляемые совместно с зарубежными партнерами; изучение действующих форм социального контроля с точки зрения их адекватности природе, генезису, закономерностям девиантного поведения; исследование позитивных девиаций как возможной альтернативы негативным.

Что касается реальных практических шагов в плане регулирования социальной патологии в условиях кризиса, то почти невозможно быстро и однозначно разрешить проблемы безработицы, растущей имущественной поляризации, социального неравенства, всеобщей маргинализации индивидов и групп, нарушения экологического равновесия, морального вакуума и другие проблемы, с которыми связана нестабильность в обществе. Остается сфера силового противодействия негативному девиантному поведению, и в особенности его крайней форме – делинквентному поведению (уголовной преступности и наркомании), со стороны правоохранительных органов. Но воздействие этой системы сегодня становится все менее эффективным, и тому есть причины. Во-первых, силовыми методами эту проблему решить невозможно. Во-вторых, дает о себе знать кризис в самих правоохранительных органах. В-третьих, все силы и средства соответствующих ведомств затрачиваются на устранение последствий, а не причин социальной патологии, причем речь идет опять-таки не о регулировании, а именно об устранении. В-четвертых, попытки ликвидировать нестабильность порождают еще большую дезорганизацию в обществе. Поэтому необходим комплекс мер, которые следует предпринять в социальной, экономической, политико-правовой, духовно-нравственной сферах, а иначе нет смысла говорить об адекватном воздействии на социальную патологию.

Примечания

⁸ См.: Ахизер А.С. Дезорганизация как категория общественной жизни // Социс. – 1997. – № 6.

⁹ См.: Гилинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учеб. пособие. – СПб., 1993.

³ См.: *Статистика социальных аномалий* / Рос. стат. агентство. Госкомстат Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1999.

⁴ См.: *Социальная работа: проблемы и перспективы развития*: Мат. Байкальск. межрегиональн. науч. конф. – Улан-Удэ, 1997.

⁵ См.: *Статистика социальных аномалий*.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Социальная работа: проблемы и перспективы развития*.

⁸ См.: *Статистика социальных аномалий*.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: *Социальная работа: проблемы и перспективы развития*.

¹¹ См.: *Гилинский Я.И.* Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // *Социс.* – 1991. – № 4.

С.В.Соболева, Е.В.Куперштох
(г. Новосибирск)

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Распад СССР и начало коренных экономических и социально-политических преобразований в бывших союзных республиках привели к новому для России явлению – потокам беженцев из районов вооруженных столкновений, а также и недобровольных репатриантов, вытесняемых этническими конфликтами. Первые беженцы в России появились после погромов армян в 1988 г. в Сумгаите и в 1990 г. в Баку (Азербайджан), турок-месхетинцев в 1989 г. в Фергане (Узбекистан). Регистрация же беженцев в России началась с 1 июля 1992 г. – со времени создания Федеральной миграционной службы.

В последующие годы ситуация внутри России при всей своей сложности была более благоприятной, чем в новых странах-соседях, и внешняя миграция в нашей стране становится практически однонаправленной. Если в начале 1993 г. насчитывалось 160,3 тыс. чел., получивших статус беженца, то в 1997 г. Россия приняла 1147,4 тыс. чел. При этом действительное количество вынужденных мигрантов значительно превышает число зарегистрированных. В среднем на одного регистрируемого приходится два-четыре человека, не прошедших регистрацию – либо потому, что им в этом отказали, либо потому, что люди сумели самостоятельно устроиться на новом месте¹.

По национальному составу мигранты – это в основном русские (свыше 70% в общем потоке вынужденных мигрантов на начало 1997 г.), которые после распада СССР получили статус нетитульной нации. Среди других национальностей выделяются татары (7%), которых много жило в Средней Азии и Казахстане, армяне (4,8%), осетины (3,8%), украинцы (3,9%, в основном из Чернобыльской зоны), грузины (1%)².

С 1994 г. отмечается тенденция постепенного освоения переселенцами всей территории России. Они активно заселяют Поволжье, юг Урала и Сибири, вплоть до Крайнего Севера и Дальнего Востока, частично возмещая миграционный отток населения из этих регионов. Однако основной поток беженцев и вынужденных переселенцев в последние годы все более ориентируется на Западную Сибирь и Урал. В 1996 г. эти районы приняли около трети, а в первом квартале 1997 г. – соответственно 20 и 15% всех вынужденных мигрантов. В свое время именно оттуда шел основной поток мигрантов, направлявшихся в Центральную Азию. Сегодня они возвращаются преимущественно в те районы, граничащие с территориями выхода (Алтайский край, Оренбургская, Новосибирская, Омская, Кемеровская области), где имеются родственники и знакомые, готовые помочь им в обустройстве на новом месте.

Большая часть мигрантов из Средней Азии и Казахстана – городские высокообразованные люди, и в урбанизированных районах Урала и Западной Сибири им легче найти работу и жилье в городах, чем в Центральной России, где они, как правило, вынуждены вступать в еще большую конкуренцию с местным населением. Кроме того, в этих районах пока действует региональное законодательство, способствующее приему и размещению вынужденных мигрантов.

Новосибирская область занимает четвертое место среди всех регионов России по объему потоков мигрантов и является территорией массового заселения вынужденными переселенцами.

Приток вынужденных мигрантов в Новосибирскую область с 1992 по 1994 г. шел по нарастающей. Если в 1992 г. областной миграционной службой было официально зарегистрировано 1746 чел. (695 семей), то в 1993 г. – уже 4825 чел. (2156 семей), а в 1994 г. – 10691 чел. (4632 семьи)³. С 1995 г. наблюдается сокращение этого потока. На 1 января 2000 г. миграционной службой Новосибирской области всего за период 1992–2000 гг. был зарегистрирован 31571 вынужденный переселенец.

На фоне происходящего сегодня снижения уровня рождаемости и роста возрастных показателей смертности, особенно у молодого населения трудоспособного возраста, в этом регионе, как и во всей Сибири, роль миграции в формировании населения территорий усиливается. Как показывают наши исследования, на протяжении еще длительного периода миграция будет оставаться главным компонентом формирования населения Новосибирской области и Сибири в целом.

Теперь рассмотрим непосредственно *результаты исследования адаптации вынужденных переселенцев на выборке по Новосибирской области*⁴. Под адаптацией мы понимаем процесс активного приспособления индивида с помощью различных средств к изменившейся среде. При этом принимаются во внимание субъективная оценка взрослого члена семьи, его самоощущения (мнения, чувства, мысли, отношение к конкретным социальным условиям, удовлетворенность ими и т.п.) относительно вписанности себя и своей семьи в различные сферы жизнедеятельности.

Вынужденная миграция, как и любой миграционный процесс, имеет свои причины и следствия практически во всех сферах жизни общества. Поэтому связанные с ней проблемы должны рассматриваться в широком социально-экономическом контексте. В нашем исследовании уделяется внимание таким аспектам адаптации вынужденных мигрантов, как получение жилья, устройство на работу, установление отношений с ближайшим окружением, обустройство детей. При этом проведен сравнительный анализ адаптации у различных демографических типов семей, а также у семей вынужденных мигрантов, поселившихся в разные периоды времени в городе и селе.

Основным целевым источником информации послужили результаты проведенных в 2000 г. интервью с вынужденными переселенцами (104 семьи русских). В качестве инструмента для сбора информации по данной проблеме было выбрано формализованное (стандартизованное) интервью. Используемая при этом анкета была рассчитана на всю семью и содержала несколько блоков: вопросы, касающиеся всех членов семьи, вопросы, касающиеся только работающих членов семьи, а также информация о жилищных условиях семьи, об обустройстве детей на новом месте, об отношениях с местными жителями. В массиве опрашиваемых представлены различные типы семей по нескольким параметрам: демографический тип семьи, время проживания в России, тип места проживания семьи мигрантов в данное время (городская или сельская местность). Полученные данные были подвергнуты компьютерной обработке с помощью статистического пакета обработки социологической информации, который включает в себя команды определения и преобразования данных, команды выбора объектов.

Жилищная обеспеченность вынужденных мигрантов. Обеспеченность вынужденных переселенцев жильем – одна из наиболее сложных проблем, встающих на пути их успешной интеграции в российский социум. Нехватка жилья и неразвитость рынка жилья связаны не только с тяжелыми экономическими условиями, но и с административными ограничениями. Прежде всего, это пресловутый институт прописки, формально отмененный с 1 октября 1993 г., но тем не менее продолжающий функционировать. Другим препятствием является нерешенность правовых и процедурных вопросов землеустройства и землепользования, из-за чего возникают сложности со строительством жилья. Поэтому более успешно по сравнению с теми, кто пытается вести новое строительство, обустраиваются переселенцы, восстанавливающие изношенные дома. Такой способ заселения, кроме того, вызывает меньше раздражения у местного населения, особенно в селах, где изъятие участков земли и обзаведение чужаков новыми домами воспринимаются очень болезненно.

Результаты проведенного нами обследования показали, что больше половины мигрантов (53,1%) имеют собственное жилье, в том числе отдельный дом – 31,2%, отдельную квартиру – 21,9%. Среди тех, кто поселился в городе, живут в собственных домах или квартирах всего 15,4% (табл. 1). Большинству же приходится жить в общежитии или снимать квартиру, так как купить отдельное жилье в городе сложно. Некоторые в будущем все же рассчитывают на его приобретение, так как пытаются получить беспроцентную ссуду, которая полагается вынужденным переселенцам. Однако проблема состоит в том, что размера ссуды, которую могут получить некоторые семьи, не хватит, чтобы купить даже самое скромное жилье в городской черте.

Несмотря на то что у 50% мигрантов, поселившихся в селе, жилье неблагоустроенное, субъективная оценка этого жилья по сравнению с прежними жилищными условиями у них выше, чем у поселившихся в городе, среди которых живут без всяких коммунальных удобств лишь 19,2%. Приблизительно 72% вынужденных переселенцев, проживающих в деревнях, считают, что нынешние жилищные условия у них хуже, чем на прежнем месте жительства, а среди живущих в городе таковых более 88%. Большую неудовлетворенность жилищными условиями у городских жителей можно объяснить тем, что большинство из них не имеют собственного жилья, а на прежнем месте жительства они оставили трех-четырёхкомнатные благоустроенные квартиры, как правило в городах. Напротив, меньший процент неудовлетворенных нынешним

Т а б л и ц а 1

Распределение городских и сельских семей вынужденных мигрантов
Новосибирской области по жилищным условиям, %

Тип жилья	Город	Село
Отдельный дом	1,9	31,2
Отдельная квартира	13,5	21,9
Коммунальная квартира, общежитие	23,1	12,5
Снимают жилье	44,2	28,1
Живут у родственников	17,3	6,2

жильем среди переселенцев, проживающих в сельской местности, обусловлен тем, что часть из них и ранее проживали в деревнях.

Трудоустройство. Из бывших союзных республик в Новосибирскую область прибывает население, в составе которого доля лиц с высшим и средним специальным образованием заметно выше доли таковых среди населения Новосибирской области. Вынужденные мигранты имеют более высокий уровень образования и по сравнению с обычными мигрантами. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие среди них малограмотных и неграмотных людей. Высокий уровень образования населения принимающих российских территорий в известной мере объясняется высоким уровнем образования русскоязычного населения в бывших союзных республиках, особенно в среднеазиатских. Например, в Таджикистане удельный вес людей с высшим образованием среди русских составлял 26%, в Узбекистане – 27%, что вдвое превышает аналогичный показатель по России (13%). Это связано с высокой долей горожан среди русского населения этих республик.

Образовательная структура вынужденных мигрантов накладывает существенный отпечаток на их профессионально-квалификационный состав. Среди мигрантов высока доля служащих, высококвалифицированных специалистов в области образования, здравоохранения, культуры, науки и т.д. Это, с одной стороны, способствует их трудоустройству, а с другой – создает определенные проблемы в их адаптации на новом месте.

Т а б л и ц а 2

Распределение мигрантов трудоспособного возраста, проживающих в городе и селе,
по занятости, %

Характеристика занятости	Город	Село
Работает	71,7	60,0
Временно не работает	12,6	10,9
Безработный	7,4	12,7
Домохозяйка	8,4	16,4

Как показало наше обследование, в сельской местности имеет работу меньший процент переселенцев, чем в городе (табл.2). Однако социальная напряженность, связанная с отсутствием работы, сглаживается здесь наличием у многих сельских семей личного подсобного хозяйства. При этом у сельчан выше, чем у горожан, удовлетворенность выполняемым трудом. Доля тех, кто удовлетворен трудом, в селе составляет 76%, в то время как в городе она чуть больше 50%. Скорее всего, это следствие того, что в село приехало больше людей с неполным средним образованием, а значит, здесь меньше тех, у кого оказался снижен профессиональный статус. Что касается отношений в новом для мигрантов коллективе, а также отношений с работодателем, то удовлетворенных этими отношениями в городе больше, потому что в селе новые работники всегда воспринимаются как конкуренты. Местные жители боятся, что вновь прибывшие переселенцы, которые будут работать на любых условиях, займут и без того дефицитные рабочие места.

Среди работающих в сельской местности выше доля недовольных своей заработной платой. Этого и следовало ожидать, так как в селе средняя заработная плата всегда была ниже, чем в городе. Поэтому в материальном плане там жить сложнее, но зато имеется большая, чем в городе, возможность вести свое хозяйство, которое может быть хорошим подспорьем в обеспечении средствами к жизни. В селе 66% пере-

селенцев имеют личное подсобное хозяйство, – это почти втрое больше, чем в городской черте. В городе земля стоит дорого, и людям, которые пытаются накопить денег на жилье, не хочется тратить значительную для них сумму на дачный участок.

Обустройство детей и установление отношений с ближайшим окружением. Данные проведенного нами обследования показывают, что устроить ребенка в учебное заведение в селе проще, чем в городе. Если в городских школах не берут детей без прописки, то в деревенских школах, которые в большинстве своем пустуют, детей принимают с меньшими препятствиями.

Сразу и без всяких проблем удалось устроить ребенка в школу или детский сад 77% городских семей вынужденных мигрантов и 83% сельских. Однако и в городе, и в селе были дети, которые не справлялись с учебной программой в новых школах, так как в бывших республиках СССР она была более простой и отставала от программ российских школ, да к тому же там уже практически не преподавали такие предметы, как русский язык и литература, история и география России.

Особых проблем в общении со сверстниками у детей переселенцев, проживающих в городе, не возникало. Если и были какие-то трудности, то они были связаны не с переездом на новое место, а с особенностями характера самого ребенка. Этого нельзя сказать про детей из семей, поселившихся в сельской местности, где сверстники, узнав, что это дети вынужденных переселенцев, нередко их обзывали, дразнили, не принимали в свои компании. Одна женщина в интервью, отвечая на вопрос, были ли у ребенка трудности в общении со сверстниками на новом месте, сказала: “Было бы все нормально, но он сам виноват – проболтался, что мы из Казахстана”.

Действительно, в селе остро ощущается негативный настрой местных жителей по отношению к приезду вынужденных мигрантов, – там его почувствовали 25% семей переселенцев, тогда как в городе – 19,2% (табл. 3). Если в городах соседи могут даже не заметить появления вынужденных переселенцев, т.е. не знать, кто они и откуда, то в деревнях все происходит у всех на глазах.

Т а б л и ц а 3

Распределение ответов респондентов об отношении местных жителей к вынужденным переселенцам в городе и сельской местности, %

Отношение	Город	Село
Сочувственное	42,3	28,1
Нормальное	26,9	31,2
Негативное	19,2	25,0
Безразличное	7,7	9,4
И сочувственное, и негативное	3,8	6,2

В представлении местных жителей вынужденный мигрант – это человек “без ничего”, а когда они видят, что некоторые семьи приезжают с контейнерами, в которых достаточно приличные вещи, иногда привозят с собой машины, имеют возможность потом на привезенные с собой средства улучшить свое жилье, это вызывает зависть. Сельчане считают, что они за всю жизнь этого не накопили, и не понимают, почему они должны сочувствовать переселенцам, которые теперь претендуют на их землю, на рабочие места, бывшие ранее только в их распоряжении.

Проблемы адаптации социально незащищенных семей. В опрошенной совокупности семей вынужденных переселенцев 23% являлись социально незащищенными, т.е. это были семьи пенсионеров, инвалидов и неполные семьи. Как показало наше обследование, более половины социально незащищенных семей приезжают в сельскую часть области, так как считают, что там им будет легче обустроиться, чем в городе. Они не рассчитывают на получение хорошей работы или благоустроенного жилья, им лишь бы иметь крышу над головой и не умереть с голоду.

Процесс приспособления к новым условиям у социально незащищенных семей, как и предполагалось, протекает более болезненно, чем у остальных. Им приходится сложнее в материальном плане, так как примерно у половины таких семей денег не хватает даже на питание (табл.4). Это связано, во-первых, с тем, что обычно такие семьи приезжают на новое место практически без сбережений, затратив свои последние деньги на переезд. Во-вторых, всего 9% пенсионеров и 27% человек из неполных семей имеют работу, к тому же 64% работающих из этих типов семей не удовлетворены своим заработком (среди остальных семей таких 50%). По-видимому, это объясняется тем, что в основном работающими в этих семьях являются женщины, а известно, что женщинам всегда сложнее найти хорошо оплачиваемую работу, поскольку у них на руках находятся дети, и особенно трудно найти такую работу в деревнях. К тому же, как выяснилось,

образование у людей, проживающих в неполных семьях, в среднем ниже, чем у остальных, а из этого следует, что они занимаются менее квалифицированным трудом и получают недостаточный для их семьи заработок. Доход у социально незащищенных семей ниже, чем у остальных семей, более чем в 2 раза.

Т а б л и ц а 4

Распределение ответов респондентов из разных типов семей на вопрос о том, как позволяет жить доход семьи, %

Ответ	Социально незащищенные семьи	Все остальные семьи
В целом денег хватает	—	8,8
Денег хватает, но в основном на питание	12,5	37,5
Хватает только на питание	33,3	31,2
Не хватает на питание	54,2	22,5

Чтобы хоть как-то выжить и сэкономить на покупке продуктов, люди сами выращивают овощи, держат скот. 42% социально незащищенных семей имеют личное подсобное хозяйство, что помогает им “поскорее встать на ноги”, однако далеко не у всех есть возможность иметь свое хозяйство. Полегче живется тем, кто приехал в село, а в городе, как уже говорилось, даже небольшой земельный участок стоит дорого.

С нехваткой материальных средств связана еще одна немаловажная проблема, с которой в процессе адаптации сталкиваются прежде всего социально незащищенные семьи, – это проблема жилья. Если у остальных семей трудности связаны с тем, что они не могут позволить себе на новом месте приобрести жилье хорошего качества, то пенсионеры и члены неполных семей испытывают сложности уже просто с его получением. Правда, некоторым из них помогают родственники и друзья, проживающие в Новосибирске или в области, и в основном помогают именно с жильем, т. е. или селят мигрантов у себя, или же помогают с его приобретением. В настоящее время из опрошенных нами 21% социально незащищенных семей проживают у родственников (таких почти в 2 раза больше, чем среди других типов семей), 33 – имеют собственное жилье, 8% проживают в общежитии, а остальные снимают жилье.

Несмотря на то что процент имеющих собственный дом или квартиру среди социально незащищенных семей даже немного выше, чем среди остальных типов семей, удовлетворенность жилищными условиями по сравнению с теми, что были на прежнем месте жительства, у них гораздо ниже. Дело в том, что пенсионеры и неполные семьи селятся здесь в домах и квартирах очень низкого качества, зачастую это очень старое жилье, где нет вообще никаких удобств. Самое страшное заключается в том, что у людей из социально незащищенных семей нет никаких шансов на улучшение своих жилищных условий. Если, например, в семье работают оба супруга, то, во-первых, у них есть постоянный заработок, с которого можно понемногу откладывать на приобретение дома или квартиры, а во-вторых, этот стабильный доход позволяет вынужденным мигрантам через два года после их регистрации в миграционной службе взять кредит на постройку или покупку жилья. Если же оба члена семьи пенсионеры или в семье работает только один человек, то вряд ли им удастся что-либо накопить, да и миграционная служба не даст такой семье кредит, так как нет уверенности, что она его вернет. Люди находятся в тупиковой ситуации. Чтобы как-то из нее выйти, они пытаются искать работу с предоставлением служебного жилья и для этого согласны даже на низкоквалифицированный и малооплачиваемый труд. Многие люди именно из таких семей говорили, что они готовы переехать в любое место области, лишь бы были жилье и работа, что согласны на любые условия, только бы поскорее где-нибудь обустроиться “навсегда”.

К сожалению, проблемы, с которыми приходится сталкиваться социально незащищенным семьям в процессе адаптации, этим не ограничиваются. Как ни странно, но именно неполные семьи чаще всего были недостаточно радушно встречены в местах нового поселения. Вместо сочувствия и минимальной помощи со стороны местных жителей они видели безразличие, а нередко и негативное отношение. То, что за время своего проживания на новой территории им приходилось ощущать отрицательную реакцию соседей или коллег по работе, отметили 42% неполных семей. Для сравнения: подобное отношение к себе со стороны своего окружения заметили всего 25% обычных семей и 17% семей пенсионеров. Дело, видимо, в том, что на селе негативная реакция заметна всегда больше, а, как уже отмечалось, именно там проживают большинство социально незащищенных семей. Кроме того, нужно учесть психические особенности людей, проживающих в неполных семьях. В такой стрессовой ситуации им, которым и так всегда жилось нелегко, особенно хочется теплого отношения к себе, и поэтому, сталкиваясь с какими-то трудностями в общении с окружающими, они острее ощущают недоброжелательность людей и склонны не совсем адекватно оценивать сложившуюся ситуацию.

Различия в адаптации мигрантов, прибывших до и после 1997 г. В исследовании мы проверяли гипотезу о том, что вынужденным переселенцам, приехавшим в Новосибирскую область до 1997 г., было легче адаптироваться на новом месте, чем приехавшим позднее. Как известно, первые мигранты приезжали в Россию на более или менее подготовленную почву. Родственники помогали им обустроиться на новом месте, рынок труда не был так переполнен, как в последние годы. Переселенцам же последние лет рассчитывать особо не на кого. Они приехали в Новосибирскую область по советам своих же земляков либо выбрали новое место жительства наугад.

Однако в итоге эта гипотеза не нашла четкого подтверждения. Анализ показал, что вошедшие в выборку переселенцы, прибывшие в разные периоды, в большинстве случаев сталкиваются с идентичными проблемами. Как мигранты, приехавшие в период с 1991 по 1997 г., так и переселенцы последующих лет больше всего на новом месте нуждаются в жилье. В то же время, структура оказанной помощи у мигрантов разных периодов прибытия существенно различается. Позиция “помогли с жильем” оказалась наиболее значимой и для тех, кто переселился в Новосибирскую область до 1997 г., и для тех, кто приехал сюда позднее. Среди прибывших в 1998 и 1999 гг. резко увеличился процент людей, которым оказывалась информационная помощь, так как возникла потребность в этом. В начале 90-х годов Россия не сильно отличалась от отделившихся республик по нормативно-правовой базе, традициям, экономическим условиям и т.д. Вынужденные мигранты, приезжающие из постсоветских государств в последнее время, попадают уже в совершенно другие условия внешней среды. Они слабо ориентируются в российских законах, толком не знают, куда нужно обращаться в той или иной ситуации, и поэтому для них немалое значение имеют советы людей, которые живут на принимающей территории. Полученная заранее информация об условиях жизни на предполагаемом месте вселения может существенно помочь им в процессе адаптации.

Было также обнаружено, что переселившимся до 1997 г., вообще не была оказана материальная поддержка, тогда как 10% переселенцев, прибывших в последующие два года, такую поддержку получили. Это связано скорее всего с тем, что материальное положение мигрантов, приезжавших в начале и середине 90-х годов, было чуть лучше, чем у нынешних переселенцев. У тех, кто уезжал, например, из Казахстана в 1993–1994 гг. была возможность продать свое жилье и выручить за него хоть какие-то деньги. Сейчас же продать квартиры практически невозможно, люди просто оставляют их, нередко оставаясь при этом без средств к существованию. Раньше была возможность перегнать свои личные автомобили, которые на новом месте можно было продать или с помощью которых можно было что-то заработать, а теперь это настолько проблематично из-за введения таможенных границ и различных налогов, что люди даже боятся с этим связываться.

* * *

Проблемы мигрантов, связанные с адаптацией на новом месте, очень серьезны. Это обусловлено недостатком у вынужденных переселенцев средств к существованию, трудностями поиска работы на новом месте, зачастую отсутствием возможности работать по специальности, сложностью в устройстве с жильем, психическими травмами, трудностями социально-психологического и этнокультурного характера.

Качественный и количественный анализ полученного эмпирического материала показал, что в сельских районах Новосибирской области вынужденные мигранты быстрее приспосабливаются к новым условиям, чем в городских. Жилищная проблема стоит перед ними не так остро, как перед теми, кто поселился в городской черте. Им легче, чем переехавшим в город, найти работу “по душе”. Но процесс адаптации затормаживается в селе нехваткой материальных средств, так как заработная плата в деревнях очень низкая, да и та месяцами не выплачивается, а без денежных средств мигрантам, поселившимся в селе, трудно встать на ноги.

У переселенцев, живущих в городе, доходы невелики, а расходы гораздо больше, чем у селян. Среди переселенцев-горожан высока доля семей, снимающих жилье, – на это уходит большая часть их заработка. К тому же значительная сумма денег уходит на питание, так как продукты в городе дороже и меньшее число семей переселенцев, проживающих в городе, имеют личное подсобное хозяйство.

В селе легче устроить ребенка в школу, поскольку там не всегда требуют прописку. Однако и в городе, и в селе у определенной части детей возникают проблемы, связанные с несоответствием учебных программ на старом и новом месте жительства. Некоторые дети не справляются с программой в новых школах и испытывают трудности в учебе и общении со сверстниками.

В адаптации вынужденных мигрантов, прибывших в Новосибирскую область в разные периоды, первостепенными оказываются разные моменты. Примерно равный процент мигрантов разного времени прибытия нуждаются в прописке. Но переселенцы конца 90-х годов испытывают большие материальные трудности, так как приезжают на новое место практически без сбережений. Сейчас в постсоветских государствах им, как правило, не удастся продать свою недвижимость или обменять ее.

Многие предприятия, особенно сельские, стали отдавать предпочтение вынужденным мигрантам. Руководителям удобны зависимые, безответные, трудолюбивые работники, в ожидании прописки готовые работать на самых тяжелых работах за низкую зарплату. Вынужденные переселенцы являются конкурентами местным жителям не только на рынке труда, но и на рынке жилья.

Особенно много проблем в адаптации на новом месте возникает у социально незащищенных семей – семей пенсионеров, инвалидов, неполных семей. Им труднее приобрести жилье, труднее устроиться на работу, и из-за этого у них, как правило, очень тяжелое материальное положение. Неполные семьи сталкиваются с большими проблемами при обустройстве детей на новом месте.

Период экстремальной вынужденной миграции, вызванной национальными конфликтами и политическими причинами, как свидетельствует статистика, практически, завершился в 1995 г. Теперь на смену стихийным миграционным процессам на территории СНГ должны прийти регулируемые перемещения. Этому должна предшествовать большая совместная работа Федеральной миграционной службы, Министерства иностранных дел РФ, а также Министерства РФ по сотрудничеству с государствами – участниками СНГ. Важное место в такой работе следует отвести прогнозу миграционных потоков, выявлению регионов России, предпочтительных для проживания мигрантов, а также согласованию квоты по приему мигрантов с территориальными администрациями и региональными миграционными службами территорий вселения мигрантов. Такая работа могла бы проводиться в рамках реализации специально разработанных региональных программ миграции.

Все это должно упорядочить миграционные потоки, снизить материальные и моральные издержки самих мигрантов, а также дать возможность территориям вселения подготовиться к приему мигрантов определенного демографического и профессионального состава и решить ряд проблем, связанных с их принятием и обустройством. Потенциальные переселенцы в такой ситуации могли бы заранее получать объективную информацию о состоянии рынка труда, и о возможности приобретения жилья на территории вселения и принять взвешенное решение о переезде в тот или иной регион России. Сегодня же миграция происходит стихийно, с большими издержками как для территорий выезда и вселения, так и для самих мигрантов.

Примечания

¹ См.: *Вынужденная миграция в России: Население и кризисы*. – М., 1996. – С.39.

² См.: *Зайончковская Ж.К.* Вынужденные мигранты из стран СНГ и Балтии // *Социс*. – 1998. – №6.

³ См.: *Соболева С.В.* Новые линии на старой карте // *Миграция*. – 1998. – No 1. – С. 25–28.

⁴ Выход на семьи вынужденных переселенцев осуществлялся через областную миграционную службу. Авторы благодарят начальника отдела по работе с мигрантами областной миграционной службы О.М.Пуртову за помощь в организации проведенного обследования.

⁵ См.: *Витковская Г.С.* Вынужденные мигранты в России: беда или благо? // *Чел. и труд*. – 1995. – №11. – С. 9.

И.О.Хабек

(Кембридж, Великобритания)

**ОЛЕНЕВОДСТВО И НЕФТЕГАЗОДОБЫЧА:
МОГУТ ЛИ ОНИ СОСУЩЕСТВОВАТЬ?**

Дискуссия о взаимоотношениях между так называемыми традиционными отраслями природопользования и нефтегазодобычей ведется уже много лет и постоянно приобретает новые аспекты. В настоящей статье этот вопрос рассматривается на материале полевого исследования, проведенного автором в северных районах республики Коми и на соседних с ними территориях Ненецкого АО, а также на основе данных, полученных другими учеными, изучавшими аналогичные проблемы в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. Нас интересовало, как именно складываются отношения между нефтяниками, газовиками и оленеводами в ежедневной практике.

Мы предположили, что существует определенный “западный взгляд”, который начал формироваться в период гласности, а впоследствии подвергся значительным изменениям. Ученые, приезжавшие на Российский Север из-за границы, имели возможность учиться, т.е. развивать, уточнять, а отчасти и пересмотреть свои позиции, в ходе многократных встреч с российскими учеными, представителями местных администраций, лидерами организаций коренных народов и, разумеется, местными жителями всех национальностей. Запоминая эти уроки и сравнивая российский опыт с опытом других северных регионов, западные исследователи старались более тщательно разрабатывать данную тематику и надеялись внести свой вклад в общую научную дискуссию. Между тем кооперация между западными и российскими учеными продолжается и расширяется. Нельзя не отметить и тот факт, что сами коренные жители начали изучать и анализировать международный опыт в этой сфере.

Хорошими примерами высокого научного уровня обсуждения указанной проблемы являются, в частности, статьи молодых ученых – С.Дудека, Т.Туиску и Б.Форбса¹. Ученые старшего поколения выполняют совместные проекты, – пример тому международные исследовательские группы: Е.А.Андреева и Н.А.Чанс², А.Г.Головнев и Дж.Ошеренко³. Признавая важность вопроса о взаимоотношениях между традиционным природопользованием и нефтегазодобычей, действующие на Российском Севере нефтегазовые компании также начали сотрудничать с этнографами⁴. Таким образом, уже опубликован ряд интересных работ по этой теме. Существует необходимость перевести такие публикации на русский или местные языки и представить их широким кругам местной общественности, чтобы местное население имело возможность ознакомиться с результатами научных экспедиций.

Полевое исследование в рамках междисциплинарного научного проекта “Тундра” (“Tundra Degradation in the Russian Arctic”), проведенное нами в 1998–1999 гг. среди оленеводов Большеземельской тундры, показывает комплексный характер взаимоотношений традиционных отраслей природопользования и промышленной добычи ресурсов. Усинский район Республики Коми характеризуется весьма сильным влиянием нефтедобычи на оленеводство, рыболовство и другие сферы хозяйственной деятельности местного населения. Нефтедобыча существенно влияет, хотя и в меньшей степени, и на окружающий ландшафт. Отвечая на вопрос о том, есть ли возможность сосуществования оленеводства и нефтедобычи, некоторые сельские жители упорно высказывали мнение, что нефтепромышленность несовместима с оленеводством. Однако большинство опрошенных отметили, что сосуществование этих отраслей в принципе возможно, но зависит от определенных условий.

Чтобы обеспечить такое сосуществование, нефтекомпании должны применять более чистые технологии и заботиться об экологических последствиях своих действий. В свою очередь, местным властям следует внедрить систему контроля за деятельностью нефтекомпаний и в случае нарушений строго наказывать виновных. Следует отметить, что экологическое законодательство в России довольно развито, но выполняются законы и постановления, как правило, плохо.

Пример тому – изъятие земель для несельскохозяйственного использования и выплата компенсации за них. Оленеводы и директора оленеводческих предприятий часто отмечают, что компенсаций они не получают. В то же время представители нефтекомпаний утверждают, что компенсации выплачиваются так, как и положено по закону. Проблема заключается в том, что все средства, предназначенные для выплаты ком-

пенсаций, сначала идут в местный бюджет, а оттуда они не перечисляются оленеводческим предприятиям, поскольку местный бюджет постоянно испытывает дефицит. В таких условиях некоторые нефтекомпании выплачивают компенсации напрямую, предоставляя, например, авиационный транспорт для сообщения между оленеводческими стойбищами и центральными усадьбами, оказывая финансовую поддержку при строительстве убойных пунктов и т.д. Сельские жители внимательно наблюдают за действиями нефтяных компаний, оценивая их по экологическим и социальным критериям. Необходимо учитывать и то, что нефтяные компании боятся потерять свою деловую репутацию.

Личные контакты между оленеводами и нефтяниками имеют двойственный, иногда противоречивый характер. С одной стороны, оленеводы говорят, что нефтяники – “тоже люди”, они занимаются своими делами, а оленеводы делают свою работу. Оленеводы иногда посещают площадки или базы нефтяников, чтобы обменять мясо на разные товары, позвонить по телефону, и бурильщики помогают им транспортом. Зброшенные деревянные домики бурильщиков оленеводы разбирают и используют в качестве топлива. С другой стороны, оленеводы постоянно жалуются на захлапленность пастбищ, говорят о заболеваниях и даже падеже оленей из-за нефти и химических веществ, о случаях воровства оленей или открытого грабежа рабочими нефтепромышленности. Особое значение имеет психологический аспект взаимоотношений нефтяников и оленеводов, поскольку образ жизни у них совершенно разный. Оленеводы считают, что нефтяники делают “черную” работу, у нефтяников же сложилось мнение о “некультурности” оленеводов. Такие стереотипы довольно распространены, хотя иногда наблюдаются и дружественные отношения. Более того, есть редкие примеры, когда оленеводы временно работали помощниками буровиков.

Следует признать, что так называемое освоение Севера нефтегазодобывающими и горно-промышленными компаниями оказывает и положительное влияние на развитие оленеводства: новые пути сообщения облегчают транспортировку мяса в места убоя и к потребителям, за счет нефтяников, шахтеров и прочего городского населения вырастает спрос на оленину, нефтяные компании помогают оленеводческим хозяйствам. Тем не менее отрицательное воздействие промышленного освоения может не только обострить и без того нелегкое в настоящее время положение оленеводства, может оказаться разрушенной его производственная основа – пастбища.

На наш взгляд, оценки значимости нефтегазодобычи и оленеводства для развития северных территорий, формулируемые на общественном и политическом уровне, до сих пор страдают односторонностью. Действительно, нефтегазодобыча приносит России в целом и отдельным субъектам Федерации большие финансовые доходы, тогда как оленеводство постоянно ассоциируется с традиционным образом жизни коренного населения. Это, бесспорно, правильно, но при таком подходе вопрос иногда стоит примерно так: неужели оленеводство все еще существует? На самом деле оленеводство – это наиболее рентабельная отрасль сельского хозяйства на Российском Севере, и оно имеет важнейшее экономическое значение для большинства сельского населения этого региона. Следует отметить, что оленеводство (и сельское хозяйство в целом) заслуживает намного большего внимания со стороны федеральных и региональных властей. Сельские жители не выживут только за счет развития нефтяной и газовой промышленности.

Решение об использовании земли и недр – это всегда политическое решение. Когда встает вопрос о том, разрабатывать ли нефтегазовые месторождения или продолжать практиковать экологически более устойчивые виды землепользования, интересы сырьевых компаний, по всей видимости, все равно всегда перевешивают, поскольку здесь играют роль не только большие деньги, но и значительное политическое влияние. По тем же причинам интересы представителей оленеводческих предприятий и самих оленеводов всегда игнорируются. Это неравноправие усугубляется еще и тем, что сельские, и прежде всего коренные, жители редко участвуют в обсуждении общественных и политических проблем. Такая политическая пассивность объясняется, по нашему мнению, широко распространенным среди сельских жителей взглядом, что чиновники все равно не будут заботиться о разрешении их трудностей.

Что касается современных проектов разработки недр в Восточной Сибири, то опыт других регионов Российского Севера может помочь при анализе вопроса о позитивных и негативных последствиях реализации таких проектов, хотя бы лишь в определенной мере. Например, на Ямале дискуссия о способах и правилах разработки недр продолжается уже более 10 лет при участии самого ненецкого населения⁵. Однако природные условия ямальской тундры резко отличаются от природных условий таежной зоны. Проблемы лесного оленеводства состоят в другом, и, по всей видимости, они более болезненные, чем те, с которыми сталкивается тундровое оленеводство. В связи с этим следует отметить, что на территории Байкинской и Катангской нефтегазовых областей (т.е. в самых южных частях Эвенкийского АО) оленеводство практически уже перестало существовать. Жители этого региона занимаются другими видами так называемого традиционного природопользования, а именно, охотой и рыболовством.

Освоение нефтегазовых ресурсов в этом случае, как и везде на Севере, порождает тот же самый вопрос: можно ли совместить интересы всех существующих и потенциальных землепользователей? Могут ли они, по крайней мере, найти общий язык? Цель эта достижима, только если представители всех сторон, и прежде всего сами местные жители, смогут с самого начала активно участвовать в обсуждении всех возникающих проблем и принятии соответствующих решений.

Примечания

¹ См.: Дудек С. Некоторые соображения к перспективам традиционного природопользования коренных народов Западной Сибири // Ресурсы традиционного природопользования народов Севера и Дальнего Востока России / Под ред. Э.Кастен, Е.В.Дульченко. – Петропавловск-Камчатский, 1996. – С.123–130; Tuisku T. Reindeer herding: collectivisation and oil and gas exploitation: A case study of Nenets reindeer herding // Sustainable development in the North: local initiatives vs. megaprojects. Circumpolar Arctic Social Sciences Ph.D.Network: Proceedings of the Second Conference / Ed. by G.Duheime, R.O.Rasmussen, R.Comtois. Québec: Getic, Université Laval, 1998. – P.149–160; Forbes B. Reindeer herding and petroleum development on Poluostrov Yamal: sustainable or mutually incompatible uses? // Polar Record. – 1999. – V.35. – P.317–322.

² См.: Chance N.A., Andreeva Ye.A. Sustainability, equity, and natural resource development in Northwest Siberia and Arctic Alaska // Human Ecology. – 1995. – V. 23. – P.217–240.

³ См.: Golovnev A.G., Osherenko G. Siberian survival: the Yamal Nenets and their story. – Ithaca: Cornell University Press, 1999.

⁴ См.: Fitzhugh B., Golovnev A.G., Haakanson S. The Living Yamal. – <http://www.mnh.si.edu/arctic/html/yamal.htm> (1997).

⁵ См.: Vitebsky P. Gas, environmentalism and native anxieties in the Soviet Arctic: the case of Yamal peninsula // Polar Record. – 1990. – V. 26. – P. 19–26; Okotetto M.N., Forbes B. Conflicts between Yamal-Nenets reindeer husbandry and petroleum development in the forest-tundra and tundra region of Northwest Siberia // Sustainable development in northern timberline forests: Proceedings of the Timberline workshop, May 10–11, 1998 in Whitehorse, Canada / Ed. by S.Kankaanpää, T.Tasanen, M.L. Sutinen. – Saarijärvi: The Finnish Forest Research Institute, Ministry of the Environment of Finland, 1999. – P. 95–99; e.a.

Ю.Г.Бендерский, Т.Б.Карасева
(г.Красноярск)

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ РАЙОНОВ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

Среди многочисленных социально-экономических проблем России одной из наиболее острых в последние годы является проблема выживания коренных малочисленных народов Севера. Она не нова и общеизвестна. Кризисное положение коренных малочисленных народов, проживающих на территории Крайнего Севера и в приравненных к ней местностях, – результат многолетнего равнодушия к проблемам этих народов со стороны региональной и центральной власти.

Коренные малочисленные народы Севера, сохранившие самобытную духовную культуру, адаптировавшиеся к экстремальным природно-климатическим условиям и внесшие заметный вклад в развитие цивилизации, являются в то же время наиболее уязвимой категорией населения. Разрушены бытовой уклад их жизни и традиционное хозяйство, практически исчезло оленеводство, охота и рыболовство граничат с браконьерством. Подорваны основы материального благосостояния, поскольку представители коренных малочисленных народов Севера в основном заняты в агропромышленном комплексе, в котором сложилась критическая ситуация.

В районах проживания представителей коренных северных народов в последние годы наблюдаются массовая безработица и рост алкоголизма. Темпы роста безработицы среди коренных малочисленных народов в 3,5–4 раза превышают общероссийские. Хозяйственной деятельностью, непосредственно связанной с традиционным образом жизни, занимается не более 10% северян из числа этих народов.

Уровень жизни представителей коренных малочисленных народов Севера ниже критической границы. Номинальные доходы работающих коренных северян в Красноярском крае составляют 25–30% от среднего краевого уровня, хотя число иждивенцев у них значительно больше, а доля работающих – меньше.

Серьезные опасения вызывают демографические показатели. По прогнозам специалистов, генетический резерв здоровья коренных малочисленных северных народов при сложившихся условиях может быть исчерпан за два-три поколения. За последние годы у них значительно снизилась рождаемость. Средняя продолжительность жизни представителей этих народов в Красноярском крае составляет 45–48 лет.

Коренное население живет в неблагоустроенном жилье, где уровень обеспеченности водопроводом, канализацией и центральным отоплением не превышает 1–3%.

В последние годы у малочисленных северных народов обостряются проблемы образования и культуры. Некоторые из них можно объяснить насильственным переводом кочевого населения на оседлый образ жизни, утратой преемственности поколений. Дети и подростки воспитываются в интернатах и, когда вырастают, не перенимая опыт старших, практически не возвращаются к традиционным ремеслам и промыслам, утрачивая семейные традиции. Особую озабоченность вызывает проблема исчезновения языка коренных народов, поскольку именно язык является основой и наиболее устойчивым элементом национальной культуры.

Растет убыточность традиционных отраслей, их продукция остается невостребованной или реализуется за минимальную плату. Себестоимость единицы продукции в этих отраслях в 1,5–2 раза выше реализационной цены.

В исключительно трудном положении оказалось северное здравоохранение. Усиливается дефицит специалистов, лекарств, современного оборудования. Вновь стали распространяться инфекционные болезни: активный туберкулез, вирусный гепатит, острые кишечные заболевания и др. Показатели заболеваемости по ряду болезней в 4–6 раз превышают среднероссийские.

В последнее 10 лет усугубились негативные тенденции в экологической ситуации в районах проживания коренных малочисленных народов Севера. Основными экологическими проблемами здесь являются необеспеченность населенных пунктов очистными сооружениями, сокращение ресурсов охотничье-промысловых животных, трудности с питьевым водоснабжением, рост количества лесных пожаров.

По-прежнему не разработаны законодательные акты, касающиеся регулирования социально-экономических процессов в районах, где проживают коренные малочисленные северные народы. Принимаемые меры социально-экономического характера часто не скоординированы с реальными возможностями жизнедеятельности этих народов в сложных условиях Севера.

Таким образом, районы проживания коренных малочисленных народов Севера являются наиболее проблемными территориями края. Здесь остро стоят проблемы, обусловленные

- хронической отсталостью и кризисным состоянием социально-экономической сферы;
- нарушением баланса интересов пришлого населения и представителей коренных малых народов;
- нарушением экологического равновесия и природной среды хозяйственной деятельности коренных северных народов;
- отсутствием четких механизмов регулирования социально-экономических процессов в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, в том числе отсутствием региональной национальной политики, направленной на защиту коренного населения.

Решить указанные проблемы невозможно только на местном и региональном уровне. Для их решения наиболее приемлемы программно-целевые методы, а эффективным инструментом осуществления региональной политики в этом направлении может стать соответствующая региональная программа.

До сих пор особенности традиционного хозяйственного уклада коренных северных народов недостаточно учитывались как в государственной, так и в региональной социально-экономической политике. Например, в 1996–1997 гг. разрабатывались программы поддержки малочисленных народов Севера Красноярского края, однако эти программы остались нереализованными. Основными причинами того, что региональные программы не смогли быть осуществлены, явились недостаточная научная обоснованность некоторых мер, расхождение правовых и программных документов, отсутствие соответствующей финансовой защищенности деятельности по их выполнению.

С учетом важности целенаправленного и системного решения отмеченных проблем в Красноярском крае разработана программа «Социально-экономическое развитие территорий проживания коренных малочисленных народов Севера Красноярского края на 2000–2003 годы». Главной особенностью данной программы является то, что она не просто фиксирует имеющиеся проблемы и указывает пути их решения, а является директивным документом.

Основными принципами разработки указанной программы явились

- *эшелонирование* (подразделение программ на кратко-, средне- и долгосрочные). Данная программа носит краткосрочный характер, что предопределяет ее основные функции и задачи. Программный период рассматривается в качестве стартового этапа целенаправленных действий по преодолению негативных тенденций и стабилизации социально-экономического положения коренных малочисленных северных народов Красноярского края и формированию основ для их дальнейшего развития;
- *селективность* (приоритетность) поставленных задач. В структуре программы выделен перечень основных подпрограмм, содержащих следующие задачи: обеспечение занятости представителей коренных северных народов и развитие традиционных народных промыслов и отраслей хозяйства.

ния; медицинское и санитарно-эпидемиологическое обслуживание коренных малочисленных народов Севера; повышение уровня образования, сохранение самобытной культуры и духовное возрождение этих народов; сохранение среды обитания и улучшение экологической ситуации на территориях их проживания;

– *адресность мероприятий*. Это важно для учета конкретных интересов и возможностей жизнедеятельности коренного населения во всех районах его компактного проживания. Мероприятия программы предполагают не безвозмездную помощь, а меры, направленные на создание условий для выживания малочисленных народов. Каждое мероприятие рассчитано на конкретный населенный пункт, предусмотрено количество человек из числа коренных народов Севера, для которых предназначена помощь. Кроме того, в программе четко соблюдается принцип срочности реализации предлагаемых мер;

– *сочетание патернализма с формированием точек экономического роста*. Программа включает определенные меры правового и научно-исследовательского характера реализации наиболее оптимального сценария достижения заданных целей;

– *обеспечение эффективности программных мероприятий*. Осуществление мероприятий программы закладывает экономический, организационный и правовой фундамент, который в будущем обеспечит достижение более высоких показателей развития районов проживания коренных малочисленных народов Севера. Более того, правовая база реализации программы является фундаментом для дальнейшего осуществления социально-экономических мероприятий, направленных на стабилизацию экономики этих районов и последующее ее устойчивое и эффективное развитие;

– *непрерывный мониторинг*. Система такого мониторинга предусматривается в целях оперативного контроля за ходом осуществления программы, своевременного корректирования механизма ее реализации и уточнения основных целевых показателей. Мониторинг и оценка результатов реализации программы осуществляются на основе таких показателей, как объем выделенных и освоенных финансовых ресурсов, ввод в эксплуатацию объектов социально-бытовой инфраструктуры, ввод в эксплуатацию мощностей по производству и переработке сырья и продукции традиционных отраслей, уровень занятости, денежные доходы на душу населения, показатели смертности и рождаемости, уровень образования;

– *межнациональное равновесие* и согласованность интересов представителей малочисленных северных народов, коренного и пришлого населения;

– наличие системы *государственного заказа* на продукцию традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера.

В программе обоснованы ключевые направления конкретных действий краевой и местных администраций, рассчитаны объемы, структура и источники финансирования мероприятий.

Для решения проблем социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера необходимо определить ожидаемые конечные результаты предлагаемых мероприятий, главными из которых являются повышение уровня жизни коренных малочисленных народов Севера за счет ежемесячных выплат социального характера и создания 235 рабочих мест для представителей этих народов, занятых в отраслях традиционного хозяйствования; возрождение факторий в местах проживания малых северных народов; повышение уровня медицинского обслуживания коренного населения, проживающего в отдаленных поселениях; оказание материальной помощи детям из малоимущих семей из числа коренных малочисленных народов Севера в количестве 120 человек ежегодно; получение среднего технического и высшего образования выпускниками школ из числа малочисленных северных народов в количестве 30 человек ежегодно; оснащение оборудованием и расходными материалами общеобразовательных учреждений, находящихся в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера; восстановление водных биологических ресурсов.

В ходе разработки программы выявлен ряд проблем, основными из которых являются следующие.

Во-первых, это *информационные* проблемы, связанные с отсутствием оперативного и стационарного учета состояния и параметров жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера. При разработке программы использовались данные текущей статистической отчетности территорий проживания северных народов края (данные “с колес”), поскольку отсутствует централизованная система ее ведения.

Во-вторых, это *научно-методические* проблемы: отсутствуют необходимые проработки по потребительской корзине и прожиточному минимуму для коренных малочисленных народов Севера. Многие расчеты опираются на среднекраевые и среднероссийские показатели, хотя здесь требуется другой методологический подход. Не устоялось представление о “товарном” типе производства, нет технико-экономического обоснования для ряда проектов и т.д.

В-третьих, это *правовые* проблемы. Бюджетный кодекс и бюджетная классификация “сжимают” возможности рассмотрения традиционного хозяйствования коренных малочисленных северных народов, поскольку их положениями не предусматривается целый ряд мероприятий, в том числе не оговариваются взаимоотношения краевого бюджета и муниципальной собственности. Отсутствует ряд законопроектов, например о регулировании продажи алкогольной продукции, и т.д.

Законодательного и научного решения требует вопрос о создании траст-фондов, поскольку с целью мобилизации и увеличения инвестиционного финансового потенциала районов проживания коренных малочисленных народов Севера предполагается разработка мер по созданию специализированных фондов (поддержки программы, трастовых и др.). Опыт показывает, что траст-фонды в нашей стране не приносят выгод, ожидаемых от их внедрения. Очевидно, что при создании траст-фондов необходимо более адекватно учитывать институциональную структуру экономики, в том числе право собственности на природные ресурсы, принимать во внимание рентные отношения, уровень инфляции, кроме того, нужен более трезвый учет объекта.

Наконец, в-четвертых, имеются *организационные* проблемы. Ликвидация Государственного комитета по делам Севера может привести к затруднениям в реализации федеральной составляющей программы.

Таким образом, с одной стороны, реализация программы “Социально-экономическое развитие территорий проживания коренных малочисленных народов Севера Красноярского края на 2000–2003 годы” позволит сформировать необходимые условия для стабилизации социально-экономического развития, повышения уровня и качества жизни, духовного и национально-культурного возрождения этих народов. С другой стороны, данная региональная программа является важнейшим инструментом государственного регулирования и поддержки экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера в условиях рыночных отношений.

А.М.Аблажей
(г. Новосибирск)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СИБИРИ

В рамках реализации проекта “Динамика неадаптивных трансформаций экономического поведения и социальных ценностных установок населения провинциальной России”¹ масштабное социологическое исследование было проведено и в Восточной Сибири. Опрос проводился в трех регионах: Эвенкийском автономном округе – столице округа поселке городского типа Тура и п. Нидым; населенных пунктах Таштыпского района Республики Хакасия – г. Абаза и прилегающих к нему селах Анзас, Бутрахты, Верхняя Сея и Большая Сея; селах Мамско-Чуйского района Иркутской области – Чуна, Мама, Слюдянка и пос. Новый Уоян в Республике Бурятия. В качестве экспертов выступили в основном работники органов управления, культуры и образования, местных органов власти; массовым опросом были охвачены в первую очередь рядовые работники различных отраслей. Средний возраст опрошенных во всех трех регионах – 35 лет, количество мужчин и женщин примерно одинаково. Методика исследования носила комплексный характер: помимо “Анкет эксперта” и “Социологической анкеты”, использовался “Паспорт села” (разработки Ю.М.Плюснина), применялись методы неформализованного интервью, включенного наблюдения, контент-анализа средств массовой информации, анализа статистических данных. Исследование проводилось в августе-сентябре 1999 г.

Одними из главных направлений исследования стали выявление ряда закономерностей, в соответствии с которыми население российской провинции (прежде всего отдельные семьи и домохозяйства) обеспечивают в современных условиях свое существование и дальнейшее воспроизводство, а также анализ складывающихся при этом особенностей повседневного поведения и специфики мировоззрения. По мнению Ю.М.Плюснина, подобного рода приспособление не может быть в полной мере названо адаптивным, поскольку имеет, как правило, кратковременный характер, обеспечивая, по сути, только физическое существование².

Одним из основных показателей социально-экономической и психологической “встроенности” индивида в современную жизнь является его оценка уровня адаптации к сегодняшней жизни. Парадоксально, но факт: во всех трех регионах эксперты гораздо ниже оценивают степень своей адаптации к сегодняшним условиям жизни, чем рядовые работники. Скорее всего, это связано с различиями в уровне индивидуаль-

ных притязаний (материальных, духовных, мировоззренческих), которые существуют у представителей различных слоев современного российского общества. В этой связи весьма показательны данные о том, как участники опроса оценили черту бедности и тот уровень доходов, который, с их точки зрения, позволял бы их семьям жить нормально (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Оценка черты бедности и уровня доходов, необходимого для нормальной жизни,
руб. на 1 чел. в мес.

Показатель	Эвенкия	Хакасия	Иркутск. обл. и Бурятия
<i>Экспертный опрос</i>			
Черта бедности	750	540	994
Необходимый доход	4200	4500	2680
<i>Массовый опрос</i>			
Черта бедности	900	600	1100
Необходимый доход	3000	2460	3280

При оценке черты бедности (что означает, по сути, просто уровень физического выживания) эксперты во всех трех регионах также указали меньшую цифру, чем участники массового опроса. В то же время, обозначая примерный уровень нормальных доходов (при всей условности подобного рода оценок), эксперты в Эвенкии и Хакасии назвали гораздо большую сумму, чем рядовые работники. Если, допустим, отношение черты бедности к уровню нормальных доходов для экспертов в Эвенкии составляет 1:5,6, то для участников массового опроса это соотношение равно 1:3,3. В Хакасии этот разрыв еще больше – соответственно 1:8,3 и 1:4,1.

Специфическая ситуация сложилась в сельских районах Иркутской области и Бурятии, где респонденты из числа рядовых граждан назвали более высокий, по сравнению с экспертами, уровень нормальных доходов. Одна из причин подобной аномалии, на наш взгляд, заключается в том, что большинство экспертов здесь составили инженерно-технические работники добывающих отраслей, где одной из главных проблем стала выплата задолженности по заработной плате. В такого рода случаях, как показывает опыт других регионов, расчет с работниками осуществляется посредством натуральных выплат, бартерных операций, введения квазиденежных единиц. Естественно, что лица из руководящего состава предприятий получают больше преимуществ, чем рядовые работники, и способны обеспечить существование своих семей при меньшем количестве сугубо денежных доходов.

В современных условиях наиболее распространенной моделью обеспечения жизни населения сибирской провинции, в первую очередь при формировании источников сугубо денежных доходов, стала ось малый город – село. В центре этой оси либо доходы бюджетников и различного рода социальные выплаты, либо градообразующее предприятие. В первом случае опорой и стержнем жизни всей территории является стабильное бюджетное финансирование. Классический пример подобного рода модели выживания – Эвенкийский автономный округ. На состоявшемся весной 1999 г. съезде сельских жителей и сельских товаропроизводителей округа глава местного самоуправления приполярного пос. Ессей заявила буквально следующее: “В совхозе, где работает 100 человек, пять лет не выплачивается зарплата, в социальной сфере трудится 90 человек, на заработную плату которых выживает почти весь поселок”. Население же поселка, между прочим, составляет 680 человек. То же самое в столице округа Туре. В связи с тем, что это столица субъекта Российской Федерации, здесь по необходимости представлены все федеральные структуры. На получаемые в этой сфере доходы живет, по большому счету, весь округ. Подавляющее большинство экспертов в Эвенкии отметили в качестве основных источников доходов населения именно зарплату на предприятии или в учреждении, а также пенсии и пособия.

Еще одним доказательством сказанному могут служить данные статистики. В отчете о социально-экономическом положении Эвенкийского АО за первое полугодие 1999 г. приводятся такие цифры: в промышленности и сельском хозяйстве произведено в целом продукции на 17,7 млн руб.; за тот же период денежные доходы населения составили 81,8 млн руб. Разница – 4,6 раза.

Немаловажным источником доходов стала и гуманитарная помощь, масштабы которой постоянно растут. Так, в Эвенкии зимой 1998–1999 гг. было получено 9 тыс. продовольственных посылок, на сумму 5 млн руб., 22 т одежды и обуви из Швеции³. И это при том, что населения здесь меньше 20 тыс. человек и гуманитарную помощь получила, и не по одному разу, практически каждая малоимущая семья. Правда, большая часть полученных вещей, а нередко и продуктов, очень часто оказывается в коммерческих магазинах, где их меняют на спиртное.

Источник “живых денег” на селе – либо пенсии и пособия, либо выручка от торговли продуктами домашнего хозяйства в более крупном и, как правило, урбанизированном центре. Чем дальше от такого центра находится село, тем хуже там ситуация. Она еще более осложняется тогда, когда данный населенный пункт был раньше центром хорошо развитого, с соответствующими доходами и снабжением, а ныне пришедшего в полный упадок производства (графитовый рудник в пос. Ногинск в Эвенкии, леспромхоз в с. Верхняя Сея в Хакасии).

Ярким примером второй модели выживания может служить шахтерский городок Абаза (Хакасия), где расположен крупный рудник, на котором добывается железная руда. Если несколько лет назад рудник испытывал значительные трудности со сбытом и на предприятии образовалась большая задолженность по зарплате, то большие трудности испытывало и население прилегающих сельских населенных пунктов. “Живых денег” здесь было немного, продажа произведенной сельскохозяйственной продукции на других рынках, в частности в Абакане, себя не оправдывала из-за высоких транспортных расходов, основой существования были, как и в сегодняшней Эвенкии, пенсии и социальные выплаты. Теперь же финансовое положение рудника стало гораздо более устойчивым, и все произведенные на селе излишки продукции (мясо, молочные продукты) продаются в Абазе, благодаря чему у сельчан есть стабильный источник доходов. В прилегающих к Абазе селах обычной становится практика содержания одной семьей нескольких голов крупного рогатого скота, в первую очередь коров, а также свиней, большого количества домашней птицы, и подобного рода домашние хозяйства уже нельзя назвать только натуральными.

Когда такого центра нет (Иркутская область), ситуация самая тяжелая, и это выражается в том, что население именно этого региона в наибольшей степени проявило готовность принять участие в демонстрациях и митингах протеста. Нет и хорошего козыря для торга с федеральной властью в лице аборигенного населения (как в Эвенкии и, отчасти, в Хакасии). Если же в условном “центре” территории есть экономические структуры, не связанные с бюджетной сферой (жилищно-коммунальное хозяйство) или крупным предприятием, имеющим стабильный доход, то проблемы задолженности касаются его также в полной мере. (Ю.М.Плюснин справедливо назвал ситуацию в этой сфере крепостничеством.) Руководители тех же слюдяных и золотодобывающих предприятий в Иркутской области или жилищно-коммунального хозяйства в Туве абсолютно не заинтересованы в том, чтобы выплатить своим работникам долги по зарплате (что они и подтверждали в частных беседах), потому что значительная часть из них тут же постарается уехать на “большую землю”. А так существующая задолженность, средний размер которой превышает 100 тыс. руб. и более, заставляет людей работать, по сути, бесплатно, поскольку две буханки хлеба в день зарплатой назвать можно только с очень большой натяжкой.

Стремление к стабильности сегодня стало одной из главных установок населения, поскольку годы бурных потрясений очень сильно измотали людей. Отнюдь не случайно, что “наличие денег, работы и обеспечения ими стабильности жизни ... главные признаки свободного человека в представлении самой многочисленной группы сегодня”⁴. И желание того или иного руководителя что-то изменить в сложившейся системе жизнеобеспечения вызывает сильную негативную реакцию. Так случилось, например, в Эвенкии, где губернатор решил сломать сложившуюся за десятилетия систему снабжения топливом. Выполнению смелого плана помешали как объективные, так и субъективные (по большей части политические) причины, но, по данным проведенного опроса, больше половины взрослого населения Туры было готово принять участие в выступлениях и митингах протеста против руководства округа (табл. 2). Надо отметить, что опрос проводился именно в тот период, когда проблема снабжения округа топливом на предстоящую зиму стояла особенно остро и напряжение людей достигло крайних пределов.

Т а б л и ц а 2

Распределение ответов на вопрос: “Если состоятся митинги, демонстрации протеста против падения уровня жизни, роста цен и других, вы лично примете в них участие?”, %

Вариант ответа	Эвенкия	Хакасия	Иркутск. обл. и Бурятия
Нет	24,5	37,7	33,3
Скорее всего, нет	11,7	16,9	14,3
Если пойдут друзья и близкие, пойду и я	13,8	13,0	10,7
Принял бы, но в рамках закона	41,5	20,1	23,8
Безусловно принял бы участие	8,5	12,3	17,9

Вместе с тем большинство потенциальных противников местного руководства готовы принять участие в подобного рода выступлениях только “в рамках закона” (см. табл. 2), и прежде всего в целях сохранения все той же стабильности. В этой связи вполне оправданными представляются характеристики, данные рядом отечественных исследователей особенностей ценностных установок современных россиян, когда строй, сформировавшийся в России, обозначается как “квазиавторитарный”. Для не менее чем 20% населения “идеальным представляется жесткий государственный контроль над экономикой при сохранении политических прав и свобод... Подобного режима в истории не было, тем не менее для многих российских граждан это желанный идеал, соединяющий привычную ориентацию на государство-хозяина, государство-отца с некоторыми по виду либеральными предпочтениями в политической сфере – например, свободными выборами”⁵.

В условиях оторванности от “материка” возникает особое отношение к власти: она сильно персонифицирована, т.е. население всегда находит конкретного виновника своих бед. Нет топлива, света, продуктов, пенсий, зарплат – виновато не абстрактное правительство, а конкретный человек – губернатор, глава администрации района или поселка, директор совхоза. Зачастую у людей просто нет иного выхода, как становиться “профессиональными” просителями, ведь в условиях полной зависимости от центра (а бюджет той же Эвенкии дотационный чуть ли не на 100%) главным оказывается лицо, средства распределяющее. Поэтому у дверей кабинетов губернатора и его заместителей постоянная очередь из просителей. Многие ходят туда с детьми – для создания соответствующей психологической атмосферы.

В силу того, что “царь высоко, а барин близко”, люди в провинции невысоко оценивают эффективность усиления федеральной власти, поскольку это мало отразится на их повседневной жизни. В табл. 3 приводятся данные массового опроса о потенциальных последствиях усиления власти президента, причем для большей ясности даны только крайние оценки, без учета промежуточных вариантов. Хорошо видно, что самые низкие оценки перспективе усиления центральной власти даны в наиболее удаленных от крупных городов районах Сибири.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: “Насколько усиление власти президента будет способствовать улучшению положения дел в стране?”, %

Вариант ответа	Эвенкия	Хакасия	Иркутск. обл. и Бурятия
Никакого значения иметь не будет	29,3	32,4	39,5
В максимальной степени повлияет на улучшение дел в стране	20,7	32,4	23,5

Возникает вопрос о том, как на изменение ситуации с жизнеобеспечением влияют действия самого населения. Оценки экспертами отдельных составляющих социально-профессионального потенциала территории (интенсивность труда, уровни развития частного сектора, предпринимательства и коммерческой деятельности населения) во всех регионах были в основном средними (табл. 4–6).

Таблица 4

Распределение оценок интенсивность труда
(шкала от 0 до 7 по возрастанию), %

Балл	Эвенкия	Хакасия	Иркутск. обл. и Бурятия
0	–	2	–
1	5,56	4	–
2	19,44	8	11,1
3	27,78	31	55,56
4	33,33	39	33,33
5	13,89	6	–
6	–	6	–
7	–	4	–

Т а б л и ц а 5

Распределение оценок состояния и уровня развития частного сектора
(шкала от 0 до 7 по возрастанию), %

Балл	Эвенкия	Хакасия	Иркутск. обл. и Бурятия
0	—	—	—
1	25	2	22,22
2	19,44	8,2	11,11
3	30,56	26,5	27,78
4	22,22	28,6	27,78
5	2,78	10	11,11
6	—	16,3	—
7	—	8,2	—

Т а б л и ц а 6

Распределение оценок состояния и уровня развития предпринимательства
и коммерческой деятельности (шкала от 0 до 7 по возрастанию), %

Балл	Эвенкия	Хакасия	Иркутск. обл. и Бурятия
0	—	—	—
1	13,89	14,3	—
2	8,33	8,2	—
3	38,89	18,4	27,78
4	22,22	32,7	44,44
5	11,11	14,3	16,67
6	5,56	8,2	11,11
7	—	4,1	—

Однако вопрос о том, какова интенсивность труда, насколько развита экономическая самостоятельность населения, не имеет однозначного ответа. Все дело в том, что население тщательно скрывает свои доходы, не связанные непосредственно с работой на государство, от контролирующих структур. К тому же интенсивность труда не имеет жесткой зависимости от получаемых в результате доходов. В сельской местности господствует бартер, часто с экономической точки зрения дикий. Так, в Эвенкии в разгар охотничьего сезона шоферы на зимниках меняют две бутылки водки на шкурку соболя или тушу оленя. Цены на отпускаемые в коммерческих магазинах в долг товары при расчете с должником могут повыситься в несколько раз. Кроме того, необходимо учитывать, что при оценке уровня развития предпринимательской и коммерческой деятельности населения большинство экспертов из числа работников органов власти и управления исходили из того, что слабо развита та ее часть, которая связана прежде всего с производством товаров, а высокая степень распространения частной торговли (в одной только Туре с населением менее чем 6 тыс. чел. — более 100 зарегистрированных магазинов) воспринимается как достижение вчерашнего дня. И если 127 фермерских хозяйств производят только 4% всей сельскохозяйственной продукции округа, то и уровень развития предпринимательства оценивается как низкий.

Выясняя вопрос о том, какое влияние оказывают особенности повседневного существования на мировоззрение населения, мы спрашивали наших экспертов, в каких, по их мнению, сферах наиболее вероятно возникновение напряженности. Полученные ответы представлены в табл. 7.

Т а б л и ц а 7

Распределение ответов на вопрос: "В каких сферах наиболее вероятно возникновение напряженности в современных условиях", %

Вариант ответа	Эвенкия	Хакасия	Иркутск. обл. и Бурятия
Условий для напряженности нет	—	2	—
Идеологическая и религиозная	—	—	—
Этнонациональная и национально-культурная	2,78	6	6,25
Политико-правовая	2,78	4	6,25
Социальная	55,56	48	68,75
Экономическая	38,89	40	18,75

Когда люди очень низко оценивают возможности возникновения межнациональной напряженности, они скорее всего немного лукавят. Возможно, это связано с тем, что проблемы в социальной и экономической сферах кажутся им намного более серьезными. Тем не менее из-за обострения борьбы за ресурсы (опять-таки государственные, поскольку речь идет только о принципах их распределения) напряженность становится все более заметной. Пример тому – усиливающееся предубеждение по отношению к формирующемуся в Туре таджикскому землячеству – это около 30 семей, приехавших сюда за последние три года по приглашению главы администрации района, таджика по национальности. В этих переселенцах местные жители видят конкурентов в борьбе за рабочие места: они занимают должности водителей, сторожей, строителей (заказы по линии администрации). Не все однозначно относятся и к сохранению льгот и привилегий для аборигенного населения (охотничьи участки, льготы при поступлении в учебные заведения, гуманитарная помощь и т.д.), и это, по сути, проявление конкуренции в борьбе за природные ресурсы, которая еще более обострится, если начнется промышленная эксплуатация нефтегазовых месторождений. Нельзя назвать однозначной и ситуацию в сфере межнациональных отношений также в Хакасии и Бурятии.

Очень сложная ситуация наблюдается в сфере религиозных отношений, хотя большинство респондентов оценили религиозность населения не слишком высоко. Во многих регионах Сибири очень активно действуют различные протестантские церкви, прежде всего это относится к баптистам, а в последнее время и к мормонам. В с. Нидым, который находится в 25 км от столицы Эвенкии, с весны 1999 г. живут три семьи американских миссионеров-мормонов, и судя по всему, намерены жить в этом селе не один год. В то же время религиозные ориентации населения постоянно меняются, нередки случаи перехода из одной веры в другую, например из баптизма в православие. Аборигенное население пытается возродить шаманские культы, в Хакасии даже существует юридически зарегистрированное шаманское общество, в Республике Тыва мирно сосуществуют шаманство и ламаизм. Постоянная смена вероисповедания – это свидетельство того, что человек стремится, но не в состоянии заполнить существующий мировоззренческий вакуум.

Реально перспективы развития экономической, а значит, и социальной сферы в регионах Сибири, в первую очередь в Эвенкии, большинство экспертов, как отвечавших на вопросы “Анкеты эксперта”, так и опрошенных в ходе неформализованных интервью, связывают только с эксплуатацией минеральных ресурсов, в данном случае – с началом добычи нефти и газа. Забота же местной элиты сводится лишь к тому, чтобы выторговать себе (хотя обычно это подается в качестве заботы о благе населения, чаще всего аборигенного) как можно более выгодные условия. В этой же сфере, так или иначе, происходит и основная борьба за власть, выразившаяся в противостоянии губернатора Эвенкийского АО и главы Красноярского края. В соответствии с условиями проведенного в начале 1996 г. тендера на право разработки нефтяных и газовых месторождений Эвенкии должна будет получать не менее 25% прибыли от продажи добытого на ее территории углеводородного сырья. Робко звучавшие голоса о необходимости развития сферы туризма теперь почти не слышны, весь смысл существования местного населения сводится к ожиданию “светлого будущего”, когда округ превратится во второй Кувейт. Между тем в действительности перспективы промышленной разработки нефтяных богатств Эвенкии являются настолько неопределенными (слишком велик должен быть объем первоначально вложенных сюда средств), что эти мечты на ближайшие лет десять явно нереализуемы.

Аналогичная ситуация сложилась и в с. Верхняя Сея в Хакасии. Здесь все ждут начала строительства федеральной автодороги из Кемеровской области в Туву, которая должна пройти через село и обеспечить все его население работой, сделать это село одним большим придорожным трактиром, как обычно и происходит с придорожными селами на дорогах Сибири (пример – федеральная дорога Абакан – Кызыл).

Объяснение данного феномена необходимо искать в том, что сложился уникальный тип хозяина, желающего “иметь, но не работать” либо действующего по принципу “мне должны (государство, местная власть), я не должен”. Причем эта “интернатская” психология (а выражение “большой интернат для взрослых” приходится слышать очень часто) характерна как для основной массы населения проблемных регионов, так и для органов власти. В этой связи приведем заключение из отчета управления статистики Эвенкийского АО за первое полугодие 1999 г.: “Сложная социально-экономическая ситуация, сложившаяся в ЭАО, настоятельно требует принятия со стороны федеральных органов государственной власти кардинальных мер, направленных на решение сложнейших проблем округа, вопросов жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, населяющих его территорию”.

При всем этом следует констатировать факт реально произошедшей стихийной приватизации земли – в виде либо охотничьих угодий, либо земельного надела. Добытые пушнина, мясо идут на свободную реализацию. В Эвенкии в охотничий сезон 1998 г. заготовили 12,3 тыс. шкурок соболя по линии государственных закупок, а еще 3 тыс. (по другим данным, примерно 12 тыс.) ушло по неконтролируемым каналам, т.е. перекупщикам. Один из них в разговоре с автором этой статьи так определил свою позицию: “Зачем мне

работать (его прежним местом работы был местный отряд военизированной пожарной охраны. — А.А.), не получая зарплату по несколько месяцев. Проще и выгодней дожидаться зимы и заработать на перепродаже пушнины и мяса (возя их с Севера в Красноярск. — А.А.) столько, что хватит прожить до следующего года”.

Естественно, что все это натывается на препоны со стороны государственных либо совхозных структур, т.е. взимается своеобразная рента. Свою долю получают транспортники, местное самоуправление. Часть населения вообще предлагает запретить свободную реализацию мяса и пушнины, поскольку это “достояние всех жителей округа”⁶. Однако подобные оценки уже большая редкость, стремление к индивидуальному благосостоянию сильнее, чем желание раздать “всем сестрам по серьгам” и выживать “всем миром”.

Примечания

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Московского общественного научного фонда (проект № SP-99-1-14) и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-03-00290).

² См.: Плюснин Ю.М. Жизнь вдали от государства // ЭКО. — 1999. — № 12; Он же. Воля к жизни в социологическом измерении // Гум. науки в Сибири. — 1998. — № 1; Он же. Психология выживания: мировоззрение и социальные диспозиции поморского населения Русского Севера // Гум. науки в Сибири. — 1997. — № 1; и др.

³ Данные взяты из неопубликованной стенограммы Первого съезда сельских жителей и сельхозтоваропроизводителей Эвенкийского АО.

⁴ См.: Шабанова М.А. Образ свободы в реформируемой России // Социс. — 2000. — № 2.

⁵ Пантин В.И., Лапкии В.В. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // Pro et contra. — 1999. — Т.4, № 2. — С.154.

⁶ Из неопубликованной стенограммы Первого съезда сельских жителей и сельхозтоваропроизводителей Эвенкийского АО.

В.Н. Тузужекова
(г. Абакан)

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ХАКАССКОГО НАРОДА*

За восемь лет либерального реформирования экономики в Республике Хакасия произошли большие изменения. В первую очередь это разгосударствление и приватизация общенародной собственности, проведенные здесь ускоренными темпами, как и было рекомендовано центром, — в основном в 1992–1995 гг. По свидетельству официальных источников, в конце 1999 г. лишь 4,7% предприятий из общего числа учтенных субъектов экономики Хакасии оставались государственными, все остальные относились к частной (77%) и прочим формам собственности.

Большое внимание в Хакасии уделяется развитию рыночной инфраструктуры. Благодаря этому на территории республики действует целый ряд кредитных организаций, в том числе три самостоятельных (хакасских) коммерческих банка. Функционирует шесть страховых компаний, из них пять являются негосударственными предприятиями. В республике проведена большая работа по поддержанию и развитию малого предпринимательства, прежде всего по формированию инфраструктуры малого бизнеса. Сегодня активно работают Фонд поддержки малого предпринимательства, Хакаское агентство развития предпринимательства и другие организации. Деятельность около 15 тыс. малых предприятий, 20 тыс. предпринимателей существенно сдерживает рост безработицы, обеспечивает насыщение рынка необходимыми товарами и услугами, становится базой налоговых поступлений в бюджет.

Уделяется внимание развитию экономических связей с другими регионами, а также внешнеэкономических, прилагаются усилия по стабилизации положения в сельском хозяйстве, ряде отраслей промышленности, производственной инфраструктуры, социальной сфере. В 1999 г. в некоторых отраслях промышленности и на транспорте наметились положительные сдвиги, начался рост производства, увеличились перевозки грузов. Однако те потери, которые были допущены в экономике республики в 1992–1998 гг., возмещать очень трудно. Так, в 1998 г. в промышленности Хакасии мощности по производству контейнеров использовались на 9,4%, пиломатериалов — на 14, кирпича — на 20, шерстяных тканей — на 6, консервов мясных — на 33, цельномолочной продукции — на 10% и т.д.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №00-03-00290).

Нынешние объемы строительно-монтажных работ несопоставимы с их уровнем конца 80-х – начала 90-х годов. Почти во всех отраслях материального производства активная часть основных фондов устарела, уволена большая часть высокопрофессиональных инженерно-технических и рабочих кадров, нет средств на обновление оборудования и технологий.

По-прежнему в кризисном состоянии находится сельское хозяйство. Посевные площади сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий по сравнению с 1991 г. сократились более чем на 200 тыс. га, поголовье крупнорогатого скота – более чем на 100 тыс. голов, овец – более чем на 1 млн 300 тыс. Поголовье свиней и лошадей в 1998 г. составило менее 60% к уровню 1991 г.

Чрезвычайно высокой оказалась социальная цена перехода к рыночной экономике, несмотря на принимаемые государством, республиканскими и местными органами власти меры по борьбе с обвальным снижением уровня жизни населения, бедностью, безработицей, ростом преступности и социально обусловленных заболеваний. Статистические данные за 1999 г. свидетельствуют, что среднедушевые доходы 52% населения Хакасии были ниже величины прожиточного минимума. Усиливается дифференциация в уровне жизни различных слоев населения: по официальным данным, доходы 10% наиболее обеспеченных жителей республики превышают доходы 10% наименее обеспеченных в 12,4 раза¹. Численность безработных составила почти 30 тыс. чел.

Растет количество правонарушений, особенно по таким видам преступлений, как кражи, разбой, грабежи, незаконный оборот оружия. Среди лиц, совершивших преступления, 54,8% не имели постоянного источника дохода.

В 1999 г. по сравнению с 1998 г. на 90% увеличилось число случаев заболевания бактериальной дизентерией, на 38,3 – гонореей, на 9,6% – впервые выявленным туберкулезом.

Большое беспокойство вызывает складывающаяся демографическая ситуация. С 1993 г. в республике идет естественная убыль населения, численность умерших в последние годы стабильно превышала численность родившихся. По данным Госкомстата Республики Хакасия, число умерших на 1000 чел. увеличилось с 10 чел. в 1990 г. до 13 в 1998 г. и 14 в 1999 г. В это же время число родившихся на 1000 чел. сократилось с 15 до 10 чел. Ежегодно естественные потери населения Хакасии превышают 2 тыс. чел. Эти потери уже не могут компенсироваться за счет миграционного прироста, и с 1996 г. наблюдается сокращение общей численности населения республики².

В области миграционных процессов в Хакасии наблюдается следующая картина. В 1996 г. в республику прибыло 21165 чел., в том числе 2925 хакасов, в 1997 г. – 20867 (2929 хакасов), в 1998 г. – 19077 (2605 хакасов), в 1999 г. – 19967 чел. (2451 хакас). Итого прибыло 81076 чел., в том числе хакасов – 10910 чел., или 13,5%. Выбыло в 1996 г. 19529 чел., в том числе хакасов – 2773, в 1997 г. – 19068 (2761 хакас), в 1998 г. – 17836 (2455 хакасов), в 1999 г. – 18942 чел. (2279 хакасов). Итого выбыло 75372 чел., из них хакасов – 10268 чел., или 13,6%. Таким образом, за четыре года миграционный прирост в абсолютных цифрах достиг 5704 чел., прирост хакаского населения – 642 чел. (11,3%)³.

Микроперепись населения 1994 г. охватила 5% жителей Республики Хакасия. На анкеты отвечал 28961 чел., в том числе 20390 горожан и 8571 сельский житель. По данным этой микропереписи, произошло сокращение доли коренного населения до 9,8% – за счет роста смертности⁴. Неутешительны и данные за 1999 г. (см. таблицу).

Естественное движение хакаского населения в 1999 г., чел.

Показатель	Все население	Город	Село
Число родившихся			
мужчины	462	161	301
женщины	347	137	248
оба пола	809	298	549
Число умерших			
мужчины	531	147	384
женщины	441	142	299
оба пола	972	289	683

Усиливается процесс старения коренного населения. Среди женщин-хакасок репродуктивного возраста: 1) не имеющих детей и не намеренных ими обзаводиться – 39,5%, предполагающих родить одного ребенка – 30,5, двух – 26,7, трех и более – 2,9%; 2) имеющих одного ребенка и не планирующих рождение второго – 62,2%; 3) имеющих двух детей и не намеренных родить третьего – 94,1%. В этих условиях встает серьезная задача сохранения хакасов как народа со своей уникальной историей и культурой.

Практически во всех сельских населенных пунктах, где компактно проживают хакасы, люди остались без работы. Они не смогли адаптироваться к изменившейся обстановке и зачастую не видят выхода из создавшегося положения. Распространились пьянство, алкоголизм, а теперь и наркомания, растет число самоубийств. В 1997 г. в Кызласовском сельсовете Аскизского района родилось 19 чел., а умерло 54, из них только двое естественной смертью; в Новомарьловском сельсовете Орджоникидзевского района родилось 22 чел., а умерло 52.

О самочувствии хакасского народа говорят данные социологического исследования, проведенного в сентябре 1999 г. сотрудниками ХакНИИЯЛИ совместно с сектором этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН в пяти районах и двух городах республики (Аскизский, Таштыпский, Усть-Абаканский, Бейский, Алтайский районы, Абакан и Абаза). Опрашивались эксперты – 218 чел., из них 85,8% хакасов. Оценки изменений в различных сторонах жизни хакасского народа в годы реформ (1991–1999 гг.), данные самими хакасами, следующие:

- 1) обеспечение продуктами питания: улучшилось – 33,7% ответов, ухудшилось – 54,5%;
- 2) денежные доходы на одного человека: увеличились – 0,5%, уменьшились – 95,2%;
- 3) состояние здоровья населения: улучшилось – 0%, ухудшилось – 94,1%;
- 4) состояние здоровья детей до 18 лет: улучшилось – 0%, ухудшилось – 85,6%;
- 5) ситуация с занятостью населения: улучшилась – 0%, ухудшилась – 91,4%;
- 6) ситуация с пьянством, наркоманией: улучшилась – 1,6%, ухудшилась – 94,7%;
- 7) состояние сельхозпроизводства в хакаских селах: улучшилось – 2,1%, ухудшилось – 93%;
- 8) состояние психологического здоровья нации: улучшилось – 0%, ухудшилось – 93,6%;
- 9) жилищные условия у хакасов: улучшились – 3,2%, ухудшились – 76,5%;
- 10) национальное самосознание: выросло – 42,8%, снизилось – 12,8%;
- 11) тяга населения к традиционным верованиям (шаманизму и др.): усилилась – 57,8%, уменьшилась – 1,6%.

В группе наиболее острых проблем в жизни хакасского народа отмечены: 1) недостаточная предприимчивость хакасов в условиях рынка (среди опрошенных мужчин на эту проблему указали 66,2%, среди женщин – 77,3%); 2) разрушение экономических и социальных основ жизни народа реформами (соответственно 33,8 и 42%); 3) высокий уровень безработицы (41,2 и 37%); 4) недостаточная сплоченность хакасского народа (77,9 и 70,6%); 5) отсутствие единства среди национальных лидеров (73,5 и 80,7%).

В этих сложных условиях необходимо использовать исторический опыт. Вспомним реформы М.М.Сперанского, его “Устав об управлении инородцами” (1822 г.). Сперанским была создана уникальная для того времени система взаимоотношений государственной власти и коренных народов, учитывающая опыт их исторического, правового, экономического развития. В советский период были разрушены традиционный образ жизни и система традиционного природопользования, особенно в 30–50-е годы. В ходе освоения целины и создания Саянского ТПК сотни историко-культурных памятников были просто уничтожены. Чтобы оградить национальное достояние от вандализма, необходимо с помощью Всемирного фонда дикой природы сформировать в Хакасии первый в России этноэкологический рефугиум (убежище). Создание рефугиумов – один из путей сохранения историко-культурного наследия народов Сибири.

Примечания

¹ Хакасия. – 2000. – 12 февр.

² См.: Демографический ежегодник Республики Хакасия: Краткий статистический сборник. – Абакан, 2000. – С.1.

³ Данные взяты из текущего архива Правительства Республики Хакасия (национальный состав мигрантов в 1996–1999 гг.).

⁴ Данные из текущего архива Государственного комитета Республики Хакасия по статистике.

В.С.Золототрубов
(г. Новосибирск)

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМ 90-Х ГОДОВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТУВИНЦЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)*

В качестве подготовительной части комплексного этносоциального исследования "Проблемы развития тувинского этноса в условиях российских реформ 1990-х годов", осуществляемого Институтом философии и права СО РАН и Тувинским государственным университетом (научные руководители проекта д-р филос. наук Ю.В.Попков и д-р ист.наук З.Ю.Доржу), летом 1999 г. сотрудниками Тувинского государственного университета было проведено социологическое обследование экспертов. Целью этого обследования было выявление наиболее актуальных проблем развития тувинского этноса на современном этапе и уточнение гипотез для формирования программы более широкого исследования.

Экспертами выступили представители интеллигенции – работники науки, органов государственного управления, образования, культуры, руководители сферы материального производства, предприниматели. В основном это тувинцы, лишь каждый пятый эксперт принадлежит к нетитульной национальности. Последние опрошены для сравнения их мнений с мнениями тувинских экспертов.

Анонимная "Анкета эксперта" включала 10 блоков вопросов, связанных с оценкой 25 показателей этносоциального развития.

Изменения в *социально-демографической сфере* оценивались по шести признакам: 1) состояние здоровья населения; 2) состояние здоровья детей до 18 лет; 3) ситуация с пьянством, наркотизацией; 4) ситуация с правонарушениями, преступностью; 5) психологическое состояние нации; 6) уверенность в будущем (оптимизм). Распределение полученных оценок показано в табл. 1.

Таблица 1

Распределение экспертных оценок изменений
в социально-демографической сфере жизни тувинцев в 1991–1999 гг., %

Признак	Тувинцы					Русские				
	Улучши- лось	Не изме- нилось	Ухуд- шилось	Трудно оценить	Нет ответа	Улучши- лось	Не изме- нилось	Ухуд- шилось	Трудно оценить	Нет ответа
Состояние здоровья населения	–	5,0	88,3	6,7	–	–	–	96,4	3,6	–
Состояние здоровья детей до 18 лет	–	4,2	84,2	10,0	1,7	3,6	7,1	78,6	10,7	–
Психологическое состояние нации	2,5	5,0	76,7	15,8	–	7,1	3,6	75,0	4,3	–
Ситуация с пьянством, наркотизацией	2,5	3,3	90,8	1,7	1,7	7,1	10,7	82,1	–	–
Ситуация с преступностью	4,2	9,2	77,5	9,2	–	3,6	28,6	57,1	10,7	–
Уверенность тувинцев в будущем	11,7	12,5	35,8	39,2	0,8	7,1	10,7	53,6	28,6	–

В количественном отношении оценки, данные экспертами-тувинцами и русскими, достаточно близки, что может говорить об их определенной однозначности. У тувинцев несколько больше положительных оценок, касающихся уверенности населения в будущем, но этот оптимизм весьма умеренный. Вероятно, его можно связывать с укреплением государственности Республики Тыва. Весьма отрицательно эксперты-тувинцы оценили состояние здоровья населения, его психологическое состояние, ситуацию с пьянством и наркотизацией. Отрицательных оценок этих показателей у тувинцев больше, чем у русских экспертов, что может свидетельствовать о высоком уровне тревоги у тувинской интеллигенции за судьбы своего народа.

В целом эксперты отрицательно оценили воздействие реформ на социально-демографическую сферу жизни тувинцев, отметив ухудшение ситуации по всем приведенным признакам. Подобное ухудшение на-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (№ 00-03-00290).

блюдается и в других регионах Российской Федерации, что видно из многочисленных публикаций в средствах массовой информации и из научной литературы. Необходимость постоянных научных мониторинговых исследований процессов, происходящих в обществе на современном этапе его развития, обусловлена не только потребностью изучения их динамики, но и их региональными различиями. Вместе с тем оценки респондентов, в частности экспертов, не следует рассматривать в качестве непреложной истины. Так, в нашем обследовании эксперты высказали мнение о том, что ситуация с преступностью у тувинского населения ухудшается. Действительно, данные государственной статистики о числе зарегистрированных преступлений свидетельствует, что Республика Тыва опережает в этом отношении другие регионы Восточной Сибири. Однако очевидна тенденция снижения числа зарегистрированных преступлений в Туве и их роста в соседних регионах (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Число зарегистрированных преступлений
по регионам Восточной Сибири на 100 тыс. населения*

Регион	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Республика Бурятия	1828	2380	2251	2170	2580
Республика Тыва	3201	3655	3230	2810	2713
Республика Хакасия	1740	2197	2151	2025	2222
Красноярский край	1814	2221	2273	2145	2417
Иркутская область	1936	2271	2252	2161	2317

* См.: *Семья в России: Стат. сб.* – М., 1996. – С. 227.

На мнение экспертов может влиять то, что уровень преступности остается высоким (хотя важно отметить, что в таблице приведены данные по выявленным преступлениям по республике в целом, а не среди тувинцев).

Изменения в *социально-экономической сфере* оценивались по восьми признакам: 1) состояние сельскохозяйственного производства в тувинских селах; 2) обеспечение населения продуктами питания; 3) денежные доходы на одного человека; 4) ситуация с занятостью тувинского населения; 5) квалификация занятого населения; 6) предпринимательская активность тувинского населения; 7) жилищные условия населения; 8) экологическая ситуация в республике. Распределение оценок, данных экспертами, показано в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Распределение экспертных оценок изменений в социально-экономической
жизни тувинцев в 1991–1999 гг., %

Признак	Тувинцы					Русские				
	Улуч- шилось	Не изме- нилось	Ухуд- шилось	Трудно оценить	Нет ответа	Улуч- шилось	Не изме- нилось	Ухуд- шилось	Трудно оценить	Нет ответа
Состояние сельскохозяй- ственного производства в тувинских селах	4,2	5,0	88,3	2,5	–	3,6	3,6	92,9	–	–
Обеспечение населения продуктами питания	63,3	6,7	25,0	3,3	1,7	46,4	7,1	35,7	10,7	–
Денежные доходы на одного человека	1,7	3,3	90,8	3,3	0,8	3,6	–	85,7	10,7	–
Ситуация с занятостью тувинского населения	0,8	4,2	90,8	4,2	–	7,1	3,6	89,3	–	–
Квалификация рабо- тающего населения	17,5	20,0	35,8	25,0	1,7	21,4	21,4	39,3	17,9	–
Предпринимательская активность тувинцев	80,8	4,2	4,2	10,8	–	71,4	7,1	3,6	14,3	3,6
Жилищные условия тувинцев	8,3	21,7	58,3	11,7	–	25,0	21,4	35,7	17,9	–
Экологическая ситуация в республике	4,2	29,2	55,8	10,0	0,8	10,7	28,6	57,1	3,6	–

Так же как и в оценках изменений различных признаков в социально-демографической сфере, в оценках изменений в социально-экономической жизни у экспертов-тувинцев и экспертов-русских наблюдается значительное сходство. И те, и другие (русские эксперты – даже в большей мере) отмечают ухудшение состояния сельскохозяйственного производства в тувинских селах. По мнению большинства экспертов-тувинцев, улучшилось обеспечение продуктами питания, но на самом деле речь идет лишь о сокращении дефицита на продовольственном рынке, а не о росте потребления, поскольку оценка денежных доходов не дает повода к оптимизму: 90,8% тувинцев и 85,7% русских указали на их снижение. Отвечая на вопрос о наиболее острых проблемах в той сфере, где они заняты профессионально, те немногие эксперты, которые представляли предпринимательский слой, среди факторов, сдерживающих расширение их деятельности, отметили низкий уровень спроса на товары и услуги из-за невысоких в целом денежных доходов населения.

Ухудшение деятельности предприятий сказывается и на качестве трудовых ресурсов: 35,8% тувинцев и 39,3% русских указали на снижение их качества. В то же время 17,5 и 21,4% соответственно полагают, что качество трудовых ресурсов улучшилось, – видимо, это можно связывать с увольнением с предприятий наименее квалифицированных работников.

Обострение проблем занятости в общественном секторе экономики и социальной сфере, падение денежных доходов населения побудило тувинцев в 90-е годы активизировать свою деятельность в сфере предпринимательства. На это указали 80,8% экспертов-тувинцев и 71,4% русских.

С понижением уровня жизни связано и ухудшение жилищных условий тувинцев: с одной стороны, недостает средств на строительство дешевого социального жилья, с другой стороны, его приобретение при обострении проблемы роста денежных доходов населения почти нереально. Вероятно, эта проблема в ближайшее время будет обостряться и в сельской, и в городской местности республики. В частности, в г. Кызыле в связи с притоком населения из сельской местности, в составе которого значительна доля тувинской молодежи, жилье становится все более дефицитным.

Падение уровня жизни и ухудшение экологической обстановки непосредственно влияют на состояние здоровья населения республики. Обычно ухудшение экологической обстановки на тех или иных территориях справедливо связывается с деятельностью промышленных предприятий. Промышленность Республики Тыва представлена в основном средними и мелкими предприятиями. Исключение составляют “Тувакобальт” и “Туваасбест”, но первое из этих предприятий по решению правительства Тувы в 1995 г. было закрыто на неопределенное время, а второе уменьшило производство продукции за 1992–1997 гг. на 94%. В целом же промышленное производство Тувы за эти годы сократилось на три четверти¹. В то же время экологи отмечают, что резкое сокращение объемов производства на названных рудодобывающих предприятиях или их закрытие могут усложнить экологическую ситуацию, поскольку брошенные и плохо законсервированные отходы производства могут стать источником заражения и отравления бассейна Енисея мышьяком². Загрязнение может происходить и в силу других причин, в том числе за счет переноса выбросов с сопредельных территорий.

На ухудшение экологической обстановки указали 55,8% экспертов-тувинцев и 57,1% русских, на ее улучшение – лишь 4,2% тувинцев и 10,7% русских.

Таким образом, изменения в социально-экономической жизни тувинцев за годы реформ и эксперты-тувинцы, и эксперты-русские по большинству признаков оценивают как ухудшение ситуации.

Оценки изменений в *социально-культурной сфере* производились по семи признакам: 1) уровень общего образования у тувинцев; 2) уровень профессионального образования; 3) уровень преподавания тувинского языка в школах; 4) знание тувинского языка; 5) развитие духовной культуры (музыки, литературы и др.); 6) тяга к традиционным верованиям (шаманизму, буддизму, ламаизму и др.); 7) национальное самосознание. Распределение полученных оценок показано в табл. 4.

Составляющие данной сферы менее определенные, но общие закономерности их изменений просматриваются. По мнению экспертов, ухудшения в этой сфере менее существенны, чем в других. Наибольшие ухудшения наблюдаются в динамике уровня общего образования у тувинцев: на то, что он снизился, указали 40% экспертов-тувинцев и 50% русских. Вместе с тем значительная доля экспертов (соответственно 22,5 и 21,4%) полагают, что ситуация с общим уровнем образования у тувинцев улучшилась.

Следует заметить, что падение уровня общего образования характерно для населения страны в целом. Данные выборочной переписи 1994 г. говорят о росте доли малограмотного населения. Так, перепись зафиксировала, что в России в 1994 г. начальное образование имел каждый десятый. Среди лиц старше 60 лет таковых было более одной трети, но и в возрастной группе 15–19 лет с начальным образованием насчитывалось 85 чел. на 1000, между тем они должны были бы окончить не менее семи классов школы. В возрастной группе 20–24 года лиц с начальным образованием – лишь пять человек на 1000, в группе 20–34 года – лишь трое³, т.е. налицо процесс увеличения доли малограмотных среди молодежи.

Таблица 4

Распределение экспертных оценок изменений
в социально-культурной сфере жизни тувинцев, %

Признак	Тувинцы					Русские				
	Улуч- шилось	Не изме- нилось	Ухуд- шилось	Трудно оценить	Нет ответа	Улучши- лось	Не изме- нилось	Ухуд- шилось	Трудно оценить	Нет ответа
Уровень общего образова- ния	2,5	20,8	40,0	16,7	—	21,4	3,6	50,0	21,4	3,6
Уровень профессиональ- ного образования	20,0	23,3	25,8	29,2	1,7	25,0	10,7	35,7	28,6	—
Уровень преподавания тувинск. языка в школах	27,5	34,2	10,0	27,5	0,8	17,9	25,0	17,9	35,7	3,6
Знание тувинского языка	37,5	39,2	7,5	15,0	0,8	25,0	39,3	21,4	14,3	—
Развитие духовн. культу- ры (музыки, литературы и др.)	49,2	25,0	15,8	10,0	—	42,9	25,0	21,4	10,7	—
Тяга к традиционным ве- рованиям (шаманизму, буддизму, ламаизму и др.)	85,8	5,8	0,8	6,7	—	82,1	14,0	—	3,6	3,6
Национальное самосозна- ние	47,5	27,5	5,0	18,3	1,7	64,3	14,3	—	17,9	3,6

При оценке уровня профессионального образования эксперты выразили озабоченность развитием профессиональной образовательной структуры тувинского населения. По данным переписи 1994 г., по числу специалистов со средним специальным образованием в возрасте 15 лет и старше в расчете на 1000 чел. населения Республика Тыва находилась на уровне Восточно-Сибирского региона в целом, опережая Бурятию и Хакасию, по числу же лиц с высшим образованием существенно отставала. По всему Восточно-Сибирскому региону в 1994 г. на 1000 населения лиц с высшим образованием насчитывалось 123, в Бурятии – 138, в Хакасии – 107, в Туве – 93⁴. Можно предположить, что такая разница связана с существенным оттоком русского населения из Тувы в годы, предшествовавшие указанной переписи. В то же время эксперты не проявили большого пессимизма относительно проблем профессионального образования. На снижение уровня профессионального образования указали 25,8% экспертов-тувинцев и 35,7% русских, на улучшение – соответственно 20 и 25%.

Вопрос об уровне преподавания тувинского языка в школах как одном из признаков, по которым оценивались изменения в социально-культурной сфере, оказался для экспертов непростым: 27,5% тувинцев и 35,7% русских затруднились ответить на него. Между тем 61,7% тувинцев и 52,9% русских отметили, что уровень преподавания повысился.

Экспертам был предложен также вопрос: “Какие меры по расширению круга знающих тувинский язык вы считаете нужным предпринять в первую очередь?”. На этот вопрос не смогли ответить 34,2% экспертов-тувинцев и 25% русских. Среди ответивших на него тувинцев 15% полагают, что надо “расширить выпуск учебной и детской литературы на тувинском языке”, 11,7 – “обучать тувинскому языку в национальных группах детских садов и яслей” и по 8,3% – “увеличить время вещания по радио и телевидению на тувинском языке” и “увеличить число тувинских и тувинско-русских классов в школах с преподаванием тувинского языка”. У русских ответы распределились так: 21,4% предлагают “ввести факультативное преподавание тувинского языка в русских школах”, 17,9 (т.е. вдвое больше, чем среди экспертов-тувинцев) – “увеличить число тувинских и тувинско-русских классов в школах с преподаванием тувинского языка”, 14,3% (тоже больше, чем среди тувинцев) – “обучать тувинскому языку в национальных группах детских садов и яслей”.

Все русские эксперты отвергли такие меры, как законодательное введение требования об обязательном знании тувинского языка руководителями государственных учреждений республики и увеличение времени вещания по радио и телевидению на тувинском языке. И в фиксированных ответах, и в пункте “Иные ответы”, где эксперты могли выразить свое собственное видение мер по расширению круга знающих тувинский язык, речь шла преимущественно о двуязычии, причем добровольном. Как уже говорилось выше, русские эксперты в большей мере, чем тувинцы, ратуют за обучение языку в дошкольных учреждениях, за увеличение в школах числа классов, в том числе смешанных по этническому составу, с преподаванием тувинского языка. И русские, и тувинцы подчеркивают, что не следует законодательно вводить изучение

тувинского языка в русских школах, но надо открывать соответствующие курсы или организовывать факультативные занятия, если этого желают родители учеников. Необходимо издание учебников тувинского языка и разговорников для русского населения. Лишь один эксперт высказал мнение, что во всех сферах жизнедеятельности тувинский язык должен преобладать, а 7,5% экспертов-тувинцев указали, что нужно законодательно оформить требование об обязательном знании тувинского языка руководителями государственных учреждений.

Экспертам предлагалось оценить остроту таких проблем в социально-культурной сфере жизни тувинского народа, как качество преподавания тувинского языка в школах и недостаточное знание русского языка тувинской сельской молодежью. По первой из этих проблем большинство экспертов, как тувинцев, так и русских, видимо, затруднились с ответом, и она по рангу заняла одно из последних мест. Что касается недостаточного знания тувинской сельской молодежью русского языка, то это отметили, поставив данную проблему на одно из первых пяти мест, 9,4% экспертов-тувинцев и 15% русских. Проблема владения русским языком сельской молодежью действительно существует и, в свою очередь, порождает проблему продолжения образования за пределами Тувы. Не случайно поэтому было высказано мнение, что следует расширить круг специальностей, по которым ведется обучение в Тувинском государственном университете, создать в Кызыле университетский городок, чтобы представители тувинской молодежи могли получать профессию, не выезжая из Тувы. Молодые тувинцы – жители села стремятся перебраться в город, в частности в Кызыл, и знание русского языка способствовало бы лучшей адаптации на новом месте.

Эксперты-тувинцы и русские эксперты оказались единодушны в оценке состояния духовной культуры. Улучшение ситуации в этой области или, по крайней мере, ее сохранение на прежнем уровне в сумме отметили 74,2% тувинцев и 67,9% русских. Усилилась тяга тувинцев к традиционным верованиям, – на это указали 85,8% экспертов-тувинцев и 82,1% русских. Очевидно, что у интеллигенции, в частности у тувинской, это ассоциируется с прогрессом в национальном самосознании.

Изменения в *социально-политической сфере* оценивались по следующим показателям: 1) отношение населения к федеральным властям; 2) отношение к органам государственной власти Тувы; 3) участие населения в управлении государственными делами в республике; 4) состояние межнациональных отношений. Распределение полученных экспертных оценок представлено в табл. 5.

Таблица 5

Распределение экспертных оценок изменений
в социально-политической сфере жизни тувинцев, %

Признаки	Тувинцы					Русские				
	Улучшилось	Не изменилось	Ухудшилось	Трудно оценить	Нет ответа	Улучшилось	Не изменилось	Ухудшилось	Трудно оценить	Нет ответа
Отношение населения к федеральным властям	5,0	26,7	48,3	16,7	3,3	–	32,1	60,7	7,1	–
Отношение населения к органам государственной власти Тувы	1,7	24,2	61,7	12,5	–	7,1	25,0	53,6	14,3	–
Участие населения в управлении государственными делами в Туве	25,0	25,8	24,2	25,0	–	21,4	42,9	21,4	14,3	–
Состояние межнациональных отношений в Туве	24,2	48,3	10,8	16,7	–	35,7	28,6	10,7	25,0	–

Деятельность федеральных и республиканских властей и соответственно ее результаты большинство экспертов, как русских, так и тувинцев, оценили негативно. Отметим, что сами соответствующие вопросы предполагали выявление динамики (“за годы реформ”), что позволяет говорить о существовании устойчивой отрицательной тенденции. Пытаясь оценить один из показателей демократизации общества – степень участия населения в управлении государственными делами в республике, каждый четвертый эксперт-тувинец и каждый седьмой русский затруднились с ответом, что говорит скорее не о некомпетентности экспертов, а о невысоком уровне демократизации в рассматриваемый период, поскольку экспертами выступали преимущественно представители интеллигенции Тувы.

Важной для Республики Тыва является проблема межнациональных отношений. Еще в начале 90-х годов она была весьма острой. Не решена она окончательно и сейчас, что отразилось в оценках экспертов: каждый шестой тувинец и каждый четвертый русский затруднились определить, как эти отношения изменились (или вовсе не дали ответа), а каждый десятый тувинец и столько же русских отметили, что состояние межнациональных отношений ухудшилось. Но все же вселяет оптимизм то, что каждый четвертый тувинец и каждый третий русский считают, что межнациональные отношения в республике улучшились, хотя этот оптимизм и не может быть чрезмерным, поскольку речь идет о массовом сознании, об установках и представлениях, которые не могут изменяться в течение одного-трех лет. Сдержанный оптимизм экспертов, очевидно, связан с переходом межнациональной напряженности из открытой формы в скрытую, тлеющую, которая, как отмечают специалисты, не менее опасна⁵.

Оценки изменений различных сторон жизни тувинского народа за годы реформ (1991–1999 гг.), данные экспертами, позволяют сделать следующие выводы: за рассматриваемый период произошли ухудшения в сферах экономики, политики, демографии, занятости, денежных доходов, ухудшились жилищные условия, состояние здоровья тувинцев, снизился уровень общего и профессионального образования, ухудшились экологическая обстановка. Из 25 показателей жизнедеятельности тувинского народа, предложенных экспертам для оценки, негативно оценены 17, позитивно – восемь, а именно, обеспечение продуктами питания, знание тувинского языка, преподавание тувинского языка в школе, развитие тувинской духовной культуры, тяга коренного населения к традиционным верованиям, рост национального самосознания, состояние межнациональных отношений, предпринимательская активность тувинцев.

Наиболее острые социальные проблемы. Из 17 предложенных экспертам наиболее острых социальных проблем тувинского народа им предлагалось выбрать четыре-пять, по их мнению, самых важных и ранжировать их по степени важности (1 – наиболее важная, 2 – следующая за ней и т.д.).

Перечень проблем коррелировался с оценкой изменений различных сторон жизни тувинцев в ходе реформ 90-х годов и касался сфер социально-демографической (пьянство и алкоголизм), социально-экономической (разрушение промышленности, транспорта и т.д., упадок сельского хозяйства, снижение уровня жизни, недостаток предприимчивости, безработица, необходимость привлечения иностранного капитала в экономику), социально-культурной (национальное самосознание, изучение и функционирование тувинского языка) и социально-политической (степень национального единства, национализм и сепаратизм, зависимость властей республики от центра в бюджетной политике). Эти проблемы были выделены на основе обобщения результатов уже выполненных этносоциальных исследований и консультаций с представителями национальной интеллигенции, выступившими экспертами при подготовке методики. Чтобы на ранжирование проблем не повлияла очередность их перечисления, они были расположены в случайном порядке.

Таблица 6

Важнейшие социальные проблемы тувинцев
в оценке тувинских и русских экспертов

Проблема	Место по степени важности	
	Тувинцы	Русские
1. Рост пьянства и алкоголизма	1	3
2. Высокий уровень безработицы	2	4
3. Разрушение экономической и социальной основ жизни тувинского народа рыночными реформами	3	5*
4. Снижение уровня жизни населения	4	1
5. Упадок животноводства и других отраслей сельск. хозяйства	5	2
6. Недостаточная самостоятельность Тувы в бюджетной политике, зависимость от федеральных властей	6	6
7. Снижение у молодежи интереса к труду, рост иждивенческих настроений	7	5*
8. Недостаточная предприимчивость тувинцев в условиях рынка	8	15

* Два пятых места в оценке русских экспертов объясняются одинаковым количеством баллов, присвоенных соответствующими проблемами.

Таблица 6 отражает значимость указанных проблем в оценке тувинских и русских экспертов. Места распределены в зависимости от рангов (величины набранных баллов) в каждой из групп. Таблица составлена с ориентацией на оценки экспертов-тувинцев по проблемам, которые заняли первые восемь мест из 17.

Некоторые проблемы, в частности рост пьянства, высокий уровень безработицы и т.д., признали в качестве наиболее острых и тувинские, и русские эксперты. В то же время проблема недостаточной предприимчивости тувинского населения, оказавшаяся у тувинцев на восьмом месте, не привлекла особого внимания русских. В свою очередь, проблема роста национализма у русских экспертов заняла седьмое место, у тувинцев – одно из последних. Проблема же социального обеспечения многодетных и неполных семей, которых в Туве большое количество, для тувинцев весьма существенная, и тувинские эксперты поставили ее на девятое место, тогда как среди русских экспертов ни один не определил эту проблему как одну из важнейших. Подобные расхождения в известной степени указывают на различия и интересах национальных групп, что само по себе является проблемой для органов управления Республики Тыва.

Первоочередные меры, направленные на развитие тувинского народа. Экспертам предлагалось выбрать три наиболее важные меры из семи перечисленных или сформулировать свои. Распределение мест, на которые эксперты поставили те или иные меры по степени их важности, показано в табл. 7.

Таблица 7

Первоочередные меры по развитию тувинского народа
в оценке тувинских и русских экспертов

Мера	Место по степени важности	
	Тувинцы	Русские
1. Подъем экономики и уменьшение безработицы	1	1
2. Сохранение и развитие тувинского села	2	2
3. Обеспечение доступности образования и работы для молодежи	3	3
4. Формирование слоя тувинских предпринимателей	4	5
5. Обеспечение паритетного представительства русского населения в органах власти	5	4
6. Расширение связей с др. тюркскими народами России и зарубежья	6	6
7. Установление квоты представительства женщин-тувинок в органах власти Тувы	7	0
8. Другие меры	8	7

Первое, на что следует обратить внимание, – это редкое единодушие тувинских и русских экспертов в определении первых трех мест, что говорит об актуальности реализации указанных мер. В оценке такой меры, как формирование слоя тувинских предпринимателей, мнения тувинцев и русских разошлись: у первых интерес к ней выше, чем у вторых. В свою очередь, в вопросе о паритетном представительстве русских в органах власти наибольшую заинтересованность проявили русские. То есть в оценках тувинских и русских экспертов в определенной мере соблюден национальный интерес. Этот интерес должен был бы присутствовать и в отношении к такой мере, как установление квоты для женщин-тувинок в органах власти. Русские эту меру проигнорировали, и с ними были солидарны мужчины-тувинцы, из которых ни один не высказался в ее пользу. И среди 80 тувинских экспертов-женщин за введение такой квоты высказались лишь пятеро. Объяснения этому могут быть различными: отсутствие проблемы представительства женщин (хотя из пяти депутатов Верховного Хурала, выступивших экспертами, четверо мужчин и одна женщина, при том что в целом среди тувинских экспертов мужчины составили лишь одну треть), сохранение традиции, по которой руководителем должен быть мужчина, наконец, мнение, что руководители должны назначаться по деловым качествам (такое мнение было высказано одним из экспертов – см. ниже). Все эксперты проявили поразительную пассивность в формулировании собственных мер, которые, по их мнению, могли бы способствовать развитию тувинского народа. Предложения были, но они единичны. Предлагалось назначать руководителей по деловым качествам (1 чел.), обезопасить сельское население от краж скота (1 чел.), открыть студенческий городок, чтобы, не выезжая за пределы республики, молодежь могла получать разнопрофильное образование (1 чел.), приобщать молодежь к национальной культуре, формировать национальное самосознание (3 чел.), распространять религиозные верования (1 чел.).

Все эти предложения в тех или иных формах содержатся в ответах на другие вопросы. Что касается кадровых назначений, то среди ответов на вопрос о наиболее острых проблемах в жизни тувинского народа в пункте “Иные ответы” имеется такой: “Развитию тувинской нации мешают круговая порука, родственные связи и коррумпированность власти”. То есть названные проблемы, невзирая на то что на них указали лишь отдельные эксперты, могут существовать реально.

Пассивность экспертов в определении мер, способствующих развитию тувинского народа, проявилась и в следующем. Перечисляя наиболее острые проблемы, стоящие перед тувинским народом, на первое место эксперты-тувинцы поставили рост пьянства и алкоголизма. В предложенном экспертам списке первоочередных мер борьба с этими явлениями нами была опущена, и ни один из экспертов не внес эту меру в перечень неотложных от себя. Пассивность подобного рода, по-видимому, можно трактовать либо как определенную самоотстраненность от указанных проблем, либо как неверие в то, что мнение экспертов будет учтено при принятии управленческих решений.

Общий вывод таков: в определении первоочередных мер по развитию тувинского народа эксперты-тувинцы и эксперты-русские единодушны. Эти меры направлены на подъем экономики и снижение уровня безработицы, на развитие тувинского села, на решение проблем образования и трудоустройства молодежи. Меньше внимания эксперты уделили проблемам политического характера, представительству в органах власти по национальному признаку, хотя надо отметить, что русских этот вопрос беспокоит больше, чем тувинцев.

Наиболее перспективные модели развития тувинского народа. Экспертам предлагалось оценить три модели, или пути (направления), развития тувинского народа: 1) преимущественное развитие традиционного хозяйства и традиционной культуры; 2) широкое участие тувинцев в современной промышленности, бизнесе; 3) сочетание традиционных занятий и культуры с бизнесом и современной промышленностью.

Первые две модели представляют собой антиподы: консервативное развитие и развитие экстремально-модернистское. Третья модель видится "золотой серединой", и именно этот третий путь и предпочли эксперты. За него высказались 68,3% тувинцев и 78,6% русских. Интересно, что и доля высказавшихся за первый, традиционный, путь у русских несколько больше, чем у тувинцев: 14,3% против 10%. Среди тувинских экспертов женщин оказалось больше и в числе консерваторов, и в числе модернистов (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов экспертов-тувинцев
о предпочтительном пути развития тувинского народа, %

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Первый путь	2,5	13,8
Второй путь	10,0	20,0
Третий путь	80,0	62,5
Не ответили	7,5	3,7

Женщины более импульсивны и, казалось, должны быть гораздо большими консерваторами (традиционалистами), чем мужчины. Но в ответе на вопрос, связанный с установками на национальное самосознание, большими традиционалистами проявили себя мужчины (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов экспертов-тувинцев о национальной самоидентификации, %

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Каждый человек должен осознавать свою национальность, знать ее язык, культуру	47,5	46,3
Знать язык, культуру своей национальности необязательно, главное – чувствовать духовное родство со своим народом	12,5	5,0
Национальность и язык в данное время не имеют особого значения, главное – быть достойным человеком	37,5	45,0
Не ответили	2,5	3,8

В целом третье, модернистское, направление выбрали 42,5% экспертов – представителей тувинской интеллигенции, среди которых 90% имеют высшее образование.

Можно сделать общий вывод: по мнению экспертов, как тувинцев, так и русских, наиболее оптимальный путь развития тувинского народа состоит в сочетании традиционного и нового.

Отношение экспертов к купле-продаже земли. В анкете предлагалось высказать отношение к купле-продаже сельскохозяйственных угодий. Вероятно, этот вопрос следовало конкретизировать, указав, что речь идет о пастбищах и пахотной земле. Возможно, его нужно было бы разделить. Ответы экспертов об их отношении к идее купли-продажи земли представлены в табл. 10.

Таблица 10

Распределение ответов экспертов об отношении к купле-продаже земли, %

Вариант ответа	Тувинцы	Русские
Отношусь положительно	27,5	42,9
Отношусь отрицательно	50,0	46,4
Затрудняюсь ответить	22,5	10,7

У русских экспертов доля тех, кто положительно оценивает куплю-продажу земли, более чем на 15% превышает долю таковых у экспертов-тувинцев. В целом эксперты Тувы в положительной оценке этой идеи существенно опережают экспертов Хакасии, где был проведен опрос по схожей методике. Вероятно, это расхождение связано с выбором экспертов. В Туве были опрошены в основном горожане – работники образования, культуры, здравоохранения, которые среди экспертов составили более половины. В Хакасии же опрос проводился как в городской местности, так и в сельской, причем опрашивались в том числе и руководители сельскохозяйственных и промышленных предприятий.

В мотивах положительного и отрицательного отношения к купле-продаже земли наблюдается явное неравновесие. Восемь из десяти экспертов определили свою позицию в вопросе купли-продажи, но каждый пятый из них затруднился с мотивацией этой позиции. У тех экспертов, которые высказались за куплю-продажу земли, основные мотивы были такими: у земли будет хозяин; повысится производство сельскохозяйственной продукции; увеличится трудовая занятость; частная собственность на землю – основа рыночной экономики; уменьшится миграция в г. Кызыл и т.д. Среди всех ответов, отражающих положительное и отрицательное отношение (в сумме), первые составляют 27,3%. Все остальные, кроме 22% ответов тех, кто затруднился высказать свое отношение, содержат негативную оценку идеи купли-продажи земли. Их мотивы можно сгруппировать следующим образом:

тувинцы не готовы к купле-продаже земли, этого не было в исторической традиции, а традиционное занятие – кочевое животноводство (18%);

земля должна быть общей (государственной) (8,7%);

земля должна сдаваться в аренду, в том числе с правом наследования (4,7%);

земли могут скупить богачи, а остальное население останется не у дел, Тува же тогда превратится в колонию (11,3);

продавать землю нельзя, пока не отработана правовая база (3,3%);

прочие мотивы (4,7%).

Общий вывод: около половины всех экспертов высказалась против купли-продажи земли. Мотивация этой оценки резонна, и она схожа с мотивацией такой оценки у жителей Хакасии, где обследование было проведено одновременно с обследованием в Республике Тыва.

Предложения экспертов по развитию столицы Республики Тыва – г. Кызыла. Экспертам было предложено оценить лишь две меры: 1) усиление национального тувинского колорита столицы (архитектура, вывески, национальная кухня и т.д.); 2) увеличение производства и продажи предметов национального прикладного искусства. Анкета содержала также третий пункт – “Другое”, в котором эксперты могли высказать свои собственные воззрения на проблемы и перспективы развития Кызыла. Распределение ответов, отражающих отношение к предложениям, касающимся развития столицы Республики Тыва, представлено в табл. 11.

Из таблицы 11 видно, что в ответе на вопрос, который касается мероприятий по развитию столицы скорее культурного порядка, затрагивая прежде всего проблему развития тувинской традиционной культуры, русские эксперты даже активнее выступают за развитие производства и продажи предметов национального тувинского искусства.

Русские эксперты были активны в формулировании собственных предложений, показав себя прагматиками. Основные из этих предложений касаются развития экономики Кызыла, благоустройства города, развития коммунальных служб, улучшения экологического и санитарного состояния столицы. В области торговли предлагается остановить повсеместную работу торговых лавок, киосков, построить в городе крытый рынок. Предложения, касающиеся уровня жизни населения Кызыла, состоят в том, чтобы увеличить жилищное строительство, снизить все виды налогов для постоянных жителей столицы, завершить все долгострои. Кроме того, эксперты предложили выбирать мэром Кызыла не политика, а хозяйственника; сделать так, чтобы в администрации города работали люди, компетентные, в частности, в традициях тувинцев; ограничить приток в Кызыл сельского населения; принимать меры

Таблица 11

Распределение экспертных оценок мер по развитию г. Кызыла, %

Мера	Тувинцы	Русские
Усиление национального тувинского колорита столицы:		
очень важно	45,0	25,0
важно	45,0	60,7
не важно	6,7	10,7
не ответили	3,3	3,6
Увеличение производства и продажи предметов национального прикладного искусства:		
очень важно	20,0	25,0
важно	58,3	60,7
не важно	13,3	7,1
не ответили	3,3	3,6
Другое:		
очень важно	20,0	32,1
важно	2,5	7,1
не важно	—	—
не ответили	77,5	60,7

по сохранению единства народов, проживающих в городе; воспитывать у жителей столицы любовь к своему городу.

Были и другие предложения, но чаще всего встречались первые четыре из всех перечисленных. При таком количестве собственных предложений, высказанных русскими экспертами, нельзя не отметить пассивность тувинцев: 77,5% из них уклонились от ответа в разделе "Другое".

Общим у русских и тувинцев было признание в необходимости придать Кызылу национальный колорит.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд общих выводов.

1. Большинство экспертов, как тувинцев, так и русских, оценили итоги российских реформ в целом отрицательно. Отмечены негативные последствия реформ практически во всех сферах жизнедеятельности тувинского народа: разрушена экономика, снизился уровень жизни, ухудшилось здоровье населения, повысилась смертность и снизилась рождаемость, сократилась трудовая занятость, нарастают пьянство и преступность, снизились уровень образования и квалификация занятого населения и т.д.

В качестве положительных изменений эксперты отметили: а) улучшение снабжения продовольствием (что при снижении уровня его производства и падении доходов населения видится результатом снижения его потребления); б) рост национального самосознания и обращение тувинцев к традиционным ценностям и верованиям (хотя, по оценкам экспертов, и в духовной сфере далеко не все обстоит благополучно: незанятая молодежь теряет духовность).

2. Самыми острыми проблемами определены рост пьянства, безработица, падение уровня жизни населения (чем недовольны и современные предприниматели, так как падает уровень потребления товаров и услуг).

3. Борьбе именно с этими негативными явлениями следует уделять основное внимание, при этом необходимо иметь в виду, что на первом месте стоит проблема оживления экономики города и села.

4. Одобряя рост предприимчивости у тувинского населения, большинство экспертов отвергают идею купли-продажи сельскохозяйственных угодий. Несколько неожиданным оказалось, что за куплю-продажу все же выступили около 43% русских и 27,5% тувинцев, против — около половины тех и других. На результатах опроса, видимо, сказалось то, что эксперты — в основном горожане. Среди экспертов-тувинцев, выступивших за куплю-продажу земли, 41,7% — это представители органов власти и 36,4% — представители производственных предприятий.

5. Что касается суждений о национальной принадлежности и самосознании, то на необходимость знания национального языка, культуры и осознания своей нации указали 46,7% экспертов-тувинцев и 32,1% русских. Мнение о том, что "главное — быть достойным человеком" высказали соответственно 42,5 и 64,3%. Может быть, здесь есть проблема национального самосознания, которая требует исследования. Тем более, что это мнение высказано столичной тувинской интеллигенцией.

6. При определении перспективного пути развития тувинского народа большинство экспертов (68,3% тувинцев и 78,6% русских) выбрали разумное сочетание традиционного и нового.

В оценке большинства параметров социально-экономической жизни тувинцев различия у тувинских и русских экспертов обычно невелики, причем нередко эти оценки совпадают.

Примечания

¹ См.: Балакина Г.Ф. Итоги реформирования хозяйства Республики Тыва // Социально-экономические проблемы Республики Тыва в период трансформации. – Новосибирск, 1998. – С. 21.

² См.: Заика В.В., Балакина Г.Ф. Проблемы устойчивого развития Тувы в современных условиях // Социально-экономические проблемы Республики Тыва в период трансформации. – С. 86.

³ См.: Образование населения России: по данным микропереписи населения 1994 г. – М., 1995. – С.7.

⁴ Там же. – С. 234, 237, 240, 243.

⁵ См.: Котожсков Г.Г. Межнациональные отношения в Республике Хакасия // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2.

В.Н.Нувано
(г. Анадырь)

ВЛИЯНИЕ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ НА ОЛЕНЕВОДСТВО ЧУКОТСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, СПОСОБЫ ОПТИМИЗАЦИИ

Оленеводством занимается большинство народов Крайнего Севера. Это уникальная форма хозяйствования, особый хозяйственно-культурный уклад, образ жизни малочисленных коренных народов Севера. Добавим к этому, что оленеводство – единственная отрасль хозяйства, в которой северные народы не испытывают конкуренции со стороны доминирующего общества. Кроме того, для разведения оленей в районах Крайнего Севера используются естественные пастбища, непригодные для разведения других сельскохозяйственных животных, при этом олени являются важнейшим компонентом высокоширотных экосистем.

Сейчас практически преодолено сложившееся за многие годы представление о том, что существует лишь один, саяно-алтайский, центр домостикации северного оленя, и доказано, что Берингия, Северо-Восток России – это тоже самостоятельный автономный центр домостикации северного оленя, где развивается особая, чукотско-корякская, оленеводческая культура¹. До XVII в. оленеводство было распространено лишь у незначительной части чукчей, оно напоминало нганасанский тип хозяйства с транспортным, а не мясным направлением². Однако спустя немногим более 100 лет чукчи уже полностью освоили крупнотабунное оленеводство, которое приобрело у них черты товарной отрасли³.

В XX столетии до 80-х годов поголовье домашних оленей на Чукотке было самым крупным в России, но в последнее время состояние оленеводства в этом регионе значительно ухудшилось. Стремительное сокращение численности оленей на Чукотке в 90-е годы привело к тому, что на первое место по поголовью этих животных вышел Ямало-Ненецкий округ, а затем оленеводство Якутии оттеснило оленеводство Чукотки на третье место⁴.

Сегодня оленеводческая отрасль Чукотки находится в состоянии глубокого кризиса, который по своим масштабам превосходит кризис, вызванный в свое время коллективизацией, когда численность оленей в результате массового забоя, что было одной из форм сопротивления коллективизации, сократилось с 556,9 тыс. голов в 1926–1927 гг. до 427,4 тыс. в 1934 г.⁵.

Средняя численность оленей в Чукотском автономном округе за 1976, 1980, 1985 гг., т.е. до начала “перестройки”, составляла около 502,4 тыс. голов общественного стада. С начала 90-х годов наметилась тенденция к резкому сокращению поголовья домашних оленей в округе. Если на 1 января 1990 г. оно составляло 491 тыс. голов, то в 1995 г. уменьшилось до 235,5 тыс., а на 1 января 1999 г. составляло уже только 113 тыс. голов, т.е. по сравнению с 1990 г. уменьшилось в 4,3 раза. Реализация оленьины на убой снизилась с 9867 т в 1990 г. до 1817 т в 1997 г.

Усиление негативных тенденций в сельском хозяйстве Чукотки, на наш взгляд, началось в 1991 г. с переводом сельскохозяйственной отрасли на коммерческую основу в соответствии с Указом Президента РФ “О реформировании агропромышленного комплекса Российской Федерации”. Переход к рыночным отношениям, осуществляемый во многом стихийно, повлек за собой упадок, а затем и полный распад сложившейся экономической системы. Это можно проследить на примере конкретных хозяйств.

В Билибинском районе Чукотского АО совхоз "Вперед" за 1976, 1980, 1985 гг. имел среднее выходное поголовье в 19110 голов, а на 1 января 1998 г. здесь осталось всего одно фермерское хозяйство "Мыргон" с поголовьем в 759 голов, — это 4% от совхозного оленепоголовья на момент распада совхоза. Именно этот совхоз по инициативе его руководителей еще в 1992 г. первым на Чукотке был разделен на самостоятельные фермерские хозяйства с разделом на паи оленей, основных производственных фондов и техники.

В совхозе "Омолон" в этот же период насчитывалось 32900 голов оленей. На 1 января 1998 г. в ТОО "Омолон" осталось 4411 голов, еще в четырех самостоятельных фермерских хозяйствах, выделившихся из совхоза, — 4741, т.е. в сумме на территории бывшего совхоза "Омолон" теперь насчитывалось 9152 головы оленей, что составило 27,8%.

В Анадырском районе совхоз им. XXII съезда КПСС полностью распался на отдельные фермерские хозяйства, и на 1 января 1998 г. в двух оставшихся самостоятельных хозяйствах насчитывалось 1670 голов, что составляло 7% от среднего поголовья бывшего совхоза за 1976, 1980, 1985 гг. (26786 голов).

Совхоз "Канчаланский" со средним поголовьем за аналогичный период в 32122 головы разделился на три самостоятельных фермерских хозяйства и коллективное сельскохозяйственное предприятие "Канчаланский" (как правопреемник совхоза). Последнее в 1995 г. имело 7780 голов оленей, т.е. 24% от среднего оленепоголовья бывшего совхоза за период с 1976 по 1985 гг., а фермерские хозяйства — 1730 голов, или 6% от совхозного поголовья.

Совхоз "Путь к коммунизму" в 1976, 1980, 1985 гг. в среднем имел 22670 голов оленей. Он не распался на фермерские хозяйства, однако к 1995 г. здесь оставалось только 12104 головы (53% от среднего поголовья за указанный период), а на 1 января 1998 г. — уже лишь 5554 головы (19%).

Такая же картина наблюдалась и в совхозе "Марковский", где на 1 января 1998 г. оставалось 5554 головы оленей, что составляло 18% от среднего показателя за 1976, 1980, 1985 гг.

В совхозе "Анадырский" за 1976, 1980, 1985 гг. в среднем насчитывалось 15159 голов, а в 1995 г. оставалось только 3052 головы, или 20%. Затем произошло небольшое увеличение поголовья: на 1 января 1998 г. оно составило 3943 головы, или 26% от среднего поголовья за указанный "доперестроенный" период.

Очевидно, что проблемы, стоящие перед оленеводством, которые складывались годами, а в последнее время были усугублены реформами, невозможно было решить только с помощью организации крестьянских (фермерских) хозяйств, реорганизации совхозов в товарищества и т.д. Ни руководители хозяйств, ни тем более оленеводы не владеют ни теоретическими, ни практическими навыками организации новых форм собственности. Оленеводческая бригада как самостоятельная производственная единица, реформированная в фермерское хозяйство, не в состоянии заниматься одновременно производством, заготовкой, переработкой, хранением и реализацией продукции, тем более она не в состоянии решать вопросы материально-технического и продовольственного обеспечения производственного коллектива. Зачастую руководили фермерами-олeneводами и пользовались результатами их труда случайные, корыстные, нечестные люди.

Отечественный и зарубежный опыт показывает, что мелкие товаропроизводители не могут развиваться самостоятельно, и особенно это касается фермерских оленеводческих бригад, так как условия ведения производства здесь сложнее, чем где-либо. Западные экономисты теоретически изучили вопрос о необходимости помощи сельскому хозяйству, и выяснилось, что, поскольку в сельском хозяйстве функционирует множество производителей идентичной продукции, поскольку данная отрасль не монополизирована, постольку и цены на ней конкурентные, т.е. насколько возможно низкие. Производители же сельскохозяйственной техники, удобрений, горючего выступают монополистами, и цены на их продукцию завышены. Возникает диспаритет цен, в результате чего происходит отток ресурсов из сельского хозяйства, идет сокращение производства продовольствия при его нехватке.

Следует отметить и еще один момент: разрушение старого далеко не всегда обеспечивает созидание нового, особенно когда речь идет о главной производительной силе — людях. Можно утверждать, что здоровый консерватизм в ведении хозяйства, оказался наиболее приемлемым вариантом выживания в рыночных условиях. Это хорошо видно на примере ТОО "Совхоз им. I Ревкома Чукотки". Совхоз не распался на самостоятельные фермерские хозяйства, в оленеводческих бригадах остались старые опытные кадры — оленеводы, уже достигшие пенсионного возраста (в некоторых хозяйствах руководители стараются перевести их на центральную усадьбу), остались женщины-хозяйки (чумработницы). В условиях новых производственных отношений руководство совхоза сумело сохранить его инфраструктуру, несмотря на то что часть основных фондов (электростанция, котельные, гаражи, детский сад, жилфонд и др., причем все это строилось на деньги многих поколений оленеводов) была по указанию администраций округа *безвозмездно* передана вновь образованным тогда акционерным обществам, которые затем, в 1996 г., были муниципализированы. Несмотря на все трудности (в частности, это диспаритет цен в пользу привозной продукции), олене-

водческие бригады по мере возможности снабжаются продуктами питания, снаряжением, ведется зоотехническая и ветеринарная работа, имеется четыре перевалбазы для оленеводов. В оленеводческих бригадах хозяйства в 1998 г. насчитывалось 16800 голов общественных оленей.

Анализ ситуации в оленеводстве позволяет выделить следующие факторы, отрицательно влияющие на функционирование отрасли.

Общий социально-экономический кризис. Здесь надо отметить два момента:

- необоснованная ценовая и финансово-кредитная политика правительства привела к уменьшению завоза товаров на Север. Цены на ввозимую промышленную продукцию в несколько раз превысили цены на продукцию оленеводства;
- институциональные изменения в сельском хозяйстве, произошедшие в 90-е годы, повлекли за собой ликвидацию многих оленеводческих предприятий, разрушение местной инфраструктуры, перевод на коммерческую основу централизованных служб, которые ранее отвечали за материальное обеспечение сельхозпредприятий.

Организационно-технический фактор. Его действие проявилось в следующем:

- чрезмерное увлечение механизацией в оленеводстве привело к исчезновению транспортного оленеводства и жестко привязало оленеводческие бригады к технике, из-за чего снизились их маневренность и мобильность;

- во многих хозяйствах не осуществляется регулирование структуры стад домашних оленей, нарушение (а в оставшихся фермерских хозяйствах вообще не проводится) зоотехническая и ветеринарная работа.

Этнопсихологический фактор. Влияние этого фактора оказалось весьма существенным:

- государственная политика в 50–80-е гг. была направлена фактически на сокращение масштабов кочевого образа жизни. Обучение детей оленеводов в интернатах привело к утрате родного языка и разрыву поколений. Искусственное жесткое административно-хозяйственное деление территории нарушило веками сложившуюся среду обитания кочевого народа (по воспоминаниям старожилов, в летнее время стада домашних оленей перегоняли к морю);

- в коллективах оленеводческих бригад сложилась катастрофическая демографическая обстановка. Имеет место диспропорция мужского и женского населения, увеличивается число холостяков среди молодых оленеводов;

- уровень производственной оснащенности и социального обеспечения оленеводческих бригад является крайне низким;

- существует значительный разрыв между уровнем развития социальной инфраструктуры непосредственно в оленеводстве и более или менее благоустроенными центральными усадьбами хозяйств. Отсюда резкий контраст между условиями труда и быта у оленеводов и у работников других отраслей в национальных селах.

Экологический фактор. Развитие оленеводства, как известно, определяется в первую очередь состоянием пастбищ. В 1994 г. площадь земель в административных границах округа не изменилась и составляла 72148158 га. Но в результате пожаров, перевыпаса, воздействия транспорта и золотодобычи площадь продуктивных оленьих пастбищ на Чукотке по сравнению с 1920 г. сократилась на 30–40%, а оленеемкость – в целом на 50%⁶.

Профессор В.Н.Андреев делит факторы, вызывающие деградацию пастбищ, на антропогенные и зоогенные. Он отмечает, что важнейшую роль играют антропогенные факторы, среди которых

- пасторальный, связанный с выпасом домашних северных оленей;
- техногенный, т.е. нарушение почвенно-растительной дернины в результате движения транспорта, строительства, горно-добывающих и геолого-разведочных работ;
- пирогенный, связанный с пожарами.

Зоогенные факторы – это воздействие на пастбища со стороны диких животных: диких северных оленей, наносящих огромный ущерб пастбищам на маршрутах оленеводческих бригад; волков, нарушающих кормовой режим выпаса оленей; мышевидных грызунов (полевок, леммингов и др.), объедающих растительный покров.

В общем ущербе, наносимом пастбищам (в показателях оленеемкости), доля пасторального фактора составляет 70%, пирогенного – 10, техногенного – 10, зоогенного (воздействия дикого северного оленя) – 10%. При этом если последствия влияния пасторального и зоогенного факторов со временем ликвидируются, то техногенный фактор необратимо воздействует на пастбища и чаще всего приводит к их полному уничтожению⁷.

А.Н.Полежаев показал, что по ряду оленеводческих хозяйств за 20 лет (50–70-е годы) запасы ягеля сократились на 21%, т.е. ежегодно на 1,1%⁸. Положение усугубляется тем, что к настоящему времени на Чукотке резко увеличилась численность диких северных оленей.

Проблема дикого северного оленя непростая. Это животное нельзя рассматривать исключительно как препятствие разведению домашнего оленя, равно как нельзя требовать полной и безоговорочной его охраны. В конце XIX в. в результате развития на Чукотке крупнотабунного оленеводства стада дикого северного оленя оказались вытесненными. Промысел дикого оленя в этом регионе в XX столетии практически перестал существовать⁹. Вопрос о рациональном использовании ресурсов поголовья дикой и домашней популяций оленей не потерял актуальности и в наше время.

Численность чукотских диких северных оленей, по данным авиаучета, проведенного сотрудниками Сибирского отделения НИИСХ Крайнего Севера, в 1986 г. составляла 32,2 тыс. голов¹⁰ и до 1995 г. оставалась практически неизменной¹¹. Но уже 1997 г., по данным авиаучета, осуществленного Центральной научно-исследовательской лабораторией охотничьего хозяйства и заповедников (ЦНИЛ), численность этих животных достигла 159 тыс. голов¹².

Использованную при авиаучете методику равномерной закладки сети прямолинейных маршрутов, применимую для равнинной местности Таймыра, можно оспорить, так как здесь она применялась в условиях пересеченной местности. Согласно карте, приведенной в отчете, ширина между галсами составляла 10 км, а длина – от 100 км и более, т.е. на прохождение одного отрезка требовалось от получаса до одного часа полета, а значит, при скоплении потревоженных групп оленей они могли быть учтены и дважды, и трижды, а отсюда не исключена завышенная оценка их численности. Возможно, была произведена не совсем удачная экстраполяция полученной цифры на всю территорию миграции популяции диких северных оленей.

Во время ежегодных миграций пастбища, принадлежащие оленеводческим хозяйствам Билибинского, Чаунского, Анадырского районов, активно используются стадами диких северных оленей. В результате эти пастбища испытывают двойную нагрузку, причем зачастую дикими оленями стравливаются лучшие зимние и летние пастбища оленеводческих хозяйств. Существующее еще с 50–60-х годов административно-территориальное, хозяйственное деление территорий порой не позволяет оленеводческим бригадам проводить маневры при угрозе столкновения со стадами диких оленей.

В связи с создавшимся положением в оленеводстве округа назрела необходимость в проведении определенных мероприятий.

Решение проблемы семьи в оленеводческих хозяйствах. Существует прямая взаимосвязь между показателем семейного положения пастухов-олeneводоов и уровнем развития оленеводства. Семья в оленеводстве выступает не только демографической ячейкой общества, обеспечивающей воспроизводство трудовых ресурсов, но и во многом выполняет функции производственного характера. В настоящее время необходимо ввести в практику оплату труда женщин в оленеводческих бригадах не через оленеводческие хозяйства, в которых олeneводоы не получают зарплату по пять-шесть лет, а через федеральный или окружной бюджет. Эта мера привлечет в оленеводство коренное женское население, что несомненно выгодно не только для оленеводства, но и для округа в целом. Если мы не удержим очередное поколение в оленеводстве, это приведет к полному упадку отрасли.

Решение вопросов материальной заинтересованности олeneводоов. Недостаток, а порой и полное отсутствие финансовых ресурсов пагубно влияют на оленеводство. Один из способов повышения заинтересованности олeneводоов в своем труде – это увеличение доли собственных оленей в стаде (доля собственных оленей в чукотском оленеводстве в 50–90-е годы не превышала 5%, тогда как в ненецком оленеводстве доля оленей, находящихся в собственности олeneводоов, достигала 50%). Руководству хозяйств рекомендуется не затрагивать личных оленей олeneводоов при списании поголовья.

Целесообразно также внедрить натуральную плату живыми оленями, оружием, снаряжением за наращивание общего поголовья, а за сдачу реальной продукции поощрять в денежной форме. Следует предусмотреть расходы на такое поощрение из окружного бюджета по линии управления сельского хозяйства округа, тем более что такая практика существовала ранее.

Резкое уменьшение поголовья домашних оленей повлекло за собой сокращение рабочих мест в оленеводстве, поэтому назрела необходимость в социальной реабилитации бывших олeneводоов и переориентации их на промысел дикого оленя. Рациональное использование ресурсов чукотской популяции дикого северного оленя существенно пополнит местную продовольственную базу. Чтобы улучшить оперативное руководство промыслом дикого северного оленя, целесообразно вместо лицензий предоставлять хозяйствам лимиты, которые могут перераспределяться в ходе промысла. В настоящее время нередко перераспределяются лицензии, причем, как правило, “не в те руки”.

Решение экологических вопросов. Необходимо провести землеустроительные работы, с тем чтобы уточнить олeneемкость пастбищ, закрепленных за хозяйствами, учитывая при этом использование их стадами диких северных оленей. По-видимому, на время сезонных миграций диких оленей оставшееся основное поголовье хозяйств следует перемещать на свободные пустующие пастбища как внутри собственного хозяйства, так и на территориях соседних хозяйств.

Для контроля за сезонными миграциями диких северных оленей целесообразно создать из числа охотников, оленеводов, работников оленеводческих хозяйств сеть наблюдателей, а в перспективе – службу оповещения о миграции дикого оленя, что позволит оперативно принимать меры по обеспечению сохранности поголовья домашних оленей, вести учет оленепоголовья диких оленей.

Отсутствие должного учета экологических требований и ограничений в сложившейся системе хозяйствования, расточительные способы добычи и переработки сырья, прежде всего в горно-добывающей промышленности, привели к резкой деградации природы Севера, разрушению среды обитания коренного населения. В результате ухудшилось состояние здоровья людей, возникли острые социальные конфликты. Необходимо усилить контроль за исполнением существующего законодательства при производстве геологических работ, в ходе которых, как правило, повреждается в 2–3 раза больше территории, чем предусматривается проектами и нормативами. По окончании работ территория должна быть приведена в такое состояние, чтобы на ней в порядке самосева появился растительный покров.

Жизнь показывает, что там, где не заботятся о сохранении традиционных видов занятий (конечно, на новом технологическом и социальном уровне), вместе с их исчезновением уходят с исторической арены сами народности, для которых эти занятия составляют основу жизнедеятельности. Нам нужно оперативно перестраиваться, как это своевременно сделали организаторы скандинавского оленеводства в 60-е годы, создав для работников отрасли производственную и социальную инфраструктуру должного уровня. Для этого прежде всего необходимы соответствующая законодательная база и адекватная государственная политика в области сельского хозяйства.

Примечания

- ¹ См.: Вольфсон А.Г. Происхождение чукотско-корякской культуры оленеводства. – Владивосток, 1991.
- ² См.: Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л., 1965.
- ³ См.: Отчет авиаучета диких северных оленей в Чукотском автономном округе в 1997 г. / ЦНИЛ. – М., 1997.
- ⁴ См.: От патернализма к партнерству. – Магадан, 1998.
- ⁵ См.: История Чукотки. – М., 1989.
- ⁶ См.: От патернализма к партнерству.
- ⁷ См.: Андреев В.Н. Предотвратить экологический кризис в оленеводстве // Магаданский оленевод. – Магадан, 1989.
- ⁸ Данные со ссылкой на А.Н.Полежаева приводит В.Н.Андреев (см.: Андреев В.Н. Предотвратить экологический кризис в оленеводстве).
- ⁹ См.: Отчет авиаучета диких северных оленей в Чукотском автономном округе в 1997 г.
- ¹⁰ См.: Отчет по авиаучету численности диких северных оленей чукотской популяции. – Норильск, 1987.
- ¹¹ См.: Ресурсы основных видов охотничьих животных и охотничьи угодья России (1991–1995 гг.). – М., 1996. – С. 67–76.
- ¹² См.: Отчет авиаучета диких северных оленей в Чукотском автономном округе в 1997 г.

В.П. Кривоногов
(Красноярск)

ЭТНИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕХОДА КОЧЕВНИКОВ-ОЛЕНЕВОДОВ К ОСЕДЛОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКИХ НЕНЦЕВ)

В 1992–1994 гг. Красноярской лабораторией археологии и палеографии Института археологии и этнографии СО РАН совместно с Красноярским педагогическим университетом были проведены комплексные этнографические и этносоциологические исследования среди коренных народов Таймыра, и в частности среди енисейских ненцев. Полученные данные позволяют прояснить этнические последствия перехода оленеводческих групп к оседлому образу жизни. Такой постановке вопроса способствует то, что у ненцев достаточно полно представлены как кочевые, так и оседлые группы. Кроме того, оседлые ненцы делятся на группы в зависимости от того, когда они перешли к оседлости, и сравнение показателей по этим группам дает возможность рассмотреть этнические изменения в динамике. Всего в ходе экспедиции было опрошено 25% ненцев Таймыра (711 чел.) по выборке, пропорционально охватывающей половозрастные, социальные, территориальные группы, как оседлые, так и кочевые. Для выявления происходящих изменений отобраны материалы по трем группам ненцев: первая – это кочевники-олeneводы, кочующие по левобережью Енисея в районе поселков Носок и Тухард, вторая – жители поселков Носок и Тухард, перешедшие к оседлости недавно, в основном в течение последних 20 лет (притом, что приток тундровиков в поселок продолжает-

ся), и третья – оседлые жители правобережья – поселков Усть-Порт и Потапово, большинство из которых перешли к оседлости 30–40 лет назад, а некоторые – еще ранее. Ко времени исследований кочевали около 40% енисейских ненцев.

Переход к оседлости означал коренную ломку хозяйственного уклада. Тем не менее значительная часть жителей поселков сохранили приверженность некоторым традиционным занятиям. Мужчины активно занимаются охотой и рыболовством, женщины по-прежнему имеют навык обработки шкур, сохраняются у них и некоторые другие виды традиционной деятельности. А вот с оленеводством так или иначе связаны лишь 10% мужчин из числа жителей поселков. В то же время в поселках появилась группа ненцев, не занимающихся никакими традиционными промыслами. Среди мужчин их доля составляет 15,7%, среди женщин – 24,5%. Уровень образования у жителей поселков намного выше, так как образование и связанные с ним специальности требуют пребывания в поселках, даже если сами специалисты вышли из среды кочевников. Среди мужчин-тундровиков лишь 17,6% имеют полное среднее и более высокое образование (у оседлых этот показатель равен 63,5%), среди женщин доля имеющих такое образование еще меньше – 14,3% (у оседлых – 61,6%).

Рассмотрим положение в некоторых областях материальной культуры. Прежде всего отметим, что кочевники полностью сохранили приверженность традиционному жилищу – чуму, новшеством стало лишь распространение долганского “нартенного чума” – балка (балок несколько изменен применительно к ненецким обычаям). Оседлые жители живут в стандартных домах, построенных главным образом приезжими строителями, и лишь 5,5% семей обитают в балках и чумах. Последняя цифра относится к рыбакам и охотникам, которые живут за пределами поселков в местах промыслов – на “точках”. Кроме того, 11,8% семей оседлых жителей имеют чумы и балки помимо основного жилища, используя их периодически во время промысла вдали от поселка. Всего имеют чумы 12,4%, балки – 3,5% семей оседлых жителей.

Национальный костюм есть практически у всех кочевых ненцев, включая младенцев. Правда, молодежь летом носит чаще городскую одежду, так как она выдается бесплатно в школе-интернате в Дудинке. Но комплект национальной одежды есть и у школьников. У оседлых жителей национальная одежда имеется только у половины опрошенных – у 45,7%, из них только 27% имеют полный национальный костюм. Наиболее часто национальную одежду используют промысловики – охотники и рыбаки.

Различные традиционные инструменты, утварь, орудия труда имеют все кочевники, а у оседлых жителей – только 40,7% семей. Среди этих предметов традиционной материальной культуры чаще всего можно встретить самодельные охотничьи и рыболовные принадлежности, орудия для обработки шкур, лыжи. Реже встречаются нарты и упряжь: оленью упряжку имеют 6,9% оседлых семей, собачью – 1,4%. Среди кочевников оленья упряжка есть у всех, собачья – у 3,7% семей.

Несмотря на наплыв привозных продуктов, ненцы, даже оседлые, не отказались от традиционной пищи. Среди оседлых жителей употребляют национальную пищу 97,2% мужчин и 87,7% женщин. Не употребляют традиционную пищу небольшая часть женщин – попавшие в инациональное окружение, имеющие мужа некоренной национальности или одиночки, у которых в семье нет мужчин.

Языковая ассимиляция протекает только среди оседлых жителей. Родным языком считают ненецкий 100% кочевников, но лишь 56,4% жителей поселков. Еще 1,6% из числа оседлых признают родными сразу два языка – ненецкий и русский, остальные – только русский. Ненецкий язык является основным для 93% кочевников, остальные 7% употребляют оба языка. Среди оседлых жителей чаще говорят по-ненецки лишь 13,4%, на обоих языках – 34,4, преимущественно по-русски – 52,2%. Неодинакова и степень владения ненецким и русским языками (табл. 1).

Таблица 1

Степень владения ненцами русским и ненецким языками, %

Степень владения	Ненецкий		Русский	
	Кочевые	Оседлые	Кочевые	Оседлые
Свободно	99,3	51,5	17,6	91,6
С некоторыми затруднениями	0,7	6,3	40,9	2,3
Со значительными затруднениями	–	6,8	14,1	2,3
Понимают, но не говорят	–	16,2	5,6	1,4
Не владеют	–	19,2	21,8	2,3

При общении в разных ситуациях кочевники в подавляющем большинстве случаев обходятся одним ненецким языком и только изредка, и то лишь при общении с пришлым населением, используют также русский. В поселках же в разных сферах общения русский язык у ненцев начал явно доминировать (табл. 2).

Таблица 2

Использование ненцами ненецкого и русского языков, %*

Сферы общения	Ненецкий		Русский	
	Кочевые	Оседлые	Кочевые	Оседлые
С родителями	100	64,2	1,4	63,9
С братьями и сестрами	100	52,1	4,4	74,9
С друзьями	99,2	47,0	22,4	90,9
С женой, мужем	100	51,2	2,3	70,1
С детьми	100	54,2	20,9	81,7
На работе	100	48,2	28,3	90,1

*Суммы по горизонтали не везде равны 100%, так как многие при общении используют два языка.

Здесь уместно привести данные по языковым процессам в двух группах сел – более раннего и более позднего оседания. На правобережье, где оседание началось раньше, в настоящее время свободно владеющих ненецким языком среди опрошенных оказалось лишь 38,3%, на левобережье – 67,6%, совсем не знающих ненецкого языка – соответственно 29,9 и 6,7%. И хотя на правом берегу оседание произошло только на одно поколение раньше, чем на левом, разница в языковых показателях весьма велика.

Несмотря на значительно более высокий общий уровень образования у оседлого населения, в степени владения ненецкой письменностью оседлые значительно уступают кочевникам. В данном случае владение разговорным языком до школы оказывает гораздо большее влияние на этот показатель, чем длительность обучения. Свободно читают и пишут на ненецком языке 61,9% опрошенных кочевых ненцев старше семи лет, еще 15,2% только читают и лишь 22,9% ненецкой письменностью не владеют. Среди оседлых эти показатели явно ниже: читают и пишут – 27,1%, только читают – 20,4%, остальные ненецкой письменностью не владеют.

Отношение ненцев к преподаванию ненецкого языка в школе вполне определенное и безусловно положительное. Однако и здесь есть небольшое различие между кочевниками и оседлыми: считают его необходимым 98,4% первых и 81,4% вторых.

Книги и прессу на ненецком языке (страница на этом языке выпускается периодически в окружной газете “Таймыр”) читают около четверти оседлых ненцев. Среди кочевников соответствующие показатели выше: ненецкую страницу читают 42,4%, книги на ненецком языке – 43,5%. Несомненно, эта разница была бы еще больше, не будь трудностей с доставкой в тундру газет и книг. В 90-е годы авиасвязь с оленеводами почти прекратилась, кочевники вообще потеряли возможность регулярно обращаться к печатному слову – как на родном, так и на русском языке. Единственным средством коммуникации стали транзисторные приемники, которые служат порой единственной ниточкой, соединяющей оленеводческую бригаду с “большой землей”. Передачи на ненецком языке из Дудинки слушают подавляющее большинство кочевых ненцев, в том числе 63% – регулярно. В поселках данный показатель ниже, регулярно слушают эти передачи только 43,1% опрошенных ненцев.

Языковая ситуация отражается на тех видах духовной культуры, которые связаны с языком. Так, знающих хотя бы несколько песен на ненецком языке среди кочевников оказалось 70,6%, среди оседлых – лишь 38,5%. Жанр сказок также лучше знаком кочевникам: среди них знают более трех сказок на родном языке 47,8% опрошенных, включая детей школьного возраста (с семи лет), еще 35,9% помнят хотя бы одну-три сказки, не знакомы с этим жанром лишь 5,4% опрошенных. Среди оседлых жителей знают более трех сказок 34,4% опрошенных, одну-три сказки – 9,2, слышали сказки, но не могут рассказать их – еще 29,9 и не знакомы с этим жанром – 26,4%. Последние – это в основном русскоязычные ненцы. Степень знания национальных песен и сказок среди оседлых жителей убывает от старших возрастных групп к младшим, так же как и степень знания ненецкого языка.

Кочевники не только хорошо знакомы с различными традиционными обрядами, но и продолжают их соблюдать. Отход от традиционной обрядности имеет место только у оседлых ненцев. Мировоззрение ненцев при переходе к оседлости также заметно меняется, прежде всего это касается приверженности традиционной религии, шаманизму (табл. 3). Больше всего приверженцев традиционного культа оказалось среди кочевых ненцев, особенно среди мужчин. В поселках относительно больше атеистов (чаще среди мужчин), немало и тех, кто относит себя к православным (особенно среди женщин).

Таблица 3

Религиозная принадлежность ненцев, %

Отношение к конфессии	Кочевники		Оседлые	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Атеисты	11,8	21,4	51,4	35,3
Приверженцы:				
традиционного культа	85,3	67,9	28,6	34,5
православия	—	7,1	14,3	21,6
традиционного культа				
и православия	2,9	3,6	4,3	7,2
других религий	—	—	1,4	1,4

Немалое значение для этнических процессов имеет положение с национально-смешанными браками. Степень интенсивности брачных контактов у кочевых и оседлых ненцев различная.

В нашей выборке среди кочевников оказалось только 4% национально-смешанных семей, причем все такие браки заключены с представителями соседних народов Севера – с энцами и долганами из числа тех, кто уже не одно поколение живут среди ненцев, освоили ненецкий язык и культуру. Иная ситуация в поселках. Практически все поселки ненцев смешанные в национальном отношении, и ненцы контактируют с представителями многих национальностей, чаще всего с русскими. В нашей выборке количество национально-смешанных браков среди оседлых ненцев достигло 45%, в том числе 27,2% – с представителями пришлого населения. В смешанных браках состоят 28% опрошенных мужчин, в том числе 7,9% – с женщинами некоренных национальностей. Для женщин-ненок эти показатели намного выше – соответственно 56,3 и 42,2%. Приведенные данные позволяют сделать вывод, что среди оседлых ненцев в настоящее время эндогамия не соблюдается, а это не может не сказаться на разных сторонах жизни и культуры.

Следствием такого подрыва эндогамии стало появление у ненцев значительного количества метисов. Среди кочевников выходцев из национально-смешанных семей немного – только 9,1%. Это дети исключительно от браков с представителями северных народов – энцами и, реже, долганами. Среди оседлых ненцев метисы составили 44,5%, в том числе от браков с представителями северных народов – 16,6%, северных и европейских – 8,9, европейских – 19%. Среди поселковых жителей правобережья доля метисов равна 68,8%, в том числе метисов европеоидных оказалось 44,6%. В левобережных поселках эти показатели составляют соответственно 17,6 и 11,4%. Метисация идет по нарастающей, что видно из сравнения доли метисов в разных возрастных группах. В целом среди оседлых жителей доля европеоидных метисов составила 27,9%, а среди детей до 10 лет – 41%. Из числа метисов около 70% выбирают ненецкую национальность, что способствует формированию прогрессивной демографической структуры и обеспечивает расширенное воспроизводство этой территориальной группы ненцев. К середине 90-х годов естественный прирост начал замедляться.

О разнице в интенсивности межэтнического взаимодействия говорят данные о национальном составе трудовых коллективов у опрошенных. Кочевники трудятся в однопациональных коллективах. В поселках доля респондентов, работающих в смешанных коллективах, достигает 78,4%. Исключение составляет лишь небольшое количество мужчин, занимающихся промыслами в одиночку или небольшими группами на отдаленных “точках”. К необходимости работы в смешанных коллективах оседлые ненцы относятся без предубеждения, большинство – нейтрально, некоторые – положительно, и лишь 11,7% предпочитают однородный в национальном отношении коллектив. Иное положение у кочевников: хотя никто не помышляет на их монополию в оленеводстве, 91,9% высказали отрицательное отношение даже к гипотетической вероятности нарушения национальной однородности коллективов.

Велика разница и в ответах на вопрос об отношении к национально-смешанным бракам. Среди оседлых жителей большинство опрошенных (71%) относятся к таким бракам нейтрально, некоторые (8,6%) – положительно, и лишь 18,1% отдали предпочтение однопациональным бракам. Кочевники не стали отвечать на вопрос о возможности браков с русскими, так как, по их мнению, такие браки просто невозможны: русские не могут жить в тундре. Что же касается возможности браков с представителями северных народов, то большинство ненцев (67,7%) выразили к ним негативное отношение, 22,6 – нейтральное и 8,1% – положительное. Таким образом, можно сделать вывод, что традиционный кочевой образ жизни способствует сохранению эндогамии.

Многие ненцы в отличие от соседних северных народов сохранили надежду на дальнейшее существование и развитие своего этноса, несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию в годы, когда проводилось исследование. И этого оптимизма намного больше у кочевников, чем у жителей поселков.

Подавляющее большинство оленеводов (90,3%) уверены, что по крайней мере через два-три поколения ненцы будут существовать, и только 1,6% высказали противоположное мнение. Среди оседлых жителей оптимистов меньше – лишь 53,8%. Еще 27,6% менее уверены в будущем своего народа, а 10,5% считают, что у ненцев нет будущего.

Приведенные данные свидетельствуют, что при переходе к оседлому образу жизни ненцы переживают настоящую ломку национальной культуры, и во многих случаях эти изменения носят трансформационный характер. Со сменой поколений быстро утрачиваются родной язык, многие элементы традиционной культуры, происходит подрыв эндогамии и начинается массовая метисация. Правда, при этом численность ненцев продолжает расти, их самосознание довольно устойчиво, большинство метисов вливаются в ненецкий этнос. К сохраняющимся элементам традиционной жизнедеятельности можно отнести занятия мужчин охотой и рыболовством. Трансформационные процессы начинаются уже в первом поколении родившихся в поселках, а во втором поколении изменения принимают подчас необратимый характер. Можно предположить, что в третьем-четвертом поколениях после оседания ненцы будут представлять собой группы русскоязычных метисов, но с сохранением самосознания и численности. Только кочевой оленеводческий образ жизни позволяет ненцам и другим народам Севера сохранять основы национальной культуры и в целом этнический облик.

А.А. Южаков
(г. Салехард)

ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ КОЧУЮЩИХ ХОЗЯЙСТВ ЯМАЛЬСКОЙ ТУНДРЫ

В Ямало-Ненецком автономном округе кочуют 13,5 тыс. человек, которые объединены в 2600 кочующих хозяйств. Это представители коренного населения: ненцы, северные ханты, коми, селькупы, манси и эвенки. Годы коллективизации и внедрения социалистического способа хозяйствования не смогли уничтожить традиционные кочевые формы оленеводства. Более того, в оленеводстве Ямала сложился своеобразный “симбиоз” государственной и частно-семейной форм собственности, когда основу совхозных оленеводческих бригад составляли несколько родственных семей или одна большая семья владельцев личных оленей.

До недавнего времени кочующее население ямальской тундры не становилось объектом сколько-нибудь серьезных социально-экономических исследований, включая социологические. Одна из первых работ такого рода – исследование, осуществляемое некоммерческим фондом изучения, мониторинга и защиты традиционных кочующих хозяйств Ямало-Ненецкого автономного округа при участии сектора социологических исследований Сибирского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства СО РАСХН. Его цель – определить влияние реформирования сельскохозяйственных предприятий на социально-экономическое состояние кочующих хозяйств.

По характеру это исследование можно отнести к пилотажным углубленным. Основной его метод – формализованное интервью, в качестве дополнительных использовались экспертный опрос и анализ документов. Интервью проводилось по двум анкетам: по “Анкету кочевого оленевода коллективного хозяйства” было опрошено 33 пастуха-оленевода из совхоза “Ямальский” и АО “Панаевский” Ямальского района, с помощью “Анкету главы кочевого частного оленеводческого хозяйства” было обследовано 31 частное оленеводческое хозяйство Ямальского района. Среди респондентов оленеводы – члены коллективных (17%) и частных оленеводческих хозяйств (36%).

Качественный состав респондентов характеризуется следующими данными:

1) молодежь до 20 лет составляет 4,2%, лица в возрасте 21–30 лет – 10,6, 31–40 лет – 36,2, 41–50 лет – 21,3, старше 50 лет – 14,9% и 12,6% опрошенных не указали возраст;

2) лиц с высшим образованием среди опрошенных нет, со средним специальным – 2,1%, со средним общим – 27,7, с неполным средним – 48,9, с начальным – 12,8, неграмотных – 2,1%; 6,4% не указали уровень своего образования;

3) средний размер семьи ямальских кочевников составил 6,5 чел., в числе которых 3,5 ребенка. Из всех детей 42,9% учатся и живут в интернате, 57,1 – кочуют с семьей, из них 11,4% работают вместе с родителями;

4) стационарное жилье (дом, квартиру) имеют лишь 6,4% кочевых оленеводов. В среднем на одну семью приходится 1,5 чума (зимний плюс летний), 22 нары, пять-шесть оленегонных лаек, пять-шесть

сетей. Снегоход имеется в 70% хозяйств, лодка — практически в каждой семье. Всего 60% оленеводческих семей обеспечены радиоприемниками, четверть — магнитофонами. Телевизоры, электростанции, радиостанции имеют единицы. Печи есть в каждой семье.

Для характеристики восприятия рыночных преобразований кочевыми оленеводами частного и коллективного секторов в анкете выделено четыре блока вопросов. Первый посвящен оценке уровня развития частного предпринимательства преимущественно в сфере обслуживания и бизнеса, второй — земельным отношениям, третий — реорганизации сельскохозяйственных предприятий, четвертый — выражает мнение оленеводов относительно организации собственного дела работниками совхоза и работы в коллективном хозяйстве при изменении экономической ситуации.

Проведенные исследования показали, что в Ямальском районе кочующее население относится к рыночным преобразованиям в сельском хозяйстве скорее положительно, хотя оценки, даваемые отдельным направлениям реформ, достаточно противоречивы. В целом к частному предпринимательству отношение позитивное: 78,9% опрошенных положительно оценивают существование коммерческих предприятий и магазинов, но работать по найму у частника или организовать собственное дело готов только каждый третий респондент. Наиболее сложным является отношение к земельной реформе: на введение частной собственности на землю согласны четверть респондентов и около половины не определились в своем мнении; куплю-продажу земли не одобряют по различным причинам половина опрошенных. Еще более противоречивы оценки, касающиеся реорганизации предприятий: около трети респондентов отмечают ухудшение трудовой дисциплины и снижение заинтересованности в результатах труда, примерно столько же никаких изменений по этим показателям не заметили. Треть опрошенных не устраивают низкие заработки. Примерно половина оленеводов коллективных хозяйств готовы кочевать самостоятельно в случае ликвидации предприятия, но четверть из них намерены работать в коллективном хозяйстве даже при ухудшении условий труда и снижении уровня его оплаты. Основными причинами такого намерения респонденты называют привычку работать в коллективе, нехватку собственных оленей и трудности в снабжении необходимым для ведения хозяйства.

В обследуемых хозяйствах средний размер стада составляет 308 оленей: у оленеводов коллективного хозяйства — 351, у частников — 247 оленей. В последние годы увеличили поголовье 12,8 % опрошенных оленеводов, еще 36,2 % собираются сделать это в ближайшие годы. В 76,5 % ответов в качестве причины увеличения поголовья отмечается необходимость удовлетворения нужд собственной семьи и только в 17,6% — коммерческая выгода. Сократить поголовье собирается каждый десятый оленевод. Главная причина сокращения — отсутствие пастбищ (60% ответов).

Ни один из опрошенных оленеводов не указал на существенное улучшение своего материального положения, 15% отметили некоторое его улучшение, у трети респондентов оно не изменилось, у каждого четвертого — ухудшилось. У 15 % семей частников и у 18,5% семей работников совхоза денег не хватает даже на питание. Однако в перспективе свыше трети кочевников ожидают улучшения своего материального положения и только 4% полагают, что оно ухудшится. Приоритетными направлениями социального развития оленеводы считают рост заработной платы, гарантированное медицинское обслуживание, улучшение социальной защиты.

Продукция, получаемая от собственных оленей, используется преимущественно на нужды семьи в 61,7% хозяйств. Основные покупатели продукции кочевых хозяйств — коммерческие структуры и совхоз. При этом цены на продукцию и формы ее оплаты, устанавливаемые совхозом, не устраивают основную массу оленеводов. Коммерческие предприятия для кочевников более приемлемы в качестве покупателей пантов и мяса, хотя предлагаемые этими предприятиями закупочные цены тоже не всегда подходят оленеводам. Практически никто из респондентов не смог достаточно уверенно назвать размер своей годовой или месячной зарплаты. Размеры социальной помощи знают двое из каждых 10 опрошенных кочевников.

Доход от продажи продукции, получаемой от личных оленей, в совокупном годовом доходе кочующей семьи имеет следующий удельный вес: более трех четвертей — у 20% оленеводов коллективных хозяйств и у 60% частников; от 50 до 75% — у 10% обследованных семей; от 25 до 50% — у 23,4% семей; менее четверти доходов в семейном бюджете от личных оленей имеет каждая десятая семья. Три четверти семей оленеводов из коллективных хозяйств используют личных оленей для удовлетворения собственных нужд (шкуры для пошива одежды и обуви, продукты питания, транспортные работы). Пастбищ в более или менее достаточной степени хватает для выпаса оленей в 77% хозяйств, главы остальных кочующих хозяйств указывают на их острую нехватку. Практически все из опрошенных оленеводов коллективных хозяйств проводят отпуск, кочуя со своими оленями. Достигнув пенсионного возраста, собираются кочевать 72,7 % опрошенных оленеводов. На вопрос о том, хотели бы кочевники, чтобы их дети остались кочевать с ними, когда вырастут, более половины респондентов ответили утвердительно.

В качестве предварительного вывода можно отметить, что процесс реформирования сельскохозяйственного предприятия на севере полуострова Ямал не затронул существенно интересы и образ жизни оленеводов как коллективных, так и частных хозяйств. Негативные оценки продиктованы кризисным состоянием экономики страны в целом и сельского хозяйства в частности.

Б.Д. Цыдыпова
(г. Улан-Удэ)

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД*

В 1996–1997 гг. в Республике Бурятия в рамках проекта “Регулирование женской занятости и безработицы в Бурятии в условиях перехода к рыночной экономике”, осуществляемого при финансовой поддержке Фонда Дж.Д. и К.Т. МакАртуров, было впервые проведено независимое комплексное исследование состояния занятости и безработицы у женщин этой республики в период рыночных преобразований. Целью его была разработка рекомендаций по регулированию женского рынка труда с учетом местных особенностей. Исследование проводилось в трех типичных районах республики – промышленном, аграрном и пригородном (Заиграевском, Кижингинском, Иволгинском) и в г. Улан-Удэ. Обследовались монопредприятия в сельской местности, где в основном были заняты женщины, фермерские хозяйства, изучались развитие личных подворий, возрождение традиционных форм хозяйствования при ведении nomadic животноводства, занятость женщин на предприятиях легкой, пищевой, текстильной промышленности и ВПК. Для этой цели были использованы специально разработанные анкеты – работающей женщины, безработной, женщины, находящейся в состоянии скрытой безработицы, занятой в неформальном (нелегальном) секторе экономики, проведены опросы представительниц коренного населения, женщин – предпринимателей, женщин – руководителей районных администраций и отдельных предприятий, интервью с женщинами из разных социальных групп. Был применен также экспертный метод исследования. В группу экспертов были включены министры, главы местных администраций, руководители предприятий и их заместители, главные специалисты, ученые, старожилы сел, представители общественных женских организаций и др.

В 1992–1997 гг. в занятости жительниц Республики Бурятия произошли большие изменения. В этот период в республике наблюдалась тенденция сокращения числа женщин, занятых в отраслях материального производства при одновременном увеличении их численности в непроизводственной сфере. Однако темпы увеличения численности женщин, работающих в непроизводственной сфере, были намного ниже темпов уменьшения числа занятых в материальном производстве. В связи с отсутствием в республике реальной программы структурных преобразований экономики отраслевое движение рабочей силы носит стихийный характер.

В целом в годы реформ занятость женщин в Бурятии сокращалась высокими темпами. За последние пять лет количество работающих женщин уменьшилось на 27,3%, при том что общее сокращение численности занятых в экономике составило 24,8%. За 1991–1997 гг. в промышленности численность работающих женщин уменьшилась на 68,3%, их удельный вес в общей численности работников этой сферы снизился с 21,6 до 17,8%. Общее же сокращение занятых в промышленности за указанный период составило 54,7%, т.е. женщин высвобождалось больше, чем мужчин.

В сельском хозяйстве численность рабочих и служащих уменьшилась в целом на 41,8%, а женщин – на 49,1%. В настоящее время доля женщин, занятых в сельскохозяйственном производстве, составляет лишь 30% (в среднем по РФ – 38%). Основными причинами сокращения численности работающих в сельском хозяйстве являются продолжающийся спад производства из-за отсутствия республиканской программы вывода отрасли из кризиса и банкротство большинства животноводческих хозяйств в связи с диспаритетом цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию.

Самое большое сокращение численности работающих наблюдалось в строительстве – в 2,5 раза, причем треть составили женщины. Трудовой потенциал этой отрасли постепенно разрушается из-за катастрофического снижения объема федеральных инвестиций, а собственных средств на строительство в республике практически нет.

* Работа выполнена при поддержке Фонда Дж.Д. и К.Т. МакАртуров (проект VR / jsr GA № 96-41116 A-FSU).

Изменения в структуре занятости женщин произошли и в непроизводственной сфере. Везде, кроме отраслей кредитования, страхования и аппарата управления, произошло сокращение численности рабочих и служащих. Численность занятых в науке и научном обслуживании уменьшилась на 78,3% (в среднем по РФ – на 28,5%). Из-за низкой заработной платы, особенно в первые годы реформ, ушли в основном мужчины, молодые перспективные работники. В результате удельный вес женщин в отрасли увеличился с 42 до 62%. В настоящее время численность занятых в науке в Бурятии составляет лишь 0,3% от общей численности трудовых ресурсов, тогда как в РФ в целом – 2,7%. С образованием коммерческих банков и страховых фирм в республике произошло увеличение числа занятых в кредитовании и страховании, но в основном за счет мужчин. Удельный вес женщин в этих отраслях сократился с 81 до 75%. Как видим, имела место тенденция вытеснения женщин с рабочих мест, требующих высокого профессионализма. Постепенно в рыночной инфраструктуре республики появляются сегменты, где заняты в основном мужчины с высокой заработной платой. В традиционно “женских” отраслях, таких как торговля, здравоохранение и просвещение, численность занятых женщин осталась на прежнем уровне. В настоящее время почти половина работников непроизводственной сферы сосредоточена в просвещении. Численность женщин, работающих в аппарате управления, за 1992–1997 гг. увеличилась на 42,3%, в целом же по РФ этот показатель уменьшился на 6,7%. В Бурятии удельный вес занятых в данной отрасли составляет 2,3%, а в РФ – 1,9%.

Сегодня в республике по-прежнему большое число женщин сосредоточено в материальном производстве. Их численность в непроизводственной сфере увеличивается более медленными темпами по сравнению с другими российскими регионами, хотя по обеспеченности услугами социальной сферы Бурятия занимает одно из последних мест в РФ.

В период перехода к рыночной экономике положение женщин на рынке труда в Бурятии оказалось более напряженным, чем в других регионах РФ. За 1992–1997 гг. увеличилось предложение свободной рабочей силы со стороны женщин, снизился спрос на нее, быстрыми темпами стала расти женская безработица. В 1997 г. удельный вес женщин в общей численности нуждающихся в трудоустройстве составил 61%, причем в возрастной группе до 29 лет – 68,8%. В 1993 г. работа была предоставлена 27,6% от всего количества обратившихся женщин, а в 1997 г. – 25,8%, т.е. проблемы трудоустройства женщин обострились. Среди высвобождаемых работников доминировали женщины, и в 1997 г. их удельный вес составил 69,5%. По мнению экспертов и по нашим наблюдениям, усиливается дискриминация женщин в трудовой сфере, женщины не выдерживают конкуренции с мужчинами, особенно в инженерно-технических видах деятельности, так как в условиях рынка у женщин снизились возможности повышать свой образовательный и профессионально-квалификационный уровень, интенсивно трудиться на рабочем месте из-за увеличения нагрузки в домашнем хозяйстве, хотя у них сохраняется высокая потребность в оплачиваемой занятости из-за низкого уровня жизни в республике.

Данные служб занятости и результаты исследования состояния занятости в Бурятии, проводимого Госкомстатом с 1992 г., расходятся. Первоначальное представление о “женском” лице безработицы сложилось на основе статистических данных, представляемых службами занятости. Согласно этим данным, в 1992 – 1997 гг. женщины стабильно преобладали среди безработных, имеющих соответствующий статус: в 1992 г. их доля составляла 74,5%, в 1997 г. – 71,2%. По данным же Госкомстата, доля женщин среди зарегистрированных безработных равнялась в эти годы соответственно 44,7 и 41,6%. Мужчины в большей мере, чем женщины, рассчитывают при трудоустройстве на собственную инициативу. В 1997 г. коэффициент напряженности на женском рынке труда составил 49 чел. на одно вакантное место, при том что в 1995 г. – 70 чел. В целом на рынке труда этот коэффициент составлял в 1995 и 1997 гг. 29 и 41 чел. соответственно. Уровень зарегистрированной женской безработицы в Бурятии в 1997 г. увеличился до 3,9% по сравнению с 1,4% в 1993 г. (уровень общей безработицы составлял соответственно 1 и 2,3%). Однако по данным обследования, проводимого Госкомстатом, уровень общей безработицы в республике в 1993 г. составлял 6%, в 1995 г. – 14,2, а в 1996 г. увеличился до 15%. По РФ этот показатель в 1993 г. был равен 5,5%, в 1995 г. – 8,6, в 1996 г. – 9%. Настораживает то, что уровень общей безработицы в Бурятии на 65,1% выше, чем по РФ в целом, и по темпам его увеличения республика намного опережает другие регионы РФ.

В 1992–1997 гг. на рынке труда Республики Бурятия спрос на женскую рабочую силу сокращался быстрее, чем на мужскую, так как на предприятиях при приеме на работу предпочтение отдавалось мужчинам. Средний срок зарегистрированной безработицы у женщин становится более продолжительным. Так, в 1997 г. среднее время поиска работы у них равнялось 6,4 мес. по сравнению с 5,5 мес. в предыдущем году. Доля работниц, чья вынужденная незанятость продолжалась менее 4 мес., снизилась за этот период с 29,8 до 25,5%. В то же время доля безработных женщин, ищущих работу более года, увеличилась с 9 до 23,4%. Удельный вес неработающих женщин среди лиц, являющихся безра-

ботными более года, повысился с 73,9 до 77,3%. Наибольшая продолжительность безработицы зарегистрирована в сельской местности. По данным комплексного исследования, появилась довольно многочисленная группа безработных женщин, которые получают пособия по два и даже три года. Это объясняется тем, что службы занятости из-за отсутствия вакансий не могут предложить им подходящую работу. При этом среди безработных женщин, зарегистрированных в службах занятости, 61,1% имеют несовершеннолетних детей.

По официальным данным, в 1997 г. в Бурятии среди молодых безработных женщин лица в возрасте 15–17 лет составляли 1,2%, 18–24 года – 17,7, 25–29 лет – 11,6%. Всего доля женщин до 29 лет в общей численности безработных равнялась 30,5%, удельный вес выпускниц высших и средних специальных заведений – 9,3%. В основном среди безработных женщин преобладают лица в возрасте 30–49 лет со средним образованием. В настоящее время мало перспектив в плане трудоустройства имеют безработные женщины с высшим и средним специальным образованием, причем имеющие среднее специальное образование составляют треть от общей численности безработных женщин в республике.

Наиболее трудноразрешимой проблемой, связанной с положением женщин на рынке труда, является скрытая безработица (неполная занятость). В конце 1997 г., по данным статистики, число лиц, работавших в режиме неполной рабочей недели и находившихся в отпуске без сохранения заработной платы по инициативе администрации, составляло 78,8 тыс. чел. – это 25,6% от общего количества занятых в народном хозяйстве республики. В 1996 г. показатель скрытой безработицы по сравнению с предыдущим годом увеличился почти в 3 раза. В 1997 г. настоящее время уровень скрытой безработицы в Бурятии более чем вдвое превышал среднероссийский показатель. В целом на предприятиях республики реальная скрытая безработица находится на уровне 45–50%, при этом значительную долю в численности “работающих безработных” составляют женщины. Мужчины более мобильны, им легче уволиться, чтобы найти другую работу, а женщины по сравнению с мужчинами труднее расстаются с прежней работой, они психологически не готовы к переменам в труде.

Многих женщин устраивает неполная занятость: формально числясь на предприятии, они практикуют различные формы неформальной занятости, например занимаются мелкой розничной торговлей и “челночным” бизнесом. В ходе социологического опроса этой категории женщин выяснилось, что при поиске работы они везде получают отказы, причем особенно неперспективными считаются женщины старше 40–45 лет. Частные фирмы отдают предпочтение более молодым работницам – в возрасте до 30–35 лет.

Скрытой безработице способствуют руководители многих предприятий, которые по разным причинам стараются сохранить кадры, надеясь на будущую стабилизацию в экономике. При этом если в первые годы реформ их поведение мотивировалось гуманными соображениями, желанием не разрушать трудовой коллектив, то сейчас основные мотивы – сопротивление банкротству предприятий и финансовая несостоятельность, не позволяющая оплатить пособия при увольнении работников. В настоящее время медленные темпы структурной перестройки экономики республики, нерешительность властных структур в отношении закрытия и перепрофилирования предприятий-банкротов еще сдерживают превращение массовой скрытой безработицы в открытую.

Большая разница между уровнями официальной и реальной безработицы говорит о том, что многие безработные не обращаются в службы занятости. Это объясняется, в частности, низкой суммой пособия по безработице, долгими задержками его выплаты из-за отсутствия средств в фонде занятости и слабыми реальными возможностями трудоустройства с помощью служб занятости. В 1997 г. в Бурятии среднегодовой размер пособия составлял 250 тыс. руб. (в ценах 1997 г.). Социологический опрос показал, что многие безработные женщины после регистрации в службе занятости, особенно в сельской местности, в течение года не получали пособия. По данным нашего обследования, в службы занятости обращалось не более 20% безработных, в сельской местности – 10–15%. В 1997 г. доля безработных в сельской местности Бурятии составила 39,7% от общей численности безработных, тогда как в РФ – 26,7%. Найти работу в селе труднее, чем в городе: в сельской местности ограничена сфера приложения труда и весьма слабо развита инфраструктура. Реформирование колхозов и совхозов привело к тому, что большинство занятых в них женщин остались без работы. К ним присоединились женщины, высвобождаемые из-за закрытия детских дошкольных учреждений, клубов и фельдшерских пунктов, находившихся на балансе бывших колхозов и совхозов.

Комплексное исследование, проведенное в селах трех районов республики и на предприятиях г. Улан-Удэ, выявило реальное положение женщин как с точки зрения занятости, возможностей материального обеспечения семьи, так и с точки зрения их психологического состояния. В обследованных районах наблюдается резкое ухудшение уровня жизни населения, многие семьи находятся на грани выживания, происходит маргинализация безработных женщин. В сельской местности уже несколько

лет не видят “живых денег”, многие семьи перешли на ведение натурального хозяйства, пекут хлеб, шьют одежду и т.п. Деньги получают только от реализации продукции личных подворий. Психологическое состояние большинства женщин неадекватно реальным условиям: они или беспомощны, безынициативны, не готовы взять на себя ответственность за семью, ее выживание, или, наоборот, проявляют агрессивность, недовольство всем происходящим. Социологический опрос показал, что многие из женщин находятся в хроническом депрессивном состоянии в связи с потерей работы, утратой привычного образа жизни, отсутствием надежд на улучшение материального положения. Социальное самочувствие большей части безработных женщин можно охарактеризовать как депрессивно-пассивное. Из-за плохого материального положения 59,1% безработных женщин готовы устроиться на любую работу, даже с частичной занятостью. В большей мере к этому склонны незамужние женщины (49%). Тем не менее 36,8% безработных женщин предпочли бы работать по своей профессии. В настоящее время в связи с отсутствием вакансий в материальной сфере производства, особенно в сельской местности, 80% опрошенных женщин не уверены в том, что в ближайшее время они смогут найти работу, причем в селе таких на 15% больше, чем в городе. Сельские женщины намерены искать возможность зарабатывать каким-либо другим способом, более активно заняться личным подсобным хозяйством.

Большинство респонденток не знают, как дальше жить, что свидетельствует о бессилии и растерянности. Большая часть безработных женщин проявляют недовольство условиями жизни. Многие из них (79,3%) отрицательно относятся к рыночной экономике, среди работающих женщин таких чуть меньше – 66,3%. В то же время 73,7% работающих женщин недовольны руководством предприятий. Половина респондентов считают, что только по вине администрации их предприятие оказалось в кризисном состоянии, а по мнению 25,9%, это произошло из-за неправильно выбранного пути приватизации. Дискриминацию по отношению к себе чувствуют 20,7% работающих женщин. Они полагают, что в административные отпуска в первую очередь отправляют женщин.

Из бесед с женщинами, находящимися в состоянии скрытой безработицы, видно, что большинство из них испытывают сильное беспокойство из-за возможности стать безработными, у многих нет уверенности, что они смогут найти новую работу. Администрации некоторых предприятий пользуются их беспомощным положением, время от времени часть женщин отзывают на более низкооплачиваемые работы. На обследованных предприятиях разрыв между заработной платой администрации и рядовых работников очень большой, а информация о реальном размере зарплаты руководителей недоступна. Из статистических отчетов трудно вывести достоверные размеры зарплаты фактически работающих, так как в них отражена среднесписочная численность персонала, включая и фактически не работающих.

В рабочих поселках, где остановлены градообразующие монопредприятия, женщины недовольны местными и республиканскими органами власти, настроены на решительные меры, вплоть до объявления голодовок. В республике имеются случаи коллективных голодовок, блокирования железной дороги и т.п. По всей вероятности, с ростом безработицы эта тенденция будет усиливаться, отчаяние и гнев будут накапливаться, возможен социальный взрыв.

По данным опроса, 35,8% работающих женщин считают, что им грозит высвобождение с производства. Для многих женщин характерно чувство безысходности в отношении перспектив решения их основных жизненных проблем. Анализ причин безработицы среди женщин показывает, что 63,2% потеряли рабочее место в результате сокращения штатов. При этом женщины менее мобильны, чем мужчины. Это относится и к сельским женщинам: лишь 30,3% безработных жительниц села согласны пройти переподготовку, поменять профессию. В перспективе многие женщины хотели бы работать на государственном предприятии, и только 8,8% – на частном, хотя в государственном секторе практически не создаются новые рабочие места, частные же предприятия подбирают кадры самостоятельно.

В беседах со специалистами службы занятости выяснилось, что большинство женщин, обратившихся за содействием в трудоустройстве, психологически не готовы к переменам в жизни. Многие безработные женщины не до конца преодолели стереотипы иждивенчества, ждут, когда им предложат новую работу, вместо того чтобы вести активный самостоятельный поиск. Трудоустройство безработных женщин, по оценке работников служб занятости, затрудняется, в частности, тем что многие работодатели не гарантируют своевременную выплату заработной платы. Большинство работодателей отказывают выпускникам вузов, средне-специальных учебных заведений и школ из-за отсутствия у них опыта работы.

Данные социологического опроса показали, что только 8,4% работающих женщин имеют вторую занятость, 20 – повышают свою квалификацию и 7,2% женщин, находящихся в состоянии скрытой безработицы, подрабатывают в другом месте. Это свидетельствует о слабой адаптации женщин к условиям рыночной экономики.

По оценке большинства экспертов, лишь 2–3% женщин готовы к предпринимательству. Между тем примерно четверть безработных женщин высказывают желание заняться собственным делом не только в сфере торговли, коммерции, но и на базе личного подсобного хозяйства и домашнего труда. Но большинство не готовы реализовать это желание из-за отсутствия первоначального капитала. Только 2,2% женщин, занятых в неформальном секторе экономики, хотят открыть свое дело. С учетом оценки экспертов, данных опроса женщин и наших наблюдений можно утверждать, что примерно 3–5% из них действительно могут организовать собственное дело. Такой низкий процент женщин, готовых заняться предпринимательской деятельностью, говорит о слабых возможностях вхождения женщин в рынок. Это объясняется, с одной стороны, отсутствием навыков предпринимательства, а с другой – низким уровнем материальной обеспеченности, отсутствием стартового капитала.

Анализ данных проведенного комплексного исследования позволяет выделить среди женщин наиболее характерные типы по степени адаптированности к рыночным условиям. Первый тип включает женщин “перестроившихся”, адаптировавшихся к рынку. Сюда можно отнести женщин-предпринимателей (руководителей, некоторых работников частных предприятий), часть специалистов предприятий, женщин, занятых в фермерских хозяйствах, личных подсобных хозяйствах и т.д. К этому типу можно отнести и многих молодых женщин, так как у них нет стереотипов, сформированных прежней системой, они более мобильны, с оптимизмом смотрят в будущее, надеются, что устроятся на работу или сами организуют рабочие места. Женщины этого типа, как правило, интенсивно работают, многие имеют вторую занятость, подрабатывают в неформальном секторе экономики, материально живут лучше основной массы женщин. Эти женщины находятся в эмоционально комфортном состоянии, у них нет выраженного психоэмоционального напряжения. Однако они недовольны тем, что законы несовершенны, неадекватны налоговые ставки, нестабильна проводимая экономическая политика. По их мнению, органы власти и управления Республики Бурятия не поддерживают мелкий и средний бизнес. В основном к этому типу относятся женщины с высшим и средним специальным образованием в возрасте от 25 до 40 лет. Их доля составляет 9–10% от всех занятых женщин.

Второй тип объединяет основную массу опрошенных женщин, которые осознали, что по-старому жить нельзя, но реально пока ничего не предпринимают, заняли выжидательную позицию. Они по-прежнему держатся за старую работу на убыточных предприятиях, годами не получая зарплаты, находясь в состоянии скрытой безработицы, если и ищут новую работу, то неактивно. Свое дело открывать не предполагают, второй занятости не имеют, менять профессию не собираются. Эти женщины испытывают значительное эмоциональное напряжение, возмущаются, критикуют происходящие рыночные перемены. Их доля равна 33–35%.

Женщины третьего типа еще не осознали сути рыночных преобразований, они все еще надеются на возрождение государственных предприятий-гигантов. Многие работники бюджетных организаций думают, что они и дальше будут находиться на государственном финансировании, хотят сохранить старое, отстаивают свои права, требуют задержанную заработную плату, организуют забастовки. Все они пребывают в состоянии хронического психоэмоционального напряжения. Это в основном женщины среднего возраста из разных социальных групп. По нашей оценке, они составляют 23–25%.

Четвертый тип – это женщины, не принимающие происходящих перемен. Они всем недовольны, настроены агрессивно, находятся в тяжелом эмоциональном состоянии в связи с резким ухудшением их материального положения. Работники служб занятости и местных администраций отмечают, что больше всего претензий, возмущения высказывают женщины именно этого типа. К данному типу можно отнести женщин, работающих на предприятиях ВПК, на монопредприятиях рабочих поселков, а также безработных жен военнослужащих. В основном это приезжие, уровень жизни у них был намного выше, чем у местного населения. К этому же типу можно отнести работающих пенсионеров, которые находятся в постоянном страхе, что подпадут под сокращение. Из-за перспективы жить только на мизерную пенсию, выплаты которой к тому же задерживаются, они могут оказаться в трудном материальном положении. Доля женщин этого типа составляет 15–20%.

Представительницы пятого типа – это маргиналы: во-первых, те, которые не хотят работать, безразличны ко всему и живущие одним днем, не задумывающиеся о будущем и разуверившиеся в собственных силах, алкоголички, тунеядки, живущие случайными заработками и попрошайничеством; во-вторых, те, которые не могут самостоятельно выжить.

Итак, проведенное исследование положения женщин на рынке труда в Республике Бурятия выявило следующие тенденции:

- в экономике республики происходит снижение спроса на женскую рабочую силу, причем в большей мере по сравнению с мужской, т.е. многие предприятия при приеме на работу предпочтение отдают мужчинам;

- за 1991–1997 гг. значительно сократилась занятость женщин трудоспособного возраста: если в 1991 г. их доля составляла 82,4%, то в 1997 г. она снизилась до 66,7%;
- снижение занятости женщин наблюдается повсеместно, однако в сельской местности это произошло более быстрыми темпами из-за непродуманного ускоренного реформирования колхозов и совхозов. Глубокий кризис хозяйств животноводческого направления вызвал массовую безработицу среди представительниц коренного населения;
- за годы реформ в Бурятии быстрее, чем в других регионах, увеличилась численность женщин трудоспособного возраста, не занятых в экономике. За пять лет она удвоилась и в настоящее время составляет 69,3 тыс. чел., т.е. пятая часть трудоспособных женщин не работают;
- быстрыми темпами растет численность безработных женщин. Уровень зарегистрированной безработицы среди женщин увеличился с 0,7% в 1992 г. до 3,9% в 1997 г., а уровень общей безработицы среди женщин, рассчитанный по методике МОТ, – соответственно с 5,2 до 14,9%;
- резко увеличилась численность женщин, остающихся без работы более года: их доля возросла с 7,3 до 18,4%;
- нарастают масштабы скрытой женской безработицы, при этом женщин в большей мере, чем мужчин, устраивает неполная занятость как альтернатива безработице. Женщины менее мобильны и для большинства работающих женщин главное – сохранить рабочее место;
- постепенно обостряется проблема трудоустройства безработных женщин. В 1997 г. работу получила лишь каждая пятая из женщин, обратившихся за содействием в службу занятости;
- быстрыми темпами растет численность безработных женщин – молодых специалистов, что говорит о несоответствии сложившегося образовательного уровня женского населения республики требованиям рынка и о том, что происходящие в системе образования изменения неадекватны быстрым переменам на рынке труда.

В настоящее время государственное регулирование социально-трудовой сферы как на уровне РФ, так и на региональном и местном уровнях находится в глубоком кризисе. Из-за недостатка средств в бюджете и фонде занятости не соблюдаются трудовое законодательство и закон о занятости. Многие гарантии государства относительно права на труд, социальной защиты женщин, которые прежде оценивались как недостаточные, теперь вовсе утрачены. Не соблюдаются элементарные права женщин в трудовых отношениях, претендентами на сокращение в первую очередь оказываются женщины.

В Бурятии ситуация на женском рынке труда давно вышла из-под контроля, происходящие на нем процессы фактически не регулируются, службы занятости в состоянии охватить лишь 12–15% незанятого населения. В первые годы реформ, когда безработных было еще мало, когда предприятия еще работали, почти всем женщинам выплачивались пособия, оказывалось содействие в трудоустройстве, проводилось профобучение, организовывались общественные работы, обеспечивалась поддержка предпринимательства, самозанятости и т.д. В последнее же время в связи с отсутствием средств в фонде занятости эти услуги по социальной защите незанятых женщин свелись к минимуму.

Оказать помощь всем нуждающимся женщинам пока невозможно, поэтому в первую очередь необходима адресная, конкретная помощь тем, кто особо нуждается. В условиях дефицита бюджета следует осуществлять мероприятия, не требующие больших финансовых затрат. Речь идет об изменении менталитета у женщин, об усилении трудового воспитания подрастающего поколения, о формировании у работающих мотивации в духе рыночных перемен. Надо пробуждать инициативу у самих безработных женщин, поощрять их активность в поиске работы, предпринимательской деятельности, организации надомного труда, самозанятости. Следует расширять работу по информированию женщин о рыночных отношениях, по психологической поддержке безработных женщин. Целесообразно открывать в районах республики клубы ищущих работу, кризисные центры по защите прав женщин. Надо хотя бы раз в квартал проводить выездные семинары, занятия на крупных предприятиях, где имеются значительные объемы скрытой безработицы и ожидаются массовые высвобождения работниц. В старших классах школ следует вести работу по профориентации, психологической подготовке к рыночным условиям. В семье с малых лет надо приучать детей к трудовой деятельности, адаптировать их к рыночной экономике и воспитывать так, чтобы они росли самостоятельными, ответственными, знали, как выжить в условиях рынка. К решению всех этих задач должны подключиться и СМИ республики: в газетах следует открыть специальные рубрики, на телевидении и радио организовать систематические консультации специалистов служб занятости.

Л.В.Логинова, А.М.Матвеев
(г. Красноярск)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ЭВЕНКИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ

Основу агропромышленного комплекса Эвенкийского АО составляют отрасли, вовлекающие в хозяйственный оборот местные биологические природные ресурсы. Традиционные виды занятий малочисленных народов Севера обусловили направления производственной деятельности совхозов и коопзверопромхозов, – именно эти два типа институциональных образований преимущественно и определяли форму организации трудовой деятельности коренного населения округа на протяжении последних десятилетий.

Все совхозы округа имели оленеводческо-промысловое направление. Наряду с оленеводством, пушным и рыбным промыслами в ряде совхозов успешно занимались клеточным звероводством, которое, являясь новым видом хозяйственной деятельности, очень близко к традиционным занятиям коренных народов Севера. Получили развитие также молочное и мясное животноводство, птицеводство. Молочное животноводство, хотя и с небольшим объемом продукции, было распространено практически во всех хозяйствах, что способствовало обеспечению населения важным диетическим продуктом.

Агропромышленный комплекс Эвенкии имеет многофункциональное назначение: во-первых, он является основной сферой жизнедеятельности народов Севера; во-вторых, в нем производится существенная часть потребляемых в округе продуктов питания; в-третьих, его составляют отрасли, которые для округа являются отраслями специализации (олeneводство, пушной промысел, клеточное звероводство). В 1992 г., когда АПК имел достаточно стабильные показатели, в округе имелось около 24 тыс. домашних оленей, 1030 голов крупного рогатого скота (в том числе 475 коров), 2400 свиней, 3000 серебристо-черных лисиц, более 100 лошадей, добывалось до 25 тыс. соболей, производилось около 900 т. мяса в живом весе (включая промысел) и 1100 т. молока в год. В настоящее время АПК округа находится в кризисном состоянии. В течение последних лет здесь произошло сокращение поголовья домашних оленей более чем в 10 раз, крупного рогатого скота – в 4, свиней в – 7,8, клеточных зверьков – в 3,6 раза. В округе уменьшилось производство основных видов продукции сельского и промыслового хозяйства. Снизилась и качественные показатели: ухудшилась структура оленьего стада, уменьшилась сохранность поголовья взрослых оленей, снизился надой молока на одну фуражную корову и т.д.

Реформирование организационно-экономических структур. Переход к рыночным отношениям вызвал глубокие социально-экономические изменения в жизни малочисленных народов Севера: создается многоукладное хозяйство, реформируются организационно-экономические структуры. На базе совхозов и коопзверопромхозов создаются новые формы организации производства, основывающиеся на частной и коллективно-долевой собственности. На 1 января 1996 г. в округе насчитывалось 170 крестьянских (фермерских) хозяйств; в то же время из 15 совхозов, имевшихся в округе на 1 января 1992 г., реорганизовано лишь два: Суриндинский совхоз преобразован в акционерное общество “Суринда”, а Учамский – в коллективное сельскохозяйственное предприятие “Учами”.

При организации крестьянских (фермерских) хозяйств стадо домашних оленей округа, ранее практически полностью принадлежавшее совхозам, распределилось между совхозами и этими хозяйствами. Некоторые хозяйства, из-за отсутствия опыта оленеводства очень быстро лишились своего стада. Аналогичная ситуация наблюдалась и по другим видам имущественных наделов. Удельный вес поголовья скота в крестьянских (фермерских) хозяйствах в поголовье скота хозяйств всех категорий снижается, и происходит это на фоне снижения общего поголовья скота в округе.

Формируемые крестьянские (фермерские) хозяйства не оказывают существенного влияния на решение продовольственной проблемы в округе. Они имеют низкий уровень товарности и в основном ориентированы на удовлетворение собственных потребностей.

Форсирование процесса организации крестьянских (фермерских) и родовых хозяйств привело к тому, что многие из них существуют формально. Безусловно, различной была мотивация у лиц, решивших заняться фермерством: одними двигало стремление попробовать свои силы в самостоятельном ведении хозяйства, других привлекала возможность получения пая. Активной “фермеризации” способствовало и то, что на первых порах начинающим фермерам выдавались беспроцентные ссуды и льготные кредиты. Но мало кто осознавал свою ответственность за возврат полученных средств.

При столь негативных результатах начавшегося процесса якобы возрождения традиционных форм хозяйствования вполне правомерно возникают сомнения в правильности выбора если не формы организации ведения хозяйства, то темпов ее реализации на практике. Сельские поселения в округе, традиционно

использующие биологические ресурсы, находятся на значительном расстоянии друг от друга. Для нормального функционирования жизнеобеспечивающих систем населенных пунктов и создания условий для деятельности, как правило, единственного на весь поселок производственного формирования – совхоза или коопзверопромхоза требуется заданное количество ресурсов (достаточно незначительных по физическому объему). Но их доставка потребителям связана с большими расходами, которые возрастают с увеличением числа потребителей.

До начала 1990-х годов многие функции жизнеобеспечения поселков выполняли именно совхозы или коопзверопромхозы, и в этом имелись свои плюсы: не было излишнего дублирования. Но были и минусы: сельхозпредприятию не всегда в полном объеме компенсировали расходы по поддержанию инфраструктуры поселка. С ухудшением финансового состояния сельхозпредприятий ответственность за жизнеобеспечение поселков перешла к местным органам власти. Что касается создания условий для производственной деятельности, то с организацией наряду с совхозами крестьянских (фермерских) хозяйств данная проблема стала решаться со значительно большими трудностями, а точнее, менее эффективно.

То положительное, что имеется в работе крестьянских (фермерских) хозяйств, нивелируется, а зачастую перекрывается рядом негативных факторов. Из-за большой территориальной удаленности хозяйств возникают сложности с их материально-техническим обеспечением и реализацией продукции, которых не было при централизованном решении этих вопросов. Появились новые проблемы в осуществлении технологических процессов: ветеринарной обработке скота, оленей и т.д. Содержание для этого специализированных служб в условиях крайне низкой плотности поголовья экономически нецелесообразно. Результатом явилось снижение качественных показателей оленеводства и животноводства, ухудшение качества продукции.

Согласно ст. 5 закона РСФСР “О крестьянском (фермерском) хозяйстве” при организации такого рода хозяйства на территории, где отсутствуют объекты производственного и социально-бытового назначения, государство берет на себя его первичное обустройство. Обустройство же фермерского хозяйства на Севере, предполагающее строительство жилья, склада-мерзлотника, бани, других хозяйственных построек, сооружение автономного энергоисточника, приобретение транспортных средств, требует сотен тысяч рублей, что безусловно нереально для отдельного хозяйства, а помощь государства была скорее символической. Поэтому при имеющихся ныне огромных трудностях в жизнеобеспечении населенных пунктов речь может идти только о сохранении уже существующих фермерских хозяйств, а не о создании новых.

Таким образом, вполне закономерная потребность в рассредоточении поселений, вызванная желанием полнее использовать биологические ресурсы территории, наталкивается в условиях дефицита финансовых средств на экономическую необходимость реализации противоположного процесса – концентрации населения. Интенсивное создание крестьянских фермерских хозяйств не стало фактором позитивного решения проблем, имевшихся в традиционном хозяйстве малочисленных народов Севера Эвенкийского автономного округа, а напротив, даже усугубило их, ослабив материально-техническую базу совхозов.

Механизм финансовых взаимоотношений государства и АПК. Проведение экономических реформ не могло не вызвать глубоких изменений в финансовой сфере, которые затронули прежде всего механизм финансовых взаимоотношений государства и АПК. Старая система оказалась фактически ликвидированной, возникла потребность в новой государственной поддержке сельского хозяйства, стал иным механизм централизованного кредитования. Финансовое положение сельхозпредприятий резко ухудшилось вследствие изменения структуры цен в экономике. Начала формироваться система рыночной инфраструктуры, предоставляющая аграрному сектору принципиально иные возможности доступа к финансовым ресурсам.

Сельскохозяйственная и промысловая деятельность в Эвенкийском АО не смогла нормально развиваться из-за действия таких факторов, как диспаритет цен, быстрый рост транспортных тарифов, уменьшение покупательной способности населения и т.д. Экономическая целесообразность, диктуемая рыночными отношениями, практически свела на нет некоторые виды деятельности, даже из числа традиционных для коренных народов Севера. Во многих населенных пунктах население зачастую не может произвести необходимую для себя продукцию. Скрытая безработица охватила подавляющую часть трудоспособного населения поселков. Определенный доход население имеет за счет промысловой деятельности: часть добычи используется на собственные нужды, а часть реализуется перекупщикам, обычно по низким ценам.

Местным органам власти за счет бюджетных средств приходится полностью обеспечивать жизнедеятельность поселков, так как население не может заплатить положенную ему долю по причине многолетнего отсутствия заработной платы. Жители таких поселков получают лишь пособия по безработице, различные виды социальной помощи и при этом впадают в жалкое существование.

Одной из причин свертывания сельскохозяйственного производства и промысловой деятельности является недостаточное их дотирование в условиях новых экономических отношений. Можно рассматривать дотирование как рудимент прошлого, как явление, чуждое рыночным отношениям, но от решения вопро-

сов жизнеобеспечения коренного населения Севера уйти нельзя. Поэтому очень важно решить, что целесообразнее: оказание социальной помощи при полном отсутствии производства или дотирование производства продукции в объеме социальной помощи.

Определение целесообразного уровня дотирования предполагает выявление воздействия внешних и внутренних факторов на изменение затрат при производстве продукции, относительное сопоставление объемов дотирования на единицу продукции до и после перехода к рыночным отношениям, сопоставление объемов дотирования с величиной социальной помощи, определение объемов инвестиций для восстановления воспроизводственных процессов в традиционном хозяйстве малочисленных народов Севера. Определение объемов и изыскание средств для восстановления и поддержания традиционного хозяйства коренных народов Эвенкийского автономного округа является проблемой, требующей безотлагательного решения.

Следует отметить, что около 70% совхозов округа всегда были плано-убыточными. И лишь с учетом выплат хозяйствам дифференцированных надбавок, дотаций Минсельхоза, местного и республиканского бюджетов их относили к рентабельным. В большинстве своем совхозы не имели достаточных средств на развитие материальной базы (создание и функционирование убойных пунктов, холодильников, цехов по переработке кожевенно-мехового и другого сырья), что вело к значительным материальным потерям и снижению эффективности их работы. Но если прежде речь шла о недостатке тех или иных объектов производственной инфраструктуры, то теперь – как правило, об их отсутствии. Ситуацию с рентабельностью (убыточностью) производства основных видов продукции, сложившуюся в округе к концу 1980-х годов, характеризуют данные, представленные в таблице.

Финансовые результаты по основным видам продукции АПК
Эвенкийского автономного округа (1986–1988 гг.)

Продукция	Закупочные цены, руб.- коп.	Надбавки, руб.-коп.		Плата за единицу продукции с учетом надбавок, руб.-коп.	Себестоимость единицы продукции руб.-коп.	Результат реализации единицы продукции (+,-), руб.-коп.	Рентабельность (+), убыточность (-), %
		50% для хозяйств Крайнего Севера	20% для расширения промысла				
1. Промысловая пушнина:							
соболь, шк.	80-00	40-00	16-00	136-00	153-80	- (17-80)	-13
белка, шк.	3-00	1-50	0-60	5-10	6-20	- (1-10)	-21,5
горностай, шк.	10-00	5-00	2-00	17-00	18-40	- (1-40)	-8,2
ондатра, шк.	3-50	1-75	0-70	5-95	6-45	- (0-50)	-8,4
2. Мясо дикого северного оленя и лося, кг.	2-60	-	-	2-60	2-10	+ (0-50)	+ 23,8
3. Рыба:							
сиг, валеж, хариус, ленок, голец, чир, кг.	1-20	-	-	1-20	2-36	- (1-16)	-96,6
песядь, кг.	0-80	-	-	0-80	1-99	- (1-19)	-148,7
4. Клеточная пушнина:							
серебристо-черная лисица, шк.	144-00	50-40	-	194-40	263-00	- (67-60)	-34,7
голубой песец, шк.	70-00	35-00	-	105-00	119-00	- (14-00)	-13,3

В доперестроечный период убыточность основных видов продукции АПК округа была сравнительно невысокой. Причем необходимо иметь в виду, что в те годы хозяйства занимались и жизнеобеспечением поселков, не получая за это полной компенсации затрат, что приводило к искажению реальных производственных издержек. С учетом данного обстоятельства некоторые виды производственной деятельности из разряда убыточных могли бы перейти в разряд рентабельных. Поэтому выплачиваемые дотации нельзя в полной мере относить на производственную деятельность хозяйств. Часть этих средств правильнее относить на содержание жизнеобеспечивающей инфраструктуры сельских населенных пунктов, которое не в полной мере оплачивалось по линии соответствующих ведомств (райздрава, района и др.).

Сопоставление некоторых экономических показателей АПК округа периода 1986–1989 гг. с показателями 1995 г. дает следующие результаты. Добыча дикого северного оленя и рыбы производилась в основном Котуйским и Чириндинским совхозами, расположенными на севере округа. В начале 1995 г. только транспортные расходы по доставке мяса в окружной центр (8906 руб./кг) приближались к цене его реализа-

ции. На каждом килограмме реализованного мяса хозяйства имели убытки, достигавшие одной трети производимых при этом затрат, т. е. убыточность этого вида производственной деятельности достигала 33%. А в 1989 г. при действовавших закупочных ценах 2,6 руб. за 1 кг мяса дикого северного оленя и себестоимости 2,1 руб. за 1 кг хозяйства округа при реализации каждого килограмма мяса имели 50 коп. прибыли и обеспечивали 23% рентабельности в этом виде деятельности. Что же касается добычи и реализации рыбы, то на начало 1995 г. убыточность данного вида деятельности была еще более значительной: транспортные расходы почти в 2 раза превышали цену реализации.

В большинстве хозяйств округа выручка от реализации продукции, включая дотации и компенсации, не покрывала затрат. Задолженность совхозов по кредитам на конец 1995 г. составляла 15 млрд руб. (в текущих ценах IV квартала 1995 г.). Отсутствие дотаций или их недостаточность привели к резкому уменьшению объемов производства, а в ряде мест к его свертыванию.

Север – это традиционно проблемный регион. Жизненный цикл производственных, социальных, инфраструктурных объектов здесь намного короче, чем на “материке”. Это обуславливает более быстрое “обновление” проблем, связанных с поддержанием социально-производственного обустройства, а при несвоевременном решении – их накопление. Имеющиеся в округе проблемы в настоящее время усугублены негативными последствиями реформирования экономики, осуществляемого практически без учета региональных особенностей. Эвенкийский АО является регионом, применительно к которому нельзя судить о целесообразности традиционных видов деятельности только с позиций экономической эффективности. Многие виды деятельности коренного населения, неэффективные с точки зрения общепринятых критериев, не могут быть свернуты, так как всегда были и остаются важным условием существования малых народностей.

Необходимо выделить традиционное хозяйство в качестве особой отрасли северной экономики и добиться законодательного признания ответственности за его развитие. Государственная политика должна быть направлена на преодоление сложившихся негативных тенденций в традиционном хозяйстве, в частности в хозяйстве Эвенкийского АО. Причем государственный протекционизм в отношении АПК округа не должен рассматриваться лишь в качестве временной меры на переходном этапе проведения экономической реформы. Необходимость государственной поддержки экономики агропромышленного комплекса как постоянного фактора развития обусловлена специфическими условиями его функционирования и особенностями его отраслевой структуры. Структура АПК, и особенно его традиционных отраслей, не приспособлена к работе в рыночных условиях. Поэтому естественно ожидать, что государство возьмет на себя специфические для севера финансовые расходы в той мере, в какой они могут быть включены в издержки выпускаемой продукции, и обеспечит льготный режим налогообложения и кредитования хозяйствующих субъектов.

Первостепенной задачей следует считать достижение агропромышленным комплексом округа объемов производства, позволяющих удовлетворить потребности коренного населения в мясной и рыбной продукции, а также обеспечить его занятость. Это связано с развитием домашнего оленеводства, промысла северного оленя, рыбного и пушного промыслов и клеточного звероводства.

Важность государственной поддержки традиционного хозяйства Эвенкийского АО особенно велика в настоящее время, когда огромный ресурсный потенциал округа не востребован в широких промышленных масштабах, а следствием этого являются высокий дефицит окружного бюджета и очень ограниченные возможности по оказанию помощи традиционному хозяйству. В ближайшем будущем это положение может измениться. Округ обладает значительными запасами углеводородного сырья, освоение которых находится пока на начальной стадии. Убыточность традиционного хозяйства коренного населения округа можно будет компенсировать за счет рентных доходов, образующихся при освоении этих запасов. На протяжении ряда лет в Эвенкийском АО добывается около 12–17 тыс. т нефти, включая газовый конденсат. Уже сейчас нефтегазовые компании могут добывать до 100 тыс. т нефти в год. В ближайшее время планируется построить при участии западного частного капитала нефтеперерабатывающие заводы, рассчитанные на 100 и 250 тыс. т сырой нефти. Принято решение по привлечению инвестиций на строительство нефтеперерабатывающего минизавода в п. Ванавара.

Предполагаемое интенсивное освоение нефтегазовых ресурсов Эвенкии требует безотлагательного создания системы социальных гарантий для коренного населения, поскольку с началом разработки месторождений значительно увеличатся не только финансовые ресурсы округа, но и численность пришлого населения, возрастет экологическая нагрузка на территорию, в том числе на территории традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера. В принятом законе “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” установлены правовые основы гарантий социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера, защиты их среды обитания, сохранения традиционного образа жизни и хозяйствования. Мало-

численные народы Севера в соответствии с этим законом имеют право безвозмездно владеть и пользоваться землями различных категорий и полезными ископаемыми в местах своего традиционного проживания.

По закону коренные народы Севера имеют право на денежную компенсацию за “вторжение” на свои территории. Например, в Ханты-Мансийском АО в настоящее время каждая семья сама оценивает предполагаемый урон флоре и фауне на своем участке. Соглашения между семьей, имеющей права на участок, и нефтедобывающими компаниями, планирующими разработку данного участка, как правило, предусматривают обязательное обучение детей в высших учебных заведениях, медицинское обслуживание, строительство домов, покупку снегоходов и т.д. Однако реальная оценка стоимости семейно-родовых угодий, как правило, отсутствует. Эту брешь могло бы закрыть законодательство о специальных финансовых фондах.

Укрупненные расчеты показывают, что в случае расходования части Фонда будущих поколений на проведение мероприятий по диверсификации экономики удастся в наибольшей степени изменить социально-экономическое положение коренных малочисленных народов Севера. Можно будет радикально повлиять на изменение структуры местной экономики за счет создания мощностей по переработке производимого здесь сырья. Значительно увеличится занятость коренного населения, причем в тех отраслях, которые традиционно свойственны именно малочисленным народам Севера.

Стратегическое назначение упомянутого фонда – накопление средств для решения проблем, которые встанут перед будущими поколениями, – строго регламентирует его использование. Но это отнюдь не означает, что им можно воспользоваться только после отработки месторождений. Устав фонда может предусматривать использование определенной части его средств на нужды населения, в первую очередь коренного, и в период освоения месторождений. Использование финансовых ресурсов специальных фондов наряду с государственной поддержкой будет способствовать восстановлению и развитию традиционного хозяйства коренных народов Севера, сохранению аборигенных этносов, позволит сделать развитие территории менее зависимым от внешних условий и обстоятельств.

А.А.Стороженко

(г. Кызыл)

РОЛЬ СТАРООБРЯДЦЕВ В ПРОЦЕССЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ТУВЫ РУССКИМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века

Проблема хозяйственного освоения Сибири русскими переселенцами является традиционной для историографии Сибири дооктябрьского периода. К сожалению, в большинстве сибиреведческих работ Тува как один из объектов колонизации в XIX – начале XX в. как бы выпадает из поля зрения исследователей или упоминается лишь мимоходом. Это объясняется, с одной стороны, отсутствием у сибиреведов (В.А.Александров, В.В.Покшишевский, Г.Ф.Быконя) соответствующей изначальной целевой установки, а с другой – достаточно поздним по сравнению с прочими южно-сибирскими регионами, такими как, например, Алтай, Хакасия и Бурятия, вхождением территории современной Тувы в сферу интересов Российской Империи. В тех же случаях, когда проблема заселения и хозяйственного освоения территории Тувы русскими переселенцами рассматривалась специально (Ф.Я.Кон, Р.М.Кабо, В.И.Дулов, Н.А.Сердобов и др.), достаточно подробно изученным оказался лишь начальный этап этого длительного, сложного и противоречивого процесса. В общих своих чертах он тесно связан с возникновением и развитием в XIX – начале XX в. русской торгово-промышленной деятельности в Урянхайском крае. В то же время “вряд ли где-либо на всем протяжении России и Сибири русский крестьянин играл такую роль, как здесь”¹.

Рассматривая роль старообрядцев в хозяйственном освоении Тувы, мы, вслед за Л.М.Горюшкиным, под освоением понимаем совокупность длительных и разноплановых процессов, включающих заселение региона, его изучение, развитие в нем производительных сил и формирование соответствующих общественных организаций.

Несмотря на то что большинство исследователей признает старообрядцев “пионерами русской колонизации в Туве”, эта проблема во всей ее полноте остается практически не изученной. Вместе с тем история хозяйственного освоения территории Тувы русскими переселенцами характеризуется интересными особенностями, а определение роли старообрядцев в этом процессе может оказаться весь-

ма полезным при поиске ответов на целый ряд вопросов. Прежде всего, это такие малоисследованные вопросы, как соотношение правительственной и вольнонародной колонизации, степень влияния религиозного фактора на миграционную активность старообрядцев, общая численность русского населения в Урянхайском крае и удельный вес старообрядцев в его массе, его естественное движение, а также взаимоотношения старообрядцев как носителей своеобразного сибирского старожильского хозяйственного уклада и тувинцев. Это, в свою очередь, также поможет несколько по-иному взглянуть на эволюцию и характер русско-тувинских экономических связей в конце XIX – начале XX в. В данной статье мы коснемся лишь некоторых, наиболее изученных нами аспектов такого сложного процесса, как хозяйственное освоение.

Изучая расселение старообрядцев в Туве, очень важно прояснить вопрос об их численности. В качестве основных выступают источники светского и религиозного происхождения: посемейные списки русского населения в Урянхайском крае и клировые ведомости Енисейской епархии. Достоверность последних не раз ставилась учеными под сомнение (В.М.Кабузан, Г.Ф.Быконя, В.Н.Асочакова). Но для нашей работы их привлечение неизбежно и необходимо, поскольку благодаря именно им мы имеем представление о распределении хотя бы некоторой части старообрядцев по толкам и согласиям. Это важная информация, получение которой из других источников связано с определенными трудностями. Учитывая характер источниковой базы, на данном этапе исследований о доле старообрядцев в общей массе русского населения в рассматриваемый период можно говорить лишь ориентировочно.

Согласно клировой ведомости разъездной церкви Енисейской епархии Урянхайского края за 1915 г., среди 2475 чел., находящихся в ведении ее прихода, раскольников насчитывалось 1002 чел., или 40,48%, из них 476 мужчин и 526 женщин. Всего в приходе числилось 15 населенных пунктов, расположенных на территории Малоенисейского (ныне – Каа-Хемского) и Подхребтинского (ныне – Тандинского) кожуунов. Город Белоцарск (ныне – Кызыл), в 55 домах которого проживало 110 мужчин и 87 женщин, т.е. всего 197 чел., также относился к данному приходу. К сожалению, до сих пор не выяснено, какая часть жителей Белоцарска придерживалась старой веры².

Клировая ведомость Туранской Свято-Иннокентьевской церкви Урянхайского края миссионерского Благочиния Енисейской епархии за 1915 г. содержит сведения о Турано-Уюкском (ныне – Пий-Хемском) и Тоджинском кожуунах. Общее число жителей этих двух кожуунов к 1915 г. достигло 1534 чел., из них раскольников было 66 чел., в том числе 40 мужчин и 26 женщин. Имеются сведения о количестве последователей двух старообрядческих согласий: австрийского (16 мужчин и девять женщин) и беспоповского (24 мужчины и 17 женщин)³.

Таким образом, общее количество русских жителей Урянхайского края составило к 1915 г. 4009 чел., из которых раскольников насчитывалось 1068 чел., или 26,64%, т.е. это была примерно третья часть населения, вошедшего в данные клировые ведомости.

Эти данные нельзя считать окончательными в силу их очевидной неполноты. Следует отметить, что в клировую ведомость разъездного прихода вошли прежде всего те населенные пункты, где старообрядцев либо не было вообще (Верх-Никольское, Нижне-Никольское, Щербаковка, Березовка), либо их количество не превышало 10% (Хлебниковка, Бояровка, Атамановка, Элегест, Баян-Кол). В то же время существовали также не вошедшие в данные клировые ведомости деревни, где старообрядцы составляли подавляющее большинство населения. Например, в пос. Даниловка – 164 души обоего пола (100%), в пос. Мокеевка – 56 душ обоего пола (88,88%), в пос. Шаоновка – 14 душ обоего пола (93,33%). Двух последних поселений в настоящее время не существует.

Для сравнения и создания более полной картины необходимо обратиться к более ранним источникам – материалам подворного обследования русского населения Урянхайского края, проводившегося в 1913–1914 гг. Они фактически впервые вводятся в научный оборот. Составленные в ходе обследования посемейные списки несут большое количество информации. Их анализ показал следующее. К 1914 г. на территории Урянхайского края существовал по крайней мере 31 населенный пункт с общим количеством русскоязычного населения 4385 чел. Из них старообрядцев насчитывалось 1358 душ обоего пола, или 30,97%, а православных – 2802 души обоего пола. Значительна группа магометан (терминология источника) – 138 чел. (3,15%). Приверженцы всех остальных вероисповеданий (баптисты, лютеране, иудеи, сектанты) составляли менее 1% от общего количества населения⁴. Для нас важным является то, что доля старообрядцев составляла в среднем около 30% и сохранялась на протяжении всего указанного периода. Эти данные не соответствуют сведениям чиновника особых поручений А.Х.Чакирова, который считал, что в 1913 г. “в Урянхайском крае проживает до 7000 русских подданных из Европейской и Азиатской России с преобладанием переселенцев из Енисейской и Томской губерний, причем больше половины их староверы и сектанты”⁵. Мы склонны больше доверять конкретным данным посемейных списков, чем субъективному мнению переселенческого чиновника.

Старообрядцы сыграли особую роль в формировании поселенческой структуры Урянхайского края. Примечателен тот факт, что старообрядцы, часто являясь первопроходцами и первопоселенцами на той или иной территории, зачастую становились не просто преобладающей категорией населения, но и основателями новых населенных пунктов. В условиях недостаточности, фрагментарности и недостоверности источников особое значение приобретает применение методики изучения путей перемещения населения по данным ономастики с использованием антропонимических ойконимов, т.е. географических названий населенных пунктов, образованных от фамилий, имен, прозвищ колонистов. Этот метод с успехом был применен Т.С.Мамсик при изучении аналогичных процессов на Алтае.

На территории только современных Каа-Хемского и Тандинского кожуунов с 1900 по 1915 г. русскими переселенцами было основано, по разным данным, от 18 до 20 населенных пунктов. Из них антропонимы были зафиксированы в 14 случаях, из которых четыре – “старообрядческого” происхождения. Старообрядцами были основаны (и это нашло отражение в их названии) следующие поселки: Мокеевка – в 1901 г. Мокеем Герасимовичем Казанцевым, Медведевка – в 1907 г. Ефимом Прохоровичем Медведевым, Федоровка – в 1908 г. Федором Григорьевичем Шепелиным, Даниловка – в 1908 г. Даниилом Феоктистовичем Потылицыным. Кроме того, достоверно известно, что старообрядец Степан Потылицын в 1905 г. основал д. Грязнуху, а его единоверцы Е.Л.Тараканов и А.И.Черноусов в 1912 – д. Шаоновку. Особенностью поселенческой структуры Тувы является то, что многие поселки имеют двойное название – русское и тувинское, причем последнее связано с географическим положением, особенностями ландшафта (расположение на берегу реки, ручья, в горах, степи и т.д.), а первое отражает имя русских первопоселенцев. Так, Медведевка имеет тувинское название Тоора-Хем (“поперечная река”), Даниловка – Дерзиг-Аксы (“устье свирепой реки”), Федоровка – Кундустуг (“места, изобилующие выдрой”), Грязнуха – Усть-Бурень (“в избытке, в достатке”), Шаоновка – Шан (“ток”). Автоматически предполагается дальнейшее развитие данного направления исследований.

Предпочтительной формой поселений у старообрядцев на начальном этапе колонизации были заимки, т.е. небольшие участки, разработанные на свободной земле⁶. Впоследствии по мере расширения сферы хозяйственной деятельности и увеличения количества населения заимки постепенно перерастали в деревни, превращаясь из сезонных поселений в стационарные. Для старообрядцев определяющее значение имела возможность свободы вероисповедания в условиях совместного хозяйствования единоверцев.

Характерной чертой расселения старообрядцев в Туве являлся его своеобразный “ползучий” характер. По свидетельству заведующего устройством русского населения в Урянхайском крае М.В.Шкунова, очень сложно было определить время и место первоначального оседания переселенцев вообще и старообрядцев в особенности, если принять во внимание причины их переселений. Еще труднее было установить возможные миграционные маршруты. “...Известно только, – писал М.В.Шкунов в своем отчете, – что прибывающие редко оседают на одном и том же месте. Обычно несколько раз меняют жительство, бродят из поселка в поселок, живут по году и десяти и все-таки переселяются... Беспокойный элемент из посельщиков не живет подолгу на одном месте и текуч как вода в стремлении к периферии района русских поселений”⁷.

Нам представляется, что одновременно с общим миграционным процессом происходил выбор наиболее предпочтительных мест обитания, идеальные представления о которых были связаны с легендой о Беловодье. Тот факт, что территория Тувы входила, по крайней мере в XIX в., в район, где старообрядцы искали легендарное Беловодье или Белогорье, подтверждается также обнаруженными в архивах Алтайского края и детально исследованными учеными материалами судебно-следственных дел того времени о побегах за границу разных категорий алтайских крестьян⁸. Своеобразие миграционной ситуации на русско-китайской границе в XIX – начале XX в. заключалось в неуклонном возрастании интереса к данному региону потенциальных мигрантов, которыми в первую очередь являлись староверы.

По мнению В.Н.Иванова, “совершенно точно установлено, что крестьянское освоение Тувы началось стихийно, без участия русского правительства и местных органов власти. Пионерами земледельческого освоения были старообрядцы, преследуемые правительством... Ф.Я.Кон считал, что крестьянское освоение Тувы было подготовлено продолжительной историей русско-тувинских отношений”⁹. В.И.Дулов также полагал, что “в Туву переселялся предприимчивый сибирский крестьянин-старообрядец. Он движется в Туву, привлекаемый ее плодородной почвой, возможностями промыслов и торговли с тувинцами. Главным побудительным мотивом к переселению было стремление старообрядцев скрыться от преследований царской администрации”¹⁰.

По данным Ф.Я.Кона, усинские старообрядцы, занимались не только земледелием, но и торговлей с тувинцами, способствуя формированию местного рынка. Крестьяне таким путем входили в “знакомство со своими соседями сойотами”¹¹.

Характеризуя хозяйственную деятельность старообрядцев в Туве, необходимо отметить, что они создали такое комплексное мелкотоварное хозяйство, которое позволило им не просто существовать, но и серьезно закрепиться и расширить сферу своей хозяйственной деятельности на территории Урянхайского края за достаточно короткий период. Анализ данных процессов может быть темой отдельной статьи. Здесь хочется отметить, что большое развитие помимо традиционных (земледелие и скотоводство) получили такие отрасли старообрядческого хозяйства, как мараловодство, торговля, пушной и рыболовный промыслы. Кроме того, “постоянные поездки русских крестьян в Туву, общение их с тувинцами влияли на развитие русско-тувинских экономических связей и на проникновение новых способов производства, новых навыков труда и русской культуры в среду тувинцев”¹².

Являясь первопроходцами освоения территории современной Тувы, старообрядцы неизбежно сталкивались с огромными трудностями, связанными с необходимостью приспособления хозяйства к новым природно-климатическим и социальным условиям. Успешность этого процесса доказана временем. Задачей современных исследователей является дальнейшее определение роли приверженцев “старой веры” в процессе хозяйственного освоения. По справедливому замечанию Т.С.Мамсик, “специфика различных регионов Сибири позволяет рассматривать историю их освоения как варианты, в каждом конкретном случае наиболее выпукло демонстрирующие определенные частные закономерности, в диалектическом единстве составляющие общую модель закономерностей развития края”¹³. И в этом смысле процесс хозяйственного освоения Тувы русскими переселенцами, и в особенности старообрядцами, явился продолжением общесибирского колониационного процесса, завершившего распространение русского влияния в этом регионе.

Примечания

¹ Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. Т. 3: Экспедиция в Сойотию. – М., 1934. – С. 22.

² ГАКК (Государственный архив Красноярского края), ф. 674, оп. 1, д. 3756, л. 4–5.

³ ГАКК, ф. 674, оп. 1, д. 3747, л. 2–8.

⁴ Центральный государственный архив Республики Тыва, ф. 123, оп. 1, д. 4, л. 1–100.

⁵ ГАКК, ф. 262, оп. 1, д. 251, л. 141.

⁶ См.: Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае, XVIII – начало XX в. – М., 1996. – С.80.

⁷ Шкунов М.В. Урянхайский край: Отчет Заведующего делами русского населения в Урянхайском крае за 1915 г. ГАО, ф.47, 294, л.об.9 // РФ ИГИ РТ

⁸ См.: Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. – Новосибирск, 1989. – С. 159.

⁹ Иванов В.Н. Народы Сибири в трудах Кона. – Новосибирск, 1985. – С.110.

¹⁰ Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы в XIX – начале XX в. – М., 1956. – С. 355.

¹¹ Иванов В.Н. Народы Сибири... – С. 112; Кон Ф.Я. Усинский край // Зап. Красноярск. подотдела ВСОРГО. Записки по географии. – Т. 2, вып.1. – 1914. – С. 46.

¹² Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы... – С. 344.

¹³ Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири... – С. 4.

М.С.Каташеев
(г. Горно-Алтайск)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В 1960–1980-е ГОДЫ

Хозяйственное освоение национальных регионов Сибири, происходившее в последние 30–40 лет, существенно повлияло на положение коренных народов. Развитие экономики государства в этот период носило экстенсивный характер и основывалось на максимальном использовании природных ресурсов. Нерациональные методы хозяйствования привели к значительному ухудшению природной среды и условий проживания коренного населения.

Народное хозяйство Горно-Алтайской автономной области имело многоотраслевую структуру. До настоящего времени главной отраслью промышленности здесь является лесное хозяйство, аграрного сектора – животноводство, что обусловлено географическими особенностями и историческим развитием Горного Алтая.

Территорию региона принято делить на две части, различающиеся географическими условиями и этническим составом населения: северную таежную, заселенную преимущественно русскими, а также

северными алтайцами (кумандинцами, челканцами, тубаларами), и южную горно-степную, где большинство населения составляют южные алтайцы и казахи. Северные и южные алтайцы отличаются друг от друга антропологическим типом, особенностями хозяйственной деятельности, языковыми диалектами. Североалтайские этносы говорят на диалектах хакасской подгруппы уйгуро-огузской группы тюркских языков, а южные алтайцы – на диалектах кыпчакской группы. По антропологическому типу южные алтайцы относятся к монголоидной центрально-азиатской, а северные – к переходной уральской расе. Существенные различия существуют в географической среде проживания и соответственно в типе хозяйства. Если традиционная культура южных алтайцев складывалась на основе кочевого и полукочевого скотоводства, то у северных алтайцев она вырабатывалась на основе пешей охоты, таежного звероловства, рыболовства, пчеловодства, земледелия.

Удельный вес русского населения в области в 60–80-е годы составлял 63%, алтайцев – 29, казахов – 5%.

Экономика области в рассматриваемый период носила аграрно-сырьевой характер, что проявилось в гипертрофированном развитии лесного хозяйства и животноводства. Первое в силу географических условий играло основную роль на севере, второе – на юге. Преобладание этих отраслей в структуре народного хозяйства предопределило специфику экологических проблем в Горном Алтае.

Главной проблемой сельского хозяйства Горного Алтая оставался хронический недостаток кормов, из-за чего часто случался массовый падеж скота. Недостаток пастбищ вел к перевыпасу скота, бессистемной пастьбе, а следствием этого было обеднение травостоя, выбитость лугов, истощение пастбищ. Пастбищные угодья уже в 1968 г. находились в истощенном состоянии¹. Пашенных угодий для кормовых культур также не хватало. Пахотные земли занимали всего 8% от всей площади сельхозугодий и не могли обеспечить животноводство кормами в полной мере². Бессменное выращивание однолетних культур, отсутствие севооборотов усугубляли деградацию почвенного покрова, что приводило к сокращению кормовой базы. Выход из создавшегося положения виделся в повышении продуктивности пастбищ за счет мелиорации и химизации, а также в увеличении пашенных угодий за счет свободных земель.

В конце 60-х годов мелиорация и химизация были признаны основными мерами, позволяющими разрешить проблему недостатка кормов. Главное внимание обращалось на южные высокогорные районы – Кош-Агачский и Улаганский. В силу географических и климатических факторов ведущую роль в хозяйстве этих районов играло отгонное скотоводство. Природные условия Кош-Агачского района были идеальными для разведения мелкорогатого скота. Обширная Чуйская степь с ее богатым растительным покровом служила главной базой отгонного животноводства области. Именно на территории Чуйской степи проводились основные мероприятия по мелиорации и химизации. Площадь степи занимала 60% от всей площади сельхозугодий области, подвергшихся мелиорации. Благодаря сочетанию орошения с химизацией кормопроизводственное хозяйство в Чуйской степи долгое время было высокопродуктивным и считалось наиболее эффективным в Горно-Алтайской автономной области.

Вместе с тем меры по интенсификации сельского хозяйства в области предпринимались без учета региональных особенностей Горного Алтая. Мелиоративные работы производились на низком уровне. Не велся учет площадей, мелиораторы не всегда были достаточно компетентными и квалифицированными. Нередко осушались объекты традиционного природопользования – речные протоки, мелкие озера. Мелиорации подвергались и ценные сенокосные угодья, превращавшиеся в болота. Работы производились недобросовестно, оросительные каналы часто размывались, заболачивая окружающую территорию. Зачастую строительство мелиоративных сооружений не доводилось до конца, при этом недостроенные объекты разрушались. В погоне за плановыми показателями мелиораторы наверстывали упущенное поспешно, методом штурмовщины, без учета экологического фактора. Вышедшее из строя оборудование не ремонтировалось, но заказывалось новое, что приводило к лишним затратам. Техника использовалась без учета региональных особенностей: повсеместно применялись гусеничные трактора, предназначенные для работ на равнинной местности. В результате переуплотнялся и повреждался почвенный покров, что вело к его деградации. Позже на орошаемых землях обычным явлением стала бесхозяйственность: не соблюдались сроки и нормы полива, что также вызвало заболачивание местности. Только в 1988 г. органами народного контроля было списано 4657 га орошенных и 1906 га осушенных земель, – ущерб составил 4,5 млн руб.³

Мероприятия по расширению пашенных угодий осуществлялись также без учета ландшафтных особенностей региона. Работники Минводхоза, проводившие эти работы, не принимали во внимание рекомендации специалистов по использованию почвозащитных методов безотвальной вспашки. Обычно практиковалась почвоопасная отвальная вспашка, при которой в условиях горного рельефа почва по-

всемерно подвергалась эрозии и деградации. Смыв, выветривание, оврагообразование усугубляли этот процесс⁴.

Природные экосистемы, находящиеся вблизи селений, – леса, ручьи, озера постоянно использовались местными жителями для хозяйственных нужд, составляли неотъемлемый элемент традиционного природопользования. С конца 70-х годов, когда стала очевидной неэффективность применения мелиорации в области, для нужд животноводства в хозяйственный оборот начали вводиться почти все свободные земли. К этому времени в результате перевода колхозов в совхозы колхозные земли вошли в состав государственного земельного имущества. Жители сел потеряли право распоряжаться лесными угодьями.

Расширение площади под пашню осуществлялось за счет березовых рощ, колков, лесных полей. Земли распахивались до самых околиц сел. Уничтожение сельских лесов, с тем чтобы увеличить пашню, и деятельность леспромпхозов обернулись серьезными потерями. Сведение лесов привело к обмелению рек, исчезновению ручьев, обеднению травостоя на пастбищных и пашенных угодьях, развитию эрозии почв. Работы по расчистке лесных площадей под пашню производились с привычной бесхозяйственностью: территории под пашенные угодья загрязнялись древесным мусором, срубленные деревья не вывозились. В результате подготовленные площади часто оказывались непригодными для выпаса скота и посадки кормовых культур.

Обмеление рек и исчезновение горных ручьев наблюдались по всей территории области. Только в одном Усть-Канском районе за 1970–1980 гг. исчезло более 100 водосточников, а на сегодняшний день многие сотни находятся на грани исчезновения⁵.

Другой причиной исчезновения ручьев было их активное использование для нужд животноводства. Вблизи ручьев и горных рек, часто имевших природоохранное значение, возводились фермы, а в результате берега вытаптывались скотом, водоемы непоправимо загрязнялись.

Сегодня стало очевидным, что меры по интенсификации сельского хозяйства, предпринимавшиеся в 60–80-е годы, не дали ожидаемого эффекта. Недостаток кормов продолжает оставаться главной проблемой экономики Горного Алтая. Мелиорация и химизация проводились грубыми методами и нанесли серьезный ущерб окружающей среде. Пастбищные территории выводятся из хозяйственного оборота из-за истощения. Идет процесс сокращения пашенных угодий, что проявляется в зарастании пашни кустарником на севере и ее опустынивании на юге. К началу 90-х годов установлено, что концентрация нитратов в почвенно-растительном покрове Чуйской степи превышает предельно допустимый уровень в 3–5 раз. В настоящее время ставится вопрос о признании факта, что в Чуйской степи имеет место чрезвычайная экологическая ситуация⁶. Площадь орошаемых земель сокращается по всей территории Горного Алтая. Эрозия почв захватила 30% всей площади сельхозугодий этого региона⁷.

Истощение сельхозугодий и недостаток кормов привели к ухудшению качества домашнего скота и его массовым падежам. В отдельных колхозах южных районов из-за недостатка кормов падеж скота составлял 30% от всего поголовья. При этом здесь не было ни одного предприятия по переработке мяса.

Условия содержания личного скота были намного лучше и затраты на его содержание не такие высокие, как в колхозах. Вместе с тем из-за недостатка угодий запрещался выпас частного скота на государственных землях. В 70-е годы колхозные земли перешли в государственный земельный фонд. После этого бывшие колхозные угодья, находившиеся в личном пользовании, стали распахиваться под пашню.

Недостаток сельхозугодий порождал социальную напряженность. В Кош-Агачском районе, где большинство населения составляют казахи, в 1988 г. участились споры из-за земель между алтайцами и казахами, нередко случались мелкие стычки. Жители некоторых сел со смешанным населением пытались разделить угодья по национальному признаку. Колхозники даже угрожали невыходом на работу в случае, если руководство района не удовлетворит их требования⁸.

Ухудшение материального благосостояния из-за недостатка свободных земель и сокращения поголовья скота усугублялось тяжелыми социально-бытовыми условиями. Государство в лице Минводстроя тратило огромные средства на мелиорацию и химизацию, причем значительная часть этих средств уходила впустую из-за бесхозяйственности и нерационального отношения к природной среде. В то же время социальная сфера находилась в запущенном состоянии.

В рассматриваемый период водопроводные сети и сооружения имелись лишь в 24% населенных пунктов Горного Алтая⁹. В некоторых селах южных районов социально-бытовые условия соответствовали уровню времен коллективизации. Фермы и чабанские стоянки до сих пор представляют собой устаревшие сооружения казарменного типа. Приемлемыми санитарно-бытовыми условиями располагали лишь 33% ферм. Доярки работали вручную в грязи и сырости при отсутствии отопления, что

приводило к переутомлению и снижению защитных функций организма. У сельских жителей региона отмечался рост заболеваемости инфекционными болезнями, туберкулезом, ревматизмом. В южных районах всегда ощущался недостаток овощей и фруктов, так как из-за сурового климата нет возможности выращивать их на месте в необходимом количестве, а завоз из других регионов сопряжен с большими трудностями. Следствием этого стало распространение у детей авитаминоза и рахита. В южных районах один из самых высоких в России показателей младенческой смертности. Во многих селах до сих пор не электричества. В районной больнице Кош-Агача вплоть до 1988 г. хирургические операции проводились зачастую при свечах. В регионе не хватало дорог, отсутствовала развитая телефонная сеть.

На таком фоне происходило сокращение сельскохозяйственных угодий, что вело к снижению возможностей традиционного хозяйствования. Со второй половины 80-х годов наметилась четко выраженная тенденция: представители коренных этносов стали уезжать за пределы Горно-Алтайской автономной области. Характерно, что среди русского населения, проживавшего в более благополучной местности, миграционный приток превышал отток.

Среди отъезжающих преобладали жители малых сел южных высокогорных и северных таежных районов. Вследствие политики укрупнения колхозов население малых сел оказалось в трудном положении. Центры хозяйственной жизни перемещались в совхозы. В малых селах хозяйственный оборот сокращался, сельхозугодья забрасывались, отсутствие хороших дорог усугубляло и без того сложную ситуацию. В период ликвидации "неперспективных деревень" сократилось количество национальных школ – примерно на 15%.

В 1988 г. в качестве причин отъезда из южных районов указывались отсутствие работы, низкий уровень жизни, неразвитая социальная инфраструктура, отсутствие перспектив. Пик отъездов пришелся на 1992 г., когда из Кош-Агачского района выехало 459 семей казахов – почти 2 тыс. чел., или 20% от общей численности казахского населения¹⁰. На сегодняшний день из 60 тыс. алтайцев 10 тыс. проживают за пределами региона.

Вместе с тем положение южных алтайцев как титульной нации и носителей литературного языка относительно более благополучное, если сравнивать его с положением североалтайских этносов – кумандинцев, челканцев, тубаларов. В южных районах алтайское население составляет компактное большинство, и процессы русификации на юге происходили медленно, хотя и ощутимо. Североалтайские этносы оказались в намного более тяжелой ситуации и сегодня находятся на грани исчезновения. Современное положение северных алтайцев, составивших меньшинство в местах традиционного проживания, является результатом деятельности леспромхозов и проводившейся в 60–70-е годы политики укрупнения колхозов.

Крупномасштабная эксплуатация лесных ресурсов Горного Алтая проводилась с начала 60-х годов. Лесозаготовительные работы находились в ведении краевого управления Минлеспрома. Вырубка лесопокрытых площадей осуществлялась в соответствии с плановыми заданиями, которые поступали из Барнаула. Лесозаготовки производились так называемыми сплошными рубками, т.е. сводились огромные лесопокрытые площади, заранее запланированные к вырубке. Лесозаготовительные работы велись, но они были малоэффективными из-за небрежного отношения к природной среде со стороны лесозаготовителей.

Положение Горно-Алтайской автономной области в качестве аграрно-сырьевого придатка Алтайского края особенно очевидно, если посмотреть на деятельность Минлеспрома и подчиненных ему леспромхозов. За 25 лет работы леспромхозов лесные территории значительно поредел. Громадные таежные пространства превратились в безлесые площади, захлащенные гниющей древесиной. При этом Минлеспром требовал еще большего увеличения норм вырубок леса. Сотрудники областного отдела лесного хозяйства указывали краевому управлению Минлеспрома на недопустимость увеличения плановых заданий, так как "все уже вырублено, рубить больше нечего", но из Барнаула поступали стандартные ответы, что "стране нужен лес". Лес полностью вывозился за пределы области при острой нехватке жилья на селе¹¹.

Лесозаготовительные работы сопровождались ухудшением экологического состояния природной среды. На территориях, где производились эти работы, оставались завалы из срубленных деревьев, которые лежали десятилетиями. Из-за отсутствия транспортной сети в местах заготовок, лес доставлялся молевым сплавом по мелким речкам, при этом повреждалось их дно, гибла рыба. Руслу рек часто изменялись, чтобы было удобнее сплавлять лес. Берега рек загрязнялись гниющей древесиной.

В результате деятельности леспромхозов в образе жизни северных алтайцев произошли катастрофические перемены. Ведь аборигены столетиями адаптировались к таежному ландшафту, с тайгой были связаны традиционные отрасли хозяйства. В систему традиционного жизнеобеспечения входили

такие промыслы, как охота, рыболовство, пчеловодство, сбор кедровых орехов. На основе этих форм хозяйствования формировались жизненный уклад, структура питания, быт, материальная культура коренного населения.

Сокращение численности и разнообразия тасжной фауны из-за массовых вырубок леса привело к утрате прежней роли таких важных отраслей, как охота и звероловство, обмеление рек – к исчезновению товарного рыболовства. Уменьшилось количество пасек, из-за того, что были вырублены кедровые леса, перестал быть массовым ореховый промысел. Между тем пчеловодство и сбор орехов прежде позволяли коренному населению поддерживать материальное благополучие.

Недостаток продукции традиционных промыслов обусловил изменение структуры питания абorigенов. Национальная кухня практически исчезла, население перешло на новые продукты питания, в том числе с содержанием консервантов. Медиками установлено, что сокращение потребления традиционных продуктов, отход от генетически заложенного рациона питания приводит к ослаблению иммунитета и росту хронических заболеваний.

До середины 60-х годов северные алтайцы были расселены компактно, что позволяло им сохранять национальную культуру и язык. Но с началом деятельности леспромпхозов стала проводиться политика ликвидации “неперспективных деревень”. Центры хозяйственной жизни сосредоточивались вокруг леспромпхозов. В одном только Турачакском районе все колхозы были объединены в два совхоза. Коренное население в связи с исчезновением промыслов вынуждено было перейти на низкоквалифицированные работы в леспромпхозах. Вахтовый метод работы стимулировал рост алкоголизма, а это, в свою очередь, привело к росту травматической смертности. В среднем по России смертность от травм, отравлений, несчастных случаев в общей структуре смертности находится на третьем месте. В Горном Алтае на сегодняшний день среди коренного населения допенсионного возраста травматическая смертность занимает первое место, составляя 55,3% в общей структуре смертности. Наибольший удельный вес имеет смертность от повешения (29,6%), отравлений (13,0%), огнестрельных (13,0%) и колото-резаных ран (11,1%)¹².

Ухудшение условий жизни, неразвитая социальная инфраструктура порождают у жителей северных районов “чемоданные настроения”. Здесь, как и на юге, в качестве одной из причин желания уехать за пределы своего региона люди называли отсутствие перспектив. Исходная же причина заключается в исчезновении тайги и упадке традиционных промыслов.

Исчезновение малых сел на севере происходило более быстрыми темпами, чем на юге, так как здесь воздействие в ходе хозяйственного освоения было намного ощутимее. Если в южных районах отрасли традиционного хозяйствования, так же как частное животноводство и скотоводство, сократились в масштабах, то на севере традиционные формы хозяйствования почти прекратили свое существование. Разрушение же традиционного жизненного уклада сказалось на состоянии духовной культуры коренного населения. Среди южных алтайцев в 1991 г. владели родным языком 89%, что на 2% меньше, чем в 1979 г.¹³ У северных алтайцев носителями родного языка являются лишь пожилые люди, молодежь уже не владеет им. На севере в период ликвидации “неперспективных деревень” сохранились лишь три национальные школы в наиболее крупном Турачакском районе, в двух других северных районах национальные школы отсутствуют. Результатом всего этого стало то, что в 1992 г. за североалтайскими этносами закрепили статус исчезающих народов.

Негативные изменения в социально-экономическом положении коренного населения Горного Алтая вследствие ухудшения состояния природной среды породили у сельского населения области недовольство своим положением. С мая 1987 г. здесь появилась новая форма общественной активности – так называемые экологические сходы. Впервые такие сходы стали проводиться в южном селении Тюдрала, а затем течение 1987–1988 гг. они распространились по всей области. На юге жители сел требовали прекратить распашку угодий, на севере – запретить деятельность леспромпхозов. В ответ на это органы власти в Барнауле обосновывали необходимость продолжения деятельности ведомственных организаций в прежних масштабах интересами государства. С 1989 г. общественная активность на селе продолжала нарастать с каждым месяцем, достигнув своего пика в мае-июне 1989 г., во время работы I Съезда народных депутатов. На экологических сходах стали звучать другие требования – о выходе Горно-Алтайской автономной области из состава Алтайского края. В такой радикальной мере жители области видели единственную возможность прекратить бесконтрольную деятельность министерств на территории Горного Алтая и сохранить его природные ресурсы.

Нужно признать, что по мере хозяйственного освоения национальных регионов традиционный уклад жизни коренных народов неизбежно подвергается воздействию со стороны цивилизации и коренное население болезненно реагирует на это воздействие. Исчезновение традиционных форм хозяйствования, промыслов, социальная дезадаптация – объективные следствия хозяйственного освоения.

Однако в Горном Алтае хозяйственное освоение осуществлялось в гипертрофированных масштабах. Ведомства-монополисты (Минсельхоз, Минводстрой, Минлеспротом) вели хозяйственные операции на территории области грубыми полукOLONиальными методами, что проявлялось в хищническом отношении к природной среде и пренебрежении к положению местного населения. Резкое ухудшение экологического состояния природной среды негативно повлияло на положение коренных жителей, особенно на севере области. Это породило недовольство среди населения, которое к середине 80-х годов активизировало свою общественно-политическую деятельность. Таким образом, экологический фактор послужил главной причиной суверенизации Горно-Алтайской автономной области и превращения ее в самостоятельный субъект Российской Федерации.

Примечания

- ¹ См.: Сребрянский Ю.В. Полнее использовать растительные ресурсы Горного Алтая. – Новосибирск, 1986. – С.9.
- ² См.: Важов В.М. Развитие орошаемого кормопроизводства в Горном Алтае. – Новосибирск, 1986. – С.16, 18.
- ³ См.: Беликов И. Как в прорву // Звезда Алтая. – 1988. – 3 авг.
- ⁴ См.: Климонтова А.Н. Влияние человека на природу Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1971. – С.10, 11, 14.; Носова Е.Г. Почвозащитная технология на склоновых землях Горного Алтая. – Новосибирск, 1986. – С.28.; Сойенова А.Н. Основные проблемы земледелия в условиях горно-степной зоны Алтая. – Горно-Алтайск, 1996. – С.28.
- ⁵ См.: Константинов В. Еще раз о воде // Голос времени. – 1998. – 24 янв.
- ⁶ См.: Сабин В.К. Экология и природные ресурсы Горного Алтая. – Новосибирск, 1993. – С.81.
- ⁷ См.: Орлов В.П. Мелиорация природных экосистем Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1996. – С.17, 18.
- ⁸ См.: Мансурова В. Острые грани обкатанной темы // Алтайск. правда. – 1988. – 4 авг.
- ⁹ См.: Отчет НИР НИИЦ РБ КО МО РФ за 1994 г. / Мешков Н.А., Ильинский Н.Н., Ковалев Е.Е. и др. – М., 1994. – С.32.
- ¹⁰ См.: Варванец В. В “северном” районе // Звезда Алтая. – 1992. – 28 июня.
- ¹¹ См.: Кандаракова Е. Течет река Лебедь... // Звезда Алтая. – 1992. – 24 дек.
- ¹² См.: Манышев В.К., Переверзев С.А. Доклад о состоянии окружающей природной среды Республики Алтай в 1997 году. – Горно-Алтайск, 1998. – С. 56.
- ¹³ См.: Кыдыева В.Я. К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай. – М., 1993. – С. 4, 5.

С.С.Букин, А.А.Долголюк
(г. Новосибирск)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ*

На фоне социально-экономического кризиса, политических баталий и выборных кампаний вопросы рационального природопользования как бы отодвинулись на второй план. Но по сути своей они имеют более важное значение для жизни человека, чем политические и экономические отношения. Люди не могут существовать без своей природной колыбели, и ее не заменить никаким искусственным ложем, сплетенным из политических деклараций и экономических программ.

К концу XX столетия противоречия между созданными производительными силами, характером развития цивилизации, темпами и масштабами роста населения планеты и природой достигли своего предела. Природная среда уже не справляется с антропогенной нагрузкой. Биосфера под воздействием хозяйственной деятельности человека вышла из устойчивого состояния и последовательно разрушается.

Наибольший ущерб природе в результате ее нещадной эксплуатации нанесли развитые страны. Они же первыми под давлением общественности стали проводить крупномасштабные работы по оздоровлению окружающей среды и добились впечатляющих результатов. В последние десятилетия проявилась тесная взаимосвязь между экологическим состоянием страны и уровнем ее экономического развития.

Россия в области природоохранной деятельности отстала от развитых стран в неменьшей степени, чем в сфере экономики. Серьезно относиться к проблемам охраны окружающей среды в нашей стране начали примерно два десятилетия назад, когда экологическая ситуация оказалась уже очень тяжелой. Однако кризис, сковавший сегодня экономику России, остановил очень многие природоохранные начинания. Дальнейшие перспективы в этой области не ясны, хотя очевидно, что в новых условиях страна не скоро сможет приступить к реализации крупномасштабных и эффективных природоохранных проектов.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-01-00337а).

В специфическом положении оказался Сибирский регион, что обусловлено отраслевой структурой его экономики и масштабами производства. Колониальный подход к освоению Сибири явился исходной причиной деградации и разрушения природной среды этого края. Здесь развивались преимущественно отрасли, связанные с добычей и первичной переработкой природных ресурсов. Создание гигантских промышленных предприятий происходило без должного учета экологических последствий. Потенциальные возможности природы к самоочищению уже в первые годы функционирования промышленных объектов оказались превышены. Следствием стало практически повсеместное загрязнение и разрушение окружающей среды. Ничем не ограниченный диктат министерств и ведомств не предполагал учета интересов жителей, сопровождался расточительным природопользованием. Попав в тиски финансового кризиса и неплатежей, предприятия практически прекратили ассигнование природоохранных мероприятий. Все это усугубило экологическую ситуацию.

Необходимость принятия кардинальных решений в области природоохранной деятельности предполагает комплексное исследование экологических проблем, в том числе изучение и всесторонний учет общественного мнения. Анализ экологического сознания с помощью социологических методов дает возможность узнать, как население воспринимает сложившуюся ситуацию, что считает основными источниками загрязнения окружающей среды, как оценивает воздействие экологических факторов на здоровье людей, а также получить оценку природоохранной деятельности органов управления, комитетов по охране природы и других специальных служб, выяснить готовность людей принять непосредственное участие в решении экологических проблем.

Сразу же отметим, что в сибирских городах довольно регулярно проводятся физико-химические исследования атмосферы, водоемов и почвы. В то же время выяснением социального самочувствия населения в кризисной экологической обстановке до недавних пор никто серьезно не занимался, хотя очевидно, что без таких данных вряд ли возможны адекватные управленческие решения, эффективная природоохранная деятельность.

Впервые изучение экологического сознания горожан было предпринято сотрудниками Института истории СО РАН в Братске и Новокузнецке — городах, находящихся, по существу, в зонах экологического бедствия. С помощью двух видов анкет (для опроса широких слоев городского населения и экспертов) было проведено социологическое обследование, охватившее более 7 тыс. человек, с целью определения отношения жителей — представителей различных национальностей и социальных групп к экологическим проблемам и оценки их влияния на уровень социальной напряженности в городах.

Братск и Новокузнецк входят в число крупнейших индустриальных центров Российской Федерации. В пределах этих агломераций разместились более сотни промышленных предприятий, в том числе такие, которые по своему производственному профилю относятся к наиболее мощным не только в стране, но и в мире: Братская ГЭС, Братский лесопромышленный комплекс, Братский и Новокузнецкий алюминиевые заводы, Кузнецкий и Западно-Сибирский металлургические комбинаты.

Большая часть индустриальных объектов были спроектированы и построены в годы, когда природоохранным мероприятиям придавалось второстепенное значение. С первых же лет эксплуатации этих объектов прилегающая к ним территория стала испытывать мощное антропогенное воздействие.

В обоих городах сложилась чрезвычайная ситуация в результате загрязнения воздуха промышленными выбросами. В Новокузнецке индекс загрязненности атмосферы в октябре 1993 г. составлял 91, тогда как в других городских поселениях Западной Сибири он был существенно ниже: в Искитиме — 45, в Кемерове — 32, в Новосибирске — 24. Воздух в Новокузнецке загрязнен выше предельно допустимого уровня по 16 ингредиентам и 12 суммациям, в том числе по взвешенным веществам, фтористому водороду, диоксину азота, формальдегиду, которые относятся к высокоопасным соединениям. Наиболее высокий уровень загрязнения атмосферы различными примесями наблюдается в периоды особо неблагоприятных метеорологических условий, возникновению которых способствуют штили, туманы, приземные и приподнятые инверсии. Если средняя за год концентрация бензапирена составляет по городу 19 ПДК, то в отдельные зимние месяцы она повышается до 35 ПДК.

В Братске насчитывается более 600 источников вредных выбросов. Далеко не все из них оснащены эффективными приборами газоочистки. Поэтому близ предприятий в центральной части города, а также во всех поселках нередко держится туман с неприятным запахом.

И Братск, и Новокузнецк создавались в живописных местах на крупных реках, богатых рыбой и здоровых в экологическом отношении. Вода в Ангаре по своей чистоте могла сравниться с родниковой. Однако со второй половины 60-х годов ситуация здесь резко изменилась. С первых же лет работы Братского лесопромышленного комплекса его промышленные стоки не соответствовали проектным показателям по взвешенным веществам и растворенному кислороду, содержали большое количество фенолов и органических сернистых соединений. В р. Вихоревку ежесуточно около 6 тыс. кубометров

промышленных стоков, значительно загрязненных фторидами и нефтепродуктами, сбрасывал также Братский алюминиевый завод. В результате Вихоревка и Ангара на протяжении 150–200 км оказались сильно загрязненными. В р. Томи в районе Новокузнецка концентрация фенолов составляет 2–3 ПДК, а хлорорганических соединений в паводковый период – 15–17 ПДК.

Работы по очистке промышленных стоков, внедрению систем оборотного и повторного использования воды, осуществленные к началу 90-х годов, позволили несколько улучшить ситуацию, однако водные бассейны Братска и Новокузнецка по-прежнему очень сильно загрязняются. Ежедневный сброс промышленных загрязнений в Вихоревку а через нее в Ангару исчисляется тоннами.

Объективные данные о состоянии городских территорий и ответы жителей, полученные в ходе социологического обследования, не оставляют сомнений относительно того, что Братск и Новокузнецк близко подошли к черте, за которой начинается экологическая пропасть. Свыше 70% респондентов считают экологическую обстановку в их городах очень тяжелой, а четвертая часть систематически ощущают воздействие вредных выбросов. Только единицы среди всех опрошенных горожан охарактеризовали экологическую ситуацию как нормальную или отметили в ней незначительные отклонения от нормы.

В чем же причины обострения экологических проблем? На первое место респонденты поставили “потребительское отношение к использованию природных ресурсов со стороны предприятий и организаций”. С этим мнением трудно не согласиться. Индустриальное развитие Братска и Новокузнецка является классическим примером колониального подхода к освоению Сибири. Городская промышленность выполняет преимущественно функции добычи и первичной переработки сырья. Гиганты цветной и черной металлургии, угольной промышленности, химии и лесохимии оставляют городам отвалы и хвостохранилища, выбрасывают вредные вещества в атмосферу и сточные воды, а готовая продукция вывозится в другие районы России, в дальнее и ближнее зарубежье.

На втором месте среди причин обострения экологических проблем оказалась “низкая экологическая культура руководителей”, далее следуют “пассивность трудовых коллективов и населения”, “несовершенство правовых норм” и другие факторы. В целом население верно оценивает остроту ситуации и причины кризиса, все сильнее вовлекающего горожан в свой водоворот.

Изучение общественного мнения позволяет проранжировать экологические проблемы по степени их остроты. Для Новокузнецка, например, они выстроились в следующем порядке: 1) загрязнение рек и водоемов; 2) загазованность воздуха; 3) загрязнение сельскохозяйственной продукции удобрениями, ядохимикатами, пылью и вредными газами; 4) загрязнение и разрушение почвы; 5) деградация природной фауны; 6) деградация и гибель зеленых насаждений, парков, лесов; 7) повышение уровня радиации; 8) шум и вибрация.

В целом горожане весьма критично оценивают процесс природопользования. Более двух третей опрошенных жителей в Братске и половина в Новокузнецке считают, что экологическая обстановка в этих городах за последние годы ухудшилась. В действительности же, как свидетельствуют данные физико-химических замеров загрязненности воздуха и водоемов, положение в области природопользования в этих городах ближе к стабильному. Подобные оценки дают и опрошенные эксперты – специалисты природоохранных служб. Нельзя не отметить и такой парадокс современной российской действительности: свертывание производства, остановка цехов и целых предприятий привели к уменьшению антропогенного воздействия на окружающую среду, сокращению выбросов вредных веществ в водоемы и атмосферу, вызвали даже некоторое оживление флоры и фауны.

Примечательно, что, несмотря на негативную оценку экологической обстановки в обследованных городах, многие их жители с надеждой смотрят в будущее. Только четвертая часть опрошенных дали отрицательный ответ на вопрос о том, разрешимы ли экологические проблемы города. Примерно столько же респондентов занимают противоположную позицию и верят в возможность их разрешения уже в ближайшие 10–15 лет. Наиболее адекватной представляется точка зрения большинства горожан, надеющихся на возможность приведения природопользования в нормальное состояние, но в отдаленной перспективе.

Думается, что для такого осторожного оптимизма есть основания. Мировой опыт свидетельствует, что внедрение экологически безопасных технологий, совершенных методов очистки вредных выбросов в сочетании с действенными законодательными актами, мощным общественным экологическим движением позволили развитым странам Запада кардинально решить вопросы охраны природы. Однако это маловероятно для России в ближайшие годы. Даже если удастся преодолеть кризис, темпы экономического роста в условиях структурной перестройки длительное время будут невысокими. Поэтому вряд ли возможно аккумулировать в городах крупные средства, которые будут направлены на природоохранные мероприятия. Слаба надежда и на получение инвестиций из федеральных фондов. Тем не менее большинство населения надеется на лучшее, хотя и очень далекое будущее.

Между тем позитивные перемены можно обнаружить уже в наши дни. На некоторых предприятиях удалось эффективно воспользоваться экономической самостоятельностью. Серьезные природоохранные меры в первой половине 90-х годов были осуществлены на Новокузнецком ферросплавном заводе. Не случайно две трети опрошенных работников завода положительно оценили работу руководства предприятия по решению экологических проблем. Однако в целом ликвидация плановой и административно-командной системы, экономическая самостоятельность рассматриваются в экологическом контексте неоднозначно. На большинстве предприятий произошло свертывание природоохранных программ. По-видимому, учитывая это, 17% опрошенных работников промышленности Новокузнецка высказали мнение, что возрастание экономической самостоятельности отрицательно повлияло на решение экологических проблем города. Считающих, что это обстоятельство помогло улучшить природопользование, оказалось вдвое меньше. Ровно половина опрошенных не заметили какой-либо взаимосвязи между возрастанием экономической самостоятельности и экологической обстановкой в городе, а 24% затруднились определить свое мнение по данному вопросу.

Подавляющее большинство респондентов высказали убеждение, что экологическая обстановка в Новокузнецке и Братске является фактором, ухудшающим здоровье, вызывающим болезненные явления. Причем около половины населения считает такое вредное воздействие систематическим.

Особое беспокойство вызывает физическое развитие детей, — практически в каждой семье одну из основных причин их заболеваемости родители видят в плохой экологии.

Сопоставление данных, полученных в ходе социологического опроса, с результатами медико-гигиенических исследований позволяет заключить, что жители в целом верно оценивают воздействие окружающей среды на свое физическое самочувствие. Загрязненность воздушного и водного бассейнов в Братске и Новокузнецке многократно превышает среднероссийские показатели, а распространенность связанных с этим заболеваний в 2–3 раза выше, чем в целом по России. В городах постоянно обостряется эпидемиологическая ситуация. Так, в Новокузнецке различные виды инфекций ежегодно поражают 200–250 тыс. человек. Основными причинами их появления являются водный и пищевой факторы, в частности чрезмерная концентрация кишечных палочек в местах водозаборов из р. Томи.

Существенное воздействие на здоровье жителей обследованных городов оказывает загрязнение воздуха, и в первую очередь оно влияет на состояние бронхолегочной системы. При неблагоприятных метеоусловиях в связи с увеличением концентрации в воздушном бассейне пыли, сажи, сернистого ангидрида, окислов азота население значительно чаще обращается за скорой и неотложной помощью, отмечается рост смертности жителей, страдающих гипертонией и сердечно-сосудистыми заболеваниями. Остается высоким загрязнение воздушного бассейна бензопирином — веществом, вызывающим раковые заболевания. Смертность от рака постоянно увеличивается и значительно превышает среднероссийские показатели.

Все большую остроту приобретает проблема генетических последствий экологического кризиса, его воздействия на будущие поколения людей. Эти последствия проявляются во врожденных пороках развития. У подавляющего большинства матерей в Новокузнецке наблюдается патология беременности, а около половины детей рождаются недоношенными. Детская заболеваемость в городе значительно превышает среднероссийский уровень по злокачественным новообразованиям, болезням эндокринной системы, обмена веществ, крови и органов кровообращения. Наиболее часто у детей поражается дыхательная система, что подтверждает их особую чувствительность к неблагоприятным экологическим факторам.

Казалось бы, острое беспокойство за собственные условия жизни, недовольство работой природоохранных служб должны стать катализаторами массового экологического движения. Однако в обследованных городах оно отсутствует или, в лучшем случае, находится в зачаточном состоянии. Во всех районах Братска и Новокузнецка большинство опрошенных считают, что население не участвует в природоохранной деятельности, пассивно относится к экологическим проблемам. Многие уже вообще не смогли ответить на вопрос об участии горожан в защите природы, т. е. ничего не знают об этом.

Чем же объяснить, что в России, и в частности в Сибири, до сих пор не осознана действенность общественного экологического движения, а жители городов, в том числе и в зонах экологического бедствия, проявляют пассивность? Во-первых, из-за отсутствия достаточной информации о загрязнении окружающей среды создавалась иллюзия, что такой проблемы не существует. Во-вторых, имеются психологические стереотипы: местные природные ресурсы неисчерпаемы, “на мой век хватит”. В-третьих, распространено убеждение, что “люди ничего не решают”, все зависит от местного или центрального руководства. И в-четвертых, экономические интересы преобладают над экологическими. В настоящее время, когда большая часть населения ведет борьбу за элементарное выживание, экология в системе жизненных ценностей отодвинута на задний план. К тому же острота проблемы несколько

снизилась в связи с повсеместным сокращением производства и соответственно с уменьшением его воздействия на окружающую среду. Однако заметим, что объемы выбросов вредных веществ в атмосферу и в открытые водоемы сократились в гораздо меньшей степени, чем выпуск продукции. Следовательно, удельные выбросы в расчете на единицу продукции даже возросли и имеют тенденцию к дальнейшему увеличению из-за снижения технологической дисциплины и нарастающего износа оборудования, ставших основными причинами год от года учащающихся аварийных ситуаций.

Возможно ли привлечь широкие слои горожан к природоохранной деятельности? Социологическое обследование показывает, что каждый четвертый житель Братска и Новокузнецка хотел бы принять участие в мероприятиях по защите и оздоровлению природной среды в любой доступной для него форме. Эти люди являются сторонниками и потенциальными участниками экологического движения, социальной основой его возможного развертывания. Крайне важно активизировать этот человеческий потенциал. Его пробуждение и использование может принести не меньший природоохранный эффект, чем вложение крупных финансовых средств в разработку и внедрение новых технологий.

Экологическая культура у многих жителей сибирских городов еще невысока. Большинство даже не осознали, что тому варварскому отношению к природе, которое господствовало многие десятилетия, должен быть положен конец. Людям просто не известны другие стандарты в данной сфере. Изменить ситуацию можно лишь тогда, когда наступит перелом в общественном сознании, когда оно станет экологичным. Хочется верить, что жители Сибири в массе своей осознают необходимость сохранения нашего главного всеобщего богатства – природы, почувствуют себя собственниками этого богатства, обязанными передать его в сохранности следующим поколениям.

Первый опыт изучения общественного мнения по экологическим вопросам положительно оценен руководителями Братска и Новокузнецка. Отработанную здесь методику можно применить и в других городах и районах Сибири, в том числе в тех, где экологические проблемы еще не достигли такой же остроты. Подобная информация имеет не только научное, но и непосредственное практическое значение. Она может использоваться для выработки конкретных социально-экономических мер по защите человека и природной среды; формирования экологической культуры населения, его активизации и повышения роли в природоохранной деятельности; координации работы природоохранных служб и экологического движения, выбора наиболее эффективных методов компенсации воздействия неблагоприятных экологических факторов; определения приоритетных направлений социально-экономического развития города с учетом общественного мнения по экологическим проблемам.

Л.П.Осипова
(г.Новосибирск)

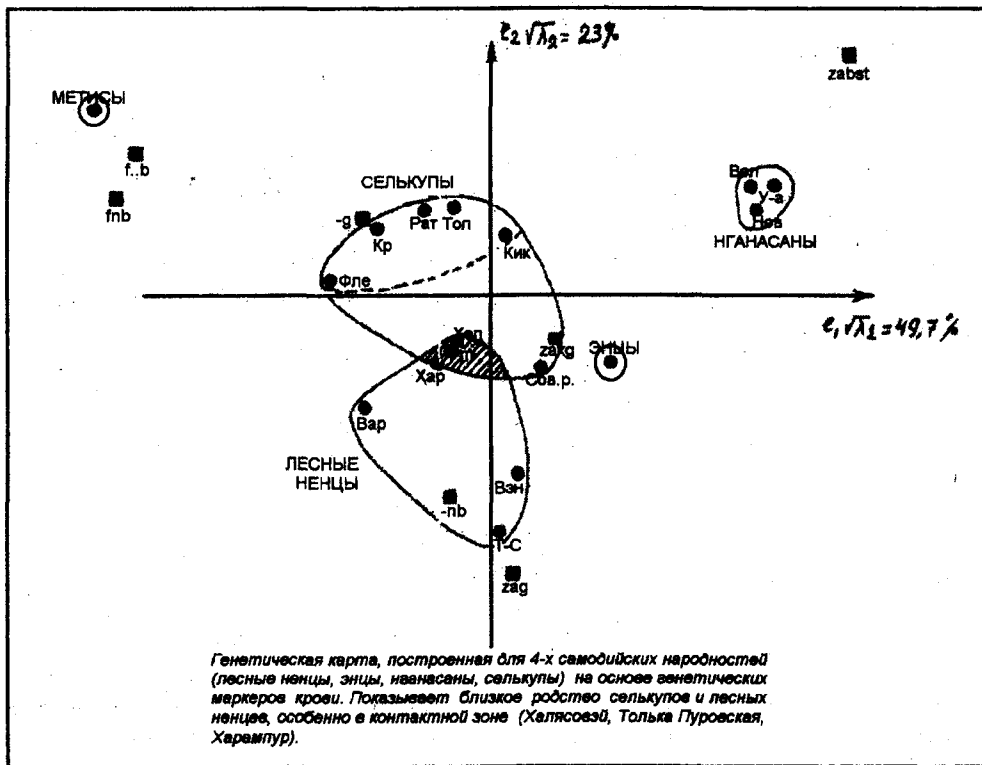
ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ С ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРЕССА (на примере Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа)

Начиная с 1973 г. в Институте цитологии и генетики СО РАН ведется комплексное изучение генофондов малочисленных народов Сибири: эскимосов, чукчей, нганасан, юкагиров, эвенов, эвенков, кетов, хантов, алтайцев, казахов Алтая и особенно тщательно – лесных и тундровых ненцев и селькупов Пуровского района. Какова методология этой работы? В самом глобальном контексте мы рассматриваем проблему сохранения генофондов малочисленных народов Сибири как проблему биоразнообразия. Проблема биологического разнообразия растительного и животного миров – на сегодняшний день одна из самых актуальных для биологических наук. Она напрямую связана с тем фактом, что человек является одновременно существом биологическим и социальным. Несмотря на то что в настоящее время человечество представлено на Земле только одним видом – *Homo sapiens*, тема биоразнообразия применима к нему, пожалуй, в неменьшей, а то и в большей степени, чем к сообществам растений и животных.

За несколько десятков тысяч лет своего развития человек разумный освоил, по существу, все экологические ниши планеты. Процесс освоения, как мы теперь понимаем, был длительным и был связан с появлением на генетическом уровне у отдельных человеческих групп специфических (адаптивных) генных комплексов, позволяющих приспособиться к конкретной экологической среде и успешно существовать в ней. Окружающая среда предъявляет довольно жесткие требования к организму человека посредством как кли-

матических факторов (солнечная радиация, экстремальные температуры, условия высокогорья или Заполярья, геомагнитные колебания и др.), так и многих иных, среди которых особо отметим факторы, генетически перестраивающие систему иммунитета через влияние свойственных именно этой природной среде антигенов (микробы, вирусы, грибы, паразиты и др.). Поэтому возникновение человеческих рас (негроидной, монголоидной, европеоидной) было не случайным процессом, а имело самый высокий биологический смысл. По-видимому, главенствующую роль играл здесь естественный отбор.

В процессе дальнейшего освоения экологических ниш земного шара происходило дробление человеческих рас на более мелкие подразделения – изоляты, или природные популяции. В составе таких природных популяций человечество существовало около 95% своего эволюционного времени. Каждую популяцию можно охарактеризовать свойственной только ей совокупностью генов, или генофондом. Генофонды популяций человека отличаются друг от друга иногда очень значительно. Эти отличия возникли благодаря изолирующим барьерам, а они могут быть, как мы знаем, географическими, социальными, религиозными и др. В поддержание определенной генетической структуры популяции вносят вклад такие факторы микроэволюции, как генный дрейф, мутации, дифференциальная миграция и отбор. На современном этапе развития человечества действие первых трех указанных факторов часто перекрывает действие отбора, впрочем, не подавляя его совсем. В нынешнем меняющемся мире, когда изменения особенно болезненно затрагивают малочисленные народности, вектор отбора меняет свои качественные свойства, направленность и величину.

На рисунке с помощью математического метода главных компонент показаны *генетические дистанции*, т.е. близость или отдаленность разных этносов. Для того чтобы построить такую картину, необходимо выявить в крови человека множество *генетических маркеров*, определить их частоты в популяциях, а затем уже использовать компьютерный метод. Из рисунка видно, что селькупы и лесные ненцы имеют хотя и разные, но близкие генофонды, которые частично перекрываются в зонах контакта (Халасавэй и Толька Пуровская; Харампур и система Чертовых Озер). Этот факт подтверждается генетико-демографическими и генеалогическими исследованиями, свидетельствующими о том, что ненцы Халасавинской тундры породнились в прошлом с селькупками Каткилевыми и, частично, Куниными, а ненцы Харампуровской тундры – с селькупками Агичевыми. На рисунке не представлен генофонд самбургских тундровых ненцев, но он близок к генофонду лесных ненцев, в то время как энцы Енисея занимают промежуточное положение между иванасанами и селькупками. Удивительно, что иванасаны, относясь к той же северо-самодийской группе языков, что и селькупы, ненцы и энцы, имеют совершенно другой генофонд, свободный от европеоидной

примеси, и являются своеобразным генетическим эталоном северных монголоидов. Наши исследования позволили согласиться с гипотезой известнейшего этнографа Б.О.Долгих о том, что “предки нганасан не пришли с Саян в качестве самодийского народа, а лишь усвоили самодийский язык и элементы самодийской культуры, находясь уже на Крайнем Севере”¹.

На рисунке не показаны взаимоотношения генофондов русского (славянского) населения с метисами селькупов с русскими. Однако у метисов уже в первом поколении происходит резкий генетический сдвиг в сторону славянского генофонда, а далее различные факторы отбора, в том числе и социальные, будут определять степень приспособленности генотипов этих людей к условиям Севера. По нашим наблюдениям, метисы в социальном отношении легче адаптируются к условиям техногенной цивилизации, чем тундровые жители. Но что касается их здоровья, иммунитета, об этом выводы делать пока рано, так как необходимы дальнейшие углубленные генетические исследования, посвященные смешанным бракам.

Еще одна глобальная проблема, касающаяся малочисленных народов Севера, – это проблема их эволюции, микроэволюции и в итоге опять же генетических механизмов адаптации к суровым условиям Крайнего Севера.

Эволюционная история конкретного этноса, этапы его этногенеза, как правило, сложны. И волны миграции играют здесь не последнюю роль. Что касается северо-самодийских народностей, то до сих пор в научной литературе ведутся диспуты относительно происхождения так называемого “пришлого” компонента по отношению к “автохтонному”.

В результате длительных исследований, совершив около 50 экспедиций в регионы проживания коренных народностей (в том числе и на Алтай – “колыбель” эволюции человечества), мы пришли к выводу, что наиболее вероятным путем миграции “южного компонента”, вошедшего в состав селькупов и ненцев, был путь с юга на север.

Река Енисей условно делит Сибирь на две зоны. Зона к востоку от Енисея и к северу от Байкала (условно – выше р. Подкаменной Тунгуски) – это местообитание ядра северных монголоидов, представляющих один из древнейших пластов народов Сибири. Так, археолог профессор Ю.А.Мочанов обнаружил в Якутии на р. Диринг-Юрях стоянку древнего человека, датируемую несколькими сотнями тысяч лет. (Эти данные шокировали мировую научную общественность: считалось невероятным встретить следы деятельности предков *Homo sapiens*, относящихся к столь отдаленному времени.) Яркими представителями этого древнего пласта являются нганасаны, чукчи, эскимосы, эвены, эвенки и ныне почти исчезнувшие юкагиры. Указанная зона полностью свободна от европеоидных генов, в частности у этих народов нет резус-отрицательного фактора. В не столь далеком прошлом здесь также имели значение миграции типа Север – Юг. Так, например, северо-монголоидные гены внедрились в качестве “миграционной примеси” в генофонд японцев, корейцев и северных китайцев.

Совершенно другая ситуация наблюдается в Западной Сибири. Селькупы, лесные ненцы и тундровые ненцы – это народности, которые произошли в далеком прошлом в результате гибридизации двух больших рас – европеоидной и северо-монголоидной. Около 20% “древнеевропеоидных” генов имеют, например, лесные ненцы. Гибридизация происходила гораздо южнее, возможно в районе Алтая – Саян. Затем жесткий стабилизирующий отбор, проявляющийся через высокую детскую смертность (преимущественно в возрасте до одного года) “выбрал” самые лучшие гены, максимально приспособленные к суровой природе Севера.

Особые требования предъявлялись к трем системам организма: нервной, иммунной и эндокринной. Что касается системы иммунитета, то здесь мы, по-видимому, приблизились к разгадке той особой устойчивости к бактериальным инфекциям, которая существует у лесных и тундровых ненцев и селькупов. На молекулярно-генетическом уровне с помощью коллег из Франции впервые удалось установить механизм дубликации целого блока по меньшей мере из трех генов иммуноглобулинов. Обнаруженная избыточность информации, вероятно, является одним из звеньев до сих пор еще не объясненного компенсаторного механизма наследственного иммунодефицита.

Что касается нервной системы, то, как было установлено при изучении межполушарных взаимодействий головного мозга (“лево-праворукость”), у северных народностей она особенно тонка и уязвима. Доказано, что Север отбирает “леворуких”², но они же, левши и амбидекстры, являются и наиболее уязвимыми в социальном плане в условиях ломки привычной среды обитания, особенно в детском возрасте. Ранний (с 6–7 лет) отрыв детей от родительского чума приводил в интернатах в недавнем прошлом к неврозам, заиканиям, ночному недержанию мочи, замкнутости и нежеланию контактировать с педагогами, зачастую ошибочно трактуемому как олигофрения, и т.д. Ждет своих исследователей также и проблема “северных психозов”, которые в ярком виде зафиксированы медиками, например, в Халасавэе. Ясно одно: в “техногенный мир” истинные тундровые жители не вписываются либо вписываются с огромными внутренними психологическими потерями – чувством этнической неполноценности, глубокого одиночества, потерей родно-

го языка, неудовлетворенным социальным статусом... В силу большей пластичности к “городской” жизни в крупных поселках вроде поселка городского типа. Тарко-Сале гораздо лучше приспосабливаются женщины. Но, к сожалению, это приспособление зачастую сопровождается потерями в личностном плане: очень редко им удается благополучно устроить личную жизнь. Но большая заслуга этих женщин в том, что они формируют пласт национальной интеллигенции, работая в больницах, школах, органах культуры и местного самоуправления, стараясь воспринимать только лучшие черты из многовековой русской культуры.

Работа в Пуровском районе велась много лет, по сути, осуществлялся мониторинг жизнедеятельности коренных народностей, населяющих этот регион, нельзя не отметить огромного прогресса, которого достигла национальная политика в районе, особенно начиная с 1992 г. Администрация района проводит гибкую политику, принимая во внимание рекомендации генетиков. Так, например, в тарко-салинской школе-интернате осуществлены важные реформы, учитывающие этнические особенности ненцев и селькупов. Сдвинуты сроки начала и окончания учебного года, чтобы дети могли не полностью отрываться от хозяйственного цикла родительского чума. Районный отдел народного образования сделал упор на начальное обучение в малокомплектных школах, тем самым сдвигая интернатное обучение детей на более зрелый возраст (нами доказана инфантильность созревания маленьких тундровиков, которая является для них естественной и адаптивной). Созданы все условия для дальнейшего развития художественного, образного мышления и творческих способностей северян: организованы различные кружки, художественные мастерские, открыта музыкальная школа и т.д. Учитывается специфика питания (потребность в сырой рыбе, мясе) коренных жителей, что позволяет сохранить их “полярный” метаболический тип. Районная администрация направляет огромные средства на восстановление заброшенных или разрушенных в застойные времена факторий, в первую очередь это касается селькупского пос. Толька Пуровская.

Главный вывод, который хотелось бы сделать, состоит в том, что коренным жителям обеспечивается свобода выбора пути развития. Политика районной администрации – это политика “мягкого патернализма”, и такой путь является единственно приемлемым в наше время. Взяв однажды на себя ответственность за судьбу малочисленных народов, Россия не вправе бросить их на произвол судьбы. К сожалению, наше государство, изнемогающее под грузом экономических и политических трудностей, пока еще не в состоянии должным образом решать проблемы северных этносов. Тем более отрадно, что на местном, региональном уровне ведется конкретная, ответственная, профессиональная работа, направленная на то, чтобы обеспечить выживание и благополучие коренных народностей в столь резко меняющемся мире.

Говоря о свободе выбора, следует отметить очень важный момент: в Пуровском районе приняты все меры по сохранению Самбургской, Халасавинской, Харампуровской, Вэнгапуровской тундр и системы Чертовых Озер как территорий приоритетного природопользования с обязательным поддержанием ненарушенной экологической обстановки, животного и растительного миров. В настоящее время существует понимание, что жизнь в тундре может показаться привлекательной не для всех, а потому детям тундровиков предоставляются равные стартовые условия для получения образования в том объеме, в котором они пожелают, а также для дальнейшего профессионального роста.

Уместно вспомнить о гуманизме русской культуры, которая никогда не была направлена на подавление какой бы то ни было национальной культуры, а только – на взаимное обогащение. Яркий пример мирного сосуществования двух культур – это билингвизм. Ведь до сих пор, на пороге XXI в., подавляющее большинство тундровых и лесных ненцев и селькупов не утратили свой родной язык! Такой же дуализм можно наблюдать и в религиозных верованиях: при всей притягательности шаманизма для северных народов существует круг лиц, придерживающихся христианства или во всяком случае не отвергающих его. К слову сказать, и сами русские, отметив 1000-летие крещения Руси, удивительным образом сохранили многие пережитки язычества, которое, как и шаманизм, роднит человека с Природой.

Теперь подробнее остановимся на основных факторах внешней среды, особенно разрушительно воздействующих на генофонды малочисленных народностей.

Прежде всего, это *инфекционные болезни*, такие как оспа, корь, туберкулез и др., которые еще в начале XX в., как писал этнограф С.К.Патканов, “косили” целые стойбища. В настоящее время ситуация в Пуровском районе находится под контролем органов здравоохранения, в том числе и в отношении туберкулеза, который неплохо поддается лечению у коренных жителей и протекает относительно доброкачественно. Однако на фоне захлестывающих Россию наркомании и “сексуальной революции” существует вероятность, что “чума XX века” – СПИД может однажды появиться и в тундре. И это будет страшнейшим бедствием, так как защиты от грозного вируса пока нет.

Другим фактором, разрушающим генофонд коренного населения, является *алкоголизация*, – это наитяжелейшая проблема для Севера, особенно остро проявившаяся в 60-х годах XX в., когда началось интенсивное хозяйственное освоение региона. Алкоголизация ведет к потере самой трудоспособной части местного населения, к полной деградации личности у северян. Генетики и медики практи-

чески единодушны, высказывая гипотезу, что у коренных жителей отсутствуют в полном объеме ферменты, расщепляющие алкоголь до конечной стадии – воды и углекислого газа. Пока только ясно, что нарушения в метаболизме алкоголя у представителей северных народностей носят другой характер, не такой, как, например, у японцев. В частности, у северян нет ФЛАШ-реакции, показывающей дефицит фермента альдегид-дегидрогеназы. Хочется особо подчеркнуть, что, по нашим данным, коренных жителей нельзя назвать алкоголиками в привычном смысле этого слова. Находясь в тундре, они могут не пить по полгода. Но зато, попав в поселок, испытывают настолько острую тягу к алкоголю, что не могут остановиться, пока на фоне острого алкогольного опьянения не наступит трагическая развязка: утонул, замерз, убили в пьяной драке, покончил жизнь самоубийством, остановилось сердце... Отраднее то, что многие из коренных народностей, осознав, что могут исчезнуть навсегда, включили “охранительные” социальные механизмы и прибегают к методу медицинского “психологического кодирования” (особенно это относится к жителям пос. Самбург).

Ученые готовы работать над проблемой алкоголизации северян при условии заинтересованности местных властей и соответствующем финансировании. Естественно, что ее решение под силу только специалистам, умеющим работать с генофондом северных этносов.

Еще один фактор, который необходимо отметить, – это *метисация*. Что она собой являет: благо или зло? Или же то и другое одновременно? В Пуровском районе мощная метисация местного населения с приезжими опять-таки совпала по времени с нефтегазовым освоением Севера. В самом процессе метисации нет ничего необычного, это естественный процесс, который всегда в той или иной мере происходил в этносах из-за брачной миграции, но ранее он находился под контролем естественного отбора. В тундре выживали только те, чьи гены хорошо “работали” в жесточайших условиях среды. С начала же 70-х годов процесс метисации у селькупов и лесных ненцев, особенно живущих в поселках, стал носить неуправляемый хаотический характер.

Выше уже было сказано, что в социальном плане дети-метисы легче адаптируются в меняющемся мире, а что касается состояния их здоровья, то здесь полной ясности у ученых пока нет. Можно ожидать, что тысячелетиями складывавшиеся особые северные генотипы могут быть частично разрушены, в результате чего новые поколения смогут жить лишь в более комфортных условиях среды, подобно европейским жителям. Могут появиться генетические заболевания, ранее несвойственные коренным жителям, такие как гемофилия, фенилкетонурия, синдром Дауна, синдром ломкой X-хромосомы, вызывающей умственную отсталость, и др., т.е. весь тот “генетический груз”, которымотягощены современные городские популяции. Могут появиться проблемы, связанные с невынашиванием беременности из-за реэус-конфликта, так как у потомков от браков коренного населения с пришлым появляются с повышенной частотой реэус-отрицательные гены. И так далее.

Роль генетики в этом плане будет возрастать. Возможно, в недалеком будущем появится потребность в открытии в районе собственной медико-генетической службы.

Наконец, остановимся на *экологических факторах*. Какова сегодня экологическая обстановка в районе? Очевидно, что она не может быть благополучной в силу специфики региона: ведутся добыча газа, геолого-разведочные работы, появляются крупные города (Новый Уренгой, Ноябрьск, Ханымей, Губкинский, Муравленко). И все это на территории, где издавна жили и продолжают жить коренные народности, которым необходима чистая, нетронутая природная среда. Администрация Пуровского района держит эту проблему под контролем, демонстрируя гибкость во взаимодействии с нефтяниками, газовиками, геологами и строителями, с одной стороны, и коренными народностями – с другой. Делается все для того, чтобы ущерб, наносимый хрупкой северной природе, был минимальным.

Проявив обеспокоенность ростом заболеваемости (в том числе и онкологической) в Самбургской тундре, глава районной администрации С.А.Ламбин поддержал комплексную эколого-медико-генетическую программу, направленную на выяснение причин этого явления. Институтом цитологии и генетики СО РАН в содружестве с рядом российских и зарубежных лабораторий получены ошеломляющие результаты, позволяющие и огорчаться, и радоваться одновременно. С помощью хромосомного анализа крови доказано, что 30–40 лет назад коренное население подверглось воздействию радионуклидов в результате наземных и воздушных испытаний ядерных устройств. При оценке состояния здоровья жителей Самбургской тундры оказалось, что процент людей, часто болеющих хроническими воспалительными заболеваниями (так называемые вторичные иммунодефицитные состояния) в 8 раз выше, чем в г. Тюмени (27 и 3,3% соответственно). В то же время практически здоровых людей в Самбургской тундре тоже больше, чем в г. Тюмени (24% против 14%).

Обнаруженное на молекулярно-генетическом уровне явление “дупликации” (“удвоения”) нескольких генов иммуноглобулинов может служить косвенным свидетельством в пользу повышенной устойчивости иммунной системы тундровых ненцев и отправной точкой для дальнейших исследований. То есть процент

и заболеваемости, и смертности в результате радиационного воздействия был бы выше, если бы тундровые ненцы не обладали такой генетической “защитой”. По нашим оценкам, примерно 40% жителей Самбургской тундры получили от своих предков этот “запас прочности” иммунной системы. Сказанное выше, однако, не умаляет значения того факта, что население Пуровского района подвергается воздействию антропогенных факторов, разрушающих генофонд, и нуждается в повышенном внимании со стороны органов здравоохранения. А органы здравоохранения, в частности Пуровская центральная районная больница, нуждаются в усиленном финансировании для проведения реабилитационных мероприятий по восстановлению здоровья у тундровых жителей.

В заключение подчеркнем, что Пуровский район с его прекрасной природой, с его богатыми нефтегазовыми ресурсами очень важен для России. Но все же главное богатство – это его жители, особенно представители коренных этносов. И насущная задача сегодня – сохранить островки живой природы, сохранить “ядро”, генофонд ненцев и селькупов. Будем же оптимистами, надеясь, что это удастся.

Примечания

¹ Долгих Б.О. Происхождение нганасан // Сибирский этнографический сборник I / Труды Ин-та этнографии АН СССР. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 18. – С.5–88.

² См.: Nikolaeva E.I., Oteva E.A., Leutin V.P., e. a. Relationships between left hemisphere predominance and disturbances of lipid metabolism in different ethnic groups // International Journal of Cardiology. – 1995. V. 52. – P. 207–211.

А.И.Сергеева
(г.Кызыл)

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТУВИНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Для того чтобы охарактеризовать процесс социальной дифференциации, проходивший в Туве в конце XIX – начале XX в., нужно знать, что представляло собой тувинское общество в тот период. Составить адекватное представление об этом непросто, так как имеющиеся данные о численности, социальном статусе и имущественном положении населения Тувы в рассматриваемое время весьма разноречивы, а порой сомнительны. Например, Р.М.Кабо пишет, что, по данным переселенческого управления, в 1914–1915 гг. в двух самых многочисленных (основных) хошунах численность коренного населения составляла 56300 чел.¹ В.И.Дулов приводит сведения о численности коренного населения в тех же хошунах на 1913 г. – 36126 чел.² Такое расхождение можно объяснить прежде всего тем, что статистический учет кочевого населения в то время был неполным и неточным. Более достоверны, на наш взгляд, данные В.И.Дулова, так как он опирался на официальные документы, представленные хошунной администрацией в Улусутай, и именно на основе этих документов взимались подати и оброк.

Зарождение и развитие капиталистических отношений в Туве в конце XIX – начале XX в. стимулировали процесс социальной дифференциации аратского населения. Для выяснения вопроса о классовой дифференциации воспользуемся сведениями А.П.Ермолаева, полученными им во время экспедиции в сумоны Оюнарский и Маады³. Они дают только общее представление о степени расслоения тувинского общества, но в сравнении со сведениями из других источников являются наиболее достоверными.

А.П.Ермолаев обработал данные о 53 хозяйствах оюнаров и 13 хозяйствах маады. Нужно отметить, что сумоны Оюнарский и Маады были наиболее благополучными в имущественном отношении, тем не менее “группа необеспеченных и малообеспеченных составляла почти половину общего количества юрт, обладала 1/45 всего количества лошадей, 1/14 всего рогатого скота и 1/10 общего количества овец, в то время как высшая группа имела 3/5 лошадей, 2/5 крупного рогатого скота и овец. Стало быть, высшая группа, будучи по количеству юрт в 3 раза меньше нижней группы, сосредоточила в своих руках почти в 30 раз больше лошадей и в 7 раз больше крупного рогатого скота, в 4 раза большее количество овец”⁴. Таким образом, аратов, лишенных каких бы то ни было средств производства, было достаточно много. В среднем семья имела одну корову, одну-две овцы, но у большинства не было и этого. Араты-середняки составляли около трети всего населения и имели примерно по семь голов ро-

гатого скота, по пять лошадей и по 26 овец. В состоятельных хозяйствах было сконцентрировано 75% крупного рогатого скота, более 60% лошадей и 62,8% овец. Приведенные данные говорят о резком классовом расслоении аратства⁵.

Разрушение натурального хозяйства сопровождалось полным разорением непосредственного производителя. Простой арат испытывал двойной и даже тройной гнет. В период зарождения капитализма и первоначального накопления капитала разорение широких масс крестьянства – достаточно характерное явление. Разорению способствовали высокие поборы (арат платил податей в размере, приближающемся к трети его дохода)⁶, неразвитость денежных отношений, вследствие чего процветали несправедливый обмен и долговая торговля, поборы со стороны духовенства – лам. Таким образом, в виде различных налогов, сборов, уплаты долгов арат отдавал не только прибавочный продукт, но и большую часть необходимого для воспроизводства.

Постепенно в среде аратства сформировались новые социальные группы: карабайство, среднее крестьянство и беднота (ядуу, бойхуш)⁷, а также батрачество. Важно отметить также появление небольшой прослойки богатых тувинцев, занимавшихся коммерческой деятельностью. Самой примечательной фигурой среди них был Ажик-Харан-Чанга, известный также как Ажикай. Карьера Ажикайя весьма показательна в качестве примера эволюции социальных отношений того периода. В молодости он был простым аратом, затем начал заниматься кайгалством, т.е. кражей скота. Позже занялся торговлей, скупал у аратов скот и продавал его русским купцам. Разбогатев, приобрел у китайских князей чин себе и своему сыну. Так в Урянхае зародился собственный капиталистический элемент⁸.

В дореволюционном Урянхае шел активный процесс становления капиталистических отношений. В условиях формирования торгово-ростовщического капитала разорялось большое количество аратских хозяйств, что создавало базу для зарождавшегося рабочего класса Тувы. Большое влияние на ход этого процесса оказало появление золотодобывающей промышленности, поскольку постоянно растущий спрос на рабочую силу подстегивал развитие наемного труда. Основную массу рабочих золотых приисков составляли русские, специально привезенные в Урянхай. Рабочие кадры формировались из представителей разных слоев населения Сибири. Численность всех приисковых рабочих к 1883 г. составляла около 500 чел., большая их часть работала на двух основных приисках компании “Гусев и Денисов” – Святодуховском и Петро-Павловском⁹.

Помимо русских на приисках работали и тувинцы, которых нанимали в основном на подсобные работы – на заготовку сена, рубку и подвозку дров, в качестве пастухов и сторожей. Оплата труда была мизерной – от 20 до 40 коп. в день. Точных данных о численности рабочих-тувинцев на приисках не имеется, но В.И.Дулов пишет, что “на одном из приисков Гусева их работало до пятнадцати человек”¹⁰. Кроме того, он приводит приблизительные цифры по двум приискам компании “Гусев и Денисов” (см. таблицу). Данные эти весьма приблизительные, но они дают некоторое представление об этнической структуре занятых в золотодобыче.

Численность русскоязычных рабочих и рабочих-тувинцев
на приисках компании “Гусев и Денисов”
в 1883–1886 гг.

Прииски	Русскоязычные		Тувинцы		Всего, чел.
	Чел.	%	Чел.	%	
Святодуховский	138	90	15	10	153
Петро-Павловский	192	87	28	13	220

Таким образом, основную часть рабочих составляли русские переселенцы. В отечественной историографии рассматриваются преимущественно крестьянские переселенцы. В трудах В.И.Дулова, Н.А.Сердобова, Л.Ю.Аранчына подробно исследуется процесс заселения Урянхайского края российскими крестьянами. Существуют периодизация этого процесса и деление переселений на три волны. Что же касается неземледельческих переселений, то они практически не освещены. Каким образом осуществлялся переезд рудных рабочих в Урянхай, какие социальные группы были основными источниками пополнения контингента рабочих – эти и ряд других вопросов пока остались без ответа. Между тем социально-экономическая значимость неземледельческих переселений крайне велика, так как они способствовали вовлечению все большего числа людей в сферу капиталистических отношений.

Несмотря на тяжелые условия труда, тувинцы все-таки охотно нанимались на прииски. Дело в том, что обнищавшие араты, по сути, оказались выброшенными из системы феодальных отношений, а с появлением рынка наемного труда они становились востребованными. Работа на приисках для многих была спасением от голодной смерти. Видя такое положение вещей, владельцы приисков притесняли тувинцев еще больше, чем русских рабочих. В.И. Дулов так описывает условия труда приисковых рабочих: «Рабочий день нередко достигал 15–16 часов в сутки. Уроки задавались большие, так, например, рабочий должен был в течение дня перебросать около двух тонн земли. За невыполнение урока, за нарушение порядка рабочих жестоко наказывали розгами. Заработная плата была исключительно низкой. Рабочий приисков в Урянхае получал в несколько раз меньше, чем, например, рабочий Ленских приисков. Свыше половины заработка рабочие получали вещами и товарами»¹¹.

Однако, как утверждает Р.М. Кабо, положение приискового рабочего было не таким тяжелым, как, скажем, положение безземельного крестьянина. Проведя несложные математические вычисления, можно составить определенное представление о благосостоянии приискового рабочего. Если сопоставить средний заработок рабочего за один месяц и средние цены на продукты первой необходимости, то получится следующая картина (сведения о ценах приводит в своем отчете горный инженер Б. М. Порватов¹²):

Ежемесячный заработок	18 руб.
Средние цены за 1 пуд (включая стоимость доставки продуктов на место):	
пшеничная мука	1 руб. 25 коп. – 1 руб. 80 коп.
ячмень	40–50 коп.
овес	1 руб. – 1 руб. 50 коп.
сено	10–20 коп.
мясо	1 руб. 80 коп. – 3 руб. 50 коп.
масло	9–12 руб.
соль	80 коп. – 1 руб. 20 коп.

В.И. Дулов отмечает, что если к концу XIX в. половину суммы заработной платы рабочие приисков получали вещами и продуктами, то в начале XX в. уже наблюдался повсеместный переход к денежной форме оплаты труда, что несомненно способствовало развитию капиталистических отношений.

Араты – владельцы скота поставляли на прииски мясо и молочные продукты. Возникший спрос на продукцию животноводства стимулировал производство прибавочного продукта, а это повлекло за собой разрушение натурального хозяйства.

Постепенно развивался рынок труда. Если в конце XIX в. бедняки и совсем обнищавшие араты, нанимаясь на прииски в качестве рабочих, чаще всего выполняли подсобные работы, то в начале XX в. уже имелись случаи, когда тувинцы работали забойщиками, сортировщиками, откатчиками, крепыльщиками.

Таким образом, появление и развитие золотодобывающей промышленности само по себе не было причиной разложения существовавших феодальных отношений, но ускорило этот процесс.

Быстрое развитие золотопромышленности начиная с 30-х годов XIX в. дало сильный импульс экономическому развитию Урянхайского края. Эксплуатация золотоносных участков за короткий период достигла большого размаха. Растущее приисковое население обеспечивало спрос на хлеб, мясо, железо, сено и другие товары. Вскоре в Урянхае появилось винокуренное и кожевенное производство. Стали расти масштабы провоза через территорию края товаров из Европейской России в Восточную Сибирь. Движение ранней весной каждого года потоков рабочих на прииски, а осенью обратно обусловило развитие извоза, возникновение постоянных дворов. Заработки некоторых приисковых рабочих были вполне достаточными, и часть этих средств переливалась в сельское хозяйство. Извозный промысел заставлял развиваться смолокурение, колесничество, санный, дужный и другие промыслы. Под влиянием всех этих обстоятельств росло благосостояние довольно многочисленной зажиточной части местного населения¹³.

Таким образом, развитие золотопромышленности в Урянхайском крае имело безусловно прогрессивное значение. Появление наемного труда, развитие денежных отношений, развитие рынка сельскохозяйственной продукции на фоне разложения феодальных отношений – все это факты положительного влияния промышленного освоения. Появление в золотодобыче небольшой группы рабочих-тувинцев в конце XIX – начале XX в. не следует оценивать как формирование рабочего класса Тувы, поскольку это лишь начальная стадия данного процесса. Но нельзя не признать того обстоятельства, что становление новой социальной группы было неразрывно связано именно с золотодобывающей промышленностью.

Примечания

¹ См.: Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы. – Л., 1934. – С.65.

² См.: Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. – М., 1956. – С.141.

³ Административные единицы в Тувинской Народной Республике. В данном случае названия даны по названию рода.

⁴ Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. – С.541

⁵ Там же. – С.539.

⁶ См.: Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы. – С.86.

⁷ См.: Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. – С.543.

⁸ Там же. – С.546.

⁹ Там же. – С.339

¹⁰ Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. – С.341.

¹¹ Там же. – С.340.

¹² См.: Порватов Б.М. Горные богатства Урянхайского края // Золото и платина. – 1914. – № 3. – С.64–67.

¹³ См.: Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы. – С.132.

*С.Н.Еремин
(г. Новосибирск)*

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ*

Затянувшееся реформирование России превратило ее в единое проблемное поле. Соответственно возросла потребность в научной рефлексии происходящего, в определении путей и средств выхода общества из системного кризиса. Но и сама наука в условиях сокращающихся ресурсов оказалась вовлеченной в орбиту выживания, что привело к известному ослаблению ее познавательных возможностей. Это несовпадение соответствующих потребностей и возможностей отчасти преодолевается политикой приоритетности в выборе наиболее важных научных направлений и тем и определении их финансового статуса. И здесь не нужно ничего придумывать, поскольку текущая жизнь сформировала такие новые пласты действительности, актуальность изучения которых более чем очевидна. К такому можно отнести и явления в сфере этнических отношений, и сегодня этническая проблематика уверенно перемещается в центр исследовательских интересов.

Актуализация проблемы этнического развития российского общества обусловлена причинами и генетического, и функционального характера. Однако, присутствуя как возможность, эти причины стали действительными и действующими, причем порождающими преимущественно острейшие проблемы в развитии общественного целого лишь в условиях исторически ситуативного “перелома” в этом развитии, обоснованно определяемого понятием кризиса. Именно кризис с силой закона запустил механизм этнических и межэтнических подвижек, сложных, противоречивых, порой конфликтных и еще не вполне ясных относительно своих перспективных последствий. Есть здесь и своя “пусковая причина” неоднозначная по внутренней структуре, но вполне однозначная по системе следствий.

Очевидно, что эрозия и даже распад прежних системообразующих структур и комплекса интегрирующих ценностей, сопровождавшие весь ход реформирования российского общества, естественным образом привели к тому, что возобладали центробежные тенденции, захватившие как относительно самостоятельные социальные образования, существующие в рамках единого социального организма, так и отдельные группы, вплоть до входящих в них личностей. Этому способствовал разрыв единых экономических связей, распад единого производственного комплекса, а также усиливающиеся сепаратизм и философия индивидуализма. Культивирование последних как открытое политическое действие, наложившись на ценностную дезинтеграцию населения и амбициозные претензии части новой элиты, перевело начавшуюся фрагментацию российского общества из абстрактной возможности в возможность реальную, а затем и в действительность.

Вместе с тем данный процесс перехода от “порядка” к “хаосу” вызвал к жизни и центроостремительную силу – насущную потребность людей к объединению для противостояния неблагоприятным внешним обстоятельствам жизни и деятельности. Иначе говоря, в условиях ценностной и реальной дезинтеграции общества, при закономерном нарастающей при этом “бытийной потерянности” людей не мог не проявиться и проявился процесс самоидентификации индивидов и групп населения. Среди прочего, а быть может, и в первую очередь этот процесс начал выстраиваться и на этнической основе. Этнокультурные ценности, ранее снятые как особенное общей ценностной системой (или находившиеся в ней, как, к примеру, религиозные ценности, как бы в качестве нелегитимного элемента), вновь оказались исторически востребованными в силу своей генетической устойчивости и доступности для непосредственного восприятия. Развитие этносов в этом качестве получило существенный импульс, более четко определились их идентификационные границы. Российское общество в целом проявило себя в значительной степени как некоторое единство особенных этнокультурных организмов.

В нормальных условиях поступательного развития общества этническое как особенное находится в диалектическом единстве с общим. Это общее является монотонно нарастающим началом, ведущим этнические образования по историческому пути становления единого этнокультурного организма. При

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта Сибирского отделения РАН № 38 (д) “Интеграция науки и образования в динамике социокультурных трансформаций”.

этом этнокультурное многообразие в той мере, в какой оно реализуется, является действительным богатством общества. В процессе этнокультурных взаимодействий происходит не только взаимообогащение отдельных этнокультур с одновременным движением их к новому органическому единству – при вероятностном характере общественного развития этнокультуры выступают действительным арсеналом различных достижений и ценностей, различающихся норм производства, потребления или общения, так что общество может использовать те или иные из них в исторически конкретное время для разрешения вполне конкретных проблемных ситуаций и даже для определения исторически приемлемого для себя вектора поступательного движения. Другими словами, вероятностный ход развития общественного целого предполагает возможность адекватной реакции на изменяющиеся обстоятельства жизни и способность к такой реакции, и эти возможность и способность заложены в многообразии этнокультурных ценностей и средств реагирования на внешние перемены.

Однако в кризисные периоды, особенно в условиях ограниченных ресурсов и ослабленного социального целеполагания, что характерно для современной России, взаимодействие этнокультурных организмов, активно реализующих процесс собственной самоидентификации, потенциально может приобрести противоречивый и даже крайне противоречивый характер. Резко повышается вероятность срабатывания механизма отторжения по линии “мы – они”, и в этих условиях взаимодействие этносов может становиться негативно направленным, доходя до открытых противоречий – от институционализированных до бытовых. Последние, впрочем, почти всегда являются производными от первых.

В этих условиях вместо совместного созидания общество может, хотя и не всегда в явной форме, втянуться в бесконечное разрешение этих противоречий, а иногда и просто недоразумений, которые, тем не менее, в силу их связи с этническим, а значит, с чем-то особенно чувствительным для людей, могут приобретать существенно резонансный характер. Процессы этнического обособления начинают проявляться как нечто контрпродуктивное проверенной историей эффективности интернационализации общественной жизни.

Подобное состояние, даже если это только тенденция, уже можно считать чрезвычайным, поскольку нарушение диалектики общего и особенного чревато нарастанием сепаратизма как явления, ведущего к эрозии, а возможно, и распаду единого социального организма. И здесь ясно одно: проявившимся тревожным тенденциям необходимо противопоставить приемлемые и доступные для кризисного общества контртенденции, а на первом этапе – адекватно осмысленные средства реального продуцирования этих контртенденций.

Ничто так не объединяет людей, как общее дело, и особенно общее дело в сфере реального производства. Сам кооперированный труд формирует не только общность цели, – через свое содержание и формы он интегрирует людей во всех прочих отношениях, служит основой существования интегрирующих ценностных систем. Здесь марксизму нельзя отказать в правоте. Но кризис в России поразил в первую очередь именно эту сферу человеческой деятельности, самую фундаментальную основу межэтнической интеграции. Быть может, именно по этой причине и проявились столь рельефно процессы самоидентификации народов на собственной этнокультурной основе, включая компенсаторные действия части этносов – их возвращение к традиционным хозяйственным занятиям.

Однако возрождение на рыночной основе единого производственного аппарата как главной пусковой причины интеграционных этнокультурных процессов может затянуться и, очевидно, затянется еще на довольно продолжительное время. В плане необходимости укрепления этнокультурных взаимодействий, их развития в единственно приемлемой диалектике гармоничного сочетания общего и особенного, в плане необходимости поддержания исторически ведущего процесса интернационализации это означает только одно: в форсированном режиме должны быть задействованы другие факторы сохранения и развития общества как единства этнически многообразного. Прежде всего речь идет об устойчивых социальных институтах, обладающих возможностью достаточно продолжительного влияния на индивидуальное и общественное сознание.

К такого рода институтам в первую очередь следует отнести российскую систему образования, которая, как и любая другая система образования, является основным носителем идей о человеке, обществе, мире, основной формой существования систем ценностей. Указывая на эту конструктивную силу системы образования, достаточно вспомнить исторический пример ее первостепенной роли в трансформации индивидуального и общественного сознания в послевоенных Германии и Японии.

В России существует развитая система образования, охватывающая в течение продолжительного времени воспитанием и обучением фактически все молодое поколение страны. В этническом аспекте она является как бы “сквозной” системой, равно обязательной в своей школьной части и доступной соответственно способностям в части профессиональной для всех молодых людей вне зависимости от их этнического происхождения. Применительно к системе образования ценз этнической принадлежности по большому счету, и давно, стал лишь историческим преданием.

Но главное здесь в другом: система образования в России является *государственной*, в том числе и в аспекте государственного контроля за деятельностью еще немногочисленных негосударственных учебных заведений. Именно поэтому на всей территории страны, включая территории проживания тех или иных этносов, в отношении системы образования действуют общие государственные стандарты, приобретающие в контексте нашей проблематики особую и даже исключительную важность. Прежде всего это касается *содержания образования*.

В современном обществе в качестве основного элемента в содержании образования выступают научные знания. В различных формах и на различных уровнях сложности – от элементарных сведений до теоретических систем – они целенаправленно и контролируемо передаются всему молодому поколению, составляют основу пригодности человека к социальной деятельности вообще. Являясь продуктом всеобщего по своему характеру научного труда, эти знания выступают также общим элементом индивидуального и общественного сознания. Это то, что имеет место сверх и помимо любой особенности этнического сознания, а значит, это то, что, будучи усвоенным всеми этносами, органично входит в их сознание. Научные знания объединяют этносы не только формально, по признаку наличия общего, но способны объединять их по сути, поскольку являются в той или иной мере общим предметом усвоения, средством общения или совместной деятельности. Это общее реально и потенциально, по степени востребованности, служит некими специализированными “скрепами” любого трудового процесса, особенно в наукоемких производствах, в различных учреждениях и т.п. Оно реально интегрирует этносы. Более того, в совместном труде, ориентированном на утилитарные достижения, критерий этнических различий как бы элиминируется, вытесняется другим, но самым важным – критерием эффективности исполнения индивидом его трудовых функций, что зачастую напрямую связано с его общей и специальной подготовкой, полученной в системе образования. И просто на уровне индивидуального или группового сознания научные знания – это фактор взаимопонимания, равно рефлексивного отношения к действительности и отсутствия импульсов к какому-либо этническому обособлению.

Но содержание образования вовсе не ограничивается передачей всему молодому поколению научных знаний о живой и неживой природе, о созданном человеком мире техники и т.д. и соответствующих прикладных знаний. Система образования – это также система воспитывающая, и в основу данной ее функции положены научные знания иного типа. Это знания о человеке, обществе и мире, ориентированные на формирование определенных личностных характеристик, убеждений, определенного отношения к обществу, а если общество многонациональное, то к особому типу совместной жизни этнических общностей. Именно этот аспект в деятельности российской системы образования является ключевым по своему значению и по сложности. Здесь, как в критической точке, сходятся общее и особенное – этническое, превращаясь затем в реальные характеристики существования и развития отдельных этносов в рамках единого социального организма. Задача, которая в связи с этим ставится хотя пока еще не явно, перед системой образования, заключается не просто в сохранении России как некоего единства этнически многообразного (это единство может быть и формальным, скрепляемым внешними силами, к примеру системой жестких законов), но в сохранении этого единства в сознании – посредством осознания каждым из этносов и всеми этносами в целом необходимости и исторической целесообразности совместного бытия.

Молодому поколению должна передаваться стройная *система* ценностей, где на шкале иерархии важную позицию будут занимать ценности межэтнического единения, которое предполагает в себе диалектику общего и особенного, органическое единство интересов общего характера и характера этнического, – только это гарантирует эффективное развитие общества как единства многообразного.

Но ценности, тем более их система, не приобретаются разом, подобно товару в магазине, и уж тем более не становятся разом убеждениями, которыми человек руководствуется в своей практической жизни. Превращение их в “свое” – долгий процесс, в котором участвуют все учебные предметы общественного и гуманитарного циклов. Здесь срабатывает апелляция к авторитетам и истории, обращение к практике жизни и природе человека, к самоценности интернациональных и этнических элементов культуры, к самоценности их органического взаиморазвития и т.д. И все же основное здесь, как представляется, – это активное использование в процессе воспитания рефлексивной способности научного мышления, формируемого всем комплексом преподаваемых в системе образования наук (разумеется, в той мере, в какой это возможно на различных этапах становления мышления человека в данной системе).

Это предполагает выделение, по мере возможности и потребности, этнокультурной проблематики в относительно самостоятельный предмет внимания и культивирование *размышляющего* отношения к ней. Такой тип восприятия и усвоения существенно рационален, он выверяется доводами разума и потому ведет к сознательному, а значит прочному инкорпорированию в формируемую у личности картину мира ценностей взаимостимулирующих, наполненных и гуманистическим содержанием и пониманием пользы, этно-

культурных взаимодействий. Но принятое сознательно целенаправляет деятельность человека таким образом, что он оказывается свободным и от импульсивной силы чрезмерного, а значит, неразумного этнического обособления, и от разрушающих порывов к этнокультурному единообразию и единомыслию.

Позитивное влияние образования на межэтническую интеграцию в новых условиях, характеризующихся ее объективным ослаблением, конечно же, не может не привлекать внимания исследователей. Но наряду с образованием в этом же направлении действуют и другие социальные институты, влияние которых, к сожалению, оказывается на периферии исследовательских интересов или почти не замечается. Здесь мы имеем в виду науку как социальный институт российского общества. Ее влияние на отмеченный процесс многостороннее, но зачастую существенно опосредованное. Поэтому рассмотрим лишь наиболее очевидные примеры этого влияния.

Наука, сохранившаяся в России преимущественно в структуре Академии наук, распределена по территории страны и охватывает в той или иной мере своими центрами, филиалами и отдельными академическими институтами значительную ее часть, включая многие территории компактного проживания российских этносов. Как организованный процесс научного познания наука по своей природе индифферентна по отношению к этническим различиям и в этом качестве никак не поддерживает процессы этнического обособления.

Действительно, уже сам корпус научных сотрудников представляет собой территориально распределенный, но достаточно единый по характеру труда, а также жизненным и профессиональным ценностям как бы некий “невидимый” коллектив. Однако он деятельно проявляет себя как существенная сила интеграции отдельных этносов. Прежде всего, эта часть населения характером своего труда объединена для решения общих по своей природе задач научного познания. Объективно необходимые и столь же объективно существующие научные связи и контакты, совещания, симпозиумы, конгрессы, разработка совместных научно-исследовательских программ и проектов, усиление и расширение научных взаимодействий посредством новых информационных технологий и т.п. – все это сила новой интеграции этносов в части представителей их научной интеллигенции. Не вторгаясь в сферу позитивных элементов в развитии особенных этнокультур, эта сила, в свою очередь, утверждает позитивно общее для них, ограничивает тенденции ретроградного обособления, скатывания к исторически пережившему себя этническому эгоизму.

В этом аспекте важным и перспективным моментом является подготовка в структуре науки ее молодого пополнения. Эта подготовка не привязана только к территориальным структурам науки, но ориентируется на наиболее продвинутые научные центры и школы, для которых, в свою очередь, этническая принадлежность не играет никакой роли. Но учеба в науке включает в себя и жизнь, и общение в среде, где этнически особенному фактически не придается значения, где превалирует общий этнос науки и во многом общий для ученых образ жизни. Тем самым на уровне сознания, восприятия окружающих людей, общества и мира формируется установка на интегративные связи в обществе, в том числе на интегративные связи и отношения между этносами.

Разумеется, наука специально не ставит перед собой подобного рода целей, у нее другие задачи. К тому же численность ученых монотонно сокращается, и они не могут быть здесь какой-то определяющей силой. Но простое наличие у данной профессиональной группы собственных представлений о межэтнических взаимодействиях и тенденциях их развития – это условие для расширения этих представлений за счет устойчивых отношений науки с ее различными контрагентами, включая систему образования. Кроме этого, несмотря на падение престижа профессии ученого, в обществе вовсе не упал престиж интеллекта, и если этот интеллект сконцентрирован и в научном сообществе, то мнение его носителей, прежде всего *научной элиты*, становится значимым в оценке и поиске путей межэтнической интеграции. Если при этом используются всеохватные возможности современных СМИ, то соответствующее мнение может реально и даже существенно повлиять на общественное мнение по поводу этнических проблем. Ведь все начинается с того или иного мыслительного конструкта, и поэтому грамотно и авторитетно поданная идея об общей позитивной значимости межэтнической интеграции может послужить пусковым механизмом адекватных подвижек в общественном сознании и в соответствующей ему социальной деятельности.

Вместе с тем заметим, что действие в данном направлении науки, равно как и образования, ныне отчасти поглощается неудовлетворительным состоянием всей социальной системы, которая, пребывая в кризисе, в той или иной мере поддерживает тенденцию к обособлению как путь выживания, в том числе и за счет этнического размежевания по линии “мы – они”, хотя очевидно, что такой путь выживания иллюзорен. Учитывая генетическую память и историческую силу совместного этнического проживания, это обособление не следует преувеличивать. Но его не следует и преуменьшать, тем более что за любой тенденцией всегда стоят вовсе не абстрактный интерес и не виртуальный его носитель, но реальные люди, готовые в отдельных случаях переводить межэтнические отношения в плоскость инициации противоречий и даже доведения их до стадии конфликта. Такие прецеденты есть.

Система образования, наука и научное сообщество, как мы показали, по мере своих возможностей выступают факторами, так или иначе поддерживающими и усиливающими процессы межэтнического единения, интеграции многонационального российского общества. Однако несмотря на всю их реальную конструктивную силу, они отчасти выступают скорее ситуативными компенсаторами, временно замещающими ослабленные объективные и исторически главные доминанты межэтнической интеграции, в первую очередь общественное производство и его фундаментальную основу – интегрированное материальное производство.

Оставим в стороне проблему инвестиций в эту фундаментальную основу. Будем придерживаться оптимистического убеждения, согласно которому Россия просто по своему историческому прошлому, по факту наличия у нее мощной сырьевой базы, развитого научного и интеллектуального потенциала населения, сохранившегося производственного аппарата имеет исходные возможности для полноценного развития в качестве сильной и самостоятельной страны мира. При ориентации российского общества на такую цель закономерно возрастут востребованность науки и необходимость интенсификации деятельности всей системы образования. Эти социальные институты помимо реализации уже отмеченных нами их возможностей и интенций к формированию и сохранению идей и ценностей межэтнической интеграции активно включатся в строительство самой главной и устойчивой структуры, с силой закона вызывающей доминирование процессов межэтнического единения. Действительно, любые искусственные внутрисоциальные барьеры, в том числе обусловленные историческими обстоятельствами, те или иные демаркационные линии этнического свойства существенно устраняются развитым кооперированным трудом и системой обмена производственной продукцией.

Согласно справедливому тезису западных социологов и экономистов, в развитом обществе на одно из первых мест в системе жизненных ценностей уверенно выходят ценности экономического характера. Будучи в своей основе объединяющими, они способны перестраивать приоритеты в общей ценностной системе, так что ценности, особенно реанимированные упадком общества, ослабляют свое влияние на сознание и поведение людей. Ценности этнического характера сохраняются лишь в той мере, в какой они составляют позитивные элементы этнокультур, значимые для единого социального организма как его многообразный этнокультурный фонд. Идеи же обособления, разъединения, ухода в автаркическое “плавание” в замкнутом этническом пространстве материального и духовного существования и вовсе становятся анахронизмом. В этих условиях, утверждаемых и усиливаемых развитием также других элементов и подсистем общества, закономерно возобладание межэтнической интеграции.

Но сказанное вовсе не означает, что процессы межэтнической интеграции, представляющие собой установление между этносами отношений, которые просто *не замечаются* как проблемные, могут осуществляться автоматически, как простой позитивный рефлекс на развитие базисных, материальных основ совместной жизнедеятельности. Этносы по своей генетической природе все же остаются относительно самостоятельными. И в этом качестве они должны быть предметом специализированной рефлексии. Являясь наиболее тонкой материей социального развития, будучи связанными с особенными архетипами сознания и поведения, с сокровенными чувствами людей, этнокультурные ценности и соответственно межэтнические отношения не могут не составлять также предмета национальной политики, точной, взвешенной, ориентированной на превентивное устранение возможного здесь напряжения и проблемных ситуаций как экономическими, так и иными средствами, включая систему образования и науку.

В выделенной нами проблематике есть особенный предмет, по отношению к которому фактически не срабатывает традиционный подход к рассмотрению вопросов межэтнической интеграции. Речь идет о малочисленных этносах Севера, относимых к арктической цивилизации. Именно их малочисленность, а также жизнь на ступени исторического развития, уже пройденного большей частью человечества, делает процессы их интеграции в общественное целое весьма непростыми. Из факторов интеграции более или менее эффективно здесь действуют лишь система школьного образования и обмен продуктами производства, отчасти в современной России уже почти спорадический. Существенно и то, что из факторов интеграции фактически исключается производство, выстроенное на основе рыночных отношений. Последние в той или иной мере отторгаются ценностными установками северных народов. Поэтому у малочисленных этносов узкий выбор: либо поступиться своими ценностями и традиционным образом жизни и подвергнуться опасности ассимиляции, либо обособиться и, оставаясь вне органических связей с развитием общественного целого, как бы законсервироваться в своем существовании. Но крайности сходятся, и в этом аспекте конечный результат и с позиций гуманизма, и с позиций общих тенденций этнокультурного единения народов России оказывается равно неприемлемым.

Решение задачи интеграции северных этносов – самостоятельный научный и практический вопрос и, разумеется, тема для другого исследования. Но здесь еще раз проявляется вся сложность решения новых проблем межэтнической интеграции народов России, актуализируется необходимость видения не только основных подходов к этому решению, выделения не только основных действующих здесь факторов, но и подходов принципиально нового характера, которые еще нуждаются в специализированной научной рефлексии.

Д.Дж. Андерсон
(Великобритания)

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАЙМЫРСКИХ ЭВЕНКОВ И ДОЛГАН

Цель данной статьи – поиск ответа на вопрос, которым задавался не только я, но и сами герои моего исследования: кто такие таймырские эвенки? Для решения этой проблемы было проведено изучение истории и современной ситуации в поселке с преимущественно эвенкийским населением – Хантайском Озере, расположенном по соседству с Норильским комбинатом. Я попытался понять природу национального самосознания в ситуации, когда оно ставится под сомнение органами власти, оценить важность националистической риторики для предъявления политических требований (негативный смысл в понятие “национализм” вкладывается преимущественно российскими учеными, тогда как в западной науке оно носит нейтральный оттенок¹. Хотя эвенки в долине Нижнего Енисея далеки от формулирования националистических программ в классическом смысле этого слова, поднятые недавно вопросы о национальных корнях, правах на землю и кровном родстве проливают свет на возникновение социальных движений, фокусирующихся на национальном самосознании.

При анализе государственной деятельности я отдавал предпочтение местным определениям самосознания перед официальными названиями национальностей. При этом целью критического анализа категорий, изобретенных советским государством, было не открытие доселе неведомых местных вариантов самоидентификации, а демонстрация того, как привнесенные государством категории все прочнее входят в жизнь людей. Можно соглашаться или не соглашаться с утверждением некоторых российских обществоведов или западных советологов о вездесущности государства в России, однако невозможно описать устройство и восприятие повседневной жизни простыми людьми без учета всеобъемлющей административной структуры, в рамках которой эта жизнь протекает. В данной статье определения национальности, территории и коллектива – понятия, общие для всего постсоветского пространства – трактуются как результат произвола государственных чиновников (местные руководители руководствуются в своей деятельности инструкциями, начертанными невидимой рукой в Москве или Красноярске); при том, что эти определения оказываются весьма значимыми для местных жителей. Ссылки же местных жителей на понятия национальности, территории и коллектива служат не столько для самоидентификации как таковой, сколько для получения преимуществ в рамках административной системы.

Осознав важность административного наследия государства и значения самоидентификации в жизни людей Хантайского Озера, можно понять парадокс национальной вражды между взаимосвязанными группами, вражды, вызванной государством, называвшим себя интернациональным. Трагедия ситуации состоит в том, что местный национализм, выгодный как государственным чиновникам, так и жителям поселка, угрожает существованию обеих групп.

Центральным понятием, вокруг которого строится описание деятельности администрации, стало понятие *принадлежности* (“belonging”). Значение этого слова в английском языке предельно широко, но оно лучше всего подходит для описания того, как с помощью притяжательных форм и русского, и эвенкийского языков формулируется самоидентификация в Хантайском Озере. Более того, этот термин уже использовался с целью сближения описательной и структуралистской традиций при интерпретации общества (А.Коэн)² и для изучения гражданства на основе анализа парадигмы социального взаимодействия (Дж.Борнеман)³. Я намеревался сблизить официальные и местные варианты самоидентификации путем изучения того, как людей “устроивали” на конкретной промысловой территории или работе и как “регистрировалась” их национальность. Эти процедуры видятся мне как навязывание людям ясно очерченных, санкцио-

нированных властями категорий самоидентификации, которые они могут принять и сохранять в дальнейшем (как принимают из рук государства паспорт или работу). Таким образом, в отличие от Борнемана и Козна, я использовал термин “принадлежащий” в его притяжательном значении, а не в смысле “составляющий существенную часть” и не в смысле “осознания” общности языка, знаний, солидарности в момент “пробы в пограничной зоне (культуры)”. Я не стану прибегать к терминологии Ф.Барта⁴ или М.Гоффмана⁵ для описания того, как индивид открывает значимые для себя границы через взаимодействие с окружающими. По моему мнению, самоидентификация в данном случае скорее является продуктом жесткого администрирования. По выражению Э.Хобсбаума, государство создает “институциональный и процедурный ландшафт... в рамках которого протекает жизнь [его обитателей], которую государство в значительной мере определяет”⁶.

Данное исследование принадлежности к национальности, территории и коллективу на примере сравнительно изолированного арктического совхоза иллюстрирует ряд существенных особенностей постсоветского государства. Во-первых, с контексте теории государства этот случай является экстремальным, поскольку он показывает, в какой степени и до каких пределов государство способно реорганизовать жизнь людей в неблагоприятных для него (государства) условиях – неблагоприятных с точки зрения расстояния, плотности населения, экономики, мобильности, языка и финансовых затрат. Хотя управленческая политика в Хантайском Озере не может считаться примером безупречной или типичной государственной политики, сам факт, что государство смогло рационализировать самоидентификацию, управлять передвижением людей и в итоге навязать им стиль жизни, служат частным примером приоритетов административного аппарата.

Во-вторых, с точки зрения дискуссии вокруг национальной самоидентификации, этот пример ярко и подробно иллюстрирует то, как советская национальная политика не подавляла, не ограничивала и не ассимилировала национальное самосознание, а, напротив, делала его важнейшим аспектом в жизни общества. Советское государство навязало понятие национальности людям, которые впоследствии раздули его, пытаясь улучшить тем самым свое положение в условиях развала государственной распределительной системы. Наконец, в данном исследовании я отдаю должное изобретательности местных жителей в манипулировании символами национальности, территории и коллектива в попытке извлечь для себя максимум пользы в условиях общего ухудшения социально-экономической ситуации.

Создание утвержденных государством национальностей (данная проблема основана на изучении архивных материалов) для эвенков и долган пришлось на 1932 и затем на 1964 гг., но поселок стал центром общественной жизни эвенков не ранее 1969 г. Этнографические, архивные и устные источники в один голос свидетельствуют, что последние три поколения прошли через стадию перехода от экстенсивных моделей самосознания, земелепользования и родства к замкнутым отношениям, интерпретируемым сегодня как исключительно эвенкийские или исключительно долганские. Неудовлетворительное или, по крайней мере, ограниченное качество жизни в поселке лучше всего видно из противопоставления “поселковых” и “тундровиков” как обладающих разными типами “знания”. Есть искушение использовать эти данные и доказать, что ограниченные или прежде временные требования эвенкийских или долганских националистов не имеют под собой почвы. Однако я старался избегать подобных скептических утверждений, вместо этого пытаюсь понять, почему для многих кажется так важно жить именно в эвенкийском поселке или именно на долганской земле, почему так важно вывести генеалогию, восходящую либо к тем, либо к другим. Советское государство создавало уникальный социальный ландшафт территорий, национальностей и коллективов. И хотя все дома экстенсивного поселка (где жители связаны прежде всего с традиционными типами хозяйствования) планировались государственными органами с целью “цивилизовать” эвенков, строили их и жили в них свои, родственники. Это делает их в каком-то смысле символами преемственности поколений и культурного строительства.

Национальные чувства в Хантайском Озере тесно связаны с гражданским чувством родины (*patrie*). Идею принадлежности к национальности или к национально эндогамной группе, идею владения собственной территорией можно понять только в контексте гражданских состояний, которые когда-то давали признанным группам различные возможности и привилегии, ранжированные с соответствии с вертикальной иерархией. Гражданский национализм, проявляющийся в этом экстенсивной поселке, примечателен как для арктических регионов (в которых больше в ходу понятие аборигенных прав), так и для всего постсоветского пространства (где как ученые, так и официальные идеологи предсказывали стирание границ между народами). Поскольку данное исследование проводилось как раз в момент распада советского строя, трудно оценить, в какой мере обеспокоенность, вызванная этим отторжением, могла усилить националистические чувства. Многие жители Хантайского Озера с изумлением наблюдали, как их поселок становится все менее спаянным, а жизнь в нем – все более жесткой; и тем не менее нужна какая-то временная дистанция, чтобы можно было адекватно оценить растущие националистические тенденции.

В советский период возникла жесткая социальная иерархия гражданских состояний и с распадом перераспределяющей экономики чувства принадлежности к национальности или к территории усилились и приобрели положительный оттенок. Советское государство стирало тонкие различия между своими гражданами и с падением центральной власти эти различия оказались легко восстанавливаемыми и политически значимыми. Можно не без оснований заключить, что люди этого отдаленного поселка столь решительно формулируют свое самосознание, пытаясь утвердить свое место в новой системе управления, которая более не признает за каждым народом права на собственный “жизненный путь”, ведущий к социалистическим идеалам.

Хотя Э.Хобсбаум и утверждает, что национализм “уходит из истории”, я полагаю, что до тех пор, пока не будет создана новая законодательная среда, регулирующая отношения между Российским государством и малочисленными народами, бурное востребование национальных чувств будет продолжаться. Гражданский национализм, столь явный в 1992 и 1993 гг., без сомнения, быстро пойдет на спад вместе с ослаблением социальной памяти о тех, кто так умело манипулировал советской системой гражданских состояний. Однако понятие аборигенных прав будет и впредь эксплуатироваться не менее мощной и, возможно, более глубинной формой национализма. Эта форма не только заимствует тот элемент сегодняшнего общественного движения, который требует особых прав для отдельного народа, но и будет опираться на поддержку международного сообщества. Специалисты в Москве и Санкт-Петербурге, ведущие кампании в поддержку прав малочисленных народов, уже давно используют международные соглашения по правам коренного населения в борьбе с государством. Начиная с 1993 г. международные организации, такие как Международный фонд защиты дикой природы (World Wildlife Fund for Nature), оказывают все большую финансовую поддержку движениям в защиту окружающей среды и коренным народам, которые ее используют. Наконец, сейчас, когда Норильский комбинат вызывает пристальный интерес со стороны транснациональных корпораций, их агенты не могут не быть озабочены тем, чтобы нейтрализовать требования коренного населения своих прав на рудные месторождения – иначе им придется столкнуться с сопротивлением типа того, которое остановило производство в северной Канаде или Бразилии.

Может показаться, что политическое будущее народов Таймыра сходно с политическим прошлым коренного населения Канады или Аляски, однако следует помнить, что политические движения будущего будут использовать сегодняшние символы и риторику. С целью понимания общественной жизни на территории бывшего СССР и особенно в Сибири я использую тщательно подобранный набор терминов и понятий. Ключевыми являются общественные институты, выросшие в советскую эпоху – коллективы, совхозы, “точки”, территории, фамилии, национальность. Помимо детального исследования этих гражданских понятий, формирующих повседневность, необходимо также ввести в оборот понятийный аппарат социальных артефактов, необходимый для того, чтобы отграничить этот регион от Европы, Азии и циркумполярных территорий: экстенсивные/интенсивные модели поселений, малочисленные народы, национальная эндогамия, гражданские состояния (режимы), насильственные переселения, национализм. Независимо от того, преуспешна ли сегодняшняя власть в превращении народов Сибири из созвездия национальностей, целью которых является построение социализма, в набор этнических групп с более скромной задачей вписаться в обезличенный российский рынок, эти понятия, без сомнения, будут по-прежнему воспроизводиться в данном регионе и будут воздействовать на политические процессы в нем.

Сегодня нельзя с уверенностью утверждать, что возможна смена направления отчетливо прослеживающегося в трех поколениях жителей Хантайского Озера развития в сторону укрепления местных или формальных самосознаний (identities). Меня неоднократно спрашивали, есть ли у эвенков как у нации будущее. Подводя итоги проведенного исследования, я не вижу сейчас более реального пути для тех эвенков, которые об этом размышляют, чем приобщение к тому типу знания, которое довели до совершенства тундровики: способность быть дома в любом месте тундры и не зависеть от привозных товаров и умений. Идея принадлежности территорий, национальностей и коллективов, которая составляет сегодня ядро эвенкийского самосознания, на самом деле представляет собой именно “привозной товар”, завезенный с целью поддержки политической системы особого типа.

Эта система, конечно, уничтожила голод и дала каждой национальности и каждому коллективу место в сложной сети промышленного производства, но она же направила разные народы по различным “жизненным путям” – а это угрожает воспроизводству тех самых умений и символов, которые эти институты были призваны поддерживать. Замкнутые территории и четко очерченные национальности могут, конечно, оказаться полезными в условиях рынка, печально известного своим непримиримым отношением к коллективным правам. Однако сила аккумулированного знания в этом сообществе людей должна иметь источник прежде всего в укреплении союза между русскими, долганами, эвенками и

шире – со всеми циркумполярными народами. Эти союзы – наиболее надежный путь приобретения знаний и отстаивания общих интересов перед лицом современного индустриального общества, так широко распространившегося и так узко мыслящего.

Примечания

¹ См. работы Э.Геллнера, Б.Андерсона и др.

² Cohen A. The Symbolic Construction of Community. – London, 1985.

³ Borneman J. Belonging in Two Berlins: Kin, State, Nation. – Cambridge, 1992.

⁴ Barth F. "Introduction" in Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organizations of Cultural Difference. Ed. F. Barth. – Boston, 1969. – P.9–38.

⁵ Goffman I. Interaction Ritual. – New York, 1967.

⁶ Hobsbawm E. Nations and Nationalism Since 1780. – Cambridge, 1990. – P.86.

В.В.Мархинин (г. Сургут),
И.В.Удалова (г. Новосибирск)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ ХАНТЫ-МАНСЬСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА (по материалам социологических экспедиций 90-х годов)

Известно, что культура является одновременно и средством сохранения этноса, и средством его развития. Через культуру преломляются все другие факторы – как способствующие взаимопониманию этносов и согласию между ними, так и несущие в себе возможные межэтнические конфликты. Поэтому проблема сохранения и развития традиционных культур актуальна и в настоящее время, и на перспективу, и в плане собственного развития этносов, и в плане их взаимодействия.

С этой точки зрения важное значение имеет изучение опыта межэтнических отношений, сложившихся в ходе совместной жизнедеятельности северных этносов и русского старожильского населения, проживающего в национально-смешанных поселениях автономных округов. Наряду с решением других задач этому были посвящены наши комплексные социологические исследования, проводившиеся на протяжении 90-х годов в Ханты-Мансийском автономном округе. Результаты исследований нашли свое отражение в ряде монографий¹.

Первое социологическое обследование было проведено в 1991 г. в 11 селах Нижневартовского района, затем оно было продолжено в 1994 г. и охватило четыре поселения Кондинского и четыре поселения Нижневартовского районов. В 1996 г. обследование проводилось в трех поселениях Сургутского района, в 1997 г. – в трех поселениях Березовского района, в трех – Октябрьского и в одном – Ханты-Мансийского района.

Названные районы были выбраны для обследования потому, что, во-первых, изучение межэтнических взаимодействий в Сибири представляет научный интерес, а во-вторых, существовала соответствующая потребность у подразделений администрации (ныне – правительства) Ханты-Мансийского округа, заинтересованных в получении объективной информации об образе жизни, социокультурном развитии и состоянии межэтнических отношений на местах.

Каждое обследование имело свою специфику, обусловленную конкретным социальным запросом, а также временем и местом проведения. Однако постоянным и ведущим принципом (методом) осуществляемого этносоциологического мониторинга оставался социокультурный подход.

В последнее десятилетие в социологии (как и в целом во взглядах на смысл общественной жизни) происходит постепенный отход от представления об экономической парадигме развития обществ как единственно определяющей это развитие к представлению о более широкой, социокультурной, парадигме. По мнению гарвардского профессора С.Хантингтона, именно культурные факторы являются источником развития цивилизаций. Они же являются источником возможных цивилизационных конфликтов. "Я полагаю, – пишет С.Хантингтон, – что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой"². Само содержание каждой из культур под влиянием их взаимодействий также претерпевает изменения. Как отмечает С.И.Григорьев, в настоящее время обозначились «противоречивые тенденции формирующейся новой культуры социальной жизни: распространение "универ-

сального образа жизни” и возрождение ценностей национальных культур». Таким образом, имеет место “сочетание национализма и универсализации образа жизни людей”³. При этом оказывается, что “развитие этнонационализма как идеологии часто опережает темпы этнического развития основной части населения и складывается в отрыве от действительности, выражая программные установки местной элиты”⁴.

Для сохранения этнических культур и поддержания добрососедских согласных отношений между этносами необходимо, как нам кажется, заменить разрушительные идеологемы критического отношения к прошлому, распространившиеся в последнее десятилетие, на позитивные идеологемы, опирающиеся на положительный исторический опыт контактирующих этносов. Примером такого положительного социокультурного взаимодействия этносов является опыт совместного проживания народов Севера и русского старожильского населения в национально-смешанных поселениях Ханты-Мансийского автономного округа.

История национально-смешанных поселений округа – это история неразрывных связей обитающих здесь совместно в течение многих десятилетий, а иногда и нескольких столетий различных этнических групп, прежде всего из числа аборигенных народностей и русских старожилов. Русские переселения, в том числе и на восток, как писал в начале XX в. А.Кауфман, “существенно отличаются от аналогичных движений в Западной Европе, от европейской колонизации заморских стран, которая имеет характер эмиграции, т.е. выхода... а в России было издревле и остается до сих пор явлением внутреннего быта, имеющим значение перехода с одного места жительства на другое. Избытки русского населения переселяются не в чужестранные государства, даже не в заморские колонии, а в местности, входящие в состав русской государственной территории и составляющие как бы прямое продолжение районов, выпускающих переселенцев... Новые территории, приобретаемые русскими, являются в полном смысле слова продолжением России”⁵.

При этом туземное население воспринималось русскими переселенцами как неотъемлемо принадлежащее данной территории, т.е. не расценивалось как чуждое им. В основе мировоззрения крестьян представление о том, что земля – Божие достояние и должна использоваться по-божески. В случае обилия земли это означало, что каждый может взять себе столько, сколько в состоянии обработать, а в случае малоземелья – что ее надо справедливо перераспределить. Сама Россия воспринималась народом как большая община, “мир”. «Россия как “мир” не знает границ – она везде, где поселяются русские, – замечает С.В.Лурье. – Но поскольку русские живут в том или ином месте, оно само по себе уже воспринимается как территория России и включается в ее сакральные границы, можно сказать, “границы Святой Руси”. Этот своеобразный перенос понятий на практике обеспечивал силу русской экспансии»⁶.

Принадлежность людей к этнической общности является источником их деятельных сил, корнящихся в их индивидуальной, но и изначально коллективной природе. Эти деятельные силы людей благодаря их принадлежности этносу не разбрасываются хаотично, они организованы приемственностью поколений, этнокультурными традициями. И продуктивное обновление образа жизни проистекает в первую очередь из этого же источника деятельных сил.

Социокультурное ядро (содержание) этничности, обновляясь, со временем под влиянием ряда факторов претерпевает определенные внутриэтнические изменения. Характер этих изменений не может не отразиться на характере межэтнических взаимодействий и на образе жизни самих взаимодействующих этносов. Рассмотрим особенности межэтнических социокультурных взаимодействий русских, переселившихся в районы Севера, и коренных жителей этих районов.

В избранных для социологического обследования национально-смешанных поселениях доля жителей из числа народностей Севера колеблется от 12 до 50%. Среди представителей других национальностей в этих поселениях подавляющее большинство составляют русские. Обследованные поселения расположены в зонах традиционного северного промыслового природопользования: охоты, рыболовства, выпаса оленей. Но это не значит, что все местные поселения основаны аборигенными народностями. Уже в конце XIX в. русские были “расселены на всем протяжении Оби и Иртыша, как большими селениями, так и отдельными домами, а вне пределов Оби только по судоходным ее притокам: Сосьве, Ваху и Югану”⁷. При этом русские селились также и на территориях непосредственного проживания аборигенного населения⁸. Обской Север – это регион наиболее давних и интенсивных поселенческих контактов русского и аборигенного населения и соответственно особенно сильного влияния русских как этноса на строй жизни северных народов.

Еще в середине XIX столетия в России начала осуществляться программа этнического изучения населения России. При Российском географическом обществе был организован этнографический отдел. “Его члены – В.К.Бэр, Н.Д.Надеждин, К.Д.Кавелин – сформировали принципы “психологической этнографии”. К.Д.Кавелин писал, что следует стремиться к определению характера народа в целом путем изучения его отдельных психологических свойств в их взаимосвязанности. Народ, считал он, “представляет собой такое же единое органическое существо, как и отдельный человек. Начинайте исследовать его отдельные нравы,

обычай, понятия и остановитесь на этом – вы ничего не узнаете, утверждал ученый. – Умейте взглянуть на них в их взаимной связи, в их отношении к целому народному организму – и вы подметите особенности, отличающие один народ от другого»»⁹.

В наших социологических исследованиях мы старались следовать этому наставлению. Изучение этнических и межэтнических сообществ носило комплексный характер, и все проблемы мы рассматривали в их взаимосвязи и взаимообусловленности, в соотносительности с социокультурными основами и факторами жизнедеятельности этих сообществ.

Время между первым социологическим обследованием (1991 г.) и последним (1997 г.) – это время, когда “перестройка” в стране сменилась периодом “радикальных реформ”, ставших испытанием на прочность для российской цивилизации и российского сообщества народов. На заре “перестройки” общество жаждало обновления, интуитивно чувствуя, что истоками этого обновления должно быть культурное наследие российской цивилизации и ее народов. Да и в принципе, возможны ли какие-либо социально-экономические преобразования, движение в будущее, если цели этих преобразований не согласуются с вечными ценностями, существующими в этнических культурах? Сохранится ли целостная этническая общность в ходе преобразований, если пути их не будут освящены идеалами вечной жизни народа? Это очень важные вопросы.

В большой исторической перспективе принадлежность к определенной исторической общности является глубинным источником творческого, личностного потенциала человека. Когда этнос находится на подъеме, причастность к его исторической судьбе, ценностям, идеалам создает у людей вдохновляющий настрой, активизирует их созидательно-преобразовательную энергию. И наоборот, если этнос переживает состояние упадка, тем более в период глубокого социально-экономического кризиса, то это усугубляет настроения социальной безысходности, истощает созидательную социальную энергию людей.

Состояние этноса, доминанты этнического сознания и самосознания не могут не проявляться также в сфере межэтнических отношений, и, в свою очередь, ситуация непосредственного межэтнического общения предполагает соотносительность оценивания состояний этносов, т.е. оценка состояния своего этноса неизбежно соотносится с оценкой состояния другого этноса. Поэтому, выявляя социальные и культурные проблемы в сфере межэтнических отношений, важно знать, как оценивается людьми нынешнее состояние их собственного этноса (этнического сообщества) и другого этноса (этнического сообщества), с представителями которого они находятся в отношениях непосредственного этнического контакта.

Доминанты подобных оценок складываются из оценок столь большого количества фактов, что у основной массы носителей определенного этнического самосознания они естественно оказываются не столько следствием осознанно-аналитических процедур, сколько результатом интуитивного, подсознательного обобщения и оценивания фактов, наблюдаемых в обыденной жизни. При исследовании этой сферы основной материал дает массовый социологический опрос, проводимый с помощью анкет. При этом вопрос о возможной перспективе этноса, его будущем является, по всей вероятности, самым надежным способом “спровоцировать” извлечение из подсознания носителей этнического сознания и самосознания оценки нынешнего состояния этноса, поскольку черты будущего не могут видеться людьми иначе, чем в их прямой зависимости от главных черт нынешнего состояния. Имея это в виду, мы поставили в анкетах 1994 и 1997 гг. два вопроса: “Каким вы видите будущее северных народов?” и “Каким вы видите будущее русского народа?” – и предложили выбрать один из двух возможных вариантов ответа: или “Считаю, что у данного народа (народов) большое будущее”, или “Его (их) будущее находится под угрозой”.

Результаты социологического исследования 1991 г. показали, что перед началом известных социально-экономических “реформ” состояние северных этнических общностей характеризовалось признаками кризисной фазы в их развитии. Вместе с тем внутренняя динамика этнического самочувствия была такова, что эта кризисность вызывала серьезную тревогу, но никак не чувство безысходности по отношению к будущему этих общностей в качестве этносов. У представителей народов Севера преобладали оптимистические настроения: около трети опрошенных хантов, манси и ненцев (32%) считали, что, несмотря на все существующие проблемы, северные этносы имеют в исторической перспективе большое будущее. Доля “оптимистов” была в полтора раза больше доли “пессимистов” (20%). Правда, почти половина респондентов затруднились с ответом на этот вопрос. Понятно, что органичное пребывание человека в состоянии этнических связей, не поколебленное кризисными явлениями, менее всего способствует тому, чтобы он встал на позицию критического наблюдателя, способного как бы подняться над самим собой и независимо оценить то, в чем он “растворен” как в родной среде. Поэтому сам вопрос о будущем его этноса, поставленный перед человеком в “нормальной ситуации”, может быть понят им с большим трудом, а тем более ему трудно дать определенный ответ на этот вопрос.

Но все же, кто эти “затруднившиеся с ответом”: “оптимисты” или “пессимисты”? Вероятно, среди них есть и те, и другие. В целом же большинство из них оказались, судя по характеру ответов на другие вопросы анкеты, не “пессимистами”, а скорее, людьми, обеспокоенными накопившимися проблемами в жизни своего этноса.

К 1994 г. доля лиц из числа народов Севера, считающих, что будущее их этноса находится под угрозой, возросла по сравнению с 1991 г. более чем втрое (с 20 до 63%) и составила две трети абортинного населения обследованных поселений. Доля “оптимистов” среди представителей северных этносов соответственно сократилась в 4 раза (с 32 до 8%). Удельный вес пессимистических настроений в 8 раз превысил удельный вес оптимистических, видимо, достигнув своей критической величины. Половина русских, проживающих в непосредственной близости с народами Севера, также считали, что будущее северных этносов находится под угрозой (табл. 1), хотя доля русских, придерживающихся такого мнения, несколько ниже, чем доля таковых среди представителей северных этносов (соответственно 50 и 63%). В то время эти данные произвели шоковый эффект. Казалось, что столь значительный процент “пессимистов” свидетельствует о безысходном кризисе этничности.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
“Каким вы видите будущее северных народов?”, %

Ответ	1994 г. (Нижневартовский и Кондинский р-ны)		1997 г. (Березовский, Октябрьский и Ханты-Мансийский р-ны)	
	Народы Севера	Русские	Народы Севера	Русские
Считаю, что у них большое будущее	8	8	14	13
Их будущее находится под угрозой	63	50	64	54
Другое	2	5	1	3
Затрудняюсь ответить	27	37	22	30

Оказавшись в кризисной ситуации, когда собственных сил недостаточно, естественно питать надежду на поддержку со стороны. Исторически сложившейся опорой для народов Севера является поддержка со стороны Российского государства и русского народа. Правда, идеологема об отношениях русских и малочисленных северных народов как об отношениях “старшего” и “младшего” братьев, имевшая хождение в советский период, казалась порой обидной и принижающей чувство национального достоинства представителей северных этносов. Однако подобные настроения могут возникать в основном лишь в ситуации относительного благополучия. В ситуации же, когда будущее этноса находится под угрозой, отношение к “старшему брату” меняется. Теперь, когда от него ждут обязательной помощи и поддержки, возникает тревога за его благополучие, ибо от его состояния зависит и собственное благополучие. За этим стоит и осознание беды, в которую ныне попал русский народ, как и все народы России.

Ослабление русского народа больно ударило по жизненным перспективам всех наций и народов России, особенно малочисленных. Отвечая в 1994 г. на вопрос: “Каким вы видите будущее русского народа?”, – каждый седьмой представитель северных этносов ответил, что будущее русского этноса в целом находится под угрозой (14%). Но все же доля оптимистических оценок относительно перспектив у русского народа оказалась вдвое выше доли пессимистических (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
“Каким вы видите будущее русского народа”, %

Ответ	1994 г. (Нижневартовский и Кондинский р-ны)		1997 г. (Березовский, Октябрьский и Ханты-Мансийский р-ны)	
	Народы Севера	Русские	Народы Севера	Русские
Считаю, что у него большое будущее	29	30	35	42
Его будущее находится под угрозой	14	27	18	29
Другое	3	4	2	4
Затрудняюсь ответить	54	38	44	24

Если же сопоставить оценки, которые давали в 1994 г. представители северных этносов жизненным перспективам своих народов и русского этноса, то увидим, что они резко различаются. Оценивая будущее собственного этноса, народы Севера демонстрируют в основном пессимистический настрой (доля пессимистических оценок более чем в 7 раз превышает долю оптимистических), а в оценках будущего русского этноса у них преобладают оптимистические настроения (доля таких оценок выше более чем вдвое).

А как же сами русские относились к жизненным перспективам своего этноса? Социологические исследования 1994 г. показали, что среди русских доля ответивших, что будущее русского этноса находится под угрозой, вдвое больше, чем среди северных этносов (соответственно 27 и 14%). “Оптимистов” же среди русских было почти столько же, сколько и “пессимистов”, – 30%. Последствия экономических реформ нанесли основной удар по жизненным позициям русских, по их самочувствию.

Из нашего опроса стало ясно: представители того или иного этноса склонны давать более пессимистическую оценку состоянию своего этноса по сравнению с состоянием других. Объяснить это можно тем, что проблемы развития собственного народа переживаются “изнутри”, а значит, сильнее.

Следует отметить, что доля лиц из числа народов Севера, затруднявшихся с ответом на вопрос о будущем своего этноса, со временем сокращалась. Так, если в 1991 г. почти половина (47%) опрошенных представителей северных этносов не смогли ответить на этот вопрос, то в 1994 г. таких людей было немногим более четверти (27%), а в 1997 г. еще меньше – немногим более пятой части (22%). Скорее всего, это свидетельствует о том, что у северных этносов возросло чувство национального самосознания, а происходило это под давлением сложившихся жизненных реалий. Теперь проблемы выживания этноса, семьи, человека стали более очевидными для большинства народов Севера. Оказавшись в экстремальной ситуации, когда перед северными народами встал вопрос, быть или не быть им как этносам, они (уже в который раз на протяжении своей истории) демонстрируют способность преодолевать любые трудности. Жизненная выносливость, присущая северным этносам на историко-биогенетическом уровнях, видимо, берет верх.

Последующий период (с 1994 г. по 1997 г.) является в некотором смысле переломным в жизни как народов Севера, так и русских. Началось собирание духовных и психических сил этносов, чтобы “быть”. Об этом свидетельствует, в частности, нарастание оптимистических настроений у данных этносов. И хотя доля “пессимистов” за это время увеличилась (и у народов Севера, и у русских), разрыв в соотношении пессимистических и оптимистических настроений в оценках будущего своего этноса в 1997 г. по сравнению с 1994 г. значительно уменьшился. Если в 1994 г. доля “пессимистов” превышала у северных этносов долю “оптимистов” в 7,7 раза, то к 1997 г. это превышение сократилось до 4,6 раза. Теперь и русские более оптимистично оценивают жизненные перспективы северных этносов. Превышение доли оценок будущего этих этносов, в которых выразились пессимистические настроения, над долей оптимистических оценок сократилось за это время с 6,5 до 4,2 раза. Важно, что оптимистические настроения относительно жизненных перспектив северных этносов быстрее нарастали у самих народностей Севера, чем у русских. Быть может, представители северных этносов в своих оценках опираются на известный только им дополнительный резерв, который поддерживает их жизненные силы в экстремальных условиях. К 1997 г. усилился оптимистический настрой относительно перспектив развития своего этноса и у русского населения. Если в 1994 г. доли “оптимистов” и “пессимистов” были почти равны, то в 1997 г. “оптимистов” стало больше, чем “пессимистов” почти в 1,5 раза.

Пытаясь выявить факторы, особенно деструктивно воздействующие на состояние (динамику) этнических общностей, мы включили в анкеты вопрос о том, какие негативные явления представляют особую опасность для будущего народов, обитающих на Обском Севере. Среди факторов, наиболее опасных для будущего своего этноса, представители народов Севера в начале 90-х годов назвали распространение пьянства и алкоголизма (75% ответов), разрушение природы под воздействием промышленного освоения территорий (62%), утрату многими представителями данного этноса национального языка (55%), утрату трудолюбия и рост иждивенческих настроений (41%), утрату культурных традиций (36%), снижение интереса к труду в традиционных отраслях (35%), чрезмерное распространение межнациональных браков (24%), а также внебрачных связей с инонациональным населением (15%).

Надо учесть, что начало 90-х годов – это время бурного роста национального самосознания у народов Севера, их активных выступлений в защиту природной среды, создания национальных ассоциаций, отстаивающих интересы этих народов, живого беспокойства людей за будущее своих этносов. Однако, как видно из результатов опроса, состояние этнокультурной традиции само по себе не расценивалось в качестве фактора, вызывающего особенно сильное опасение за будущее северных народов. В качестве наиболее опасных факторов были названы пьянство и разрушение природы под воздействием промышленного освоения. Только на третьем месте стоит недостаточное знание представителями северных этносов своего национального языка и на пятом – утрата культурных традиций.

Распространение пьянства и алкоголизма указано большинством респондентов в качестве фактора, представляющего наибольшую опасность для будущего этносов. И действительно, пьянство и алкоголизм – это концентрированное выражение действия всей совокупности других факторов, и в частности последствий отчуждения (особенно с начала 60-х годов) системы государственного управления от нужд национального развития. Пьянство разрушает этническую идентичность личности и подрывает генофонд этнической популяции. Одна из его особенностей как этнически значимого явления состоит в том, что оно представляет собой реакцию на обесмысливание жизни, проистекающую из разрыва с духовной, мировоззренческой традицией народа.

Все последующие социологические исследования, проведенные после 1991 г., невозможны были без учета социального контекста, сопряженного с курсом “радикальных реформ”. С особой силой негативные социальные последствия этих реформ отразились на уровне и качестве жизни сельских жителей округа, в частности жителей обследованных нами национально-смешанных поселений. Уровень жизни снизился в 1994 г. по сравнению с 1991 г. более чем у половины населения. Что же касается различий в уровне жизни у народов Севера и у русских, то каждая из этих групп несколько по-своему и “проиграла”, и “выиграла” от реформ. В целом коренное национальное население в несколько меньшей степени ощутило отрицательные последствия реформ, что объясняется меньшей значимостью для него денежных доходов, возможностью компенсировать их снижение своими промыслами. Появились новые проблемы, порожденные “радикальными реформами” (рост цен, рост безработицы), которые, однако же, не отменили ранее существовавших (пьянство, загрязнение окружающей среды и др.), а переплелись с ними и отчасти даже обострили их.

Данные табл. 3 и 4 показывают, что пьянство и алкоголизм на протяжении всех 90-х годов оставались фактором, представляющим наибольшую опасность для будущего как северных этносов, так и русского народа. В 1997 г. и среди народов Севера, и среди русских респондентов придерживающихся этого мнения было около половины от общего числа (соответственно 48 и 53%). Однако уровень этого показателя изменяется со временем у народов Севера и русских по-разному. У северных народов доля лиц, считающих пьянство и алкоголизм главной угрозой для будущего существования своего этноса, сокращается (хотя по-прежнему остается самой высокой по сравнению с ответами, в которых отмечаются другие факторы), а у русских – возрастает. Так, если в 1991 г. доля таких ответов у народов Севера составляла 75%, то в 1994 г. – 57, а в 1997 г. – 48%, у русских же – 52% в 1994 г. и 53% – в 1997 г.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:

“В чем, на ваш взгляд, могут заключаться в настоящее время опасности для будущего вашего этноса?”*
(Нижневартовский и Кондинский районы, 1994 г.), %

Ответ	Народности Севера	Русские
Рост пьянства и алкоголизма	57	52
Утрата многими людьми своего национального языка	43	11
Утрата многими людьми культурных традиций своего народа	40	24
Разрушение природной среды под воздействием промышленного освоения	29	26
Утрата многими людьми трудолюбия	15	29
Снижение у многих людей интереса к труду в традиционном хозяйстве	21	17
Рост смертности	27	13
Снижение рождаемости	9	19
Слишком широкое распространение межнациональных браков	14	6
Слишком широкое распространение внебрачных связей с представителями другой национальности	6	6
Внедрение рыночных отношений, не сообразующихся с традициями, обычаями народа	7	7
Другое	2	3
Затрудняюсь ответить	2	2

* Предлагалось выделить три негативных явления, самых опасных, с точки зрения респондента, для существования именно того народа, к которому он принадлежит.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: "В чем, на ваш взгляд, могут заключаться опасности для существования вашего этноса?"
(Березовский, Октябрьский и Ханты-Мансийский районы, 1997 г.), %

Ответ	Народы Севера	Русские
Рост пьянства и алкоголизма	48	53
Утрата многими людьми национального языка (для народов Севера); засорение русского языка (для русских)	47	12
Утрата многими людьми национальных традиций, обычаев	44	15
Разрушение природной среды обитания	39	28
Подрыв здоровья населения из-за трудных условий жизни на Севере	22	30
Рост смертности и снижение рождаемости	18	18
Широкое распространение межнациональных браков	8	6
Ослабление российской государственности	4	20
Другое	1	5
Затрудняюсь ответить	10	12

Не исключено, что представители северных этносов, говоря о факторах, угрожающих существованию народов Севера, стали больше обращать внимание на причины, источники пьянства и алкоголизма. Так, среди разрушительных для их этносов явлений представители народов Севера назвали снижение уровня знания родного языка и забвение национально-культурных традиций. На социокультурную жизнь этносов прямо влияет и разрушение природной среды. Все эти факторы в ряду разрушительных оставались ведущими, по мнению респондентов, на всем протяжении 90-х годов, и значение их со временем только возрастало.

Сравнение данных за 1994 и 1997 гг. (см. табл. 3 и 4) показывает, что утрата многими людьми своего национального языка осознается большинством представителей народов Севера в качестве главной угрозы будущему своего этноса. Доля ответов, в которых выражено это мнение, возросла с 43% в 1994 г. до 47% в 1997 г. Значение еще одного разрушительного фактора – утраты многими людьми культурных традиций и обычаев своего народа – также повысилось с 40% в 1994 г. до 44% в 1997 г.

Из культурных традиций, как считают респонденты, наиболее пострадали и требуют восстановления в первую очередь такие значимые в повседневной жизни традиции, как "любовь к природе, отношение к ней как живому существу", "взаимопомощь, сплоченность людей, их умение постоять друг за друга в трудном положении". Однако величина фактора "разрушение природной среды" за указанный промежуток времени росла в 2,5 раза интенсивнее, чем двух вышеназванных (с 29% в 1994 г. до 39% в 1997 г.) и практически оказалась равной им. Именно этот фактор в исследованиях 1991 г. был отмечен как главная угроза для будущего этноса. Следует, видимо, сказать, что восстановление этнокультурных традиций представляется возможным при условии решения наиболее острых социальных проблем.

Характерно, что русские, в свою очередь, считают разрушение природной среды одним из трех главных факторов, представляющих опасность для будущего русского этноса. Значимость этого фактора со временем возрастает: так ответили 26% русских в 1994 г. и 28% в 1997 г.

Вообще говоря, многие проблемы образа жизни северных этносов порождаются известной несовместимостью, или, может быть, точнее, принципиальной сложностью совмещения, внутриэтнических, традиционных норм и способов реагирования на внешнюю социально-культурную "среду" с экспансивностью этой "среды", обусловленной индустриальным способом ее существования. Собственно, в этом заключается смысл дополнений к списку факторов, признанных опасными. Одно из этих дополнений было сформулировано с выразительной краткостью: "цивилизация" (хантыйка, 29 лет, образование 9 кл., домашняя хозяйка). А известный ненецкий поэт и общественный деятель Ю. Вэлла дополнил список опасных для будущего северных этносов явлений следующим образом: "слишком огромное влияние другой культуры".

Однако факторы, отнесенные представителями северных народов к числу самых опасных для будущего этих народов, порождены не просто сложностью совмещения традиционного и индустриального стилей жизни, но и ошибками организационно-управленческого характера, которые могут быть в известной мере сглажены и устранены. То, что фактор разрушения природы назван среди наиболее опасных, еще раз подтверждает его значимость и актуальность для сохранения этноса и его самобытности и предполагает необходимость охраны жизненно важных для северных этносов территорий от неконтролируемых воздействий со стороны промышленного комплекса.

Что касается утраты многими людьми национального языка, то здесь отчетливо проявляются проблемы, порождаемые сложностью совмещения традиционного культурного типа развития этноса и внешней для него социально-культурной среды, создаваемой современным индустриальным типом развития. Оптимальный выход, казалось бы, состоит в двуязычии – владении родным языком и языком межэтнического общения, т.е. русским. Но поскольку сферы и среды применения родного языка ограничены (что предопределяется ограниченностью возможностей развития языков малочисленных этносов в качестве письменных), то объективно возникают как сложность формирования двуязычия, так и опасность последующего вытеснения родного языка языком межэтнического общения.

Главное условие сохранения позиций родного языка – необходимость и возможность его применения в быту и производственной деятельности. В конечном счете это означает необходимость сохранения традиционных отраслей производства. И не случайно в снижении интереса к труду в традиционных отраслях представители народов Севера видят также большую опасность для будущего своего этноса.

В начале 90-х годов, на закате “перестройки”, межнациональные отношения были омрачены, с одной стороны, деятельностью нефтедобытчиков и лесозаготовителей, работающих в районах традиционного природопользования коренного населения, отчуждением системы управления от реалий национального развития северных народов, а с другой – фактами неуважения к национальной культуре, ущемления национального достоинства этих народов. Однако следует иметь в виду, что названные негативные моменты в сфере национальной жизни в северных регионах были характерны не столько для отношений между лицами разных национальностей, постоянно проживающих в здешних краях, сколько для отношений между постоянным и временным (“пришлым”) населением. Среди “пришлых” зачастую встречаются люди, не считающиеся с местными традициями, хищнически относящиеся к природе, люди с психологией “временщиков”, и это не зависит от того, какой они национальности. Поэтому зафиксированная тогда напряженность в отношениях между людьми только частично, в очень незначительной степени может расцениваться как собственно межэтническая напряженность.

Прежде всего надо отметить, что существующая сегодня в национально-смешанных поселениях некоторая напряженность в межэтнических отношениях осознается населением как ситуация, порожденная главным образом обстановкой “постсоветского периода”. Так, если в 1991 г. среди факторов, отрицательно влияющих на межнациональные отношения, более половины опрошенных из числа народов Севера называли факторы этнокультурного характера (“случаи оскорбления национального достоинства представителей народов Севера” – 57% и “случаи неуважения культуры народов Севера” – 44%) и многие считали, что межэтническая напряженность вызвана ошибками в национальной политике в советский период (этого мнения придерживались в 1994 г. 15% представителей народов Севера и 12% русских), то к 1997 г. явления, осознаваемые как вызывающие межэтническую напряженность, почти полностью стали усматриваться в экономической сфере или же в сферах, так или иначе зависящих от проводимых в стране “реформ”. Теперь напряженность в межэтнических отношениях склонны объяснять ошибками в национальной политике в советский период только 6% представителей северных этносов и 8% русских, а неуважением обычаев национальных особенностей представителей тех или иных народов – соответственно 10 и 3%.

Согласно опросу 1997 г., главными факторами, вызывающими межэтническую напряженность, по мнению населения, стала совокупность факторов, либо непосредственно являющихся выражением социально-экономического кризиса, либо актуализированных в этом качестве кризисом (при этом факторы межэтнической напряженности, существовавшие прежде, не исчезли, а только усугубились). К первым относятся “ухудшение социально-экономической ситуации” (в этом видят причину межэтнической напряженности 12% опрошенных) и “борьба за рабочие места” (8%), ко вторым – “предоставление льгот по национальному признаку” (22%) и “разногласия у разных национальностей по вопросу о родовых угодьях” (12%), а также “борьба за власть на разных уровнях” (7%).

В целом анализ мнений о факторах, вызывающих межэтническую напряженность, подтверждает вновь и вновь, что стабильность сферы межэтнических отношений обеспечивается исторически выработанным единством местных этнических культур. Это единство выражается наиболее непосредственным образом в высокой доле межэтнических браков у местного населения. При этом подавляющее большинство местных жителей из числа народностей Севера, тем не менее, не усматривают в межэтнических браках опасности для этнического существования малочисленных народов. Вероятно, это справедливо, если учесть, что для данных народов межэтническая брачность является вообще одним из условий этнодемографического воспроизводства, а также то, что этническая идентичность не сводится к биоантропологическим характеристикам, а представляет собой прежде всего культурный феномен.

Межэтнической браки и метисация у народностей Севера, конечно, содержат в себе тенденцию утраты некоторой частью их представителей данной этнической принадлежности или влекут за собой этническую и социальную маргинализацию. Но действительную опасность для этнического существования малочисленных народов представляют ныне не межэтническая брачность и метисация или ассимиляция, а те последствия “радикальных рыночных реформ”, которые выразились в резком снижении уровня жизни, росте пьянства и алкоголизма и, как следствие, в высокой смертности, включая резкое увеличение числа самоубийств.

Однако все эти беды – общие, они затрагивают как народности Севера, так и русских. И хотя некоторые взаимные этнические претензии сохраняются, они не оказывают существенного негативного влияния на межэтнические отношения. Напротив, в целом именно этнокультурные факторы, особенно совместимость и взаимопроникновение этнических культур двух основных этнических сообществ национально-смешанных поселений – народностей Севера и русских – составляют фундамент стабильности межэтнических отношений, в то время как негативные проявления социально-экономических тенденций в сфере этих отношений стали главными “возмущающими факторами”.

Примечания

1. См.: *Мархинин В.В., Удалова И.В.* Этнос в ситуации выбора будущего. – Новосибирск, 1993; *Они же.* Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. – Новосибирск, 1996; *Они же.* Межэтнические сообщества в регионах Сибири (по материалам социологической экспедиции в национально-смешанные поселения Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа). – Новосибирск, 1996; *Они же.* Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации. – Новосибирск, 1998.
2. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // *Полис.* – 1994. – № 3. – С. 33.
3. *Григорьев С.И.* Социологическая концепция жизненных сил человека: Контекст развития социальной культуры на пороге XXI в. // *Социология на пороге XXI века.* – М., 1999. – С. 107.
4. *Савва М.В.* Этнический статус в идеологии и политике // *Полис.* – 1999. – № 4. – С. 142.
5. Цит. по: *Лурье С.В.* Историческая этнология. – М., 1997. – С. 161.
6. *Лурье С.В.* Историческая этнология. – С. 272, 273.
7. *Дунин-Горкавич А.* Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. – Шадринск, 1994. – С. 12.
8. Там же. – С. 13.
9. Цит. по: *Лурье С.В.* Историческая этнология. – С. 109.

Н.Г.Хайруллина
(г. Тюмень)

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ АБОРИГЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (по результатам социологических исследований)

На территории Сибири взаимодействуют славянская, финно-угорская и тюркская культуры и складывается полиэтническая среда. На этом фоне происходит интенсивное сокращение численности отдельных аборигенных народов Севера. Но обсуждая данную проблему, важно разделять составляющие этого процесса: отрицательный естественный прирост населения, миграционный отток и ассимиляцию. Исследованию первых двух составляющих посвящены специальные и публицистические работы, тогда как ассимиляционным процессам, в частности изменению этнической идентификации, этнического самосознания, на наш взгляд, уделено недостаточно внимания. Между тем многие этнографы ставят этническое самосознание на первое место среди признаков этноса, поскольку именно появление у отдельных индивидов и групп нового этнического самосознания означает их принадлежность уже к другому этносу.

Самосознание этнической общности проявляется в языке, обычаях, обрядах, произведениях народного творчества и профессионального искусства, нормах поведения, морали и права. Оно формируется в ходе социализации, и в этом процессе активно участвует система этнической социализации, т.е. учебные заведения, средства массовой информации. Первоначально этническое самосознание не очень отчетливое. На его формирование влияют сложившиеся у данного этноса стереотипы, осознание государственной принадлежности, представления о характерных чертах основных территорий расселения этноса, религиозное сознание и др.

В настоящее время важной общественной проблемой в России является проблема утраты этнической идентификации. Последствия этой утраты сказываются и на отдельных людях, и на обществе в целом. Идентификация может быть утрачена по двум основным причинам: в результате кардинальных психологических изменений и в результате быстрых и значительных изменений в социальной среде.

Угроза утраты национальной самобытности аборигенных народов Севера, и в частности проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе, диктует необходимость адекватного осмысления процессов, происходящих в этом регионе. В середине 1999 г. было проведено социологическое исследование с целью диагностики этнокультурной ситуации, складывающейся в Ханты-Мансийском АО. В ходе исследования изучались следующие проблемы: ментальные установки аборигенного населения; грани этнической идентификации; функциональная роль родного языка; процессы этнической ассимиляции; роль средств массовой информации в возрождении этнического самосознания; владение специальными навыками этнической среды; оценка населением деятельности органов власти различных уровней и др.

Судя по результатам проведенного исследования, этническая самоидентификация у аборигенных народов, проживающих в Ханты-Мансийском АО, достаточно устойчива и носит позитивную направленность. Так, 56,9% опрошенных выражают удовлетворение своей национальной принадлежностью, тогда как противоположное чувство испытывают только 6,3%. Каждый пятый (20,3%) затруднился дать ответ. Доля респондентов, не придающих значения своей национальной принадлежности, составляет 16,5%. У горожан эти показатели составили соответственно 62,5; 1,8; 25 и 10,7%. Число горожан, не удовлетворенных своей национальной принадлежностью, в 3,5 раза меньше, чем число таковых среди сельских жителей. Уклонившихся от ответа среди горожан больше, чем среди селян, на 5%. Кроме того, среди горожан на 6% больше лиц, не придающих значения своей национальной принадлежности.

Данные нашего исследования показывают, что доля лиц, отдающих предпочтение этнокультурным и психологическим критериям идентификации перед этническими, превышает долю этноцентристов. Если 40,7% опрошенных сельских жителей и каждый четвертый горожанин (25%) полагают, что национальность следует определять по "желанию самого человека", 15,2% селян и 12,5% горожан – что ее надо определять по "родному языку", то для трети селян и каждого второго горожанина определяющее значение имеет происхождение, т.е. национальность родителей ("национальность отца" – соответственно 24,6 и 26,4%, "национальность матери" – 12,4 и 23,6%). Как видим, на уровне обыденного сознания каждый третий респондент из сельской местности и каждый второй городской житель идентифицируют этническую принадлежность по национальности родителей. Этому критерию отводит более существенную роль в национальной самоидентификации не молодежь, а люди старшего поколения: в возрасте от 21 года до 30 лет такой ответ дали 29%, от 41 года до 50 лет – 45,8, старше 61 года – 46,5%. Чем старше респонденты, тем меньшее их число обращают внимание на психологические критерии определения национальности: 44,1% респондентов в возрасте 21 – 30 лет полагают, что национальность следует определять по "желанию самого человека", в возрастной группе от 41 года до 50 лет таких уже 41%, а среди респондентов старше 61 года – 37,2%.

Результаты парных распределений в зависимости от образования респондентов приводим по сельскому населению. С повышением уровня образования усиливается ориентация на психологические критерии определения национальности: среди респондентов без образования лишь 21,7% полагают, что национальность следует определять по "желанию самого человека", среди имеющих неполное среднее образование этого мнения придерживаются 48,7%, а среди лиц, получивших высшее образование, таких более половины (57,9%).

Лишь 5% опрошенных увязывают определение национальности с гражданством и 2,2% не обращают внимания на анкетные данные. Среди лиц с низким уровнем образования считающих, что национальность следует определять по анкетным данным, больше. Эту позицию разделяют 4,4% респондентов, не имеющих образования, тогда как среди опрошенных с незаконченным высшим образованием и высшим таких вообще нет.

При работе с парными распределениями интересно было узнать, оказывает ли влияние на выбор критериев определения национальности степень владения родным языком. Четверть опрошенных, свободно владеющих языком своей национальности, считают, что национальность следует определять по "родному языку". Среди респондентов, не владеющих национальным языком, таких оказалось почти втрое меньше (9,2%); среди респондентов, не владеющих языком и в чьи планы не входит его изучение, – вчетверо. Каждый второй респондент, не владеющий родным языком (50,7%), считает, что национальность следует определять по "желанию самого человека". Среди свободно владеющих языком разделяющих это мнение почти вдвое меньше (28,9%).

Язык и культура сближают человека с конкретной общностью. Растущее распространение национального языка, его использование из поколения в поколение, возрождение культурных праздников и обрядов, проведение фестивалей и конкурсов декоративно-прикладного искусства, публикация периодических газет и журналов на языках народов Севера вызывают чувство гордости за свой народ. Кро-

ме того, язык способствует сохранению самобытной этнической культуры. Другими словами, названные индикаторы, будучи косвенными индикаторами этнической самоидентификации, являются неотъемлемыми элементами национальной самоидентификации личности. Поэтому они имеют приоритетное значение для респондентов: у сельских жителей по значимости на первом месте находятся народные традиции и обычаи (29,4% ответов), на втором – язык (22,2%), на третьем – историческое прошлое (21%). У горожан народные традиции и обычаи занимают также первое место по значимости (30,6%), второе – язык (26,5%), а на третьем месте – “государство, в котором мы живем” (13,3%). Несмотря на то что только четверть сельских жителей выполняют национальные обряды полностью или частично (5 и 19,4% соответственно), столько же селян не выполняют их, а 40,5% не знают обрядов совсем, 29,4% идентифицируют себя в первую очередь по указанному признаку.

Большинство опрошенных лиц – выходцы из сельской местности, где обычаи и традиции сохранились лучше, чем в городе. То обстоятельство, что молодежь освоила их, объяснить трудно, ведь этого ни в школе-интернате, ни в средней, ни в высшей школе не изучают. Следовательно, национальные особенности для молодежи имеют важное значение. Молодые люди бережнее отнеслись к этим атрибутам духовной и материальной культуры предков, отчетливо воздействующим на этническое самосознание, и, воспитываясь на таком фоне, получили больше социальной информации, больше эмоционального заряда по сравнению с представителями старших поколений. Однако трудно объяснить, почему большое число горожан полностью или частично соблюдают национальные обряды и обычаи. В целом же предпочтение национальным традициям как фактору национальной самоидентификации отдали больше городских жителей, чем сельских.

Анализ парных распределений показал, что менее образованные респонденты в качестве этноконсолидирующего фактора на первое место ставят язык, а народные традиции и обычаи – на второе. Интересные результаты были получены при изучении отношения сельских респондентов к межнациональным бракам. Те, кто положительно и безразлично относится к межнациональным бракам, в 2 раза чаще выбирают в качестве этноконсолидирующего фактора народные традиции и обычаи, чем те, кто относится к таким бракам отрицательно (31,2; 32,6 и 17,5% соответственно). Подобная картина наблюдается у респондентов из сельской местности в зависимости от степени владения языком. Так, респонденты, не владеющие языком своей национальности, чаще выбирают народные традиции и обычаи, чем респонденты, свободно владеющие языком (38 и 27,3% соответственно).

Следует отметить, что респонденты, свободно владеющие языком своей национальности, вдвое чаще выбирают в качестве этноконсолидирующего фактора язык, чем респонденты, не владеющие им (соответственно 33,8 и 15,7%). Кроме того, респонденты, работающие в сфере образования, культуры, здравоохранения и органах власти (соответственно 30,7; 27,8; 31,5 и 50% ответов), также выбирают данный фактор чаще, чем респонденты, занятые в традиционных отраслях (например, среди занятых в звероводстве и охотничьем промысле таких 10,5%). Казалось бы, все должно быть наоборот. Аналогичные результаты получены и по такому фактору, как историческое прошлое. Таким образом, у аборигенных народов Ханты-Мансийского автономного округа обнаруживается ориентация на этнокультурный слой сознания и наиболее очевидный уровень этнокультурной идентичности – язык.

Как было отмечено выше, сближает в определенной мере государство, в котором мы живем (так считают 12,8% селян и 13,3% горожан), но этот фактор не особо значим для титульных народов Ханты-Мансийского автономного округа в качестве этноконсолидирующего. Если учесть два обстоятельства: во-первых, округ носит название, связанное с этнонимом данной категории опрошенных, а во-вторых, большинство сельских и городских жителей (соответственно 58,8 и 71,4%) считают, что Ханты-Мансийский автономный округ – это округ для всех народов, живущих на его территории, – то можно говорить о правомерности столь невысокой оценки упомянутого фактора. Таким образом, у аборигенных народов не обнаруживается ориентации на державную идентичность.

Следует принять во внимание, что респондентам было предложено всего 10 индикаторов идентификации. Ответы получились очень разнообразными, причем некоторые из них составляют лишь несколько процентов. Перечислим оставшиеся индикаторы с указанием степени их важности для селян и горожан: особенности национального характера – соответственно 5,2 и 6,1%; особенности поведения – 4,1 и 1%; религия – 2,7 и 4,1%; внешность – 1,6 и 5,1%; общность календарных обрядов 0,1 и 1%; конфессиональное единство – в качестве фактора национальной идентификации его не отметил никто из опрошенных. Из приведенных данных видно, что мнения городских и сельских жителей разделились. С точки зрения горожан, внешность и религия сближают людей одной национальности в большей степени, чем особенности их поведения. По мнению сельских жителей, слабо сближают особенности национального характера и поведения, религия, внешность. По-видимому, в отношении к соб-

ственному народу этническая обусловленность поведения на уровне массового сознания фиксируется у них слабо. Религия сегодня не выполняет той этноконсолидирующей функции, как в дореволюционный период.

Этнодифференцирующие признаки идентичности – это как бы обратная сторона собственной самоидентификации. Сквозь призму различения его критериев проступает восприятие “не-нас” и самоидентификация народа. Так, 27,8% сельских жителей полагают, что народы различаются обычаями и традициями. Относительно более значимыми в качестве критерия различения являются для них язык (22%) и историческое прошлое (19,2%). Менее важными в качестве критерия дифференциации оказались особенности национального характера (9,2%) и особенности поведения (6%). Внешность и религия как критерий идентичности в числе этнодифференцирующих признаков играют минимальную роль (соответственно 4,1 и 2,8%). Это объясняется, по-видимому, тем, что аборигенные народы Ханты-Мансийского автономного округа не обращают внимания на национальность окружающих и равнодушны к проблемам вероисповедания.

Иные результаты получены после обработки массива анкет, на которые отвечали горожане. Для городских жителей наиболее значимым фактором, различающим аборигенные народы Севера с людьми других национальностей, является язык (25,3% ответов), далее следуют традиции и обычаи (19%), на третьем месте – внешность (16,8%). Менее важными в качестве критерия дифференциации оказались, в отличие от ответов сельских респондентов, особенности национального характера (9,5%), особенности поведения (8,4%), историческое прошлое (7,4%), “государство, в котором мы живем” (6,3%). Религия как фактор дифференциации имеет значение для вдвое большего числа горожан по сравнению с сельскими респондентами (соответственно 5,3 и 2,8%). Такие факторы, как конфессиональное единство и общность календарных обрядов, значимы лишь для 1% городских жителей.

Самый “неуловимый” феномен этничности – национальный характер. При всех спорах о сущности национального характера ясно, что он существует, составляет стержень национального самосознания, не наследуется от предков, а приобретается в процессе воспитания, наиболее ярко проявляется в групповых действиях, особенно в процессе межэтнического взаимодействия. Между тем далеко не каждый человек, принадлежащий к данному народу, может считаться обладателем типичного национального характера.

Респондентам было предложено назвать пять основных качеств, присущих людям их национальности. Таким образом, респондент как бы сам составлял “моральный портрет” своего народа. Всего было предложено 29 качеств. Если попытаться представить образ типичного представителя аборигенного народа, составленный коллективными усилиями участников анкетного опроса, то получается следующее (% ответов):

<i>Качества</i>	<i>Сельские</i>	<i>Горожане</i>
Доброта	56,0	55,2
Гостеприимство	53,1	50,0
Любовь к природе	48,1	50,0
Трудолюбие	41,2	41,4
Пьянство	37,4	17,2
Терпение	34,8	17,2
Доверчивость	33,8	25,9
Честность	24,0	24,1
Забота о детях	23,8	24,1
Простота	19,7	19,0
Широта души	14,3	6,9
Дружелюбие	11,5	18,9
Мягкость характера	11,2	19,0
Терпимость	9,0	15,5
Открытость	8,7	13,8
Щедрость	8,4	10,3
Сострадание	7,2	3,5

Следует иметь в виду, что это представление людей о самих себе в определенной степени эмоционально окрашено. Не отмеченные выше качества встречаются в ответах шести и менее процентов сельских респондентов. Представленные здесь данные свидетельствуют о том, что мнения сельских и городских респондентов относительно некоторых качеств во многом различны. Горожане в отличие от сельских жителей включили в “портрет” некоторые другие качества: смелость (17,2%), ответственность (12,1%), отзывчивость (10,3%).

С аналогичным вопросом мы обращались к экспертам в 1998 г. Определяющим все остальные качества, по мнению абсолютного большинства экспертов, является любовь к природе, далее следуют гостеприимство и честность. Наличие данных качеств объясняется суровыми климатическими условиями в округе, большими расстояниями, малочисленностью народа, общностью языка и нравов. Четвертую и пятую позиции заняли соответственно доброта и трудолюбие. Наименее популярными считались такие качества, как умение постоять за себя, смелость и самостоятельность мнения. При этом эксперты дополнили предложенный список следующими качествами: доверчивость (русский) и мстительность (хант). В ходе интервью несколько экспертов привели случаи мести, когда ханта не останавливало даже близкое родство.

Сегодня этническое самосознание аборигенов Ханты-Мансийского автономного округа и массовое самосознание противоречивы, “запутаны временем коренного перелома”, в которое мы живем. Известно, что благоприятный социально-психологический климат, стабильность и предсказуемость ситуации пробуждают в людях терпимость, благожелательность, неустойчивость и непредсказуемость подогревают озлобленность, враждебность, нетерпимость, которые, в свою очередь, порождают чувства национальной ущемленности, неполноценности, ущербности и униженности.

Респондентам был задан вопрос, рассчитанный именно на эмоциональную оценку истории: “Какие события в национальной истории лично у вас вызывают чувство гордости? А какие события – чувство стыда?”. Всего опрошиваемым было предложено оценить 22 исторических события. Они отмечены в анкетах респондентов 1446 раз. Так, введение всеобщего обязательного школьного образования и обучения детей в школах-интернатах вызывает чувство гордости у 245 респондентов, а чувство стыда – у 69. Завоевание Сибири Московским государством вызывает чувство гордости у 100 опрошенных, а стыда – у 38. Восстание против Советской власти вызывает чувство гордости у 95 респондентов, а чувство стыда – у 54. Кроме того, чувство стыда вызывают уничтожение шаманства (отмечено в 125 анкетах), нефтегазовое освоение региона (в 113), раскулачивание, создание колхозов (в 92).

К началу 80-х годов, по данным исследований Института этнологии РАН, под влиянием процессов секуляризации и интернационализации произошло частичное отмирание обрядов и праздников, причем темпы и динамика этих процессов у городского и сельского населения оказались неодинаковыми. Не случайно в ответах респондентов признаки “конфессиональное единство” и “общность календарных обрядов” не отмечены как этноконсолидирующие для аборигенного населения округа (второй указали в качестве такового лишь 0,1% сельских респондентов и столько же городских). Между тем данные нашего исследования показывают рост интереса к религии. Верующими себя назвали 34,3% сельских и 35,1% городских респондентов, неверующими – соответственно 28,3 и 22,8%. “Ищут дорогу к Богу” 13,9% сельских и 8,8% городских жителей. Каждый четвертый житель села и каждый третий горожанин затруднились дать какую-либо оценку.

Индикатором действительно националистических установок стал жестко поставленный вопрос, является ли Ханты-Мансийский автономный округ округом прежде всего для аборигенных народов Тюменского Севера или это округ для всех народов, живущих на его территории. Сторонников первой позиции оказалось 40% среди селян и 28,6% среди горожан. В селе потенциальных националистов относительно больше среди женщин, чем среди мужчин (36,6 и 33% соответственно). С повышением уровня образования их число снижается: среди лиц с начальным образованием таких 50,9%, со средним – 34,8, с высшим – 10,5%. Группа “национально-ориентированных” респондентов состоит из молодежи. Так, более половины сельских респондентов (52,8%) в возрасте от 21 года до 30 лет считают, что Ханты-Мансийский автономный округ – это округ прежде всего для аборигенных народов Тюменского Севера. С увеличением возраста число разделяющих это мнение уменьшается: в возрастной группе 31 – 40 лет их 40,2%, 51 – 60 лет – 26,3%. Среди представителей народов Севера первой позиции придерживаются преимущественно ненцы (81,5%), среди хантов и манси таких почти втрое меньше (30,9 и 28,2% соответственно). Потенциальные националисты заняты традиционными видами деятельности (рыболовством – 44%, оленеводством – 41,2, народными промыслами – 50%), а также работают в сферах культуры (63,4%), обслуживания (55,2%), органах власти (44,4%) и коммерческих структурах (60%).

Характерно, что респонденты, проживающие в сельской местности и не удовлетворенные своей национальной принадлежностью, в большей степени национально-ориентированы, чем респонденты, удовлетворенные своей национальной принадлежностью (73,5 и 39,9% соответственно). Причем сторонники первой позиции – это жители Белоярского (52,1%) и Октябрьского (40,4%) районов, а в Березовском районе их только 26%.

Разрыв с культурой своего этноса приобрел большие масштабы и у жителей села, и у горожан. Не знают и не выполняют национальные обряды 64,8% опрошенных селян и столько же горожан, выполняют частично 19,4% селян и треть горожан, полностью – только 5% сельских и 3,5% городских жите-

лей. Не используют и не имеют в быту предметы национальной утвари 38,7% сельских и более половины городских респондентов. Имеются такие предметы, хотя и не используются у 13% сельских жителей и у каждого десятого горожанина. Используют эти предметы в виде украшений 14,1% сельских жителей и каждый пятый житель города, редко – 18,8% селян и втрое меньшее число горожан, постоянно используют только 5,3% селян и горожан. Не имеют национальной одежды и не пользуются ею 67,9% селян и 63,2% горожан не пользуются, но имеют национальную одежду каждый десятый житель села и 15,8% городских респондентов. Пользуются национальной одеждой по праздникам 14,4% селян и каждый пятый житель города, пользуются постоянно только 8,4% сельских и вчетверо меньшее число городских жителей. От поколения к поколению ханты, манси, ненцы и другие народы Севера утрачивают чувство духовной близости со своим народом.

Средства массовой информации Ханты-Мансийского автономного округа мало способствуют возрождению национального самосознания. Оказалось, что 59,1% селян и 70,2% горожан не читают художественную литературу, не читают газет – соответственно 60,8 и 64,9%. Читает книги и газеты иногда каждый пятый житель сельской и городской местности, регулярно – каждый десятый. Примерно равное число селян и горожан (62,2 и 60,7%) не смотрят телепередачи, 55,7% селян и три четверти горожан не слушают радио на родном языке. Около половины сельских жителей (49%) опасаются, что могут окончательно утратить свою национальную самобытность; каждый пятый (20,6%) считает, что такая опасность существует, но не стоит ее преувеличивать.

Вековому этническому укладу особенно угрожает утрата профессиональной выучки и традиционных навыков. В таблице представлены данные, позволяющие судить о степени владения этими навыками аборигенными народами Ханты-Мансийского автономного округа в настоящее время.

Распределение ответов представителей аборигенных народов Ханты-Мансийского АО
о владении традиционными навыками (середина 1999 г.), %

Традиционные навыки	Городское население		Сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Умею охотиться	22,6	3,8	28,9	5,1
Умею ставить сети	25,8	10,0	31,8	16,7
Умею содержать оленей	0	3,8	6,7	4,1
Умею устанавливать чум	0	5,0	5,8	7,3
Умею производить домашнюю утварь	6,5	7,5	4,0	5,5
Умею шить национальную одежду, обувь	3,2	15,0	1,7	12,0
Умею обрабатывать шкуры зверей	12,9	13,8	7,3	10,7
Могу изготавливать сувениры	12,9	16,3	3,1	10,3
Могу изготавливать средства передвижения	0	1,3	7,7	0,4
Не владею никакими навыками	9,7	23,8	2,7	24,8

Видно, что каждая четвертая женщина как в городской, так и в сельской местности не владеет никакими традиционными навыками, хотя предположительно сельские женщины должны лучше владеть ими. Кроме того, городские мужчины и женщины лучше мужчин и женщин, проживающих в селе, владеют такими навыками, как производство домашней утвари, шитье национальной одежды и обуви, обработка шкур зверей, изготовление сувениров.

Этническое самосознание, актуализированное в деятельности его конкретных носителей, быстро реагирует на меняющиеся условия социальной действительности. Поэтому этническое самосознание как феномен, как реально существующий признак этноса нуждается в дальнейших планомерных исследованиях.

М.А.Жигунова
(г. Омск)

**РУССКИЕ СИБИРИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
(на примере Среднего Прииртышья)***

За последние годы появилось немало этносоциологических работ, посвященных отдельным народам или регионам нашей страны и ближнего зарубежья. В то же время современные процессы в среде русского этноса практически не освещались. Этот пробел в существенной мере восполнила вышедшая в 1992 г. монография “Русские: этносоциологические очерки”¹, в которой рассмотрены расселение русского этноса, его миграции, изменения в социальной структуре и культуре, межнациональные контакты и т.д. Приводимые в ней результаты исследований базируются на материалах опросов, проведенных под руководством Ю.В.Арутюняна в российских городах и селах (Москве, Саратовской и Тверской областях, Краснодарском крае), а также в бывших республиках СССР – Грузии, Молдове, Узбекистане, Эстонии.

Этносоциологическое обследование русского сельского населения Сибири впервые было предпринято в 1980-е годы². Исследования проводились в Омской области в рамках общей темы кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета “Этнические, социальные и культурные процессы в России в XIX–XX вв.”. Дальнейшие работы осуществлялись в Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН.

Территория Среднего Прииртышья (Омская область) была выбрана для обследования не случайно. В заселении этого региона приняли участие выходцы практически из всех губерний европейской части России, при этом они различались по национальному, конфессиональному и социальному признакам. Основными факторами, оказавшими влияние на формирование здесь русского населения, явились переселение государственных крестьян и ремесленников, политическая ссылка, строительство укрепленных линий Сибирского казачьего войска, Московско-Сибирского сухопутного тракта и Западно-Сибирской железной дороги, освоение целинных и залежных земель, а также миграционные процессы. Таким образом, история заселения Среднего Прииртышья во многом сходна с историей заселения всей Сибири. Вытянутая с юга на север, территория Омской области охватывает различные климатические и природно-географические зоны. В настоящее время здесь не сохранилось ни одной компактно проживающей этнографической группы (не считая казачества), что характерно для большинства районов Сибири с русским населением. Кроме того, выбранный регион относится к зонам активных межэтнических контактов: помимо русских здесь проживают представители около 100 различных национальностей. По данным микропереписи населения 1994 г., на территории Омской области доля русских составляла 81%. Учитывая перечисленные факторы, русское население Среднего Прииртышья можно принять за некоторую условную модель развития культуры русских в местах их относительно позднего расселения (культуры русских Сибири).

Первый этносоциологический опрос был проведен нами в 1986–1988 гг. среди сельского населения 13 районов Омской области. Обследованием были охвачены различные типы сельских поселений с разнообразными природно-географическими условиями, с различным этническим составом и процентным соотношением русского и нерусского населения (доля русских в них составляла от 50 до 93%). Методом интервьюирования было заполнено 1597 опросных листов. Респондентами явились лица русской национальности, принадлежавшие к различным социально-профессиональным и половозрастным группам. Панельные исследования были проведены в 1994 г. Главная задача при повторном исследовании заключалась в выявлении динамики в этнокультурных процессах и ролевых функций половозрастных групп в традиционной и современной культуре. Дополнительной источниковой базой для нашего исследования послужили полевые материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, фольклорных экспедиций Омского государственного педагогического университета, данные всесоюзных переписей населения, похозяйственные списки сельских Советов, статистический материал, публикации в средствах массовой информации и др.

* Работа по данной теме осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-01-00372а).

В настоящей статье мы остановимся на основных изменениях, происходящих в этническом самосознании русских, их культуре и семейном быте.

К моменту нашего исследования присущее ранее этническому самосознанию деление на локальные, социальные, конфессиональные и другие группы оказалось практически утраченным. При опросах подавляющее большинство респондентов называют себя прежде всего русскими. Основная масса опрошенных включают себя в метаэтническую общность восточных славян. Существует и осознание включенности в более широкую общность – общность славян. Проведенные исследования выявили многоуровневость этнического самосознания примерно третьей части всех опрошенных. Многие из них называют себя сибиряками и чадонами (что семантически совпадает с понятием “сибиряк”), некоторые – казаками, кержаками, различными областными наименованиями (по местам выхода). Самосознание вторичного уровня (“сибиряки”) характеризуется некоторой положительной динамикой: в 80-е годы к сибирякам относили себя 15% респондентов, в 1994 г. – 19%.

Несмотря на незначительный промежуток времени между первым и вторым опросами, в этническом самосознании русских произошли некоторые изменения. Возрос интерес к истории и культуре своего народа, своей семьи. Повысилась осведомленность о различных этнотерриториальных и этнических группах своего народа. На селе появились фермеры, а в городе – “новые русские”. Последние ассоциируются у окружающих с сотовым телефоном и пейджером, шикарными автомобилями и квартирами, малиновым пиджаком, толстой золотой цепью и нескрываемым богатством. Большинство респондентов относятся к “новым русским” крайне отрицательно и возмущены тем, что в этом “этнониме” используется слово “русские”. Возродилось сибирское казачество, о котором до последнего времени практически не упоминалось. И это неудивительно, так как согласно Циркуляру ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г., почти все казачество провозглашалось врагом Советской власти. Лишь через 70 с лишним лет был принят закон РФ “О реабилитации репрессированных народов”, в котором впервые наряду с другими упоминалась “исторически сложившаяся культурная общность людей – казачество”. Затем последовали Указ Президента РФ от 15 июня 1992 г. и Постановление ВС РФ от 16 июля 1992 г. “О реабилитации казачества”, Постановление Правительства РФ от 22 апреля 1994 г. “Об основных положениях концепции государственной политики по отношению к казачеству”, Указ Президента РФ от 12 февраля 1997 г. Таким образом, государство приняло меры, необходимые для восстановления социально-экономического и политического статуса казаков.

Теперь посмотрим, что происходит на современном этапе с традиционной русской культурой. Известно, что любая культурная традиция не может существовать в застывшем виде. Для русской культуры в целом характерен весьма значительный диапазон вариативности различных ее форм. Еще П.Н.Малоков отмечал, что “наиболее выдающейся чертой русского народа является полная неопределенность и отсутствие резко выраженного национального облика”³. Даже на примере одной Омской области можно выделить несколько локальных вариантов. Так, если сравнить культуру русского населения северных районов области с культурой русских ее южных районов, то можно найти немало различающихся черт. По результатам нашего исследования, 72% сельского населения области проживает в домах, не имеющих традиционных особенностей, а в северных районах эта доля снижается до 38–52%. Этнические традиции наиболее четко прослеживаются в материале, из которого строятся дома (хвойные породы), и технике постройки (срубная), общей планировке, положении и устройстве русской печи (в отдельных деревнях на севере области она сохраняется практически в каждом доме), интерьере и внешнем украшении жилища. В южных районах чаще встречаются однокамерные постройки, саманные и насыпные дома, преобладают двускатные крыши. Основным кровельным материалом повсеместно является шифер.

Наибольшая устойчивость этнических традиций обнаружилась в сфере питания. При общем неплохом знании блюд русской кухни выявилась довольно высокая степень их реального бытования, особенно в повседневном питании. Показательно, что в ответах на вопрос о знании национальных блюд русской кухни практически не обнаруживается влияния половозрастной и социально-профессиональной принадлежности респондентов. Самыми распространенными национальными блюдами являются пельмени, блины, пироги, а из напитков – квас и водка. Основные изменения в системе питания обусловлены следующими причинами: заменой русской духовой печи газовыми и электрическими плитами (либо их сосуществованием), появлением новых сельскохозяйственных культур и продуктов (фасоли, сладкого перца, баклажан, а также консервов, йогуртов и т.д.), сокращением удельного веса крупяных блюд в питании взрослого населения, распространением сферы общественного питания, несоблюдением подавляющим большинством населения запретов относительно пищи во время религиозных постов.

Изменение социально-экономических и политических условий привело к существенным сдвигам и в обрядовой сфере. Многие обряды и особенно сопровождающий их фольклор отошли в прошлое, забылись или сохранились фрагментарно. Степень знания и бытования традиционных праздников у

русских Среднего Прииртышья за годы, прошедшие между первым и вторым обследованиями, заметно изменилась. Если в 1986 г. лишь 77% опрошенных смогли положительно ответить на вопрос о знании традиционных русских праздников и 59% отмечали их, то при повторном опросе в 1994 г. мы обнаружили практически 100-процентное знание и бытование народных праздников. Более половины респондентов все виды праздников отмечают совместно с людьми других национальностей. Из семейных обрядов в наибольшей степени сохранились обряды похоронно-поминального цикла, в наименьшей – родильно-крестильные обряды. В начале 90-х годов наблюдался всплеск интереса к церковному обряду крещения. В наше время этот обряд совершается не столько над младенцами, сколько над детьми дошкольного и школьного возраста, а также над взрослыми мужчинами и женщинами. Восстанавливается почти забытый институт крестных. Но зачастую не хватает элементарных знаний о том, как правильно провести обряд, кого можно брать в крестные и т.д. Немало традиционных черт сохраняется в свадебной обрядности, где они существуют наряду с новациями (шуточные выкупы невесты, свадебный каравай, благословение родителей, наказы молодым и др.).

Для Омской области наиболее характерны семьи, состоящие из двух-четырех человек (они составляют 81,1% семей). Третья часть всех семей приходится на семьи, состоящие из двух человек, причем число их постоянно растет. Самым распространенным типом семей в Среднем Прииртышье являются семьи, состоящие из одной брачной пары. По одному ребенку имеют 44,1 % всех семей с детьми.

Одним из основных индикаторов, отражающих, какой стиль жизни преобладает в семье: традиционный или современный, – является распределение обязанностей между мужем и женой. Половая асимметрия проявляется при оценке роли одного из супругов как доминирующей. У русского населения Омской области в 75% семей главой считается мужчина, в 20 – женщина, в 5% декларируется равенство. За расходованием денег в 83 % семей следят женщины. Домашние дела выполняются женщинами в 92% семей. Кроме того, женщины активнее занимаются воспитанием детей и обычно оказывают большее влияние на их судьбы. У женщин появляется все больше причин подвергать сомнению претензии мужчин на главенство в семье, так как они не только несут на себе значительно большее бремя семейных забот, но и вносят заметный вклад в семейный бюджет. Исследование показало, что в культуре русских образ женщины полифункционален: хозяйственность, домовитость, умение воспитывать детей обязательно дополняются активностью в производственной сфере.

Развитие русской семьи идет по пути дальнейшего увеличения доли малой семьи. Трехпоколенные семьи в сельской местности являются более стабильными, чем в городской. Территориальная разобщенность и отделение от родительской семьи приводят к ослаблению родственных связей, нарушению традиционного способа межпоколенной трансмиссии. Все большую роль начинает играть общественное воспитание детей, увеличивается также роль средств массовой информации в трансмиссии традиционной культуры.

По мнению широкого круга специалистов, современное демографическое положение характеризуется переходом от “традиционного” типа воспроизводства населения к новому. Традиционный тип предполагает половозрастную иерархичность и систему жестких, обязательных для всех членов общества норм-правил. Новая модель демографического поведения – это сравнительно поздние браки, значительная доля лиц, никогда не состоявших в браке, распространенность разводов и сравнительно высокая внебрачная рождаемость. Изменяются взаимоотношения в семье, ослабевает власть старших, увеличиваются экономическая независимость женщин и самостоятельность молодежи. Практически перестали существовать различные запреты, связанные со вступлением в брак, включая запрет на брачные связи с кумовьями и их потомками. Выбор брачного партнера у современной молодежи обычно не зависит от воли родителей. Быстрыми темпами растет число национально-смешанных браков. В Омской области доля семей, члены которых принадлежат к разным национальностям, составляет 20% от всех семей области.

Народное искусство существует преимущественно в своих вторичных формах. Практически утрачены ранее повсеместно распространенные узорчатое и многоцветное ткачество, художественная роспись внешнего и внутреннего интерьера жилища, изготовление керамической посуды. Сохраняются резьба по дереву, плетение корзин, вышивка, вязание кружев, некоторые другие промыслы.

Самым устойчивым из всех фольклорных жанров у русского населения Среднего Прииртышья оказалась внеобрядовая лирическая песня. Характерно, что многие песни, считающиеся народными, имеют литературное происхождение. Эта же тенденция наблюдается и в знании сказок: чаще всего респонденты называют широко известные сказки русских, советских и зарубежных писателей. Утрачивается знание обрядового фольклора, былинных эпических сказаний и легенд. Активно бытует частушка. Современное состояние фольклора характеризуется тесным переплетением традиционных и новых черт, усилением влияния профессиональной культуры.

В результате исследований мы пришли к выводу, что основными носителями этнической специфики у русских являются женщины. Среди возрастных категорий наиболее привержены традициям – люди старшего поколения, по ряду признаков к ним приближаются дети.

Продолжение начатых исследований позволит решить проблему этнокультурного развития русских в Сибири, будет способствовать разработке программ возрождения и сохранения традиционной русской культуры, а также написанию обобщающего труда по этнической истории русских Сибири.

Примечания

¹ См.: *Русские*: этносоциологические очерки – М., 1992.

² См.: *Томилов Н.А., Коровушкин Д.Г., Реммлер В.В.* Коротко об экспедициях // *Сов. этнография*. – 1988. – № 2. – С.165.

³ *Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. – М., 1992. – С.38.

Е.К.Даваа
(г. Кызыл.)

ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПРИРОДЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТУВИНЦЕВ

Успехи научно-технической революции второй половины XX в. лишь на короткий период были восприняты с оптимизмом как свидетельство господства человека над природой, торжества человеческого разума и как предпосылка светлого будущего. Вскоре стало очевидным, что есть и другая сторона медали – разрушение окружающей среды и истощение природных ресурсов, ведущие к глобальному экологическому кризису. Предотвратить эту катастрофу можно только на основе сбалансированного экологического и социального развития при рациональном использовании природных ресурсов. Чтобы найти адекватные способы решения данной проблемы, целесообразно изучить опыт взаимоотношений человека и природы в разных культурах и посмотреть, как его можно использовать при определении перспектив устойчивого развития человеческой цивилизации.

На начальном этапе социогенеза тувинцы не отделяли себя от природы, они мыслили себя ее частью. Человек имел возможность познавать природу, только сравнивая с ней самого себя как реальность, максимально доступную для познания. На этом этапе развития общества усилия коллективного разума были направлены на уяснение места человека в природе. При этом главным было не столько установление различия, сколько осознание тождества человека и природы. Чтобы объяснить любое явление природы, его надо было прежде всего уподобить человеку. Объекты природы: горы, тайга, минеральные источники, деревья – воспринимались антропоморфично, наделялись человеческими качествами, одухотворялись.

Характерной чертой сознания тувинского этноса в рассматриваемое время была высокая степень психологической включенности человека в мир природы, и такое восприятие природы было обусловлено особенностями мышления человека той эпохи. Уровень развития человеческого сознания еще не позволял в достаточной мере качественно дифференцировать объекты и явления природы. Поэтому сознание нечетко разделяло субъект и объект, материальное и идеальное, причину и следствие. Первобытному человеку было свойственно субъектное восприятие мира природы, он не видел принципиальной разницы между человеческим и природным, наделял природное окружение своими собственными качествами.

Специфика субъектного восприятия природных объектов заключается в том, что воспринимающий сам наделяет их субъектностью. Это может происходить на основе анимизации, антропоморфизации. Все эти процессы имеют место в тувинской культуре.

Поиски человеком причин природных явлений привели к анимистическому представлению о мире. Вера в духов и олицетворение сил природы были свойственны скотоводческим племенам, жившим на территории Тувы еще в хуннское время. Весь окружающий мир им казался населенным добрыми и злыми духами, способными помогать или вредить человеку. Главным становилось не столько взаимодействие с природой, сколько установление с помощью ритуалов благоприятных отношений с этими духами, и “хуннские племена приносили жертвы своим предкам, небу, земле и духам”¹. Духи мыслились как некие “двойники” реальных явлений и объектов, живущие в них, – “дух дерева”, “дух ручья”, “дух леса” и т.д. Поэтому тувинцы поклонялись горам, деревьям, минеральным источникам, рекам и другим объектам реального и мифологического космоса. Люди призывали их себе в союзники, в их честь совершали культовые обряды и верили, что они обеспечат благополучие.

Многokrатное, в течение длительного времени проведение культовых обрядов и ритуалов сформировало у тувинцев определенное отношение к природе, которое закреплялось такими обрядами, как освящение огня, гор, источников, тайги и т.д. Анимистические представления стали составной частью шаманства. Когда 1764 г. в Туву проник ламаизм, произошла ламаизация традиционных обрядов и культов. С распространением ламаизма масть посвящаемого животного стал устанавливать лама, он же читал молитвы над животным, повязывая ему на шею, рога или вплетая в гриву ленты, окуривая можжевельником, и считалось, что с этого времени животное принадлежит какому-либо из бурханов.

Земледелие появилось в Туве значительно позднее скотоводства и охотничества. В засушливом климате поля нуждались в орошении, возникла потребность в создании оросительных систем. Увидев огромные преимущества орошаемого земледелия, тувинцы стали обожествлять реки, водные источники. Наиболее популярным был обряд “буга дагыыр” – культ животворящего источника. “Для совершения обряда приглашали ламу. Он изготовлял из теста фигурку быка и читал над ним сутру, а затем закапывал ее в основание канала в направлении истока. Смысл ритуала заключался в снискании у хозяина канала обилия воды для хорошего урожая”². Обычно этот обряд проводили весной перед началом сельскохозяйственных работ и в середине лета, когда пшеница только начинала созревать. Люди устраивали небольшой пир и произносили благопожелания такого содержания:

Небо – отец, мать – земля,
Наш кормилец, небо – отец,
Не насылай нам весенних гроз
И убереги нас от летней засухи.

Сила таких обрядов заключается в их эмоционально-психологическом воздействии на людей: участники обрядовых действий не только усваивают те или иные нормы, ценности, но и сопереживают природе.

Сталкиваясь с необходимостью объяснения, например, засухи или наводнения и не зная их истинных причин, тувинцы приписывали это действию некоего могущественного существа – духа. Засуха и наводнение трактовались как наказание за оскорбление этого духа, пренебрежение его запретами. Так непонятное становилось понятным, неопределенность знания восполнялась определенностью веры.

Со временем духи, живущие в природных объектах, начинают мыслиться как материальные существа – титаны, сфинксы, чудовища и т.д. Это нашло отражение в фольклоре, например в сказке о Чанагаш-ооле. Герой увидел, что с трех сторон подходят три черные тучи. “Из первой тучи вырвалась молния, раздался гром, и на земле оказался Большой Курбусту. Из других туч так же появились Средний и Малый Курбусту. Большой Курбусту вытащил белый платок, взмахнул им, и появилась огромная белая юрта. Средний Курбусту вытащил красный платок, взмахнул им, и появился ханский аал – люди и юрты. Малый Курбусту вытащил черный платок, взмахнул им, и появился вокруг бесчисленный скот. И после большого пира они улетели к себе домой в верхний мир”³. В анимистической картине мира у тувинцев объекты и явления обладают особой, отделимой от них субстанцией (духом, душой), и именно ей, а не самим объектам и явлениям приписывается способность самостоятельно действовать, чувствовать, переживать. Эта субстанция и мыслится как собственно субъект. Таким образом, характерной чертой сознания тувинского этноса в данный период была высокая степень психологической включенности человека в мир духов. Признание влияния природы на жизнь человека проявлялось и в традиционной народной медицине. Тувинцы использовали для лечения целебные источники и солегрязевые озера. Они считались священными местами, а потому поездка туда требовала соблюдения целой системы ритуалов. Во время лечения человек должен был вести пристойный образ жизни. Категорически запрещалось рубить растущие рядом с источником деревья и кустарники, ломать ветви, охотиться на животных, обитающих в этой местности.

По данным этнографических исследований, у тувинцев существовала система запретов по отношению к деревьям, кустарникам и травам. Например, можжевельник считался священным растением, срывать его разрешалось только уважаемым людям старшего поколения. Категорически запрещалось выдергивать можжевельник с корнями, ломать у основания, можно было брать только отдельную веточку, бережно отделяя ее от основного ствола. При этом человек, рвущий можжевельник, совершал определенный ритуал – общение с духом дерева.

Человек свято верил силам природы, верил, что, причинив ей ущерб, он прежде всего причиняет ущерб самому себе. Исходя из этих соображений тувинский этикет строго дозировал использование ресурсов природы: брать у природы следовало ровно столько, сколько нужно для жизни. Запрещалось собирать с кустарников все ягоды. Встретив на охоте несколько зверей, добывали одного, самок старались не трогать. В качестве материала для изготовления деревянной утвари издавна широко использовали тополь, лиственницу и березу, однако нельзя было вырубать молодую поросль этих деревьев. Все это объяснялось так: нельзя оставлять лес без деревьев и зверей, озера – без рыбы и птиц, кустарники – без ягод, иначе кругом

будет пустота. Традиционная культура тувинцев основывается на следующих принципах: во-первых, природные объекты имеют право на существование; во-вторых, считается правильным и разрешено только то, что не нарушает существующее в природе равновесие.

Существенную роль в формировании у тувинцев чувства отчужденности от природы сыграл переход к оседлому образу жизни. Первые оседлые селения-крепости появились в Туве после падения государства древних тюкю. Общественное сознание в этот период поднялось на следующий уровень развития: человек перевел взгляд с природы на самого себя, в центре внимания оказались родовые и семейные связи. Принципиальным становится противопоставление “свой – чужой”. В соответствии с этой фундаментальной парадигмой воспринимается и природа: “родная природа – чужая природа”.

Такое восприятие оказалось очень устойчивым, оно характерно и для современных тувинцев. Вообще, “у тувинцев образ природы очень конкретизирован. Чаще всего он связан с реальным местом жительства”⁴. Вот, например, отрывок из тувинской народной песни “Теве-хая” (“Верблюдо-скала”):

Красивая, как узорчатый ковер,
С высоты ниспадающая Верблюдо-скала,
С нее стекает в долину
Длинная и широкая река Чадан.

Воспевая красоту горных вершин, полноводной реки, человек горд тем, что является жителем именно местности Верблюдо-скала.

В процессе становления новой системы межкультурных взаимодействий, в ходе их последующего развития начали утверждаться и новые принципы отношения к природе. Жизнь тувинцев в настоящее время претерпела множество значительных перемен. Исчез кочевой уклад жизни, из которого выросла культура народа и на котором держалась ее национальная самобытность. Однако утверждать, что национальные традиции с переходом кочевников к оседлому образу жизни оказались полностью утраченными, будет неверным. Отдельные элементы обрядов, связанные с освящением огня, деревьев, целебных источников, передавались из поколения в поколение. Например, старики в своей повседневной жизни постоянно соблюдали ритуал освящения целебных источников. Такая привычная норма поведения способствовала сохранению у тувинцев традиционной культуры. Сохранение же традиций свидетельствует о “мощном внутреннем потенциале традиционных культур”, которые в условиях давления техногенной цивилизации вовсе не потеряли себя, а отстояли “в качестве равноправной составляющей мирового процесса”⁵. Опыт природопользования, имеющийся в тувинской культуре, должен быть востребован при поиске перспективной модели развития современного общества.

Примечания

⁶ История Тувы. – М., 1964. – Т. 1. – С. 50

² Монгуш М.В. Ламаизм в Туве. – Кызыл, 1992. – С. 79.

³ Сказки друзей. – Кызыл, 1983. – С. 208, 209.

⁴ Будугечи Т.Б. Художественное наследие тувинцев. – М., 1995. – С. 66.

⁵ См.: Попков Ю.В. Современные тенденции развития национальных отношений и международное право // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 1998. – С. 13, 14.

Г.Н. Курбатский
(г. Кызыл)

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ТУВИНЦЕВ В ФОЛЬКЛОРЕ

Тувинцы как этнос. В произведениях тувинского фольклора отражено представление тувинцев о своем народе как о социальном целом, чья сила – в единстве. “Одно полено – не костер, один человек – не народ”; “ручьи сольются – получится река, люди соединятся – получится сила” – гласят пословицы.

В песнях говорится о положительных качествах тувинского народа, причем слово “народ” употребляется в смысле “племя”, “род” и даже “родственники”, “ровесники”, “товарищи”: “малочисленный народ”, “хороший, дружный, работающий, простой, добрый, дающий, не жадный”.

веселый, насмешливый мой народ”, народ “раздольно величавый”, “пребывающий в богатстве и щедрости” и т. д. Но даже расположенный к людям, их лирический герой не мог не видеть глупость живущих по Муңгаш-Аку (Барыын-Хемчик), лень живущих по Чаңгыс-Аку (Бай-Тайга): “Как же может жить человек (народ), который лишь грешит и мучится?”.

Человек только тогда не вызывал беспокойства и недоумения окружающих, когда у него были народ, семья и друзья. Общение, духовное единение с родными, близкими людьми давали человеку гордость, уверенность в себе, веру в лучшее будущее. Со своим народом герою даже без любимой “весело”. Веря в помощь народа и получая ее, человек одновременно осознал себя “помощью народу”.

Отношение тувинцев к соседям неоднозначное. “...Халхасцы – мой единственный хороший народ”, – поется в народной песне. Только “высокий черный” Танну не позволяет бельтирам, абаканским татарам и русским “прийти снова”. На обитаемый тувинцами Хемчик “снова пришли” русские, буряты и мусульмане. Но заветные места скрыты от чужаков. Поэтому русский и бурят, цзянь-цзюнь и китайский цинский чиновник – *чургаан* “не могут объехать в год” хребет Чага, реку Эйлиг-Хем, Эзимские горы.

Русских в основном боялись и даже пугали ими детей. Больше всего опасались произвола, а по сути – воровства: в песнях постоянно звучали жалобы на русских поселенцев, отнимавших скот, пастбища, пашни. Захватывая лучшие земли, русские купцы подкупали тувинскую знать. “Не видели и не узнали, как же не взять взятку [с Ильи]?” – размышляет в песне джүмет. “Рука руку моет – обе белы бывают”, – так относились к этому сговору русские крестьяне-переселенцы.

Постепенно арат начинал воспринимать русских как неприятную неизбежность, но, живя рядом с ними, был полон решимости отстаивать свои хозяйственные интересы: “Если они хотят тут поселиться, то пусть поселятся, а я не брошу своего просяного хлеба (т. е. поля. – Г.К.). Если они хотят жаловаться [тувинским чиновникам], то пусть жалуются, а я не брошу своих коней [и пастбищ]”.

Материальные блага, получаемые аратами в процессе общения с русскими, не уравнивали ущерб, связанного как с прямой эксплуатацией, так и с уничтожением первобытных производств и традиционной культуры. В народных песнях говорится, что обогащение переселенцев сопровождается обнищанием коренного населения: “Наезжают к нам русские и становятся здесь богатыми – всех кормит Хемчик! Одни мы остаемся тут бедными”.

Представления о роде. На рубеже XIX–XX вв. основы духовной жизни у тувинцев по-прежнему сосредоточивались в рамках рода. В фольклоре на первом плане некий коллектив, множество людей, “мой народ”, но не индивид. Каждый человек воспринимался в качестве члена родового сообщества, носителя его типичных черт, коллективных установок и ценностей. Возможный в принципе разрыв с родовичами означал разрыв с “землей своего рождения (жития) и воспитания”.

Родовыми предками выступали люди, зооморфные персонажи, а также реки, камни, горы, деревья. Родство по дереву (есть роды “твердые” и “мягкие”) – более раннее и широкое, чем родство по кости. Отголосок этого поверья – в загадке о кедре, в пословицах о шишке.

Род обозначался многократно упоминаемыми в фольклоре символами-маркерами. Это – родовая земля, священные горы и реки, уголья, пастбища, кедровники, родовые селения, родовой огонь как хранитель жизни, молоко и молочные продукты, духи-покровители, родовые шаманы, тамги, т. е. родовые и племенные знаки собственности на скот, знаки-печати представителей власти, посвященное божеству и не используемое для работ, но находящееся в табуне животное, родовая коновязь.

Верховным собственником земли в феодальной Туве выступал маньчжуро-китайский император. Фактическое существование частной собственности на землю маскировалось родоплеменной, общинной собственностью: “Земля принадлежит человеку, пасущему на ней скот, а человек – своему роду-племени”.

Иноходец – инаковое, неполноценное существо, “отщепенец земли, остаток воды” (*чернин чексээ, сугун сускаа*), т. е. бродяга, “черный человек” (*кара кижси*). Чужбина – “черная земля” (*кара чер*), т. е. враждебная, непригодная для жизни.

Добыча зверя, собирательство, праздники, сватовство и свадьба, скачки, борьба (*хүреш*) и другие действия и обряды порождали дух состязательности, а порой приводили к раздорам между родами, сумонами и даже арбанами одного сумона. В поговорках и песнях-“дразнилках” (обычай *дузаар*) гротескно представлены отношения “мы – они”.

Семейно-бытовые установления. Фольклор отражает представления об их незыблемости: “*Ужур-дүрүмден эртип болбас*” – “Нельзя переступать свичаи и обычаи”; “*Ужур күштүг*” – “Обычай сильнее” (т. е. чему положено случиться, тому не помешаешь).

Сватовство, свадьба, отношения супругов. Брак считался обязательным для каждого. Родители старались действовать по пословице: “Невесту-дочь лучше выдать замуж подальше”, т. е. за человека из другого аала, сумона, кожууна, хотя большинство браков носило локальный характер.

Сватовство закрепляло право жениха на невесту. Первое сватовство *белек сунар* (преподнесение подарка) проходило, когда девочке исполнялось четыре-пять лет, что и объясняет смысл песенного выражения “*эрте шагда эжим чүве*” – “давнишняя суженая моя”. В подростковом возрасте проходило второе сватовство – *шай бузук, шай бузар* (букв.: “ломать чай”). На совете четырех родителей договаривались “о деле”, т. е. устанавливали плату за невесту. На третье сватовство – *дүгдээр* (смотрины, “расплет”) родители жениха являлись с “платой (даром) за молоко матери невесты” (*эмиз каргыжы чандырын*), т. е. с дойной козой, коровой, овцой или кобылой. Упоминаемые в песне “закон” (“воля четырех родителей”), “дар” – это купля-продажа, калым, минимум “четыре-пять, пять-шесть [дойных коров]”, что соответствовало нижнему уровню обеспечения семьи из четырех человек.

Обычно у девушки одна коса, а во время третьего сватовства их заплетали пять: две большие по краям и три маленькие сзади. В косы вплетали шелковые ленты, банты, шелковые черные нити *чалаа-кара* с нанизанным бисером, узелки (*боошкун*). Голову невесты украшала дорогая узорчатая *чавага* – нашитая на кусок кожи серебряная пластинка с бусами и нитяными кистями (*салбак*).

В обряд сватовства входила проверка характера будущего зятя и его физической силы. Невеста могла вступать в половую связь с женихом до свадебного пира – “смотреть силу жениха”.

В свадебных песнях-приветствиях, как и в обычном приветствии, главным и неизменным был вопрос о здоровье скота.

Родители жениха, хозяева на свадьбе, своим долгом считали напоить гостей. По кругу пускали чашу-*кундага*, – каждый отпивал свою долю: “До дна чаши пейте, сваты мои, угощайтесь. Курдючным жирным мясом угощайтесь до отказа”.

Утром второго дня проходило благословение невесты (*кыс алгаары, уруг алгандыраар*). Держа в обеих руках чашу с нетронутым молоком или арагой, родственники жениха, сначала самые старшие, подходили к невесте и произносили речитативом или напевали в честь молодоженов свадебные благопожелания – *алганыр*. Эти пожелания отражают традиционные представления о богатстве и благоденствии: “Пусть переднюю полу топчут дети (из моления с полой. – Г.К.). Пусть заднюю полу топчут ягнята, козлята. Пусть будет скота, как караганных в степи. Пусть будет несметного богатства, как скал. Пусть будет так, что к ним можно прийти голодным (жаждущим)”. Среди пожеланий – “юрта, стоящая на возвышении”, “коровы, дающие много молока”, “конь-иноходец под седлом (на привязи)”, “жеребец с хвостом, как гнездо” (большой, густой хвост считался признаком породистости), “сбруя из золота и серебра” (у баев и знати седла покрывались войлочными ковриками-*албуками*, серебряные уздечки были позолоченными), “бессчетно соболиных шкур в сундуках”, “густой ароматный чай”, “арага крепкая, горькая”, “сын, который тащит лошадь” (т. е. скачет на длинной палочке) и т. д. В конце свадебного благопожелания утверждалась святость семейных уз: “Пусть будет прочным благословение четырех родителей. Слава этому святому делу!”.

При создании новой семьи чувства молодых, как правило, во внимание не принимались, на первом плане стояли хозяйственные соображения: “До чего жесток закон (воля четырех родителей. – Г.К.) – жмет руку больно” (имелись в виду телесные наказания, наручники). Поэтому свадьба часто становилась началом несчастной семейной жизни. В случае смерти жены, чтобы не расставаться с калымом-скотом, муж-вдовец женился на ее младшей незамужней сестре.

Родители, дети, родственники. Детей, наряду со скотом, тувинцы считали главным богатством, чуть ли не божьей благодатью: “Дереву нужны корни, человеку – дети”. При этом сын – продолжатель рода казался дороже, выстраданнее, считалось даже, что его внутриутробное развитие более длительное. Сына иногда посвящали ламаизму, делали ламским учеником-послушником (*хуурак*). Поэтому, как правило, хотели мальчика: “отец (одинок) гордится своим сыном”, “отец скучает по сыну”.

Тувинские семьи были многодетными. В такой семье, спаянной общностью хозяйственных устремлений и забот друг о друге, воспитывать детей легче. Симпатии родителей всегда были на стороне младших: “младший чертенок умнее (мудрее)”. Подрасти означало “вдеть ногу в стремя”.

Высокая детская смертность побуждала родителей прибегать к разным мерам спасения больного ребенка. Многодетные родители отдавали больных детей в семьи родственников, соседей. Усыновление или удочерение (*уруг азыраар*) осуществлялось лишь при обоюдном согласии родителей. Ребенка отдавали бескорыстно, на основе дружбы: “*Кижини сатпас – кижини*”. “Человек не продается – человек не имеет цены”. Сирот охотно брали на воспитание: “От сиротства не умирают, от одиночества не погибают”. Внебрачных детей не отличали от законнорожденных и никогда не бросали, как это делали северо-западно-монгольские племена: “Покинутый монголами, постриженный мой сыночек. Брошенный дербетами, бритоголовый мой младенец”.

Первые волосы, остриженные в трехлетнем возрасте (*баш кыргыыр*), считались драгоценными и грешными. Обрезав с правой, “солнечной”, стороны головы несколько волосков, дедушка отдавал их матери и благословлял ребенка: “Пусть будет непобедимым в спорах, не знает поражения перед теми,

кто имеет лопатки (имелись в виду люди, животные, звери. — Г.К.). Пусть будет жирным, как курдюк, состарится до белой седины, как заяц. Пусть будет много детей, пусть будет тьма скота. Пусть будет славным, пусть будет благородным. Пусть доживет до глубокой старости, пусть будет сон блаженен (пусть умрет, сорвавшись с обрыва, — т. е. легкой смертью)". Потом говорил: "Я обрезал твои первые молодые волосы и за них дарую тебе коня". То же делали и другие родственники.

Для тувинцев была характерна родственная привязанность, и эта черта у них сохранилась до сих пор. Следы аванкулата, доказывающие, что тувинцы, как и другие народы, прошли стадию материнского родового строя, видны в поговорке, записанной Л.П.Поталовым (Бай-Тайга): "Увидев дядю по матери, племянник радуется; увидев гору, [преследуемый] волк радуется".

Почитание старших. Во многих пословицах говорится и о почитании старейших ("Нет того, чего бы он не видел, нет такого ведра, которого бы он не поднимал"), и об уважении младших, так как те и другие нуждаются в особом внимании.

Положение женщины. Выданную замуж дочь называли *херээжок* — "ненужная, чужая", так как она навсегда уходила со скотом из своего рода в род мужа, на чужую сторону, в чужой аал (патрилокальный брак). Слово "*херээжок*" в значении "уходящая в чужой род" не характеризует отношение народа к женщине вообще. С оскорбительным оттенком в значении "бездельница", "никчемная", "никудашная", "не имеющая цены" (*херээ* "дело" + отрицание *чок*) это слово употреблялось только в феодально-чиновничьей среде, где женщина действительно почти ничего не делала. Феодалы и ламы пытались перенести это отношение на всех тувинцев.

В феодальной Туве женщина не имела права голоса при обсуждении вопросов, касавшихся рода, не могла участвовать во всенародных богомолениях и т. д.: "Женщина не садится на почетное место и не решает государственные дела". Она должна была заниматься только семьей и хозяйством. При этом ее роль в хозяйстве и семье скотовода признавалась очень важной.

Хозяйственно-трудовой уклад. В центре народного сознания — нормальная жизнь человека-труженика, равно удаленного от критических точек рождения и смерти. Для него труд — одна из нравственных заповедей и одновременно воплощение брэнного, земного бытия. Тувинское селение — аал представлял собой территориальную, соседскую, а не родовую общину, в нем жили члены разных родов, хотя состав входящих в него семей, как правило, был постоянным. Небольшое количество юрт (чаще две-пять) в аале свидетельствовало о доминировании хозяйственных интересов семьи, семейно-родственной общины над интересами рода.

Во всех хозяйственных делах тувинцы следовали народному трудовому опыту. Считалось, что в ведении хозяйства необходимы самостоятельность, осмотрительность, осторожность. Важны расчет, хозяйственная сметка, бережливость, запасливость, но корысть осуждали.

Отделявшегося от дома старшего сына поучали: "Не кричи, что взрослым стал, не хвались, что хозяином стал"; "Богатством не кичись, перед другом не заносись". Эти наставления не случайны. Во-первых, народ справедливо полагал, что богатство не важнее духовных, нравственных достоинств: "Доброе слово не отдавай за мясо, свой секрет не меняй за сало". Во-вторых, в суровых условиях кочевой жизни скотоводов запас не имел и не мог иметь того значения, какое он имеет в оседлой жизни земледельцев, и подчас в одну морозную, многоснежную, бескормную зиму, вызывавшую эпизоотии и массовый падеж скота, даже состоятельные люди становились бедняками, что и зафиксировано поговоркой "*Хай карак чивеш аразында болур*" — "Для беды и мига довольно".

В пословицах отражены стремление к определенности, законченности во всем — в делах, мыслях, словах, представление о том, что от одного дела к другому надо переходить постепенно. Случайную удачу тувинцы не воспринимали всерьез, тем более если она улыбалась лентяю, осуждали бесхозяйственность и беспечность: у неумелого, ленивого, незапасливого, никчемного "голодная скотина мычит", он "весны не дожидется", т. е. умрет голодной смертью. В представлении тувинцев, никакие трудности в работе не страшны, когда есть желание, сила и, конечно же, трудолюбие, — тогда дело спорится. Но поспешность и забывчивость пословицы осуждают.

На всей территории Саяно-Алтая повсеместно был распространен уравнилельный закон в виде традиционного даро- и долеобмена, основанный на родовых представлениях об общности доли, дарованной свыше духом земли и неба Оран-Делегей, о зависимости успеха каждого дела, от удачи, от участия в нем другого человека. Добыча, произведенные продукты делились поровну независимо от того, какую работу выполняли члены общины (артели). Охотники давали мясо убитых зверей всем семьям аала, делились также арагой. Дары принимались, а тара (мешок, блюдо, и т. д.) никогда не возвращалась пустой. В нее как символический отдарок обязательно клали, например, маленькие кусочки пищи, чтобы не обидеть ее духа-хозяина (обычай *хап дүптээр* — "мешок не пустой").

Своеобразной формой дарообмена, пережитком общеродовой собственности были, по существу, различные виды взаимопомощи: “При кочевке помогают, в беде вместе горюют”. Община помогала даже провинившимся: “*Арбын чону калган эвес...*” – “Народ [нас] не оставил...”.

Возгласы “*Ужа!*”, “*Ужа мээңи!*”, вполне соответствующие русским “Чур, пополам!”, “Чур, найдено – не делено!”, обращенные к охотнику, скрадывавшему зверя, означали “поделиться со мной правом на участие в охоте”. Часть добычи следовало выделить встреченному на промысле человеку, – считалось, что в противном случае дух рассердится и отвратит удачу. В начале XX в. на охоте делились добычей только с тем, кто был свидетелем удачного выстрела.

Накануне Нового года – *шагаа* неимущие с достоинством, не протягивая рук, не кланяясь, просили милостыню: “Я бедный человек, у меня много детей, живу в большой нужде, прошу мясо, масло, шкуру”. Обычно охотно давали.

Все это объясняет широкое бытование поговорки “*Дилээнин алыр*” – “Что попросишь, то возьмешь”. Однако обеднение тувинцев к началу XX в. сузило сферу применения уравнилительного закона.

Бедные и богатые. О бедности и богатстве говорится во многих произведениях фольклора: “Сколько ни прячь голод (букв.: живот), все равно покажется...” Да и как его скрыть, если “человек бывает сыт три раза: в шагаа – в первый раз, когда зарежут корову – во второй и от случая к случаю”. “Пронизывающий до костей” холод страшнее голода. Доведенный до отчаяния бедняк вынужден идти на воровство, фактически, несмотря на шутиливый оттенок, оправдываемое пословицей “*Чарлыг оорда кем чок*” – “Вор, открыто заявивший, что украдет, не виновен”.

Бедность арата мешала другим людям разглядеть его истинные достоинства, причину его тягот они были склонны видеть в его мнимых пороках. Да и сам бедняк о себе невысокого мнения. Особенно же трудна женская доля.

Экономической основой феодальной эксплуатации являлись фактическое существование частной собственности на землю (выпасы и пашни) и высокая степень концентрации скота в руках феодалов: “У богатого человека (аала) стойбище черное”, так как у него много скота, в том числе и лошадей.

Особенность кочевого феодализма состояла в том, что баи использовали в качестве пастухов детей своих бедных родственников или усыновленных (удочеренных) детей. Дети пасли байский скот за право доить этот скот и брать себе молоко. О скупом бае быстро распространилась молва: “Высохнуть бы безрыбному озеру, разориться бы вредному баю”.

Нужда, притеснения развивали природные духовные достоинства арата. Бай же не понимал, что его сила заключается в народе: “Растение (плод) – у тебя, корень – у нас”; “Когда у кедр корня нет, то нет и шишек; когда у народа силы нет, то нет и бая”.

Чиновники. Богатыми, считал тувинский народ, могли быть только чиновники, люди жестокие, корыстолюбивые, не заботящиеся о своих подданных, невежественные, зачастую порочные, порой отъявленные, хотя и не уличенные воры и конокрады. В народных песнях говорится о разных чиновниках, в том числе из канцелярской, уртельной (почтовой) и караульной (пограничной) служб.

На собрании-судилище (*чыыш*) чиновники “угощают” провинившихся (даже, в нарушение народного обычая, женщин и детей) девятью пытками, быют толстой простроченной кожей (*шаагай*), надевают им на шею тяжелую деревянную доску с отверстием посередине и т. д. Судя по песням, тяжесть наказания явно превосходила степень вины: “*Чылгы кээрге, дааш үнер, чыыш кээрге, алгы үнер*” – “Табун идет – шум стоит, чыыш идет – стон стоит”.

Высоко ценилась верность слову-клятве (отголосок вербальной магии). Самой страшной считалась клятва на ноже. Силу и обязательность присяги-клятвы подчеркивала поговорка “Клятва (обещанное) острее (сильнее) ножа”. Иногда обвиняемому давали нюхать ноздри медведя. У салчаков на Каа-Хеме со словами: “Как я пью эту воду, так пусть съест меня медведь”, – пили воду, в которой лежал череп медведя, что, несомненно, свидетельствует о поклонении тотему-медведю.

По феодальным нормам, сдержавший клятву, не сознавший в преступлении, стойко выдержавший все пытки считался невиновным, чуть ли не героем, он и его род, община освобождались от штрафа в пользу потерпевшего. Напротив, нарушившего клятву ждала неминуемая расплата: “Когда клятву потеряешь, в яму попадешь”.

Держатели чашек, слуги-певцы (*аяк-хаа*) превозносили величие, власть, богатство, трудолюбие, благородство, душевность, доброту и физическую красоту своих господ, презрительно отзывались об их врагах. В то же время смельчаки пели песни, обличавшие чиновничий произвол. Традиционный вызов на песенное состязание (*одап ырлаар*) принимал здесь форму социального протеста.

Владельческие права тувинских нойонов и монгольских князей подкреплялись административными полномочиями, полученными от китайско-маньчжурских завоевателей, из “слишком страшного”, по выражению из песни, Пекина. “Хлынувших” в родной край оккупантов (1757 г.) в песне называют “черными теньями”, а само их воцарение – “ненастьем с ветрами”.

Много тягот испытывали араты от рядовых цинских чиновников-*чургаанов*: “всем пути налагают”, “бьют кнутом”, “начнут пытать, станут убивать”, “добро заберут, угонят скот” (предварительно часть его раздав тувинской знати), разберут жилище. Эти же чиновники собирали налог (*албан*) и подати (*үндүрүг*): “Маньжуро-китайским иноземцам, не жалея скота и пушнины, преподносит, дарит бесплатно обильная Тува, моя Тува”.

В эпосе несправедливый, жестокий правитель – это всегда чужой хан, завоеватель. К началу XX в. фольклорный образ идеального правителя начал сливаться с образами богатырей, правителей джунгарского времени, способных якобы возродить былое могущество местных племен (идеология бурханства).

В загадках тувинские чиновники предстают как грубые животные, самцы-производители.

Служители культа. Ламаизм в большей мере, чем шаманизм, соответствовал классовым интересам маньчжурских завоевателей и тувинских феодалов, поэтому не случайно в фольклоре ламы высеивались чаще и острее, чем шаманы. В загадках, где говорится о шаманских и ламских обрядах-молениях, подчеркивается их мнимая значительность, внешнее благочестие, а на деле – корыстолюбие служителей культа.

Формы классовой борьбы. Из-за неразвитости тувинского кочевого феодализма социальный протест проявлялся в довольно примитивных формах. Это – слушание, невыполнение чиновничьего приказа, бегство, конокрадство и воровство скота. Конокрадство считали проявлением не столько корысти, сколько молодечества (*барантаци*), осуществлением права возврата своей собственности (*туткуш*). Угнанный скот *кайгалы*-мстители раздавали аратам.

Кайгалов наказывали жестоко. Они страстно желали отомстить чиновникам-“волкам”: “Волку, сожравшему моего единственного коня (корову), сломать бы клыки. Дүжүмету, избившему моего родного отца (мать), выколоть бы оба глаза”.

В 1883–1885 гг. на Хемчике, в местности Сүт-Хел, произошло восстание “*алдан дургу*” – “шестьдесят беглецов”, или “*алдан маадыр*” – “шестьдесят богатырей”. Своеобразным гимном дургунов стала широко распространенная, известная в нескольких вариантах песня “*Алды баштыг Кара-Даг*”. “Пленить и заточить хотят” – таковы планы чиновников в отношении повстанцев. Чтобы этого не случилось, “непойманными все вместе соберемся, убежим”, “шестьголовый Кара-Даг сделаем стойбищем, тронем-укрытием”, “холмистые овраги Оргу-Шел сделаем привалом-олбуком, окопом-крепостью”, “возьмем на мушку самодура Сегинчика” и “в конце концов заживем вольно и счастливо”.

Дургунам сочувствовали, помогали сотни аратов. В песнях народ называл их братьями: “Братья мои шестьдесят богатырей если хотят попить-поесть, я отнесу им пищу и подарю коней”.

В 1884 г. дургуны были разгромлены. В песнях отражены их мечты о бегстве в сопредельные с Тувой российские владения, “в страну Алтай”, “в страну Тумат”. Это, несомненно, историческое воспоминание о западно-монгольском (джунгарском) князе Амыр-Санаа. В 1755 г. он возглавил восстание против маньчжуров, а после поражения бежал в Россию.

Фольклор зафиксировал также убежденность дургунов в своей правоте: ведь, защищая аратов от несправедливых чиновников, они оставались верноподданными (в этом суждении явно проявились царистские иллюзии повстанцев) и потому преследования со стороны властей незаконны.

Отношение знати к дургунам выражено через постоянный эпитет *кестиргеннер* – “проклятые, окаянные”.

Национально-освободительное движение. Классовая борьба тувинских аратов переплеталась с национально-освободительным движением. Ожиданием победы пронизана одна из песен: “Запертая темница (китайская крепость Кобдо, взятая монголо-тувинскими отрядами 6 августа 1912 г. – Г.К.) когда же рухнет? Хищное китайское войско когда же падет? Затворенная тюрьма когда же, щелкнув, откроется? Обессиленное войско китайское когда же разойдется?”.

Новое сознание. Картины революционной истории Тувы предстают как в новых, так и в переосмысленных традиционных песнях. Идеи и дела Октября стали достоянием тувинских аратов: “Избавлению от гнета русский арат научил, Октябрьская революция из его края распространилась”.

Песни напрямую связывали историческую судьбу Тувы и ее народа с Лениным. В улуг-хемском Торгалыге богатый русский купец по прозвищу Узун Чоодар – Длинный Федор, выражая сожаление по поводу нежелательных для него перемен, по-своему переиначил традиционную песню: “Косулеголовому Ленину подчиняться не думал я”.

Скопившиеся в Туве белогвардейцы, “проклятые солаан” в песнях сравниваются с сорняком, тучами, со страшной вьюгой. Вспоминая тягостное прошлое (“Словно черт рогатый, впился в мою судьбу хемчикский Көккей-нойон”), песни призывали к расправе над ненавистными чиновниками.

В начале 30-х годов исполнявшие обряды ламы преследовались, были разрушены (*хүрээ*), сожжены (*оваа*), скрыты курганы, на которых раньше проводились моления. На их месте ревсомольцы устраивали сборы, разжигали костры, пели революционные песни, например: “Захиревшая (проклятая) желтая религия, разорявшая (унижавшая) бедного арата, разнесена волнами революции (*салыычыта* – старое название ревсомола. – Г.К.)”.

Новая власть. Значимость новой, аратской, власти подчеркивается сопоставлением тяжелого недавнего прошлого: “Грызушим людей феодалом-нойоном ненужной обозвана я” – с настоящим: “Аратская власть пришла – свободной стала я”; “Просвещенная власть женщиной назвала меня”.

Араты стали осознавать себя хозяевами своего, народного, государства, и это тоже отражено в песне: “Собравшись в *хораа* (комитете, правительственном здании. – Г.К.), будут неимущие араты управлять”.

Новая Тува. В традиционных песнях говорилось о “моей стороне” (*чуртум*), “моем скоте” (*малым*) “моем Хемчике” (*Хемчиим*) и т. д. В новых песнях горизонты родного края заметно расширились, – теперь в них присутствуют “страна моя” (*оран-чуртум*), “наша страна” (*чуртумус*), “наш скот” (*малывыс*), “наш Хемчик” (*Хемчивис*) и т. д. Появился и обобщенный образ большой родины Тувы: *Тывам* – “моя Тува”, *тыва черим*, *тыва чуртум* – “тувинская земля моя”.

Просвещение, образование. Осуществление мечты об окончательном освобождении от эксплуататоров связывалось с просвещением (*кегээрел*), прежде всего политическим, и это тоже воспроизводят песни.

СССР, которым руководят “интересные, удивительные парни”, воспринимался как защитник и помощник в строительстве нового общества. Из революционной Монголии пришла в Туву песня, славящая III Интернационал (вплоть до 50-х годов это был государственный гимн МНР). На ее основе с конца 20-х годов создавались и тувинские песни о III Интернационале. Их содержание несложно: “дивный”, “замечательный”, “славный”, “надежный”, “представительный”, “милосердный”, “дорогой” III Интернационал (монг. *Курбу дугаар*, тув. *Каммуннам* – “коммуна” и *нам* – “партия”) избавил нас, аратов, от гнета, горя, темноты и пыток, от унижения и власти тиранов, от мук, которые несут нам иноземные господа, и указал нам (мне – и тогда называлось имя арата) светлый путь в будущее, к свободе.

Образование “помогает жить”. Пословицы философски осмысливают сложный процесс познания. После введения тувинской национальной письменности декретом правительства Тувинской Народной Республики от 28 июня 1930 г. началось всенародное движение по ее изучению. Были возрождены старые загадки, связанные с традиционным таңгытским (төвүтским, тибетским) и старомонгольским письмом, и появилось множество новых загадок о письменных принадлежностях, о письме и рисовании. В загадках используются старые привычные образы из кочевой жизни скотоводов: “Навоз белый, овцы черные” (бумага и буквы); “У тысячи черных овец моих три пастуха” (газета “Шын” – “Правда”, выходившая с 19 января 1931 г.).

Социальные мифы. Многие песни выдержаны в духе революционной фразеологии и политических лозунгов нового времени. Например, феодалы объявлялись “не имеющими корня”, говорилось о том, что надо “феодалов всех поголовно истребить”. Экспроприация феодально-ламской собственности, прежде всего скота, с последующей передачей ее аратам воспринималась как путь к социальной справедливости и счастью.

Представительные органы власти Тувинской Народной Республики – Великий (с 1921 г.) и Малый (с 1924 г.) Хуралы – занимали в жизни ее населения весьма скромное место. Демократия стала пониматься не как власть самого народа, осуществляемая через его представителей, а как власть партии, выражающей интересы народа. В середине 30-х годов произошло огосударствление партии, и это отразили песни, в которых появились такие образы: “правительство-партия мой” (*чазак-намым*), “партия-правительство мой” (*намым-чазак*). Восхваление мудрости центрального руководства доведено в песнях до фактического утверждения в качестве нормы пассивности рядовых партийцев, ревсомольцев и аратов.

Образование, учеба в песнях того времени неправомерно противопоставлялись традиционным хозяйственным занятиям, прежде всего скотоводству, и бытовым установлениям (например, обязательным в традиционном обществе косам). С такого противопоставления начинались отлучение народа от традиционных форм хозяйствования и быта, пренебрежение к каждодневному труду скотовода, земледельца, охотника, ремесленника.

Инакомыслие жестко пресекалось, что тоже видно из песен: “Сомневающих в нашей правоте мы с корнем вырвем”.

Фольклор дает представление о социальном сознании тувинцев как о явлении сложном, комплексном, многомерном. Оно традиционно, но и подвижно, диалектично, так как воспринимает исторические новации. Оно вполне светское и потому жизнеспособное.

Т.Г.Боргоякова
(г.Абакан)

ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

В соответствии с действующей Конституцией Россия является государством асимметричного федерализма. Из 89 субъектов Федерации 32 носят национальные названия, из них 21 – это республики, имеющие статус национально-государственного образования, и 11 – автономные округа и область со статусом национально-территориального образования. Одним из первых законов, принятых в постсоветской России, был закон “О языках народов РСФСР”, и примечательно, что он был принят раньше Конституции, в 1991 г. Дело в том, что к началу 90-х годов в стране сложилась ситуация, угрожающая будущему многих национальных языков. Данное обстоятельство вызывало тревогу у носителей этих языков и вело к нарастанию конфликтности в обществе. Стало совершенно очевидным, что необходимо учесть допущенные ранее ошибки на этом направлении государственной национальной политики и урегулировать вопрос о государственном языке, а также разработать правовой механизм защиты прав и языков национальных меньшинств.

Многие политологи и лингвисты справедливо утверждают, что распад СССР в определенной степени был связан и с проводимой государством языковой политикой. Нельзя сказать, что развитию национальных языков не уделялось никакого внимания, но многочисленных постановлений и нормативных актов, посвященных в основном вопросам школьного образования и издательской деятельности, было недостаточно для создания устойчивого правового режима, который обеспечивал бы равные возможности и гарантии сохранения и развития языков всех народов, проживающих на территории СССР. Это было связано с принятым тогда “пониманием исторических перспектив развития национальных отношений как неизбежного слияния наций, которое питало ложное представление о том, что число активно используемых национальных языков сокращается, а языки малочисленных народов вообще объективно обречены на исчезновение”¹. Поэтому можно согласиться с мнением о том, что “отсутствие правового регулирования уже само по себе было способом регулирования языковых отношений”².

Неудивительно, что изменения в сфере национальных отношений, которые произошли в период с апреля 1985 г. и до распада СССР в 1991 г., сказались прежде всего на развитии языковых отношений. Так, за один год – с января 1989 г. по январь 1990 г. – в 11 союзных республиках были приняты законы о языках. Общесоюзный закон о языках появился позднее, в апреле 1990 г.

Закон РСФСР “О языках народов РСФСР”³ определил языки народов РСФСР как “национальное достояние Российского государства”, являющееся историко-культурным наследием и находящееся под защитой государства. Языки признаются важнейшим элементом культуры и основным проявлением национального и личностного самосознания. Статья 1 устанавливает, что законодательство РСФСР о языках состоит из закона РСФСР “О языках народов РСФСР” и издаваемых в соответствии с ним иных законодательных актов РСФСР и республик в ее составе. В Республике Хакасия данная норма подтверждена в законе “О языках народов Республики Хакасия”, принятом в 1992 г., а также в Конституции республики, принятой в 1995 г.

Согласно ст. 69 Конституции Республики Хакасия государственными языками республики являются хакасский и русский. Всем национальным общностям, проживающим на территории Хакасии, гарантировано право на сохранение родного языка, на создание условий для его изучения и развития. Статья 12 предусматривает, что Республика Хакасия оказывает помощь в развитии культуры, языка, в сохранении самобытности всех национальных общностей, проживающих на ее территории. Закон “О языках народов Республики Хакасия” также провозгласил государственными языками Хакасии русский и хакасский языки, воспроизведя во многом основные положения федерального закона. В соответствии со ст. 6 и 7 закона “О языках народов Республики Хакасия” высшие органы государственной

власти республики обязаны обеспечивать равноправное функционирование русского и хакасского языков как государственных, в том числе через разработку и реализацию государственных программ сохранения и развития языков проживающих в Хакасии народов.

В 1994 г. Верховный Совет Республики Хакасия утвердил Государственную программу сохранения и развития языков республики на 1995–2000 гг., в которой предусматривался комплекс организационных и финансовых мер по сохранению и развитию как государственных, так и других языков народов Хакасии. Ни одно из положений программы не умаляло роль и значение русского языка и не создавало препятствий для его функционирования.

Программа в целом получила достаточно благожелательную поддержку, несмотря на то что приоритет был отдан мерам по сохранению и развитию хакасского языка – языка народа, давшего название республике. Прежде всего это совершенствование обучения родному языку, перевод начальных классов некоторых школ в местах компактного проживания коренного этноса на хакасский язык обучения, разработка программ и учебно-методических комплектов по обучению родному языку, истории родного края в общеобразовательных школах и дошкольных учреждениях, расширение использования хакасского языка в средствах массовой информации и учреждениях культуры. Предусмотрены также оформление вывесок учреждений, бланков, документов, удостоверяющих личность гражданина, и т.д. на двух языках.

В целом реализация программы способствовала повышению престижа хакасского языка, расширению его социальных функций, увеличению числа детей, имеющих возможность изучать родной язык, формированию уважительного отношения к истории, материальной и духовной культуре хакасского народа. В то же время следует отметить, что далеко не все задачи, поставленные в программе, выполнены. Это связано прежде всего с ограниченными финансовыми возможностями, с несовершенством действующих в России законов о языке, в которых не предусмотрена ответственность за нарушение языковых прав граждан, с достаточно устойчивыми представлениями о том, что язык относится к естественным признакам нации и не нуждается в дополнительной государственной защите.

Между тем, как показывает практика, «во многом положение национальных языков зависит от общего состояния культуры и образования и прямо пропорционально финансовым и материальным затратам государства на их развитие»⁴. Так, например, правительство Великобритании в 1993 г. предоставило ежегодную субсидию в 9,5 млн фунтов стерлингов для выпуска телепрограмм на галльском языке, который сейчас понимают только 1,3% зрителей шотландского телевидения⁵.

Проблемы сохранения и развития хакасского языка связаны, с одной стороны, с последствиями проводившейся в СССР языковой политики, в результате которой хакасский язык, как и большинство других национальных языков, был оттеснен на периферию общественной жизни, его функции сузились до уровня языка бытового и соответственно непрестижного, а с другой стороны, с сокращением доли хакасов в структуре населения республики за счет массовой миграции русскоязычного населения. Согласно данным переписи 1989 г., представители титульного этноса составляют 11% населения Хакасии. Для сравнения приведем данные о доле коренного населения в других сибирских республиках: в Республике Алтай она равна 31%, в республике Бурятия – 24, в республике Саха (Якутия) – 33,4, в Республике Тыва – 64,3%. Существенным фактором, отрицательно влияющим на сохранение родного языка, является также дисперсный характер расселения коренного этноса. Около трети хакасов проживают в городской местности, где преобладает русскоязычное население. В Хакасии нет районов с преобладанием хакасского населения, за исключением отдельных аалов в Аскизском, Таштыпском, Бейском и Ширинском районах, где еще сохраняется национальная языковая среда. Однако и здесь заметна тенденция перехода к использованию в общении русского языка, особенно среди молодежи.

В Хакасии издается единственная республиканская газета на хакасском языке – «Хакас чирі», которая выходит четыре раза в неделю тиражом более 3 тыс. экземпляров. Радио- и телевизионные передачи длительностью по 40 минут выходят каждый будний день. Однако возможность принимать их в районах компактного проживания коренного этноса ограничена в силу ряда технических причин. Средства массовой информации испытывают острую нужду в пополнении квалифицированными кадрами журналистов, профессионально владеющих хакасским литературным языком.

Проблема функционирования хакасского языка состоит также в недостаточном развитии его функциональных стилей, терминологических систем. Прежде всего необходимо развивать общественно-политическую и лингвистическую терминологию⁶.

Тревожным симптомом неблагополучного положения языка является постепенное уменьшение количества, говорящих на нем людей. Если в 1979 г. владеющие родным языком составляли 19% хакасского населения республики, то по данным переписи 1989 г., из 81428 хакасов уже 24% не знали родного языка. С достаточной долей уверенности можно предположить, что количество хакасов-моно-

лингвов, т.е. владеющих только русским языком, будет расти. Так, анкетирование делегатов VIII Съезда хакасского народа, прошедшего в апреле 2000 г., показало, что из 221 респондентов только 106, т.е. менее половины, используют постоянно хакасский язык при общении в семье. Это можно объяснить скорее всего тем, что многие хакасы, называющие хакасский язык родным, владеют им пассивно или в ограниченном объеме.

В семьях, где родители плохо знают родной язык, он не усваивается детьми и не передается следующему поколению как родной и как важнейшая составляющая этничности и этнического самосознания человека. Многие не понимают важности общения со своими детьми на родном языке, возлагая надежды на школу. Но к школьному возрасту это уже не родной язык, так как у детей к этому времени уже есть другой родной язык. В школе он становится просто одним из учебных предметов. Однако школа учит важным сторонам использования родного языка, таким как грамотность, выразительность и нормативность, или определенным навыкам коммуникации, если родной язык изучается в качестве второго.

Следует отметить, что с начала 90-х годов ситуация с изучением хакасского языка в школах, откуда он был практически вытеснен, изменилась в лучшую сторону. Всего по республике родной язык изучают 76% учащихся коренной национальности. В 78 школах ведется обучение по учебному плану национальных школ, в которых хакасский язык преподается как учебный предмет с первого по одиннадцатый класс. В 17 национальных школах, где учится 626 детей, обучение в начальном звене ведется на хакасском языке; 846 детей в 1999 г. изучали хакасский язык в дошкольных учреждениях. Постепенно преодолеваются трудности, связанные с нехваткой квалифицированных преподавателей родного языка.

Тем не менее будущее хакасского языка вызывает тревогу. Согласно классификации ЮНЕСКО, хакасский язык входит в группу языков, которым грозит опасность исчезновения (*seriously endangered languages*)⁷. В настоящее время многие языки национальных меньшинств подвергаются угрозе быстрой модернизации и урбанизации. Как отмечает Дж.Фишман “приблизительно трети языков мира сегодня грозит вымирание на их исконных территориях”⁸. Некоторым утешением служит то, что общее понимание важности сохранения языков национальных меньшинств, или миноритарных языков, в последнее десятилетие стало усиливаться.

На протяжении многих лет различные органы Совета Европы выражают озабоченность по поводу положения региональных языков, или языков меньшинств. Действительно, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод заложен принцип недискриминации, в частности, ставящий вне закона, по меньшей мере в том, что касается реализации прав и свобод, гарантируемых по конвенции, любую дискриминацию по таким признакам, как язык или принадлежность к национальному меньшинству. При всей важности этого принципа он предусматривает лишь право индивида не подвергаться дискриминации, но не систему позитивной защиты языков меньшинств и сообществ, говорящих на них, что еще в 1957 г. было подчеркнуто Учредительной ассамблеей. В 1961 г. Парламентская ассамблея призвала к разработке, в дополнение к имеющимся в конвенции, мер защиты, направленных на обеспечение права меньшинств иметь свою культуру, пользоваться своим родным языком, открывать свои школы и т.д. В 1981 г. Парламентская ассамблея Совета Европы и Европейский парламент приняли резолюции о необходимости составления хартии региональных языков и культур⁹. В 1992 г. в Страсбурге Европейская хартия региональных языков, или языков меньшинств, была принята и открыта для подписания.

В России презентация этого важного документа о языковом равноправии состоялась в мае 2000 г. Вступая в Совет Европы, Россия брала на себя обязательство подписать хартию в течение года. По разным причинам этого не произошло, но все необходимые согласования уже проведены. У России есть все основания для подписания хартии, так как языковое законодательство последнего десятилетия в нашей стране во многом соответствует международным требованиям, духу и принципам хартии. У российских миноритарных языков появится шанс обрести еще более надежную защиту своего будущего в многоцветной палитре языков мира.

Примечания

¹ Доровских Е.М. Право и национальный язык: Регулирование языковых отношений в Российской Федерации. – М., 1996. – С.5.

² Там же.

³ См.: *Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации*. – М., 1991. – № 50. – Ст. 1741.

⁴ Доровских Е.М. Право и национальный язык... – С.27.

⁵ Там же.

⁶ См.: Анжиганова О.П. О реализации Закона о языках народов Республики Хакасия // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М., 1994. – С.22.

⁷ См.: Jauhunen J., Salminen T. // *Red Book of Endangered Languages: Northeast Asia / UNESCO*. – 1993–1996.

⁸ Fishman J.A. Good conferences in a wicked world: On some worrisome problem in the study of language shift // *The State of Minority Languages: International Respective on Survival and Decline*. – Lisse / Exton, PA: Swets & Zeitlinger. B. V. Publishers, 1995.

⁹ См.: *Европейская хартия региональных языков, или языков меньшинств, и пояснительный доклад*. – Изд-во Совета Европы, 2000.

Н.А. Данькина
(г. Абакан)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ХАКАСИИ В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

В рамках традиционного подхода, сложившегося в отечественной историографии в 60–70-е годы, выделялись три основных пути формирования интеллигенции в СССР: привлечение дореволюционной интеллигенции, выдвижение рабочих и крестьян на руководящие посты, подготовка кадров через специальные и высшие учебные заведения¹. Этот подход лег в основу изучения и национальной интеллигенции. Он является вполне оправданным, так как архивный материал и партийно-государственные документы, касающиеся исследуемой проблемы, свидетельствуют, что формирование интеллигенции в 20–30-е годы XX в. действительно шло указанными путями. Поэтому основная цель настоящей статьи – показать, что процесс становления национальной интеллигенции укладывается в рамки общесоюзной истории интеллигенции.

Трудности, возникшие в первые годы Советской власти в формировании национальной интеллигенции, были общими для национальных регионов СССР. Прежде всего, рост численности национальной интеллигенции тормозила низкая грамотность населения этих регионов. По данным переписи 1897 г., грамотой владели лишь 13,6% всех жителей Енисейской губернии². К 1910 г. только 5,2% мужчин и 1,4% женщин Аскизской управы, где традиционно проживало коренное население Хакасии, умели читать и писать³. Разобщенность между населенными пунктами из-за низкой плотности населения затрудняла борьбу с неграмотностью в годы Советской власти. Эта проблема была решена только к 1940 г., – к этому времени грамотность населения Хакасской автономной области составляла уже 98,5%⁴.

В Хакасии практически отсутствовали светские национальные школы, до открытия в 1929 г. Абаканского педагогического училища⁵ не было и специальных учебных заведений. Основная масса хакасских детей к 1917 г. оставались вне школы. До 1924 г. хакасы не имели своей письменности и литературы на родном языке, у национальных учительских кадров была низкая квалификация и слабая методическая подготовка, не было культурно-просветительных работников из числа хакасского населения⁶.

Аналогичные трудности имели место, например, и в Бурятии, за исключением того, что у бурят была своя письменность – у западных на основе русской графики, а у восточных – на основе старомонгольской. Это способствовало значительному росту там численности национальной интеллигенции как в дореволюционный, так и в советский период⁷. В Хакасии же, как мы только что отметили, ко времени установления Советской власти коренное население не имело письменности.

Одной из первоочередных задач партии и государства явилось привлечение к сотрудничеству дореволюционной интеллигенции. На X съезде РКП(б), состоявшемся в 1921 г., говорилось, что необходимо “использование в советской работе на восточных окраинах всех честных и доказавших свою преданность Советской власти элементов национальной интеллигенции ранее угнетенных народов”⁸. Необходимость участия национальной интеллигенции в социалистическом строительстве была обусловлена тем, что требовалось выработать комплекс идей, которые соответствовали бы формированию новых отношений и социальных институтов в национальных регионах и были бы доступны массовому сознанию коренных этносов⁹.

В 1924 г. Наркомпрос в соответствии с решениями XIII съезда РКП(б) поставил задачу привлечения лучшей части учительства на сторону Советской власти, установления с этими людьми теснейшей связи, их политического воспитания и профессиональной переподготовки в духе тех основных идей,

на которых построена система социального воспитания в рабоче-крестьянской республике¹⁰. Что касается национальных районов СССР, в том числе Хакасии, то дореволюционная интеллигенция здесь и была представлена преимущественно учительством. В 1925 г. в Хакасии было 109 учителей, однако из них только 17 хакасов¹¹. В связи с установлением в Минусинском уезде в 1917 г. Советской власти, а также выделением в 1924 г. Хакасского уезда практически все представители хакасской учительской интеллигенции вошли в состав уездных и партийных органов власти, в их числе Ф.И.Окунев, М.С.Отыргашев, В.М.Саражаков, К.С.Тотышев, И.И.Итыгин и др.¹²

В 20–30-е годы наряду с активным привлечением в партийно-государственный аппарат национальной интеллигенции шло выдвижение на руководящие посты рабочих и крестьян – выходцев из беднейших слоев хакасского населения. Тем самым воплощался в жизнь ленинский принцип создания социалистической интеллигенции из пролетарских слоев. В результате в 1929 г. хакасы в окружных учреждениях составляли 13,5% против 5,3% в 1927 г.¹³ В 1934 г. среди работников областных организаций было 17% хакасов, районных – 17,4%¹⁴.

Несмотря на активную политику партии и государства в привлечении к сотрудничеству национальной интеллигенции, она не была готова сразу перейти на сторону новой власти. Переход этот оказался долгим и трудным, необходимо было преодолеть дореволюционные политические взгляды. Этому способствовали организация повышения квалификации учителей, перестройка их работы в соответствии с требованиями советской школы, вовлечение представителей интеллигенции в общественную и культурно-просветительскую работу, а также лояльное отношение к аполитичности интеллигенции со стороны партийно-государственного руководства Хакасии.

В формировании у дореволюционной интеллигенции нового политического мировоззрения можно выделить три этапа. Первый этап – это профессиональное сотрудничество интеллигенции с новой властью при сохранении у подавляющей части специалистов нейтрального, а порой враждебного отношения к ней, второй – политическое признание Советской власти, третий – восприятие социалистических мировоззренческих ценностей¹⁵.

В Хакасии процесс перехода старой интеллигенции на сторону Советской власти не во всех районах протекал одинаково. Так, по данным обследования Аскизского и Таштыпского районов, проведенного уездным комитетом РКП(б), резкий перелом в политических настроениях интеллигенции произошел в середине 20-х годов. В докладе председателя этого комитета, составленном в декабре 1924 г., отмечается, что прошедшие октябрьская и декабрьская конференция и манифестация учителей подтверждают факт такого перелома, что учителя стали активно участвовать в общественной работе совместно с партийными и комсомольскими организациями¹⁶. Однако, например, учительство Чебаковского района Хакасского уезда к концу 1924 г. еще не было связано с существующими там ячейками РКП(б) и РЛКСМ¹⁷. Только к середине 30-х годов переход старой интеллигенции на сторону большевиков и ее слияние с рабоче-крестьянской интеллигенцией полностью завершились¹⁸.

Еще одним источником пополнения национальной интеллигенции Хакасии было, как уже говорилось, обучение будущих культурных работников на различного рода курсах, в техникумах, высших учебных заведениях страны. На второй уездной партконференции, состоявшейся в 1924 г., было отмечено, что предварительная подготовительная работа дала возможность отправить на учебу за пределы Хакасии 58 чел., половина из которых хакасы¹⁹. За 1927–1928 гг. в совпартшколы, техникумы и высшие учебные заведения страны было откомандировано 140 чел., из них 83 хакаса²⁰. К 1934 г. на рабфаках, в техникумах, вузах и высших театральных курсах обучалось уже 500 хакасов²¹. На подготовку хакасов к поступлению в вузы ежегодно отпускались средства из бюджета областного отдела народного образования, например в 1931 г. на эти цели было выделено 10 тыс. руб.²²

Однако низкий уровень общего образования у основной массы населения, недостаточное число лиц, подготовленных к поступлению в вузы тормозили подготовку кадров национальной интеллигенции путем направления на учебу. В связи с этим во многих учебных заведениях создавались специальные группы для национальных меньшинств или несколько снижались требования для поступающих из национальных районов. Учитывая важность подготовки национальных кадров, агитпропколлегия Енисейского губкома партии в 1924 г. постановила принять в Красноярскую совпартшколу всех прибывших хакасов, несмотря на низкий уровень знаний²³.

Между тем выдвижение представителей хакасского населения на руководящие посты и набор в вузы на целевые места не решали кадровой проблемы. Процесс формирования национальной интеллигенции принял широкомасштабный характер только в связи с организацией школ повышенного типа, обеспечивающих резерв для дальнейшего направления на учебу, краткосрочных педагогических курсов, курсов повышения квалификации, а также с открытием в конце 20 – 30-х годов средне-специальных учебных заведений и Абаканского педагогического института.

В 1927/1928 уч. г. в школах повышенного типа Абакана, Черногорска и с. Таштып обучалось 548 чел., но из них только 138 хакасов²⁴. Во второй половине 20-х годов при Таштыпской школе открылись одногодичные, а затем двухгодичные педагогические курсы, выпустившие 23 чел.²⁵ Позднее решением президиума Хакасского облисполкома было начато строительство Хакасского педагогического техникума, рассчитанного на 600 учащихся²⁶. При этом особое внимание уделялось формированию хакасской учительской интеллигенции, в связи с чем были организованы шестимесячные курсы по подготовке хакасских учителей, рассчитанные на 200 чел., для начальной школы и годичные курсы по подготовке хакасских учителей повышенной школы на 80 чел.²⁷, а также заочное отделение и обучение без отрыва от производства в техникуме.

Тридцатые годы явились самыми результативными в формировании национальной интеллигенции Хакасии. Открывшимися к 1930 г. Хакасским педагогическим техникумом и совпартшколой было выпущено 288 педагогов, из которых 141 – хакасы. К 1934 г. эти показатели возросли в 3,5 раза: шестью учебными заведениями Хакасии – педагогическим техникумом, совпартшколой, Высшей колхозной школой, зооветтехникумом и отделом Красного рабфака – было выпущено 813 чел., из них 538 хакасов²⁸.

В целом за 1925–1934 гг. численность национальной интеллигенции увеличилась более чем в 10 раз и составила около 300 чел.²⁹ без учета обучающихся в средне-специальных и высших учебных заведениях.

Несмотря на ряд негативных моментов, сопровождавших формирование интеллигенции, таких как “спецеедство” снизу и сверху, организация фальсифицированных судебных процессов и т.д.³⁰, роль Советской власти в создании кадров интеллигенции, в том числе и национальной, значительна. Кадровая политика в 20–30-е годы имела организованный, целенаправленный характер. Ее положительные стороны могут быть использованы органами местного самоуправления и сегодня, когда вновь наблюдается резкое уменьшение численности национальной интеллигенции. Недостаток педагогических кадров на селе, где преимущественно проживает коренное население, обуславливает низкий образовательный уровень у детей-хакасов, которые из-за этого не могут поступить в высшие учебные заведения. Обучение же на платных местах большинству хакасского населения недоступно. Возможно, следует вернуться к таким путям формирования национальной интеллигенции, как выделение в вузах и средне-специальных учебных заведениях целевых мест для абитуриентов-хакасов, предоставление определенных гарантий и льгот талантливой хакасской молодежи из социально незащищенных слоев населения, открытие национальных отделений при учебных заведениях и т.д.

Примечания

¹ См.: *Зак Л.М., Лельчук В.С., Погудин В.И.* Строительство социализма в СССР: Историографический очерк. – М., 1971. – С. 239.

² См.: *Асочаков В.А.* Культурное строительство в Хакасии (1917–1937) – Абакан, 1983. – С. 14.

³ Там же.

⁴ Сов. Хакасия. – 1940. – 9 окт.

⁵ См.: *Очерки Хакасии советского периода.* – Абакан, 1963. – С.312.

⁶ Центральный государственный архив Республики Хакасия (далее – ЦГА РХ), ф.39, оп. I, д.17, л.331.

⁷ См.: *Базарова Е.Т.* Формирование учительской интеллигенции в Бурятии в 1920–1930-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 1999. – С.15.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд. – М., 1970. – Т.2. – С.256.

⁹ См.: *Касьянова К.* О русском национальном характере. – М., 1994. – С.33, 34.

¹⁰ См.: *Культурное строительство в СССР 1917–1924 гг.* Т. I, ч. 2: Документы и материалы 1921–1927 гг. – М., 1984. – С.20, 21.

¹¹ ЦГА РХ, ф.Р-16, оп. I, д.32, л.24.

¹² См.: *Асочаков В.А.* Культурное строительство в Хакасии (1917–1937). – С.72.

¹³ См.: *Асочаков В.А.* Культурное строительство в Хакасии (1917–1937): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1968. – С.15.

¹⁴ ЦГА РХ, ф.Р-39, оп. I, д.181, л.109.

¹⁵ См.: *Красильников С.А.* Социальная типология интеллигенции в первое послевоенное двадцатилетие // Актуальные проблемы истории Советской Сибири. – Новосибирск, 1990. – С.172.

¹⁶ ЦГА РХ, ф. 14, оп. I, д. 22, л.5.

¹⁷ Там же, л. 16.

¹⁸ См.: *Тихоньких В.П.* Привлечение старой национальной интеллигенции к социалистическому строительству в Хакасии // Великий Октябрь и социалистическое строительство в Хакасии. – Абакан, 1988. – С. 30–36.

¹⁹ ЦГА РХ, ф.14, оп. I, д. 1 а, л. 3, 6.

²⁰ Там же, ф. Р-16, оп. I, д.32, л.3.

²¹ Там же, ф. Р-39, оп. I, д.181, л.64.

²² Там же, ф. 39, оп. I, д.17, л.47.

²³ См.: Асочаков В.А. Культурное строительство в Хакасии (1917–1937) – С. 73, 74; ЦГА РХ, ф. 14, оп. I, д. 62, л. 68.

²⁴ ЦГА РХ, ф. Р-16, оп. I, д. 32, л. 3.

²⁵ Там же, л. 32.

²⁶ Там же, ф. 39, оп. I, д. 17, л. 331.

²⁷ Там же, л. 332.

²⁸ Там же, ф. Р-39, оп. I, д. 181, л. 119.

²⁹ ЦГА РХ, ф. Р-39, оп. I, д. 186, л. 214; ф. Р-16, оп. I, д. 69, л. 7; ф. Р-16, оп. I, д. 170, л. 90; ф. Р-16, оп. I, д. 35, л. II; ф. Р-169, оп. I, д. 171, л. 17–58; ф. 39, оп. I, д. 181, л. 64.

³⁰ См.: Халиулин Г.Г., Халиулина А.А. Противоречия исторической судьбы советской интеллигенции // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. – Новосибирск, 2000. – С.158.

А.К. Черненко
(г. Новосибирск)

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И ЕЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ*

Теоретический анализ правовых проблем нельзя считать удовлетворительным, если оставить в стороне рассмотрение специфически правовой ситуации в переходный период. Это тем более важно по отношению к современной России, поскольку она переживает именно такой период.

Что представляет собой переходный период? Какова специфическая природа проблемной ситуации? Какие сложности и проблемы встают на пути формирования правовой системы автономных образований и их этносоциальных институтов? Ответить на поставленные вопросы с позиций только юридической науки непросто, ибо в рамках переходного периода осуществляются коренные изменения в экономической, политической, социально-правовой и этносоциальной сферах общества. Поэтому причины и обстоятельства изменений в нормативно-правовой базе нередко связаны не только, а точнее, не столько с правовой сферой. Скажем, возникает немало проблем, которые на первый взгляд порождены в сфере законотворчества или правоприменения, а на самом деле основными источниками их возникновения и осложнения являются экономический кризис или противоборство тех или иных политических сил. Для выяснения всех этих причин необходим системный подход, в котором одно из центральных мест занимает общетеоретический правовой анализ.

Известно, что характерными чертами переходного периода являются смена социально-политических и правовых ориентиров, трансформация целей и задач, разрушение старого и возникновение нового мировоззренческого видения развития общества и права и т.д. В этот период обычно рельефно проявляется и такая закономерность, как отрицание прежнего опыта, традиций и идеалов. Причем проявляется она, как правило, не в форме диалектического отрицания, которое снимает и преобразует прежние ценности в более содержательные и богатые, а в форме полного, “зряшного” отрицания, когда в принципе отвергается использование прежнего опыта, в том числе правового. Тем самым происходят разрыв исторической причинной цепи движения, неконструктивное столкновение разных поколений и этносов и их миро- и правопонимания. Существенно затрудняет законодательную деятельность и неопределенность временных границ переходного периода, что нередко приводит к неадекватности законов по отношению к объективной реальности. Все эти обстоятельства переходного периода не могут не влиять на право и его основные сферы: законотворческую, правоприменительную и правовое сознание. Приведенные характеристики и закономерности переходного периода во многом свойственны российской действительности. Они обуславливают возникновение нетрадиционных проблем формирования правовой системы и отдельных правовых институтов. Раскрытие причин возникновения этих проблем – одна из принципиально важных теоретических и методологических задач юридических наук.

Прежде всего следует отметить, что происходящие изменения сказались на правопонимании, вызвали его переориентацию на естественное право. Наиболее четко эта тенденция закреплена в Конституции 1993 г. Права и свободы человека признаются высшей ценностью, а соблюдение и защита прав и свобод гражданина – обязанностью государства. Юридический позитивизм здесь уступает место естественно-правовому правопониманию. В Конституции (п. 2 ст. 17) сказано, что “основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения”. Здесь же (ст. 18) подчеркивается гуманистическая направленность закона, ибо права и свободы человека “определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием”.

Бесспорно, в случае реализации конституционных основ прав и свобод человека мы имеем серьезную подвижку в установлении гражданского общества и правового государства. Однако бросается в глаза *существенный разрыв* между положениями новой Конституции и реалиями правовой практики, т.е. различие

* Исследование данной проблематики осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-03-376).

между “должным” и “сущим”. Это обнаруживается в несоответствии между законодательством, касающимся прав и свобод человека, и действительностью. Более того, в переходный период ограничение прав и свобод человека стало одним из признаков нашей жизни: набирающая темпы безработица лишает человека реальной возможности использовать право на труд, ухудшается материальное положение большей части населения, растет преступность. Особенно остро все это проявляется в автономных округах.

В литературе отмечаются различные причины, которые приводят к разрыву между желаемым и действительностью, и среди них незрелость нашего общества, т.е. его неподготовленность к функционированию в условиях капиталистических отношений; тенденция к коммерциализации законодательства и перевод законодательной защиты прав человека на второй план; эрозия власти, ее неспособность предотвратить разрушительные процессы в обществе; гипертрофия “указного законодательства” и др.¹ Нельзя не согласиться с тем, что подобные причины и обстоятельства имеют место. Наша задача – рассмотреть ситуацию переходного периода и ее этносоциальные проблемы с точки зрения не только фактологической, но и теоретико-методологической, выяснить связи между “должным” и “сущим” в правовом пространстве, обнаружить причинный механизм, порождающий разрыв между желаемым и действительным в ходе формирования правовой системы в России.

Какие же из проблем, переживаемых современной Россией, наиболее острые с позиций теоретико-правового анализа, а следовательно, какова природа сложившейся проблемной ситуации, существенным образом сказывающейся на формировании правовой системы? Прежде всего, это проблема установления системного сущностного начала, объединяющего *общую стратегическую конструкцию* реформируемого общественно-экономического строя и *сферы его реализации*. Одной из важнейших среди этих сфер является правовая. Методологический момент здесь состоит в том, что общее, стратегически обоснованное направление развития страны – “проект общества” определяет, как бы задает основные линии развития отдельным социальным сферам, детерминирует в основных чертах их структуру и формы. Соблюдается ли сегодня это методологическое правило при реформировании страны, а если нет, то как сказывается его нарушение на формировании правовой системы? Можно сказать, что данное методологическое требование, соблюдение которого необходимо для нормально функционирующих правового государства и гражданского общества, нарушено. Суть и смысл проводимых социальных и правовых реформ для абсолютного большинства россиян неясны. Переживаемый нами переходный период характеризуется тем, что, по существу, отсутствует стратегически выверенная и понятная для населения концепция общества, которое мы строим. Это обстоятельство порождает серьезные противоречия и вызывает разбалансированность между обществом в целом и его правовой системой, между тем, что декларируется, и тем, что на деле защищено законом.

Получается, что мы строим здание, а оно не имеет фундамента, вместо него – зыбкий плавун. Естественно, такое “плавающее” состояние общества сказывается на правовой сфере и правосознании граждан. На примере конституционных положений о правах и свободах человека мы видим разницу между позицией Конституции РФ и тем, как эти права и свободы осуществляются в реальности. Неясность проекта общества и путей его построения породила настроение, что все “само образуется”, а следовательно, якобы и не нуждается в правовой регламентации. Отсутствие единства между общей стратегией и системой правовых мер по ее реализации вызвало тенденцию к преувеличению роли отдельных правовых институтов. Так, желание форсированным путем перейти к рынку привело к гипертрофии чисто рыночных правовых механизмов, к коммерциализации права без необходимого учета его системности, в том числе без учета субъективного права – правосознания, правовой культуры. На этом фоне слабое развитие получает публичное право. К каким серьезным системным социальным и юридическим перекосам привело одностороннее реформирование общественных отношений, мы сегодня хорошо видим.

Кроме того, из-за неразработанности стратегии реформирования общества вместо теоретического, концептуального подхода используется эмпиризм, метод проб и ошибок, вульгарная форма прагматизма мышления и действия приобретает приоритетное значение. В результате остаются невостребованными теоретические знания, в должной мере не используется методологический арсенал научного анализа и конструирования социальных и правовых институтов, не получает развития научная основа изменения и построения новой правовой системы. “С грустью и болью, – говорит по этому поводу известный специалист в области методологии права Д.А.Керимов, – наблюдаю, как практически разрушается у нас теория закона, созданная сообществом выдающихся отечественных и зарубежных юристов”². Словом, вместо развития интереса к теории и методологии права развивается тенденция *блокирования* этих отраслей знания.

Поэтому мы сталкиваемся с трудностями, которые возникают в результате упрощенного понимания права, недооценки его содержательного определения, такого определения, когда закону должен придаваться истинно правовой характер. Эта проблема становится особенно явной, когда мы стремимся разобраться с реализацией права. Суть рассматриваемой проблемы – это нарушение соответствия

между *статикой* (статистической совокупностью) законов и иных нормативно-правовых актов и их *действием*, практическим регулированием общественных отношений. В переходный период это соответствие часто нарушается, что приводит к потере авторитета права, создает условия для противоправного поведения, вызывает социальную напряженность. Причина тому – образовавшийся вакуум между содержанием нормативной базы (материальным правом) и ее формой – механизмом реализации, между законодательством и правоприменением. Многие принятые законы не подкреплены механизмами реализации, в том числе санкциями за их несоблюдение. Причем эти явления имеют место на фоне активного законодательского процесса, что создает видимость интенсивного формирования целостной правовой системы.

За последние годы принято немало количество законов, более того, расширен круг законодательно регулируемых отношений, – таковы, например, отношения в области экологии, здравоохранения. Однако можно ли законодательскую деятельность назвать эффективной? Скорее всего, утвердительно ответить на этот вопрос нельзя, потому что многие правовые акты не обеспечены механизмом реализации. В результате такие акты (в том числе в области экологии, здравоохранения, социальной защиты малочисленных народов) носят не столько правовой, т.е. общеобязательный, характер, сколько декларативный. Это обстоятельство является одним из источников правового нигилизма. Правовая неопределенность, возникающая в этом случае, у одних людей, и прежде всего у молодежи, создает ощущение вседозволенности, у других приводит к снижению социальной активности, порождает чувство одиночества и страха за свою судьбу и судьбу своих близких, у третьих вызывает стремление использовать неопределенность действия законов для обогатения любой ценой.

Таким образом, нарушение соответствия между статикой, статистической совокупностью законов и их динамикой, действием в качестве практического регулятора общественных отношений приводит к серьезным негативным последствиям как на индивидуальном, так и на социальном, в том числе этносоциальном, уровне правового воздействия.

Рассматривая причины этих явлений, мы должны обратить внимание на то, что они коренятся не только в правоприменительной практике, но имеют и теоретико-методологическую сторону. То есть разрешение данной проблемы предполагает изменение правопонимания – переход от концепции юридического позитивизма к концепции естественного права, а точнее, их *взаимопроникновение*. Дело в том, что излагаемая проблема не может быть разрешена только на базе юридического позитивизма, который, сводит право к статистической совокупности правовых норм. Что же касается правовых характеристик действия этих норм, отражения в праве объективных общественных процессов, уровня и степени эффективности правовой политики, то все это лежит за пределами позитивистского правопонимания. Поэтому в рамках последнего и не рассматривается, как норма права превращается в реальный институт регулирования общественных отношений, т.е. не рассматривается право в качестве единства возможности и действительности.

Следует сказать, что в прежней социальной системе, когда действовали мощные государственно-централизованные регуляторы, такой пробел был малозаметен. Совершенно иная ситуация сложилась в современный переходный период. К этому можно добавить, что неразработанность механизма реализации закона явилась одной из причин того, что Декларация прав и свобод человека так и осталась декларацией, а не обязательным для всех ветвей власти правовым актом. Поэтому и ряд решений Конституционного суда до сих пор не выполнены. Анализируя проблему соблюдения прав человека в СНГ, М.И.Клеандров справедливо замечает, что из трех необходимых компонентов правовой базы СНГ такой компонент, как механизм обеспечения защиты прав человека при их нарушении, в документах Содружества «не только отсутствует, он даже не “проглядывается”»¹.

Теперь остановимся на вопросе демократического распределения компетенции между субъектами Федерации. Реформирование социально-политических, экономических основ общества повлекло за собой модернизацию федерального законодательства и всей правовой системы Российской Федерации. По-новому обозначилась и проблема адаптации законодательства, т.е. приведения правовой системы России в соответствие с новым видением федерального устройства. За последние годы произошли известные подвижки в данной области, – это признание суверенного характера республик, бывших ранее автономными, существенное расширение их полномочий, общая децентрализация управления, развитие местного самоуправления и т.д. Прекратилась “война законов”. Но проблема продолжает оставаться острой. По-прежнему вопросы разделения полномочий между Федерацией и ее субъектами не прояснены. Не снят и вопрос о том, к какой модели Федерации мы стремимся. Иначе говоря, мы вновь сталкиваемся с проблемой соотношения целого и его частей, общего проекта Федерации и моделей ее субъектов. Такая ситуация порождает противоречивые тенденции: по-прежнему провозглашается, что “можно брать столько суверенитета, сколько получится усвоить”, но в то же время не менее настойчиво утверждается, что расширение предметов ведения и полномочий субъектов Федерации ведет к распаду России.

В этих подходах прослеживаются ошибки и крайности двоякого рода: с одной стороны, недооценка и непонимание роли общих закономерностей развития Федерации в создании обновленного российского федерализма, а с другой – абсолютизация этих общих закономерностей, их фетишизация, непонимание того, что закономерности реализуются в совершенно конкретных автономных формах прав и полномочий субъектов Федерации. Обе эти крайности присущи нашей правовой и политической действительности. Но рассматривая современный переходный период, особо следует отметить первую из них, которая зачастую подменяет подлинный федерализм его популистской формой, его суррогатом. Все это не могло не сказаться и сказывается на ситуации в обществе, являясь одним из источников политической и психологической нестабильности, вызывая конфликты между субъектами Федерации (Чечня), в конечном счете ставя под удар развитие демократических начал.

Каковы же принципы построения федерального законодательства, приведения его в соответствие с новыми условиями России – принципы, которые позволят диалектически снять и преодолеть указанные крайности. В качестве одного из них можно назвать *принцип целостности* федерального законодательства и правовых полномочий субъектов Федерации. Следует подчеркнуть, что принцип целостности не означает механического сложения самостоятельных и независимых друг от друга уровней законов и подзаконных актов, а предполагает взаимодействие общего, особенного и единичного. Другими словами, речь идет о многоуровневой системе прав и полномочий. Первый уровень определяется статусом *первичной общности – этнического коллектива*. На этом уровне самоуправление реализуется непосредственно каждым конкретным человеком с учетом его личных качеств и интересов в рамках прав и полномочий, предоставленных этнической общностью. Второй уровень – это самоуправление в границах *автономного округа*, в рамках делегированных ему и сформулированных им прав и полномочий. Третий уровень – *краевой (областной)* с присущей ему системой прав и полномочий. На этом уровне обеспечиваются потребности автономии, осуществляется координация социально-экономического развития края, области как целого. Четвертый уровень – *федеральный*.

Каждый из этих уровней имеет свою специфику. Остановимся на уровне автономии, государственно-правовом регулировании этносоциальных отношений. Анализ теоретических основ правового регулирования этносоциальных отношений позволяет более предметно раскрыть и понять проблему соответствия федерального законодательства “правовой природе этноса”, т.е. проблему *адаптации* федерального законодательства – приведения его в соответствие со спецификой жизни коренных народов, автономных государственных образований. Решение этой задачи включает в себя, с одной стороны, изменение старых и принятие новых правовых норм, отражающих объективные потребности и интересы малочисленных народов и всех, кто проживает на территории автономий, а с другой – кодификацию законодательства, т.е. качественную переработку действующих юридических норм, устранение их несоответствия “правовой природой этноса”, противоречий в правовом регулировании этносоциальных отношений. На наш взгляд, механизм адаптации – это одно из важнейших средств формирования устойчивой правовой базы, необходимой для этносоциального развития⁴. Однако решение данной задачи затрудняется тем, что в России сложилась совершенно необычная ситуация. С одной стороны, наблюдается стремление выйти на международный уровень правового обеспечения социально-политических процессов, происходящих в стране, осмыслить и осознать такие ключевые категории, как правовое государство, правовая личность, эффективность и рациональность правового регулирования. С другой стороны, разрушаются устоявшаяся правовая система и связанная с ней форма правовой адаптации. Общесоюзное законодательство в основном перестало действовать. Республиканское законодательство, в своей основе повторяющее общесоюзное, оказалось неприемлемым в условиях радикального реформирования экономических, политических и национальных отношений.

Разрабатывая и принимая правовые акты, законодательная ветвь власти России за последние годы так и не смогла сформировать новую правовую систему и тем более механизм ее реализации, особенно применительно к этносу. Многие законы, принятые на федеральном уровне, в той или иной части противоречат друг другу, страдают отсутствием адаптационного механизма как на стадии правотворчества, так и на стадии правоприменения. Все это негативно сказалось на юридической практике, породило беззаконие, повлекло за собой нестабильность в государственной и общественной жизни. Изменения, вызванные проводимой в стране реформой, не носят поэтапного, постепенного характера, т.е. не опираются на эффективные методы правовой технологии, а напротив, характеризуются радикализмом, оборачиваются бездумным разрушением накопленного прежде протекционистского опыта. В результате произошло резкое падение жизненного уровня населения, и прежде всего у наиболее незащищенных слоев, в том числе у малочисленных народов, традиционный образ жизни которых находится в определенной зависимости от протекционистской политики государства. В этих условиях особенно важно обеспечить малым народам правовую защищенность, создать для них юридические гарантии, причем такие, которые позволят небольшим этническим группам жить относительно независимо от политической и экономической конъюнктуры.

Сегодня правовое регулирование статуса малочисленных народов осуществляется в субъектах Федерации неравномерно, с использованием различных подходов. В одних субъектах Федерации действует разветвленное законодательство (Республика Саха (Якутия), Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), в других картина иная: законодательство либо не развито, либо полностью отсутствует⁵.

Анализ системы правовых актов, регулирующих автономии и статус малочисленных народов, показывает нерешенность ряда важных вопросов. При этом следует заметить, что региональное законодательство не разрешает этой проблемы, так как в соответствии с Конституцией РФ «регулирование прав национальных меньшинств» относится к ведению Федерации. В то же время уже несколько лет в Федеральном Собрании обсуждаются, но так и не приняты проекты законов «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «О землях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Принятие этих законов приблизило бы нас к формированию целостной системы правовых актов, обеспечивающих устойчивую жизнь малочисленных народов России.

Что касается специфической основы правовой адаптации применительно к автономии, то здесь в этом качестве выступает прежде всего система *самоуправления*, включенная в систему демократических институтов. Следует заметить, что в современной ситуации самоуправление и демократия в политике и управлении нередко трактуются как явления, связанные внешне, при этом, к сожалению, самоуправление часто занимает периферийное место в системе демократических институтов. Об этом говорят такие факты, как затянута разработка правовых основ самоуправления, неразработанность механизма разграничения прав и полномочий между субъектами власти и управления, отсутствие механизма адаптации законодательства Российской Федерации по отношению к специфике ее субъектов, особенно автономным государственным образованиям.

Сложившаяся ситуация убедительно свидетельствует о необходимости и важности разработки системы адаптации общедофедерального законодательства применительно к автономии. О такой необходимости заявляют и главы администраций автономий. Они считают, что создание адаптационного механизма – общедофедерального законодательства – одна из первоочередных задач правового обеспечения возрождения народов Сибири.

Проблемы адаптации федеративного законодательства к специфике автономии взаимосвязаны и взаимообусловлены с проблемами самоуправления. Можно сказать, что если не будет создана система самоуправления на уровне автономии, то и система адаптации останется пустой декларацией. Самоуправление в границах автономного округа должно быть делегировано ему и формулируется в системе компетенции, т.е. объеме прав и полномочий. В соответствии с этим самоуправление на территории округа должно осуществляется, во-первых, самим населением через собрания, сходы граждан, местные референдумы, иные формы непосредственной демократии; во-вторых, местными представительными органами власти и местной администрацией (городского, районного, сельского, поселкового звеньев); в-третьих, органами территориального общественного самоуправления. В осуществлении местного самоуправления участвуют общественные объединения граждан, созданные в установленном законом порядке.

Этот подход предполагает не только реформирование существующей правовой базы, но и создание собственных (на уровне автономии) структур управления. Особенно это относится к ключевым проблемам жизнедеятельности народов Севера, и одной из них является проблема использования природных ресурсов территорий. С учетом этого целесообразно создание новой правовой и структурно-управленческой базы. Это позволит выйти на новый тип федерации, базирующейся на диалектической взаимосвязи централизованного и децентрализованного типов управления, что, в свою очередь, придаст устойчивость развитию каждого субъекта РФ и протекающих в стране демократических процессов.

Важной составляющей адаптации федеративного законодательства к специфике автономии является также создание условий, необходимых для правовой *самоопределенности* и самостоятельности автономии. В данном случае речь идет о системе полномочий, закрепляющих право на *собственное* правотворчество и законодательство автономии в рамках полномочий федерации. При таких полномочиях автономия становится относительно самостоятельной не только в социально-экономической сфере самоуправления, но и в сфере законодательной, правотворческой.

Правовая сфера самоуправления базируется на следующих основных положениях: конституционности и законности; демократизме и социальной справедливости; первоочередной защите прав и интересов человека, личности, гражданина; равенстве всех живущих на территории автономии граждан перед законом и судом; оптимальном сочетании личностных, национальных, государственных и общественных ценностей и интересов; свободном волеизъявлении многонационального народа автономии при выборе форм своего самоопределения; свободе национального развития каждой населяющей автономию народности,

национальной, этнической группы на основе взаимного уважения и доверия; учете мест компактного проживания аборигенного и коренного населения при формировании административно-территориального устройства округа и государственно-правовых структур на его территории.

Изложенный подход, как нам представляется, позволяет преодолеть имеющиеся сегодня крайности. С одной стороны, он дает возможность избежать “самоуправления”, которое лишь на словах является таковым, а на деле лишено реального содержания, а с другой – предохраняет систему федеративного управления от распада, сепаратизма. Этот подход придает всей системе управления и, главное, отдельным ее уровням форму *саморазвития* (каждый уровень – реальное звено общей цепи самоуправления), одновременно “освобождая” каждый уровень управления как от административно-командного диктата, так и от жесткой патерналистской политики⁶.

Примечания

¹ См.: Закон в переходный период: опыт современной России (“круглый стол” журнала) // Гос. и право. – 1995. – № 10. – С. 28–61.

² Там же. – С. 46.

³ Клеандров М.И. Очерки российского судопроизводства: Проблемы настоящего и будущего. – Новосибирск, 1998. – С. 35.

⁴ См.: Черненко А.К. Сибирь в правовом пространстве // Сибирь в геополитическом пространстве XXI века. – Новосибирск, 1998. – С. 168–181.

⁵ См.: Статус малочисленных народов России: правовые акты / Сост. В.А.Кряжков. – М., 1999. – Кн. 2.

⁶ Следует заметить, что проблема адаптации федерального законодательства применительно к специфической природе автономий есть один из путей разрешения проблемы интернационализации и национального вопроса, анализ которой проведен Ю.В.Попковым (см.: Попков Ю.В. Интернационализация и национальный вопрос // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 3. – Новосибирск, 2000. – С. 10–14).

Т.В.Климова
(г. Алматы)

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРА О ТАМОЖЕННОМ СОЮЗЕ И ЕДИНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ И СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Двадцатый век был ознаменован событиями, существенно изменившими ситуацию в мире. В новых независимых государствах – бывших республиках СССР начались коренные преобразования, изменились подходы к формированию и реализации экономической и социальной политики. С полной уверенностью можно утверждать, что наступающее столетие станет веком глобальной экономической интеграции, веком господства новых технологий, новых экономических и социальных отношений, новой психологии людей. И это закономерно, поскольку интеграционные процессы предопределены самой эволюцией мирового хозяйства.

В настоящее время интеграция осуществляется как в глобальном масштабе, так и путем создания, укрепления и развития крупных межрегиональных государственных блоков, в том числе блока государств – участников Таможенного союза. Для этого есть объективные предпосылки, – такой предпосылкой является воля народов.

Сложность современной социально-экономической ситуации во всех странах Содружества отразилась на состоянии социальной сферы. Прежде всего отметим, что *распалась единая система общего, профессионального и высшего образования, а также подготовки и переподготовки кадров, повышения квалификации*. Различия в учебных программах и требованиях к общему и профессиональному образованию, либерализация организации высшего образования в ряде государств СНГ привели к снижению общеобразовательного и профессионального уровня у трудоспособного населения. Обострился дефицит квалифицированных специалистов.

На начало 1998/99 уч. г. в странах Содружества подготовку кадров со средним специальным образованием осуществляли 4,4 тыс. учебных заведений (техникумы, колледжи), и их количество практически не изменилось по сравнению с 1991/92 уч. г. Однако в средние специальные учебные заведения стран Содружества в 1998 г. было принято на обучение немногим более 1,1 млн чел., или на 12% меньше, чем в 1991 г.

Резкое сокращение выпуска из средних специальных учебных заведений во многом связано с ухудшением материального благосостояния населения и необходимостью работать дополнительно, вследствие чего у желающих получить среднее специальное образование возникает недостаток свободного времени и они вынуждены досрочно прерывать свое обучение.

Анализ итогов реформирования высшего образования показал, что в 1998/99 уч. г. в ряде стран Содружества продолжала расширяться сеть высших учебных заведений (академий, университетов, институтов, консерваторий). На начало учебного года подготовку специалистов с высшим образованием осуществляли более 1,9 тыс. учебных заведений с численностью студентов в них свыше 6,1 млн чел., что больше, чем в 1991/92 уч. г., соответственно в 2 раза и на 24%.

Однако увеличение численности студентов и расширение сети вузов в значительной степени происходит за счет активного развития *негосударственных учебных заведений*, обучение в которых организовано на коммерческой основе и является полностью или частично платным. На начало 1998/99 уч. г. было 822 таких вуза (42% от общего числа вузов в странах СНГ), численность обучающихся в них составляла 548 тыс. чел. (9% от общей численности студентов). В Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане, Молдове от 20 до 35% студентов обучаются в негосударственных вузах, тогда как в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане все высшие учебные заведения являются государственными.

До 1995 г. сокращалась численность студентов на факультетах и отделениях, ведущих подготовку по инженерно-техническим и сельскохозяйственным специальностям, и интенсивно росла на факультетах и отделениях, готовящих экономистов, юристов, просветительских работников, специалистов в сфере искусства и кинематографии. В последние годы интерес к инженерно-техническим и сельскохозяйственным профессиям начал восстанавливаться, особенно в Беларуси, Казахстане, России и на Украине. В среднем по странам СНГ численность студентов по специальностям промышленности, строительства, транспорта и связи в 1998 г. составила 34% общей численности обучающихся и по сравнению с 1991 г. увеличилась на 9%.

Снижение жизненного уровня и трудовой активности населения оказывает негативное влияние на морально-психологическое состояние людей. В результате *ухудшаются здоровье населения и демографическая ситуация*: сокращается продолжительность жизни, возникают заболевания, связанные с неблагоприятными условиями, снижается рождаемость, в отдельных регионах наблюдается депопуляция населения.

Численность населения стран Содружества на начало 1999 г. составила 283,5 млн чел. Сокращение численности в 1998 г. произошло в Беларуси, Казахстане, Молдове, России и на Украине. За первое полугодие 1999 г. население Беларуси уменьшилось на 30 тыс. чел., Молдовы – на 2,5 тыс., России (за семь месяцев) – на 467 тыс. (почти вдвое больше убыли за соответствующий период предыдущего года), Украины (за пять месяцев) – на 183 тыс. чел.

В Казахстане, по итогам Первой национальной переписи населения, проведенной в феврале 1999 г., численность населения составила 14953,1 тыс. чел. Общая численность казахстанцев за межпереписной период (с 1989 по 1999 г.) уменьшилась на 1246,1 тыс. чел. Население Казахстана сократилось в основном за счет снижения численности в его северных регионах: на одну пятую часть – в Акмолинской, Северо-Казахстанской, Карагандинской областях, чуть меньше – в Кустанайской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской. Прирост постоянного населения отмечен в южных областях: в Южно-Казахстанской – на 154,8 тыс., или на 8,5%, в Кызыл-Ординской и Атырауской – более чем на 21 тыс. и 15 тыс. соответственно. За межпереписной период изменился этнический состав населения Республики Казахстан. Численность казахов выросла повсеместно всего на 1488,2 тыс. чел., или на 22,9%. Их удельный вес в населении республики увеличился с 40 до 53,4%. Численность русских, напротив, сократилась на 1582 тыс. чел., а их удельный вес снизился с 37,4 до 30%.

Почти на 40 тыс. чел., или на 12%, увеличилась численность проживающих в Казахстане узбеков, на 28,8 тыс., или на 16%, – уйгур. На 7 тыс. чел. возросло число курдов и дунган. В республике значительно уменьшилось число немцев – на 593 тыс., украинцев – на 328 тыс., татар – почти на 72 тыс., белоруссов – на 66 тыс.¹

Одним из основных индикаторов, отражающих уровень социально-экономического развития стран СНГ, является *смертность населения*. Уровень общей смертности в 1998 г. по сравнению с 1995 г. снизился в среднем по Содружеству на 8,5%. Заметно уменьшилась смертность от несчастных случаев, убийств, самоубийств и других внешних воздействий. Однако уровень смертности остается все еще высоким. Основной причиной высокого уровня смертности являются болезни системы кровообращения, занимающие лидирующее место в структуре причин смерти во всех странах Содружества и особенно характерные для лиц пожилого возраста.

Приостановившийся рост смертности, наблюдавшийся в ряде стран СНГ в 1997–1998 годы, обусловил некоторое повышение показателя ожидаемой продолжительности жизни, особенно среди мужского населения. По сравнению с 1996 г. показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении увеличился в 1997 г. на один год в Азербайджане (71,2 года) и Армении (73,9 года), на 0,5 года – для мужчин Казахстана (59 лет). По сравнению с 1997 г. ожидаемая продолжительность жизни увеличилась в 1998 г. для мужского населения России на 0,5 года (61,3 года) и Украины – на 0,8 года (62,7 года).

Снижение общей смертности населения в последние годы не оказало существенного влияния на его естественный прирост в связи со значительным снижением рождаемости.

В Российской Федерации демографические процессы имеют свои особенности. Так, по данным статистического агентства, в январе-августе 1999 г. в России продолжались падение уровня рождаемости (на 4,7%) и рост смертности (на 6,5%). Приток иммигрантов возместил естественную убыль населения лишь на 12%, тогда как за январь-август 1998 г. – на 42,5%. По данным Госкомстата РФ, в 1997 г. естественная убыль отмечалась в 71 из 89 российских регионов (субъектов Федерации), особенно в регионах с абсолютным преобладанием русского населения. В Центральной России, в треугольнике Москва – Санкт-Петербург – Нижний Новгород, образовалась «демографическая пустыня», где уровень смертности превышает рождаемость в несколько раз².

Во всех странах Содружества *снизились суммарные показатели рождаемости*. В большинстве стран суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за всю жизнь) ниже 2,15, что не обеспечивает простого воспроизводства населения.

На снижение уровня рождаемости наряду с другими факторами повлияло ухудшение материальных условий жизни населения. Сегодня семье, особенно молодой, не всегда под силу обеспечить новорожденных полноценным питанием и надлежащим уходом. Например, в России доля безработных в возрасте 20–24 лет среди экономически активного населения соответствующего возраста составила в мае 1999 г. 21%, в возрасте 25–29 лет – 15%.

Ухудшение социально-экономического положения, обострение внутривнутриполитической обстановки в странах постсоветского пространства способствуют *росту масштабов нерегулируемых миграционных процессов*. Наиболее разветвленные миграционные потоки имеет Казахстан. Так, только за 1998 г. из Казахстана выехало 193866 чел., из них в Азербайджан – 345, в Армению – 63, в Беларусь – 5177, в Грузию – 76, в Кыргызстан – 2046, в Молдову – 320, в Россию – 178026 (в том числе 127385 русских), в Таджикистан – 65, в Туркменистан – 419, в Узбекистан – 2682, на Украину – 4647 чел. Как видим, наибольшее число мигрантов из Казахстана выехало в Российскую Федерацию.

Выбывают граждане с довольно высоким социальным статусом. В 1998 г. 3970 чел. с высшим образованием выехало из Казахстана в страны вне СНГ, 51906 чел. – в страны СНГ. Прибыло в республику в этот же период 380 чел. с высшим образованием из стран вне СНГ, 12024 чел. – из стран СНГ³.

Миграционные связи России – односторонние со всеми государствами СНГ и странами Балтии, и в 1999 г. продолжалось снижение интенсивности миграционных потоков из них. Число мигрантов из этих государств сократилось на 128,1 тыс. чел., или на 25,9%. В результате уменьшения потока мигрантов (при том, что эмиграция не претерпела заметных перемен) миграционный прирост населения России по сравнению с 1998 г. уменьшился почти вдвое (на 135,4 тыс. чел.). Величина сальдо миграции в 1999 г. была зафиксирована на самом низком уровне за предыдущие восемь лет. Все же положительный миграционный прирост сохранялся за счет всех стран СНГ (кроме Беларуси) и стран Балтии. На долю Казахстана приходилось 47,9% мигрантов⁴.

Миграционная активность населения стран СНГ снизилась после кризиса августа 1998 г., поскольку сузился рынок труда, прежде всего в сфере малого предпринимательства, где находят рабочие места многие мигранты. Россия потеряла ряд преимуществ, в том числе в оплате труда: заработная плата в 1998 г. сократилась до 108,1 долл. против 164,3 долл. в 1997 г., или на 34%. По уровню заработной платы Россию опередил Казахстан, где она составляла 119,4 долл. Положительное сальдо миграции России в обмене с Казахстаном в 1998 г. уменьшилось на 20% и составило 183 тыс. чел. Этот итог сложился в основном за счет активного выезда в Россию русскоязычного населения.

Более половины мигрантов, переселившихся в Россию из других стран СНГ, – русские (54%). В 1998 г. поток русских стал менее интенсивным, поскольку их численность в странах СНГ сократилась. Однако интенсивность выезда русских и русскоязычного населения из Казахстана по-прежнему остается достаточно высокой. Миграция населения в Россию положительно сказывается на ее демографической ситуации, ибо частично компенсирует естественную убыль населения. В 1998 г. миграционный прирост на 41% возместил естественную убыль российского населения, в 1996–1997 гг. это возмещение составило около 50%.

Масштабы миграционного обмена России и Казахстана с дальним зарубежьем значительно меньше, чем между собой, однако их оценка также важна для анализа состояния национальных рынков труда. Особенностью этой миграции является резкое превышение эмиграции над иммиграцией, в результате чего Россия и Казахстан теряют часть трудовых ресурсов, как правило, высококвалифицированных специалистов.

Пик эмиграции в странах Содружества пришелся на 1991 г., когда после снятия всех ограничений по выезду, имевших место в СССР, реализовалась так называемая отложенная миграция: из России выехало 760 тыс. чел., из Казахстана – 78,3 тыс. (пик выезда пришелся на 1994 г. – 410 тыс.). В последующие годы поток эмиграции резко сократился и в 1992–1998 гг. находился на стабильном уровне: примерно 100 тыс. чел. выезжало ежегодно из России, 50 тыс. – из Казахстана.

Эмиграция имеет ярко выраженный этнический характер. Основную часть выезжающих из России составляют три большие этнические группы: немцы, евреи и русские. Последние выезжают преимущественно в составе смешанных семей. В структуре эмиграционного потока 96% приходится на выбывающих в Германию, Израиль, США и Грецию. Основной поток эмигрантов из Казахстана составляют немцы, возвращающиеся на свою историческую родину. За 90-е годы из этой республики выехало более 500 тыс. немцев.

Масштабы иммиграции в страны СНГ из дальнего зарубежья крайне незначительны. В 1998 г. в Россию прибыло 25,5 тыс. чел., в Казахстан – 2,3 тыс. Однако размеры нелегальной миграции из стран дальнего зарубежья, как минимум, на порядок выше, чем легальной, а ее влияние на национальные рынки и общий рынок труда весьма существенно.

Незаконная миграция приводит к социальной напряженности в странах Содружества, поскольку нелегальные иммигранты нередко занимаются незаконной коммерческой деятельностью, контрабандой, включая ввоз и сбыт оружия, наркотиков и т.д. Нелегальная миграция ухудшает криминогенную обстановку, способствует распространению терроризма. Порядок пребывания иммигрантов во всех странах не отлажен, они годами живут, не имея вида на жительство и возможности устроиться на работу.

Огромную проблему составляют сегодня *вынужденные мигранты*. По данным Федеральной миграционной службы (ФМС) РФ, на 1 января 1992 г. в России было зарегистрировано около 400 тыс. мигрантов (главным образом это жертвы землетрясения в Армении и межнациональных конфликтов в Нагорном Карабахе и Средней Азии). В 1992–1993 гг. основные потоки пошли из Таджикистана и Закавказья (прежде всего из Абхазии), в 1994–1995 гг. – из Казахстана и Узбекистана, в 1996–1997 гг. из Чечни, а также Казахстана, Таджикистана и Узбекистана⁵.

Почти каждому пятому иммигранту, прибывшему из государств – участников СНГ и стран Балтии в 1999 г., в территориальных органах ФМС России присвоен статус вынужденного переселенца или беженца. Удельный вес вынужденных мигрантов в общей численности иммигрантов значительно различается по странам выхода: соответствующий статус получили около 40% прибывших из Эстонии, 36 – из Таджикистана, 31 – из Казахстана, 26% – из Узбекистана. Всего, по данным ФМС России, на 1 января 2000 г. в стране насчитывалось около 1 миллиона вынужденных переселенцев и беженцев. Более трети из них (316,8 тыс.) составляли бывшие жители Казахстана, 14% (133,4 тыс.) – Узбекистана, 11% (108,4 тыс.) – Таджикистана⁶.

Более 60 тыс. беженцев из Таджикистана оказались в Афганистане, 195 тыс. – в странах СНГ, около 700 тыс. сменили место жительства внутри самого Таджикистана. Полностью или частично были сожжены 35 тыс. домов, 56 тыс. детей остались сиротами, 66 тыс. чел. стали жертвами братоубийственной войны, 27 тыс. семей остались без кормильцев. Правительство Республики Таджикистан при поддержке стран Центральной Азии и России, а также международных организаций провело огромную работу по возвращению беженцев и вынужденных мигрантов в родные места. С января 1993 г. по январь 1999 г. из Афганистана возвращены на родину 51 тыс. беженцев. Из 195 тыс. беженцев, оказавшихся в странах СНГ, возвращены 14 тыс. чел. – в основном из Российской Федерации, Туркменистана, Кыргызстана, Узбекистана. Из 697 тыс. чел. вынужденных переселенцев, сменивших место жительства внутри страны, возвращены в родные места более 690 тыс. В настоящее время беженцы и вынужденные переселенцы, которые хотели вернуться в Таджикистан, сделали это. Однако часть выехавших продолжают проживать за пределами Таджикистана. На конец 1999 г. в странах СНГ проживали 30,2 тыс. семей бывших беженцев, из них 28,4 тыс. – в России, 2,4 тыс. – в Кыргызстане, 205 семей – в Казахстане.

Как видим, под влиянием политического фактора части трудовых ресурсов пришлось переселиться за пределы своей страны и влиться в рынок труда других стран СНГ, преимущественно в рынок труда России. Тем самым был сделан первый серьезный шаг в сторону активизации миграционной подвижности населения. В последующем эти беженцы, по существу, открыли путь для активной миграции трудоспособной

молодежи в страны СНГ с целью трудоустройства и добывания средств к жизни. Стало явно ощущаться участие переселенцев в формировании рынка труда стран Содружества, и в первую очередь рынка труда России.

Желание части населения перебраться на место жительства в другую страну во многом обусловлено *более высоким уровнем жизни* в ней. Это доставляет принимающей стране серьезные политические, социальные и финансовые трудности.

В Беларуси индекс потребительских цен в декабре 1999 г. по отношению к декабрю 1998 г. составил 351%, в Молдове – 144, в Кыргызстане – 140, в России – 137, в Таджикистане – 130, в Узбекистане – 126, на Украине – 119, в Казахстане – 118 и в Азербайджане – 99,5%. Сравнение уровней цен, выраженных в долларовом эквиваленте по курсу национальных банков, показывает, что в декабре 1999 г. в Казахстане молоко было в 2 раза дороже, чем в Кыргызстане, вермишель – на 37%, говядина – на 26%, по сравнению с Россией говядина и вермишель были дороже на 12%, а молоко, напротив, – дешевле на 6,2%. Стоимость продовольственного набора, состоящего из шести основных продуктов питания (1 кг говядины, масла сливочного, хлеба пшеничного, картофеля, 1 л молока и 1 дес. яиц), в столице Казахстана в январе 2000 г. по сравнению с декабрем 1999 г. увеличилась на 6,8%, в Бишкеке – на 5,6, в Ташкенте – на 2,6%, а в Москве осталась на уровне 1999 г.⁷

Распад единого государства разрушил *единый рынок труда*. В числе характерных особенностей национальных рынков труда стран Содружества в 1999 г. следует отметить

- снижение масштабов зарегистрированной безработицы (при сохранении в большинстве стран относительно высокого уровня общего числа безработных, определенного по методологии Международной организации труда);

- интенсивную внутреннюю миграцию (между отраслями и секторами экономики);

- крайне незначительную внешнюю миграцию рабочей силы.

Общее число безработных в странах Содружества, включая численность ищущих работу самостоятельно (без обращения в службы занятости), в среднем за 1999 г., по оценке, составило 14 млн человек (11% численности экономически активного населения), в том числе в Беларуси – 0,4 млн человек (8%), в Грузии – 0,3 млн (13%), в Казахстане – около 1 млн (13%), в Молдове – 0,2 млн (11%), в России – 8,6 млн (12%), на Украине – 2,4 млн человек (10%)⁸.

Наиболее высокий уровень безработицы в ноябре 1999 г. был зарегистрирован в Армении (11,5% от всего экономически активного населения), в Грузии (5,4%) и на Украине (4,2%), наиболее низкий – в Узбекистане (0,5%). В Казахстане уровень официальной безработицы в конце декабря 1999 г. оставался на уровне января того же года – 3,9%, в России он увеличился на 1,3% по сравнению с предыдущим месяцем⁹.

В России на одно вакантное место на рынке труда приходится 2,2 чел., в Казахстане – 29. Таим образом, напряженность на рынке труда в Казахстане в 13 раз выше, чем в России, что является одной из причин миграции населения из этой республики в Российскую Федерацию. В сельской местности Казахстана напряженность на рынке труда значительно выше: на одно рабочее место претендуют 140 чел. И это несмотря на то, что многие сельские жители стали перебираться в город, освободились рабочие места в связи с выездом русскоязычного населения.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о *необходимости продолжения поэтапной, систематизированной и целенаправленной работы по созданию благоприятных условий для получения образования, доступа на рынки труда, товаров и услуг в рамках стран Содружества*.

Становление бывших союзных республик в качестве суверенных государств проходило и проходит с огромными трудностями и потерями в экономическом и социальном плане. На наш взгляд, у новых независимых государств есть три возможных варианта дальнейшего существования:

- первый – остаться разобщенными, довольствуясь достигнутыми суверенитетом и независимостью, задачи социально-экономического развития решать самостоятельно, опираясь на собственные силы;

- второй – быть включенными в орбиту экономических интересов и влияния более сильных соседних государств;

- третий – развивать интеграционные связи с бывшими союзными республиками, поставив общей задачей формирование нового центра мирового развития – единого экономического пространства на территории бывшего СССР¹⁰.

Таможенный союз как интеграционное объединение создавался на принципах последовательности, поэтапности развития. В 1993 г. он оформился в рамках экономического союза в Содружестве Независимых Государств, в 1995 г. Россия, Беларусь и Казахстан подписали соглашение о Таможенном союзе (позднее к ним присоединились Кыргызстан и Таджикистан), в марте 1996 г. был заключен базовый Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях, зарегистрированный в Секретариате ООН 1 мая 1998 г. В феврале 1999 г. страны – участницы Таможенного союза

вышли на более высокую ступень интеграции – заключили *Договор о Таможенном союзе и едином экономическом пространстве*. Этим договором констатируется, что предыдущая задача, состоявшая в создании режима свободной торговли (во всяком случае, в части правового механизма), в основном решена и участникам надо поставить перед собой качественно новую цель – формирование единого экономического пространства.

За время существования Таможенного союза были подписаны десятки двух- и многосторонних соглашений и договоров по различным аспектам интеграционного взаимодействия. Новый договор является своего рода квинтэссенцией решений, принятых ранее в рамках Таможенного союза. При этом он диалектически развивает их. Если коротко обозначить новизну задач, то можно сказать, что создание единой таможенной территории и единого экономического пространства расширяет возможности формирования общего рынка товаров, услуг, капитала, рабочей силы, создания единых транспортных, энергетических, научно-технологических, информационных систем, позволяет сблизить, унифицировать национальные законодательства по внешнеэкономическим вопросам.

Помимо соглашений по глобальным экономическим проблемам интеграции в рамках Таможенного союза принят блок договоров по социальным вопросам, создана правовая база реализации заявления “*О десяти простых шагах навстречу простым людям*”, принятого президентами государств – участников Таможенного союза (решение № 25 от 28 апреля 1998 г.).

Опыт сотрудничества стран, входящих в Содружество Независимых Государств, показывает необходимость их взаимодействия в социальной и гуманитарной областях на качественно новом уровне. Его целью должно быть создание для народов наших государств условий прежде всего для свободного общения. Нам представляется, что решение в полном объеме этой сложной многоуровневой задачи зависит от целого ряда факторов, влияющих на углубление разностороннего социально-гуманитарного сотрудничества. Среди этих факторов одним из основных является предоставление на своей территории каждому гражданину любого из государств – участников Договора от 29 марта 1996 г. таких же прав, какие предоставлены гражданам своего государства. К ним относятся следующие:

право на перемещение, поселение и проживание. Это предполагает сохранение сложившегося безвизового режима при пересечении внутренних границ в рамках СНГ при одновременном проведении единой визовой политики в отношении третьих стран; отмену таможенных деклараций, организацию в аэропортах специального коридора для граждан государств – участников Таможенного союза, пересечение внутренних границ без личного досмотра; отмену системы регистрации в правоохранительных органах при временном проживании на территории другого государства-участника, признание национальных документов, удостоверяющих личность и гражданство; свободу в выборе места пребывания и жительства в данном государстве; обеспечение равных прав и возможностей для граждан, постоянно проживающих на территориях других государств – участников Таможенного союза (права на участие в приватизации собственности, приобретение жилья, права в отношении гражданско-правовых сделок, прав на усыновление, опеку, попечительство);

право на получение гражданства. Это означает право граждан, проживающих на территориях государств – участников Таможенного союза, на свободу выбора гражданства любого из этих государств, введение более льготных условий для приобретения гражданства путем постепенного снятия ограничений, включая сокращение сроков рассмотрения документов, установленных достигнутыми ранее договоренностями, и выбытия из него с сохранением при этом всех социальных гарантий, распространяемых на граждан страны пребывания;

право на трудоустройство и предпринимательскую деятельность. Предполагаются право на выбор труда, рода деятельности с учетом трудового стажа в любом государстве – участнике Таможенного союза, на участие в конкурсах на занятие соответствующих вакантных должностей в государственных учреждениях, за исключением случаев, требующих гражданства страны трудоустройства, а также в научных и учебных заведениях, право на выбор профессии и свобода распоряжения своими способностями к труду в соответствии с уровнем образования на основе признания документов об образовании, ученых степенях и званиях, квалификации работников с учетом спроса на национальном рынке труда;

гражданские права. Речь идет об обеспечении на территории своего государства всеми властными институтами, в том числе правоохранительными структурами, защиты гражданских прав и свобод гражданам любого из государств, входящих в Таможенный союз, гарантированном оказании им правовой помощи в любой отрасли права – гражданской, административной, уголовной и т.д., защите прав потребителей, предоставлении нотариальных, адвокатских услуг;

право на получение образования. Оно выражается в предоставлении всем гражданам государств-участников возможности получить образование – от начального до высшего и послевузовского – на основе взаимно признаваемых документов об образовании, в расширении образовательной базы путем открытия со-

вместных высших учебных заведений, филиалов учебных заведений, а также в предоставлении возможности пройти профессиональное обучение и переподготовку в средних специальных учебных заведениях любого из государств-участников;

право на информацию. Это означает предоставление возможности свободно подписываться и получать газеты, журналы и другие периодические издания, пользоваться библиотечным фондом, реанимирование книжной торговли по системе “Книга – почтой” для индивидуальных пользователей, обеспечение доступа к просмотру основных телевизионных программ и прослушиванию радиопередач любого из государств – участников Таможенного союза путем расширения теле- и радиовещательной сети, объемов и сеток вещания, совместного производства теле- и радиопрограмм;

право на медицинское обслуживание. Здесь гарантируются равные права на получение всеми гражданами государств-участников необходимой медицинской помощи на территориях этих государств, на специализированную медицинскую помощь, включая реабилитационную помощь взрослому и детскому населению, на медицинскую помощь при заболеваниях, возникающих в экстренных, чрезвычайных ситуациях, при несчастных случаях, травмах, родах, на плановую помощь по видам заболеваний, на профилактический осмотр, охват вакцинацией, обеспечение медикаментами граждан из группы риска (больных диабетом);

право доступа к достижениям науки и культуры. Имеются в виду обеспечение всем гражданам свободы литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, право участвовать в культурной жизни, форумах, фестивалях, конкурсах, спортивных мероприятиях, поддержка национальных театров, прикладного искусства и т.д., самобытных языков, обеспечение права пользоваться учреждениями культуры, обеспечение доступа к культурным ценностям, достижениям науки и техники, находящимся в государственных и общественных фондах;

право на собственность. Речь идет о предоставлении права на приобретение движимого и недвижимого имущества, в том числе получаемого в порядке наследования, владение, пользование и распоряжение им на территории любого государства – участника Таможенного союза, права на участие в приватизации недвижимости, а также об обеспечении свободного движения финансовых средств для осуществления этих операций, доступа к информационным системам рынка недвижимости;

право на социальное обеспечение. Предусматривается предоставление при переезде на постоянное место жительства в другое государство, участвующее в Таможенном союзе, равного права на получение пенсии по возрасту, с учетом трудового стажа, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца, для воспитания детей, а также на другие виды социальной поддержки (обеспечение инвалидными колясками, ортопедической обувью, бесплатное протезирование). Кроме того, здесь предполагается государственный протекторат прожиточного минимума (государственные гарантии минимальной заработной платы, пенсий, и социальных пособий не ниже прожиточного минимума).

Принятый в 1999 г. Договор о Таможенном союзе и едином экономическом пространстве предполагает *свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы* на территориях государств-участников. При этом создание общего рынка труда является более сложной задачей, чем формирование общего рынка товаров и капиталов, ибо за этим стоят живые люди, которым должны быть обеспечены право и возможность реализовать свои способности к труду в благоприятных условиях и соответствующая оплата труда в любом из государств-участников.

Однако пока в этих государствах отсутствует взвешенная миграционная политика, основанная на реальной оценке демографического развития, ситуации, сложившейся на рынке труда, с учетом всех положительных и отрицательных моментов использования рабочей силы из других стран СНГ. Законодательные и исполнительные органы власти не проявляют необходимого стремления к реализации уже заключенных межгосударственных соглашений и договоров, способствующих формированию единого цивилизованного рынка труда.

Проблемы формирования единого рынка труда в государствах – участниках Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве стали предметом обсуждения на международной конференции, проведенной Интеграционным комитетом совместно со Всеобщей федерацией профсоюзов в феврале 2000 г. в Москве. На конференции были приняты рекомендации, которые содержат предложения по лучшему использованию трудового потенциала в каждом отдельном государстве, формированию благоприятных межгосударственных отношений в социально-трудовой сфере, выравниванию условий труда и социальных гарантий для граждан государств-участников и повышению эффективности совместного использования совокупного трудового потенциала.

Исходя из реальной ситуации на национальных рынках труда и с учетом уже принятых в рамках договора соглашений в сфере регулирования социально-трудовых отношений *признано необходимым разработать и принять концепцию*, в которой будут сформулированы цель, принципы, задачи и оговорены этапы

формирования общего рынка труда, обозначены приоритеты и механизмы реализации политики в социально-трудовой сфере. Кроме того, Интеграционным комитетом разработаны и утверждены Основные направления сотрудничества в гуманитарной сфере.

Проект указанного документа предусматривает сотрудничество в сферах образования, культуры, молодежной политики, спорта и туризма, информации, медицины и здравоохранения, социальной защиты, занятости и миграции, поддержки соотечественников, а также разработку нормативно-правовых документов по реализации соответствующих мероприятий. Осуществление этих мероприятий создаст условия для разработки совместных проектов и программ формирования межгосударственных общественных структур в сфере информационного обеспечения, науки, культуры, образования, здравоохранения, спорта и туризма в целях взаимообогащающего сотрудничества между государствами-участниками. Это также позволит ускорить процесс адаптации граждан, проживающих на территориях государств-участников, к новым социально-экономическим условиям государства проживания, удовлетворить их информационные, культурные и образовательные потребности, обеспечить социально-трудовые права.

Общий рынок труда и согласованная социальная политика составляют одну из целей формирования единого экономического пространства. Положения шестого раздела Договора о Таможенном союзе и международные договоры, заключенные в рамках заявления "О десяти простых шагах навстречу простым людям", являются основанием для проводимой Интеграционным Комитетом совместно с государственными органами государств-участников *работы по гармонизации национальных законодательств*.

Правоотношения в социально-трудовой сфере, установленные в рамках Таможенного союза, регламентируются 11 международными договорами, из них семь вступили в силу. В них содержится 52 правоустанавливающие нормы, предполагающие такие формы гармонизации, как заключение двусторонних соглашений, принятие решений органами управления интеграцией и внесение изменений и дополнений в законодательные и подзаконные акты государственных органов государств-участников. Международные договоры содержат 24 положения, предусматривающих последующее внесение изменений и дополнений в целый ряд национальных законов, а также в гражданские, налоговые и трудовые кодексы.

Кроме того, из международных договоров вытекает необходимость внесения более 50 поправок (изменений и дополнений) в национальные ведомственные акты. Сюда входят поправки в акты правительств, министерств иностранных дел, внутренних дел, образования, миграционных служб, министерств труда, центральных таможенных органов, национальных (центральных) банков, министерств здравоохранения, финансов, почтовых ведомств, органов обороны, безопасности, внутренних дел, пограничных служб, центральных органов, уполномоченных в области связи и коммуникаций, а также центральных органов, уполномоченных в области средств массовой информации.

Государственными органами государств-участников принято более двух десятков актов, направленных на гармонизацию в соответствии с международными договорами, заключенными в рамках заявления "О десяти простых шагах навстречу простым людям". Но они не содержат исчерпывающего перечня необходимых поправок и даже не охватывают все сферы регулирования, предусмотренные международными договорами. Так, в нормативной базе министерств и ведомств не закреплён правовой статус граждан одного государства, постоянно проживающих на территории другого государства. Не определены соответствующие этому статусу права и гарантии. Не создана правовая основа для упрощенного приобретения гражданства. Не в полной мере гармонизирована система свободного транзита телепрограмм других государств через территории государств – участников Таможенного союза.

Остановимся на приоритетах в гармонизации сферы *трудовых правоотношений*. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве предусматривает создание на территориях государств-участников *общего рынка труда*. Это, в свою очередь, связано с созданием унифицированного правового режима в части трудоустройства, вознаграждения и некоторых других условий труда и занятости. При этом нужно иметь в виду, что в соответствии с договором регулирование трудовой деятельности граждан других государств-участников должно осуществляться на основе законодательства страны пребывания.

Предметом гармонизации, точками приложения сил для установления единообразного порядка регулирования трудовых правоотношений в рамках Таможенного союза является *правовое регулирование трудовой сферы*, которое включает следующие три главных аспекта: право граждан заниматься трудовой деятельностью, свободно передвигаясь по территориям государств-участников, порядок пребывания граждан на территории государства до и после завершения своей трудовой деятельности в этом государстве и, наконец, порядок исчисления общего трудового стажа с учетом трудовой деятельности на территориях государств-участников. На наш взгляд, гармонизацию по каждому из этих направлений нужно начать с подписания соответствующих межправительственных соглашений.

Очевидно, что договоренности, достигнутые государствами – участниками Таможенного союза, могут быть реализованы только после приведения национальных законодательств в соответствие с Договором о Таможенном союзе и едином экономическом пространстве. Ревизии и последующей гармонизации должны быть подвергнуты следующие отрасли и сферы национальных законодательств: трудовое законодательство, пенсионное, законодательство о социальных пособиях, компенсациях, льготах, законодательство о лицензировании в части порядка ввоза (вывоза) рабочей силы, законодательство о миграции, законодательство о гражданстве и паспортно-визовом режиме пребывания иностранных граждан.

Необходимо заострить внимание на целом ряде узловых вопросов, возникающих в указанных и других сферах законодательства. Прежде всего, речь идет об *унификации системы пенсионных накоплений*, включая формирование *интегрированных* в рамках Таможенного союза накопительных пенсионных фондов.

Предстоит выработать общие подходы к системе *социального страхования*, в том числе гармонизировать порядок отчисления страховых взносов и других обязательных платежей во внебюджетные фонды (в тех государствах, где они существуют). Это становится особенно актуальным на фоне тенденций усиления трудовой миграции.

Трудовая миграция в рамках Таможенного союза предполагает *унификацию порядка ввоза иностранной рабочей силы*, выплату трудовым мигрантам заработной платы в иностранной валюте, введение беспопытного провоза багажа сверх установленных норм, а также согласование условий и порядка пребывания членов семьи трудящегося-мигранта. Особый вопрос – это вопрос о *социальной защите в случае потери трудоспособности* во время работы на территории иностранного государства.

Кроме того, мы предполагаем, что в дальнейшем возникнет необходимость *гармонизации нормативных правовых актов местных исполнительных органов*, например в части разрешительного порядка пребывания иностранных граждан на территории той или другой административно-территориальной единицы.

Формирование общего рынка труда позволит разрешить ряд ситуативных проблем, регулируемых *договорно-правовыми отношениями между работником и работодателем*. Речь идет, во-первых, об участии трудящегося-мигранта в объединениях работников и, во-вторых, о защите прав работника в случае применения по отношению к нему мер дискриминационного характера, а также в случае изменения правового положения иностранного работника, например при потере им работы.

С целью реализации основных положений Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве предстоит продолжить работу по развитию международной договорно-правовой базы в социальной сфере.

В заключение отметим, что считаем целесообразным создание совместного научно-исследовательского центра, в который войдут ученые и специалисты Казахстана и Российской Федерации. Основной задачей этого центра будет углубленное изучение социально-экономических проблем, анализ возможностей и путей скорейшего преодоления кризиса, разработка рекомендаций по стабилизации и развитию экономики этих стран для законодательных и правительственных органов, а также для органов управления интеграцией государств – участников Таможенного союза.

Примечания

¹ Казахстанск. правда. – 2000. – 3 марта.

² См.: *Население и кризисы* / Под ред. Б.С.Хорева и Л.В.Иванковой. – М., 1999. – Вып. 5. – С.11.

³ См.: *Итоги миграции населения Республики Казахстан за 1998 год* / Агентство Республики Казахстан по статистике. – Алматы, 1999. – С.59.

⁴ См.: *Социально-экономическое развитие России: январь 2000 г.* / Госкомстат России. – М., 2000. – С.211.

⁵ Комсомольск. правда. – 1997. – 24 дек.

⁶ См.: *Социально-экономическое развитие России*. – С. 114.

⁷ См.: *Социально-экономическое положение Республики Казахстан: январь 2000 г.* / Агентство Республики Казахстан по статистике. – Алматы, 2000. – С.63, 64.

⁸ *Казахстан и страны СНГ* / Агентство Республики Казахстан по статистике. – Алматы, 2000. – Вып. 1. – С.31

⁹ См.: *Социально-экономическое положение Республики Казахстан*. – С.76.

¹⁰ См.: *Исингарин Н.* Концептуальные соображения к формированию общего рынка труда стран Содружества // *Транзит. Экономика*. – Алматы, 2000. – № 1. – С.12.

В.А.Крюков, Р.Г.Рафиков

(г.Красноярск)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1996–1999 гг.)

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации была принята в России летом 1996 г.¹ Она представляет собой “систему современных взглядов, принципов и приоритетов в деятельности... органов государственной власти в сфере национальных отношений”. По сути, данная концепция предусматривает развитие национальной политики по всем основным направлениям жизнедеятельности народов России. Каким же образом идет ее реализация в таком сложном регионе, как Восточная Сибирь? С какими проблемами приходится сталкиваться на местах?

Рассматриваемая концепция – это теоретический документ, в котором национальная политика определяется в масштабах всей России, поэтому одной из первоочередных задач становится ее адаптация к *специфике Восточной Сибири*. Административно Восточно-Сибирский регион объединяет 10 субъектов, в том числе один край, две области, три республики и четыре автономных округа. Его общая площадь превышает 4,1 млн кв. км (24,2% территории России), а площадь субъектов колеблется от 2340 тыс. (Красноярский край с Таймыром и Эвенкийей) до 22,4 тыс. кв. км (Усть-Ордынский АО).

Численность населения региона достигает почти 9,2 млн чел. (6,2% населения РФ), варьируя от 3,1 млн в Красноярском крае до 19 тыс. чел. в Эвенкийском АО. В национальном отношении в целом преобладает русское население, составляя в среднем 83,7%. Однако в Республике Тыва русских всего 30%, а в Агинском Бурятском АО – 41%.

Другая особенность этнического состава Восточной Сибири заключается в том, что на ее территории проживает абсолютное большинство представителей бурятского (95%), хакасского (91%) и тувинского (97%) этносов, а также представителей ряда коренных малочисленных народов: долган, нганасан, кетов, тофаларов, энцев, сойотов и тувинцев-тоджинцев. Среди диаспорного населения наиболее многочисленны украинцы (230 тыс. чел.), татары (120 тыс.), белорусы (74 тыс.), немцы (66 тыс.) и чуваша (42 тыс.).

Специфика административно-территориального деления региона и его этническое многообразие дополняются широкой конфессиональной палитрой. В Восточной Сибири представлены все мировые религии, распространены языческие верования аборигенного населения и местные харизматические неокульты.

Необходимо учитывать и постоянно меняющиеся *этнополитические* особенности Восточной Сибири. Несмотря на то что семь из 10 субъектов региона являются национальными, руководящая элита из состава титульной нации сформировалась лишь в Республике Тыва. Именно здесь были осложнения в сфере межнациональных отношений в начале 90-х годов. Другие национальные субъекты региона вышли из полосы “суверенизации” первой половины 90-х годов без серьезных межнациональных эксцессов.

В настоящий момент этнополитическая обстановка в Восточной Сибири достаточно стабильная. Однако проблемы национального характера присутствуют практически на всех уровнях взаимоотношений.

На *внешнеполитическом уровне* это касается пограничных взаимоотношений с южными соседями – Китаем и Монголией (Тыва, Бурятия, Иркутская область), остро стоят вопросы трудовой миграции из Китая, Вьетнама и Северной Кореи.

На *федеральном уровне* национальные проблемы затрагивают и отношения по вертикали, т.е. федеральный центр – субъект РФ, субъект РФ – входящий в него субъект РФ, и отношения по горизонтали, т.е. субъект РФ – субъект РФ. Положение, когда субъект Федерации включает в свой состав другой ее субъект, характерно только для Восточной Сибири. Это Красноярский край и входящие в него Эвенкийский и Таймырский автономные округа, Читинская область и Агинский Бурятский АО, Иркутская область и Усть-Ордынский Бурятский АО. Специфика же горизонтальных отношений между субъектами РФ здесь состоит в традиционной конкуренции двух субъектов, наиболее мощных в экономическом плане, – Красноярского края и Иркутской области.

Что касается *регионального уровня*, то все 10 субъектов Восточно-Сибирского региона входят в Межрегиональную ассоциацию “Сибирское соглашение”. Кроме того, Республика Бурятия, Читинская область и Агинский Бурятский АО являются членами ассоциации “Дальний Восток и Забайкалье”. Прослеживается тенденция сближения на основе этнокультурной общности бурятских национальных автономий (Республика Бурятия – Усть-Ордынский Бурятский АО – Агинский Бурятский АО). До сих пор на этих территориях активно обсуждается вопрос о необходимости воссоздания прежней Бурят-Монгольской АССР в границах 1923 г.

На *внутрирегиональном уровне* выделяется целый комплекс проблем. Во-первых, это проблема жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера. Представители этих народов проживают в восьми субъектах Восточной Сибири из 10. Они не сумели интегрироваться в рыночную экономику, поэтому речь идет не столько об их культурном развитии, сколько о физическом выживании. Наиболее остро этот вопрос стоит на Таймыре, в Эвенкии, северных районах Красноярского края, Читинской и Иркутской областей. Продолжается процесс самоидентификации малых этносов. После того как к коренным малочисленным народам Севера были причислены шорцы, проживающие в Кемеровской области и частично в Республике Хакасия, а также тувинцы-тоджинцы, тех же прав добиваются для себя чулымцы Красноярского края и Томской области, сойоты Бурятии и др. В марте 2000 г. все перечисленные национальности были включены в Единый перечень малочисленных коренных народов Российской Федерации.

Во-вторых, для внутрирегионального уровня характерна проблема малых народов. Титульные этносы региона проживают, как правило, в окраинных, депрессивных районах. В условиях ухудшения социально-экономического положения речь идет о депопуляции коренного этноса вследствие алкоголизации, социальных заболеваний (туберкулез, венерические заболевания), бытовой преступности. Наиболее остро эти проблемы стоят перед хакасами и тувинцами.

В-третьих, существует проблема диаспорных народов. Она сводится преимущественно к вопросу национально-культурного развития и повышенной миграционной активности среди представителей кавказских и центрально-азиатских диаспор.

Наконец, в-четвертых, имеет место проблема русского этноса. Она развивается в рамках общегосударственной политики. Исключение составляет Республика Тыва, где русское население, по сути, является диаспорным и слабо представлено во властных структурах (кроме администрации г. Кызыла).

Таким образом, Восточно-Сибирский регион имеет свое особенное историческое прошлое, особое административное устройство, характеризуется этническим и конфессиональным многообразием, спецификой демосоциального, экономического и этнополитического развития. Все это наряду с географическим положением и климатическими условиями учтено в *региональных* (местных) концепциях национальной государственной политики, разработанных на основе концептуальных положений общероссийской концепции. К настоящему времени местные концепции разработаны и приняты в Бурятии, Туве и Красноярском крае. Республика Хакасия пошла по пути разработки специальной Программы национального развития и межнационального сотрудничества на 1998–2000 гг., в которой присутствуют концептуально-методологические подходы.

Практическая реализация теоретических основ региональных концепций потребовала создания собственной нормативно-правовой базы посредством принятия различных законов и программ. Так, в Иркутской области принят закон “О территориях традиционного природопользования” (август 1997 г.), в Красноярском крае – закон “О территориях традиционного природопользования коренного населения Севера” (октябрь 1997 г.), в Читинской области – закон “Об особо охраняемых и резервных природных территориях”.

Вопросы жизнедеятельности аборигенного населения Севера преобладают в законодательстве северных автономных округов. Законодательный Суглан Эвенкии принял законы “О родовых общинах”, “О северном оленеводстве”, “О регулировании земельных отношений в местах проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера”. В Таймырском автономном округе летом 1999 г. вступил в силу закон “Об охоте и охотничьем хозяйстве”, дающий льготы аборигенным народам в пользовании природными ресурсами. В первом чтении принят законопроект “О родовой общине малочисленных народов Севера”.

Законотворчество национальных республик региона затрагивает преимущественно языковую и культурную сферы. Так, в Бурятии приняты законы “О языках народов Республики Бурятия” и “О культуре”. С учетом основных положений этих законов была разработана концепция национально-регионального компонента государственных образовательных стандартов, утвержденная на правительственном уровне. В Верховном Хурале Республики Тыва в сентябре 1999 г. вступил в силу закон “О народных художественных промыслах”. В Усть-Ордынском Бурятском автономном округе был принят закон “О культуре”, в котором выделен специальный раздел “Права и свободы народностей и иных этнических общностей в области культуры”.

Разработка программ, направленных на реализацию концепции национальной политики, наиболее активно идет в Иркутской области. Первая программа национальной политики Приангарья была сформулирована еще в 1994 г. и с тех пор обновляется ежегодно. Кроме того, администрацией Иркутской области были утверждены и осуществляются программы “Дети малочисленных народов Севера” (1995 г.), “Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера на 1999–2000 гг.” (1999 г.). В Красноярье во исполнение решений Первого съезда коренных малочисленных народов Севера Краснояр-

ского края разработана краевая целевая программа “Социально-экономическое развитие территорий проживания коренных малочисленных народов Севера Красноярского края на 2000–2003 гг.” Она утверждена законодательным собранием края в марте 2000 г.

Министерство образования и науки Республики Бурятия разработало концепцию и программу сохранения и развития языков народов Бурятии. В Хакасии реализуется Программа национального развития и межнационального сотрудничества на 1998–2000 гг. В Усть-Ордынском Бурятском автономном округе в рамках окружной программы “Сохранение и развитие культуры” подготовлена и осуществляется подпрограмма “Развитие национальной культуры”. В Таймырском АО реализуется программа развития оленеводства и социальной защиты занятого в этой отрасли населения на 1998–2000 гг.

В целях *координации* деятельности государственных и общественных организаций по реализации Концепции государственной национальной политики РФ на местах стали создаваться специальные структуры. В Туве образована правительственная комиссия по реализации концепции. В Бурятии эти функции осуществляет Совет национальностей при президенте республики, в Хакасии – Консультативный совет по межнациональным отношениям при правительстве и Общественная палата. В Красноярском крае, Иркутской и Читинской областях подобные консультативные и координационные органы находятся в стадии создания. Наиболее эффективно такие органы работают в Республике Бурятия и Иркутской области. В то же время приходится констатировать, что в ряде субъектов координирующие органы существуют лишь формально.

Одним из основных направлений реализации Концепции государственной национальной политики является формирование и развитие *системы субъектов национально-культурной жизни*. Национально-культурные объединения созданы на всех территориях Восточно-Сибирского региона. Наиболее активно их организация происходила в начале 90-х годов. К концу 1996 г. в Восточной Сибири насчитывалось почти 90 национально-культурных объединений, из них в Красноярском крае – 28, в Иркутской области – 27, в Бурятии – 13, в Читинской области – восемь, в Хакасии – шесть, в Туве – три.

Национальные объединения имели самые разнообразные формы. Например, в Республике Бурятия они существовали преимущественно как культурные центры или общины, а в соседней Иркутской области преобладали национальные клубы, культурные общества, ассоциации, товарищества.

К сожалению, на упорядочении и развитии организационной структуры национально-культурных объединений практически не отразилось принятие федерального закона “О национально-культурной автономии”. Несовершенство этого закона, отсутствие на местах разъяснительных документов (комментариев) к нему, настороженное отношение местных властей и самого населения к термину “автономия” (пусть даже и “культурная автономия”), наконец, отсутствие финансового подкрепления идеи национально-культурной автономии (НКА), – все это отрицательно сказалось на развитии таких автономий как стройной самообеспечиваемой и саморегулируемой системы. Иными словами, ни местные власти, ни сами национальности не оказались заинтересованы в преобразовании национально-культурных обществ в автономии. В Восточной Сибири национально-культурные автономии появились только в Красноярском крае, где с 1997 по 2000 г. было создано 11 региональных и местных таких структур.

Очень пассивно прошла на местах перерегистрация национально-культурных объединений в соответствии с федеральным законом “Об общественных объединениях” от 19 мая 1995 г. В Читинской области, например, к середине 1999 г. переоформили документы только половина национальных общественных объединений, в Красноярском крае – две трети. На ряде территорий органы юстиции закономерно ставят вопрос о ликвидации объединений, не прошедших перерегистрацию.

Несмотря на это, сеть национально-культурных объединений Восточной Сибири продолжает расширяться. В Красноярье к концу 1999 г. функционировало 42 краевых национально-культурных объединения (большинство из них работают под эгидой Межнационального культурного центра), в Иркутской области – 30 (имеется Дом дружбы), в Бурятии и Хакасии – по 17, в Читинской области – 10, в Туве – шесть, в Эвенкии и на Таймыре – по три.

Деятельность большинства национально-культурных объединений по-прежнему связана в основном с удовлетворением культурных (развлекательно-досуговых) и частично образовательных потребностей населения. Например, ежегодно при поддержке администраций субъектов и органов местного самоуправления Восточной Сибири проводятся такие национальные праздники, как бурятские Сагаалган и Сур-харбан, татаро-башкирские Сабантуй и Черше-байрам, Навруз среди таджикской и азербайджанской диаспор, украинские Шевченковские дни и праздники украинской песни, белорусские Каляда, Гуканье весны и Купалле, чувашский Агатуй, День памяти трудармейцев у немцев, хакасский Чал Пазы, еврейский Пурим, дни польской, тувинской, хакасской культур и др. На севере очень популярны праздники местных коренных народов: Аргамчи-Ыры (арканные игры), Болдер (праздник эвенков),

праздники оленевода и др. Большим размахом отличаются праздничные мероприятия у русского этноса – дни русской культуры и духовности “Сияние России”, Славянские чтения, дни славянской письменности и др.

Достаточно активно развивается на местах музейное и библиотечное дело. Практически во всех крупных краеведческих музеях имеются национальные этнографические экспозиции. Однако основное внимание государственные органы уделяют титульным нациям и народам Севера. Исключение составляют селения семейских (этноконфессиональной группы старообрядцев Забайкалья), которые получили статус этнографических поселений, историко-этнографический музей-заповедник в Шушенском Красноярского края, а также музей под открытым небом в Бурятии. Строительство этнографической деревни начато и в Республике Хакасия. Среди диаспорных народов наибольшую активность в проведении экспозиций и выставок проявляют немцы, евреи и поляки.

Образовательная сфера развита только у титульных этносов региона. Из русскоязычных субъектов выделим Красноярский край, где достаточно успешно практикуется изучение родного языка в общеобразовательных школах для кетов (четыре школы), татар (в двух), немцев, латышей, эстонцев, селькупов, эвенков и тувинцев (по одной школе). Кроме того, многие этнические диаспоры Красноярского края, работающие с населением под эгидой Межнационального культурного центра, имеют воскресные школы (курсы) для детей и взрослых.

Расширение сферы действия бурятского языка объявлено приоритетным направлением национальной политики в Читинской области. В 12 районах области, где компактно проживают буряты, в общеобразовательных школах изучают бурятский язык почти 2,2 тыс. учащихся. В Республике Тыва организовано изучение тувинского языка для учащихся русской национальности в двух школах г. Кызыла. Обучение тувинскому языку детей русских ведется и в ряде дошкольных учреждений этой республики.

Министерством образования Республики Бурятия в местах компактного проживания семейских реализуется учебная программа “Школа народного календаря”, в рамках которой углубленно изучаются культура и традиции, фольклор и промыслы данной этноконфессиональной группы. Кроме того, в 10 учреждениях образования Бурятии организовано изучение эвенкийского языка, а также культуры, истории и народных промыслов эвенков.

Хуже в регионе обстоит дело с высшим и среднетехническим образованием. Получить его на родном языке в русскоязычных субъектах и в четырех автономных округах практически невозможно. Исключение составляют Читинская область, где в 1997 г. в педагогическом университете было открыто национальное бурятское отделение, и Республика Бурятия, где республиканский университет осуществил уже несколько выпусков преподавателей эвенкийского языка.

Администрации Красноярского края, Иркутской и Читинской областей практикуют квотирование мест для аборигенного населения в вузах на своей территории и в других регионах. В частности, из местных бюджетов финансируется подготовка учителей эвенкийского и тофаларского языков на базе Санкт-Петербургского педагогического университета им. А.И.Герцена, Бурятского пединститута, Игарского педагогического училища народов Севера (Красноярский край).

Социальная сфера в Восточной Сибири развивается усилиями органов государственной власти с учетом интересов лишь коренных малочисленных народов Севера и титульных национальностей Тувы, Бурятии, Хакасии и автономных округов. В бюджете Красноярского края отдельной строкой выделено только финансирование Ассоциации коренных малочисленных народов Севера края. Администрацией Читинской области совместно с местной Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера создан Фонд развития экономики и культуры малочисленных народов Севера Читинской области. На данные категории населения распространяется и абсолютное большинство различных гуманитарных акций со стороны негосударственных структур, отечественных и международных фондов.

Среди диаспорного населения социальное вспомоществование адресовано преимущественно евреям, немцам и полякам. Например, городские власти г. Красноярска помогли еврейской НКА организовать приготовление и раздачу горячих обедов для членов еврейской общины. Кроме того, члены еврейской диаспоры ежемесячно снабжаются продуктовыми наборами по линии социальной помощи. Аналогичную деятельность проводит еврейский культурный центр в Бурятии. Финансирование идет преимущественно за счет зарубежных еврейских организаций и фондов (“Сохнут”, “Джайнт” и др.).

Немецкие диаспоры Красноярского края, Хакасии и Бурятии при поддержке GTZ (Общество по техническому сотрудничеству, ФРГ) практикуют оздоровительный отдых детей в летних лингвистических лагерях. Обширную социальную программу реализует Минусинский немецкий культурный центр (Красноярский край), деятельность которого по итогам 1999 г. была признана лучшей среди организа-

ций российских немцев. Летние и зимние лагеря для детей на оз. Байкал организует еврейский культурный центр Бурятии, а польский культурный центр, функционирующий в этой республике, ежегодно отправляет детей на летний отдых в Польшу.

Особое значение в реализации Концепции государственной национальной политики придается расширению *информационного поля* через развитие местных средств массовой информации. Следует отметить, что в Восточной Сибири в отличие от европейской части страны национальные СМИ развиты очень слабо. Бюджетный дефицит обусловил сокращение объемов финансирования национальной прессы, которая из-за малой тиражности не может быть коммерческой. Уменьшились и без того небольшие тиражи национальных изданий и периодичность их выпуска. В ряде сельских районов национальных республик ввиду отсутствия местного финансирования вообще прекращено издание районных газет. Морально и физически устарела основная полиграфическая база. Одной только Республике Бурятия для возрождения национальной прессы необходимо целевое финансирование из федерального бюджета в размере 6 млн руб. ежегодно.

На сегодняшний день дело с национальными СМИ в Восточно-Сибирском регионе обстоит следующим образом.

В Республике Бурятия издаются на бурятском языке газета “Буряад унэн”, журналы “Байгал” и “Хараасгай”. Бурятская ГТРК выделяет эфирное время для эвенкийского населения: на радио регулярно ведется передача “Биракан”, на телевидении – программа “Улгур”. В 1999 г. произошло сокращение эфирного времени, так как из заявленных на национальные программы 1,2 млн руб. в проект бюджета на тот год было включено всего 0,4 млн руб.

В Республике Тыва на тувинском и русском языках издаются газеты “Шын”, “Тувинская правда”, “Тыва Республика”, “Молодежь Тывы”. Из-за отсутствия средств в настоящее время не выходит детская газета “Звездочка”. На Тувинском ГТРК идут передачи на тувинском и русском языках.

В Республике Хакасия на хакасском языке издается одна газета – “Хакас Чирі”. Польское национально-культурное общество “Полония” периодически выпускает малоформатную газету “Rodacy” (“Сотечественники”). Журнал “Ах-Тасхыл” (на хакасском языке) перестал выходить из-за отсутствия финансирования. По этой же причине в 1998 г. на несколько месяцев был прекращен выпуск газеты “Хакас Чирі”. В государственной телекомпании “Хакасия” на хакасском языке выходят новости, литературные и общественно-политические передачи.

В Иркутской области Товарищество белорусской культуры издает, хотя и нерегулярно, газету на белорусском языке “Маланка” тиражом 150 экз. На эвенкийском, бурятском и монгольском языках был издан детский журнал “Сибирячок”.

В Красноярском крае в г. Минусинске немецкий культурный центр издает малоформатную газету “Widerschein”, в Красноярске силами НКА “Дом польский” выпускается газета “Zgoda” (“Согласие”) на польском языке, НКА “Беларусь” – газета на белорусском языке, Межнационального культурного центра – русскоязычная газета “Содружество”. Все эти газеты, за исключением немецкой, издаются нерегулярно.

В Читинской области изданий на национальных языках не имеется. На телевидении в течение 10 лет выходит передача на бурятском языке “Сагай амисхал”.

В Усть-Ордынском Бурятском автономном округе выходит окружная газета на бурятском языке “Усть-Ордын Унэн” тиражом 650 экз.

В Таймырском и Эвенкийском автономных округах в окружных и районных газетах печатаются отдельные материалы или делаются специальные вкладыши на долганском, ненецком, эвенкийском и других языках аборигенного населения.

В ходе реализации Концепции государственной национальной политики не остается без внимания властей и *культурно-духовная сфера*. В субъектах региона идет процесс регистрации и перерегистрации религиозных объединений. К лету 1999 г. их количество (без учета Читинской области) приближалось к 550 (см. таблицу). Кроме того, существует множество незарегистрированных объединений. По разным оценкам, их число колеблется от 150 до 250. Большая часть из них относятся к различным протестантским направлениям.

Проблема урегулирования отношений между государством и церковью с учетом региональной специфики решается на местах далеко не просто. Например, в Бурятии еще в 1996 г. президентским указом была утверждена Концепция государственно-церковных отношений в Республике Бурятия. Опираясь на этот документ, Народный Хурал принял в декабре 1997 г. закон “О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия”. Однако его действие было приостановлено Министерством юстиции России по причине несоответствия Конституции РФ и новому федеральному закону “О свободе совести и религиозных объединений”. В настоящее время создана согла-

Зарегистрированные религиозные объединения
Восточной Сибири (середина 1999 г.)

Территория	Правосла- вис	Католи- цизм	Ислам	Иудаизм	Буддизм	Протестан- тизм	Прочие	Всего
Красноярский край	91	17	9	2	2	61	4	186
Иркутская область	57	5	4	1	6	82	1	156
Республика Бурятия	43	—	—	—	32	30	3	108
Республика Тыва	3	—	—	—	14	9	4	30
Республика Хакасия	17	2	1	—	—	27	3	50
Агинский Бурятский АО	1	—	—	—	2	—	—	3
Усть-Ордынский Бурятский АО	—	1	—	—	1	—	1	3
Таймырский АО	3	1	—	—	—	6	—	10
Эвенкийский АО	3	—	—	—	—	—	—	3
Итого	218	26	14	3	57	215	16	549

сительная комиссия, которая устраняет замечания к закону “О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия”, после чего он вновь будет вынесен на обсуждение Народного Хура-
ла.

Большие проблемы возникли у властей Республики Хакасия с церковью “Прославление”. Попытки отказать ей в перерегистрации были опротестованы в Конституционном суде РФ летом 1999 г. Схожие проблемы возникли и у красноярских органов юстиции в отношении Церкви Последнего Завета (общины Виссариона).

В целом же местные власти региона нацелены на конструктивный диалог с конфессиями, особенно имеющими национальную окраску. Это – православие, ислам, буддизм, католицизм, лютеранство и шаманизм. В феврале 1998 г. мусульманские народы Иркутской области при организационной и финансовой поддержке областной администрации провели международную научно-практическую конференцию “История ислама в Восточной Сибири: состояние, проблемы”, посвященную 100-летию соборной мечети в Иркутске.

В Республике Бурятия большое внимание уделяется этноконфессиональной группе семейских. В августе 1997 г. община семейских, представляющая двухсоттысячное население республики, получила статус юридического лица. В последующие два года общиной совместно с государственными органами власти проведены съезд семейских Забайкалья, дни культуры семейских Забайкалья, фестивали семейской песни, республиканская краеведческая конференция “Семейские в панораме веков” и т.д.

Некоторые из национальных общественных объединений достаточно организованны и сильны, чтобы влиять также на *политическую жизнь* своего региона. В Республике Бурятия это прежде всего Всебурятская ассоциация развития культуры, Конгресс бурятского народа и Русская община, в Республике Тыва – движение “Народный фронт “Хостуг Тыва”” и общественное объединение “Общество русскоязычных граждан Республики Тыва”. Правами законодательной инициативы обладают объединение Народный совет хакасского народа “Чон Чобі” (Республика Хакасия) и Ассоциация малочисленных коренных народов Таймыра (Таймырский автономный округ).

Традиционно влиятельна в регионе Русская православная церковь, а также Буддийская сингха, имеющая наибольшее влияние в Туве, Бурятии и обоих бурятских автономных округах.

Не следует забывать и о такой этносоциальной группе населения, как казачество. Казачьи поселения (станции) имеются в девяти субъектах Восточной Сибири и организационно входят в состав Енисейского и Забайкальского казачьих войск.

Очень сложно обстоит дело с *финансовым обеспечением* реализации Концепции государственной национальной политики, что обусловлено дотационностью восьми из 10 субъектов Восточно-Сибирского региона.

Но несмотря на тяжелое положение абсолютного большинства субъектов, практически все они находят возможность выделять средства на проведение различных мероприятий в рамках реализации концепции. В то же время исполнительская дисциплина оказалась очень слабой.

Так, в бюджете Иркутской области по статье “Национальная политика” в 1993 г. было предусмотрено выделение 23 тыс. руб., в 1994 г. – 50 тыс., в 1995 г. – 1 млн, в 1996 г. – 2 млн, в 1997 г. – 1,1 млн, в 1998 и 1999 гг. – по 457 тыс. руб. Параллельно из областного бюджета финансировались программы “Дети малочисленных народов Севера” и “Экономическое и социальное развитие коренных народов Севера на 1999–

2000 гг.". На эти цели в 1999 г. было выделено соответственно 6 тыс. и 230 тыс. руб. Однако исполнение областного бюджета было неудовлетворительным и колебалось от 84–85% в 1994 и 1998 гг. до 17–22% в 1996–1997 гг.

В бюджете Красноярского края отдельной строкой выделяется только финансовая поддержка Ассоциации коренных малочисленных народов Севера. В 1998 г. на эти цели было запланировано 626 тыс. руб., реально выделено 496 тыс. руб. Бюджет на 1999 г. предусматривал выделение для Ассоциации первоначально 600 тыс. руб., а после его корректировки в конце года – уже 3,6 млн руб.²

В Республике Хакасия статья "Реализация государственной национальной политики" появилась в республиканском бюджете в 1998 г. Однако в связи с трудностями бюджетного наполнения из запланированных на эти цели 150 тыс. руб. в указанном году было израсходовано только 7 тыс. руб. Ситуация с финансированием несколько улучшилась в 1999 г.: на мероприятия по реализации государственной национальной политики в бюджете было запланировано 120 тыс. руб., из них израсходовано 42,6 тыс. руб. (35,5%).

В Республике Тыва на осуществление первоочередных мероприятий по реализации Концепции государственной национальной политики из республиканского бюджета было выделено 400 тыс. руб. А в 1999 г. в соответствии с бюджетом на эти цели было предусмотрено всего 15 тыс. руб. В бюджете на 1999 г. Республики Бурятия на национальную политику планировалось выделить 14,9 млн руб. Эти средства предусматривалось направить на финансовую поддержку народных театров, образования, эвенкийского центра и бурятской ассоциации развития культуры. И здесь вновь имело место недофинансирование по всем статьям расходов.

К сожалению, мероприятия по реализации государственной национальной политики недостаточно финансируются и в рамках федеральных программ. Так, в Иркутской области в рамках программы "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года" кредиторская задолженность по капитальному строительству на 1 января 1999 г. составила 2,7 млн руб., а на федеральную программу "Дети Севера" в 1999 г. деньги вообще не выделялись. В Бурятии в 1999 г. был заключен контракт с Государственным комитетом по делам Севера РФ по программе "Дети Севера", но ее реализацию тормозит недофинансирование. По другой программе – "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года" – республика ничего не получает в течение трех лет. Всего в Бурятии осуществляется 39 федеральных программ, однако ни одна из них не финансируется из федерального бюджета в полном объеме.

В депрессивной Читинской области финансирование программы "Дети Севера" прошло в полном объеме только в 1997 г. Еще хуже обстоит дело с реализацией программы "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года". Задолженность за 1995 г. была погашена Госкомсевером РФ только в 1998 г., задолженность за 1996 г. составила 5,56 млн руб. В 1997 г. область получила 0,09 млн руб. вместо положенных 3,66 млн, в 1998 г. не получила ничего, в 1999 г. – 0,025 млн руб. от запланированных 1,35 млн. Общий долг федерального центра по одной только этой программе достиг в Читинской области почти 6 млн руб.

В Таймырском автономном округе приняты к реализации 29 программ, в том числе 28 федеральных. В 1999 г. только по шести федеральным программам было недополучено 18,6 млн руб., или 28,1% от суммы, предусмотренной в бюджете.

За время, прошедшее со дня принятия Концепции государственной национальной политики, в субъектах Восточной Сибири было сделано немало. Как показывает практика, успешность и масштабы реализации этой концепции зависят прежде всего от трех взаимосвязанных факторов: во-первых, от желания и воли местных властей и лидеров общественных объединений заниматься такой сложной сферой, как национальная политика; во-вторых, от степени развитости регионального законодательства, учитывающего специфику субъекта; и наконец, в-третьих, от возможностей выделения материально-финансовых ресурсов как федерального уровня (для дотационных территорий), так и регионального.

Примечания

¹ Утверждена Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909.

² С 2000 г. наместились позитивные изменения в плане материально-финансового обеспечения. Так, краевая целевая программа "Социально-экономическое развитие территорий проживания коренных малочисленных народов Севера Красноярского края на 2000–2003 годы" предусматривает финансирование различных сфер жизнедеятельности этих народов в течение четырех лет на общую сумму 72,2 млн руб., в том числе 50,1 млн руб. из краевого бюджета.

А.А.Максимов
(г. Сыктывкар)

ОТНОШЕНИЯ ПАРТНЕРСТВА С НАРОДАМИ СЕВЕРА

Коренные народы как саморазвивающиеся системы. Коренные народы Севера исторически формировались как территориальные социально-политические системы, объединяющие людей на основе общей цели, которая состоит в обеспечении жизнеспособности и благополучия всей общности, каждого ее индивида и локального сообщества¹. Эта цель достигается посредством и в процессе самостоятельного развития данных систем, которое заключается в изменениях условий, определяющих их конкретно-историческое состояние, в желательном (прогрессивном) направлении². Среди условий самостоятельного развития коренных народов Севера необходимыми и ключевыми являются их коллективные права собственности на землю и ресурсы и право на самоуправление.

Однако способны ли сегодня коренные народы Севера к самостоятельному развитию и самоорганизации? Не является ли их уделом либо консервация архаичного образа жизни, использование только внешних социальных, экономических и технико-технологических новаций, либо ассимиляция с доминирующим обществом? Отрицательный ответ на первый вопрос, а также положительный на второй абсолютно неправомерны, но они как бы вытекают из современных российских реалий, отражают действительное неблагоприятное состояние северных народов нашей страны.

Между тем примеры успешного развития небольших коренных общностей Севера существуют и в России, и за рубежом. Так, к концу XIX – началу XX в. население лесотундры и тундры северо-востока европейской части России (коми-ижемцы и ненцы) достигло высоких показателей развития сельской экономики, основу которой составляли оленеводство, рыболовство и продуктивное животноводство. Оленеводство было самой капитализированной отраслью хозяйства, включавшей выпас животных, выделку шкур, производство замши, мяса, консервов и торговлю продукцией. Комплексное развитие отрасли позволяло концентрировать значительную часть прибыли непосредственно в регионе, стимулируя работу участников производственного цикла. Успехи в сфере экономики обеспечили относительно высокий уровень жизни населения и создали условия для здорового развития данной территории на основе концентрации капитала от продажи сельскохозяйственных продуктов³. Высокими были и показатели роста численности коренных жителей. По районам Крайнего Севера, согласно переписи 1926 г., коэффициент естественного прироста для коми и ненцев равнялся 28%⁴, что соответствует росту населения в 2,3 раза за 30 лет или в 16,5 раза за 100 лет. Отметим, что высокий естественный прирост населения является закономерностью для малозаселенных и ресурсно обеспеченных территорий в период, когда происходит взаимообусловленное развитие традиционной и коммерческой составляющих сельской экономики, а также появляются новые источники доходов, связанные с промышленным развитием.

На зарубежном Севере радикальные перемены в жизни коренных жителей произошли в течение последних 40 лет. Достигнутые договоренности по созданию структур самоуправления, правам собственности аборигенных общностей на землю и ресурсы и экономическому развитию стали важным шагом на пути к преодолению наследия политики патернализма и ассимиляции. Кардинально изменились демографические тенденции. Например, численность аборигенных жителей Канады за 40 лет (1961–2000 гг.) выросла с 220 тыс. до 880 тыс. чел., т.е. в 4 раза⁵, что соответствует коэффициенту естественного прироста более 30%. Создание национально-территориальных административных единиц и их правительств в американском секторе Арктики (Гренландия, Нунавут, Северный Склон Аляски) позволило аборигенным жителям влиять на планирование развития всего циркумполярного региона в соответствии со своими интересами и ценностями, напрямую взаимодействуя с национальными правительствами (Дании, США и Канады) и международными организациями. Принятые решения по правам коренного населения накануне реализации крупномасштабных промышленных проектов не стали помехой экономическому развитию. Но они явились составной частью новой северной политики зарубежных стран, направленной на защиту окружающей среды, природоподдерживающее управление ресурсами, установление принципов партнерства между коренными и некоренными жителями.

Опыт хозяйствования коми-ижемцев и ненцев в начале XX в., сведения из прошлого саами⁶ и “цивилизованных” индейских народов⁷, успехи коренных общностей современного Американского Севера показывают, что относительно немногочисленные народы способны управлять социально-экономическим и культурным развитием региона проживания в соответствии со своими интересами, могут извлекать выгоды из промышленных проектов, если государство не стремится доминировать и

регулировать развитие территории извне. Экономическая и политическая самостоятельность коренных народов становится условием их экономического и культурного развития, обеспечивает значительный рост их численности, позволяет им вносить достойный вклад в экономическое процветание государства.

Формирование круга неблагополучия. Важной особенностью реализации крупномасштабных проектов добычи природных ресурсов Севера России стало разрушение исторически сложившейся системы землепользования, которая на многих северных территориях была весьма эффективной для своего времени. Развитие добывающей промышленности при доминировании интересов государства и переселенцев привело к тому, что коренные жители – люди, проживавшие на северных территориях в начале XX в., и их потомки – лишились значительной части ресурсов традиционной экономики и выгод от их использования, не получили достаточного доступа к новым ресурсам, потеряли контроль над развитием территорий своего проживания и хозяйственной деятельности. Отсюда снижение уровня жизни коренных жителей, их зависимость от институтов и ресурсов, контролируемых переселенцами, патерналистское, а иногда и расистское отношение к коренным народам. Разрушение культуры и самосознания, бедность, отсутствие надежд на лучшее будущее длительное время действовали как сильные факторы риска распространения алкоголизма, самоубийств, насилия в семье, распада семей, преступности, социальной апатии и других бед. Взаимно порождая друг друга, эти проблемы стали элементами и условиями неблагополучия, в котором оказались северные народы и старожильческие общности, отличающегося от общего неблагополучия в России не только особенностями формирования, но и остротой многих показателей⁸.

Таким образом, острые социальные проблемы коренных жителей Российского Севера сопряжены с воздействиями на коллективном уровне. Советская власть, обязавшись реализовать права коренных народов Севера России на ресурсы и политическое самоуправление, которые принадлежали им исторически и которыми они в той или иной мере пользовались, постепенно “приватизировала” эти права и стала владеть и распоряжаться ими в соответствии с собственными интересами и интересами новых поселенцев. Именно в дисбалансе политической и экономической власти между коренными и некоренными жителями Севера, между коренными общностями и государством заключается главная несправедливость, допущенная в прошлом. Эта несправедливость лишает коренные народы равных возможностей в отношении благосостояния, не позволяет им защищать свои культуры и строить свои общества способами, соответствующими их ценностям. Следствием этой несправедливости стали утрата самоуважения, комплекс коллективной неполноценности у представителей северных народов.

Обновление отношений. Можно вложить большие средства в медицинское обслуживание аборигенов, но при этом не изменить динамику ухудшения состояния их здоровья⁹. Можно закрепить родовые угодья за некоторыми семьями малочисленных народов, но создать при этом новые противоречия между группами коренных и некоренных жителей и не решить проблемы экономической несостоятельности аборигенов, доминирования интересов промышленности¹⁰. Можно создать резервации для некоторых общностей коренных жителей, внедрять “народную педагогику” и “ориентировать школьные курсы на традиционную культуру”, но при этом получить рост нищеты и вандализма¹¹. Можно принять меры для ассимиляции аборигенов с обществом благополучия, но им благополучия не обеспечить¹². Неэффективность подобных мероприятий объясняется тем, что они сохраняют приоритет внешних целей, предусматривают низкий статус коренных жителей, необходимость их “интеграции” в общество переселенцев. И главное, они не гарантируют коренным жителям, что их ценности и человеческое достоинство важны сами по себе, что они и их дети могут самостоятельно строить свою судьбу, не ожидая, когда государство обеспечит их благополучие в коммунистическом или капиталистическом будущем, принося в жертву этому будущему права коренных народов в настоящем.

Коренные жители на уровне индивидов не могут изменить совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых условий неблагополучия и дискриминации, охватывающих не только индивидуальную, но и коллективную составляющую бытия. Необходимы решения, направленные на восстановление коренных народов как социальных систем – коренных наций, имеющих земельную и ресурсную базу для самостоятельного развития, а также собственные институты власти, составляющие национально-территориальный уровень управления наряду с федеральным и территориальным. Поскольку же разделенные, локальные общности не могут эффективно осуществлять самоуправление, коренные нации должны быть восстановлены на основе административного объединения отдельной территории или группы территорий, где представители данной нации составляют доминирующую часть населения. Принципы и правила национальной идентификации должны выработать сами коренные народы. Восстановившись как нации, коренные народы из аморфных и воображаемых этнических общностей, не

имеющих ясных критериев принадлежности к данной общности, не обладающих землей и ресурсами, превращаются в социальные системы, способные к самоуправлению, к преобразованию своих общностей в соответствии с требованиями времени.

Признание коренных наций Севера не представляет угрозы для политической и территориальной целостности России. Задача стоит в том, чтобы восстановить коренные нации такими, какими они могут быть в настоящее время. Они должны реализовать право управлять собой в партнерстве с федеральными властями, разделяя суверенитет России наравне с территориями – субъектами Федерации. Положительными примерами в этом отношении являются Гренландия и Нунавут – субъекты-регионы в составе Дании и Канады, а также Северный Склон Аляски – муниципалитет в составе штата Аляска с обширными правами в экономической и политической областях. Но этими примерами не ограничиваются возможные варианты территориального самоуправления коренных наций.

Успех работы правительства коренной нации во многом зависит от разделения земель и ресурсов в ходе достижения договоренности о восстановлении данной нации. Результатом договорного процесса должно стать выделение трех категорий земель по их назначению. Это – земли в пределах выделенной национальной территории, ресурсы которых принадлежат исключительно коренной нации; далее, другие земли на этой же территории, наиболее ценными ресурсами которых владеют правительства коренной нации, государства и региона на основе договоров о совместном управлении (принцип разделения социально-экономических выгод и ответственности); наконец, земли, которые остаются под контролем государства, но на которые коренные жители имеют специальные права (права на культурно-исторические места, традиционную хозяйственную деятельность и др.).

В настоящей работе мы не ставили себе целью подробно описать модели реализации прав собственности коренных народов на землю и ресурсы, модели самоуправления, необходимые шаги для достижения соответствующих договоренностей и обязательств между коренными народами и государством. Информацию об этом можно найти в других источниках¹³. В этих же источниках достаточно полно освещены направления действий, рассчитанных на краткосрочную перспективу, чтобы пробудить у коренных жителей Севера инициативу и уверенность, что они справятся со своими проблемами. Есть все основания полагать, что морально-этические, экономические и политические задачи, связанные с восстановлением коренных наций северных территорий России, могут быть сведены к практически разрешимым. И решения могут быть найдены независимо от того, считать ли Север очень богатым ресурсами или наоборот. Остановимся на совокупности необходимых условий реализации новых отношений между коренными народами и государством, на роли науки в формировании таких отношений.

Необходимые условия формирования партнерских отношений. В основе партнерских отношений между коренными и некоренными жителями Российского Севера, между коренными народами и государством находится баланс экономической и политической власти. Однако необходимые структурные, социальные и экономические изменения не будут происходить, пока некоренное население северных регионов и россияне в целом не захотят этого. Лидерство в этом со стороны правительств регионов и Федерации необходимо, но недостаточно. Только сами жители могут побудить правительства двигаться вперед, могут улаживать разногласия и предотвращать неожиданности, которые возможны при решении главных вопросов, касающихся перемен. В настоящее время трудно ожидать признания обществом несправедливости, допущенной по отношению к коренным жителям Севера. Как и во всем мире, в России предложения по реализации прав коренных народов нередко встречают лозунгами типа “нет особых прав”, “все граждане равны”. Требуются определенные усилия, в том числе со стороны ученых, чтобы показать российскому обществу, что ошибочно представлять людей равными, несмотря на неравенство в их положении, что нельзя игнорировать последствия утраты исторических прав собственности на землю и ресурсы, которые государство в той или иной форме обязывалось гарантировать. Необходимо пересмотреть распространяемые идеи, которые являют собой полную противоположность идеям равенства и справедливости. Российское общество должно быть лучше информировано о положении коренных жителей Севера, оно должно осознать необходимость установления новых отношений с коренными народами взамен патерналистских.

В то же время нельзя упускать из виду, что небольшие коренные общности и коренные народы в целом не имеют достаточно информации и опыта, чтобы предвидеть свое будущее. Без картины будущего невозможно сформулировать четкие цели и приоритеты, а значит, невозможно добиться существенных успехов в социально-экономическом развитии, невозможно адекватно оценить воздействие на жизнедеятельность коренных народов проектов промышленного или сельскохозяйственного развития¹⁴. Социальная апатия, неуверенность, социальная дезорганизация также связаны с отсутствием видения перспектив.

И ученые, и государственные чиновники должны признать, что невмешательство в процессы развития самоуправления коренных народов невозможно. На деле принцип “невмешательства” оправдывает осуществление федеральными и региональными властями политики, незитичной по отношению к коренным народам северных территорий, поскольку она закрепляет сложившиеся порочные подходы к разделению экономической и политической власти. Гуманность общества, о которой говорят как о необходимом условии для решения фундаментальных проблем коренных народов¹⁵, должна проявляться прежде всего в деятельности ученых и чиновников, так как от них зависят получение и распространение новых знаний, формулирование общественно значимых проблем и выявление способов их решения, а значит, и формирование рационального общественного мнения.

Правильной была бы такая работа ученых в коренных общностях, которая позволяла бы аборигенам формировать свое видение будущего на основе информации об альтернативных сценариях развития территории, о различных вариантах решения имеющихся проблем. Такая работа не может ограничиваться простым опросом населения, она предполагает длительное присутствие ученого в той общности, проблемы которой необходимо решать или интересы которой необходимо учитывать при оценке последствий того или иного экономического проекта. Коренным общностям необходимо помочь видеть их перспективы. Движение наугад, без четкого осознания целей и сценариев развития не будет успешным. Об этом свидетельствуют неудачи, постигшие многие общности Американского Севера. Наконец, работа ученых должна способствовать тому, чтобы коренные народы сами обретали возможность проводить исследования в своих общностях и контролировать проведение исследований сторонними организациями. Таким образом, дело не столько в “практическом результате”, который может дать наука, сколько в том, каковы цели и способы проведения исследований, так как эти цели и способы и определяют получаемый результат.

Весьма сомнительно, что в настоящее время может быть создана эффективная нормативно-правовая база, обеспечивающая отношения партнерства между коренными народами Севера и государством. Для этого необходимо достичь договоренностей о восстановлении коренных наций Севера при осознанном участии населения в договорных процессах. Чтобы приблизить заключение таких договоров, правительству России необходимо прежде всего принять декларацию, подтверждающую право народов Севера самим строить свое будущее, признающую несправедливость, допущенную по отношению к коренным жителям в прошлом, предусматривающую установление новых отношений государства и коренных народов на основе принципов уважения (недопущения доминирования), разделения (власти, земли, ресурсов), ответственности (за формирование климата доверия, за новые и принятые в прошлом обязательства). Такая декларация сможет также существенно повлиять на решение неотложных социально-экономических проблем коренных жителей Севера, на создание системы контроля со стороны коренных народов над программами своего социально-экономического развития.

В течение ряда последних лет в России обсуждается переход к новым, партнерским, отношениям с коренными народами северных территорий¹⁶. При этом особое значение придается созданию условий для традиционного жизнеобеспечения семей представителей малочисленных народов. Политические права также привязываются к возрождению и сохранению традиционных видов хозяйственной деятельности и традиционной культуры. Но как мы показали выше, проблемы самоуправления, социального и экономического развития коренных народов северных территорий России могут быть решены только путем восстановления этих народов как целостных социальных систем – коренных наций. Это принципиально важная задача, так как главное – это люди, получившие надежду на то, что их права будут признаваться и что они смогут справиться с наследием неблагополучия.

Примечания

¹ См.: Аюф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. – М., 1974; *People to people, nation to nation* // Highlights from the Report of the Royal Commissions on Aboriginal Peoples. – Canada: Royal Commissions on Aboriginal Peoples, 1996.

² См.: Мюрдаль Г. Современные проблемы “третьего мира”. – М., 1972; Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. – М., 1989;

³ См.: Каутала П. Исторический путь развития Советской Коми в 1913–1929 гг. (на основе теории Дитера Сенхааза) // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940 гг.). – Сыктывкар, 1996. – С.62–71.

⁴ См.: Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926/27 гг.). – Л., 1932.

⁵ См.: *People to people, nation to nation*.

⁶ См.: Kvist R. Swedish Saami policy 1548–1992 // 3d Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30–December 3, 1992. – Rovaniemi, Finland, 1994. – P.28–44.

⁷ См.: Национальные процессы в США. – М., 1973.

⁸ См.: *От патернализма к партнерству: строительство новых отношений народов Севера и государства*. – Магадан, 1998; Черных Н.А., Роцевский М.П. Ретроспективная оценка и современный анализ здоровья коренного населения коми (ижемская этноареальная группа) // Доклад на общем собрании Коми науч. центра УрО РАН. – Сыктывкар, 1996. – Вып. 380.

⁹ См.: *People to people, nation to nation*.

¹⁰ См.: Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологических исследований в Ханты-Мансийском автономном округе). – Новосибирск, 1996; *От патернализма к партнерству...*

¹¹ См.: Национальные процессы в США; *Shimpo Mitsuru*. School education and its impact upon indigenous society: With special reference to the Dene in Canada's Western Arctic // Abstracts of the 5th Circumpolar Universities Cooperation Conference, June 10–12, 1997. – Lulea, Sweden, 1997.

¹² См.: Национальные процессы в США.

¹³ См.: *От патернализма к партнерству...*; *Northern Perspectives*. – 1993. – V. 21, № 3; *People to people, nation to nation*.

¹⁴ См.: Langlais R. Some preconditions for viable local participation in sustainable development processes: Arctic examples // Труды второй международной конференции “Город в Заполярье и окружающая среда” (Нарьян-Мар, 10–12 сентября 1997 г.). – Нарьян-Мар, 1997.

¹⁵ См.: *От патернализма к партнерству...*

¹⁶ Там же.

М.Н.Терентьева
(г. Новосибирск)

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА

XX век стал эпохой утверждения принципа самоопределения наций, роста национального самосознания не только у больших, но и у малочисленных народов. В современной России эти процессы сопряжены с усилением межнациональной напряженности, ростом числа национальных общественных организаций, национально-культурных автономий, повышением роли религии в обществе, особенно традиционных конфессий, увеличением числа желающих выехать на историческую родину и т.д.

Под национальным самосознанием ранее понималось отношение человека, группы людей или всей этнической популяции к своей нации. Самосознание же трактуется как “полное понимание самого себя, своего значения, своей роли в жизни общества”¹. Эквивалент этого слова в английском языке – *self-consciousness*, что означает “наличие или выражение знаний о себе, понимание себя”². В философском понимании самосознание – это оценка человеком своего знания, нравственного облика, идеалов и мотивов поведения, целостная оценка самого себя как чувствующего и мыслящего существа, как деятеля³.

Следует также уточнить, что подразумевается под нацией. Вот одно из типичных определений, бытовавших в советский период: “Нация – устойчивая историческая общность людей, представляющая собой форму общественного развития, сложившуюся на базе общности экономической жизни в сочетании с общностью языка, территории, особенностями культуры, сознания и психологии”⁴. Сегодня существует множество определений нации, которые в целом существенно не отличаются от приведенного выше. На наш взгляд, современная ситуация такова, что в данный момент при определении этого термина не нужно делать сильный акцент на отдельных нациях и народностях, стремиться развивать их культуру, традиции и язык в отрыве от других народов России, но важно рассматривать нацию в контексте российского народа и как его неотъемлемую часть. В контексте национального самосознания при определении нации следует все-таки учитывать экономический и территориальные аспекты, которые в современной России играют достаточно большую роль.

В целом, как считают ученые, национальное самосознание можно определить как совокупность черт индивида, группы, этнической общности, образовавшихся в процессе общения и восприятия своего отличия и сходства при соотнесении с другими социально-этническими общностями. Национальное самосознание формируют род занятий, уровень образования, культурные навыки, степень исторического познания. Оно является результатом взаимодействия и взаимовлияния множества действующих на человека материальных и духовных факторов, а также взаимодействия самих людей в масштабе всей этнической общности путем осуществления коммуникаций на основе общего языка, культурных условий, традиций и т.д.

По мнению некоторых ученых, национальное самосознание является систематизацией определенного социального опыта, сложившегося под влиянием непосредственных условий существования всех социальных групп этнической общности. Оно представляет собой аккумуляцию в сознании опре-

деленной личности или целой социально-этнической общности совокупного опыта национальных отношений и межнационального общения, закреплённого в виде устойчивых ценностных ориентаций и национальных устремлений⁵.

Национальное самосознание – совокупность черт индивида, группы, этнической общности, сформировавшихся в процессе общения и восприятия своего отличия и сходства при соотношении с другими социально-этническими общностями. Оно включает в себя такие составляющие, как этническая идентичность и самоидентичность, религиозное воспитание, национальная культура, национальный характер, территория. Для полного осмысления сущности национального самосознания остановимся подробнее на некоторых из них.

Этническая идентичность как форма идентичности, ориентированная на прошлое, базируется прежде всего на осознании общности происхождения, традиций, верований, ценностей, ощущений, исторической и межпоколенной преемственности. Влияние этих факторов не всегда однозначно. Так, территория как средство сохранения групповой связи может быть решающим фактором сохранения идентичности, но может иметь и минимальное значение.

На этническую идентичность могут оказывать определенное влияние и экономические факторы. Та или иная степень экономической автономии, закреплённой в специальных занятиях и навыках, передаваемых из поколения в поколение, в большей или меньшей мере может способствовать сохранению этнической определенности группы и ограждать последнюю от разрушительных ассимиляционных процессов. А хозяйственные связи, складывающиеся в едином экономическом комплексе, вообще составляют основу существования целых национальных государств.

Как показало социологическое исследование, проведенное в 1998 г. Институтом научной информации по общественным наукам среди русского населения Санкт-Петербурга, а также Мичуринска, Новочеркасска и Черновцов⁶, этническая самоидентификация достаточно устойчива и носит позитивную направленность. Так, 71,9% опрошенных выражают удовлетворение своей национальной принадлежностью и лишь 1,6% придерживается противоположного суждения, а каждый пятый (20%) не придает значения своей национальной принадлежности; 62,9% опрошенных не хотели бы жить в другой стране и только 13,4% хотели бы выехать на постоянное место жительства за границу.

Косвенным индикатором этнической самоидентификации являются этноконсолидирующие признаки идентичности. Сильнее всего сближают такие факторы: государство, в котором мы живем (33,7% ответов респондентов), язык (33,0%), образ жизни (31,1%).

Этнодифференцирующие признаки идентичности – это как бы обратная сторона собственно самоидентичности. На их основе реализуется не только восприятие “не-нашего”, но и самоидентификация народа. Так, 47,7% полагают, что народы различаются прежде всего обычаями и традициями. Относительно значимый критерий различения – язык (38,8% ответов). Важными оказались и особенности поведения (27,3%). Характерно, что в качестве объекта неприязни к представителям народов Кавказа респонденты называют чуждые русскому особенности поведения – вспыльчивость, темпераментность, крикливость, отсутствие скромности. По мнению почти четверти респондентов, нерусские отличаются и внешне. В этой связи достаточно важным фактором при этнической идентификации выступает антропологический тип.

Понятие “*национальный характер*” эквивалентно употребляемому западными исследователями понятию “*базовая личность*”, означающему “склонности, представления, способности связи с другими и т.п., которые делают индивида максимально восприимчивым к определенной культуре и идеологии и которые позволяют ему достигать адекватной удовлетворенности и устойчивости в рамках существующего порядка”⁷. При всех спорах о сущности национального характера ясно, что он существует, составляет стержень национального самосознания, формируется в основном в процессе воспитания, значительно ярче проявляется в групповых действиях, особенно в процессе межэтнического взаимодействия, однако далеко не каждый человек, принадлежащий к данному народу, может считаться обладателем типичного национального характера.

Мощным фактором развития нации является *национальная культура*. Часто культура выражается в фольклоре – словесной форме народного творчества. Исследователи были удивлены тем, что сегодня 90,6% опрошенных пользуются в своей речи пословицами и поговорками (из них 35,1% – часто, 55,5% – редко) и только 9,4% ими практически не пользуются.

Важной составляющей национального самосознания является *религия*, которая играла и играет огромную роль в обществе, в развитии межличностных, внутри- и межгосударственных отношений. Рост интереса к религии в современной России подтверждается результатами ряда социологических исследований. Так, по данным ВЦИОМ на начало 1993 г., 82% русских в год проведения опроса праздновали Пасху, а 1 Мая – только 50%. Верующими себя считали 33,5% респондентов, неверующими – 37%; 29,3% “искали дорогу к Богу”.

Однако наиболее распространенный тип религиозного поведения у 45,5% опрошенных явно не согласуется с традиционными нормами. Искаженность представления о роли православия в жизни российского общества подтверждается результатами уже упоминавшегося исследования. Так, петербуржцев приводят "в храм божий" любопытство (17,9%), формальные жизненные обстоятельства, например крестины, венчания (35,7%), дань уважения к вере предков (31,8%). Только 26,1% ищут в храме успокоения, 16,2% интересуются самими религиозными обрядами.

Таковы в общих чертах сущностные характеристики национального самосознания. В целом национальное самосознание является не устойчивым, раз и навсегда заданным фактором, но претерпевает постоянные изменения в процессе исторического развития, воздействия конкретных событий на ту или иную нацию или входящие в нее группы.

Прошедшие в России в конце 1999 – начале 2000 г. выборы в Государственную Думу и выборы президента РФ показали, что проблемы этнической идентификации и сохранения единства страны сегодня достаточно актуальны. Эти проблемы разрабатывались в предвыборных программах различных политических партий. О необходимости формирования национальной идеи и подъема национального самосознания российского народа часто говорит президент РФ В.В.Путин.

Становится все более очевидной связь между усилением межнациональной напряженности и ростом национального сознания и самосознания народов России, особенно в свете последних событий на Северном Кавказе. Если говорить о Чеченской Республике, то некоторые специалисты видят причину затянувшегося вооруженного конфликта именно в росте национального самосознания, подкрепленного религиозными догмами и стремлением к экономической автономии, а также в использовании в своих интересах создавшейся ситуации третьими лицами.

Сегодня Российская Федерация – одно из крупнейших в мире многонациональных государств, в котором проживает более 150 народов, обладающих своими особенностями хозяйственной деятельности, языком, самобытной материальной и духовной культурой. Характерной особенностью страны является дисперсное проживание многих народов на территориях различных республик, краев, областей и округов Российской Федерации. Самым многочисленным этносом в стране является русский, составляющий 82% ее населения, по данным последней переписи. В абсолютном большинстве субъектов Российской Федерации русские численно преобладают в составе населения. К полиэтническим субъектам РФ относятся те из них, в которых не менее 15% населения приходится на долю представителей нетитульных национальностей.

По мнению Р.Г.Абдулатипова, сегодня различными силами предпринимаются попытки оживить прежде всего русский национализм, основанный на буржуазно-националистических идеях. Разжигание русского национализма – один из сильнейших факторов, способных окончательно разрушить единство народов Российской Федерации. В то же время из Молдовы, государств Средней Азии выживаются русские как якобы главные виновники кризисного положения в этих государствах⁸.

Как считают специалисты, идеи о насильственном включении Литвы, Латвии, Эстонии в состав СССР, об оккупационном характере присутствия там советских войск довели прибалтийские народы до ненависти к русским и России. Для усиления националистических настроений уровень жизни в бывших Прибалтийских республиках СССР сравнивается с уровнем жизни скандинавских стран, утверждается, что вне Советского Союза они жили бы на таком же или даже более высоком уровне.

Одновременно в бывших союзных республиках в оскорбительных красках представляются национальный характер, национальные традиции русского народа. Так, на Украине определенные круги всячески стремятся доказать духовное превосходство украинцев над русскими, утверждая, что оно проявлялось еще во времена Киевской Руси. Настойчиво проводится идея о том, что Украина – богатейшая республика, что она может прожить и без России. Одновременно реабилитируются агрессивные идеи украинского национализма, бандеровского и петлюровского движений.

Беда в том, что национальные чувства используются в корыстных, враждебных целях, для того чтобы столкнуть, народ с народом, человека с человеком. Идя таким путем, народы бывшего СССР могут поставить под сомнение объективные возможности своего национального возрождения и прогресса.

С ростом национального самосознания Российское государство предприняло попытки как-то регламентировать эту сферу, учитывая, что некоторые составляющие национального самосознания поддаются внешнему воздействию. В 1996 г. был сделан важный шаг в национально-государственных отношениях – принята Концепция государственной национальной политики, которая закрепила основные направления реализации национальной политики в субъектах РФ. В концепции отражены принципы, основные цели и задачи национальной политики, декларируется необходимость совершенствования федеративных отношений, обеспечения национально-культурного самоопределения народов

России, разработки региональных программ в сфере национальных отношений, а также предусмотрен механизм реализации государственной национальной политики. Впервые на федеральном уровне принята попытка создания законодательной базы для разрешения национального вопроса в стране, где прежде такого вопроса, как считалось, не существовало. Согласно данной концепции акценты в национальной политике должны быть перенесены с национально-территориального подхода на национально-культурный.

Наряду с этим в концепции можно обнаружить ряд существенных недостатков. Прежде всего, отсутствует достаточная социально-экономическая, ресурсная и финансовая база для ее реализации. Довольно разумные тезисы, сформулированные в концепции, при слабом социально-экономическом развитии страны превращаются в декларативные заявления, во многих случаях становятся непригодными для практического применения. Кроме того, как показали последние события на Северном Кавказе, в данной концепции и законодательстве по национальным вопросам в целом так и не был отработан механизм разрешения межнациональных конфликтов и, что еще важнее, нет механизма, а также научной и правовой основы предотвращения этих конфликтов. На наш взгляд, в концепции не сформулирована государственная идеология в сфере национальных отношений, хотя именно эту задачу она и была призвана решить.

В развитие концепции государственной национальной политики был принят закон “О национально-культурной автономии”. Нам кажется, что этот закон не внес большей ясности в сферу национальных и межнациональных отношений, а обеспечил лишь некоторую передышку в ситуации, требующей безотлагательной разработки способов более рационального решения проблем. Самое главное, предоставив гражданам России право объединяться в национально-культурные автономии по национальному признаку, закон тем самым развел российское общество по “национальным квартирам”. Мало того, стали появляться по несколько объединений представителей одной и той же национальности, которые отчаянно конкурируют между собой в праве организовать национально-культурную автономию, т.е. вносится раскол и между национальностями.

В сфере национальных отношений принят еще ряд нормативных актов – закон РСФСР “О реабилитации репрессированных народов” (1991 г.), закон РФ “О языках” (1996 г.), закон РФ “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” (1999 г.). Кроме того, приняты и реализуются федеральные целевые программы “Русский язык”, “Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 г.”, Миграционная программа и др.

Анализ нормативных актов, регулирующих национальные отношения показывает, что в настоящее время законодательная регламентация этой сферы носит эпизодический характер. Концепция государственной национальной политики не подтверждена программой ее реализации, федеральные законы регламентируют ту или иную сферу национальных отношений, но отсутствует целостная государственная национальная политика и соответственно она не закреплена в нормативных актах.

Для развития государственно-национальных отношений в первую очередь необходимы разработка и научное обоснование государственной национальной идеи. Как справедливо утверждает бывший министр по делам федерации и национальностей РФ В.А. Михайлов, “если не будет действительно общей государственной идеи, идеологии, то целостность государства сохранить будет очень трудно”. По сути, за всю историю России существовало много национальных идей. Во времена Российской империи этой идеей была триада “православие, самодержавие, народность”, отраженная в лозунге “За веру, царя и Отечество”. В советские времена такой идеей стала идея единения трудящихся (“Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”), которая была нейтральна к конфессиям, национальному фактору, была чисто социальной. Позже, в начале 90-х годов, превалировала идея сепаратизма, затем – так называемая “русская идея”. Но эти идеи вряд ли могут объединить многонациональное государство, каким является Россия. Сейчас многие ученые и политики сходятся на том, что новой идеологической формулой должна быть идея российской государственности, российского патриотизма. По мнению В.А. Михайлова, “пока национальное сознание многих народов к этому (внедрению идеи российского патриотизма и российской государственности. – М.Т.) еще не подготовлено, но именно здесь лежит один из самых сложных узлов или узелков, которые должны быть развязаны”¹⁰.

В последнее время в Западной Сибири стали создаваться региональные концепции и программы национальной политики в отношении как в целом всех народностей, проживающих на территории региона, так и отдельных национальностей. Так, в Омской области разработана Программа сохранения татарского языка на период 1999–2003 гг., идет работа над Региональной концепцией развития русского национального самосознания; в Новосибирской области создана Программа культурного развития и социально-экономического обустройства немецкого населения; в Тюменской области принята недавно Концепция национальной политики области на период 1999–2005 гг.; в Кемеровской области

ежегодно принимается и корректируется программа “Социальное и экономическое развитие коренных малочисленных народов”, принят областной закон “О правовом статусе коренных малочисленных народов в Кемеровской области”.

Следует особо остановиться на работе администрации Омской области над Региональной концепцией развития русского национального самосознания. Главная ее идея состоит в том, что русские, будучи государствообразующим, самым многочисленным народом Российской Федерации, так и не имеют механизмов национальной консолидации, в то время как у других народов, проживающих в России, наблюдается рост национального самосознания. Исправление сложившейся ситуации, по мнению разработчиков концепции, необходимо начинать с регионов, а затем следует постепенно перейти на федеральный уровень.

Среди целей и задач концепции выделяется задача сохранения самобытности и эффективности российского опыта в построении многонационального государства; принципы, применявшиеся и применяемые США и странами Западной Европы, неприемлемы для России. “Концептуальные” рецепты, которые пытаются применить в сегодняшней России, считают разработчики концепции, не затрагивают действительных коренных основ решения национального вопроса именно в России. По их мнению, населяющие Российскую Федерацию народы видят угрозу собственной национальной идентичности в неспособности русских отстоять свои национальные интересы.

В проекте концепции развития русского национального самосознания подробно рассматриваются причины утраты русскими национального самосознания. Среди них особый вред нанесла политика “региональной диаспоризации” как в советское, так и в нынешнее время в условиях внутригосударственной диаспоризации. В проекте анализируются региональные проблемы и на этой основе предлагаются пути выхода из создавшейся ситуации.

Нельзя отрицать, что данная концепция имеет под собой реальную научную основу, да и идея ее создания вынашивается очень давно также и на федеральном уровне. Но есть опасность, что принятие такой концепции может привести к противодействию со стороны нерусских национальностей. Подчеркнем, что любая концепция и программа для любой нации, и тем более для русского народа, не должны выделять эту нацию среди других, проживающих на территории страны, – здесь важно присутствие идеи единого российского народа.

Довольно большое внимание в Западно-Сибирском регионе уделяется проблемам российских немцев. Так, в Новосибирской области, занимающей третье место в стране по численности проживающих на ее территории российских немцев, принята и активно реализуется Программа культурного развития и социально-экономического обустройства немецкого населения области. Программа призвана содействовать активизации инициативы немцев, проживающих в области, поддерживать наиболее важные элементы их самоорганизации и саморазвития. Подчеркивается, что программа является отражением интересов всего немецкого населения Новосибирской области и ее основная цель состоит в создании условий для сохранения его этнической самобытности и социально-этнического развития. Реализация этой программы должна приостановить увеличение числа выезжающих семей российских немцев на постоянное место жительства в Германию посредством поддержки роста национального самосознания немецкого населения, его стремления к самосохранению и развитию в качестве этноса.

Огромное значение в плане создания прецедента в сфере разработки региональных концепций и программ, регулирующих национальные отношения, имеет принятая в 1998 г. Концепция национальной политики в Тюменской области на период 1999–2005 гг. По сути, до этого ни в одной отдельно взятой области региона не принимался подобный нормативный документ. В этой связи необходимо остановиться на специфике Тюменской области и ее отличии от других регионов Западной Сибири. Во-первых, Тюменская область является сложно построенным субъектом Российской Федерации. Здесь на одной территории действует три субъекта: сама Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Вопрос о взаимоотношениях этих трех субъектов Федерации в сфере государственного управления в 1997 г. рассматривался в Конституционном суде РФ. Во-вторых, на территории области соотношение русских и представителей других национальностей несколько иное, чем в других регионах. Если на остальной территории Западной Сибири русские составляют более 80 %, то в Тюменской области их только 72%, довольно многочисленны украинская и татарская диаспоры. В-третьих, в области проживает 25 малочисленных народов Севера. Доля представителей малочисленных северных народов в общей численности населения Ханты-Мансийского автономного округа составляет 1,5%, Ямало-Ненецкого – 6%.

Эти и другие особенности области учтены в региональной концепции, которая направлена на восстановление истари присущего россиянам примата духовно-нравственных ценностей, на гуманизацию и демократизацию межнациональных отношений, предупреждение национальных и религиоз-

ных конфликтов. При этом, по мнению разработчиков концепции, принципиально недопустимы любые противопоставления одного народа другому, проявления агрессивного эгоизма, национализма и шовинизма, культивирование психологии национальной исключительности, превращение национальных движений в националистические.

Концепция предусматривает в качестве первоочередных мер всемерную поддержку различных форм местного общественного самоуправления, создание условий для проявления инициативы и самодетельности всех национальных групп населения, решение проблем беженцев и переселенцев, оптимизацию миграционных процессов, сохранение языка, традиций и обычаев национальных групп, сохранение генофонда каждого народа и т.д. На наш взгляд, принятие концепции национальной политики области — довольно уникальный опыт, который важно перенести и в другие регионы.

Успех в осуществлении государством национальной политики во многом зависит не только от действенности соответствующих государственных институтов и гражданской активности населения, представляющего различные этнические и конфессиональные группы. Он определяется и общим духовным настроением, степенью развития самосознания, разделяемыми большинством общества ценностями и идеалами. А это, в свою очередь, во многом зависит от того, насколько процесс формирования эмоционально-психологического климата опирается на действительно нравственные и соответствующие реалиям принципы и нормы.

Возможно, на настоящем этапе исторического развития необходимо несколько скорректировать политику государства в национальной сфере. Это особенно актуально в контексте развития российского народа как единого этноса, включающего все национальности России. Подобные тенденции уже имеют место в региональном нормотворчестве, и, на наш взгляд, их следует развивать также на федеральном уровне. При этом важно помнить, что каждая нация, составляющая российский народ, самобытна и уникальна, но вместе с тем наиболее вредное и опасное для наций заблуждение — стремление к национальной замкнутости.

Степень развития национально-государственных отношений прямо зависит от уровня развития самосознания народов, проживающих на территории страны. Самосознание же находится в прямой зависимости от уровня развития нормотворчества в национальной сфере на региональном уровне. Здесь важно принять в тесном сотрудничестве с федеральным центром региональные концепции государственной национальной политики с учетом специфики региона, возможностей обеспечения материальной и финансовой базы реализации этой концепции и, что самое важное, с учетом научных достижений в соответствующей области.

В заключение подчеркнем, что Россия — уникальная страна, что культура, уклад жизни, традиции и обычаи народов, проживающих на ее территории, не имеют аналогов в мире. И в наших силах все это сохранить и преумножить.

Примечания

- ¹ *Словарь русского языка*. — М., 1998. — Т. IV. — С. 23.
- ² *Longmont dictionary of contemporary English: Spec. edit.* — V. II. — P. 947.
- ³ См.: *Философский энциклопедический словарь*. — М., 1983. — С. 591.
- ⁴ *Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях*. — М., 1978. — С. 136.
- ⁵ См.: *Хабибулин К.Н., Скворцов Н.Г.* Испытание национального самосознания. — М., 1993.
- ⁶ См.: *Социологические исследования в России: Проблемы национального самосознания русских*. — М., 1998.
- ⁷ См.: *Синкевич З.В.* Национальное самосознание русских. — М., 1996. — С. 95.
- ⁸ См.: *Абдулатипов Р.Г.* Заговор против нации. Национальное и националистическое в судьбах народов. — СПб., 1992. — С. 34.
- ⁹ *Михайлов В.А.* Некоторые особенности национальной политики в России: ретроспекция // *Федерация и народы России: Инф. бюл.* — М., 1996. — №1 (6). — С. 15.
- ¹⁰ Там же. — С. 15.

А.В.Цихоцкий
(г. Новосибирск)

ПРАВОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ АНТИСЕМИТИЗМА*

Со времени своего возникновения Россия является полиэтническим государством, всегда имевшим население, внутренне раздробленное по языку, религии, национальной принадлежности. Данное обстоятельство объективно предопределяло стратегию поиска модели политики государства, которая позволила бы преодолеть этнические разногласия. История свидетельствует, что эта модель традиционно базировалась на принципе господства, когда русские контролируют всю систему социального бытия с помощью механизма правового неравенства. При этом философия неравенства опирается на базовую идею: попытки обеспечить свободу личности только посредством института собственности окажутся тщетными, если общество сохранит другие предпосылки, предопределяющие социальное неравенство. Пол, национальность, общественное положение, религия, профессия могут создавать целый ряд неравенств среди граждан по закону. Иными словами, жители страны отличались друг от друга не только своим имущественным положением и нравами, – сами государственные законы вносили в это различие значительную лепту. Таким образом, перед всякой социальной революцией всегда стоит задача устранить это вековое влияние и вернуть личности ее ценность и достоинство, обеспечить ей возможность пользоваться свободой и равенством безотносительно социального положения, национальной принадлежности или отношения к религии.

Попутно можно отметить, что правовая дискриминация граждан по признаку расы, национальности, пола, отношения к религии и т.д. в качестве государственной политики – явление в мировой истории XIX – первой половины XX в. не такое уж и редкое. Можно привести многочисленные примеры законодательных решений, один из которых – “черный закон”, избирательно определявший статус подданных Англии в ее южно-африканских колониях¹. Но и сегодня в ряде стран существует несколько категорий граждан, статус которых неодинаков. В частности, в США в определенной степени различаются статус гражданина по рождению и статус лица, получившего гражданство в результате натурализации. Эти последние, например, не могут занимать некоторые государственные должности.

Среди мировоззренческих оснований философско-политической доктрины развития нашего Отечества ряд исследователей (Вл.Соловьев, П.Я.Чаадаев, А.С.Хомяков, И.В.Киреевский, Ф.М.Достоевский, К.Н.Леонтьев и др.) выделяют “русскую идею”². Каково содержание собирательного понятия “русская идея”? Какие оттенки действительности в нем преобладают: откровенно националистические или интернациональные? И хотя в понятие “русская идея” представители современной политической элиты вкладывают новое содержание, но большей частью оно сводится к призыву: “Возродить Россию!”, – т.е., строго говоря, ее восстановить. Следовательно будущее связывается с прошлым. И здесь трудно не согласиться с утверждением, что у каждого своя ностальгия: у одних – по монархической, святой и великой “России, которую мы потеряли”, у других – по мощному, играющему военными бицепсами социалистическому государственному монстру, прибравшему к рукам пол-Европы и немалую часть Азии и заставившему весь мир “уважать” себя, т.е. бояться, у третьих – по единому союзному государству, предоставлявшему такие необъятные возможности для безвизового перемещения в пространстве и во времени, у четвертых – по разрушенной русской духовности, религии, культуре, искусству, по патриархальным обычаям и традициям предков, по соборной справедливости, народному милосердию и совестливости и т.д.³

Поскольку перечень моделей утраченного приведен здесь в качестве иллюстрации, он не является закрытым, и, продолжая его, можно выделить, наконец, и ностальгию пятых – по политике поиска “истинного виновника” в бедах русского национального социума. О существовании субъектов – носителей идеологии русского нацизма говорят данные социологических исследований: на вопрос, согласен ли респондент с лозунгом “Россия для русских”, 28% ответили утвердительно⁴. Не предвосхищая степень реализации подобных политических идей в сегодняшних условиях, следует заметить, что у националистов всех времен и народов лозунги традиционны: “Германия, Германия превыше всего!”, “Грузия для грузин!”, “Украина превыше всего!”, “Украина для украинцев!”. Все националисты ищут врагов среди людей других наций (вспомним, например, призыв: “Бей жидов, спасай Россию!”).

* Редколлегия сборника, рассматривая антисемитизм как самое отрицательное явление в государственной национальной политике XIX в., разделяет основную идею статьи: право является важнейшим регулятором межнациональных отношений в полиэтническом обществе.

Примитивные лозунги-антагонизмы обращены к гражданам с крайне низким самосознанием, они подрывают пространство солидарности на самом что ни есть бытовом уровне. Для элиты же общества создаются философские конструкции, опирающиеся на “историческое предназначение”, “национальное преобладание”, “национальный инстинкт” русских (славян). Обратимся к идеологам русского национализма и приведем достаточно типичные высказывания. И.А.Ильин не сомневается в такой перспективе: “Когда мы смотрим вперед и вдаль и видим грядущую Россию, то мы видим ее как национальное государство, ограждающее и обслуживающее русскую национальную культуру... В противоположность всякому интернационализму... мы утверждаем русский национализм, инстинктивный и духовный, исповедуем его и возводим его к Богу”⁵. Н.А.Бердяев утверждал следующее: “Наша национальная мысль должна творчески работать над новой славянской идеей, ибо пробил час всемирной истории, когда славянская раса должна выступить со своим словом на арену всемирной истории”⁶.

Зерна русского национализма, посеянные философами прошлого, на хорошо подготовленной социальной почве современной России дают обильные всходы: в обществе циркулируют идеи, имеющие ярко выраженную направленность. “Русский человек, — доказывает Ю.П.Власов, — никогда прежде не видел еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником.... Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти... Неудивительно, что русский человек, сравнивая прошлое с настоящим, утверждает в мысли, что нынешняя власть *еврейская* и что потому именно она осатанелая...”⁷.

Итак, еврейский вопрос по-прежнему продолжает эксплуатироваться политиками, будоражить воображение обывателя, и это обстоятельство диктует необходимость поиска ответа на вопрос: таит ли еврейство угрозу национальной безопасности русских?

Предубеждения относительно евреев, родившиеся в недрах христианства, явились причиной неисчислимых бед. Религиозная нетерпимость христиан вела к дискриминации евреев, проявившейся в невероятных мифах и легендах о евреях и иудаизме. При этом христианская церковь придерживалась двойного стандарта: с одной стороны, она всегда стремилась заставить всех иудеев принять христианство, а с другой — с большими оговорками и ограничениями позволяла им исповедовать свою религию, чтобы иметь наглядное доказательство превосходства христианства над иудаизмом. В отношении евреев распространялось два мистических предубеждения религиозного характера: их обвиняли в осквернении Тела Христова и совершении ритуальных убийств. Провозгласив тезис о том, что евреи — враги христианства и что их главная цель — обратить христиан в иудаизм, церковь посредством государственной политики добивалась дискриминации евреев безотносительно страны их проживания. Например, история хранит многочисленные формы уничижительного отношения к евреям: еще в 1215 г. указом Папы их обязали носить на одежде особые знаки отличия, евреи должны были проживать в изоляции (гетто), им запрещалось селиться в некоторых городах, они вытеснялись из самых разнообразных сфер деятельности и т.д.

В стремлении пополнить казну государства нередко устанавливали всевозможные налоги на евреев. “Евреи и их имущество принадлежат королю”, — гласил закон английского короля Эдуарда Исповедника, опубликованный в середине XII в. Ежегодные налоги с евреев устанавливались обычно по ставкам, в несколько раз более высоким, чем налоги с христиан. В Золотой булле 1356 г. по поводу суверенных прав, даруемых немецким императором курфюрстам, говорилось: “Курфюрсты... могут держать евреев и взимать с них пошлины и получать доходы”⁸.

Проблемы ограничения правоспособности евреев, как утверждает романист В.М.Хвостов, своими корнями уходит в политику Римского государства эпохи признания христианства в качестве религии, когда евреи (*judaei*) лишались права занимать государственные должности, обладать рабами-христианами, вступать в брак с христианами, составлять завещания и наследовать, а также быть свидетелями в суде⁹. Однако было бы ошибочным суждение, что причиной вражды по отношению к евреям являлась только религия: эта вражда имела, на наш взгляд, экономическую или социальную почву, а религиозные мотивы дали ей оправдание.

Русские цари, используя возложенную на них миссию защитников православия, постоянно отказывали евреям в разрешении на въезд в Россию, поэтому еврейский вопрос в политике нашего государства — явление лишь конца XVIII в., здесь он возник значительно позднее, чем обозначился в других европейских странах. Чтобы проследить появление и развитие проблемы, отметим ряд исторических периодов в жизни еврейской диаспоры в Европе, позволяющих выявить определенные закономерности в истории русского еврейства.

Первый период — еврейское переселение в Польшу из Германии, обусловленное крестовыми походами и массовыми погромами (1096 г.). Этот период ознаменован созданием общины, получившей от короля Болеслава “привилегий” — правовой регламент еврейской жизни в этой стране (1264 г.).

Второй период (1264–1506 гг.), характеризующийся возвышением роли евреев в жизни как Польши, так и принадлежавших Литве русских, украинских и белорусских земель, завершился вступлением на престол Сигизмунда I Августа. Евреи имели собственную общинную организацию, жили богатой духовной жизнью, являлись важным звеном экономической системы.

Третий период (1506–1648 гг.) – время от вступления на престол Сигизмунда I до начала восстания под руководством Богдана Хмельницкого, когда так называемый “Сейм четырех стран” ведал всеми сторонами жизни евреев, развивалось самоуправление. Экономическое возвышение евреев участием их в польской экспансии – обстоятельство, предопределившее их социальную нишу: евреи оказались между католической шляхтой и православным крестьянством и казачеством, вызывая недовольство как тех, так и других.

Четвертый период (1648–1772 гг.) – истребление еврейского населения Украины войсками Богдана Хмельницкого, кровавая гайдаматчина (1734–1768 гг.), предательство со стороны католического населения, фактическое прекращение еврейской жизни на Украине, массовая эмиграция во внутренние районы Польши.

Пятый период (1773–1795 гг.) – время разделов Польши, утраты ею государственного суверенитета, превращения евреев в русских поданных, появления “черты оседлости” и рокового еврейского вопроса.

Приведенная периодизация сама по себе еще не отражает объективность истории русского еврейства, – важно также вспомнить, что в XII в. из-за отсутствия прочной экономической базы и междоусобиц Киевская Русь как государство, несмотря на могущество и величие, распалась. Часть ее земель была насильственно включена в состав Речи Посполитой. Поэтому в московский период объединения племен и народов в общерусское государство существовала проблема “киевского наследства” – воссоединения православной левобережной Украины с Русским государством, которая получила разрешение в результате трех разделов Польши. Россия получила все западно-украинские земли (без Львова), белорусские земли, большую часть Литвы и Курляндию, т.е. территории, густо заселенные евреями.

Разумеется, сам по себе факт получения евреями российского гражданства не мог обусловить появление еврейского вопроса, поскольку в многонациональном государстве национальный вопрос встает тогда и там, когда и где национальное меньшинство, подвергаясь дискриминации со стороны государства, стремится к изменению своего статуса или к отделению. В рафинированном виде еврейского вопроса в истории России не существовало, он всегда переплетался с разнообразными экономическими, культурными, социально-классовыми отношениями и отражал традиции и психологические наслоения разных эпох.

Еврейский вопрос в России – проблема для отечественной науки не только идейно-политическая, но она является одной из наиболее острых. Поэтому в последние полвека существования СССР утвердилась абсолютная “закрытость” еврейского вопроса: он был окружен заговором молчания, тема социального статуса евреев находилась под запретом. Давние идеологические и политические факторы, лежавшие в основе режима российского государственного антисемитизма, продолжали культивировать в массовом сознании образ еврейского народа, в истории которого были только одни агрессоры и эксплуататоры, обеспечивали мифологизацию еврейства – придание этносу несвойственных ему черт. Оказалось, что и современный человек способен погружаться в атмосферу древнего мифотворчества, когда отсутствовали научные знания.

Подобное восприятие евреев имеет свое объяснение: в социалистическом обществе не укоренились массовое осуждение и противодействие обывательщине, на массовое сознание в правильном направлении не влияли ученые, писатели, общественные лидеры. Наоборот, общество находилось под знаком государственного антисемитизма. В качестве аргумента в пользу данного утверждения можно сослаться, например, на антиеврейские акции, обозначенные принятым в декабре 1946 г. постановлением Политбюро ЦК КПСС “О сборе учетных данных по троцкистам и еврейским националистам”, которое предусматривало и депортацию евреев в Сибирь и Среднюю Азию. Эта равноценная фашистскому геноциду государственная мера не состоялась только из-за смерти Сталина. Сегодня, когда открылась возможность объективного исследования и еврейский вопрос стал активно разрабатываться многими отраслями науки, ученые обнаруживают все новые и новые архивные документы, характеризующие позорные этапы развития государственного антисемитизма, среди которых и аутентичная запись высказываний Сталина о том, что “любой еврей – националист... агент американской разведки”. Эти суждения, служившие аргументами в пользу принятия Политбюро ЦК КПСС указанного постановления, венчали всю политику антиеврейского шовинизма.

Государственная политика антисемитизма, весьма печальное явление российского общества, разъедала народ, она возводила антипатию отдельных людей по отношению к евреям в ранг принципа, делая из субъективного чувства нечто обязательное и объективно обоснованное. Следует заметить, что народный гнев, нелюбовь к евреям проявлялись в неудовольствии по поводу их имущественного бла-

гополучия, возраставшего благодаря большой ловкости, расчетливости и трезвости евреев. Это находилось в теснейшей связи с тем, что христиане в течение веков разрешали евреям одну лишь торговлю и принуждали их пускаться в ход различные хитрости, чтобы избежать преследований и вымогательств.

В антисемитской политике государства ясно выделялись два момента – религиозный и экономический, тогда как принцип национальный почти не выдвигался. Иными словами, можно утверждать, что сама по себе национальная принадлежность мало влияла на положение человека. Государство почти не интересовалось национальным происхождением того или иного подданного. В досоветских документах не существовало даже графы “национальность”. Важным было другое – вероисповедание. Вероисповедные различия, часто, конечно, совпадающие с национальными, имели существенное значение. Однако нетрудно заметить, что эти различия достаточно легко преодолеваются. Человек не может изменить свою национальную принадлежность, но имеет возможность с большими или меньшими трудностями изменить вероисповедание, а значит, и весь свой государственно-правовой статус. Поэтому с точки зрения закона иудей, принявший крещение и ставший православным, получал все права, которые имел и любой русский человек, принадлежавший к соответствующему сословию¹⁰. По этому поводу в литературе замечено: “Можно без особых натяжек утверждать, что крещение в Российской Империи XVII–XVIII вв. было не менее могучим средством социального продвижения, чем вступление в партию в советское время”¹¹.

Государственная политика в отношении евреев проявлялась посредством законодательного оформления их статуса. Анализируя законодательство, можно утверждать, что правовой статус евреев определяется применительно к двум периодам их жизни в России: к тому времени, когда евреи, проживая на территории России, не были русскими подданными, и к периоду истории евреев в России как русских подданных, начало которого связано с царствованием Екатерины II.

К законодательному оформлению статуса российских евреев правомерно подходить двояко: во-первых, игнорировать историю еврейского вопроса в политике государства; во-вторых, попытаться выявить объективные причины, побудившие государство отказаться от принципа равенства подданных перед законом. Действуя в первом направлении, исследователь уподобится законоведу, констатирующему противоречия в нормативном оформлении статусов. Более правильным будет второе направление, на котором постоянно придется решать вопрос “почему?”. Существовали ли объективные предпосылки для определения правового статуса евреев на основе принципа равенства? В поисках ответа на этот вопрос следует согласиться с тем, что “в стране сословных перегородок, при государственном строе, в фундаменте которого лежало закрепощенное крестьянство, а наверху красовалось самодержавие, опирающееся на дворянство”, решение проблемы могло идти не по прямому пути равенства перед законом, а по извилистому пути специального законодательства¹².

Целью антиеврейского законодательства была не только большая изоляция евреев от христиан, но и превращение евреев в объект презрения и насмешек, лишение их всех признаков человеческого достоинства. Это законодательство было направлено на то, чтобы придать преследованиям евреев все более абстрактный характер, пока сама причина этих преследований не станет неясной, а затем и вовсе забытой, пока не останется лишь дегуманизированный образ униженного еврея.

Правовой статус евреев мог ограничиваться не только властью государства, но и нормами-обычаями, сложившимися в той или иной части империи. Например, по свидетельству путешественника И.Я. Черного, во второй половине XIX в. евреи Терской области не имели права участвовать в совещаниях по делам аульного общества, не могли строить и покупать дома, по всем своим тяжбам добивались материального удовлетворения только через своих покровителей. Евреям воспрещалось ездить верхом, носить хорошую одежду, особенно шелковую. Этот же автор рассказывает о денежной повинности, которой облагали евреев покровители-князья (за привоз вина для домашнего употребления, покупку лошадей, свидания с родственниками из других деревень, выдачу дочери замуж и т.д.) и делает общий вывод: и “вообще им причинялось много страданий”¹³.

В законодательном оформлении государственной политики антисемитизма можно выделить два периода: длившийся до 1804 г. период принятия разрозненных нормативных актов по отношению к евреям и период действия систематизированных правовых актов, первым из которых было “Положение о евреях” от 9 декабря 1804 г. “Еврейская” реформа 1804 г. детерминировалась минимум двумя факторами: во-первых, влиянием еврейской общины на христианское общество; во-вторых, бедственным положением евреев. Следует заметить, что первый из названных факторов, предопределявших “еврейскую” реформу, имел главенствующее значение, поскольку на правительственном уровне официально признавалось, что евреи спаивают и эксплуатируют крестьян, т.е. их деятельность считалась вредной для общества, а тем самым затушевывалась главная причина экономического бедствия крестьян – их крепостное положение. Таким образом, политические мотивы диктовали объяснение реформы вредной деятельностью евреев, поэтому реформа и

была направлена на евреев. "Еврейская" реформа могла дать улучшение экономического положения также евреям, однако этого не случилось: возложив всю ответственность за бедствия российских крестьян на евреев, государство оставило без внимания нужды евреев. Такое отношение государства объясняется одним: улучшение положения евреев находилось в глубоком противоречии с целями самой реформы.

"Еврейская" реформа проявилась в системе принудительных мер в отношении евреев: выселении их из сел и деревень, приобщении к русской жизни, двойном налогообложении, ограничении свободы передвижения, ограничениях в сфере трудовых отношений и т.д. В деятельности российских законодателей по отношению к евреям отмечается три характерных момента. Во-первых, во имя престижа существующего порядка евреи выставлялись единственными виновниками всех бед. Во-вторых, с целью оставить неприкосновенным этот порядок была предпринята новая попытка крутыми и поспешными мерами преобразовать жизнь еврейского населения. В-третьих, производя соответствующую реформу, правительство игнорировало ее тягчайшие экономические последствия для еврейского народа¹⁴.

Хотя на протяжении XIX в. решение еврейского вопроса не единожды получало новое законодательное оформление (например, законодательство от 13 апреля 1836 г., серия указов 1844 г.), однако основные идеи "Положения" 1804 г. при этом оставались неизменными. Официальный антисемитизм, являясь историческим наследием, привнесенным византийским православием, всякий раз вплоть до 1917 г. находил свое отражение в документах государства. И только в советский период он трансформировался в завуалированную форму, оправдываемую теорией сближения, слияния наций.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: Ганди М.К. Моя жизнь. – М., 1969. – С. 135–137.
- ² См.: Русская идея / Сост. М.А. Маслинин. – М., 1992.
- ³ См.: Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. – М., 1998. – С. 452.
- ⁴ См.: Андреев А. Есть чем гордиться: "Национальный вопрос" в зеркале социологии // Рос. газ. – 1995. – 18 мая.
- ⁵ Ильин И.А. О русском национализме // Ильин И.А. О грядущей России: Избр. ст. / Под ред. Н.П.Полторацкого. – М., 1993. – С. 263.
- ⁶ Бердяев Н.А. Славянофильство и славянская идея // Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990. – С.137.
- ⁷ Власов Ю.П. Русь без вожда. – Воронеж, 1995. – С.473.
- ⁸ См.: Федорова Е. Дозволенный грабеж // Нов. время. – 2000. – № 2–3. – С.30.
- ⁹ См.: Хвостов В.М. История римского права. – М., 1919. – С.394.
- ¹⁰ См.: Чистяков О.И. Развитие формы государственного единства в досоветской России // Методические проблемы правоведения. – М., 1994. – С.33, 34.
- ¹¹ Соколовский С.В. Понятие "коренной народ" в российской науке, политике и законодательстве // Этногр. обозр. – 1998. – № 3. – С.80.
- ¹² См.: Дубнов Ш. Судьбы евреев в России в эпоху западной "первой эмансипации" (1789–1815) // Евреи в Российской Империи XVIII–XIX веков. – Москва, Иерусалим, 1995. – С.280.
- ¹³ См.: Горные евреи в Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1997. – С.169.
- ¹⁴ См.: Гессен Ю.И. Евреи в России. – СПб., 1906. – С.5.

В.В.Левочкин
(г. Омск)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ПОДХОДА ДЛЯ АНАЛИЗА И ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ РЕГИОНА: НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ

Современный кризис отечественного промышленного производства, вызванный во многом разрушением старых, административно-плановых, способов взаимосвязи хозяйствующих субъектов, породил две характерные тенденции в экономической жизни России. Во-первых, это относительная натурализация хозяйственных отношений, во-вторых – значительное усиление участия региональных и муниципальных властей в управлении промышленностью. Данные тенденции иногда трактуются как пути оздоровления экономической жизни. Однако нельзя не отметить, что натурализация хозяйственных отношений тормозит интеграционный процесс, а всякое ограничение свободы хозяйствующего субъекта ведет к изменению его мотивации в хозяйственной деятельности. Поэтому представляется целесообразным выяснить, насколько усиление участия местных органов власти в управлении промышленностью способствует эффективному функционированию экономики региона и каковы должны быть оптимальные формы и методы этого участия.

Пути повышения эффективности общероссийской экономической системы нам видятся в оптимизации структуры субъектов хозяйствования, способов их взаимосвязи, управления и стимулирования их деятельности. Чтобы проанализировать эту проблему, необходимо, на наш взгляд, исследовать региональную систему взаимосвязи субъектов хозяйствования в сфере промышленного производства. Дело в том, что именно сфера промышленного производства характеризуется наибольшей сложностью взаимосвязей действующих в ней хозяйствующих субъектов, а отмеченная выше тенденция регионализации как экономических, так и политико-экономических отношений заставляет сосредоточиться на изучении регионального аспекта данной проблемы. Кроме того, именно исследование организации управления промышленностью как наиболее динамичного экономического процесса позволяет выявить неиспользованные возможности экономической системы в целом. Анализ значительной части организационных форм и взаимосвязей почти всегда ретроспективен, так как здесь мы имеем дело с уже сложившимися экономическими системами.

В экономических исследованиях обычно такая ретроспектива охватывает промежуток от нескольких месяцев до нескольких лет. Главным достоинством этой краткосрочной ретроспективы является то, что изучается непосредственно система управления промышленностью, а отсюда и высокая степень адаптируемости результатов исследований при внедрении их в современную управленческую практику. Высокая степень адаптируемости объясняется тем, что в краткосрочной ретроспективе управленческие процессы анализируются применительно к однородным макроэкономическим условиям, а степень иерархизации управляющих субъектов в рассматриваемый период остается, как правило, постоянной. Вместе с тем очевидным недостатком краткосрочной ретроспективы в изучении процессов управления экономикой является отсутствие у исследователя возможности всесторонне проанализировать деятельность управляющего субъекта из-за недоступности части материалов, отражающих эту деятельность, которые становятся доступны лишь через несколько десятков лет. Именно поэтому, для того чтобы дополнять результаты исследований управленческих процессов в экономической сфере, полученные в рамках краткосрочной ретроспективы, целесообразно использовать для анализа этих процессов и более длительную ретроспективу.

Такой ретроспективный подход к исследованию процесса управления экономическими системами возможен при соблюдении двух условий, касающихся и краткосрочной, и долгосрочной ретроспективы. Во-первых, необходимо, чтобы степень иерархизации управляющего субъекта, на который направлен ретроспективный анализ, была сходна со степенью иерархизации современного субъекта, для оптимизации которого и проводится ретроспективное исследование. Во-вторых, ретроспективный анализ возможен лишь тогда, когда существует значительное сходство макроэкономических условий, в которых находятся требующий оптимизации современный управляющий субъект и субъект, на который направлен анализ. На наш взгляд, этим требованиям отвечают процессы функционирования и реорганизации субъектов управления промышленностью в 20-е годы XX в. в России.

Сходными с современным состоянием видятся наличие в экономической системе 20-х годов различных укладов, смешанный тип экономики, наличие административных и рыночных методов управления, разноразноуровневых по степени иерархизации субъектов хозяйствования – всероссийских (ВСНХ), региональных (СНХ, ГСНХ, ОМХ), отраслевых (главков, синдикатов, трестов), производственных (автономных предприятий, заводоуправлений и т.д.).

Необходимость ретроспективного подхода в изучении и оптимизации современных структур и способов управления экономикой обусловлена относительностью адаптивности западных (современных западно-европейских и североамериканских) форм организации промышленного производства в странах со значительным традиционным элементом в хозяйственной системе, к которым, в частности, относится и Россия. Многие отечественные исследователи российской хозяйственной системы, такие как В.И.Гриневицкий и М.И.Туган-Барановский, еще в начале XX в. отмечали ее своеобразие и трудности адаптации в ней западных элементов организации промышленного производства. Результаты экономических реформ 90-х годов в целом подтверждают данный тезис. Проблема адаптации западных форм организации промышленного производства на российской почве выкристаллизовалась в 20-е годы в связи с увеличением темпа индустриализации экономики страны. Руководители предприятий, инженерно-технические работники, непосредственно внедрявшие западные формы организации производства в отечественной промышленности отмечали, что попытки автоматического переноса «идеальных тейлоровских схем построения фабричных предприятий к благоприятным результатам не приводили, и поэтому требовалась известная русификация, известное приноравливание к российской действительности переносимых форм»¹. Западные элементы организации промышленного производства, переносимые в экономику России, изменялись и деформировались, вследствие чего складывалась своеобразная система организации отечественной промышленности, сочетающая в себе новые и традиционные элементы.

Еще в 30-х годах О.Шпенглер объяснил причину особенностей промышленного производства в таких странах, как Россия. Она заключается в своеобразии ментальности, стереотипе поведения русского человека: «для цветных – а в их число входят и русские – фаустовская техника не является внутренней потребностью. Только фаустовский человек мыслит, чувствует и живет в этой форме»⁷². Таким образом, западные элементы организации промышленного производства заимствуются и используются представителями незападных обществ с иными целями. Последнее обстоятельство как раз и создает основные трудности в адаптации заимствованных элементов.

Отмеченные трудности адаптации западных форм организации промышленного производства актуализируют ретроспективный поиск путей оптимизации современной системы регулирования российской промышленности. Во-первых, ретроспективный подход в исследовании управления промышленным производством не ведет к конфликту новых и традиционных элементов организации производства, потому что в таком случае способы оптимизации управления выводятся на основе исследования культурно однородной хозяйственной системы. Во-вторых, ретроспективный подход дает возможность исследовать уже вполне проявившиеся противоречия в управлении промышленностью, вызванные культурными заимствованиями, что в конечном итоге позволяет решить обозначенную выше проблему адаптации западных форм организации промышленного производства.

Именно проблема адаптации форм организации промышленного производства предполагает, что культурная среда, в которой существует оптимизируемая управленческая система, и среда, в которой существовала изучаемая система, должны быть однородными. Это условие локализует предлагаемый ретроспективный анализ для оптимизации регулирования промышленного производства, например, сибирских регионов России территорией Сибири. Тем более, что существует достаточное количество источников, позволяющих провести подобный ретроспективный анализ для сибирских регионов. В частности, можно было бы провести такой анализ на предмет поиска путей оптимизации отношений исполнительных органов власти субъектов Федерации и муниципальных образований в регулировании экономики региона.

Противоречия между региональными и муниципальными органами исполнительной власти в последние 70 лет в России возникали достаточно часто. Однако противоречия конца 90-х годов характеризуются особой остротой, причем напряженность отношений исполнительных органов власти регионов и муниципальных образований обусловлена не идейно-политическими противоречиями, а организационно-экономическими. Под последними мы понимаем разногласия по поводу распределения бюджетных полномочий, по поводу инвестиционных проектов, несогласованность и параллелизм в управлении подчиненными объектами. Данные противоречия осложняют процесс регулирования социально-экономической жизни региона и управления ею. Таким образом, в настоящее время достаточно явной становится необходимость оптимизации отношений между региональными и муниципальными исполнительными органами власти.

Подобного рода организационно-экономические противоречия между указанными управляющими субъектами имели место, в частности, в Сибири в 1920 г. Здесь с апреля до ноября 1920 г. осуществлялся переход от системы региональной власти, оформленной в виде революционных комитетов, к исполнительным комитетам Советов. Но уже к октябрю того же года, т.е. еще в процессе становления региональных и муниципальных исполнительных органов, между ними стали вспыхивать конфликты. Именно в октябре 1920 г. уже отчетливо выявляется параллелизм в работе городских исполнительных комитетов Советов и уездных исполнительных комитетов Советов. Отмечается, что «решения Городского исполнительного комитета Совета постоянно обжалуются в Губернский исполнительный комитет Совета, поэтому вмешательство ГУБа в городские дела приобрело хронический характер»⁷³. Кроме того, существование двух параллельно действующих как функционально, так и территориально управленческих аппаратов вело к неэкономному расходованию имевшихся в Сибири ресурсов.

В ноябре 1920 г. I Губернское совещание председателей губернских исполнительных комитетов и заведующих отделами управления исполнительных комитетов Советов рассмотрело сложившуюся ситуацию и возможные способы ее преодоления. Большинство участников совещания согласилось с мнением Сибирского революционного комитета о том, что для управления на местах наиболее целесообразны будут объединенные городские исполнительные комитеты и губернские исполнительные комитеты. Уже на этом совещании был отмечен положительный опыт губерний, осуществивших к ноябрю 1920 г. соединение городских и губернских органов исполнительной власти. Это соединение «устранило нелепейший параллелизм, который выдвигался всюду, где работа по городу была отделена от губернских органов»⁷⁴.

Анализ опыта реорганизации региональных и местных исполнительных органов власти в 1920 г. в Сибири позволяет сформулировать один из возможных способов разрешения отмеченных выше организационно-экономических противоречий. Разрешение социально-экономических проблем региона, возника-

ющих отчасти и вследствие организационно-технических противоречий между региональными и муниципальными органами власти, может лежать также в плоскости реформирования структуры и функций указанных учреждений.

Ретроспективный анализ целесообразно применить и для выявления путей оптимизации структуры управления промышленным производством в сибирских регионах. В этой связи следует изучить опыт перестройки органов управления местной промышленности в конце 1923 – начале 1924 г.

Декретом ВЦИК от 3 ноября 1923 г. были соединены Губернские Советы народного хозяйства (ГСНХ) и коммунальные отделы губернских исполкомов. Слияние проводилось с целью концентрации и повышения эффективности местной промышленности, а также с целью сокращения численности ее управленческого аппарата. Результатом такого слияния стали отделы местного хозяйства (ОМХ) губернских исполкомов. Структурно ОМХ существенно отличались от ГСНХ и состояли, как правило, из пяти подотделов: 1) административного, включавшего общую, юридическую и комендантскую части; 2) жилищно-земельного, включавшего такие части, как управление недвижимостью, арендную и жилищную; 3) бухгалтерского; 4) заготовок и снабжения; 5) промышленно-технического и благоустройства⁵. ОМХ были непосредственно подчинены губернским исполкомам, кроме того они подчинялись НКВД, а в управлении промышленностью они должны были руководствоваться директивами Сибпромбюро ВСНХ.

Органы управления местной промышленностью ГСНХ, существовавшие до рассматриваемой реорганизации, являлись исполнительными органами Сибпромбюро и действовали на правах отделов губернских исполкомов, т.е. ГСНХ в отличие от ОМХ были, с одной стороны, непосредственно подчинены органу, занимающемуся исключительно управлением промышленностью, а с другой – они были более автономными по отношению к исполкомам. Последнее обстоятельство во многом обуславливалось структурой ГСНХ. Губернские Советы народного хозяйства, как правило, состояли из президиума, общего отдела, финансово-коммерческого, технико-промышленного, статистического, планового, отдела снабжения или банковского и хозяйственного отдела⁶. Данная структура позволяла ГСНХ управлять местной промышленностью с позиции определенным образом организованного хозяйствующего субъекта, непосредственно отвечающего за состояние и развитие этой отрасли.

Отделы местного хозяйства и промышленно-технические подотделы ОМХ, на наш взгляд, не смогли управлять местной промышленностью с такой позиции – первые из-за своей многофункциональности, вторые из-за слабой иерархизации. Именно поэтому в 1924 г. возникла перспектива “распыления” местной промышленности. Эта тенденция была отмечена, в частности, в циркуляре Сибпромбюро от 19 мая 1924 г.: “Некоторые ОМХ уже убедились в том, что вследствие смешения функций названных подотделов (ПТО и КХ. – В.Л.) возникает опасность обезличения промышленной деятельности и, в конечном итоге, грозит полным распылением местной промышленности”⁷. Процесс “распыления” местной промышленности происходил в результате смешения средств коммунальных подотделов и подотдела промышленности, что позволяло исполкомам безвозмездно изымать прибыль промышленных предприятий и свободно маневрировать этими средствами для решения проблем, возникавших в других сферах хозяйственной жизни⁸. Подобная ситуация сохранялась и в 1925 г., о чем свидетельствуют конфликты Сибпромбюро и исполкомов, в частности, по поводу размеров отчислений из прибылей предприятий местной промышленности в местный бюджет⁹.

Недостатки реорганизации управления местной промышленностью в 1923–1924 гг. в конечном итоге существенно сузили возможности Сибпромбюро руководить промышленностью Сибири, на что обратил внимание и Сибревком¹⁰. Об этом же говорится и в одном из докладов Сибпромбюро Сибревкому: “...В силу своего правового положения губисполкомы считали себя, вопреки действующему законодательству, полными хозяевами местной промышленности, признававшими за органами ВСНХ лишь право получения отчетных материалов... Вышеприведенная организационная ненормальность повлекла за собой яростное тяготение местной промышленности к исполкомам и создала оторванность ее от Сибпромбюро”¹¹.

Анализ опыта создания и функционирования ОМХ в середине 20-х годов в Сибири показывает, что в условиях многоукладной экономики и острой дефицитности бюджета оптимальное управление промышленностью возможно лишь при определенной организационной самостоятельности соответствующего органа управления и его исключительной ориентации на промышленное производство. В целом можно сделать вывод, что применение ретроспективного подхода к выработке оптимальных структур и методов управления промышленным производством региона может способствовать совершенствованию современной системы регулирования региональной экономики.

Примечания

¹ Барташев Л. Как работать по НОТу // Жизнь Сибири. – Новониколаевск, 1925. – № 3. – С.53; См. также: Фамичев И. Возможно ли увеличить зарплату и производительность горнорабочих на коях Сибири? // Там же. – С.5; Барташев Л. Дифференциальный метод работ как одно из средств ударного НОТа // Там же. – № 1. – С.51.

² Шпенглер О. Человек и техника // Культурология: XX век. – М., 1995. – С.491.

³ Итоги I Губернского совещания предгубисполкомов и заведующих отделами управления // Жизнь Красн. Сибири. – Новониколаевск, 1920. – № 2. – С.13.

⁴ Там же. – С.14.

⁵ Государственный архив Новосибирской области, ф. 918, д. 438, с.61 об.

⁶ Там же, д. 325, с.4 об.

⁷ Там же, д. 438, с.102.

⁸ Там же, д. 431, с.28 об.

⁹ Там же, д. 835, с.13.

¹⁰ Там же, д. 325, с.235.

¹¹ Там же, д. 431, 28 об.

З.Ю. Доржу
(г. Кызыл)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
СОВРЕМЕННОЙ ТУВЫ

Реформирование российского общества стимулировало появление новых общественно-политических движений, объединений и партий. С уходом в прошлое командных порядков, отказом КПСС от монополии на власть одной партии в стране развернулись бурные процессы демократизации: стали реальностью свобода слова и мысли, плюрализм мнений. Все это коснулось и Тувы. Основой оппозиционного движения здесь на первых порах явились так называемые неформальные группы, которые возникли прежде всего среди молодежи и интеллигенции, выступавших за сохранение родного языка, возрождение национальной культуры и традиций, закрытие вредных производств и т.д.

Первоначально деятельность большинства из этих групп не имела политической направленности. В них входили люди с активной гражданской позицией, в том числе принадлежавшие к официальным структурам, но не удовлетворенные тем, как те или иные государственные и общественные организации решали проблемы, связанные с культурными, этническими и экологическими аспектами жизнедеятельности населения Тувы. Поэтому они стали создавать организации типа клубов, ассоциаций, в которые вошло немало членов КПСС и комсомольцев, что, в общем, было естественным проявлением плюрализма мнений. Политические взгляды участников этих организаций укладывались в рамки официально разрешенной гласности, их социальный состав ничем не отличался от того, что наблюдалось в подобных организациях в других регионах страны.

Первые такие организации имели ряд особенностей, к которым можно отнести их локальный и временный характер, деятельность в форме гражданских инициатив, преимущественно социально-культурной направленности, и слабую политизацию. Причем в Туве формирование этих организаций шло со значительным запаздыванием в сравнении с аналогичным процессом, проходившим в центре России, что объясняется периферийностью и социально-экономической спецификой региона.

Этот полустихийный процесс, связанный с изменением социально-политической и экономической ситуации в стране в 1988–1991 гг., обходившийся без руководства сверху, а подчас и преодолевающий сопротивление со стороны консервативных элементов системы власти, привел к созданию в Туве Народного фронта и других общественно-политических движений. Их оформлению в самостоятельные партийные организации способствовало создание политических партий в центре страны, в том числе на основе фракций, образовавшихся в КПСС. К концу 1993 г. в Туве существовало 48 общественных движений, партий, организаций, и среди них 12 религиозных и пять общественно-политических – Народная партия суверенной Тувы, Тувинская республиканская организация социалистической партии трудящихся, тувинское отделение Демократической партии России, Союз молодежи и Народный фронт “Хостуг Тыва” (“Свободная Тува”). Между этими партиями и движениями не было противостояния, а их отношения с государственной властью в республике, за исключением Народного фронта, основывались на взаимопонимании и сотрудничестве¹.

Народный фронт “Хостуг Тыва” – немногочисленная организация, объединяющая в своем составе Общество бездомных, Союз буддистов, Ассоциацию молодых предпринимателей и Общество бывших заключенных. Он выступал за проведение референдума о государственной независимости Рес-

публики Тыва, скорейшее принятие ее новой Конституции, выдвигал ряд других требований политического характера, что вызвало этническую напряженность в республике. Надо отметить, что действия “Хостуг Тыва” не нашли поддержки у населения, за исключением небольшой части тувинской молодежи. Не одобрили их также правительство и другие политические партии – местное отделение Демократической партии России, Народная партия суверенной Тувы и Тувинская республиканская организация социалистической партии трудящихся².

В настоящей статье мы не ставили целью рассказать обо всех партиях и общественно-политических объединениях, существовавших и существующих в республике, тем более что их число постоянно меняется. Так, на встрече с представителями политических партий, движений и общественных организаций 31 мая 1996 г. Президент Республики Тыва Ш.Д.Ооржак отметил, что в Туве в то время было более 80 партий, движений и массовых организаций³. В настоящее время, по данным Министерства юстиции Республики Тыва, их насчитывается уже более 120⁴.

Чтобы исследовать фактическую историю многопартийности в Туве, мы собрали материалы по партиям и движениям, изучили их уставы и программы, листовки, обращения, выступления лидеров (с некоторыми из них у нас были личные встречи и беседы), материалы съездов и конференций, периодические издания политических организаций и движений, официальную и так называемую независимую прессу. Рассмотрим наиболее известные организации, которые крайне немногочисленны, но их деятельность, как правило, привлекает к себе большое внимание.

Народный фронт стал теперь партией, но ее деятельность не претерпела изменений. По словам сегодняшнего лидера “Хостуг Тыва”, депутата Верховного Хурала республики В.Орус-оола, эта организация, несмотря на информационную войну против нее, сохранила свое название, в котором есть слово “свободная” (“хостуг”), и выступает за свободу республики – от социально-экономической отсталости, от чиновников, не умеющих и не желающих работать на благо Тувы, от разного рода конфликтов. При этом предполагается, что Тува должна находиться в правовом пространстве Российской Федерации. Функции представительства интересов партии на выборах взял на себя специально созданный избирательный блок “Демнежилге” (“Солидарность”), благодаря которому пять членов этой партии вошли в Верховный Хурал Республики Тыва.

Региональное отделение движения “Яблоко”, которым руководит В.Д.Тавберидзе, поддерживает идеи своего движения, требуя развития социальной сферы, выступая за разрешение конфликтных ситуаций мирными средствами. Поддерживая нормальные деловые отношения с президентом и правительством республики, эта организация находится в оппозиции к нынешнему главе администрации столицы Тувы. На выборах различных уровней ее кандидаты получают менее 1% голосов избирателей. Серьезными проблемами регионального отделения движения “Яблоко” являются его организационная слабость и отсутствие реальной партийной деятельности в массах.

Местное отделение Либерально-демократической партии России, возглавляемое А.Кашиным, обычно воспринимается населением республики достаточно негативно. На определенное время А.Кашину удалось привлечь к себе внимание избирателей г. Кызыла броскими популистскими лозунгами и резкими оценками деятельности президента и правительства Республики Тыва. Но предельная концентрация власти в руках лидера не позволила создать жизнеспособный партийный аппарат, поэтому работа ведется вяло и бессистемно, периодически оживляясь в ходе демонстративных акций, предвыборных кампаний, судебных разбирательств.

Левые силы представлены Тувинской организацией Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), которой руководит С.Григорьев. Как показали проведенные нами социологические опросы, не менее 10–13% взрослого населения республики являются твердыми сторонниками социализма в его советском варианте. Эта организация выражает интересы в основном людей пожилого возраста, пенсионеров, а также жителей села. О ней нельзя сказать, что она занимает в республике антипрезидентские и антиправительственные позиции. Дисциплина актива и рядовых ее членов позволяет слаженно работать, и в декабре 1993 г. на выборах в Верховный Хурал, когда пять из 32 мандатов предстояло завоевать партиям и политическим движениям, Тувинская организация КПРФ получила два депутатских места в парламенте.

Эти выборы проходили при высокой активности избирателей (явка составила 58,9%). В борьбе за их доверие большую организованность проявила также и Народная партия суверенной республики Тува, возглавляемая Б.Тсанчы. От этой партии в парламент были избраны три человека.

В Верховном Хурале Республики Тыва нынешнего, второго созыва коммунистов представляет один из его активистов и лидеров – Г.Ч.Ширшин, который возглавляет Комитет по бюджету, финансам и налогам. Но как показала практика, коммунистический актив своими действиями и убеждениями пробуждает у населения не лучшие воспоминания о тоталитарном партийном контроле со стороны аппарата КПСС. К тому

же консервативные идейно-политические взгляды наиболее последовательных сторонников Тувинской организации КПРФ не позволяют ее руководству более активно вести борьбу за неустойчивые, менее идеологизированные слои населения. В своей работе коммунисты используют массовые формы работы, такие как митинги, демонстрации, ведут индивидуальную агитацию и пропаганду. Но преобладание в активе партии лиц старшего возраста затрудняет в целом ее работу с молодым поколением.

Типично верхушечной организацией, созданной по разнарядке сверху и практически не имеющей низового актива, является “Наш дом – Россия – Тыва”. Возглавляет эту организацию Ю.К.Аракчаа.

Политическое поведение граждан республики в 90-е годы определялось в большей степени не какой-либо конкретной программой требований, а эмоционально-психологическим фактором. Всегда можно апеллировать к чувствам и настроениям людей, и именно этим объясняются итоги выборов мэра г. Кызыла в 1998 г. Лидер местного отделения ЛДПР сумел сыграть на массовых настроениях общей растерянности, завоевать доверие людей, выдвинув лозунг “Законность, защита, забота, зарплата”. С большим отрывом от остальных шести кандидатов, набрав более 50% голосов, А.Кашин стал мэром столицы, одновременно одержав победу на выборах в Верховный Хурал Республики Тыва. Никому из семи кандидатов в мэры во время предвыборной кампании не досталось так от официальной пропаганды, как А.Кашину. И несмотря на то что власть его была, а может быть, именно поэтому большинство кызылчан проголосовали за него⁵.

Как и в целом по стране, в Туве преобладание эмоций в политическом выборе населения оказывает свое влияние на процесс развития многопартийности. В атмосфере кризиса, крушения привычных устоев жизни, воспринимающихся как катастрофа, рациональные элементы в мотивах политического поведения людей подавляются. Население республики живет очень трудно и плохо представляет себе способы улучшения собственного положения. Насколько незначительна роль рационального в политических действиях населения Тувы, видно и из результатов проведенного нами социологического опроса: 93% избирателей голосуют за ту или иную партию, не знакомясь с ее программой. В этой связи интересны также данные о мотивах электоральной поддержки лидирующих избирательных блоков в выборах в Государственную Думу РФ в декабре 1999 г. (см. таблицу).

Основные мотивы электоральной поддержки лидирующих избирательных блоков,
% от количества сторонников

Мотив	ОВР	КПРФ	“Единство”	“Яблоко”	СПС
Доверяю лидерам блока и их деловым качествам	41,0	23,8	67,6	40,0	43,6
Блок сможет укрепить государство и навести порядок в стране	34,0	33,1	53,0	22,3	23,4

Исследования показали, что там, где рациональные аргументы слабо влияют на ориентацию избирателей, важную роль играет сложившийся в общественном сознании образ лидера той или иной политической организации, чей авторитет нередко позволяет компенсировать ее слабость. Население приписывает лидерам особые качества, видит в них своих спасителей, защитников своих интересов. При этом отношение населения к лидерам не является постоянным, оно может кардинально измениться, и вчерашний кумир будет отвергнут.

Так, люди разочаровались в лидере местной организации ЛДПР А.Кашине, который после своего избрания председателем Кызыльской городской администрации уже неоднократно пытался поставить вопрос о проведении референдума об отделении г. Кызыла и Пий-Хемского кожууна от республики и присоединения их к Красноярскому краю. Идея эта не только не нашла сторонников, но была встречена со всеобщим возмущением, расценена как попытка нарушить национальное согласие. Эти, по сути, экстремистские и подстрекательские действия главы городской администрации получили отрицательную оценку широкой общественности, в средствах массовой информации⁶.

Если говорить о лидерах других организаций и движений, то многие из них не смогли найти свое место на политической арене, объяснить, куда и зачем они идут, а главное, кого и куда ведут за собой. Большинство из этих организаций и движений, такие как республиканское движение “За Советский Союз” (лидер – В.М.Биче-оол), Народная партия суверенной Тувы (Б.Т.Санчы), региональное отделение Российской народно-республиканской партии (В.В.Вусатый), держались за счет критики руководства страны и республики, играя на настроениях протеста.

Процесс образования новых партий в республике продолжается. Меньше чем за год в качестве реальной политической силы утвердило себя региональное отделение Всероссийского общественно-политического движения “Единство”, которому удалось одержать уверенную победу на выборах в Го-

сударственную Думу РФ в декабре 1999 г., сформировать фракцию в Верховном Хурале республики, создать разветвленную сеть во всех кожуунах республики, что свидетельствует о доверии населения. Немало усилий для создания в Туве партии «Единство» приложил Председатель Верховного Хурала Ш.В. Кара-оол. При явной пассивности в республике партий и общественных движений «Единство» претендует на роль доминирующей политической силы. Главной его задачей, как и всякой другой партии, является участие в выборах всех уровней – от президентских до муниципальных «Готовить реальных претендентов от «Единства» на депутатские мандаты и выборные должности нужно постоянно», – отметил в своем выступлении на республиканской конференции партии ее лидер Ш.В. Кара-оол⁷.

Однако активное появление и развитие общественных объединений в Туве еще не привело к формированию работоспособной многопартийной системы, которая могла бы влиять на власть. Все организации и движения, которые возникали в Туве до недавнего времени, были верхушечными партиями, они не стали той массовой и влиятельной силой, которая опирается на реальную поддержку жителей в каждом конкретном городе, в каждом конкретном кожууне, в каждом конкретном селе.

Последние, так же как и предыдущие, выборы в Государственную Думу РФ, Верховный Хурал Республики Тыва, местные органы власти кожуунов и г. Кызыла показали, что эти мозаичность и многополюсность, которые в действительности не соответствуют реальному политическому устройству тувинского общества, очень часто вводят избирателя в заблуждение, и ему трудно сделать осознанный выбор, так как предлагается огромное количество самых разных программ, в действительности мало чем отличающихся друг от друга. И получается, что интересы основной части населения республики не полностью представлены на политической арене, что создает почву для дальнейшего отчуждения рядовых граждан от политики и принимаемых в ней решений. Это ведет не только к росту апатии у населения, но также может повлечь за собой массовые деструктивные действия, превратить население в легкую добычу политических авантюристов и демагогов.

Сегодня многопартийность в Туве имеет переходный характер, дальнейшее ее развитие во многом зависит от того, какие тенденции плюрализма на российском фоне возобладают в будущем. На наш взгляд, возможны следующие варианты этого развития.

Первый вариант основан на предположении, что в деятельности политических объединений сохранятся центробежные тенденции, особенно характерные для начала и середины 90-х годов. Избирательные кампании (а их было 13!) начиная с 1998 г. проходили под знаком возможных кардинальных политических перемен. Ситуация не способствовала реализации интересов одних влиятельных политических групп и порождала надежду на победу у других, тем более что на повестке дня реально стоял вопрос о смене власти в столице республики, где проживает третья часть ее населения. В марте 2001 г. должны состояться выборы депутатов в Верховный Хурал республики. Здесь возможна консолидация раздробленных политических объединений, но после завершения избирательного марафона интеграционные импульсы в различных политических союзах значительно ослабнут. В стане победителей предвыборной гонки возможны конфликты вокруг перераспределения властных полномочий, дележа политических дивидендов. На свою долю власти будут рассчитывать и те, кто проявил лояльность к нынешнему правительству. Определенную роль сыграет чрезмерная амбициозность уже избранных депутатов.

Сохранение нынешней распыленности политических сил Тувы может привести к росту влияния закулисных группировок, лобби. Развитие не многопартийности, а кланов может повлечь за собой феодализацию политической жизни, и в таком случае политика будет определяться не идейными позициями ее участников, а их принадлежностью к той или иной группировке, к тому или иному клану. Тогда основное содержание политической жизни республики будет составлять борьба кланов.

Второй вариант схож с первым и предполагает переход от распыленности партий к авторитаризму. С отменой президентской власти, не располагая мощными политическими силами, способными противостоять этому процессу, правительственные круги будут пытаться формировать конъюнктурные блоки с любыми группами. Такая тактика может привести к сохранению власти, но параллельно породит неразбериху и напряженность в высших эшелонах власти республики и в конечном итоге ослабление правящего режима. Такие возможности связаны с конституционной реформой, предполагающей отмену в Туве поста президента. Аргументируя свои действия общей неготовностью к демократическим формам правления, «сильная власть» попытается либо закрепить наиболее оппозиционные партии, либо ограничить свободу их действий, внедряя авторитарные методы управления.

Третий вариант предусматривает не просто ослабление дезинтеграционных процессов в политической жизни республики, но и объединение политических сил, как это происходит в центре страны. Известно, что российские специалисты-политологи, многие государственные деятели и политики, представители научной и творческой интеллигенции давно поднимают вопрос о необходимости формиро-

вания в стране двухпартийной системы. Подобная система миру известна, налицо также ее преимущества – большие предсказуемость и устойчивость политической партии, что сводит к минимуму всплески деструктивной активности. На российском уровне такой шаг уже предпринят: в мае 2000 г. в Москве состоялся учредительный съезд партии “Единство”, собравший представителей ряда всероссийских общественно-политических движений, чтобы учредить новую массовую политическую партию, поддерживающую власть. За создание такой партии голосовали делегаты от движений “Наш дом – Россия”, “Вся Россия”, ПРЕС и др.⁸

В пользу этого варианта говорят и результаты нашего опроса, согласно которым лишь 12,3% респондентов считают, что многопартийность “следует развивать”, в то время как 33,2% стоят “за ограничение деятельности отдельных партий” и 20,8% – за то, чтобы “совсем отказаться от многопартийности”. Пока же важнейшей проблемой политического плюрализма в Туве остается степень его соответствия объективным потребностям республики, настроениям ее населения. И нельзя сказать, что партии Тувы как политические организации полностью выполняют одну из основных своих функций – быть связующим звеном между властью и народом.

Примечания

¹ См.: Балакина Г.Ф., Анайбан З.В. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. – Новосибирск, 1995. – С.90, 91.

² Там же. – С.91, 92.

³ Тувинск. правда. – 1996. – 4 июня.

⁴ Текущий архив отдела регистрации общественных и религиозных объединений Министерства юстиции Республики Тыва.

⁵ Центр Азии. – № 5 (9–15 апр.).

⁶ Тувинск. правда. – 1998. – 20 авг.; 1999. – 24 сент.

⁷ Тувинск. правда. – 2000. – 30 сент.

⁸ Единство: Бюл. парт. жизни. – 2000. – № 1.

А.Ю.Майничева
(г. Новосибирск)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ г. НОВОСИБИРСКА И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ*

В январе 1995 г. была создана Новосибирская областная ассоциация национальных организаций, которая поставила одной из своих задач объединение усилий национально-культурных организаций в возрождении и развитии традиций и языков национальных меньшинств. Как же за прошедшие пять лет проявила себя эта ассоциация, каковы результаты ее деятельности? В настоящей статье на основе материалов ежегодных итоговых конференций¹ и отчетов сделана попытка проанализировать работу ассоциации и ряда входящих в нее объединений, обозначить основные, по мнению лидеров национальных организаций, проблемы и выявить подходы к их решению.

Необходимо отметить, что особенность этнической картины Новосибирской области состоит в том, что русские составляют 92% населения и только 8% приходится на другие национальности, а их более восьмидесяти. Одной из наиболее насущных проблем является отсутствие межэтнического диалога между национальным большинством и меньшинством. Внешнее благополучие национальной ситуации в области, которое выражается в первую очередь в том, что здесь нет открытых межэтнических конфликтов, обернулось нежеланием руководителей области решать вопросы развития культуры национальных меньшинств. Бытует мнение, что не стоит “раздувать” национальный вопрос, однако отрицание существования проблемы никак не устраняет саму проблему. Нападение на синагогу в г. Новосибирске в 1999 г. показало, что далеко не все так благополучно, как хотелось бы верить.

В последние годы в обществе наблюдается рост национального самосознания, у людей усиливается желание знать язык и историю своего народа. Об этом свидетельствуют активная деятельность

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 00-01-240039/Т (“История Новосибирска: народы и религии. Подготовка информационного справочника”).

национальных объединений, открытие воскресных курсов по изучению языка, школ народной культуры. К 1997 г. в Новосибирской области было зарегистрировано 17 национально-культурных организаций. Некоторые из них вошли в Ассоциацию национальных меньшинств, включая Татарский общественный центр, Новосибирский еврейский благотворительный фонд “Эстер”, Греческую общину “Эльпида”, Общество украинского языка “Громада” им. Т.Г.Шевченко, Финское общество “Ингерия”, Общество “Белорусы Сибири”, “Дом польский” и др. По уставу ассоциации, ежегодно происходит ротация ее руководства, каждый год во главе становится председатель одного из национальных объединений. Так, в 1997 г. председателем ассоциации был руководитель фонда “Эстер”, в 1998 г. – руководитель Общества украинского языка, в 1999 г. – руководитель Греческой общины.

Первая итоговая научно-практическая конференция “Культура и образование национальных меньшинств в Сибири”, посвященная 60-летию Новосибирской области, была проведена в апреле 1997 г. Созыв конференции явился, как было заявлено ее организаторами, одной из форм реализации на территории области Закона Российской Федерации “О национально-культурной автономии” от 17 июня 1996 г. Впоследствии конференции ассоциации, посвященные обсуждению проблем национальных меньшинств, проводились ежегодно. В конференциях принимали участие как активисты национальных объединений, так и сотрудники институтов СО РАН, занимающиеся проблемами культуры народов Сибири.

Ассоциация переживает большие трудности, связанные с совместной деятельностью входящих в нее национальных объединений. Так, на конференции 1999 г. представитель Татарского общественного центра объявил о формальном выходе своей организации из состава ассоциации, однако одновременно с этим сообщил о намерении участвовать во всех проводимых ею мероприятиях. На этой же конференции в состав ассоциации вошла национально-культурная организация корейцев. Конференция 2000 г. показала действительно активное участие в ней Татарской национально-культурной автономии (НКА).

Вообще, к 2000 г. на основе национально-культурных организаций был создан ряд НКА: местная греческая национально-культурная автономия “Эльпида”, Региональная еврейская национально-культурная автономия Новосибирской области, Региональная национально-культурная автономия белорусов, национально-культурная автономия финнов “Ингерия”, Украинская национально-культурная автономия, Национально-культурная автономия корейцев. Все это привело к переименованию Ассоциации национальных организаций г. Новосибирска и Новосибирской области в Ассоциацию национально-культурных автономий и национальных организаций г. Новосибирска и Новосибирской области. В 2000 г. в состав ассоциации входили уже более 20 национально-культурных организаций, однако активно участвовали в ежегодной конференции лишь пять-шесть. Основными докладчиками в марте 2000 г. традиционно были представители белорусской, украинской, еврейской, татарской, греческой автономий, а также “Дома польского”. Кроме того, в этой конференции приняли участие представители других автономий и национальных объединений, причем некоторые из них впервые (Бурятская НКА, НКА корейцев). Присутствовали в качестве слушателей представители Армянского национально-культурного центра и НКА финнов “Ингерия”.

Попытаемся прокомментировать некоторые выступления участников первой конференции ассоциации, которая интересна тем, что именно в ходе ее работы были представлены отчеты о деятельности национальных организаций и намечены основные проблемы развития национальных культур, при необходимости привлекая и материалы последующих конференций.

Председатель Общества “Белорусы Сибири” В.В.Галузо в своем докладе сформулировал на примере руководимого им национального объединения ряд общих проблем развития культуры национальных меньшинств в многонациональной Новосибирской области². “Потенциальные участники диалога, – отметил он, – пока что... плохо видят один другого... проблема заключается в том, кто будет представлять стороны этого диалога”³. Сторону национального большинства, по мнению В.В.Галузо, должно представлять “государство в лице его институтов (областной Совет, администрация)”⁴, что, собственно, не вполне правильно, поскольку государство призвано выражать интересы всех своих граждан. В середине 90-х годов белорусская национальная организация имела отрицательный опыт контактов с областной администрацией, поскольку их ходатайства о содействии в работе (например, о помощи в создании Областного белорусского культурного центра – 1994 г., о предоставлении площади в аренду, о помощи в организации Областного центра национальных культур – 1996 г.) не были удовлетворены.

Представительство интересов национальных меньшинств, по мнению В.В.Галузо, являет собой еще большую проблему, поскольку в данном случае не ясно, выступают ли национально-культурные общественные объединения полноценными выразителями воли представителей всего национального

меньшинства. В настоящее время некоторые национальные меньшинства представлены несколькими организациями, “проблема достижения полного согласия между которыми является достаточно актуальной”⁵. С другой стороны, такие организации объединяют лишь некоторую, часто небольшую, часть представителей той или иной национальности. В.В.Галузо видит решение этих проблем в образовании региональных и местных национально-культурных автономий в Новосибирской области.

Обращается В.В.Галузо и к вопросу формы и содержания межэтнических отношений. Возможности и перспективы их регулирования он видит в восстановлении существовавших в 20–30-х годах школ и техникумов с преподаванием национальных языков, в возрождении газет на национальных языках, а также в регламентации органами власти взаимодействия с субъектами межэтнических отношений, которые “обеспечивали бесконфликтный характер межэтнических отношений”⁶. Как отмечает автор, “эта проблема может быть решена при реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации”⁷.

Главной же проблемой, считает В.В.Галузо, являются сохранение, развитие, исследование и популяризация культур национальных меньшинств. В связи с этим он ставит вопрос о государственной программе развития культур национальных меньшинств, в которой должны принимать участие и национальные общественные организации. Следует отметить, что такой программы не создано до сих пор.

В.Н.Манович (Общество украинского языка “Громада” им. Т.Г.Шевченко) в своем выступлении делает вывод, что, несмотря на то что в 1989 г. в Новосибирской области появилась первая украинская организация, которая ставила целью возрождение национального самосознания сибирских украинцев, сохранение их самобытной культуры, народных промыслов и языка, к 1997 г. успехов на этом поприще достигнуто не было⁸. Анализируя существующее положение, автор заключает, что системы образования на украинском языке создано не было, в областной целевой программе на 1997–1999 гг. “Сохранение и развитие украинской культуры в Новосибирской области” отсутствуют планы развития украинского народного прикладного искусства, живописи, графики, не планируется обмен выставками с Украиной, не предусмотрено создание украинских национально-культурных центров (при этом планировалась организация 19 немецких центров). В.Н.Манович говорит и о недостатке методической литературы, квалифицированных кадров, об отсутствии информации в прессе и радиопередачах. Отметим, что уже в 1999 г. в решении этих проблем наметились серьезные сдвиги. Так, была открыта Библиотека национальных литератур им. А.П.Чехова, на телевидении был организован специальный канал с предоставлением национальным автономиям эфирного времени для вещания.

Р.А.Бадритдинов (Татарский общественный центр) считает, что реализацией права на развитие татарской национальной культуры должно стать возрождение традиционной общины “как наиболее естественной формы организации жизни татар в пространстве массовой русскоязычной культуры”⁹. В связи с этим требуется проанализировать состояние культуры и образования у татар Новосибирской области, разработать финансово-экономическую концепцию возрождения татарской культуры, создать нормативно-правовую базу взаимоотношений татарской общины с региональной и муниципальной властью, изучить и опубликовать архивные документы по истории татар Сибири, разработать комплексную ландшафтно-этногенетическую концепцию сохранения и развития коренных этнических групп в составе единой татарской общины в рамках существующих административных границ, привлечь средства массовой информации к проблеме возрождения культуры и образования татар. При этом автор отмечает, что в течение 1989–1997 гг. областная администрация не решала ни одну из перечисленных проблем.

Е.М.Турецкая, председатель Новосибирского еврейского благотворительного фонда “Эстер”, также связывает возможности развития национальной культуры с возрождением традиционной общины. Она подчеркивает, что сегодня формирование еврейской общины идет «не традиционным путем вокруг синагоги, а через возрождение национальной культуры, традиций в рамках светских организаций – Общества еврейской культуры (НОЕК) и еврейского благотворительного фонда “Эстер”»¹⁰. Эти организации активно участвуют в различных культурно-просветительских мероприятиях – праздниках, ярмарке-презентации, фестивале женских организаций. Работают лекторий, поэтическая студия, дискуссионный клуб, библиотека. Организации выступают за передачу общине исторического здания новосибирской синагоги. Основной проблемой в их деятельности является отсутствие источника финансирования, из-за чего невозможно планировать и осуществлять большие проекты (проводить фестивали, издавать газеты и т.п.). Решение этого вопроса, по мнению Е.М.Турецкой, связано со скорейшей реализацией федерального закона “О национально-культурной автономии”, который предусматривает возможность бюджетного финансирования деятельности национально-культурных организаций. Этот закон обеспечит нормальное развитие национальных культур, в частности создаст условия для формирования “развитой еврейской общины на базе имеющихся еврейских организаций”¹¹.

М.А.Абсолямова, рассказывая о работе в газете "Чановские вести", представляет позитивный пример участия средств массовой информации в публикации материалов о культурном наследии, обычаях и традициях татар¹². Районная печать способствовала открытию мечети в Аул-Тебиссе, начала дискуссии по проблемам национального образования.

Деятельность греческой общины "Эльпида" сосредоточена преимущественно в культурно-просветительной сфере. В частности, организуется фестиваль "Эхо Эллады", который включает концерты, театральные постановки, конкурсы детского рисунка¹³. Значительная часть работы "Дома польского" также связана с изучением и пропагандой национального культурного наследия¹⁴. Здесь работают курсы польского языка, лекторий, проводятся концерты, посвященные творчеству великих польских композиторов. Развивается секция истории, при этом основное внимание уделяется вопросам депортации поляков в Сибирь. Новосибирский "Дом польский" наладил плодотворные контакты с посольством Республики Польша в России и структурой, курирующей деятельность всех польских организаций мира.

Многие доклады, представленные как на первой конференции, так и на всех последующих, посвящены результатам исследований в области национальных культур, причем таких докладов становилось все больше. На конференции 1997 г. общие вопросы деятельности организаций рассматривались в девяти докладах из 21, в 1999 г. — лишь в пяти из 16, в 2000 г. — в трех из 27. Участники конференций стали чаще обращаться к осмыслению национально-культурных феноменов. Этому способствовало и привлечение к работе в национальных объединениях этнографов, социологов, историков, археологов, фольклористов, музыковедов. На конференциях обсуждались современное состояние языков народов Сибири (А.И.Федоров), проблемы культуры татар (Б.С.Абакиров, В.И.Соболев, Ю.С.Худяков), белорусов (В.В.Галузо, О.В.Голубкова, Н.В.Леонова, А.Ю.Майничева, Е.Ф.Фурсова), украинцев (В.Н.Манович, А.П.Миняло), участие немцев в российском освоении Северной Азии (А.Ю.Борисенко, Ю.С.Худяков), переселение евреев в Сибирь (И.В.Сальникова, Г.Б.Турецкий), история поляков (Л.К.Островский) и финнов в Сибири (А.С.Камбарова) и т.д. Отдельно был затронут вопрос о создании Центра национальных литератур при библиотеке им. А.П.Чехова (О.М.Хоменко)¹⁵, подведены первые позитивные итоги его работы.

Докладчики обращались и к общим проблемам сосуществования и развития национальных культур. По мнению В.И.Шмырева, залог духовного возрождения в сохранении национальных культур¹⁶, а "взаимная поддержка... обмен опытом будут способствовать взаимообогащению и укреплению атмосферы добрососедства, совершенно необходимой для устойчивого существования такого многонационального государства, как Россия"¹⁷. Об этом же шла речь в выступлении Е.М.Турецкой, в котором особое внимание уделено правовому регулированию межнациональных отношений¹⁸. Новосибирская областная ассоциация национальных организаций, считает Е.М.Турецкая, представляет общие интересы национальных организаций во взаимоотношениях с органами государственной власти и местным самоуправлением. Ассоциация инициировала рассмотрение вопроса о формировании предусмотренных законом консультативных советов по делам национально-культурных автономий на базе самой ассоциации. Создание таких советов, по мысли автора, позволит национально-культурным организациям участвовать в реализации национальной политики в г. Новосибирске и Новосибирской области, определит приоритеты в работе с национальными меньшинствами, поможет противостоять экстремизму в сфере национальных отношений.

На конференции 1997 г. был принят итоговый документ, обобщивший задачи, поставленные ассоциацией, и планы ее дальнейшей работы. Судя по обращениям председателей ассоциации на конференциях 1999 и 2000 гг., большинство вопросов, адресованных властным структурам, оставались без ответа. По-прежнему первоочередными являются задачи создания Дома национальных культур, финансирования и политической поддержки многонационального теле- и радиовещания.

Итак, работа конференций 1997–2000 гг. показала, что интересы представителей национально-культурных организаций лежат в области сохранения и развития культуры и образования своего народа и для этого используются различные формы и методы. Непросто складываются отношения с властными структурами, но в последнее время наметилась позитивная динамика в их развитии. Взаимоотношения национальных объединений с администрациями города и области, по мнению представителей этих объединений, должны регулироваться правовыми нормами гражданского общества.

Деятельность Новосибирской областной ассоциации национальных организаций пока ограничивается в основном г. Новосибирском, в области же она почти незаметна. Можно отметить лишь Белорусскую и Татарскую НКА, которым удалось организовать работу в области по некоторым направлениям (работа с прессой, фестивали искусств).

Довольно успешно идет исследование национальных культур, в котором участвуют сотрудники Института археологии и этнографии, Института истории и Института философии и права СО РАН, Областного краеведческого музея, Новосибирского государственного и Новосибирского государствен-

ного педагогического университетов, Новосибирской государственной консерватории. Однако несмотря на многолетний опыт работы и определенные научные достижения, многое еще предстоит сделать, особенно в сфере интеграции с исследователями Украины, Белоруссии, Польши и др. До сих пор нет четкой программы научных исследований, поддержанной администрациями города и области. Нельзя не отметить и некоторую методологическую и терминологическую путаницу, обнаруживаемую в ряде выступлений на конференциях. Даже в названии конференции 2000 г. присутствует словосочетание "этнонациональные общности", что само по себе является показателем некоторой неосведомленности в вопросах теории и еще раз говорит о необходимости сотрудничества представителей национально-культурных организаций с учеными и специалистами.

Примечания

¹ См.: *Культура и образование национальных меньшинств в Сибири*: Тез. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 12–13 апр. 1997 г.). – Новосибирск, 1997; *Культура этнических образований Сибири*: Тез. III практ. конф. (Новосибирск, 17 апр. 1999 г.). – Новосибирск, 1999; *Культура этнонациональных общностей Сибири*: Программа IV традицион. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 25 марта 2000 г.). – Новосибирск, 2000.

² См.: *Галузо В.В.* Проблемы национальных меньшинств Новосибирской области на примере белорусов // *Культура и образование национальных меньшинств в Сибири*. – С.3.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С.4.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ См.: *Манович В.Н.* Защита прав национальных меньшинств в сфере образования и культуры // *Культура и образование национальных меньшинств в Сибири*. – С.8.

⁹ *Бадритдинов Р.А.* Татарская община Новосибирской области: проблемы возрождения // *Культура и образование национальных меньшинств в Сибири*. – С.20.

¹⁰ См.: *Турецкая Е.М.* Еврейские организации Новосибирска – основа построения традиционной еврейской общины // *Культура и образование национальных меньшинств в Сибири*. – С.28, 29.

¹¹ Там же.

¹² См.: *Абсолямова М.А.* Роль и участие средств массовой информации в возрождении культуры и образования национальных меньшинств // *Культура и образование национальных меньшинств в Сибири*. – С.29.

¹³ См.: *Бусик-Трофимук М.Н.* "Эллада юная и вещая моя...", или Есть ли греческая проблема в Сибири? // *Культура и образование национальных меньшинств в Сибири*. – С.21, 22.

¹⁴ См.: *Хрулева И.А.* Опыт работы "Дома польского" // *Культура и образование национальных меньшинств в Сибири*. – С. 37.

¹⁵ См.: *Хоменко О.М.* Литература на национальных языках // *Культура этнических образований Сибири*. – С.26.

¹⁶ См.: *Шмырев В.И.* Сохранение национальных культур – залог духовного возрождения // *Культура этнических образований Сибири*. – С.33–35.

¹⁷ Там же. – С.35.

¹⁸ См.: *Турецкая Е.М.* Межнациональные отношения в многонациональном правовом гражданском обществе // *Культура этнических образований Сибири*. – С.39, 40.

**ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА
“ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ
НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА”**

г. Красноярск, 23–25 мая 2000 г.

Организаторы семинара – администрация Красноярского края, Восточно-Сибирский межрегиональный территориальный орган Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ, Институт философии и права СО РАН, Красноярский отдел Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Красноярская краевая организация общества “Знание”, Красноярский государственный педагогический университет.

Участники семинара – этносоциологи, этнографы, экономисты, философы, историки, демографы, культурологи, политологи, правоведы, экологи, биологи, педагоги, работники органов управления, руководители национально-культурных объединений, преподаватели и аспиранты вузов г. Красноярск.

В работе семинара приняли участие свыше 120 человек. Доклады представили более 90 научных сотрудников, аспирантов, работников государственных органов, руководителей национально-культурных объединений из Москвы, Новосибирска, Красноярска, Омска, Абакана, Улан-Удэ, Кызыла, Горно-Алтайска, Магадана, Анадыря, Тюмени, Салехарда, Братска, Сыктывкара, а также исследователи из Казахстана, Канады, Франции, Великобритании, Германии, Эстонии.

На семинаре рассмотрены узловые проблемы теории этноса и этносоциальных процессов в условиях глобализации и интернационализации, проблемы междивизиационных взаимодействий, интеграционных процессов в Центральной Азии, этнической культуры, социально-демографического, экономического, культурного и политического развития народов Сибири, развития родных языков и двуязычия у аборигенов Сибири, экологического воспитания, этнопсихологии и этнопедагогики, этнического самосознания, деятельности национально-культурных объединений, участия органов управления в регулировании этносоциальных процессов. Очерчены перспективы расширения единого экономического пространства и гуманитарного сотрудничества России и Казахстана.

На основе сделанных докладов и проведенной дискуссии участники семинара сформулировали следующие выводы и основные предложения, касающиеся дальнейшего исследования и практического решения этносоциальных проблем.

1. Выводы

Сибирь является специфическим регионом России. Особенности исторического прошлого, огромная территориальная протяженность, сложность административно-территориального устройства, география расположения и климатические условия, особенности социально-демографического и экономического развития, этническое многообразие и религиозная пестрота – все это сказывается на этносоциальных и этнополитических процессах, происходящих в регионе.

Этнополитическая ситуация в Сибири достаточно стабильная. Однако проблемы национального характера затрагивают практически все уровни взаимоотношений: внешнеполитический (трудовая иммиграция из Азии), федеральный (отношения по вертикали “федеральный центр – субъект РФ”, “субъект РФ – входящий в него субъект РФ”), региональный (кооперация в рамках различных межрегиональных ассоциаций), внутрирегиональный (проблемы аборигенных северных этносов, титульных наций, диаспорного населения, русского этноса).

Что касается этносоциальных процессов в Сибири, то в условиях сохраняющегося кризиса всех сторон общественной жизни российского общества в ходе проводимых рыночных преобразований они характеризуются преобладанием деструктивных тенденций. В результате проводимых без учета этнической специфики экономических реформ начала 90-х годов были разрушены основы традиционных отраслей хозяйства аборигенов Сибири, особенно народностей Севера. Это привело к обнищанию основной массы населения, безработице, социальному расслоению, снижению квалификации и образовательного уровня у работающего населения. Резкое снижение доходов и уровня жизни населения ведет к деградации семьи, депопуляции многих этносов Сибири, росту уровня алкоголизации, наркомании, социально девиантного поведения.

Народы Сибири оказались в ситуации “этнического стресса”: произошли очень быстрые изменения в образе жизни и системе ценностных ориентаций. В этнодемографических процессах преобладает депопуляция, в этноэкономических – деградация традиционных отраслей хозяйства, в этнокультурных – разрушение материальной базы культуры и ограничение сферы культурного общения, в этнополитических – падение престижа государственной власти федерального и местного уровней.

При существующем ныне доминировании в этносоциальных процессах деструктивных тенденций угасает порожденный реформами конструктивный потенциал роста национального самосознания, интереса к национальной культуре. При ухудшении материальных условий жизни активизация процессов национальной идентификации дает обратный эффект, усиливая межэтническую напряженность и тенденции национализма, сепаратизма, внутринатническую дифференциацию.

Многие из этих моментов учтены в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, давшей толчок развитию регионального законодательства в сфере национальных отношений. В краях, областях, автономиях стали активно разрабатываться региональные концепции национальной политики с учетом местной специфики, приниматься законы, а на их основе – целевые программы. Однако недостаточное материально-финансовое и научно-методическое обеспечение обусловило слабую реализацию как местных, так и федеральных программ.

В целом национальная политика в Сибири характеризуется отсутствием ясной и определенной концепции, надлежащей правовой базы, сформированной с учетом мирового опыта, неопределенностью статуса и слабостью структур, ответственных за решение национальных проблем в системе органов власти субъектов Федерации, крайне ограниченным использованием результатов научных исследований в практике управления. Тем не менее, как показывает опыт проведения ежегодного семинара “Этносоциальные процессы в Сибири” и других научных мероприятий подобного рода, определенные позитивные сдвиги в контактах между наукой и сферой социального управления наметились, а в ряде регионов (Якутия, Бурятия, Хакасия) они уже приносят взаимовыгодные результаты.

Расширяются масштабы значимых в научном и практическом отношении исследований по проблемам семьи, брака, этнопедагогике, экологии и рационального природопользования. Начата реализация программы сравнительных комплексных этносоциальных исследований в Сибири. Складываются контуры международной кооперации исследователей, изучающих этносоциальные процессы в Сибири и сопредельных регионах Центральной Азии (Монголия, Казахстан). Опыт работы национально-культурных объединений регулярно обсуждается на научно-практических семинарах в Новосибирской области.

Благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда стали возможными проведение данного ежегодного семинара и реализация программы комплексных исследований в ряде регионов Сибири.

II. Рекомендации

Судя по современным тенденциям мирового развития, XXI в. будет характеризоваться дальнейшей глобализацией и интернационализацией общественной жизни человечества, усилением обмена информацией, материальными и духовными ценностями между народами, живущими в самых разных уголках Земли. Этносоциальные процессы протекают крайне противоречиво, неустойчиво и быстро. Культурное разнообразие человечества, в том числе и в его этносоциальных формах, будет сохранять свою ценность в борьбе с тенденциями нивелирования и ассимиляции.

Россия – страна многонациональная и поликонфессиональная, и теоретическое и практическое игнорирование специфики этнических проблем, особенно в таком сложном регионе, как Сибирь, чревато распадом российского общества и размыванием целостности России как государства в геополитическом соперничестве с другими странами. Оптимальной стратегией национальной политики в Сибири должна быть не изоляция аборигенов (в форме резерваций и т.п.), а социальное развитие национально-государственных автономий и национально-культурных объединений при условии свободных и всесторонних международных контактов и государственного регулирования на федеральном и местном уровнях. Не меньшее внимание следует уделять и проблемам диаспорного населения Сибири, а также вопросу этничности русского народа. Критерием оптимальности должна выступать необходимость сохранения и развития каждого из народов, укрепления их здоровья, языка, культуры, т.е. всего того, что способствует сохранению этносоциальной стабильности региона.

1. Рекомендации органам управления

Министерству по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ:

- сформулировать государственный заказ на разработку для Сибири общерегиональной концепции национальной политики с проработкой ее правовых аспектов;
- определить четкий статус структур, ответственных за национальную политику в органах власти субъектов Федерации, обеспечить их необходимыми кадрами и ресурсами;
- рассмотреть вопрос о создании научно-исследовательского центра по изучению социально-экономических и правовых аспектов формирования единого экономического пространства, углубления экономической, культурной и политической интеграции регионов Центральной Азии. В качестве головной организации и координатора реализации подобного проекта мог бы выступить Институт философии и права СО РАН.

Законодательным и исполнительным органам государственной власти в регионах Сибири:

- обеспечить возможность ежегодного сбора статистических данных по демографическим, экономическим, культурным процессам у народов Сибири;
- содействовать обобщению опыта работы национальных культурных обществ;
- содействовать расширению применения методов этнопедагогики, этнопсихологии, этноэкологии в образовательном процессе в школе и системе специального образования;
- содействовать организации и проведению регулярных научных семинаров и конференций по различным проблемам межнациональных отношений;
- рассмотреть вопрос о постановке этносоциального мониторинга с целью отслеживания и регулирования ситуации в области этнического развития и межнациональных отношений.

2. Рекомендации научно-исследовательским учреждениям:

Наименее изученными, но весьма актуальными, являются следующие проблемы:

- этносы Сибири в межкультурных взаимодействиях;
- традиционное хозяйство в разных моделях реформирования;
- трансформация ценностей традиционной этнической культуры в условиях современных российских реформ;
- современные этномиграционные и демографические процессы Сибири;
- трансформация семейно-брачных отношений;
- динамика физического, психического и социального здоровья сибирских этносов;
- культурные и политические ориентации национальных элит;
- политические и правовые аспекты самоопределения этносов Сибири;
- соотношение коллективных прав и прав индивидов;
- социальная патология, девиантное поведение населения народов Сибири;
- социальные функции языков народов Сибири;
- проблемы этнопсихологии и этнопедагогики;
- проблемы культуры межнационального общения.

В условиях ограниченных ресурсов оптимальными будут кооперация исследовательских усилий ученых из различных регионов Сибири и проведение комплексных исследований по согласованным программам и методикам.

Учитывая важность семинара для науки и практики управления, его участники считают целесообразным обратиться в Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ и в исполнительный комитет Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» с просьбой рассмотреть вопрос о придании семинару статуса действующего под эгидой данных авторитетных учреждений.

Руководитель семинара д. филос. н.,
профессор Ю. В. Попков

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

Раздел I

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

<i>Затеев В.И.</i> , д. филос. н. (Улан-Удэ). К дискуссиям о категориях “нация” и “этнос”	4
<i>Рубан Л.С.</i> , д. социол. н. (Москва). Основные методологические подходы в этносоциологии	9
<i>Попков Ю.В.</i> , д. филос. н. (Новосибирск). Взаимосвязь этносоциального развития с глобализацией, интернационализацией и национальной фрагментацией	16
<i>Тюгашев Е.А.</i> , к. филос. н. (Новосибирск). Национальный вопрос в эпоху глобальных проблем: дискурс трансфигурации	20
<i>Ушаков Д.В.</i> , к. филос. н. (Новосибирск). Системно-генетический подход в теоретических исследованиях новосибирской школы этносоциологии	24
<i>Бобров В.В.</i> , к. филос. н. (Новосибирск). Место и роль насилия в этносоциальном развитии	30
<i>Захарова Е.В.</i> (Новосибирск). К обоснованию актуальности социально-философского анализа феномена “этнической идентичности”	36

Раздел II

НАСЕЛЕНИЕ. МИГРАЦИЯ. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Томилов Н.А.</i> , д. и. н. (Омск). Народы и национальные группы Западной Сибири в 60–90-е годы XX в. и решение национальных проблем	42
<i>Соболева С.В.</i> , д. э. н. (Новосибирск). Этнические особенности демографического поведения малочисленных национальных групп	46
<i>Гончарова Г.С.</i> (Новосибирск). Браки, разводы и неполные семьи в регионах Сибири	52
<i>Аблажей Н.Н.</i> , к. и. н. (Новосибирск). Эмиграционные процессы в восточных районах России в первой трети XX в.	60
<i>Смирнова Т.Б.</i> , к. и. н. (Омск) Современные этнические процессы у немцев Алтайского края	65
<i>Каримов Б.Р.</i> , д. филос. н. (Ташкент) Принцип толерантности в межнациональных и межконфессиональных отношениях в процессе становления гражданского общества в странах Центральной Азии	69
<i>Табиханова Л.Э., Осипова Л.П.</i> , к. биол. н. (Новосибирск), <i>Тарская Л.А.</i> , к. мед. н. (Якутск), <i>Кравчук О.И.</i> , к. биол. н., <i>Спицын В.А.</i> , д. биол. н., проф. (Москва) К этногенезу народности саха (якутов): опыт генетических исследований	72
<i>Дацышен В.Г.</i> , к. и. н. (Красноярск) Китайское влияние на тунгусо-маньчжурское население Дальнего Востока России во второй половине XIX века	76
<i>Васильева И.И.</i> (Улан-Удэ) Особенности социальной патологии в условиях общественной нестабильности (на материалах Бурятии)	80
<i>Соболева С.В.</i> , д. э. н., <i>Куперитох Е.В.</i> , к. и. н. (Новосибирск) Проблемы адаптации вынужденных переселенцев на территории Новосибирской области	83

Раздел III

ЭКОНОМИКА. ЭКОЛОГИЯ

<i>Хабек Й.О.</i> , проф. (Кембридж, Великобритания) Оленеводство и нефтегазодобыча: могут ли они сосуществовать?	90
<i>Бендерский Ю.Г.</i> , к. э. н., <i>Карасева Т.Б.</i> (Красноярск) Разработка программы социально-экономической стабилизации районов проживания коренных малочисленных народов Севера: опыт и проблемы	92

<i>Аблажей А.М., к.филос.н. (Новосибирск)</i> Сравнительный анализ форм жизнеобеспечения населения национальных районов Сибири	95
<i>Тугужсекова В.Н., д.и.н. (Абакан)</i> О социально-экономическом положении хакасского народа	101
<i>Золототрубов В.С. (Новосибирск)</i> Влияние реформ 90-х годов на социально-экономическое развитие тувинцев (по материалам экспертного опроса)	104
<i>Нувано В.Н. (Анадырь)</i> Влияние рыночных реформ на оленеводство Чукотского автономного округа: социальные последствия, способы оптимизации	114
<i>Кривоногов В.П., к.и.н. (Красноярск)</i> Этнические последствия перехода кочевников-оленьеводов к оседлости (на примере енисейских ненцев)	118
<i>Южаков А.А., к.с.-х.н. (Салехард)</i> Опыт социально-экономического обследования кочующих хозяйств Ямальной тундры	122
<i>Цыдыпова Б.Д. (Улан-Удэ)</i> Проблемы женской занятости и безработицы в Республике Бурятия в переходный период	124
<i>Логинова Л.В., к.э.н., Матвеев А.М. (Красноярск)</i> Особенности развития традиционных отраслей хозяйствования в Эвенкийском автономном округе	130
<i>Стороженко А.А. (Кызыл)</i> Роль старообрядцев в процессе хозяйственного освоения Тувы русскими переселенцами в конце XIX – начале XX века	134
<i>Каташев М.С. (Горно-Алтайск)</i> Социально-экологические последствия хозяйственного освоения Горного Алтая в 1960–1980-е годы	137
<i>Букин С.С., д.и.н., Далгалюк А.А., к.и.н. (Новосибирск)</i> Экологические проблемы в восприятии жителей сибирских городов	142
<i>Осипова Л.П., к.биол.н. (Новосибирск)</i> Характер взаимодействий коренного населения с техногенной цивилизацией в условиях социальных преобразований и экологического стресса (на примере Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа)	146
<i>Сергеева А.И. (Кызыл)</i> Социальная дифференциация тувинского общества в конце XIX – начале XX века	151

Раздел IV

САМОСОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Еремин С.Н., к.филос.н. (Новосибирск)</i> Наука и образование как факторы межэтнической интеграции	155
<i>Андерсон Д., д-р философии (Абердин, Великобритания)</i> Проблемы трансформации этнического сознания у коренных народов Таймыра	160
<i>Мархинин В.В., д.филос.н. (Сургут), Удалова И.В., к.филос.н. (Новосибирск)</i> Социокультурные проблемы и межэтнические отношения в национально-смешанных поселениях Ханты-Мансийского автономного округа (по материалам социологических экспедиций 90-х годов)	163
<i>Хайруллина Н.Г., к.соц.н. (Тюмень)</i> Этническое самосознание аборигенных народов Севера (по результатам социологических исследований)	171
<i>Жигунова М.А. (Омск)</i> Русские Сибири: современные этнокультурные и этносоциальные процессы (на примере Среднего Прииртышья)	177
<i>Даваа Е.К. (Кызыл)</i> Отношение человека к природе в традиционной культуре тувинцев	180
<i>Курбатский Г.Н. к.и.н. (Кызыл)</i> Отражение социального сознания тувинцев в фольклоре	182
<i>Боргоякова Т.Г., к.ф.н. (Абакан)</i> Языковое законодательство и проблемы функционирования хакасского языка	189
<i>Данькина Н.А. (Абакан)</i> Национальная интеллигенция Хакасии в 20–30-е годы XX века: проблемы формирования	192

Раздел V

ПРАВО. ПОЛИТИКА. УПРАВЛЕНИЕ

<i>Черненко А.К., д.филос.н. (Новосибирск)</i> Формирование российской правовой системы и ее этносоциальные особенности	196
<i>Климова Т.В., к.соц.н. (Алматы, Казахстан)</i> Интеграционное взаимодействие государств – участников Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве в социальной сфере и сфере трудовых отношений	201

<i>Крюков В.А., Рафиков Р.Г., к.и.н. (Красноярск)</i> Проблемы реализации Концепции государственной национальной политики в Восточной Сибири (1966–1999 гг.)	210
<i>Максимов А.А., (Сыктывкар)</i> Отношения партнерства с народами Севера	217
<i>Терентьева М.Н., (Новосибирск)</i> Национальное самосознание как объект политического воздействия государства	221
<i>Цихоцкий А.В., д.ю.н. (Новосибирск)</i> Правовое неравенство как принцип государственной политики антисемитизма	227
<i>Левочкин В.В. (Омск)</i> Использование ретроспективного подхода для анализа и оптимизации системы управления экономикой региона: необходимость и возможность	231
<i>Доржу З.Ю., д.и.н. (Кызыл)</i> Общественные организации и политические партии современной Тувы	235
<i>Майничева А.Ю., к.и.н. (Новосибирск)</i> Деятельность национальных объединений г. Новосибирска и Новосибирской области	239

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выводы и рекомендации международного семинара “Этносоциальные процессы в Сибири: проблемы и решения на рубеже XXI века”	244
---	-----